РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ

1880.

II.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ:

Петръ Алексѣевъ.—Письма Ю. Ѳ. Самарина.—Записки А. А. Эйлера.—Записки А. С. Пушкина и письма къ нему Дельвига, Гоголя и кавалеристъ-дѣвицы.

МОСКВА.

Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ Корзинкина.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, д. Баженовой) продаются оставшіеся экземпляры трехъ послѣднихъ годовыхъ изданій **РУССКАГО АРХИВА** (въ девяти книгахъ).

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877.

Записки **Г. С. Винскаго**.
Біографія канцлера князя Безбородки.
Бумаги контръ-адмирала **Истомина**.
Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго**.
Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго**.
Старая Записная книжка.
Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера**.

КНИГА ВТОРАЯ 1877

Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.
Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).
Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.
Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.
Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле**.
Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова**.
Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой**.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877.

Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.
Записки декабриста **П. И. Фаленберга**.
Дневникъ **графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго**.
Анекдоты прошлаго столѣтія.
Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.
Разсказы **графа М. А. Дмитріева-Мамонова**.
Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина** и **И. Г. Поливанова**.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878.

Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 года.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина**
Записки **Марьи Серѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина**.
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны**, **Екатерины Второй**, императора **Александра Павловича**, князя **Суворова** и проч.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ.

1880.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ

1880.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ Корзинкина.
1880.

Елисаветинскіе лейбъ-кампанцы.

Русская Исторія должна помнить имена людей, которые освободили Россію отъ Нѣмецкаго преобладанія въ управленіи и доставили Русскій престолъ дочери Петра Великаго. Ея воцареніе дало покой угнетенной Россіи, а ея царствованіе подготовило силы, которыми такъ славно воспользовалась великая Екатерина. П. Б.

О лейбъ-кампанскомъ корпусѣ.

Лейбъ-кампанія учреждена изъ гренадерской роты Преображенскаго полка, по именному высочайшему указу императрицы Елисаветы Петровны, послѣдовавшему въ 31 день Декабря 1741 года (Пол. Соб. Зак. № 8491), въ ознаменованіе того важнаго событія, что эта рота первая признала ее Императрицею и наиболѣе содѣйствовала къ возведенію ея на Всероссійскій престолъ. По сему указу Императрица, учредя лейбъ-кампанію, сама приняла въ ней званіе капитана и подчинила ее непосредственному своему вѣдѣнію. Прочіе чины въ ротѣ повышены въ высокіе ранги и съ особымъ высшимъ, противъ полковъ гвардіи, содержаніемъ изъ доходовъ Соляной Конторы. По штату лейбъ-кампаніи капитанъ-поручикъ ея равнялся полному генералу арміи, поручикъ—генералъ-лейтенанту, подпоручикъ—генералъ-маіору, адъютантъ—бригадиру, прапорщикъ—полковнику, сержантъ—подполковнику, вице-сержантъ—преміеръ-маіору, подпрапорщикъ и каптенармусъ—секундъ-маіору, капралъ — капитану, вице капралъ — капитанъ-поручику, лѣкарь — капитану, писарь — поручику, подлѣкарь — прапорщику арміи. Всѣ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые возведены въ потомственное дворянское достоинство, кто его не имѣлъ, съ надѣленіемъ каждаго помѣстьями съ крестьянами отъ 29 до 900 душъ. Покровительство лейбъ-кампанцамъ, какъ видно изъ списка, оказывалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ, показанный въ спискѣ подъ № 2-мъ сержантъ Петръ Суринъ, изъ крестьянъ, безграмотный, получилъ 500 душъ крестьянъ и въ отставку уволенъ генералъ-маіоромъ. Многіе изъ нихъ находились потомъ за разныя продерзости подъ военнымъ судомъ и за то исключались изъ лейбъ-кампаніи штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ армейскіе полки. Напримѣръ: вице-сержантъ, изъ дворянъ, Никифоръ

Скворцовъ, съ пониженіемъ, секундъ-маіоромъ; капралъ Аѳанасій Кожевниковъ, изъ крестьянъ, безграмотный,—капитаномъ; значущіеся по списку гренадеры: подъ № 28, Ѳедоръ Поповъ, тоже изъ крестьянъ безграмотный, — подпоручикомъ; подъ № 41-мъ, Алексѣй Усачевъ, изъ солдатскихъ дѣтей, безграмотный же—поручикомъ и пр.

Простые гренадеры увольнялись въ отставку съ награжденіемъ офицерскими же чинами. Напримѣръ, показанный подъ № 310, изъ дворянъ, грамотный, Василій Кобылинъ—капитаномъ; подъ № 315 и 317-мъ Иванъ Сычевскій и Михаилъ Ивановъ оба изъ Малороссіянъ, грамотные,—секундъ-маіорами и т. д.

Въ спискѣ, въ числѣ первѣйшихъ лицъ помѣщены: въ чинѣ поручика графъ Алексѣй Разумовскій, неженатый, и графъ Михаилъ Воронцовъ, и въ чинѣ подпоручика графы: Александръ и Петръ Шуваловы и Иванъ Гендриковъ. Четверо послѣдніе женатыми. Изъ него же видны и другія не менѣе интересныя для исторіи данныя.

Лейбъ-кампанскій корпусъ во все царствованіе Елисаветы Петровны составлялъ ея тѣлохранителей и уничтоженъ въ царствованіе императора Петра Ѳедоровича указомъ 21-го Марта 1762 года (Пол. Соб. Зак. № 11480), съ небольшимъ за три мѣсяца до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II-ой.

Кстати при этомъ замѣтить, что изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ восшествію на престолъ Екатерины II-й, награждены, можно сказать, осыпаны чинами, орденами, богатствами и проч. графы Орловы, Кирилъ Разумовскій, князь Потемкинъ и другіе, только принадлежавшіе къ привилегированному сословію; а происходившіе изъ простаго званія нижніе чины далеко не на столько были награждены, какъ лейбъ-кампанцы. Тутъ, вѣроятно, было принято въ соображеніе экономическое положеніе государства, именно, чтобъ не увеличивать безъ мѣры дворянства, какъ сословія, жившаго на счетъ труда земледѣльцевъ, ремесленниковъ и другихъ производительныхъ классовъ народа.

Григорій Александровъ.

7 Марта 1880 года.
Москва.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

Ея Императорскаго Величества лейбъ-кампанiи чинамъ

1741—1759 годовъ.

Примѣчанiе. Корпусъ сей уничтоженъ по именному высочайшему указу Марта въ 21 день 1762 года состоявшемуся, изъ коего часть людей отставлены отъ службы, а другiе распредѣлены въ разные полки и въ бывшiй кавалергардскiй корпусъ. (О семъ смотри дѣло по описи приказнаго стола св. № 201 о лейбъ-кампанiи).

Сокращенiя: У—умѣетъ грамотѣ.
„ Ж—женатъ.
„ Н—нѣтъ.
Испомѣщенъ—гдѣ имѣетъ помѣстья.

Сочиненъ въ 1750 году Ильею Петровымъ и дополненъ по 1760 годъ (кѣмъ — неизвѣстно).

Изъ дѣлъ Воен. Канц., оп. 120, № 141.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Капитанъ Ея Императорское Величество . .			1741 года Декабря съ 31 числа.			
	Капитанъ-поручикъ Его Свѣтлость ландъ - графъ Гессенъ Гомбургскій . . .				Изъ генералъ-фельдцейхмейстеровъ.		
	Поручики:				Изъ дѣйствительныхъ камергеровъ.		
	Графъ Алексѣй Разумовскій		1748			1745 г. Ноября 25 въ капитанъ-поручики.	
	Графъ Михаилъ Воронцовъ.						
	Подпоручики:						
	Графъ Александръ Шуваловъ.					1745 г. Ноября 25 въ поручики.	
	Графъ Петръ Шуваловъ . .						
	Графъ Иванъ Гендриковъ. . *Прим.* Пожалованъ по учрежденіи лейбъ-кампаніи.	При рѣ 1744	Дво-съ г.	1747 г. Сентября съ 5.	Изъ камергеровъ Ея Императорскаго Высочества.		
	Адъютантъ въ печатномъ указѣ требуется въ добавокъ .						

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
					Отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отъиде 1761 г. Декабря 25.	
	У.	Ж.			1745 г. Октября 12 въ городѣ Берлинѣ умеръ.	
	У.	Н.				
	У.	Ж.				
	У.	Ж.				
	У.	Ж.			1762 г. Января 4 умеръ.	Одинъ сынъ.
	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ кампаніи.			
	Прапорщикъ Юрья Гринштейнъ. . . . *Прим.* По крещеніи имя ему было Петръ.		1739	1741 года Декабря съ 17 числа.	Изъ солдатъ Л.-Гв. Преображенскаго полка.	1742 г. Іюля 9 въ адъютанты.	Изъ иноземцевъ.
	Сержанты:				Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		
1	Ефимъ Зотовъ. . . . . . *Прим.* Выбылъ.	1724	1728			1742 г. Іюля 9 въ прапорщики, 1745 Октября 19 въ адъютанты.	Изъ крестьянъ Верейскаго уѣзда.
2	Петръ Суринъ	1724	1728				Изъ крестьянъ уѣзда Верейскаго.
3	Данила Журавлевъ. . . . *Прим.* Адъютантъ.	1723	1730			1745 г. Октября 19 въ прапорщики, 1746 г. Ноября 25 въ адъютанты.	Изъ крестьянъ Бѣлоозерскаго уѣзда.
4	Андрей Улучкинъ. . . . . . *Прим.* Прапорщикъ.	1711	1728			1746 г. Ноября 25 въ прапорщики.	Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
5	Михаилъ Ахлестышевъ . .		1728				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Ярославля.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пензенскомъ уѣздѣ 927 душъ.	У.	Ж.	1	1745 г. Октября 19 изъ лейбъ кампаніи выключенъ, который содержался въ тайной канцеляріи.		
Въ Московскомъ и Каширскомъ уѣздахъ 682 души.	У.	Ж.			1746 г. Іюня 8.	Жена Пелагея Екимова, да дочь родившаяся въ лейбъ-кампаніи.
Въ Серпуховскомъ уѣздѣ 500 душъ.	Н.	Ж.	1	1756 г. Ноября 25 въ вѣчную отставку генералъ-маіоромъ.		
Въ Каширскомъ 543 души.	У.	Ж.				
Въ Каширскомъ и Серпуховскомъ 537.	У.	Ж.				
Въ Звенигородскомъ 469.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
6	Яковъ Игнатьевъ. . . .		1737	1741 г. Декабря съ 17 числа.	Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ церковниковъ г. Москвы.
7	Михаилъ Осиповъ		1739				Изъ церковниковъ г. Мурома.
8	Никита Савинъ		1738			Сначала былъ 1741 г. Декабря по 24 число капраломъ, а съ того числа сержантомъ.	Изъ церковниковъ г. Москвы.
	Вице сержанты:						
1	Никифоръ Скворцовъ . .		1728	1741 года Декабря съ 31 числа.	Преображенскаго полка гренадерской роты изъ сержантовъ.		Изъ дворянъ Торопецкаго уѣзда.
2	Василій Храповицкій . . .		1731			1746 г. Ноября 25 въ сержанты.	Изъ дворянъ Смоленскаго уѣзда.
3	Гуръ Куломзинъ		1730			1746 г. Ноября 25 въ сержанты.	Изъ дворянъ Костромскаго уѣзда.
4	Иванъ Блохинъ.		1737				Изъ дворянъ Пензенскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Серпуховскомъ 500 душъ.	У.	Ж.				
Въ Серпуховскомъ 500 душъ.	У	Ж				
Въ Серпуховскомъ 500.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 50 душъ.	У.	Н.	1	1743 г Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости съ пониженіемъ въ полки секундъ-маіоромъ.		
Въ Пошехоньѣ 50.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 50.	У.	Ж.			1749 г. Ноября 30.	Жена Татьяна Семенова дочь, дѣти родившіяся въ лейбъ-кампаніи Илья, Василій, дочь Авдотья.
Въ Пошехоньѣ 50.	У.	Ж.		1745 г. Марта 19 полковникомъ и въ Казань комендантомъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
5	Петръ Щербачевъ		1733	1741 г. Декаб. съ 31 числа.	Преображенскаго полка гренадерской роты изъ сержантовъ	1746 г. Ноября 25 въ сержанты.	Изъ дворянъ Козельскаго уѣзда.
6	Матвѣй Ивинскій . . . . . . *Прим.* Оный г. Ивинскій нынѣ по списку состоитъ подъ г. Храповицкимъ.		1736	1741 г. Декабря съ 17.	Гренадерской же роты изъ фурьеровъ.	Сначала былъ 1741 г. Декабря по 31 капраломъ, а съ того числа вице-сержантомъ. 1746 г. Ноября съ 25 сержантомъ	Изъ дворянъ Юрьево-Польскаго уѣзда.
	Подпрапорщикъ Петръ Языковъ . . .	1737	1737	Съ 31.	Изъ сержантовъ.	1746 г. Ноября 25 въ вице-сержанты, 1758 г. Ноября 25 въ сержанты.	Изъ дворянъ Симбирскаго уѣзда.
	Квартермистръ князь Григорій Кильдишевъ		1735	Съ 31.	Изъ каптенармусовъ.	1746 г. Ноября 25 въ вице-сержанты, 1758 г. Ноября 25 въ сержанты.	Изъ дворянъ Кадомскаго уѣзда.
	Капралы:						
1	Архипъ Лукинъ.		1730	1741 г. Декабря съ 31.	Изъ кантернамусовъ.	1746 г. Ноября 25 въ вице-сержанты.	Изъ дворянъ Симбирскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 50.	У.	Ж.		1756 г. Ноября 25 въ вѣчную отставку бригадиромъ.		
Въ Пошехоньѣ 50 душъ.	У.	Ж.	1	1743 г. Апрѣля 10 въ полки преміеръ-маіоромъ и взятъ по прежнему въ лейбъ-кампанію въ вице-сержанты 1743 г. Ноября 25.		
Въ Пошехоньѣ 45.	У.	Ж.	1			
Въ Пошехоньѣ 45.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 40.	У.	Ж.			1755 г. Іюля 19.	Осталась жена Анна Иванова дочь, дѣти малолѣтные Петръ и Сергѣй.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ Гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
2	Григорій Съѣдинъ . . .	1724	1729	Съ 17.	Изъ гренадеръ.	1746 г. Ноября 25 въ вице-сержанты, 1758 Ноября 25 въ сержанты	Изъ однодворцевъ Бѣлгородскаго уѣзда.
3	Василій Киселевъ	1724	1729	Съ 17.	Изъ гренадеръ.		Изъ однодворцевъ г. Усмани.
4	Никифоръ Максимовъ . .	1708	1726	Съ 17.	Изъ гренадеръ Семеновскаго полка.		Изъ людей боярскихъ Угличскаго уѣзда.
5	Петръ Жердинъ.		1738	Съ 17.	Преображенскаго полка гренадерской роты изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
6	Романъ Шапошниковъ. .	1703	1718	Съ 17.			Изъ солдатскихъ дѣтей Казанскаго уѣзда.
7	Ларіонъ Волковъ.	1708	1714	Съ 17.			Изъ крестьянъ Тобольскаго уѣзда.
8	Леонтій Трусовъ.	1708	1714	Съ 17.			Изъ крестьянъ Владимірскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 40.	Н.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 40.	Н.	Ж.	2		1758 г. Марта 16, будучи въ отпуску.	
Въ Пошехоньѣ 40.	Н.	Ж.	2		1748 г. Апрѣля 8.	Жена Матрена Егорова дочь, и съ пасынкомъ его.
Въ Пошехоньѣ 40 душъ.	Н.	Ж.	1			
40.	Н.	Ж.		1748 г. Мая 5, за старостію и болѣзнями, въ вѣчную отставку подполковникомъ.		
40.	Н.	Н.			1758 г. Марта 7 дня.	Осталась жена Наталья Андреева дочь.
40.	Н.	Ж.			1755 г. Ноября 12 числа.	Осталась жена Ѳекла Герасимова дочь, да дочь Варвара Леонтьева, которая въ замужествѣ за вице-капраломъ Сечeновымъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
9	Василій Талеровъ	1709	1728	1741 года Декабря съ 17 числа.	Преображенскаго полка гренадерской роты изъ гренадеръ.		Изъ иноземцевъ Саксонской націи.
10	Василій Баскаковъ. . . .	1709	1730				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Смоленска.
11	Аѳанасій Кожевниковъ . .	1710	1728				Изъ крестьянъ Переяславо-Залѣскаго уѣзда.
12	Степанъ Шерстовъ . .		1726		Той же роты изъ капраловъ.	1741 г. Декабря по 31 былъ гренадеромъ, а того числа въ капралы.	Изъ дворянъ Одоевскаго уѣзда.
	Вице-капралы:						
1	Князь Василій Вадбольскій		1729	1741 г. Декаб. съ 31.	Той же роты изъ капраловъ.	1746 г Ноября 25 въ капралы.	Изъ дворянъ Галичскаго уѣзда.
2	Филатъ Хлуденевъ		1729	Съ 17.	Той же роты изъ капраловъ.	1741 г. Декабря по 31 былъ гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ, 1746 г. Ноября 25 въ капралы.	Изъ дворянъ Переяславо-Залѣскаго уѣзда.
3	Иванъ Козловъ.		1736	Съ 31.		1746 г. Ноября 25 въ капралы.	Изъ дворянъ Ржево-Владимірскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 40 душъ.	Н.	Ж.				
40.	У.	Ж.	2		1748 г. Марта 29.	Сынъ Θедоръ, родившійся до лейбъ-кампаніи.
40.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4 по воинскому суду, за продерзости, въ полки капитаномъ.		
40.	У.	Ж.			1752 г. Октября 8.	Жена Матрена Θедорова, да дочь Анна 5-ти лѣтъ.
35 душъ въ Пошехоньѣ.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 35 душъ.	Н.	Ж.				
35.	У.	Ж.			1747 г. Ноября 24 числа.	Жена Марфа Артемьева, да дочь ея Екатерина.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Служба ихъ. Въ гвардіи.	Служба ихъ. Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
4	Өедоръ Васьковъ		1727	Съ 17.	Той же роты изъ капраловъ	1741 г. Декабря по 31 былъ гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ, 1746 г. Ноября 25 въ капралы.	Изъ дворянъ Ярославскаго уѣзда.
5	Ефимъ Ласунскій		1733	1741 г. Декабря съ 20.		Сначала былъ 1741 г. Декабря по 31 гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ, 1746 Ноября 25 въ квартермейстеры.	Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.
6	Григорій Травинъ		1727	Съ 17.		1741 г. Декабря по 31 былъ гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ, 1746 г. Ноября 25 въ подпрапорщики.	Изъ дворянъ Пошехонскаго уѣзда.
7	Алексѣй Языковъ.		1729	Съ 17.		1741 г. Декабря по 31 число былъ гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ 1754 г. Ноября 24 капраломъ.	Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
35.	У.	Ж.			1757 г. Февраля 11 числа.	Жена Василиса Васильева, сынъ Семеновскаго полка капралъ Николай, дочь Марья.
Въ Пошехоньѣ 35 душъ.	У.	Ж.			1756 г. Января 3.	Жена Марфа Васильева, сыновья: лейбъ-кампаніи гренадеръ Михаилъ, Семеновскаго полка сержантъ, Калина, фурьеръ Василій, недоросль Алексѣй, дочери: Маланья и Настасья.
35.	У.	Ж.				
35.	У.	Ж.			1755.	

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
8	Герасимъ Романовъ. . . *Прим.* Настоящая его фамилія *Рахманиновъ* такъ и въ патентѣ значитъ.		1737	Съ 31.	Той же роты изъ капраловъ.	1754 г. Ноября 24 изъ вице-капраловъ въ капралы.	Изъ дворянъ Переславль-Рязанскаго уѣзда.
9	Матвѣй Коробовъ	1722	1729	Съ 17.		1741 г. Декабря по 31 число былъ гренадеромъ, а съ того числа вице-капраломъ.	Изъ дворянъ Владимірскаго уѣзда.
10	Наумъ Щукинъ.		1731	Съ 17.		1741 г. Декабря по 31 былъ гренадеромъ, а потомъ вице-капраломъ, 1757 г. Ноября 24 капраломъ.	Изъ дворянъ Перемышльскаго уѣзда.
11	Григорій Ножевниковъ . .	1730	1740	1741 г. Декаб. съ 17.	Той же роты изъ гренадеръ.	1741 г. Декабря по 31 гренадеромъ былъ, а съ того числа вице-капраломъ.	Изъ рейтарскихъ дѣтей Тульскаго уѣзда.
12	Василій Чичаговъ	1711	1722	Съ 17.		1741 г. Декабря по 31 гренадеромъ былъ, а потомъ вице-капраломъ.	Изъ дворянъ Костромскаго уѣздз.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
35.	У.	Ж.				
35.	У.	Ж.			1747 г. Іюля 13 будучи въ отпуску.	Жена Елисавета Данилова съ дочерью Анною.
35.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 35 душъ.	Н.	Ж.			1752 г. Мая 24 числа.	Жена Анна Васильева дочь, дѣти первой жены: Дмитрій и Маркъ, которые служатъ л.-гв. въ Семеновскомъ полку солдатами, а съ оною Васильевою прижитъ сынъ Михаилъ, отъ роду ему 4-й годъ.
35.	У.	Ж.		1748 г. Мая 5 за старостію и болѣзнями въ вѣчную отставку преміеръ-маіоромъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Гренадеры:						
1	Климъ Шалимовъ	1703	1711	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л. гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.	1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ монастырскихъ слугъ Вологодскаго уѣзда.
2	Яковъ Тутуровъ	1711	1714				Изъ крестьянъ Алаторскаго уѣзда.
3	Алексѣй Гребенщиковъ . .	1711	1714				Изъ конюшеннаго чина города Нижняго.
4	Антропъ Соколовъ	1711	1714				Изъ крестьянъ.
5	Василій Мясниковъ. . . .	1712	1721				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Тобольска.
6	Дементій Щербаковъ. .	1703	1721				Изъ крестьянъ.
7	Андрей Дегтяревъ		1722		Изъ гренадеръ Семеновскаго полка.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
29.	Н.	Ж.			1750 г. Января 13.	Два сына родившіеся до лейбъ-кампаніи: Петръ и Степанъ л.-гв. въ Преображенскомъ полку солдатами, Кузьма въ полевыхъ полкахъ капраломъ.
29.	Н.	Ж.			1745 г. Октября 30.	Жена Авдотья Родіонова дочь, да сынъ Михаилъ родился до лейбъ-кампаніи.
29.	Н.	Ж.			1751 г. Іюня 14.	Жена Наталья Ларіонова дочь, сыновья, Василій да Иванъ, дочь Василиса.
	Н.	Ж.			1742 г. Января 7.	Жена Домна Иванова дочь.
29.	Н.	Ж.	4.		1747 г. Ноября 8.	Жена Пелагея Васильева, да дочь родившаяся до лейбъ-кампаніи.
	Н.	Ж.			1742 г. Января 23.	Жена Марья Борисова дочь.
29.	Н.	Ж.			1751 г. Іюня 11.	Послѣ его осталась жена Прасковья Петрова дочь, да дочь Авдотья, которая въ замужествѣ за копіистомъ лейбъ-кампаніи Бутримовымъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
8	Петръ Симоновъ	1722	1725	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-г. въ Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ подъяческихъ дѣтей Нижняго города.
9	Игнатій Муравьевъ. . . .	1722	1724				Изъ барскихъ людей Арзамаскаго уѣзда.
10	Алексѣй Матеровъ	1718	1727				Изъ крестьянъ Дмитровскаго уѣзда.
11	Ѳома Мордовинъ	1710	1727			1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ однодворческихъ дѣтей Троицкаго Острога Воронежской губерніи.
12	Игнатій Меренковъ. . . .	1711	1727				Изъ однодворцевъ г. Ельца.
13	Ерофей Кириловъ	1714	1727				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
14	Алексѣй Хобаровъ	1719	1727				Изъ однодворческихъ дѣтей г. Козлова.
15	Алексѣй Горюновъ. . . .	1724	1727				Изъ крестьянъ Козельскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
29.	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1749 г. Іюня 21.	Жена Аграфена Григорьева дочь, да родная дочь Акулина, которая родилась до лейбъ-кампаніи.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.		1748 г. Мая 5 за неспособностію и безумствомъ отосланъ въ Сенатъ поручикомъ.		
29.	Н.	Ж.			1744 г. Ноября 7.	Сынъ родной Алексѣй 14 лѣтъ, да жена Ирина Васильева, вышла за гренадера Коробкова.
29.	Н.	Н.				
29.	Н.	Ж.	3		1756 г. Іюля 21.	Остались дочери: Авдотья Преображенскаго полка за солдатомъ Козловымъ, Аграфена лейбъ-кампаніи за фельдшеромъ Рубчиковымъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
16	Козьма Балашевъ. . . .	1709	1727	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ монастырскихъ слугъ Вологодскаго уѣзда
17	Калина Увакинъ	1721	1728				Изъ крестьянъ Юрьева Повольскаго уѣзда.
18	Козьма Екимовъ	1714	1728			1754 г. Ноября 24 вице - капраломъ.	Изъ однодворцевъ Воронежской губ. города Землянска.
19	Ларіонъ Русеновъ	1722	1728				Изъ крестьянъ Тверскаго уѣзда.
20	Семенъ Лучковъ	1708	1728				Изъ людей боярскихъ г. Москвы.
21	Филатъ Козловъ	1711	1728				Изъ крестьянъ Рузскаго уѣзда.
22	Петръ Давыдовъ.	1722	1728				Солдатскій сынъ г. Москвы.
23	Кондратій Сычевъ. . . . *Прим.* Ему крестьянъ не дано, ибо онъ до пожалованія оныхъ умеръ.	1714	1728				Изъ крестьянъ Воронежскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
29.	Н.	Ж.	1		1752 г. Октября 16.	Сынъ родной Михаилъ.
29.	Н.	Ж.				Жена Авдотья Иванова, дѣти: сынъ Өедоръ 23 лѣтъ, въ службѣ въ Преображенскомъ полку капраломъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1756 г. Января 12.	Жена Прасковья Алексѣева, дѣти Яковъ и Өедотъ, которые служатъ въ Преображенскомъ полку солдатами.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Н.			1749 г. Марта 6.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	1		1748 г. Декабря 3.	Жена Марья Григорьева, дѣти родившіяся до лейбъ-кампаніи, Андрей солдатомъ въ гвардіи, Петръ 10 лѣтъ.
	Н.	Ж.			1742 г. Іюня 4.	Жена Наталья Өедорова дочь.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
24	Тихонъ Шераповъ	1721	1728	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ		Изъ крестьянъ Великоустюжскаго уѣзда.
25	Алексѣй Епанчинъ. . .	1719	1728				Изъ барскихъ людей Дмитровскаго уѣзда.
26	Филиппъ Кобылинъ	1721	1728				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
27	Лукьянъ Рябиковъ	1724	1728				Изъ крестьянъ Переславль-Залѣскаго уѣзда.
28	Θедоръ Поповъ	1724	1728				Изъ крестьянъ Бѣлогородской губерніи, Холмогорскаго уѣзда.
29	Θедоръ Старковъ	1722	1728			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы, 1754 Ноября 24 въ капралы.	Изъ барскихъ людей Московскаго уѣзда.
30	Григорій Шаминъ	1722	1728				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
31	Ипатъ Гавриловъ	1724	1728				Изъ крестьянъ Темниковскаго уѣзда.
32	Василій Михайловъ. . . .	1723	1728				Польской націи, мѣстечка Кракова.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1752 г. Октября 29.	Жена Домна Иванова дочь бездѣтна.
29.	Н.	Ж			1745 г. Ноября 14.	Жена Аграфена Алексѣева, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1743 г. Марта 29.	Жена Прасковья Θомина бездѣтна, вышла за гренадера Макѣева.
29.	У.	Ж.			1754 г. Января 6.	Былъ вдовъ.
29.	Н.	Ж.		1745 г. Ноября 6, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	У.	Ж.	1		1756 г. Мая 10.	Жена Марья Θедорова, сынъ Андрей, который въ артиллеріи ученикомъ, дочь Екатерина, которая въ замужествѣ за гренадеромъ лейбъ-кампаніиМуромцевымъ.
29.	Н.	Ж.			1750 г. Мая 26.	Жена Дарья Естифѣева дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.	4			
29.	Н.	Ж.	1			

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
33	Гаврила Наумовъ.	1711	1728	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Курскаго уѣзда.
34	Корней Карташевъ	1715	1728				Изъ крестьянъ Вяземскаго уѣзда.
35	Данила Чистяковъ. . . .	1722	1728				Изъ стрѣлецкихъ дѣтей Архангелогородской губерніи.
36	Ѳедоръ Григорьевъ	1711	1728				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.
37	Василій Шатиловъ	1722	1728				Изъ однодворцевъ Ряжскаго уѣзда.
38	Никита Максинъ.	1720	1728				Изъ крестьянъ Верейскаго уѣзда.
39	Иванъ Барсуковъ	1718	1728				Изъ крестьянъ Вологодскаго уѣзда.
40	Иванъ Лошкаревъ	1717	1728				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
29.	Н.	Ж.				
29	Н.	Ж.			1752 г. Іюня 17.	Жена Марья Васильева, дочери: Екатерина 16, Федосья 13 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1757 г. Апрѣля 2.	Жена Марья Ѳедотова, дѣти: Семенъ въ Преображенскомъ полку капраломъ, Данила въ С.-Петербургской портовой таможнѣ юнкеромъ.
29.	Н.	Ж.			1754 г. Марта 27.	Дѣти, дочери: Елена за гренадеромъ Тихономъ Нероновымъ, другая, Марья Васильевы, дочери л.-гв. Измайловскаго полка за солдатомъ Исаемъ Смецкимъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	1		1758 г. Апрѣля 13.	Жена Степанида Андреянова, дочь Екатерина 7 лѣтъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
41	Алексѣй Усачевъ	1726	1728	1741 года декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
42	Василій Скобельцинъ . . .	1719	1728				Изъ крестьянъ Юрьева Польскаго уѣзда.
43	Иванъ Сигаевъ	1722	1728				Изъ однодворческихъ дѣтей г. Данкова.
44	Никифоръ Ларіоновъ. . . .	1724	1728				Изъ крестьянъ Владимірскаго уѣзда.
45	Ананій Гаринъ.	1714	1728				Изъ крестьянъ Владимірскаго уѣзда.
46	Иванъ Морзовскій	1722	1728				Изъ казачьихъ дѣтей г. Томска.
47	Осипъ Свѣшниковъ	1722	1728				Изъ дворянъ Новгородской губ. Псковской провинціи.
48	Иванъ Подрѣзовъ	1723	1728				Изъ крестьянъ Архангелогородской губ. Кевральскаго уѣзда.
49	Василій Андреевскій . . .	1715	1728				Изъ однодворцевъ г. Смоленска.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.		1748 г. Мая 19 за продерзости, который содержался въ тайной канцеляріи, въ полки поручикомъ.		
29.	Н.	Ж.	2		1744 г. Апрѣля 30.	Жена Акулина Иванова, съ пасынкомъ его, а съ своимъ сыномъ.
29.	Н.	Ж.	6			
29.	Н.	Ж.	1			
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Н.	10		1746 г. Іюня 22.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	1			
29.	Н.	Ж.	3		1747 г. Іюля 30.	Жена Ульяна Ѳедорова, и два сына родившіеся до лейбъ-кампаніи.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
50	Василій Коркотинъ	1720	1728	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Юрьева Польскаго уѣзда.
51	Гаврила Лаптевъ.	1715	1728				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
52	Лукьянъ Вороновъ	1721	1728				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
53	Козьма Вайниковъ		1728				Изъ дворянъ Переславль-Рязанскаго уѣзда.
54	Прохоръ Кокорюкинъ. . .	1721	1728				Изъ крестьянъ Ряжскаго уѣзда.
55	Иванъ Замятинъ.		1728				Изъ дворянъ Романовскаго уѣзда.
56	Стефанъ Шкаринъ	1722	1728				Изъ крестьянъ Шацкаго уѣзда.
57	Никита Кузнецовъ	1711	1729				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Тобольска.
58	Иванъ Елчаниновъ . . .		1729			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Ржева Владимірскаго уѣзд.
59	Иванъ Жихмановъ		1729			1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Ростовскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1751 г. Марта 21.	Жена Ирина Макарова, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1753 г. Іюня 30.	Жена Мавра Никитина, дѣти: Иванъ 15, Михаилъ 12, Иванъ 6 лѣтъ, дочь Марья, 9 лѣтъ.
29.	У.	Ж.			1757 г. Декабря 1.	
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.	2			
29.	Н.	Ж.			1748 г. умеръ будучи въ отпуску.	Жена Аксинья Семенова, да сынъ его родной Михаилъ, родился до лейбъ-кампаніи.
29.	Н.	Ж.			1753 г. Октября 5.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	У.	Ж.				
29.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
60	Андрей Волковъ		1729	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
61	Василій Слѣпцовъ.		1729				Изъ дворянъ Шацкаго уѣзда.
62	Ѳедоръ Брагинъ . . . . . *Примѣч.* Жалованными его крестьянами владѣетъ по духовной за 200 рубл. гренадеръ Тутуровъ, но токмо за нимъ справлено.	1714	1729				Изъ однодворцевъ Симбирской губерніи города Нарыма.
63	Ѳедоръ Заворуевъ. . . .	1722	1729				Изъ крестьянъ Кашинскаго уѣзда.
64	Лукьянъ Филипповъ. . . .	1724	1729				Изъ однодворцевъ Ряжскаго уѣзда.
65	Никита Булатовъ	1724	1729				Изъ однодворцевъ г. Костенка.
66	Кирилла Грицкій	1724	1729				Изъ однодворцевъ города Козлова.
67	Ѳедоръ Косыхъ	1724	1729				Изъ однодворцевъ города Ольшанска.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.	5		1744 г. Іюля 5.	Жена Наталья Семенова съ дѣтьми, родившимися до лейбъ-кампаніи.
29.	У.	Н.			1754 г. Мая 9.	Жены и дѣтей не осталось, а остался братъ его родной, Сенатской роты солдатъ Яковъ Слѣпцовъ.
29.	Н.	Н.			1744 г. Апрѣля 27.	Жены и дѣтей не осталось, былъ холостъ.
29.	Н	Ж.			1758 г. Октября 3.	Жена Марья Петрова дочь, сынъ Василій 7 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1755 г. Января 29.	Жена Степанида Петрова дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Н.				
29.	Н.	Ж.			у. 160	

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
68	Андрей Шуриновъ	1723	1729	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ дворянъ Елецкаго уѣзда.
69	Осипъ Уваровъ . . . . . *Прим.* Крестьянъ ему не дано, ибо онъ до пожалованія оныхъ выбылъ.	1720	1729				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Калуги.
70	Филиппъ Гундоровъ	1723	1729				Изъ рейтарскихъ дѣтей города Перемышля.
71	Ѳедосей Ляховъ	1724	1729				Изъ однодворцевъ города Ливны.
72	Василій Савенковъ. . . . *Прим.* Оставленъ былъ въ 1749 г. за болѣзнію въ Москвѣ и тамъ умеръ; извѣстіе о его смерти получено Іюля 18, 1750.	1724	1729				Изъ однодворцевъ города Ливны.
73	Степанъ Мячковъ.		1729				Изъ дворянъ Владимірскаго уѣзда.
74	Никита Сысоевъ	1712	1729			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Бѣжецкаго уѣзда.
75	Ефимъ Змѣевъ	1724	1729				Изъ дворянъ Коломенскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.				
	У.			1742 г. Іюля 12 за продерзости, въ полки поручикомъ.		
29.	Н.	Н.			1747 г. Февраля 22.	Былъ холостъ.
29.	Н.	Ж.			1759 г. Марта 12.	Былъ женатъ и осталась дочь, которая лейбъ-кампаніи за гренадеромъ Сергѣемъ Матюнинымъ.
29.	Н.	Н.			1750 г. Февраля 27.	Жена Ѳедосья Григорьева, бездѣтна.
29.	У.	Ж.	3		1746 г. Ноября 15.	Жена Авдотья Кузьмина, да дочь, родившаяся въ лейбъ кампаніи.
29.	Н.	Ж.	1		1749 г. Октября 1.	Жена Аксинья Варфоломеева, бездѣтна.
29.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
76	Анофрій Хлопковъ. . .	1719	1729	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ купечества г. Нижняго.
77	Сидоръ Малый	1714	1730				Изъ однодворцевъ города Ельца.
78	Демьянъ Коробовъ	1726	1730				Изъ дворянъ Владимірскаго уѣзда.
79	Өедоръ Глазовъ.	1721	1730				Изъ дворянъ Торопецкаго уѣзда.
80	Матвѣй Карташевъ		1730				Изъ дворянъ Бѣлевскаго уѣзда.
81	Гаврила Золотогрудовъ .	1721	1730				Изъ людей боярскихъ Каширскаго уѣзда.
82	Семенъ Бушуевъ.	1719	1730				Изъ монастырскихъ слугъ Ростовскаго уѣзда.
83	Абакумъ Шагинъ	1725	1730				Изъ крестьянъ Бѣжецкаго уѣзда.
84	Ефремъ Васильевъ. . . .	1727	1730				Изъ боярскихъ людей Переяславля-Рязанскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1748 г. Мая 27.	Жена Авдотья Никифорова, бездѣтна, вышла за гренадера Якова Педашевскаго, который умеръ.
29.	Н.	Ж.			1750 г. Мая 12.	Жена Марья Өедорова дочь, бездѣтна, вышла за гренадера Рябикова и потомъ умерла.
29.	Н.	Ж.		1748 г. Мая 5 за старостію и болѣзнями въ вѣчнуюотставку секундъ-маіоромъ.		
29.	Н.	Н.			1748 г. Ноября 22.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1747 г. Октября 16.	Жена Прасковья Яковлева дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1744 г. Сентября 15 въ Кіевѣ.	Жена Аксинья Варфоломеева, бездѣтна, вышла за гренадера Сысоева.
29.	Н.	Н.			1748 г. Апрѣля 26.	Жены и дѣтей не осталось.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
85	Евсевій Коргашинъ. . . .		1731	1741 года Декабря 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ дворянъ Тульскаго уѣзда.
86	Семенъ Кадниковъ	1725	1731				Изъ дворянъ
87	Герасимъ Картавцевъ .		1731				Изъ дворянъ Бѣлевскаго уѣзда.
88	Поликарпъ Колобовъ. . .		1732				Изъ барскихъ людей.
89	Ѳедотъ Елизаровъ	1725	1732				Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.
90	Гаврила Чернышевъ. . . .		1732				Изъ людей барскихъ г. Москвы.
91	Миронъ Артемьевъ. . . .	1714	1732				Изъ крестьянъ Юрьева-Ливанскаго уѣзда.
92	Никита Бурновъ.	1721	1733				Изъ крестьянъ Устюго-желѣзно-польскаго уѣзда.
93	Иванъ Ширковъ.		1733				Изъ дворянъ Шацкаго уѣзда.
94	Петръ Коропковъ. . . .	1724	1733				Изъ крестьянъ Курскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.			1755 г. Января 22 умеръ.	Жена Аксинья Карпова, дочь Анна 17 лѣтъ.
	Н.	Н.			1742 г. Января 22.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	У.	Ж.				
	Н.	Ж.			1742 г. Января 13.	Жена Авдотья Өедорова дочь.
29.	Н.	Ж.			1756 г. Декабря 27.	Умеръ въ деревнѣ, и такъ остался-ль послѣ его кто, неизвѣстно.
29.	Н.	Ж.	1		1757 г. Февраля 3.	Жена Анисья Варламова, сынъ Андрей, армейскій маіоръ, дочь Авдотья за армейскимъ капитаномъ.
29.	Н.	Ж				
29.	Н.	Ж	8		1748 г. будучи въ отпуску.	Жена Афимья Лазарева, дѣти Степанъ, Марөа.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	7		1750 г. Февраля 9.	Жена Ирина Васильева, бездѣтна.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
95	Тимоѳей Карповъ	1732	1733	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда.
96	Ѳедотъ Рудневъ.		1733				Изъ дворянъ Тульскаго уѣзда.
97	Кондратій Садовниковъ. . .		1733				Изъ барскихъ людей города Москвы.
98	Князь Ѳедоръ Мустафинъ.		1733				Изъ дворянъ Саранскаго уѣзда.
99	Анисимъ Аксеновъ.	1726	1733				Изъ крестьянъ Ржево-Владимірскаго уѣзда.
100	Иванъ Свіязевъ		1733				Изъ дворянъ Угличскаго уѣзда.
101	Иванъ Суховерковъ. . . .	1722	1733				Изъ однодворческихъ дѣтей Тамбовскаго уѣзда.
102	Егоръ Стоговъ.	1714	1733				Изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	П.	Ж.	1.		1746 г. Сентября 26.	Жена Ульяна Константинова, сынъ Сергѣй 4 лѣтъ.
29.	У.	Ж.			1753 г. Октября 14.	Жена Акулина Тарасова, дѣти: сынъ Миронъ 23 лѣтъ, который нынѣ гвардіи въ Измайловскомъ полку солдатомъ, Кондратій 7, дочь Екатерина 13 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.	1.		1745 г. Марта 22.	Жена Марья Иванова вышла за гренадера Грибошина.
29.	У.	Ж		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	П.	Ж.	2.		1756 г. Марта 28.	Кто остался неизвѣстно, ибо онъ умеръ въ деревнѣ.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	8.	1747 г. Апрѣля 13, за продерзости, въ полки прапорщикомъ.		
29.	П.	Ж.			1743 г. Мая 20.	Жена Аксинья Семенова бездѣтна, вышла за гренадера Шкарина.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
103	Петръ Лаховъ.	1727	1733	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Устюго-желѣзо-польскаго уѣзда.
104	Анисимъ Грызловъ. . .		1733				Изъ однодворцевъ Тульскаго уѣзда.
105	Григорій Черносвитовъ . .		1733				Изъ дворянъ Крапивинскаго уѣзда.
106	Иванъ Ярцевъ.		1733				Изъ дворянъ Пронскаго уѣзда.
107	Родіонъ Жабинъ.		1733				Изъ однодворцевъ Крапивинскаго уѣзда.
108	Ефимъ Мартьяновъ		1733			1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.
109	Семенъ Долгипинъ	1718	1733				Изъ крестьянъ Угличскаго уѣзда.
110	Василій Базановъ	1718	1733				Изъ однодворцевъ Муромскаго уѣзда.
111	Иванъ Васильевъ. . . .		1733				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1745 г. Февраля 12.	Жена Марѳа Ѳедорова дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1756 г. Мая 17.	Остались малолѣтнія дѣти: сынъ Дмитрій, дочь Ульяна.
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1752 г. Октября 13.	Жена Устинья Гаврилова, сынъ Семенъ 7 лѣтъ, дочери: Марья 18, Анна 14 лѣтъ.
29.		Н.			1743 г. Мая 22.	Жены и дѣтей не осталось, братъ родной дворцовой конюхъ Кирила Жабинъ.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1747 г. Ноября 14.	Жена Марья Петрова дочь, сынъ Сергѣй 3 недѣль, вышла за гренадера Заворуева.
29.	У.	Ж.	5.			
29.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
112	Мина Третьяковъ	1730	1733	1741 года Декабря 17 числа.	Л. гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Курскаго уѣзда.
113	Иванъ Третьяковъ	1730	1733				Изъ крестьянъ Бѣлоозерскаго уѣзда.
114	Григорій Андреевскій . . .	1725	1733				Изъ крестьянъ Новгородскаго уѣзда.
115	Алексѣй Вороновъ	1722	1733				Изъ казачьихъ дѣтей Сибири г. Тюмени.
116	Ѳедотъ Ухтомскій		1734				Изъ дворцовыхъ служителей г. Москвы.
117	Иванъ Белелибскій		1734				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Тулы.
118	Василій Черневъ.		1734				Изъ дворянъ Ростовскаго уѣзда.
119	Иванъ Уваровъ.		1735				Изъ дворянъ Калужскаго уѣзда.
120	Григорій Нечаевъ	1733	1735				Изъ крестьянъ Устюга-Великаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1743 г. Января 3.	Жена Анна Аѳанасьева, бездѣтна, вышла за гренадера Лошкарева и потомъ умерла.
29.	Н.	Ж.			1757 г. Августа 20.	Жена Матрена Петрова дочь, дѣти сыновья, Алексѣй 4 лѣтъ, Матвѣй и дочь Анна 3 недѣль.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1752 г. Сентября 13.	Жена Авдотья Акинфьева дочь, бездѣтна.
29.	У.	Ж.			1747 г. Декабря 10.	Жена Ирина Алексѣева, бездѣтна.
29.	У.	Ж.				
	У.	Ж.			1755 г. Апрѣля 20.	Жена Марья Васильева дочь, а дѣти есть ли неизвѣстно, ибо онъ умеръ будучи въ отпуску.
29.	Н.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
121	Макаръ Зыкинъ.		1735	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Хлыновскаго уѣзда.
122	Емельянъ Ворзинъ . . .	1735	1736				Изъ крестьянъ Устюго-Великаго уѣзда.
123	Исакъ Терентьевъ . . . *Прим.* Онъ пишется Исаемъ.	1735	1736				Изъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда.
124	Макаръ Коносовъ	1734	1736				Изъ крестьянъ Устюга Великаго уѣзда.
125	Ѳома Шаховъ.	1735	1736				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
126	Василій Бобылевъ	1735	1736				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
127	Ѳедоръ Шиловскій	1735	1736				Изъ крестьянъ Устюга Великаго уѣзда.
128	Иванъ Разницынъ	1734	1736				Изъ слугъ монастырскихъ Устюга Великаго уѣзда.
129	Осипъ Остряковъ.	1731	1736				Изъ крестьянъ Коломенскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.				Сынъ Иванъ, рожденный Ноября 10 дня 1761 года.
29.	Н.	Ж.	9		1745 г. Іюня 28.	Жена Екатерина Михайлова, бездѣтна, вышла за гренадера Демида Масленникова.
29.	Н.	Ж.	1		1751 г. Ноября 24.	Жена Марья Игнатьева, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1744 г. Іюня 25.	Жена Марья Ѳедорова, бездѣтна, вышла за гренадера Ивана Сычева.
29.	Н.	Ж.			1754 г. Іюня 17.	Жена Ненила Иванова дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1754 г. Апрѣля 14.	Жена Анна Анкудинова дочь, беременна.
29.	Н.	Ж.	1			
29.	Н.	Ж.	6		1754 г. Іюня 12.	Жена Пелагея Степанова дочь, бездѣтна.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
130	Василій Лѣтошній	1735	1736	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Вологодскаго уѣзда.
131	Ѳедоръ Кузнецовъ	1732	1736				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
132	Авдѣй Шихинъ	1734	1736				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.
133	Леонтій Черный	1734	1736				Изъ крестьянъ Бѣжецкаго уѣзда.
134	Кирилла Вдовинъ.	1734	1736				Изъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда.
135	Митрофанъ Лебедевъ . . .	1725	1736			1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ церковниковъ Вологодскаго уѣзда.
136	Василій Ларіоновъ. . . .	1732	1736				Изъ крестьянъ Новгородскаго уѣзда.
137	Иванъ Семеновъ		1737				Изъ церковниковъ г. Москвы.
138	Иванъ Бурцевъ.		1737			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Рязанскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1751 г. Мая 7.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	Н.	Н.	2		1744 г. Мая 8.	Былъ холостъ, наслѣдниковъ никого не осталось.
29.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	5		1748 г. Ноября 7.	Жена Наталья Ѳедорова, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1757 г. будучи въ отпуску.	Жена Елена Иванова, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.	3		1754 г Апрѣля 11.	Жена Матрена Иванова дочь, бездѣтна.
29.	У.	Ж.	6	1747 г. Апрѣля 13, за продерзости, въ полки прапорщикомъ.		
29.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
139	Өедоръ Рахманиновъ. . .		1737	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-г.в. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ дворянъ Переславля-Рязанскаго уѣзда.
140	Сергѣй Поповъ.		1737				Изъ церковниковъ г. Москвы.
141	Петръ Товарищевъ. . . .		1737				Изъ Татаръ Цивильскаго уѣзда.
142	Өедоръ Андреевъ		1737				Изъ церковниковъ г. Суздаля.
143	Өедотъ Сухаревъ		1737				Изъ крестьянъ Бѣжецкаго уѣзда.
144	Иванъ Щербаковъ		1737				Изъ крестьянъ Суздальскаго уѣзда.
145	Демидъ Масленниковъ. .		1737				Изъ церковниковъ г. Старицы.
146	Никифоръ Фадѣевъ . . .		1737				Изъ крестьянъ.
147	Князь Трифонъ Крапоткинъ		1737				Изъ дворянъ Переславля-Рязанскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1757 г. Мая 10.	Жена Өедосья Осипова дочь, дѣти: сынъ Иванъ 10, дочь Мавра 3 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1743 г. Марта 28, утонулъ на Невѣ рѣкѣ.	Дочь родная Авдотья, родившаяся до лейбъ-кампаніи и жена его Өедора Иванова, которая послѣ его умерла.
29.	Н.	Ж.			1752 г. Іюля 26.	Жена Анисья Осипова, бездѣтна, ибо хотя въ рапортѣ и написано, что остался сынъ, но послѣ того умеръ.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1742 г. Января 9.	Жены и дѣтей нѣтъ; мать родная Василиса Өедосѣева.
29.	Н.	Н.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
148	Иванъ Стоговскій		1737	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ церковниковъ г. Москвы.
149	Степанъ Смирный . . .		1737				Изъ посадскихъ г. Москвы.
150	Ѳедоръ Макѣевъ.		1737				Изъ церковниковъ г. Каширы.
151	Константинъ Андреяновъ .		1737				Изъ дворовыхъ людей Казанскаго уѣзда.
152	Григорій Бавыкинъ		1737				Изъ крестьянъ Коломенскаго уѣзда.
153	Петръ Замятнинъ . . .		1737				Изъ крестьянъ Можайскаго уѣзда.
154	Иванъ Клюевъ		1737				Изъ крестьянъ Кашинскаго уѣзда.
155	Елисѣй Рагожинъ		1738				Изъ церковниковъ г. Твери.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.			1751 г. Января 27.	Жена Екатерина Васильева дочь, дѣти: Петръ родился до лейбъ-кампаніи, Федосья въ лейбъ-кампаніи родилась.
29.	У.	Ж.			1755 г. Декабря 2.	Жена Анисья Степанова дочь, дѣти: Илья, Александръ, Анисья, Елисавета, всѣ малолѣтныя.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1744 г. Марта 20.	Жена Марья Игнатьева, послѣ его дочь Аграфена родилась, вышла за гренадера Исая Терентьева; оная дочь умерла.
29.	Н.	Ж.	1			
29.	Н.	Ж.	2	1748 г. Сентября 30, за продерзости, въ полки под поручикомъ.		
29.	Н.	Н.				
29.	У.	Ж.			1744 г. Февраля 27.	Жена Аксинья Иванова съ двумя дочерьми, родившимися до лейбъ-кампаніи.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
156	Максимъ Долгой		1738	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-Гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда Троицкой Лавры.
157	Иванъ Огаревъ.		1738				Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
158	Никита Петровъ		1738				Изъ монастырскихъ слугъ Московскаго уѣзда.
159	Иванъ Новиковъ . . .		1738				Изъ крестьянъ Коломенскаго уѣзда.
160	Филатъ Ѳедоровъ		1738				Изъ крестьянъ Рузскаго уѣзда.
161	Потапъ Валяевъ		1738				Изъ крестьянъ Юрьева Польскаго уѣзда.
162	Степанъ Коротневъ. . . .		1738				Изъ крестьянъ Юрьевскаго уѣзда.
163	Висилій Верзиловъ		1738				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.
164	Сергѣй Пехтеревъ	1737	1738				Изъ Чувашъ Симбирскаго уѣзда.
165	Тихонъ Чигаревъ		1738				Изъ крестьянъ Костромскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехонье 29 душъ.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1758 г. Іюня 6.	Жена Наталья Трофимова, дочери дѣвицы: Мареа 16, Наталья 13 лѣтъ.
29.	У.	Ж.	2		1758 г. Февраля 7.	Послѣ его жены не осталось, а остались дѣти: сынъ Петръ 16, дочери дѣвицы: Ирина 19, Пелагея 7 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.					
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1745 г. Августа 8.	Жена Степанида Григорьева, бездѣтна, вышла за гренадера Чижухина.
29.	Н.	Ж.			1751 г. Іюля 4.	Жена Афимья Ѳедотова дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.	1			

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
166	Егоръ Бѣляевъ		1738	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ посадскихъ города Хлынова.
167	Филиппъ Ермозинъ		1738				Изъ крестьянъ Городецкаго уѣзда.
168	Семенъ Ляминъ		1738				Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
169	Степанъ Шергинъ.		1738				Изъ крестьянъ
170	Данила Мерцаловъ		1738				Изъ однодворцевъ г. Курска.
171	Артемій Русаковъ		1738			1754 г. Ноября 24 въ вицекапралы.	Изъ барскихъ людей г. Москвы.
172	Иванъ Богомоловъ		1738			1754 г. Ноября 25 въ вицекапралы.	Изъ крестьянъ Суздальскаго уѣзда.
173	Тимоѳей Лебедевъ		1738				Изъ крестьянъ Дмитровскаго уѣзда.
174	Василій Аксеновъ		1738				Изъ крестьянъ Коломенскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	Н.	Ж.			1750 г. Сентября 10.	Софья Андреева жена, дочери Матрена, Хавронья родилась до лейбъ-кампаніи.
29.	У.	Ж.	1			
	Н.				1742 г. Января 17.	Жена Ирина Андреева дочь.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	4			
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1759 г. Января 27.	Жена, двое дѣтей: Леонтій 11, Митрофанъ 10 лѣтъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Служба ихъ. Въ гвардіи.	Служба ихъ. Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
175	Михаилъ Малыгинъ		1738	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
176	Кирила Сургучевъ		1738				Изъ крестьянъ Каширскаго уѣзда.
177	Осипъ Митюшкинъ . . .		1738				Изъ купеческихъ дѣтей г. Суздаля.
178	Ефимъ Обольнинъ		1738				Изъ крестьянъ Серпуховскаго уѣзда.
179	Алексѣй Тарасовъ		1738				Изъ монастырскихъ слугъ Серпуховскаго уѣзда.
180	Алексѣй Ивановъ.		1738				Изъ церковниковъ г. Суздаля.
181	Карпъ Вахлашевъ	1727	1738				Изъ крестьянъ Бѣлевскаго уѣзда.
182	Семенъ Борзай		1738				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.
183	Степанъ Ивановъ.		1738				Изъ церковниковъ г. Суздаля.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1751 г. Іюня 27.	Жена Елена Никитина дѣти: Василій 1 года, Аграфена 7 лѣтъ, Прасковья 4.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	2		1755 г. Февраля 23.	Жена Марья Васильева дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
184	Кононъ Осиповъ		1738	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Муромскаго уѣзда.
185	Тимоѳей Букинъ.		1739				Изъ крестьянъ Владимірскаго уѣзда.
186	Семенъ Егачевъ.		1739				Изъ крестьянъ Костромскаго уѣзда.
187	Иванъ Чижухинъ		1739				Изъ крестьянъ Иркутскаго уѣзда.
188	Иванъ Локтевъ.		1739				Изъ крестьянъ Московскаго уѣзда.
189	Дмитрій Борисовъ		1739				Изъ крестьянъ Иркутскаго уѣзда.
190	Ѳедоръ Князевъ.		1739				Изъ крестьянъ Кашинскаго уѣзда.
191	Алексѣй Соколовъ		1739				Изъ крестьянъ Иркутскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1743 г. Октября 4.	Жена Прасковья Терентьева съ сыномъ, вышла за гренадера Ивана Иванова, а сынъ до лейбъ-кампаніи родился.
29.	Н.	Ж.			1759 г. Марта 22.	Жена, дѣтей 3 сына, одинъ въ лейбъ-кампаніи гренадеромъ Василій Егачевъ, другой въ гвардіи солдатомъ, третій еще никуда не опредѣленъ.
29.	Н.	Ж.	4.		1747 г. Августа 17.	Жена Степанида Григорьева дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.		1748 г. Сентября 30, за продерзости, въ полки поручикомъ.		
29.	У.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1758 г. Февраля 10.	Жена Авдотья Алексѣева, да дочь Мавра 15 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
192	Иванъ Игреневъ.		1739	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ церковниковъ Костромскаго уѣзда.
193	Дмитрій Петровъ.		1739				Изъ однодворцевъ г. Томска.
194	Марка Ретюнскій. . . .		1739				Изъ дворянъ Ряжскаго уѣзда.
195	Василій Антипинъ	1731	1739				Изъ барскихъ людей Муромскаго уѣзда.
196	Алексѣй Сигаевъ	1736	1739				Изъ крестьянъ Тульскаго уѣзда.
197	Андрей Романовъ		1739				Изъ крестьянъ Тотемскаго уѣзда.
198	Өедоръ Кривцовъ.	1730	1739				Изъ крестьянъ Лихвинскаго уѣзда.
199	Лазарь Аөанасьевъ. . . .		1739				Изъ церковниковъ Юрьева-Польскаго уѣзда.
200	Иванъ Терентьевъ . . .		1739				Изъ крестьянъ Яранскаго уѣзда.
201	Максимъ Андреевъ		1739			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ церковниковъ г. Мурома.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1743 г. Августа 8.	Жена Прасковья Васильева造 бездѣтна, вышла за гренадера Романова и умерла.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1758 г. Февраля 12.	Жена Анна Петрова дочь.
29.	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
202	Андрей Васильевъ. . . .		1739	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ церковниковъ г. Суздаля.
203	Матвѣй Шепелевъ	1734	1739				Изъ крестьянъ Бѣлевскаго уѣзда.
204	Иванъ Ивановъ.		1739				Изъ церковниковъ г. Лухова.
205	Василій Дмитріевъ		1739				Изъ церковниковъ Юрьева Польскаго уѣзда.
206	Николай Ѳедоровъ		1739				Изъ церковниковъ г. Шуйска.
207	Семенъ Григорьевъ. . . .		1739				Изъ церковниковъ г. Владиміра.
208	Михаилъ Пузановъ		1739				Изъ крестьянъ Ржева Владимірскаго уѣзд.
209	Михаилъ Трутиловъ		1739				Изъ крестьянъ Суздальскаго уѣзда.
210	Иванъ Бѣлянкинъ. . . .		1739				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Казани.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.			1743 г. Апрѣля 27.	Жена Афимья Өедорова, двѣ дочери, одна въ лейбъ-кампаніи, другая до лейбъ-кампаніи родились; вышла за гренадера Пузанова.
29.	Н.	Ж.			1753 г. Іюня 14.	Жена Дарья Иванова, дочь Пелагея 10 лѣтъ.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1752 г. Февраля 12.	Жена Аграфена Андреева, сынъ Семенъ 12, дочь Авдотья 8 лѣтъ.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	2			
29.	Н.	Ж.	6		1748 г. Сентября 20.	Жена Авдотья Степанова дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
211	Василій Лифановъ		1739	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л. гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Суздальскаго уѣзда.
212	Архипъ Грибошинъ		1739				Изъ крестьянъ Торжка Новаго уѣзда.
213	Иванъ Ивановъ		1739				Изъ церковниковъ г. Твери.
214	Ѳедоръ Дубовъ. . . . . . *Прим.* Оный Дубовъ прощенъ и взятъ по прежнему въ лейбъ-кампанію въ гренадеры, о чемъ значитъ подъ № 313.		1739				Изъ барскихъ людей.
215	Алексѣй Юдинъ		1739				Изъ крестьянъ Сибирской губерніи Кузнецкаго уѣзда.
216	Василій Жегулинъ	1727	1739				Изъ крестьянъ Курскаго уѣзда.
217	Тихонъ Нероновъ	1730	1739				Изъ однодворцевъ Бѣлогородской губ. Вольнаго уѣз.
218	Ѳома Балашевъ	1731	1739				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Бѣлева.
219	Аѳанасій Никифоровъ. . .	1734	1739				Изъ крестьянъ Рыльскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.	1.			
29.	Н.	Ж.			1749 г. Ноября 7.	Жена Марья Иванова, бездѣтна.
29.	У.	Ж.				
»	Н.	Ж.	1.	1741 г. Декабря 31, за продерзости, въ армейскіе сержанты.	1748 г. Мая 20.	Жена бездѣтна, о чемъ значитъ подъ № 313.
29.	Н	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1744 г. Ноября 23.	Жена Домна Іонина дочь, съ падчерицею его Ульяною - Кондратьевою дочерью.
29.	Н.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Служба ихъ. Въ гвардіи.	Служба ихъ. Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
220	Иванъ Баженовъ		1739	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ посадскихъ г. Томска.
221	Александръ Сидоровъ . . .		1739				Изъ крестьянъ Тверскаго уѣзда.
222	Григорій Бутлеровъ		1739			1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Казанскаго уѣзда.
223	Иванъ Рудомазинъ		1739				Изъ купечества города Галича.
224	Степанъ Рыбаковъ		1740				Изъ крестьянъ Волоколамскаго уѣзда.
225	Тарасъ Долгой		1740				Изъ крестьянъ Ряжскаго уѣзда.
226	Харитонъ Михневъ . . .		1740				Изъ крестьянъ Торопецкаго уѣзда.
227	Никита Богатыревъ . . .		1740				Изъ крестьянъ Пензенскаго уѣзда.
228	Аѳанасій Бутурлинъ. . . .		1740				Изъ крестьянъ Переславль-Залѣскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.			1747 г. Іюля 21.	Жена Марья Данилова, дѣти: Иванъ 1 года, дочь Елена 6 недѣль; потомъ дѣти померли, она вышла за гренадера Бутлерова.
29.	Н.	Ж.			1754 г. Іюня 21.	Жена Дарья Иванова дочь, сыновья Петръ 13 и Василій 7 лѣтъ.
29.	У.	Ж.	1			
29.	Н.	Н.	7	1746 г. Февраля 10, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	3			
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	3		1752 г. Мая 12.	Жена Марья Алексѣева, дѣти двѣ дочери, Лукерья 13, Акулина 2 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.	4			

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
229	Өедоръ Заболоцкій . . .	1737	1740	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ церковниковъ г. Можайска.
230	Аөанасій Ермолаевъ. . . .		1740				Изъ казачьихъ дѣтей г. Красноярска.
231	Иванъ Красильниковъ. .		1740				Изъ купцовъ г. Переславль-Залѣскаго.
232	Степанъ Поляковъ	1722	1740				Изъ крестьянъ Мценскаго уѣзда.
233	Иванъ Субботинъ		1740				Изъ крестьянъ Вологодскаго уѣзда.
234	Гаврила Евдокимовъ . . .		1740				Изъ крестьянъ Казанской губерніи.
235	Парфенъ Мухлынинъ		1740				Изъ крестьянъ Вятскаго уѣзда.
236	Иванъ Анучинъ		1740				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Хлынова.
237	Аноөрій Чертовицынъ. . .		1740				Изъ крестьянъ Галичскаго уѣзда.
238	Мартынъ Захарьевъ. . . .		1740				Изъ крестьянъ Новгородскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1754 г. Мая 8.	Жена.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	5			
29.	Н.	Ж.			1754 г. Февраля 14.	Жена Өедосья Андреева, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1756 г. Апрѣля 30.	Жена Авдотья Васильева дочь, дочь Аграфена.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки поручикомъ.		
29.	Н.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
239	Дмитрій Овчинниковъ . .		1740	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Владимірскаго уѣзда.
240	Ефимъ Жуковъ.		1740				Изъ крестьянъ Вяземскаго уѣзда.
241	Антонъ Луневъ.		1740				Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
242	Артамонъ Осиповъ . . .		1740				Изъ крестьянъ Переславля Рязанскаго уѣзда.
243	Тихонъ Безокинъ		1740				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
244	Кирилла Бизяевъ		1740				Изъ крестьянъ Тульскаго уѣзда.
245	Тарасъ Голубинъ	1721	1740				Изъ крестьянъ Архангело-городской губ. Важайскаго уѣзда.
246	Иванъ Сычевъ.		1740				Изъ казаковъ Сибирской губ. Устрѣтеньскаго Острога.
247	Михаилъ Хахилевъ		1740				Изъ подъяческихъ дѣтей гор. Тюмени Сибирской г.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.		1748 г. Сентября 30 за продерзости въ полки поручикомъ.		
29.	Н.	Н.			1748 г. Января 12.	Холостъ былъ.
29.	Н.	Ж.			1752 г. Апрѣля 8.	Жена Ирина Ѳедорова, сынъ Петръ 6, дочь Аграфена 5 лѣтъ.
29.	Н.	Ж.			1756 г. Сентября 30.	Жена Аграфена Иванова, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.			1755 г. Марта 28.	Жена Марья Аѳанасьева, бездѣтна.
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	4			
29.	У.	Ж.		1743 Апрѣл. 4, по военному суду, за продерзости, въ полки поручикомъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
248	Иванъ Сѣченой	1738	1740	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.	1754 г. Ноября 24 въ вице-капралы.	Изъ казачьихъ дѣтей г. Томска.
249	Василій Перщуткинъ . . .		1740				Изъ казачьихъ дѣтей г. Кузнецка.
250	Егоръ Хлопотовъ		1741				Изъ крестьянъ Городецкаго уѣзда.
251	Филиппъ Прокофьевъ. . . .		1741				Изъ крестьянъ Торопецкаго уѣзда.
252	Ѳедоръ Владиміровъ . . .		1741				Изъ казачьихъ дѣтей г. Иркутска.
253	Ѳедоръ Даниловъ		1741				Изъ крестьянъ Алаторскаго уѣзда.
254	Леонтій Губаревъ	1734	1741				Изъ крестьянъ Можайскаго уѣзда.
255	Алексѣй Мавринъ.	1716	1741				Изъ крестьянъ Торопецкаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1756 г. Августа 22.	Жена Марфа Андреева, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.	4	1748 Мая 5, за неспособностью и безумтвомъ, выключенъ поручикомъ и въ Сенатъ отосланъ.		
29.	Н.	Ж.			1752 г. Мая 17.	Жена Марья Юрьева дочь, сынъ Андрей 6 недѣль.
29.	Н.	Ж.	4		1749 г. Сентября 23.	Жена Марфа Андреева, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.	2	1745 г. Августа 20 выключенъ по сообщенію тайной канцеляріи, а куда и съ какимъ рангомъ опредѣленъ, неизвѣстно.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
256	Василій Пановъ.	1731	1741	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ крестьянъ Тульскаго уѣзда.
257	Борисъ Жемановъ	1735	1741				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Кіева.
258	Дементій Дубовъ.	1731	1741				Изъ крестьянъ Ярославскаго уѣзда.
259	Семенъ Марковъ.	1737	1741				Изъ церковниковъ г. Алатора.
260	Стефанъ Анохинъ.	1731	1741				Изъ крестьянъ Перемышльскаго уѣзда.
261	Иванъ Гречухинъ	1736	1741				Изъ купцовъ г. Москвы.
262	Прокофій Пановъ.	1733	1741		Изъ солдатъ Семеновскаго полка.		Изъ крестьянъ Муромскаго уѣзда.
263	Иванъ Бастрыгинъ. . .	1730	1741		Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Ростова.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.			1756 г. Марта 7.	Жена Прасковья Савина дочь, бездѣтна.
29.	Н.	Ж.	4	1746 г. Февраля 10, за продерзости въ полки, подпоручикомъ.		
29.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1751 г. будучи въ отпуску умеръ.	Жены и дѣтей не осталось.
29.	У.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
29.	Н.	Ж.		1748 г. Мая 19, за продерзости, который содержался въ тайной, въ полки поручикомъ.		
29.	Н.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
264	Филатъ Леоновъ		1741	1741 года Декабря съ 17 числа.	Л.-гв. Преображенскаго полка изъ гренадеръ.		Изъ дворянъ Переславля Рязанскаго уѣзда.
265	Архипъ Короткій.		1741				Изъ дворянъ Переславля Рязанскаго уѣзда.
266	Иванъ Ермиловъ.		1741				Изъ дворянъ Переславля Рязанскаго уѣзда.
267	Варфоломей Звѣревъ . . .		1741				Изъ однодворцевъ и былъ въ деньщикахъ, г. Вязьмы.
	Пожалованы по учрежденіи лейбъ-кампаніи.						
268	Алексѣй Яковлевъ. . .		1704	1742 года Января съ 21 числа.	Того-жъ Преображенскаго полка гренадерской роты изъ гренадеръ, обрѣтающихся въ Москвѣ.		Изъ приставовъ г. Москвы.
269	Родіонъ Свиридовъ	1703	1714				Изъ рейтарскихъ дѣтей г. Москвы.
270	Василій Ежовъ	1711	1721				Изъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда.
271	Григорій Хлѣбниковъ .	1703	1721				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Кунгура.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
Въ Пошехоньѣ 29 душъ.	Н.	Ж.				
29.	Н.	Ж.				
29.	У.	Ж.				
29.	Н.	Ж.			1745 г Октября 23, утонулъ на Невѣ рѣкѣ.	Жена Лукерья Алексѣева, дѣти: Андрей 13, Матвѣй 10 лѣтъ.
	Н.	Ж.			1742 г. Іюля 20.	Дочь родная Аксинья Яковлева.
	Н.	Ж.			1743 г. Февраля 3.	Жена Аграфена Свиридова.
	Н.	Ж.				
	У.	Ж.			1750 г. Февраля 12.	Жена Мавра Абрамова, дѣти, родившіяся до лейбъ-кампаніи, Екимъ, Дмитрій, дочери: Матрена, Степанида.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
272	Дмитрій Чевкинъ.		1724	1742 года Января съ 21 числа.	Того-жъ Преображенскаго полка гренадерской роты изъ гренадеръ обрѣтающихся въ Москвѣ		Изъ дворянъ Ряжскаго уѣзда.
273	Игнатій Половникинъ . .	1715	1727				Изъ рейтарскихъ дѣтей г. Казани.
274	Василій Каблуковъ	1707	1728				Изъ барскихъ людей Карачевскаго уѣзд.
275	Степанъ Карцовъ.		1718	1742 г. Января съ 25.	Л.-гв. Семеновскаго полка, изъ габолетовъ.		Изъ офицерскихъ дѣтей г. Москвы.
276	Тимоѳей Татариновъ . . .		1729	1742 года Февраля съ 10 числа.	Семеновскаго полка: изъ сержантовъ.		Изъ дворянъ Шацкаго уѣзда.
277	Семенъ Бровкинъ		1727			1746 г. Ноября 25 въ вице-капралы.	Изъ барскихъ людей Московскаго уѣзда.
278	Ѳедоръ Никифоровъ. . .		1732		Изъ фурьеровъ.		Изъ дворянъ Шацкаго уѣзда.
279	Андрей Егорьевскій.		1732		Изъ капраловъ коннаго полка.		Изъ дворянъ Бѣлоозерскаго уѣзда.
280	Василій Ланской.		1734		Преображенскаго полка: изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Ржево-Владимірскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	Н.	Ж.			1756 г. будучи въ отпуску умеръ.	
	Н.	Ж.			1749 г. Сентября 16.	Жена Пелагея Карпова, двѣ дочери: Ульяна, Настасья, которыя родились до лейбъ-кампаніи.
	Н.	Ж.			1754 г. Октября 13.	Жена Варвара Григорьева дочь, бездѣтна.
	У.	Ж.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
	У.	Ж.			1758 г. Марта 2.	Жена Марья Алексѣева дочь
	У.	Ж.				
	У.	Ж.				
	У.	Н.			1749 г. Мая 19.	Былъ холостъ.
	У.	Ж.			1748 г. Ноября 28.	Жена Екатерина Амвросимова, дѣтей два сына малолѣтные.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
281	Андрей Скворцевъ.		1736	1742 года февраля съ 10 числа.	Преображенскаго полка изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Торопецкаго уѣзда.
282	Василій Рожновъ.		1735				Изъ дворянъ Торжскаго уѣзда.
283	Николай Трескинъ. . .		1729				Изъ дворянъ Верейскаго уѣзда.
284	Андрей Лютовъ.		1730		Изъ писарей.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
285	Петръ Травинъ.		1729		Преображенскаго полка изъ солдатъ.		Изъ дворянъ Ярославскаго уѣзда.
286	Иванъ Грейцъ.		1729				Польской націи.
287	Иванъ Михайловъ. . . .		1739				Изъ церковниковъ г. Суздаля.
288	Петръ Козловъ. . . . . . *Прим.* Пожалованъ былъ заочно и въ то время былъ въ отпуску и заболѣлъ, о чемъ есть сообщеніе 1742 г. Марта 3, а когда умеръ неизвѣстно, и при лейбъ-кампаніи никогда не былъ.						Изъ дворянъ.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Н.		1743 г. Апрѣля 4, по военному суду, за продерзости, въ полки подпоручикомъ.		
	У.	Ж.			1756 г. Сентября 23.	Бездѣтенъ.
	У.	Ж.			1755 г. Сентября 16.	
	У.	Ж.				
	У.	Ж.				
Въ Пошехоньѣ.	Н.	Ж.				
	У.	Ж.				
					1742 г. будучи въ отпуску.	Есть ли жена и дѣти неизвѣстно; ибо онъ; будучи въ деревнѣ своей, умеръ и при лейбъ-кампаніи не былъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
289	Тимоѳей Елчаниновъ . . .		1735	1742 года февраля съ 10 числа.	Преображенскаго полка изъ солдатъ.		Изъ дворянъ Ржево-Владимірскаго уѣзда.
290	Князь Евдокимъ Кильдишевъ		1737				Изъ дворянъ Кадомскаго уѣзда.
291	Сергѣй Малыгинъ		1725				Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
292	Иванъ Воронинъ		1737				Изъ монастырскихъ слугъ Суздальскаго уѣзда.
293	Артемій Иконниковъ		1740		Семеновскаго полка изъ солдатъ.		Изъ посадскихъ Переславля-Рязанскаго уѣзда.
294	Григорій Суринъ.		1741				Изъ крестьянъ Верейскаго уѣзда.
295	Никифоръ Зиновьевъ . .	1724	1728				Изъ купечества г. Бѣлоозера.
296	Ѳедоръ Поповъ		1741		Изъ гренадеръ Семеновскаго полка.		Изъ церковниковъ г. Владиміра.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Ж.				
	У.	Н.		1749 г. Декабря 7, въ полки армейскіе секундъ-маіоромъ.		
	Н.	Ж.				
	У.	Ж.				
	У.	Ж.		1749 г. Декабря 14, въ придворную конюшенную команду, унтеръ шталмейстеромъ.		
	Н.	Ж.	1		1757 г. Февраля 2.	Жена Александра Иванова дочь, осталась бездѣтна.
	Н.	Ж.	1	1748 г. Мая 5, въ гвардію, въ Московскій баталіонъ, поручикомъ.		
	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
297	Илья Чичаговъ.		1739	1742 года Февраля съ 10 числа.	Изъ солдатъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ Костромскаго уѣзда.
298	Иванъ Телеснинъ. . . .				Изъ берейторскихъ учениковъ конюшеннаго двора.		Изъ дворянъ Пензенскаго уѣзда.
299	Гаврила Шерагородскій. .			1742 г. Февраля съ 21.	Изъ прапорщиковъ армейскихъ.		Польской націи города Нѣжина, изъ шляхетства, и помѣщенъ въ Кашинскомъ уѣздѣ.
300	Ѳедоръ Щербачевъ	1738	1722	1742 года Апрѣля съ 7 числа.	Изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, изъ поручиковъ Низовскаго.		Изъ дворянъ Козельскаго уѣзда.
301	Степанъ Масловъ.	1722			Изъ поручиковъ Дербентскаго.		Изъ дворянъ Переславль-Залѣскаго уѣзда.
302	Ѳедоръ Карасевъ	1741	1728 при дворѣ съ 1731		Изъ подпоручиковъ Ингерманландскаго.		Изъ дворянъ Казанскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Ж.				
	У.	Н.		1744 г. Августа 9, выключенъ, ибо будучи въ отпуску, явился на воровствѣ.		
	У.	Н.	6	1746 г. Мая 8, за продерзости въ полки, поручикомъ.		
	У.	Ж.				
	У.	Ж.			1754 г. Апрѣля 16.	Жена Дарья Владимірова, дѣти: Николай 16 лѣтъ, служитъ гвардіи въ Преображенскомъ полку бомбардиромъ, Семенъ 6, Никифоръ 5, дочери дѣвицы: Пелагея 17, Елисавета 4, Анна 2 лѣтъ.
	У.	Н.			1755 г. Марта 5.	Жены не осталось.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
303	Филиппъ Вехкенгановъ . . *Прим.* Онъ писался Вейхенгановъ.	1733		1742 года Апрѣля съ 7 числа.	Изъ подпоручиковъ Дербентскаго.		Изъ иноземцевъ, родившихся въ Россіи г. Владиміра, капитанскій сынъ.
304	Андрей Храповицкій . .	Въ службѣсъ	1737		Изъ Смоленскихъ шляхтичевъ.		Изъ дворянъ Смоленскаго уѣзда.
305	Леонтій Ведерниковъ . .	1738			Изъ вахмистровъ лейбъ-Кирасирскаго полка.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Казани.
306	Іонъ Ласунскій		1735		Изъ капраловъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.		Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.
307	Николай Рословлевъ . . .		1740		Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.	1750 г. Февраля 25 въ вице-капралы.	Изъ дворянъ Коломенскаго уѣзда.
308	Алексѣй Самсоновъ . . .	1727		1742 г. Апрѣля съ 13.	Изъ подпоручиковъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка.		Изъ дворянъ Керенскаго уѣзда.
309	Петръ Козловъ.	1731		1742 г. Іюня съ 26.	Изъ сержантовъ Суздальскаго пѣхотнаго полка.		Изъ дворянъ Ржевскаго уѣзда.
310	Василій Кобылинъ		1718	1743 г. Марта съ 3.	Изъ гренадеръ бывшей Преображенскаго полка гренадерской роты.		Изъ дворянъ Веневскаго уѣзда.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Ж.			1751 г. Января 19.	Жена Анна Сергѣева, а дѣти остались ли или нѣтъ, неизвѣстно.
	У.	Ж.				
	У.	Ж.			1751 г. Апрѣля 16.	Жена Марья Данилова дочь, бездѣтна.
	У.	Ж.			1751 г. Декабря 28.	Жена Фекла Никитина.
	У.	Н.				
	У.	Н.				
	У.	Ж.				
	У.	Ж.		1748 г. Мая 5, за старостію и болѣзнями, въ вѣчную отставку капитаномъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
311	Дмитрій Тутолминъ. . . .	Въ с бѣсъ	луж-1727	Марта съ 7.	Изъ поручиковъ Ревельскаго гарнизона Дерптскаго полка.		Изъ дворянъ Старорусскаго уѣзда.
312	Николай Молвяниниковъ. .	1736		Марта съ 7.	Изъ прапорщиковъ Ряжскаго гарнизона Эзельскаго полка.		Изъ дворянъ Суздальскаго уѣзда.
313	Θедоръ Дубовъ. . . . . . *Прим.* Его есть имя выше подъ № 214.		1739	Марта съ 31.	Изъ сержантовъ напольныхъполковъ, который выписанъ былъ въ полки изъ гренадеръ лейбъ-кампаніи за продерзости.		Изъ барскихъ людей.
314	Иванъ Крюковскій	1737		1744 г. Января съ 13.	Изъ прапорщиковъ Владимірскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Суздальскаго уѣзда.
315	Иванъ Сычевскій	При рѣ 1742	дво-съ г.	Ноября съ 25.	Двора Ея Величества изъ лакеевъ.		Изъ Малороссіянъ.
316	Сергѣй Станиславскій . .	При рѣ 1742	дво съ г.	Ноября съ 25.	Изъ лакеевъ.	1749 г. Ноября 30 въ вице-капралы.	Польской націи.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Ж.				
	У.	Н.	3	1747 г. Апрѣля 13, за продерзости, въ полки сержантомъ.		
	Н.	Ж			1748 г. Мая 20.	Жена Аграфена Михайлова дочь, бездѣтна.
	У.	Ж.			1747 г. Декабря 13.	Жена Матрена Игнатьева.
	У.	Н.		1754 г. Мая 13, пожалованъ въ отставку секундъ-маіоромъ.		
	У.	Ж.				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
317	Михаилъ Ивановъ сынъ Кочановскій. . . *Прим.* О фамиліи его приказъ 1745 г. Августа 9.	При рѣжи	двослужилъ.	1745 г. Февраля съ 18.	Изъ пѣвчихъ.		Изъ Малороссіянъ.
318	Гаврила Колотинскій. . .	Въ сбѣ съ	лужбылъ 1738	1745 г. Іюня съ 4.	Изъ Смоленскихъ шляхтичей.		Изъ дворянъ Смоленскаго уѣзда.
319	Богданъ Скворцовъ . .		1727	1746 г. Іюля съ 1.	Изъ каптенармусовъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ Торопецкаго уѣзда.
320	Иванъ Соколовъ.	1719	1727	1747 г. Февраля съ 14.	Изъ сержантовъ ѣздовыхъ Семеновскаго полка.		Изъ крестьянъ, а котораго города неизвѣстно.
321	Василій Беклемишевъ. . .	1740		Февраля съ 14.	Изъ прапорщиковъ Воронежскаго пѣхотнаго полка.		Изъ дворянъ Вологодскаго уѣзда.
322	Петръ Коровинъ.		1737	Апрѣля съ 1.	Изъ капраловъ гвардіи полковъ: Преображенскаго.		Изъ шляхетства, а помѣщенъ въ Угличскомъ уѣздѣ.
323	Максимъ Захаровъ		1737	Апрѣля съ 1.	Измайловскаго.		Изъ шляхетства, а помѣщенъ въ Костромскомъ уѣздѣ.
324	Александръ Поповъ		1739	Апрѣля съ 1.	Семеновскаго полка.		Изъ поповыхъ дѣтей г. Романова.

Въ 1742 г. пожаловано крестьянъ.	Кто писать умѣетъ.	Кто женатъ и не женатъ.	Сколько разъ подъ арестомъ были.	Куда именно выбыли изъ лейбъ-кампаніи.	Померли.	Послѣ умершихъ остались жены и дѣти.
	У.	Н.		1749 г. Апрѣля 18, за болѣзнію, въ вѣчную отставку, секундъ-маіоромъ.		
	У.	Н.			1747 г. Мая 8.	Холостъ былъ.
	У.	Ж.			1751 г. Февраля 6.	Жена Анна Михайлова, дѣти: Степанъ, 10, Ирина 12, Анна 7 лѣтъ.
	Н.	Ж.				
	У.	Н.			1747 г. Декабря 3.	Былъ холостъ.
	У.	Н.				
	У.	Ж.				
	У.	Ж			1752 г. Декабря 18.	Жена Настасья Васильева, сынъ Александръ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
325	Ѳедосей Трусовъ *) . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1739	Апрѣля съ 1.	Изъ капраловъ гвардіи полковъ: Семеновскаго полка.		Изъ купцовъ г. Романова.
326	Осипъ Васильевъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1740	Апрѣля съ 1.	Семеновскаго полка.		Изъ какихъ чиновъ въ службу вступилъ неизвѣстно.
327	Иванъ Решеткинъ . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1733	Апрѣля съ 4.	Изъ капраловъ л. гв. коннаго полка.		Изъ шляхетства Волоколамскаго уѣзда.
328	Петръ Волковъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, выбылъ 1749 г. Апрѣля 15, за продерзости, въ полки сержантомъ.	1729		Съ 11.	Изъ сержантовъ Кексгольмскаго гарнизоннаго полка.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Кексгольма.
329	Гаврила Скворцовъ . . Писать умѣетъ, женатъ.		1737	Іюля съ 4.	Преображенскаго полка изъ капраловъ.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Торопецкомъ уѣздѣ.
330	Андрей Кривцовъ. . . . . . Писать не умѣетъ, женатъ.	1727	1741	1747 г. Сентября съ 5.	Преображенскаго полка изъ капраловъ.		Польской націи.

*) При большинствѣ дальнѣйшихъ именъ рѣдко имѣются отмѣтки въ послѣднихъ семи графахъ; поэтому для сокращенія мѣста мы помѣщаемъ эти отмѣтки при самыхъ именахъ въ первыхъ графахъ. П. Б.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
331	Дмитрій Арсеньевъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ.	1736		1747 года Октября съ 28 числа.	Изъ аудиторовъ Архангело-городскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Алексинскаго уѣзда.
332	Сафронъ Хрущевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1729		Изъ сержантовъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Переславскомъ уѣздѣ Рязанской г.
333	Иванъ Полозовъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1730		Семеновскаго.		Изъ дворянъ, испомѣщенъ въ Костромскомъ уѣздѣ.
334	Андрей Кобылинъ . . . . Писать умѣетъ, умеръ 1748 г. Ноября 6. Былъ ли онъ женатъ или нѣтъ, о томъ неизвѣстно.		1732				Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Кашинскомъ уѣздѣ.
335	Родіонъ Кесортыревъ . . Писать умѣетъ, женатъ.		1731				Изъ дворянъ Костромскаго уѣзда.
336	Семенъ Карповъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1737		Изъ каптенармусовъ Измайловскаго.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Каширскомъ уѣздѣ.
337	Яковъ Климовъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1723		Изъ фурьеровъ Семеновскаго.		Изъ дворянъ г. Переславля Рязанскаго уѣзда.
338	Петръ Талызинъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1736		Преображенскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Новгородскомъ уѣздѣ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Служба их. Въ гвардіи.	Служба их. Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
339	Гаврила Рябцовъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1732	1738	1747 года Октября съ 28 числа.	Изъ капраловъ коннаго.		Изъ шляхетства Симбирскаго уѣзда.
340	Степанъ Титовъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1756 г. Іюля 12. Осталась жена Наталья Иванова дочь, бездѣтна.	Юнкеромъ съ 1737	1740		Преображенскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ Новгородскаго уѣзда, въ усадбищѣ Холму.
341	Андрей Жихаревъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.	1736	1741		Изъ капраловъ гвардіи полковъ Коннаго.		Изъ шляхетства Серпуховскаго уѣзда.
342	Семенъ Владимировъ . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1741		Семеновскаго.		Изъ дворянъ Шацкаго уѣзда.
343	Семенъ Шестаковъ. . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1741				Изъ дворянъ Владимірскаго уѣзда.
344	Григорій Бердяевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1741		Преображенскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Вологодскомъ уѣздѣ.
345	Сергѣй Масловъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1734		Семеновскаго.		Изъ дворянъ Бѣжецкаго уѣзда.
346	Павелъ Путиловъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1737				Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
347	Петръ Кабалинъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1739	1744	1747 года Октября съ 28 числа.	Изъ капраловъ гвардіи полковъ: Семеновскаго.		Изъ дворянъ Суздальскаго уѣзда.
348	Яковъ Недошевскій. . . . Писать не умѣетъ, женатъ, умеръ 1748 г. Ноября 14. Осталась жена Авдотья Никифорова, бездѣтна.	1719	1745		Преображенскаго.		Прусскаго войска изъ казачьихъ дѣтей.
349	Авраамъ Черновъ . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1741	1744				Изъ дворянъ, а деревень за нимъ нѣтъ.
350	Василій Скуратовъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1735		Ноября съ 12.	Изъ корнетовъ лейбъ-кирасирскаго полка.		Изъ шляхетства Шацкаго уѣзда.
351	Петръ Мухинъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1740			Изъ вахмистровъ ландъмилицкаго Бѣлгородскаго полка.		Изъ однодворцевъ г. Бѣлгорода.
352	Никифоръ Извѣковъ. . . Писать умѣетъ, женатъ.	1734		Ноября съ 21.	Изъ адъютантовъ Невскаго полка.		Изъ шляхетства Ржевскаго уѣзда.
353	Петръ Фрязинъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1755 г. Мая 10 изрубленъ. Послѣ его осталась жена. *Прим.* Прапорщикомъ 1742 г. Февраля съ 3.	1738			Изъ прапорщиковъ Ингерманландскаго полка.		Изъ шляхетства Бѣлозерскаго уѣзда.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
354	Александръ Шуваловъ . . *Прим.* Прапорщикомъ 1742 г. Іюля съ 3. Писать умѣетъ, не женатъ.	Въ с бѣ съ	луж- 1737	1747 года Ноября съ 21 числа.	Изъ прапорщиковъ государственный Адмиралтействъ Коллегіи Морской Академіи.		Изъ шляхетства Костромскаго уѣзда.
355	Акимъ Батвиньевъ. . . . *Прим.* Прапорщикомъ 1742 г. Октября съ 9, самъ объявилъ. Писать умѣетъ, не женатъ.	1739			Изъ прапорщиковъ Воронежскаго полка.		Изъ дворянъ Кашинскаго уѣзда.
356	Романъ Струтинскій . . . . *Прим.* О старшинствѣ приказъ 1747 г. Декабря 14. Писать умѣетъ, не женатъ.	При рѣ съ	Дво- 1741		Ея Величества отъ Двора изъ гайдуковъ.	1749 г. Ноября 30 въ вице-капралы.	Изъ малороссіянъ ко двору опредѣленъ изъ служителей бывшаго герцога Курляндскаго.
357	Петръ Свитинъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	Онъ при рѣ б съ а въ въ П сію б отд опят Дво 1742	1741 же Дво- былъ 1713 1726 рус- былъ анъ; ь при рѣ съ				Изъ дворянъ
358	Василій Семеновъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1741	Декабря съ 6.	Изъ сержантовъ ѣздовыхъ Двора Ея Величества л.-гв. Семеновскаго полка.		Изъ подъячихъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
359	Василій Суворовъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.	1737		1747 г. Декабря съ 10.	Изъ аъдютантовъ Астраханскаго пѣхотнаго полка.	1749 г. Ноября 30 въ вице-капралы.	Изъ шляхетства Казанскаго уѣзда.
360	Петръ Лукинъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1741		Съ 27.	Изъ флигель-адъютантовъ отъ бригадира Пашкова.		Изъ шляхетства.
361	Иванъ Арсеньевъ . . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, 1754 г. Декабря 19 удавился. Остались жена Александра Дмитріева дочь, сынъ Василій 3 лѣтъ, дочь Елисавета 2 лѣтъ.	1736		1748 года Января съ 9.	Изъ аудиторовъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Алексинскаго уѣзда.
362	Степанъ Бердяевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1741			Изъ прапорщиковъ бывшихъ при канцеляріи размежеванія земель.		Изъ недоросля Россійскаго дворянства.
363	Трифонъ Федконинъ . . . . Писать не умѣетъ, женатъ, умеръ 1753 года. Февраля 16. Остались жена Матрена Козмина, сынъ Осипъ, а коликихъ лѣтъ неизвѣстно, ибо они живутъ въ Малороссіи.	Вышелъ изъ Пруссіи, при Дворѣ съ 1745		1748 г. Февраля съ 17.	Двора Ея Императорскаго Величества изъ гайдуковъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Служба ихъ. Въ гвардіи.	Служба ихъ. Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
364	Аѳанасій Холодовскій. . . Писать умѣетъ, женатъ. Пожалованъ въ вѣчную отставку армейскимъ преміеръ-маіоромъ Мая 7 числа 1751 г.	При рѣсъ	дво 1744	1748 г. Августа съ 28.	Отъ Двора жъ изъ лакеевъ.	1749 г. Ноября 30 въ вице-капралы.	Изъ Малороссіянъ.
365	Вячеславъ Толбузинъ . . Писать умѣетъ, женатъ.		1741	Октября съ 28 числа.	Л.-гв. Семеновскаго полка изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Волоколамскаго уѣзда.
366	Петръ Молчановъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1741	1746				Изъ дворянъ Каширскаго уѣзда.
367	Артамонъ Чупреяновъ . Писать умѣетъ, не женатъ.		1745				Изъ дворянъ Ярославскаго уѣзда.
368	Андрей Каскѣевъ. . . . . Писать не умѣетъ, женатъ, умеръ 1756 г. Ноября 2. Осталась жена Марья Ѳедосѣева, сынъ Маркъ 7 лѣтъ.	1737	1746				Изъ дворянъ, а котораго города неизвѣстно.
369	Михаилъ Литвиновъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1754 г. Декабря 9. Послѣ его осталась жена Аксинья Елисѣева дочь, беременна.		1740				Изъ людей боярскихъ, а котораго города неизвѣстно.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
370	Иванъ Леонтьевъ. . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1755 г. Мая 10, изрубленъ.	1742	1748	1748 г. Ноября съ 20.	Изъ рейтаръ коннагополка.		Изъ дворянъ Пошехонскаго уѣзда.
371	Александръ Швановицъ. . Писать умѣетъ, женатъ.	Въ артиллеріи съ 1740		Съ 21.	Изъ кондукторовъ инженернаго корпуса.		Академіи наукъ гимназіи ректорскій сынъ.
372	Игнатій Таптыковъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.	1736	1742	Съ 21.	Изъ капраловъ л.-гв. коннаго полка.		Изъ шляхетства Кашинскаго уѣзда.
373	Павелъ Поповъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1740				Изъ рейтарскихъ дѣтей г. С.-Петербурга.
374	Андрей Головинъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1744	Съ 22.	Изъ полковъ л.-гвардіи. Изъ капраловъ Измайловскаго.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ Бѣлгородской губ. въ Старооскольскомъ уѣздѣ.
375	Гаврила Лукинъ . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1743	1748 г. Ноября съ 22.	Изъ капраловъ Измайловскаго.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Мценскомъ уѣздѣ.
376	Карпъ Смирновъ. . . . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1751 г. Мая 22, за продерзости, отосланъ въ Военную Коллегію сержантомъ.	1741	1742		Преображенскаго изъ капраловъ.		Изъ солдатскихъ дѣтей.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
377	Ѳедоръ Любовниковъ . . Писать умѣетъ, женатъ.		1733	1748 года Ноября съ 22 числа.	Изъ каптенармусовъ.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Каширскомъ уѣздѣ.
378	Иванъ Спицынъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1756 г. Декабря 8. Осталась жена Прасковья Карпова дочь.		1736		Изъ капраловъ бомбардирскихъ.		Изъ дворянъ, а деревень за нимъ нѣтъ.
379	Тимофей Гольскій . . . Женатъ.	1739	1742		Изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Пронскаго уѣзда.
380	Митрофанъ Извѣковъ. . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1744				Изъ шляхетства Вяземскаго уѣзда.
381	Петръ Ларіоновъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	1736		Съ 23.	Изъ прапорщиковъ Бутырскаго пѣхотнагополка.		Изъ шляхетства Можайскаго уѣзда.
382	Павелъ Петровскій . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	При рѣсъ	Дво- 1742	1749 г. Апрѣля съ 14.	Изъ придворныхъ лакеевъ.		Польской націи.
383	Григорій Масловъ. . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.	1740		Апрѣля съ 15.	Изъ прапорщиковъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Тульскаго уѣзда.
384	Никита Корченко . . . . . Писать не умѣетъ, умеръ 1758г. Октября 29. Былъ холостъ.	Выш изъ сіи Двор 1745	елъ Прус при ѣ съ		Изъ придворныхъ гайдуковъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
385	Александръ Расловлевъ. . Писать умѣетъ, не женатъ.		1742	1749 г. Октября съ 10.	Гвардіи: изъ капраловъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ Коломенскаго уѣзда.
386	Михаилъ Ласунскій . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1742	Ноября съ 1.	Изъ капраловъ Измайловскаго полка.		Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.
387	Данила Тарсуковъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1734	1749 г. Ноября съ 16.	Изъ капраловъ Коннаго полка.		Изъ недорослей Орловскаго уѣзда.
388	Герасимъ Гаринъ . . . . . . Умеръ 1756 г. Ноября 30. Послѣ его остались дѣти: Ѳома 24, Алексѣй 18 лѣтъ.	Придворѣ 1742 прежде былъ въ гвардіи		Съ 24.	Двора Ея Императорскаго Величества изъ гайдуковъ.		
389	Василій Каленовскій. . .	При дворѣ съ 1745		Съ 24.			Изъ Малороссіянъ.
390	Тимофей Мельгуновъ		1742	Съ 24.	Л.-гв. коннаго полка изъ капраловъ.		Изъ недорослей Зарайскаго уѣзда.
391	Алексѣй Хотяинцевъ . . . Писать умѣетъ.		1742		Изъ рейтаръ.		Изъ недорослей Каширскаго уѣзда.
392	Иванъ Шаховъ.	При дворѣ съ 1737		Съ 30.	Изъ гайдуковъ Двора Ея Императорскаго Величества.		Изъ крестьянскихъ дѣтей Суздальскаго уѣзда.
393	Андрей Милорадовичъ. . Писать умѣетъ.			Декабря съ 12.	Изъ бунчуковыхъ товарищей.		Изъ Малороссіянъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
394	Малафей Мордвиновъ. . . . Писать умѣетъ		1744	1750 г. Августа съ 8.	Изъ капраловъ гвардіи полковъ: Семеновскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Шацкомъ уѣздѣ.
395	Алексѣй Бахметевъ . . . . Писать умѣетъ.		1747		Коннаго.		Изъ шляхетства Саранскаго уѣзда.
396	Григорій Троцкій. . . . Выбылъ 1758 г. Ноября 25, армейскимъ секундъ-маіоромъ, къ статскимъ дѣламъ.			Ноября съ 1.	Изъ канцеляристовъ генеральной войсковой канцеляріи.		Изъ Малороссіянъ.
397	Аѳонасій Сибиряковъ . . . Писать умѣетъ.		1739	Ноября съ 18 числа.	Л.-гв. полковъ изъ капраловъ:		Изъ купцовъ Сибирскихъ.
398	Семенъ Путиловъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ, умеръ 1752 г. Іюня 8. Былъ холостъ.		1745		Преображенскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Новгородскомъ уѣздѣ.
399	Никита Путиловъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1757 г. Октября 16. Осталась жена Степанида Иванова дочь, бездѣтна.		1745				Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Новгородскомъ уѣздѣ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
400	Василій Фофановъ. . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1755 г. Ноября 8. Послѣ его осталась жена Анна Яковлева, бездѣтна.		1745	1750 года Ноября съ 18 числа.	Л.-гв. полковъ изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Старицкаго уѣзда.
401	Ѳедоръ Ивановъ . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.		1741		Семеновскаго.		Изъ поповыхъ дѣтей г. Москвы.
402	Филатъ Крахоткинъ. . . . Женатъ.	1723	1739		Измайловскаго.		Изъ крестьянъ Ржевскаго уѣзда.
403	Никита Бестужевъ . . . Не женатъ.	Въ инженерномъ корпусѣ 1744	инженерномъ корпусѣ съ 1748				Изъ недорослей Бѣжецкаго уѣзда.
404	Михаилъ Скорбѣевъ . . Женатъ, умеръ 1756 г. Ноября 1. Умеръ въ деревнѣ.		1741		Коннаго.		Изъ шляхетства Вологодскаго уѣзда.
405	Иванъ Уваровъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.	Въ артиллеріи съ	1743		Изъ кондукторовъ Инженернаго корпуса.		Изъ недорослей Новгородскаго уѣзда.
406	Петръ Филипповъ. . . .		1744	Съ 19.	Изъ капраловъ л.-гв. Измайловскаго		Лейбъ-кампаніи изъ гренадерскихъ дѣтей, а жительство имѣетъ въ Ряжскомъ уѣздѣ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
407	Тимофей Неплюевъ. . . .	1740		1750 года. Ноября съ 24 числа.	Изъ прапорщиковъ Бутырскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Великолуцкомъ, Псковскомъ и Пусторжевскомъ уѣздахъ.
408	Князь Семенъ Мамлѣевъ.		1742		Л.-гв. полковъ изъ подпрапорщиковъ Измайловскаго.		Изъ недорослей Нижнеломовскаго уѣзда.
409	Левъ Батюшковъ.	1738	1742		Изъ капраловъ Преображенскаго.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ.
410	Василій Леслій.	Въ кадетскомъ корпусѣ съ 1746		Съ 27 числа.	Изъ кадетъ шляхетнаго кадетскаго корпуса.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Смоленской губерніи.
411	Александръ Леслій. . . .	Въ кадетскомъ корпусѣ съ 1746					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Смоленской губерніи.
412	Василій Шамякинъ		1744	1751 г. Января съ 24.	Изъ капраловъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ Московской губерніи въ селѣ Боровскомъ.
413	Петръ Половъ. . . . . . Писать умѣетъ	1738		Съ 26.	Изъ прапорщиковъ Псковскаго драгунскаго полка.		Изъ шляхетства въ Костромскомъ уѣздѣ, а испомѣщенъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
414	Николай Мячковъ.	Въ кадетскомъ корпусѣ	1741	1751 года Января съ 26 числа	Кадетскаго корпуса: Изъ капраловъ		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ и въ Суздальскомъ уѣздѣ.
415	Иванъ Яворскій	1745					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Романовскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ.
416	Петръ Бекетовъ.	1748					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Нижегородскомъ и Алаторскомъ уѣздахъ.
417	Алексѣй Кирѣевскій . . .	1742			Изъ кадетъ.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Козельскомъ, въ Московскомъ и въ Рязанскомъ уѣздахъ.
418	Николай Перекусихинъ. .	1744			Изъ кадетъ.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ разныхъ уѣздахъ, а гдѣ именно не сказано.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
419	Николай Воейковъ большой . . . . . . Писать умѣетъ, женатъ, умеръ 1757 г. Октября 12. Осталась жена Марья Андреева дочь, сынъ Александръ 3 лѣтъ.	1744		1751 года. Января 26 числа.	Изъ кадетъ.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Козельскомъ и Переславлѣ-Залѣскомъ уѣздахъ.
420	Алексѣй Дементьевъ . . .	1745					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Вологодскомъ уѣздѣ.
421	Николай Колтовскій	Въ детскорпусъ	кадетскомъ корпусѣ 1745				Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Копорскомъ, въ Елецкомъ и въ прочихъ уѣздахъ.
422	Петръ Межаковъ.	1746					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Вологодскомъ и въ Костромскомъ уѣздѣ.
423	Семенъ Воейковъ	1746					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ разныхъ уѣздахъ, а гдѣ именно не показано.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
424	Егоръ Наумовъ.	1747		1751 г. Января съ 26 числа.	Изъ кадетъ.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ разныхъ уѣздахъ, а гдѣ именно не сказано.
425	Василій Нероновъ	1748					Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ разныхъ уѣздахъ, а гдѣ именно не показано.
426	Григорій Колобовъ	Въ службѣ съ 1730		Марта съ 28 числа.	Изъ поручиковъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Ржевскаго уѣзда.
427	Ѳедоръ Смольяниновъ. . . .	1736			Изъ поручиковъ ландъмилицкаго Рыльскаго полка.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Шацкомъ уѣздѣ.
428	Иванъ Власовъ.	1732			Изъ подпоручиковъ Нотебургскаго пѣхотнаго полка.		Изъ дворянъ, а испомѣщенъ въ Галицкомъ и въ прочихъ уѣздахъ.
429	Иванъ Пазухинъ	1739			Изъ адъютантовъ Астраханскаго драгунскаго полка.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Алаторскомъ, Муромскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
430	Кирилла Хрущовъ	1742		1751 года. Марта съ 28 числа.	Изъ прапорщиковъ Казанскаго драгунскаго полка.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Курскомъ и Елецкомъ уѣздахъ.
431	Петръ Казинъ.	1743			Изъ вахмистровъ Ингерманландскаго драгунскаго полка.		Изъ шляхетства Ржевскаго уѣзда.
432	Михаилъ Страховъ. . . . . . Умеръ 1759 г. Февраля 18.	1743			Изъ подпрапорщиковъ Астраханскаго драгунскаго полка.		Изъ дворянъ Бѣлевскаго уѣзда.
433	Леонтій Мягковъ.	1736		1752 года. Декабря съ 4 числа.	Изъ прапорщиковъ Троицкаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Новгородскаго уѣзда
434	Дмитрій Дубовицкій . . .	1737			Изъ прапорщиковъ Ингерманландскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Ряжскаго уѣзда.
435	Семенъ Свѣчинъ. . , . . .		1739		Изъ бомбардировъ л.-гв. Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ.
436	Иванъ Головачевъ . . . . Умеръ 1756 г. Декабря 9, Послѣ его осталась жена Θедосья Трофимова дочь, бездѣтна	Въ путнкаско корсъ	сухо омъ детмъ пусѣ 1742		Морскаго флота отъ гардемаринъ изъ капраловъ.		Изъ дворянъ Новгородскаго уѣзда.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
437	Иванъ Елагинъ.		1743	1752 г. Декабря съ 4. Съ 10 числа.	Изъ капраловъ Преображенскаго полка.		Изъ дворянъ.
438	Козьма Самороцкій . . .	Въ тилл съ	ар- еріи 1746		Изъ бомбардировъ главной артилле-ріи.		
439	Аѳонасій Кривцовъ. . .	1741			Изъ вахмистровъ лейбъ-кирасирскаго полка.		Изъ шляхетства Мценскаго уѣзда.
440	Петръ Тарбѣевъ	1746			Изъ сержантовъ С.-Петербургскаго пѣхотнаго полка.		Изъ шляхетства Казанскаго уѣзда.
441	Юрій Трофимовъ . . .	1751	1742	1753 г, Октября 23.	Изъ прапорщиковъ Ямбургскаго драгунскаго полка.		Изъ шляхетства, а испомѣщенъ въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Праксинѣ.
442	Василій Стайновскій	1736		1754 г. Мая съ 8.	Рославльскаго эскадрона. Изъ вахмистровъ.		Изъ шляхетства, а помѣстье есть ли за нимъ, не показано.
443	Антонъ Жегаловъ	1742			Изъ подпрапорщиковъ.		Изъ шляхетства г. Дорогобужа.
444	Иванъ Перскій.	1754	1745	1755 г. Іюня съ 17 числа.	Изъ подпоручиковъ Оренбургскаго гарнизона.		Изъ шляхетства.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
445	Григорій Трофимовъ	1754	1736	1755 года Іюня съ 17 числа.	Изъ подпоручиковъ Нижегородскаго.		
446	Иванъ Чириковъ.	1751	1745		Вятскаго.		Изъ дворянъ.
447	Василій Поливановъ . . .	1747			Низовскаго.		Изъ шляхетства.
448	Иванъ Комаровскій	1744			Перваго Московскаго.		Изъ шляхетства.
449	Иванъ Маматовъ. . . . . . Умеръ 1758 г. Іюля 24.	1743			Московскаго драгунскаго изъ прапорщиковъ.		Изъ дворянъ.
450	Григорій Роговъ.		1737		Преображенскаго полка изъ сержантовъ.	1759 г. Января 23 въ лейбъ-кампанію жъ писаремъ пожалованъ.	Изъ слугъ монастырскихъ.
451	Дементій Непейцынъ . . .		1742		Семеновскаго изъ каптенармусовъ.		Изъ дворянъ.
452	Иванъ Трахніотовъ. . . .		1742		Коннаго изъ каптенармусовъ		Изъ дворянъ.
453	Петръ Муромцевъ. . . .	1737	1744		Семеновскаго изъ фурьеровъ.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
454	Андрей Балкашинъ. . . .	Въ же номъ пусѣ 1743	ин- нер- кор- съ		Инженернаго корпуса изъ кондукторовъ.		Изъ шляхетства.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба их. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
455	Иванъ Бѣшенцевъ . . .	Съ	1743	1755 года Іюня съ 17 числа.	Инженернаго корпуса изъ кондукторовъ.		Изъ шляхетства.
456	Иванъ Захаровъ.	Съ	1744				Изъ шляхетства.
457	Козьма Истоминъ.		1742		Изъ капраловъ: Измайловскаго.		Изъ купцовъ.
458	Иванъ Вятченинъ	1738	1743				Изъ солдатскихъ дѣтей.
459	Сергѣй Матюнинъ		1741				Изъ солдатскихъ дѣтей.
460	Матвѣй Изгоковъ.		1746		Семеновскаго.		Изъ дворянъ.
461	Тимофей Чеботаевъ. . . .		1747				Изъ однодворцевъ.
462	Василій Арсеньевъ. . . .		1748				Изъ дворянъ.
463	Семенъ Масловъ.				Измайловскаго.		Изъ дворянъ.
464	Гаврила Корсаковъ . . . . Выбылъ 1761 г. Сентября 12, отосланъ тѣмъ же чиномъ въ Военную Коллегію.	1745	1748		Семеновскаго.		Изъ дворянъ.
465	Левъ Гальскій		1744		Преображенскаго.		Изъ дворянъ.
466	Акимъ Хлѣбниковъ		1748				Изъ офицерскихъ дѣтей.
467	Егоръ Шаргинъ	1737	1742				Изъ церковниковъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи			
468	Кононъ Мячковъ. . . . . . Умеръ 1760 г. Іюня 22. Осталась жена Домна Иванова.		1742	1755 года Іюня съ 17 числа.	Преображенскаго.		Изъ дворянъ.
469	Иванъ Воропановъ	1741	1742				Изъ дворянъ.
470	Родіонъ Рудневъ.	1748	1751		Коннаго.		Изъ шляхетства.
471	Иванъ Куликовъ.	1747	1751		Преображенскаго.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
472	Меркулъ Флигинскій . . . . Умеръ 1759 г. Апрѣля 12.	1737	1742		Преображенскаго.		Изъ церковниковъ.
473	Андрей Зеленой . . . . . . Умеръ 1761 г. Ноября 23.		1748				Изъ дворянъ.
474	Ѳедотъ Глазатовъ.	1745			Изъ вахмистровъ Архангелогородскаго драгунскаго.		Изъ шляхетства.
475	Иванъ Сумароковъ. . . . . Выбылъ 1760 г. Апрѣля 16 дня за продерзости поручикомъ въ полки.	1744			Изъ сержантовъ 1 Московскаго.		Изъ шляхетства.
476	Петръ Есиповъ.	1750			Изъ каптенармусовъ Ямбургскаго драгунскаго.		Изъ шляхетства.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
477	Ѳедоръ Пущинъ. . . . . Выбылъ 1758 г. Ноября 25, къ дѣламъ, секундъ-маіоромъ.	Въ детс кор съ	кадкомъ пусѣ 1750	1755 г. Іюня съ 17.	Кадетскаго корпуса изъ кадетъ.		Изъ шляхетства.
478	Петръ Колюбакинъ		1750		Изъ солдатъ Семеновскаго полка.		Изъ дворянъ.
479	Борисъ Языковъ.	1748		Іюля съ 2.	Изъ подпоручиковъ Смоленскаго.		Изъ шляхетства.
480	Николай Масловъ		1747	Августа съ 25.	Изъ бомбардировъ Преображенскаго.		
481	Григорій Чаплинъ.	1745		1756 года Мая съ 31 числа.	Изъ подпоручиковъ Апшеронскаго.		Изъ шляхетства, въ Зубцовскомъ уѣздѣ въ селѣ Михайловскомъ.
482	Филиппъ Адучѣевъ.		1738		Коннаго изъ вахмистровъ.		
483	Ѳедоръ Волоцкій.		1741		Изъ вице-вахмистровъ.		
484	Михаилъ Пересвѣтовъ. . .	1740	1745		Изъ каптенармусовъ. Преображенскаго.		Изъ дворянъ Дорогобужскаго уѣзда, въ селѣ Семлевѣ.
485	Евплъ Нелидовъ.		1741				Изъ дворянъ Галичскаго уѣзда, въ усадьбѣ Бекириловой.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
486	Михаилъ Есеневъ.		1749	1756 года Мая съ 31 числа.	Изъ каптенармусовъ Семеновскаго.		Изъ дворянъ.
487	Илья Умюровъ.		1748		Изъ капраловъ Преображенскаго.		Изъ дворянъ Переславскаго уѣзда Рязанскаго въ селѣ Вальяшевѣ.
488	Степанъ Скворцовъ . .		1748		Преображенскаго.		Изъ дворянъ Торопецкаго уѣзда, въ селѣ Конотвѣ.
489	Никифоръ Рыбиковъ		1748				Лейбъ-кампаніи изъ гренадерскихъ дѣтей.
490	Ефимъ Головачевъ.	1747	1755		Семеновскаго.		Изъ дворянъ.
491	Петръ Игреневъ.		1751				Лейбъ-кампаніи гренадерскій сынъ.
492	Аксентій Теляковскій. . .		1751				Изъ дворянъ.
493	Кондратій Захарьевъ . .		1753				Лейбъ-кампаніи гренадерскій сынъ.
494	Егоръ Римскій - Корсаковъ.		1749		Измайловскагаго.		Изъ Смоленскихъ шляхтичей.
495	Егоръ Ермолинъ.	1744	1751				Изъ дворянъ.
496	Герасимъ Чуксинъ . . .	1730	1730				Изъ однодворцевъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
497	Василій Голощаповъ. . .		1744	1756 года Мая съ 31 числа.	Изъ капраловъ Коннаго.		
498	Филиппъ Глазовъ.		1748				
499	Михаилъ Воронцовъ. . . .	1747	1754				
500	Василій Аникіевъ	1748	1753				
501	Петръ Обуховъ.	1741	1753				
502	Егоръ Хитровъ.		1753				
503	Өедоръ Новиковъ		1749		Изъ ротныхъ обозныхъ Преображенскаго.		Изъ слугъ монастырскихъ.
504	Өедоръ Болотовъ		1749		Измайловскаго.		Изъ дворянъ.
505	Антонъ Ахматовъ	1753			Изъ вахмистровъ Азовскаго драгунскаго.		Изъ шляхетства Алаторскаго уѣзда, въ селѣ Алексѣевскѣ, Ахматово тожъ.
506	Яковъ Возницынъ. . . .	1748			Изъ сержантовъ Пермскаго пѣхотнаго.		Изъ шляхетства въ Старицкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Машишинѣ.
507	Дмитрій Борисовъ		1752		Семеновскаго изъ гренадеръ.		Лейбъ-кампаніи гренадерскій сынъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
508	Василій Егачевъ. . . . . . Выбылъ 1761 г. Октября 26, за продерзости въ полки сержантомъ.		1752	1756 г. Мая 31 числа.	Изъ солдатъ.		Изъ крестьянъ.
509	Прокофій Сорокинъ			1757 Марта съ 6.	Изъ сержантовъ вышедшихъ Прусской службы.		
510	Петръ Головинъ . . . . . Писать умѣетъ.	1746			Астраханскаго пѣхотнаго полка изъ сержантовъ.		Изъ шляхетства.
511	Ѳедоръ Потемкинъ. . . .			Ноября съ 23 числа.	Изъ шляхтичей Смоленскихъ.		
512	Наумъ Косыхъ . . . . . Умеръ 1760 г. Іюня 28.				Семеновскаго полка изъ гренадеръ.		
513	Алексѣй Варлашовъ						
514	Анофрій Даниловъ				Преображенскаго изъ солдатъ.		
515	Григорій Кулябка		1754	1758 г. Мая съ 6.	Изъ ротныхъ квартермистровъ, коннаго.		
516	Никита Жилинъ	1754		Съ 14.	Изъ прапорщиковъ армейскихъ.		
417	Фадей Жолобовъ			1759 г. Марта съ 27.			

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
518	Никита Толмачевъ			1759 года марта съ 31 числа.	Формирующаго корпуса 2 мушкетерскаго полка.		
519	Борисъ Волоцкій.	1737	1738		Изъ вахмистровъ коннаго.		
520	Данила Толбузинъ . . .	1748	1750		Изъ сержантовъ Семеновскаго.		
521	Степанъ Свищевъ		1748		Изъ квартермистровъ коннаго.		
522	Василій Пановъ.		1752		Изъ каптенармусовъ Преображенскаго.		
523	Филонъ Диринъ.		1747		Изъ подпрапорщиковъ Семеновскаго.		
524	Ѳедоръ Сколковъ.	1744	1753				
525	Николай Пашковъ.		1753				
526	Василій Казначеевъ. . . .	1745	1747		Изъ фурьеровъ Преображенскаго.		
527	Алексѣй Ахлебаевъ. . . .		1748		Семеновскаго.		
529	Василій Шульгинъ.		1748		Изъ гефрейтъ капраловъ коннаго.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
529	Тимофей Малатеинъ. . . .		1748	1759 года Марта съ 31 числа.	Изъ фурьеровъ Семеновскаго.		
530	Андрей Тырковъ	1748	1751				
531	Николай Васьковъ.	1749	1755				
532	Никита Кирѣевъ.		1750		Изъ капраловъ Семеновскаго.		
533	Дмитрій Хлѣбниковъ	1752	1754		Преображенскаго.		
534	Николай Бекетовъ		1754		Семеновскаго.		
535	Астафій Глазовъ.		1751		Конногo.		
536	Гаврила Дубовицкій . . .	1745	1754				
537	Алексѣй Сверчковъ . .	1751	1754				
538	Михаилъ Глядковъ.	1752	1754				
539	Михаилъ Мишковъ.		1752				
540	Трофимъ Уваровъ.		1748		Преображенскаго.		
541	Лукьянъ Жилинъ.		1753		Семеновскаго.		
542	Ѳедоръ Бабаевъ.		1737		Преображенскаго.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
543	Василій Хрусловскій . . .	1747	1748	1759 года Марта съ 31 числа.	Преображенскаго. Коннаго.		
544	Григорій Басковъ		1752				
545	Никифоръ Тихоміровъ. .		1753				
546	Иванъ Ляховъ.	1740	1753				
547	Василій Замятинъ		1755				
548	Павелъ Басковъ		1756				
549	Степанъ Вишневскій		1758				
550	Андрей Жихаревъ	1747	1750				
551	Андреянъ Тимофеевъ . . .		1752				
552	Иванъ Давыдовъ.		1753				
553	Борисъ Стрѣлковъ.	1750	1753				
554	Иванъ Стерликовъ	1752	1753				
555	Дмитрій Рыковъ.		1755				
556	Алексѣй Башкинъ	1743	1755				
557	Фаддей Малѣевъ	1749	1755				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
558	Федотъ Насоновъ		1756	1759 года Марта съ 31 числа.	Коннаго. Семеновскаго.		
559	Фролъ Салковъ		1756				
560	Егоръ Судовскій	1747	1758				
561	Егоръ Бибиковъ	1751	1758				
562	Алексѣй Мазыринъ	1753	1758				
563	Иванъ Даниловъ		1758				
564	Ѳедоръ Карповичъ	1758	1758				
565	Леонтій Игнатьевъ		1740				
566	Иванъ Рудневъ		1748				
567	Иванъ Щукинъ		1749				
568	Ѳедоръ Гордѣевъ		1754		Изъ капраловъ Семеновскаго.		
569	Кирилла Васютинъ		1755				
570	Трофимъ Потуловъ		1756				
571	Андрей Булыковъ	1753	1756				

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
572	Гаврила Максимовъ			1759 г. Марта съ 31 числа.	Изъ вахмистровъ Ямбургскаго драгунскаго.		
573	Алексѣй Аверкіевъ . .				Изъ сержантовъ Астраханскаго пѣхотнаго полка.		
574	Василій Терновскій				Московскаго гарнизона Коломенскаго полка		
575	Ѳедотъ Литвиновъ			Апрѣля съ 1.	Новоформированнаго корпуса 2 мушкатерскаго полка.		
576	Василій Есиповъ			Съ 17.	Изъ подпоручиковъ Троицкаго драгунскаго полка.		
577	Аверкій Абрушниковъ. .	1738		Мая съ 4.	Изъ прапорщиковъ отъ строеній канцеляріи баталіонныхъ.		
	Никифоръ Чеглоковъ . .	1757	1748	Съ 15.	Изъ подпоручиковъ Капорскаго пѣхотнаго полка.		
579	Михаилъ Дубасовъ	1751			Изъ подпоручиковъ Тобольскаго.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
580	Иванъ Болотниковъ						
581	Ефимъ Пашковъ.						
582	Леонтій Салавачевъ . . .			1759 г. Августа съ 3.	Изъ капраловъ Измайловскаго.		
583	Григорій Бибиковъ . . . . Писать умѣетъ.	Въ детс корсъ и въ съ	камомъ пусѣ 1751 арм. 1758	Августа 5.	Изъ подпоручиковъ формированнаго корпуса.		
584	Матвѣй Окуловъ. . . . . . Писать умѣетъ.			Съ 14.	Изъ прапорщиковъ Троицкаго драгунскаго.		
585	Василій Чихачевъ . . . . Писать умѣетъ	1748		Сентября съ 6.	Изъ вахмистровъ Владимірскаго драгунскаго.		
586	Андрей Лилигрейнъ . . . Писать умѣетъ.			Съ 14.	Изъ дворянъ Шведской націи.		
587	Григорій Кологривовъ . . Писать умѣетъ.		1754	Съ 22.	Изъ капраловъ Семеновскаго.		
588	Иванъ Козловскій . . . . Писать умѣетъ.	Въ с бѣсъ	луж- 1756	Съ 22.	Изъ берейторскихъ учениковъ конюшеннаго двора.		
589	Николай Елчаниновъ. . . Писать умѣетъ.		1751	Октяб. съ 15.	Изъ капраловъ Семеновскаго.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
590	Карпъ Гребенкинъ. . . . Писать умѣетъ.	1749		Октяб. съ 15.	Кіевской рейтарскойкоманды изъ вахмистровъ.		
591	Иванъ Толбузинъ . . . . Писать умѣетъ.		1756	Съ 18.	Изъ капраловъ Семеновскаго.		
592	Иванъ Ждановъ . . . . . Писать умѣетъ.		1745	Съ 20	Изъ каптенармусовъ Коннаго.		
593	Александръ Есиповъ . . . Писать умѣетъ.	1751	1757	Съ 20.	Изъ капраловъ коннаго.		
594	Иванъ Бѣгичевъ. . . . . . Писать умѣетъ.		1757	Съ 20.			
	Священникъ Иванъ Комаровскій . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1747 г. Декабря 10 дня, произведенъ въ Московскій Архангельскій соборъ протопопомъ.			1742 г. съ 18 Марта.	Изъ священниковъ гвардіи Преображенскаго полка.		
	На мѣсто его Священникъ Петръ Козицкій . . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ, умеръ 1752 г. Сентября 16. Жены и дѣтей не осталось.			1747 г. Декаб. съ 10.	Изъ священниковъ морскаго полковаго двора.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Священникъ Иванъ Потаповъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1744	1752 г. Декабря 4.	Изъ священниковъ л.-гв. Коннаго полка.		
	Діаконъ Өома Өедоровъ. Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1755 г. Декабря 28 дня послѣ посвященія въ Архангельскій соборъ въ попы, отосланъ въ Синодъ. *Прим.* Сначала былъ въ лейбъ-кампаніи дьячкомъ, а діакономъ 1750 г. Іюня съ 24 числа.			1746 г. Января съ 29.	Изъ дьячковъ соборной церкви Св. Исаакія Далматскаго.		
	Діаконъ Иванъ Яковлевъ. . . *Прим.* Сначала былъ въ лейбъ-кампаніи дьячкомъ, а діакономъ 1756 г. Іюля съ 30 числа.			1750 г. Іюня съ 24.	Изъ дьячковъ Коннаго полка.		
	Лѣкарь Миллербахъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ, умеръ 1745 г. Мая 8.			1742 г. Января съ 1.	Изъ лѣкарей армейскихъ.		Изъ лѣкарскихъ дѣтей г. Копенгагена.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Яко-штабъ-лѣкарь Тиль. Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1747 г. Сентября 10, выключенъ и опредѣленъ къ состоящимъ на Украйнѣ полкамъ.			1745 г. Іюля съ 20.	Изъ лѣкарей присланъ изъ Медицинской Канцеляріи.		
	Штабъ-лѣкарь Крестьянъ Эгидій. Писать умѣетъ, женатъ.			1747 г. Сентября съ 10.	Изъ главныхъ лѣкарей бывшихъ при Медицинской Канцеляріи у физическихъ дѣлъ.		
	Писарь Андрей Сорокинъ. Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 3, пожалованъ секретаремъ въ Синодъ.			1742 г. съ 1 Января	Изъ регистраторовъ Статсъ конторы.		Изъ подъяческихъ дѣтей г. Москвы.
	Писарь Иванъ Елагинъ *). *) Славный впослѣдствіи Иванъ Перфильевичъ, одинъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ Екатерининскаго воцаренія. П. Б. Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1751 г. Марта 17, пожалованъ къ его высокографскому сіятельству Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, въ генералы-адъютанты.			1748 г. съ 3 Марта.	Изъ прапорщиковъ С.-Петербургскаго гарнизона Невскаго полка.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Писарь Илья Петровъ . . . Писать умѣетъ, не женатъ, подъ арестомъ былъ одинъ разъ. Выбылъ. 1754 г. Марта 26 выключенъ, а 1755 Декабря 24 для опредѣленія въ пустынь въ искусъ отосланъ въ Синодъ.			1742 г. Сентября съ 6.	Изъ копіистовъ Канцеляріи Главной Артиллеріи.	Сначала былъ копіистомъ, а въ писаря пожалованъ 1751 г. Марта 31.	Изъ подьяческихъ дѣтей г. Москвы.
	Писарь Михаилъ Бѣляевъ . . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.			1749 г. Декаб. съ 11.	Изъ копіистовъ Военной Коллегіи.	Былъ копіистомъ, а писаремъ пожалованъ 1754 г. Апрѣля 16.	Изъ подьяческихъ дѣтей.
	Лѣкарь Блюмъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ. *Прим.* Ему рангъ имѣть прежній армейскихъ полковъ лѣкарскій, потомъ, въ 1751 году, пожалованъ чиномъ поручика.	1734		1747 г. Октяб. съ 25.	Изъ лѣкарей перваго Московскаго полка.		
	Подлѣкарь Василій Арефьевъ . . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Умеръ 1747 г. Января 13.			1742 г. Январ. съ 1.	Изъ подлѣкарей.		Изъ солдатскихъ дѣтей.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
	Подлѣкарь Корнилъ Корниліузонъ. . . Писать умѣетъ, не женатъ. Умеръ 1755 г. Марта 21.			1743 г. Декаб. съ 27.	Изъ лѣкарскихъ учениковъ Морскаго Госпиталя.	Сначала былъ лѣкарскимъ ученикомъ, а въ подлѣкаря пожалованъ 1747 Октября 25.	Изъ иноземцевъ.
	Копіисты: Лука Волковъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Февраля 29, пожалованъ въ коллежскіе протоколисты и въ управители въ дворцовыя волости.			1742 г. съ 1 Январ.	Изъ копіистовъ Правительствующаго Сената.		Изъ подъяческихъ дѣтей г. Москвы.
	Иванъ Портновъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1745 г. Октября 3, пожалованъ въ коллежскіе протоколисты и опредѣленъ въ Москву къ протесту векселей публичнымъ нотаріусомъ.			Сентября съ 6.	Статсъ-конторы.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. С.-Петербурга
	Илья Петровъ. . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1751 г. Марта 31, пожалованъ въ писаря, который значитъ выше сего.				Канцеляріи Главной Артиллеріи.		Изъ подъяческихъ дѣтей г. Москвы.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Иванъ Бутримовъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1752 г. Декабря 10, пожалованъ армейскимъ подпоручикомъ, къ статскимъ дѣламъ.			1745 г. Октября 3.	Оберъ-егермейстерской Канцеляріи.		Оберъ-коммисарскій сынъ г. С.-Петербурга.
	Өедоръ Ивановъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1752 г. Декабря 10, пожалованъ прапорщикомъ къ дѣламъ.		1737	1745 года Ноября съ 11.	Изъ писарей гвардіи Семеновскаго полка.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Степанъ Осетровъ. . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1752 г. Декабря 10, къ дѣламъ армейскимъ подпоручикомъ.			1745 года Ноября съ 11.	Изъ копіистовъ придворной Камерьцалмейстерской Конторы.		Изъ подьяческихъ дѣтей г. С.-Петербурга
	Петръ Щеголевъ. . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1748 г. Ноября 22, за продерзости въ полки сержантомъ.			1748 г. Февраля съ 29.	Изъ студентовъ Бѣлгородской епархіи Харьковскаго училищнаго монастыря.		Изъ церковниковъ, поповъ сынъ.
	Алексѣй Оловенишниковъ. Писать умѣетъ, не женатъ.			Ноября съ 22.	Изъ копіистовъ Кадетскаго Корпуса канцеляріи		Изъ подьяческихъ дѣтей.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Михаилъ Бѣляевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1754 г. Апрѣля 16, пожалованъ писаремъ.			1749 г. Декабря съ 11.	Государственной Военной Коллегіи.		Изъ подъяческихъ дѣтей г. Переславля Залѣскаго.
	Николай Алексѣевъ . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.				Изъ копіистовъ Правительствующаго Сената.		Изъ подъяческихъ дѣтей.
	Илья Аѳонасьевъ. . . . Писать умѣетъ, женатъ.			1751 г. Декаб. съ 12.	Правительствующаго Сената.		Изъ подъяческихъ дѣтей г. С.-Петербурга
	Василій Кружевниковъ . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1756 г. Мая 7, за продерзости въ полки солдатомъ.			Съ 12.	Правительствующаго Сената.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. С.-Петербурга
	Иванъ Топорковъ. . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1757 г. Марта 24, за продерзости и за пьянство, съ канцеляристскимъ чиномъ отосланъ въ Герольдію.			1752 года. Декабря съ 10.	Изъ бывшихъ при Академіи канцеляристовъ.		Цеховаго кузнеца сынъ.
	Яковъ Козляницкій . . . Писать умѣетъ, не женатъ.				Изъ бывшихъ при Академіи студентовъ.		Изъ Малороссіянъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Алексѣй Дьяконовъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			1752 г. Декабря съ 10.	Изъ копіистовъ Каммеръ-коллегіи.		Г. Вологды.
	Николай Протодьяконовъ . Писать умѣетъ, не женатъ.			1754 г. Апрѣля съ 16.	Изъ копіистовъ Юстицъ-коллегіи.		
	Василій Корольковъ . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			Мая съ 13.	Изъ канцеляристовъ Вотчинной Коллегіи.		
	Платонъ Желѣзновъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ.				Изъ подканцеляристовъ Соляной Конторы.		
	Иванъ Посниковъ . . . , Писать умѣетъ, женатъ.			1755 г. Сентября 2.	Изъ подканцеляристовъ Тверской Провинціальной Канцеляріи		
	Николай Енцеревъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.				Изъ копіистовъ Придворной Конторы.		
	Владиміръ Лукинъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			1756 г. Мая съ 23.	Изъ находящихся при Герольдіи.		
	Александръ Соколовъ . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			Октября съ 7.	Главной Дворцовой Канцеляріи.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Яковъ Васильевъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			1757 г. Марта съ 24.	Магистратской Конторы.		
	Лѣкарскіе ученики:						
	Александръ Германъ Флей. Писать умѣетъ, выбылъ 1743 г. Декабря 27, за продерзости въ флотъ, тѣмъ же чиномъ.			1742 г. Февраля съ 5.	Сухопутнаго Госпиталя изъ лекарскихъ учениковъ.		Изъ иноземцевъ.
	Петръ Поморскій . . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1747 г. Октября 25, отосланъ въ Медицинскую Канцелярію тѣмъ же чиномъ.			Февраля съ 5.	Сухопутнаго Госпиталя изъ лѣкарскихъ учениковъ.		Изъ иноземцевъ.
	Корнилъ Корниліузонъ. . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1747 г. Октября 25, пожалованъ въ подлѣкаря, который значитъ выше сего.			1743 г. Декабря съ 27.	Изъ лѣкарскихъ учениковъ Морскаго Госпиталя.		Изъ иноземцевъ.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Фельдшера: Петръ Филипповъ . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1750 г. Іюня 5, пожалованъ въ армейскіе подпоручики и опредѣленъ въ С.-Петербургскій гарнизонъ.	1737	1741	1741 г. Декабря съ 31.	Изъ фельдшеровъ гвардіи Преображенскаго.		Изъ солдатскихъ дѣтей г. Москвы.
	Андрей Никитинъ . . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Того-жъ числа пожалованъ въ прапорщики и опредѣленъ въ дворцовыя волости въ управители.	1736	1741	Съ 31.	Измайловскаго.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Максимъ Михайловъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4, пожалованъ подпоручикомъ и въ дворцовыя волости управителемъ.		1736	Съ 31.	Преображенскаго.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Данила Михачевскій. . . Писать умѣетъ, женатъ, выбылъ 1752 г. Декабря 10, въ вѣчную отставку, поручикомъ армейскимъ.			1748 г. Марта съ 4.	Польской націи, изъ новокрещенныхъ.		Изъ Польской націи.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ.			Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
		Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.			
	Иванъ Рябчиковъ . . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1756 г. Декабря 7, въ отставку прапорщикомъ.			1750 года Іюня съ 5.	Изъ капраловъ перваго Московскаго полка.		
	Максимъ Зобнинъ. . . . . . Женатъ.				Изъ цирульниковъ 2 Кадетскаго Корпуса.		
	Матвѣй Мараевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1752 г. Сентября 30, выписанъ, за сказываніе слова и дѣла, въ полки, безъ ранга, изъ тайной.						
	Андрей Сатиновъ			1750 г. Іюня съ 5.	Изъ мастеровъ С.-Петербургскаго фельдшерпаго цеха.		
	Иванъ Михачевскій . . . . Писать умѣетъ, не женатъ.			Съ 6.	Лейбъ-кампаніи изъ фельдшерскихъ дѣтей.		
	Никита Богдановъ			1751 г. Мая съ 30.	Кадетскаго Корпуса изъ цирульниковъ.		
	Аѳонасій Селуяновъ. . . .				Ингерманландскаго пѣхотнаго полка изъ солдатъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Ѳедоръ Аѳонасьевъ. . . .			1752 г. Октября съ 29.	Коннаго, изъ цирульниковъ.		
	Ѳедоръ Рыжковъ.			Декабря съ 10.	Изъ фельдшеровъ Измайловскаго.		
	Барабанщики:						
	Иванъ Бурковъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Умеръ 1742 г. Іюня 30.		1701	1741 года Декабря съ 31 числа.	Изъ барабанщиковъ гвардіи. Преображенскаго.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Ѳедоръ Спиринъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1746 г. Ноября 25, по прошенію пожалованъ подпоручикомъ къ дѣламъ къ полиціи.		1723				Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Петръ Хахинъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4. пожалованъ подпоручикомъ и отосланъ для опредѣленія, по ихъ желаніямъ, въ Сенатъ.	1727	1733				Изъ крестьянъ Устюжскаго уѣзда.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Аѳонасій Ивановъ. . . . . . Писать не умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4, пожалованъ подпоручикомъ и отосланъ для опредѣленія, по ихъ желаніямъ, въ Сенатъ.		1740	1741 г. Декабря съ 31.	Преображенскаго.		Изъ крестьянъ.
	Василій Епанчинъ . . . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Умеръ 1744 г. Іюня 20.			1742 г. Октября съ 28.			
	Иванъ Малыгинъ . . . . Писать не умѣетъ, женатъ.			1744 г. Іюля съ 21.			
	Михаилъ Ивановъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.		1726	1746 г. Декабря съ 15.			
	Яковъ Дьяковъ. . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1754 г. Іюля 13, выписанъ въ армейскіе капралы.			1748 г. Апрѣля съ 7.	Семеновскаго.		
	Иванъ Зарубинъ	Въ службѣ съ 1725 въ Корпусѣ Кадетскомъ съ 1736			Кадетскаго Корпуса.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Спиридонъ Островскій			1749 г. Іюня съ 9.	Семеновскаго.		
	Флейщики:						
	Семенъ Крамскій . . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4, пожалованъ подпоручикомъ и отосланъ въ Сенатъ къ опредѣленію къ дѣламъ.	1727	1729	1741 года Декабря съ 31 числа.	Преображенскаго полка изъ флейщиковъ.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Андрей Худолѣевъ. . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4, пожалованъ подпоручикомъ и отосланъ въ Сенатъ къ опредѣленію къ дѣламъ.		1732				Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Сергѣй Тимохинъ . . . . Писать не умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1745 г. Сентября 28, выпущенъ подпоручикомъ въ полки.		1735				Изъ солдатскихъ дѣтей.

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Алексѣй Мошковъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1748 г. Марта 4, пожалованъ подпоручикомъ и отосланъ въ Сенатъ къ опредѣленію къ дѣламъ.		1737	1741 г. Декаб. съ 31.	Преображенскаго полка изъ флейщиковъ.		
	Василій Гребенщиковъ . . Писать умѣетъ, не женатъ.			1745 г. Октяб. съ 3.	Преображенскаго полка изъ гобойскихъ учениковъ.		Изъ солдатскихъ дѣтей.
	Василій Мордовинъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ.			1748 года. Марта съ 4.	Лейбъ кампаніи изъ гренадерскихъ дѣтей.		
	Евдокимъ Матеровъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ, умеръ 1755 г. Сентября 9.			1748 года. Марта съ 4.	Лейбъ кампаніи изъ гренадерскихъ дѣтей.		
	Иванъ Гавриловъ . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1751 г. Апрѣля 22, за продерзости, отосланъ въ Военную Коллегію, прежнимъ сержантскимъ рангомъ.		1735	1748 г. Апрѣля съ 7.	Измайловскаго полка изъ флейщиковъ.		

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Сначала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Михаилъ Егачовъ. . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ, умеръ 1752 г. Декабря 17.			1752 г. Марта 22.	Лейбъ-кампаніи гренадерскій сынъ.		
	Михаилъ Тутуровъ . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1759 г. Марта дня.			1751 г. Апрѣля съ 22.	Лейбъ-кампаніи изъ гренадерскихъ дѣтей.		
	Староста Михаилъ Колесниковъ. . . . . . Писать не умѣетъ, женатъ.			1742 г. Октяб. съ 5.	Изъ солдатъ Преображенскаго полка.		
	Дьячки:						
	Илья Большевъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1746 г. Марта 14, въ Успенскій соборъ въ діаконы.			1742 года. Марта съ 18 числа.	Преображенскаго полка изъ дьячковъ.		
	Иванъ Зенинъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1745 г. Декабря 24, къ приходу въ діаконы.						
	Ѳома Ѳедоровъ . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.			1746 г. Января съ 29.	Изъ дьячковъ Исакіевскаго собора.	1750 г. Іюня 24 посвященъ въ діаконы въ церкви лейбъ-кампаніи.	

№	ЧИНЫ и ИМЕНА.	Служба ихъ. Въ другихъ полкахъ.	Въ гвардіи.	Въ лейбъ-кампаніи.	Въ лейбъ-кампанію изъ какихъ чиновъ пожалованы.	Перемѣны чиновъ при лейбъ-кампаніи.	Спачала въ службу изъ какихъ чиновъ вступили.
	Василій Ермолаевъ. . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Въ 1750 Іюня 28, уволенъ съ апшитомъ на свое пропитаніе.			1746 г. Мая съ 28.	Изъ Малороссіянъ.		
	Иванъ Яковлевъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ.			1750 г. Іюня съ 24.	Коннаго полка.	1756 г. Іюля 30, посвященъ въ діаконы въ церкви лейбъ-кампаніи.	
	Козьма Егоровъ. . . . . . Писать умѣетъ, женатъ. Выбылъ 1756 г. Іюля 30, къ приходской церкви въ діаконы.			Іюня съ 28.	Кадетскаго Корпуса.		
	Николай Ивановъ . . . . . Писать умѣетъ, не женатъ. Выбылъ 1754 г. Декабря 12, выключенъ.			1752 г. Марта съ 23.	Изъ поповыхъ дѣтей.		

Содержаніе умалишенныхъ въ царствованіе Елисаветы Петровны.

Во второй книгѣ Русскаго Архива 1876 года (стр. 360) помѣщено опредѣленіе Военной Коллегіи о содержаніи умалишенныхъ солдатъ въ госпиталяхъ при Екатеринѣ І-й. Здѣсь печатается опредѣленіе той же Коллегіи о содержаніи въ С.-Петербургскомъ госпиталѣ умалишеннаго офицера Вешнякова, въ царствованіе Елисаветы Петровны. По сравненіи не знаемъ, какъ сказать, для сихъ несчастныхъ больныхъ, какая эпоха была лучше.

Григорій Александровъ.

23 Апрѣля 1761 года. По указу Ея Императорскаго Величества. Государственная Военная Коллегія, по рапорту генерала-лейтенанта барона фонъ Вертерна минувшаго Марта 16 дня, которымъ объявляетъ: прошлаго 1758 года Ноября 18 числа, при указѣ изъ коммисіи вѣдѣнія оберштеръ-кригсъ-коммисара Мерлина, съ прописаніемъ Правительствующаго Сената указу, присланъ въ С.-Петербургской Генеральной Сухопутной Госпиталь отставной прапорщикъ Михайла Вешняковъ и объявлено, что тогожъ Ноября 15 дня Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила: по причинѣ его безумства, отдать, для лучшаго содержанія и лѣченія съ подлежащею по рангу его порціею, въ Генеральной Госпиталь, подтверда при томъ крѣпко, чтобъ онъ пользованъ былъ съ прилежаніемъ и содержанъ подъ хорошимъ присмотромъ, которой въ ономъ госпиталѣ и по нынѣ находится. А прошлаго 1760 года Марта 16 дня, изъ госпитальной конторы, въ бытность въ томъ госпиталѣ старшаго доктора Пеккена, въ Медицинскую Канцелярію и того жъ Марта 20, въ объявленную оберштеръ-кригсъ-коммисарскую коммисію репортами представлено было, что помянутой прапорщикъ Вешняковъ, какъ оной нѣжнаго воспитанія человѣкъ, не бравъ ни откуда и своихъ денегъ на пропитаніе, можетъ придти по таковому его при госпиталѣ содержанію въ вящую печаль и сумнительство, къ чему

можетъ приключиться дальняя меланхолія, тако-жъ де оной прапорщикъ Вешняковъ производимаго имъ, чтобъ въ безумствѣ рѣчей и протчаго шумства или чѣмъ себя повредить и людей уязвлять могъ не присмотрѣно: чего ради признано онаго и при госпиталѣ содержать подъ карауломъ напрасно, не для чего, да и самъ-де онъ часто прошеніемъ своимъ скучность сожалѣтельную о свободѣ изъ госпиталя представляетъ и требовано, не соизволеноль будетъ прописаннаго прапорщика Вешнякова изъ госпиталя исключа, куда надлежитъ представить, дабы оной при госпиталѣ, за вышепрописаннымъ обстоятельствомъ, напрасно находиться и въ такой скучной жизни себя, по его воспитанію, въ бóльшее изнуреніе привести не могъ. На что того жъ года Апрѣля 14 дня, въ присланнемъ изъ оной коммисіи въ Госпитальную Контору указѣ объявлено, что о томъ того же Апрѣля 11 дня, съ требованіемъ указа представляемо было Правительствующему Сенату; но токмо отдано обратно съ приказаніемъ таковымъ, что онаго содержать въ госпиталѣ въ силѣ прописаннаго изъ Правительствующаго Сената и присланныхъ изъ Тайной Канцеляріи указовъ. А по тѣмъ присланнымъ изъ Тайной Канцеляріи указамъ, по причинѣ его сказыванія за собою неоднократно слова и дѣла и отъ госпиталя отлучекъ, велѣно онаго Вешнякова, дабы онъ побѣгу учинить не могъ, содержать и наблюденіе въ смотрѣніи его имѣть по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества объ немъ Вешняковѣ указа; а ежели онъ Вешняковъ, будучи въ госпиталѣ, станетъ за собою или за другимъ кѣмъ сказывать слово и дѣло или объявлять нужду до Тайной Канцеляріи или секретъ по первому и второму пунктамъ, то въ томъ ему не вѣрить и оговорныхъ имъ людей подъ караулъ не брать и въ Тайную Канцелярію не присылать; а за извѣстіе о томъ писать въ Тайную Канцелярію. Если же будетъ онъ произносить каковыя важныя непристойныя слова, тогда класть ему въ ротъ кляпъ, который вынимать только тогда, когда ему пища давана быть имѣетъ. А что именно имъ произнесено будетъ, о томъ учиня записку прислать въ Тайную Канцелярію. А о томъ его важномъ произнесеніи какъ караульнымъ, такъ и никому разговоровъ нигдѣ ни съ кѣмъ не имѣть подъ лишеніемъ живота. О чемъ караульнымъ и другимъ кто такое важное произношеніе услышитъ, объявлять указомъ Ея Императорскаго Величества, съ подписками; и тѣ ихъ подписки по тому жъ прислать въ Тайную Канцелярію.

А хотя по присланнымъ изъ упоминаемой оберштеръ-кригсъ-комисарской коммисіи указамъ по издержкѣ имъ Вешняковымъ, по его тогдашнему желанію, его собственныхъ денегъ и велѣно ему производить на содержаніе его (какъ имъ принимаемо было), изъ казны на каждой день по двадцати по четыре копѣйки, точію

оной какъ пищею, такъ деньгами и одеждою брать не хочетъ, а проситъ только о свободѣ его изъ госпиталя, отъ чего нынѣ за невзятьемъ имъ денегъ, пищи и одежды пришелъ во изнуреніе, такъ что какъ лицемъ, такъ тѣломъ и во всемъ состояніи перемѣнился и ходитъ въ покоѣ безъ рубашки и босой, только въ одной шубѣ. А понеже объ немъ Вешняковѣ ему генералу лейтенанту и отъ нынѣ находящихся въ ономъ госпиталѣ доктора Вандинія и главнаго лекаря Сванвинча объявлено, что онъ болѣзни и безумства не имѣетъ, только то признано, что онъ шумство и таковое упрямство чинитъ съ одной злости и горячности или скучности, а дабы оной Вешняковъ по вышеписаннымъ обстоятельствамъ съ голоду умереть не могъ и нагости болѣе не терпѣлъ и изъ того-бъ ему генералу лейтенанту, за непредставленіе въ вину чего причтено не было: того ради Военной Коллегіи на разсмотрѣніе представляетъ и что̀ съ онымъ Вешняковымъ повелѣно будетъ чинить, требуетъ резолюціи.

Приказали: къ оному генералу поручику послать указъ, въ которомъ написать, что Военная Коллегія вышеписанное представленіе его, за вышепрописанными отъ него самаго обстоятельствами не апробуетъ и изъ онаго ничего иного не находитъ какъ только Коллегіи напрасное утружденіе; потому что объявленной прапорщикъ при ономъ госпиталѣ въ силѣ Высочайшаго именнаго повелѣнія находится; да и не отъ Военной Коллегіи отосланъ, а отъ коммисіи оберштеръ-кригсъ-комисара Мерлина; да ему жъ, по резолюціи Тайной Канцеляріи и вѣрить не велѣно. Того ради ему генералу поручику, подтвердить, дабы онъ впредь о непринадлежащихъ до Военной Коллегіи дѣлахъ отнюдь не представлялъ, и сообщалъ туда, что̀ до котораго мѣста слѣдуетъ. О чемъ для вѣдома и надлежащаго по вышеобъявленному представленію, въ силѣ даннаго изъ Правительствующаго Сената объявленному оберштеръ-кригсъ-комисару Мерлину указа разсмотрѣнія, послать къ нему указъ же. Подлинное за подписомъ членовъ Военной Коллегіи.

Опредѣленіе В. К. 1761 г., стр. 316.

Екатерининскіе пособники-солдаты.

I.

списокъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка гренадерамъ, которые 1762 г. Іюня 29 дня находились въ извѣстной посылкѣ, будучи въ Петергофѣ, съ показаніемъ кто именно изъ нихъ и куда уже выбыли.

Леонтій Быковъ	1771 Апрѣля 2 отставленъ на поселеніе гвардіи капраломъ.
Степанъ Костроминъ . .	1774 Марта 7 отставленъ сержантомъ подъ росписку фуріера Алексѣя Ксенофонтова.
Алексѣй Никитинъ . . .	1777 Мая 29 отставленъ сержантомъ подъ росписку сержанта Ардаліона Соловцова.
Михайлъ Воронинъ. . .	1773 Марта 14 дня отставленъ каптенармусомъ подъ росписку капитана Ивана Всеволожскаго.
Дементій Цуцкинъ . . .	1771 Октября 9 отставленъ каптенармусомъ подъ росписку Григорія Николаевича Теплова.
Павелъ Богдановъ . . .	1777 Іюня 10 отставленъ сержантомъ подъ росписку прапорщика Петра Бардакова.
Иванъ Козыревъ . . .	1774 Марта 25 отставленъ сержантомъ подъ росписку кадета Михаила Мещеринова.
Мануйла Купріяновъ . .	1771 Октября 9 отставленъ каптенармусомъ подъ росписку совѣтника Матвѣя Красильникова.
Якимъ Медвѣдевъ . . .	1767 Іюля 5 умре.
Иванъ Харитоновъ. . .	1774 Октября 17 отставленъ сержантомъ подъ росписку арміи подпоручика Ивана Суровцова.
Яковъ Путиловъ . . .	1764 Октября 8 умре.
Василій Терехинъ . . .	1771 Октября 9 отставленъ сержантомъ подъ росписку совѣтника князя Василья Хованскаго.
Данила Вахрамѣевъ . .	1768 Января 20 за преступленіе выключенъ изъ полка и сосланъ въ Нерчинскъ.

Никита Осиповъ . . .	1771 Іюня 22 по именному повелѣнію, отставлены сержантами, коимъ и велѣно явиться у его свѣтлости князя Григорія Григорьевича Орлова.
Евстифей Остафьевъ . .	
Андрей Красовскій. . .	1771 Апрѣля 2 отставленъ на поселеніе гвардіи капраломъ.
Яковъ Быстрой	1775 Августа 25 умре.
Иванъ Григорьевъ . . .	1777 Мая 29 отставленъ каптенармусомъ подъ росписку арміи капитана Никиты Стромилова.
Итого 18 человѣкъ	

(Изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 10, безъ означенія года).

Примѣчаніе. Этотъ списокъ тѣмъ замѣчателенъ, что Екатерина II-я солдатъ Измайловскаго полка, содѣйствовавшихъ восшествію ея на престолъ, не такъ награждала и баловала, какъ Елисавета Петровна своихъ Преображенскихъ лейбъ-компанейцевъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ ея воцаренію. Изъ списка мы видимъ, что Измайловцы, при выходѣ въ отставку, по неимѣнію собственныхъ средствъ къ существованію, отдавались разнымъ лицамъ подъ росписку. Этотъ порядокъ, равно и отдача въ монастыри на пропитаніе увѣчныхъ и престарѣлыхъ солдатъ, были единственными способами обеспеченія для тѣхъ, кто своего ничего не имѣлъ.

Григорій Александровъ.

II.

Прошенія солдатъ князю Потемкину.

А.

Ваше высокопревосходительство,
Милостивый государь Григорій Александровичъ!

Вѣдая вашего высокопревосходительства оказываемыя ко всѣмъ бѣднымъ неизреченныя покровительства и милости и какъ нѣсть такихъ просящихъ, кто бъ, исходя отъ васъ, не получилъ желаемаго: то и мы нижайшіе возъимѣли смѣлость прибѣгнуть къ вашему высокому покровительству и просить о исходатайствѣ обѣщанной намъ съ прочими, въ прошломъ 1762 году, во время предпріятія Ея Императорскаго Величества Всероссійскаго престола, за исправленіе ввѣренныхъ, при самомъ онаго дѣйствіи,

повелѣніевъ (которыя мы всѣ усердно и съ наиглубочайшею нашею ревностію исполняли), высоко монаршей милости, которою уже многіе по предстательству его высокографскаго сіятельства Алексѣя Григорьевича Орлова и другихъ особъ и получили, то есть съ награжденіемъ сержантскихъ чиновъ, изъ службы отставлены вовсе, съ пенсіономъ каждому въ годъ по сороку рублей, да и по отставкѣ, для исправленія на первой случай по сту рублей.

За высокое жъ вашего высокопревосходительства о насъ нижайшихъ ходатайство, соблюдетъ Всевышній благоденствіе лѣтъ вашихъ. Сіе есть желаніе всѣхъ находящихся подъ высокимъ вашимъ покровительствомъ, а наипаче вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, всенижайшихъ рабовъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Василія Ледашнева и съ товарищими, а именно:

Капраловъ: Григорія Лопатина, Игнатія Ердакова.

Гренадеръ: Василія Ѳокина, Ивана Чекмарева, Аѳонасья Бакунина, Мартына Козмина, Ивана Жукова, Степана Болотина, Осипа Петрова, Назара Шемякина, Ивана Некрасова, Евсѣя Микулина, Василья Запольскаго, Григорія Дружинина, Данилы Воробьева, Родіона Топтыгина, Ефима Силина, Максима Соколова, Лукьяна Никонова, Ѳедора Матусова, Якима Шеина, флейтщика Алексѣя Тихонова, всего 23 человѣка.

(Выписано изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 33, листъ 97).

Б.

Ваше высокопревосходительство,
Милосердый и ко всѣмъ бѣднымъ щедротный отецъ,
Григорій Александровичъ!

Вѣдая ко всѣмъ бѣднымъ вашего высокопревосходительства неизреченное отеческое милосердіе, которымъ васъ всемогущій Богъ одарить соизволилъ, и нѣсть такого, кто бъ, исходя отъ васъ, чтобъ не получалъ какого милосердія, и мы, взирая на ихъ и на вашего высокопревосходительства неисчетное отеческое милосердіе, возъимѣли смѣлость припасть къ стопамъ вашимъ и просить рабски о нижеслѣдующемъ. Въ прошломъ 1762 году, во время предпріятія Ея Императорскаго Величества Всероссійскаго Императорскаго престола, мы нижеименованные съ прочими при самомъ дѣйствіи были и ввѣренное намъ повелѣніе всеусердно съ наиглубочайшею нашею ревностію исполняли, за что и обнадежены къ получе-

нію высокомонаршей милости, послѣ котораго многіе уже и получили, то есть: изъ полковъ лейбъ-гвардіи, по предстательству его высокографскаго сіятельства Алексѣя Григорьевича Орлова и прочихъ особъ, съ награжденіемъ сержантскаго чина, съ полученіемъ награжденія на первую ихъ исправу по 100 и впредь съ пенсіономъ по 40 рублей въ годъ каждому, въ чистую отставку отставлены. Того ради вашего высокопревосходительства всепокорнѣйше рабски просимъ о неоставленіи и насъ, бѣдныхъ, приложить отеческое свое стараніе и предстательство, дабы и мы ходатайствомъ и заступленіемъ вашимъ такое-жъ участіе и высокое Ея Императорскаго Величества матернее милосердіе получить могли.

Вашего высокопревосходительства премногомилосердаго государя всепокорнѣйшіе рабы Семеновскаго полка, подписалъ гренадеръ Иванъ Жуковъ съ товарищами.

Мая 31 дня 1774 года.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 24).

Примѣчаніе. Важнѣйшій въ нашей политической исторіи эпизодъ, восшествіе на престолъ Екатерины II-й, въ подробностяхъ разъясняется все болѣе и болѣе. О началѣ этого событія говорится въ Памятныхъ Запискахъ Храповицкаго, подъ 30 числомъ Декабря 1788 года. Тамъ приведенъ разсказъ самой Императрицы. Изъ него, между прочимъ, видно, что въ каждомъ полку подговоренныхъ солдатъ было по 99. Изъ другихъ же извѣстій видно, что они принадлежали къ полкамъ: Измайловскому, въ которомъ прежде другихъ явилась Екатерина II-я, Семеновскому, Преображенскому и конной гвардіи, гдѣ служилъ и Потемкинъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь. Къ числу участвовавшихъ въ извѣстномъ противъ Петра III-го походѣ принадлежатъ и вышепоименованные 23 нижніе чина Семеновскаго полка, которые, по примѣру другихъ, просили о скромной, за ихъ услугу, наградѣ, и именно объ увольненіи ихъ въ отставку (въ то время это была вожделѣнная награда для солдата, обязаннаго 25-ти лѣтнимъ срокомъ тяжелой службы), съ производствомъ въ чинъ сержанта, съ пособіемъ на обзаведеніе по сту рублей и съ пенсіею по 40 рублей каждому въ годъ. Подобныя умѣренныя желанія просителей исполнялись. Такимъ образомъ разъясняется, что нижніе чины, содѣйствовавшіе Императрицѣ къ восшествію ея на престолъ, не оставались безъ наградъ; но только самыя награды были благоразумно распредѣляемы и не такъ какъ были награждены Елисаветою Петровною Преображенцы лейбъ-компанскаго корпуса. Впрочемъ Храповицкій упоминаетъ, что одинъ изъ Преображенскихъ гренадеръ Стволовъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство, служилъ въ кавалергардахъ и отставленъ маіоромъ, съ пенсіею.

Вотъ что записалъ Храповицкій со словъ самой Государыни. «Стволовъ, гренадеръ Преображенскій, на уговоръ графа Алексѣя Григорьевича [1]) отвѣчалъ: не видавъ отъ меня знака, ни къ чему не приступить. Условились, что какъ жила я въ Лѣтнемъ дворцѣ [2]), то бы, увидя его въ саду, дать ему руку (у меня руку всѣ цѣловали). Онъ стоялъ въ аллеѣ у мосту и, какъ скоро поровнявшись съ нимъ дала ему руку, то поцаловавъ, полились у него въ три ручья слезы, и я оторопѣвъ отошла».

Григорій Александровъ.

Послѣ кончины А. Д. Ланскаго.

Рескриптъ Екатерины II-й матери А. Д. Ланскаго.

Ульяна Яковлевна. Вчерась, къ крайнему моему прискорбію, Александръ Дмитріевичъ, по пятидневной жестокой болѣзни, скончался. Зная, сколько поразитъ васъ сіе приключеніе, я желаю, чтобъ Богъ послалъ вамъ крѣпость перенести печаль сію и сохранилъ васъ безвредно ко утѣшенію всего дома вашего. Будьте впрочемъ увѣрены, что я, помня незабвенно его ко мнѣ усердіе и преданность, сохраню навсегда мое искреннее доброхотство къ вамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто ему принадлежали, пребывая вамъ благосклонна

Екатерина.

26 Іюня 1784 г.

(Сохранился въ спискѣ, въ числѣ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 7-й).

Указъ нашему Сенату.

Покойной генералъ-поручикъ и генералъ-адъютантъ Ланской, предъ кончиною своею, въ здравой памяти, просилъ насъ о распоряженіи, на случай смерти его, имѣнія его, изъявляя намъ, между прочимъ, желаніе свое, чтобъ новостроющійся домъ на площади противъ зимняго дворца и другой, купленный у купца Трофима Познякова, въ Луговой-Милліонной, такожъ вотчины Верейская, Сорокинская и Храпская, поступили обратно въ казну нашу, все же прочее нашему соизволенію предоставляя, въ каковой силѣ и просительное отъ него письмо на имя наше заготовлено. Въ удовлетвореніе таковому изъясненію предъ нами послѣдней его воли, всемилостивѣйше повелѣваемъ.

---

[1]) Орловъ. П. Б.

[2]) На мѣстѣ, гдѣ нынѣ Михайловскій замокъ. П. Б.

Первое, купленныя у наслѣдниковъ покойнаго генерала Чичерина въ Пензенскомъ и Тамбовскомъ намѣстничествахъ деревни, указомъ нашимъ отъ 21 Мая сего года покойному генералъ-поручику Ланскому пожалованныя, отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе брату его родному, подполковнику Якову Ланскому. Второе, Псковской губерніи село Корытово съ родовыми вотчинами, и именно: въ томъ же намѣстничествѣ Посадниковское, да Тверской губерніи въ Ржевскомъ уѣздѣ состоящую и домъ въ С.-Петербургѣ, купленой у портнаго Гейвемана, оставить въ пользу матери означеннаго генералъ-поручика съ тѣмъ, чтобъ она симъ ей опредѣляемымъ владѣла и управляла по своей волѣ и имѣла полную свободу все оное отдать или завѣщать кому хочетъ, или инымъ законнымъ образомъ употребить, по ея разсмотрѣнію. Третіе, Псковской губерніи Сорокинскую вотчину, въ С.-Петербургѣ домъ, на площади противъ зимняго дворца строющійся и другой въ Луговой-Милліонной, у купца Познякова купленной, отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе родной сестрѣ покойнаго генералъ-поручика Ланскаго, женѣ полковника Кушелева, Елисаветѣ Кушелевой. Четвертое, Псковской губерніи вотчину Храпскую отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе другой родной сестрѣ, женѣ коллежскаго совѣтника и Псковскаго губернскаго прокурора Михаила Брылкина, Екатеринѣ Брылкиной. Пятое, деньги наличныя здѣсь и въ деревняхъ, по сей день оставшіяся и получаемыя изъ казны нашей за купленной въ оную столовый серебрянный сервизъ, да и вообще всѣ движимыя вещи раздѣлить по равнымъ частямъ матери, брату и пяти сестрамъ роднымъ. Шестое, пріемля, въ сходство вышеизображеннаго прошенія, въ казну нашу въ Псковскомъ намѣстничествѣ вотчину, именуемую Велье съ деревнями, землями и угодьями и съ землями же въ С.-Петербургской губерніи, пожалованными покойному генералъ-поручику Ланскому, жалуемъ матери и брату и пяти сестрамъ его роднымъ, за сіе имѣніе, капиталъ четыреста тысячъ рублей, повелѣвая раздѣлить всѣмъ имъ по равнымъ частямъ. Седьмое. Части, назначенныя матери и сестрамъ, имѣютъ вступить тотчасъ въ ихъ полную волю и распоряженіе; но что̀ касается до брата его подполковника Якова Ланскаго, то до 30-ти лѣтъ его возраста недвижимое имѣніе ему не продавать и не закладывать, а съ денежныхъ капиталовъ на часть его приходящихъ, отдавъ оныя въ банкъ Воспитательнаго Дома, до истеченія тѣхъ же 30 лѣтъ довольствоваться ему одними получаемыми процентами.

Въ Царскомъ Селѣ.
7 Іюля 1784 года.

(Изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194, св. 7-я. Сохранилось въ спискѣ).

Сообщено Г. Н. Александровымъ.

Петръ Алексѣевъ

ПРОТОІЕРЕЙ МОСКОВСКАГО АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА.

(1727—1801)

Уразумѣйте, незлобивіи, коварство...
Притчи Соломона, гл. 8, ст. 5.

При изученіи общественной жизни второй половины XVIII вѣка и характера ея дѣятелей вниманіе невольно останавливается на личности протопопа Московскаго Архангельскаго собора Петра Алексѣевича Алексѣева. Сынъ пономаря одной изъ Замоскворѣцкихъ церквей, безъ всякой въ началѣ протекціи, онъ съумѣлъ создать себѣ въ обществѣ такое положеніе, которое не дается безъ особенныхъ способностей. Черезъ семь лѣтъ послѣ того какъ онъ оставилъ ученіе въ духовной академіи ему поручаютъ должность законоучителя въ высшемъ учебномъ заведеніи—Московскомъ Университетѣ; литературные труды его снискиваютъ ему славу «ученаго»; въ Москвѣ у него широкій кругъ знакомства, благодаря которому въ нѣкоторыхъ знатныхъ и зажиточныхъ домахъ онъ становится «духовнымъ отцемъ»; онъ извѣстенъ Потемкину, пользуется особеннымъ расположеніемъ духовника Императрицы; сама Государыня знаетъ его и милостиво покровительствуетъ; при воцареніи Павла онъ былъ однимъ изъ первыхъ, на которыхъ былъ возложенъ многознаменательный въ то время орденъ св. Анны..... Но странное дѣло: въ той средѣ, къ которой принадлежалъ Петръ Алексѣевъ, въ средѣ, которую, казалось, онъ возвышалъ своими достоинствами и заслугами и которой приносилъ честь, онъ не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ. И къ сослуживцамъ своимъ, и къ митрополиту Платону отецъ Петръ находился въ постоянной непріязни. Чѣмъ объяснить такія отношенія?

Свѣдѣнія объ Алексѣевѣ начали появляться сравнительно недавно—лѣтъ 15, 20 тому назадъ; до того же времени онъ былъ извѣстенъ намъ только по Словарю митрополита Евгенія, какъ «писатель духовнаго чина». Теперь мы знаемъ о немъ больше: благодаря трудамъ г. Розонова и книгамъ Русскаго Архива, мы знакомимся съ личностію Алексѣева не съ одной только стороны учено-литературной его дѣятельности, но вообще какъ съ человѣкомъ. Н. П. Розоновъ, собирая матеріалы для замѣчательнаго труда своего—Исторіи

Московскаго епархіальнаго управленія, имѣлъ возможность извлечь изъ архивныхъ дѣлъ нѣсколько біографическихъ данныхъ, относящихся къ Петру Алексѣеву, которыя онъ и изложилъ въ отдѣльной статьѣ, озаглавивъ ее: Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, протоіерей Архангельскаго собора въ Москвѣ и его время [1]. Это не біографія Алексѣева, а хронологическій перечень событій изъ его жизни и служебной дѣятельности, которыя почтенный авторъ приводитъ безъ всякой съ своей стороны оцѣнки и заключеній, что̀ впрочемъ и не входило въ его намѣренія; перечень этотъ однакожъ можетъ служить удобною канвою для самой біографіи. Въ любопытныхъ и въ высшей степени характеристичныхъ свѣдѣніяхъ объ Алексѣевѣ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ, находимъ другой весьма важный матеріалъ для той же работы; кромѣ того встрѣчаемъ нѣсколько данныхъ, пригодныхъ для біографіи Алексѣева и въ другихъ изданіяхъ; а затѣмъ, если нѣкоторыя обстоятельства въ его жизни и остаются еще недостаточно выясненными, то все-таки, для разъясненія вопроса объ отношеніяхъ Алексѣева къ современному духовенству, достаточно, кажется, и тѣхъ свѣдѣній, какія уже имѣются въ нашей литературѣ. Цѣль настоящей статьи—собрать эти свѣдѣнія и сгруппировать ихъ въ послѣдовательномъ разсказѣ, чтобы дать возможность читателю воспроизвести нравственный обликъ заслуженнаго протоіерея, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ свое время могъ считаться передовымъ человѣкомъ и представителемъ бѣлаго духовенства.

Петръ Алексѣевъ родился въ Москвѣ въ 1727 году. Отецъ его, Алексѣй Ѳедоровъ, пономарь при церкви Николая Чудотворца, что̀ въ Кузнецкой, отдалъ сына на тринадцатомъ году (1740 г.) въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, гдѣ онъ и оставался до 25 лѣтняго возраста.

Въ академіи онъ отличался прилежаніемъ и «добрымъ поведеніемъ»; но въ тоже время молодой студентъ проявилъ и другія свойства, можетъ быть, нѣсколько раннія для юнаго и свѣжаго ума—сметливость и практичность въ дѣлахъ житейскихъ, при помощи которыхъ людямъ, не забывающимъ одиннадцатую заповѣдь, удается земное поприще, называемое «юдолью печали», превращать въ путь безпечальный. Первый шагъ въ жизни студента Алексѣева показалъ, что онъ очень хорошо понялъ и усвоилъ эту заповѣдь житейской мудрости.

Извѣстно, что студенты семинарій, оканчивая ученіе, всѣ заботы свои сосредоточиваютъ на мысли, какъ бы пристроиться къ мѣсту. Во времена оны, когда причтовыя мѣста были какъ-бы наслѣдственны, пристроиться къ мѣсту значило вступить въ семью того лица, мѣсто котораго желали получить. Вступая въ бракъ съ дочерью или другою какою либо родственницею этого лица, студентъ, какъ бы въ приданое за ней, получалъ и искомое мѣсто. Теперь такой способъ получать причтовыя мѣста уже выводится, а въ прежнее, даже очень недавнее время, онъ былъ почти исключительнымъ. Пріисканіе сту-

---

[1]) Душеполезное Чтеніе 1869 г.

дентомъ «мѣста»—моментъ самый критическій въ его жизни, такъ какъ въ большей части случаевъ имъ опредѣляется вся дальнѣйшая судьба будущаго служителя церкви.

Алексѣевъ переступилъ Рубиконъ съ такою удачею, съ какою человѣку въ его положеніи, т. е. не кончившему еще курса студенту и притомъ безъ протекціи, казалось, трудно было и ожидать. Нѣтъ сомнѣнія, что этою удачею онъ обязанъ былъ именно той способности улаживать дѣла, о которой мы намекнули и которая, какъ увидимъ потомъ, нерѣдко приводила его къ достиженію своихъ видовъ и цѣлей.

Въ Іюнѣ 1752 г. въ Архангельскомъ соборѣ умеръ діаконъ. Послѣ него остались вдова и двѣ дочери. Мѣста при Архангельскомъ соборѣ, по матеріальной обезпеченности ихъ, считались самыми лучшими, потому что соборъ владѣлъ вотчинами еще издревле ему пожалованными, которыми притчъ его пользовался на правахъ владѣльцевъ. Вотчины и угодья собора для владѣнія ими священно-служителями дѣлились на части, называвшіяся подѣлями. Такое положеніе причта Архангельскаго собора было причиною того, что многіе домогались получить при немъ мѣсто, пріискивая къ тому разные случаи [2]. Вѣроятно и теперь, когда при немъ открывалось діаконское мѣсто, не было недостатка въ искателяхъ, но всѣ они были предупреждены ловкимъ маневромъ студента Алексѣева. Ему оставался еще годъ пробыть въ академіи, чтобы окончить богословіе; но открывшійся случай «пристроиться къ мѣсту» заставилъ его отказаться отъ продолженія курса, и вотъ, на четвертый день послѣ кончины соборнаго діакона, Петръ Алексѣевъ подаетъ Московскому архіепископу Платону I (1748—1754) прошеніе о назначеніи его діакономъ въ Московскій Архангельскій соборъ. Въ этомъ прошеніи, поданномъ 13 Іюня, Алексѣевъ объяснялъ, что діаконъ того собора Александръ Кириловъ волею Божіею 9 Іюня умеръ, что по смерти его осталась жена Татьяна Иванова «съ двумя дочерьми дѣвками, да съ матерью его престарѣлою и дряхлою» и что вдова желаетъ принять его Алексѣева въ соборъ къ своей большой дочери, на мѣсто мужа, діакономъ для содержанія и пропитанія себя и сиротъ. При этомъ Алексѣевъ выставлялъ на благоусмотрѣніе труды свои въ академіи въ теченіи 12 лѣтняго времени.

Мы назвали дѣйствія Алексѣева «ловкимъ маневромъ», и дѣйствительно, не мало нужно было умѣнья устроить такое дѣло въ какихъ нибудь три дня. Надо было сойтись и освоиться съ семьей умершаго, надо было условиться о приданомъ—все это было сдѣлано, повторяемъ, въ три дня и какіе! когда тѣло покойнаго оставалось еще на глазахъ оставленной имъ семьи.

Прошеніе Алексѣева было принято. Архіепископъ Платонъ резолюціею того же 13 Іюня велѣлъ выслушать просителя въ чтеніи и пѣніи. Іеромонахъ домовой архіерейской церкви Пахомій, которому было поручено произвести испытаніе, сдѣлалъ на прошеніи отмѣтку, что «студентъ Алексѣевъ въ чтеніи и

---

[2]) Розоновъ.

пѣніи явился добръ». Прошеніе для дальнѣйшаго производства было передано иподіаконамъ въ ставленническій столъ. Здѣсь Алексѣеву былъ сдѣланъ допросъ, въ которомъ онъ показалъ, что отъ роду ему 25 лѣтъ, родился въ Москвѣ при церкви Николая Чудотворца, что̀ въ Кузнецкой, отъ пономаря Алексѣя Ѳедорова, что въ академію вступилъ онъ въ 1738 году и наукою достигъ школы богословія, въ которой находился при окончаніи. Справились въ академіи: оказалось, что «Алексѣевъ въ академіи имѣется и обучается съ 1740 года, что слушать богословіе ему надлежитъ только одинъ годъ, состоянія онъ добраго, дѣлъ и подозрѣній на него не имѣется». Были разсмотрѣны взаимныя обязательства діаконицы Татьяны Ивановой и самого Алексѣева: по первому оказалось, что Иванова уступила нареченному зятю домъ свой на Арбатской улицѣ въ приходѣ церкви Николая Чудотворца Явленнаго «со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ и домовымъ всякимъ заводомъ, съ посудою оловянною и мѣдною и съ книгами всякими, съ колясками и лошадьми и со всякою сбруею таковде; а приданаго платья за дочерью своею, какъ будетъ приготовлено, не болѣе двухъ перемѣнъ, а больше того не спрашивать; а вмѣсто низанья жемчужнаго на производство въ діаконство даетъ ему 50 рублевъ». Алексѣевъ съ своей стороны обязался «содержать нареченную тещу свою за матерь на его пропитаніи до ея кончины, а нареченную свояченицу свою до замужства ея; а какъ приспѣетъ въ замужество время, и тогда дать ей на приданое денегъ сто рублевъ».

Архіепископъ Платонъ 16 Іюня на дѣлѣ далъ резолюцію «обучаться Алексѣеву всему надлежащему до діаконства». Это тогда значило подвергнуть просителя испытанію въ знаніи закона Божія; поэтому, другой крестовый іеромонахъ Платонъ, того же 16 Іюня, на дѣлѣ подписалъ, что «студентъ Алексѣевъ силу сvмвола православной вѣры, десяти заповѣдей Божьихъ и церковныхъ, седми таинствъ церковныхъ, добродѣтелей богословскихъ и евангельскихъ и совѣтовъ о грѣсѣхъ и всего надлежащаго до катехизиса изустно сказалъ». На другой день, 17 Іюня, послѣдовала резолюція Платона—назначить Алексѣева къ исповѣди и присягѣ; но Консисторія, которой иподіаконы прежде исповѣди и присяги просителя обязаны были представлять ставленническое дѣлопроизводство на ревизію, 22 Іюня положила: назначить студенту Алексѣеву время, чтобы онъ для апробаціи сказалъ проповѣдь, а когда женится, то послать его къ исповѣди и присягѣ. Алексѣевъ 10 Іюля явился въ Консисторію и объявилъ, что онъ уже женился на дочери умершаго діакона Кирилова и по словесному приказанію преосвященнаго Платона проповѣдь сказалъ. Дѣло спѣшно и энергично подвигалось впередъ: Алексѣевъ не давалъ стынуть желѣзу, а ковалъ пока было горячо. Консисторія обязала Алексѣева подпискою, чтобы онъ, по произведеніи его въ санъ діакона, богословское ученіе въ академіи оканчивалъ нелѣностно, и для вѣдома о томъ послала указъ въ Московскую академію. Затѣмъ Алексѣевъ былъ посланъ къ духовнику каѳедральнаго Чудова монастыря іеромонаху Іакову, который въ

тотъ же день, 10 Іюля, исповѣдовалъ его и привелъ къ присягѣ. Черезъ три дня, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ поданнаго Алексѣевымъ прошенія, онъ былъ посвященъ въ діаконы въ Архангельскій соборъ, о чемъ протопопу онаго Іоанну Комарову и былъ посланъ указъ [3]).

Мы съ намѣреніемъ привели всѣ подробности перваго шага Алексѣева на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, чтобы дать замѣтить, какъ удачно и скоро умѣлъ онъ покончить такую процедуру, какова посвященіе въ санъ священнослужителя, нелегкую и въ наше время, а тогда, по всей вѣроятности, еще болѣе затруднительную. Благодаря сметливости Алексѣева, все дѣлалось у него съ изумительною быстротою: 13 Іюня онъ подаетъ первое свое прошеніе, и въ тотъ же день его испытываютъ въ чтеніи и пѣніи. Черезъ два дня получается въ Консисторіи справка о немъ изъ академіи; оказывается нѣкоторое противорѣчіе съ личными показаніями Алексѣева относительно времени нахожденія его въ академіи и прохожденія курса, но оно не задерживаетъ дѣла; на другой день послѣ полученія академической справки слѣдуетъ резолюція Платона объ испытаніи Алексѣева въ законѣ Божіемъ, которое и производится въ тотъ же день; на слѣдующій день новая резолюція—назначить Алексѣева къ исповѣди и присягѣ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ формальностей, которыя при этомъ должна была исполнить Консисторія, дѣло было затянулось; но Алексѣевъ 10 Іюля является въ Консисторію и объясняетъ, что онъ уже женился и по словесному приказанію владыки проповѣдь сказалъ. Въ тотъ же день онъ на исповѣди, а черезъ три дня посвященъ.

И такъ, первый шагъ былъ сдѣланъ весьма удачно. Сынъ причетника, по всей вѣроятности небогатаго, получивъ мѣсто соборнаго діакона, сталъ жить не только безъ нужды, но и въ довольствѣ. У него былъ свой, вполнѣ устроенный домъ, были книги, коляски, лошади и конечно деньги. Обязательство, данное въ Консисторіи посѣщать академію для окончанія курса богословія, осталось невыполненнымъ: да и на что̀ ему было богословіе? Въ его положеніи что́ оно могло дать ему въ матеріальномъ отношеніи?

Такъ прожилъ Петръ Алексѣевъ пять лѣтъ, твердя одинадцатую заповѣдь и обдумывая средства къ дальнѣйшему благосостоянію и придумалъ.... Вмѣсто того, чтобы ходить въ академію и безплодно терять время, онъ съумѣлъ какъ-то пристроиться къ синодальной библіотекѣ для составленія ея описи; тутъ, по крайней мѣрѣ, онъ находился на виду у высшаго начальства.... Расчетъ оказался вѣренъ: въ 1757 году Контора Св. Синода, управлявшая въ то время, по случаю смерти арх. Платона, Московскою епархіею, увѣдомила Консисторію, что діаконъ Архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ «въ разсужденіи его немалолѣтныхъ школьныхъ и при разобраніи и описи синодальной библіотеки немалыхъ трудовъ, по указу Св. Синода, произведенъ на мѣсто престарѣлаго и болѣзненнаго того собора священника Ивана Стефанова во священники

---

[3]) Розоновъ.

съ тѣмъ, чтобы больной священникъ своею подѣлью, т. е. принадлежащими на его часть крестьянами и доходами, владѣлъ до своей смерти, а онъ, Алексѣева, оставался на своей подѣлѣ». Послѣднее обстоятельство въ значительной долѣ ограничивало новый успѣхъ Алексѣева, но онъ и здѣсь нашелся. Занявъ новую должность, онъ не замедлилъ испросить разрѣшеніе Конторы управлять крестьянами престарѣлаго брата во Христѣ Стефанова, объясняя, что сей послѣдній по старости и слабости не можетъ хорошо наблюдать порядокъ въ управленіи крестьянами, въ чемъ конечно и успѣлъ.

Въ это время, когда Алексѣевъ такъ заботливо пекся объ интересахъ своего немощнаго собрата, въ Москвѣ громко заговорили объ одномъ двадцатилѣтнемъ юношѣ, преподававшемъ въ Заиконоспасской академіи Піитику и Греческій языкъ, на котораго академическое начальство возложило также обязанность по воскреснымъ днямъ публично объяснять катехизисъ, какъ ученикамъ академіи, такъ и всѣмъ постороннимъ лицамъ столицы. Стеченіе народа на катехизическихъ бесѣдахъ было такъ велико, что академическая аудиторія едва могла вмѣщать приходившихъ; молодаго катехизатора слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и въ восторгѣ называли Московскимъ апостоломъ. Это былъ Петръ Левшиновъ, товарищъ Алексѣева по академіи, хотя по лѣтамъ и моложе его [4]). Впослѣдствіи, когда Петръ Левшиновъ сталъ митрополитомъ Московскимъ Платономъ, онъ вспоминалъ о времени своего катехизаторства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Никогда, можно сказать, во всю жизнь не былъ столько счастливъ Петръ [5]), какъ при семъ случаѣ. Собраніе всякаго состоянія людей столь было велико, что никогда еще въ академіи того не случалось. Хотя палата была немала, но тѣснота и духота была чрезмѣрная. Нѣкоторые изъ слушателей малыхъ своихъ дѣтей приводя повергали къ каѳедрѣ къ ногамъ учителя, повторяя имъ, чтобъ они учителя слушали и помнили. Сіе умножало ревность въ Левшиновѣ, ибо онъ чрезъ два часа и болѣе толкованіе продолжалъ, обливаясь и измокнувъ весь отъ поту. Усердные слушатели изъ знаменитыхъ Московскихъ купцовъ въ воскресные дни его посѣщали и всѣмъ не только нужнымъ, но и до изобилія его снабжали, притомъ провозглашали его въ своихъ разговорахъ апостоломъ Московскимъ. По истинѣ Петръ симъ невидимымъ зрѣлищемъ столь пораженъ былъ, что нерѣдко говаривалъ, что онъ счастливѣе былъ въ Москвѣ, бывъ еще мірскимъ по 20-му году, нежели когда въ томъ же градѣ Богъ сподобилъ его быть архіереемъ. Ибо, бывъ архіереемъ, хотя также проповѣдовалъ Слово Божіе нерѣдко и хотя собранія были велики и ревностны, но не примѣтилъ онъ столь великаго усердія и жадности въ слушателяхъ, какъ въ то время, когда онъ, юноша и мірской, толковалъ катехизисъ. Успѣхъ и похвала учительства Петрова, по Москвѣ разнесшаяся, подвигла къ зависти нѣкоторыхъ, а особливо преосвященнаго Амвросія, тогда бывшаго епископа Переяславскаго,

---

[4]) Алексѣеву было въ это время 30 лѣтъ, а Левшинову 20; по прохожденію же академическаго курса послѣдній былъ моложе Алексѣева только на четыре года.

[5]) Свѣтское имя Платона.

а послѣ архіепископа Московскаго и разглашено, что аки бы Левшиновъ учитъ многому Церкви противному, а потому-де надлежитъ его наказать и изъ академіи изгнать. Сіе разглашеніе дошло и до Петра и немало его смутило, но онъ одобрялъ себя незазирающею его въ томъ совѣстію и ректорскимъ изслѣдованіемъ, который ничего того не нашелъ, а паче ревностными слушателями, изъ которыхъ многіе знаменитые, услышавъ про то, ободряли Петра, чтобъ ни мало тѣмъ не смущался, говоря, что они—православные христіане и разумѣютъ ученіе, и ежели-де что воспослѣдуетъ, они готовы предъ всякаго и вездѣ предстать и его ученіе оправдывать. Но по благости Божіей все то прошло въ одних слухахъ безъ всякихъ дальнихъ слѣдствій», заключаетъ благодушный Петръ Левшиновъ.

Тѣмъ не менѣе однакожъ, случайно ли, нѣтъ-ли, а онъ долженъ былъ прекратить свои бесѣды; ибо совершенно неожиданно получилъ изъ Петербурга предложеніе занять мѣсто учителя Реторики въ Троицкой семинаріи.

«Уже годовое теченіе толкованія катехизиса къ концу приходило, то есть къ вакаціямъ, къ 15 числу Іюля, продолжаетъ Платонъ, какъ между тѣмъ нечаянный воспослѣдовалъ къ Левшинову изъ Петербурга письменный отзывъ отъ архимандрита Троицкія Лавры, придворнаго проповѣдника и Синода члена Гедеона, коимъ онъ приглашалъ его благосклонно въ учителя на Реторику въ Троицкую семинарію, а немедленно по семъ, о томъ же и указъ изъ Святѣйшаго Синода присланъ. Сіе Петра не только удивило, но и смутило».... [6]).

Что тутъ не обошлось безъ интриги, сомнѣваться нельзя; но чьей? Снегиревъ говоритъ: «Амвросію не нравилась ранняя слава молодаго Платона. Онъ потребовалъ его тетради и подъ предлогомъ, что нашелъ въ нихъ нѣчто предосудительное, хотѣлъ было высѣчь молодаго человѣка при всѣхъ въ академической аудиторіи. За него вступился ректоръ и отстоялъ невинность своего питомца» [7]). Разсказъ, не лишенный вѣроятія. По крайней мѣрѣ самъ Платонъ говоритъ, что нѣкоторые завистники, разглашая о противоцерковномъ будто бы ученіи его, говорили, что его слѣдуетъ наказать и изъ академіи изгнать. Но едва ли можно допустить, чтобы Амвросій завидовалъ Платону: между молодымъ учителемъ академіи и архіереемъ, вліятельнымъ по положенію своему въ Синодальной Конторѣ, разстояніе такъ велико, что исключаетъ всякую возможность личнаго соперничества. Намъ кажется, дѣло объясняется проще. Съ какою ревностію и строгостію относился Амвросій къ чистотѣ православнаго ученія и достоинству пастырскаго служенія—объ этомъ свидѣтельствуетъ его дѣятельность въ качествѣ главы Московскаго духовенства. Отдаваясь извѣстной мысли, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, человѣкъ естественнымъ образомъ становится подозрительнымъ и склоннымъ къ предубѣжденію. Въ такомъ положеніи находился и Амвросій; мудрено ли было послѣ того завистникамъ Левшинова смутить владыку указаніемъ на мнимое

---

6) Записки митр. Платона. (Москвитянинъ 1849 г.).

7) Воспоминанія Снегирева. Русск. Арх. 1866 г. стр. 533.

неправовѣріе академическаго катехизатора? Что сіе послѣднее было внушеніемъ постороннимъ, можемъ видѣть изъ того, что, по объясненіи съ ректоромъ, Амвросій оставляетъ дѣло безъ послѣдствій, чего конечно не могло бы быть, еслибъ онъ былъ убѣжденъ въ виновности Левшинова. Не зависть Амвросія къ даровитому проповѣднику, а искусно подогрѣтая ревность къ православію была причиною поступка его съ Левшиновымъ. Здѣсь кстати припомнить другой случай, бывшій спустя десять лѣтъ (1769 г.) въ Московскомъ Университетѣ. Магистръ Аничковъ, готовясь занять профессорскую каѳедру, написалъ для диспута и напечаталъ диссертацію: Разсужденіе изъ натуральной богословіи о началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія. Амвросій нашелъ ее «соблазнительнымъ и вреднымъ сочиненіемъ», о чемъ и донесъ Св. Синоду, указывая, что Аничковъ: 1) явно возстаетъ противъ всего христіанства, богопроповѣдничества и богослуженія; 2) опровергаетъ св. писаніе и въ немъ богознаменія и чудеса, также рай и адъ и діаволовъ, соравняя ихъ хитроковарнымъ образомъ съ натуральными или небывалыми вещьми, а Моисея, Самсона и Давида съ языческими богами; 3) во утвержденіе того атеистическаго мнѣнія приводитъ безбожнаго Епикурова послѣдователя Люкреція да всесквернаго Петронія; 4) положенія подъ № 1, 2, 3, 5, 10 и 11 совсѣмъ натуральной и откровенной богословіи противны, изъ коихъ послѣднюю, уничижая св. писаніе и писателей онаго, для одного только виду упоминаетъ».

«Прежде нежели читано было въ аудиторіи сіе сочиненіе, говоритъ Амвросій, многіе изъ ученыхъ мужей тотчасъ предосудили оное..... и когда чтеніемъ начата была отъ него сочинителя рѣчь, то какъ Россійскіе, такъ и иностранные ученѣйшіе гг. профессоры сильно опровергали безбожныя его мнѣнія, такъ что совсѣмъ безгласнымъ его учинили невѣжею». Амвросій просилъ Синодъ: «Дабы впредь таковыя или хульнѣйшія въ толь знатномъ благочестивѣйшими государями нашими учрежденномъ мѣстѣ сочиненія, къ крайнему разврату и соблазну, издаваемы не были, о томъ, какъ и о истребленіи сего безбожнаго сочиненія, купно же и о пастырскомъ сочинителя запрещеніи, богомольчески прошу» [8]).

Неужели и здѣсь Амвросіемъ руководила зависть?

При этомъ невольно напрашиваются вопросы: кто были тѣ ученые мужи, которые предосудили сочиненіе Аничкова при самомъ его появленіи, и кому могло быть извѣстно оно, прежде публичнаго чтенія, невыходившее изъ стѣнъ Университета? Кто были эти «нѣкоторые», которыхъ въ 1758 году такъ встревожила слава Петра Левшинова? Розановъ полагаетъ, что послѣдніе были Малоруссы, наводнившіе Московскую епархію [9]). Дѣло темное, для окончательнаго разъясненія котораго недостаетъ еще пока новыхъ свѣдѣній; думаемъ однакожъ, что завистники могли найтись и между Великоруссами, искавшіе расположенія Амвросія, а такіе повидимому были....

[8]) Диспутъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1769 году. См. Русск. Архивъ 1875 г., стр. 310.
[9]) Ист. Моск. епарх. упр. ч. II, кн. 2, § 141.

Какъ бы то ни было, но Петръ Левшиновъ долженъ былъ прекратить свою катехизаторскую дѣятельность. 19 Іюля 1758 года онъ оставилъ академію и отправился въ Троицкую семинарію. Въ Лаврѣ онъ былъ принятъ всѣми благосклонно и ласково, особенно учителями; тѣмъ не менѣе «новость мѣста, новость людей и неизвѣстность будущаго тутъ жребія въ таковое приводили его уныніе», что онъ «съ недѣлю проливалъ слезы» [10]. Въ Августѣ онъ принялъ монашество и, «видѣвъ свое давнее желаніе исполненнымъ, успокоился». Въ томъ же мѣсяцѣ онъ былъ посвященъ митрополитомъ Тимоѳеемъ въ іеродіакона, а когда возвратился изъ Москвы въ Лавру, то засталъ тамъ пріѣхавшаго изъ Петербурга начальника своего, архимандрита Гедеона, который «въ первый же день, какъ только увидѣлъ Платона, столь его возлюбилъ, что предпочиталъ всѣмъ и имѣлъ его при себѣ въ бытность въ Лаврѣ чрезъ три мѣсяца безотлучно, даже никуда безъ него не выѣзжалъ и столь ему благодѣтельствовалъ по самую кончину свою, что Платонъ всегда его признавалъ или первымъ по родителяхъ, или равнымъ съ ними».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ частыхъ бесѣдахъ іеродіакона съ архимандритомъ разъяснилась и причина перевода перваго изъ академіи въ Лавру. Но вотъ Гедеонъ, пробывъ три мѣсяца въ Лаврѣ, снова отправился въ Петербургъ. Разставшись съ любимымъ начальникомъ, Платонъ «впалъ въ нѣкоторое уныніе и грусть, что̀ узнавъ архимандритъ, дабы ободрить Платона, потребовалъ его къ себѣ въ Петербургъ». Платонъ пробылъ тамъ десять дней. Это было на Сырной недѣлѣ 1759 года.

Черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ удаленія Петра Левшинова въ Лавру, именно въ Апрѣлѣ 1759 года, Петръ Алексѣевъ по какимъ-то дѣламъ отправился въ Петербургъ, а чрезъ два мѣсяца (3 Іюля) къ митрополиту Тимоѳею (Щербатскому), назначенному на каѳедру Московской епархіи послѣ смерти Платона Малиновскаго, послѣдовалъ изъ Св. Синода указъ съ объявленіемъ, что Московскій Императорскій Университетъ о находящемся въ Москвѣ при Архангельскомъ соборѣ священникѣ Петрѣ Алексѣевѣ представилъ, что онъ, Алексѣевъ, усмотрѣнъ Университетомъ быть способнымъ къ истолкованію катехизиса обучающимся въ Университетѣ ученикамъ и проситъ для пользы юношества предписать ему, священнику, читать катехизисъ въ назначенное отъ Университета время, не лишая впрочемъ принадлежащихъ ему отъ собора доходовъ, а отъ очередной проповѣди освободить и касающіяся до него по собору требы уменьшить».

При вступленіи въ должность катехизатора Петръ Алексѣевъ произнесъ въ Университетѣ рѣчь о достоинствѣ и пользѣ катехизиса, тогда же напечатанную. Какова была его дѣятельность, какъ законоучителя, мы ничего не знаемъ. Шевыревъ въ своей Исторіи Московскаго Университета, говоря о лекціяхъ другихъ профессоровъ, о преподаваніи закона Божія не упоминаетъ ни слова; но самъ Алексѣевъ говоритъ, что преподаваніе катехизиса въ Уни-

[10]) Зап. м. Платона.

верситетѣ велось имъ «съ пользою для обучающагося тамъ юношества и со удовольствіемъ господъ кураторовъ» [11]).

Но, по мѣрѣ того, какъ возрастали успѣхи Алексѣева, сталъ мало по малу обнаруживаться его непокойный и заносчивый характеръ. Изъ дѣлъ Консисторіи видно, что онъ не всегда жилъ мирно съ своими сослуживцами по собору [12]). Такъ въ Маѣ 1761 года ключарь Архангельскаго собора священникъ Иванъ Потаповъ приносилъ жалобу на священника Алексѣева, что 3 Мая, во Вторникъ, когда соборяне послѣ литургіи выходили изъ собора, Алексѣевъ поносилъ его Потапова, яко-бы онъ изъ корпуса Лейбъ-Кампаніи выброшенъ за худые поступки, тогда какъ изъ корпуса въ соборъ присланъ ключаремъ не въ ссылку, а въ награду за хорошія заслуги. Призванный въ Консисторію для допроса, Алексѣевъ началъ свое оправданіе съ замѣчанія, что 3 Мая было не во Вторникъ, а въ Четвергъ; затѣмъ онъ объявилъ, что ключаря Потапова онъ ничѣмъ не поносилъ. Обиженный ссылался на свидѣтелей: протоіерея Комаровскаго, священника Ѳому Ѳедорова и діакона Дмитрія Лавровскаго. Алексѣевъ отводилъ ихъ, говоря, что онъ имѣетъ съ ними домашнюю ссору по вотчиннымъ дѣламъ Архангельскаго собора. Дѣло это, говоритъ Розоновъ, въ Консисторіи значится неконченнымъ, или потому, что враждовавшіе примирились, или потому, что священникъ Алексѣевъ нашелъ другія средства остановить дѣло, не давая ему дальнѣйшаго производства. Не прошло и двухъ лѣтъ новаго Екатерининскаго царствованія, какъ духовенство узнало о неприятной для него новости: указомъ 26 Февраля 1764 года отъ него взяты вотчины и переданы въ вѣдомство Коллегіи Экономіи, а въ замѣнъ того положено ему штатное жалованье. Петръ Алексѣевъ, который, какъ мы видѣли, такъ заботился о вотчинахъ, что опасался оставить ихъ въ рукахъ старика Стефанова и ссорился изъ-за нихъ съ своими сослуживцами по собору, былъ, конечно, не меньше другихъ огорченъ новымъ указомъ, тѣмъ болѣе, что жалованье Архангельскимъ соборянамъ было назначено незначительное. Не знаемъ, что̀ предпринимали его сослуживцы, терявшіе наравнѣ съ Алексѣевымъ свои доходы; но Алексѣевъ, въ виду лучшаго содержанія, опредѣленнаго для причта большаго Успенскаго собора, перепросился туда и былъ назначенъ въ немъ ключаремъ. Въ Успенскомъ соборѣ онъ оставался до 1771 года.

Въ этотъ несчастный для Москвы годъ, какъ извѣстно, была моровая язва, жертвою которой, между прочими, сдѣлался и протоіерей Архангельскаго собора Иванъ Комаровскій. На его мѣсто архіепископъ Амвросій [13]) представилъ въ Синодъ Петра Алексѣева съ возведеніемъ его въ санъ протоіерея и назначеніемъ членомъ въ Московскую Консисторію. Между тѣмъ какъ Алек-

---

[11]) Русск. Арх. 1871 г. стр. 224.

[12]) Розоновъ.

[13]) Назначенный 18 Января 1768 г. вмѣсто митрополита Тимоѳея, умершаго въ Апрѣлѣ 1767 г.

сѣевъ ожидалъ благопріятныхъ результатовъ представленія своего благодѣтеля, въ Москвѣ открылись отвратительныя сцены народнаго мятежа, во время котораго былъ убитъ Амвросій. «Мнѣ за полчаса времени до начатія бунта, разсказываетъ Алексѣевъ, случилось ѣхать изъ гостей отъ одного сродника и по дорогѣ заѣхать къ Варварскимъ воротамъ съ женою и сыномъ, куда за множествомъ яко-бы народа насъ не пропустили; и такъ я, вышедъ изъ коляски, подошелъ для осмотрѣнія образа и засталъ при томъ нѣсколько кучъ народа, между собою злосовѣщающихъ. Изъ одной шайки злодѣевъ вышелъ нѣкоторый маэоръ, мною незнаемый, но меня знающій; попрося благословенія и назвавши меня по чину, спрашивалъ: скоро ли будетъ сюда преосвященный? Я отвѣтствовалъ: не знаю.—«У него-ста и карета подвезена къ крыльцу». Я и на то отвѣтъ далъ тотъ же, а примѣтя, что это значитъ, тотчасъ возвратился къ своей коляскѣ, гдѣ меня фамилія ожидала. Послѣ того, какъ вышло смятеніе, по пріѣздѣ моемъ въ домъ, благодареніе воздалъ Богу, что на ту пору ничего я не сказалъ по архіереѣ или въ предосужденіе ихъ богомолія умышленнаго; они бы, можетъ быть, почли меня за подосланнаго отъ архіерея и убили-бы» [14]).

Это было 15 Сентября. На другой день, уже не случайно, но вѣроятно изъ любопытства отправился онъ въ Кремль и былъ свидѣтелемъ буйства черни у Чудова монастыря. Видѣнное имъ самимъ Алексѣевъ дополнилъ ходившими въ то время по Москвѣ слухами и собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія о мятежѣ изложилъ въ письмѣ къ неизвѣстному лицу, сдѣлавъ слѣдующую оговорку: «Описаннымъ здѣсь печальнымъ приключеніямъ, какъ не всѣмъ я былъ самовидѣцъ (о чемъ благодареніе Богу), но по большей части отъ слуховъ принятыя положилъ на бумагу, то и не увѣряю васъ точно, чтобъ все было описано безъ ошибки» [15]).

Письмо это, помимо интереса современной записки о Московскомъ мятежѣ 1771 года, любопытно еще и потому, что въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Алексѣева высказывается особенное уваженіе къ Амвросію, который, какъ видно, принималъ въ немъ немалое участіе. Такъ, напр., упоминая о страдальческой кончинѣ архіепископа, онъ говоритъ: «Выволокши же изъ монастыря сажень десять или больше отъ воротъ, вознеиствовалися на святителя Христова и своего отценачальника, били смертительно съ наруганіями близъ двухъ часовъ» и проч. Или: «И тако священномученикъ Амвросій, архіепископъ Московскій, жизнь свою страдальчески скончалъ мѣсяца Сентября въ 16 день.... Повержены мощи достойно почитаемаго человѣка на пути, обагренномъ кровію».... Не въ такихъ выраженіяхъ относился онъ о преемникѣ Амвросія.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ въ Московской Синодальной Конторѣ былъ полученъ указъ Св. Синода (отъ 11 Ноября 1771 г.), утверждавшій представленіе по-

---

14) Русск. Арх. 1863 г. Описаніе Московскаго бунта 1771 г. Сентября 15 дня, составленное протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, стр. 916.

15) Тамъ-же.

койнаго Амвросія, и 21 Ноября Алексѣевъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея.

Девятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ студентъ Алексѣевъ подалъ прошеніе о назначеніи его діакономъ—теперь онъ протоіерей, членъ Духовной Консисторіи, законоучитель студентовъ и членъ Россійскаго Вольнаго Собранія, учрежденнаго при Московскомъ Университетѣ. Связь съ Университетомъ, вводившая Алексѣева въ кругъ ученой корпораціи, обязывала его къ дѣятельности, соотвѣтствовавшей его положенію. До сихъ поръ была напечатана одна только его рѣчь: О достоинствѣ и пользѣ катехизиса (1759 г.), которую онъ сказалъ, вступая въ должность катехизатора. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ начинаетъ заявлять себя болѣе видными трудами. Первымъ изъ нихъ былъ переводъ сочиненія Гуго-Гроція De veritate Religionis, которое онъ издалъ въ 1768 г., озаглавивъ: Благочестіе христіанское, доказанное противъ безбожниковъ, язычниковъ, Жидовъ и Магометанъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ 1769 г., онъ издалъ для своихъ учениковъ Православное Исповѣданіе Петра Могилы; въ 1771 году написалъ Церковный Словянскій Словарь, поднесенный имъ Вольному Россійскому Собранію, которое въ 1773—1776 г. напечатало его на свой счетъ въ трехъ томахъ и посвятило Императрицѣ Екатеринѣ [16]).

Но и на ученомъ поприщѣ, повидимому столь мало способномъ давать пищу расчетамъ эгоизма, Петръ Алексѣевъ оставался вѣренъ своей натурѣ: онъ и здѣсь не упускалъ случая преслѣдовать свои личныя цѣли. Посвященія, которыми сопровождались его труды, даютъ сильный поводъ сомнѣваться, чтобы мысль объ общественной пользѣ исключительно руководила имъ. Такъ напр. переводъ Гуго-Гроція онъ посвятилъ Императрицѣ Екатеринѣ, называя ее «истиннаго Божества истинной защитницей». Далѣе онъ въ своемъ посвященіи говоритъ: «Бога человѣкомъ невозможно видѣти, но живой образъ Божій на земли въ тебѣ, Великая Екатерина, всѣ видятъ и благоговѣйно почитаютъ». Первые три тома Церковно-Словянскаго Словаря его были, какъ мы видѣли, посвящены Императрицѣ Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ; вѣроятно оно поступило бы также и съ остальными, но Алексѣевъ, по отпечатаніи всѣхъ частей, счелъ болѣе для себя полезнымъ послать два экземпляра прямо отъ себя къ князю Потемкину при слѣдующемъ любопытномъ письмѣ:

---

[16]) Церковный Словарь или истолкованіе рѣченій Словянскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, соч. протоіерея Петра Алексѣева, 3 части, Москва, въ Университ. тип. 1773—1776 г. Послѣ того было еще три изданія съ дополненіями; изъ нихъ послѣднее „противо всѣхъ изданій умноженное“ въ 5 частяхъ было напечатано въ Петербургѣ, въ типогр. Глазунова (1817—1819). О прочихъ его сочиненіяхъ, частію напечатанныхъ, частію оставшихся въ рукописяхъ см. Словарь м. Евгенія ч. II, 536—539.

«Милостивый государь! Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ».

«Что̀ въ древнія времена одинъ ученикъ своему учителю, отгоняющему его отъ себя, сказалъ, то я осмѣлюсь приложить къ себѣ: нѣтъ такой крѣпкой трости, коей бы могли вы меня отъ себя отогнать. Я какъ издавна былъ почитатель вашей особы, такъ и нынѣ стараюся и впредь буду стараться заслуживать моимъ поведеніемъ и посильными для общества трудами ваше благоволеніе и покровительство».

«Вновь напечатанное продолженіе Словаря Церковнаго почтеннѣйше принося вашей свѣтлости, всепокорно прошу поднести особой экземпляръ Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ, и всеподданнѣйшаго сочинителя рекомендаціею вашею не оставить, дабы я, хотя нѣкоторое получа одобреніе, могъ приступить къ сочиненію назначенной мнѣ отъ вашей свѣтлости Исторіи [17]), которая, какъ самимъ вамъ извѣстно, не только для духовныхъ, но и для свѣтскихъ начальниковъ весьма полезна; ибо изъ нея почерпнувши благоразумную осторожность и сравнивая прошедшія дѣла съ нынѣшними и будущими, могутъ прямо судить о важныхъ въ Церкви и Государствѣ происшествіяхъ. Впрочемъ есмь и пребуду вашея свѣтлости, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга и богомолецъ, Петръ, протоіерей Архангельскій» [18]).

Въ этомъ письмѣ нѣтъ надобности подчеркивать тѣ мѣста, которыя могутъ подтвердить мысль, что Алексѣевъ, отдаваясь ученой дѣятельности, удѣлялъ немалую долю заботъ собственнымъ интересамъ, неимѣвшимъ конечно никакого отношенія къ интересамъ науки. Напрасно маскируется онъ, заводя рѣчь о пользѣ «Исторіи», которую собирался писать онъ по назначенію Потемкина. Поднося ему свое сочиненіе, Алексѣевъ прежде всего думалъ о заявленіи своей преданности временщику, о томъ, чтобы увѣрить его въ давнемъ почитаніи его особы и что онъ старается и будетъ стараться своимъ поведеніемъ и посильными трудами заслуживать его благоволеніе и покровительство; словомъ сказать, всеподданнѣйшему сочинителю нужна была надежная рекомендація Всемилостивѣйшей Государынѣ, которой, какъ мы видѣли, Алексѣевъ льстилъ съ низостью рабовъ Римскихъ цезарей.

Когда начались заискиванія Алексѣева у Потемкина, съ точностью опредѣлить трудно; но очевидно, что приведенное письмо было не первымъ опытомъ сближенія съ его свѣтлостію; такъ по крайней мѣрѣ надо судить по первымъ строкамъ письма, въ которыхъ Алексѣевъ такъ трогательно изображаетъ свою привязанность къ нему.

Зналъ ли Алексѣевъ Потемкина въ Университетѣ? Едва ли. Законоучителемъ Алексѣевъ назначенъ въ 1759 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, а въ началѣ

---

17) „Алексѣевъ вѣроятно говоритъ о неизданномъ доселѣ трудѣ своемъ Историческій Словарь всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ. Рукопись, по словамъ м. Евгенія, хранится въ библіотекѣ Александро-Невской Академіи.

18) Русск. Арх. 1863 г. стр. 629.

слѣдующаго года Потемкинъ былъ исключенъ «за лѣность и нехожденіе въ классы».

Прошло три года со времени кончины архіепископа Амвросія. Въ ожиданіи новаго архипастыря, Московской епархіей, какъ и прежде бывало, управляла Контора Св. Синода. Наконецъ, въ Январѣ 1775 года, въ Москву пріѣхалъ новый владыка. Это былъ тотъ скромный катехизаторъ Петръ Левшиновъ, который 18 лѣтъ тому назадъ увлекалъ своимъ ученіемъ Московскій народъ, теперь архіепископъ Платонъ, бывшій законоучитель наслѣдника престола, а потомъ и жены его [19]), другъ Потемкина, пастырь, уважаемый самой Императрицей. Платонъ находился въ полной порѣ мужества—ему шелъ только 38 годъ; физическому состоянію его соотвѣтствовали и силы нравственныя: воспитанный въ честныхъ убѣжденіяхъ и истинномъ благочестіи, обладая яснымъ умомъ, одушевляемый мыслію объ общественной пользѣ и сознаніи своего долга, Платонъ безбоязненно и энергично взялся за устройство Московской епархіи, находившейся въ то время въ самомъ прискорбномъ состояніи. «Вступивъ въ правленіе новыя епархіи, говоритъ онъ объ этомъ времени своей жизни, нашелъ (Платонъ) многое что̀ требовало всего его подвига. Передъ тѣмъ въ Москвѣ была жестокая моровая язва и наибольшая часть въ Москвѣ духовенства померла; на ихъ мѣста опредѣлены по большей части изъ разныхъ епархій бродяги, которые, въ своихъ мѣстахъ не могши ужиться, бросились въ Москву. Ихъ мало по малу новый архіепископъ переводилъ и на ихъ мѣста лучшихъ и ученыхъ производилъ, такъ что наконецъ, черезъ 15 лѣтъ, едва не всю Москву снабдилъ учеными и добропорядочными священниками. За это общее и отъ всей публики заслужилъ признаніе и похвалу. Перевелъ безчестный Крестецъ, который состоялъ въ томъ, что у Спасскихъ воротъ всегда собиралось поповъ по 10, по 20 и по 30. Бродяги изъ разныхъ епархій, отрѣшенные отъ мѣстъ, а иные и запрещенные и подъ слѣдствіемъ находящіеся, нанималися, стоя на Крестцѣ, служить обѣдни при разныхъ церквахъ за малѣйшую цѣну, копѣекъ по 10 и по 5. Дѣлало сіе нестерпимый соблазнъ. Богъ помогъ архіепископу все сіе перевести, такъ что сего и слѣда не осталось, хотя оно продолжалось, можетъ быть, чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ и хотя прежніе архіереи о томъ же старались, но не успѣли [20]). Также уменьшилъ число домовыхъ церквей и бывшихъ при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ викарныхъ поповъ: ибо отъ сего кромѣ того, что оно ни съ законами, ни съ правилами несходственно, происходили великія безчинія и командѣ многія затрудненія, а по уменьшеніи сего уменьшились и соблазны, облегчилась команда, священники приходскіе стали въ большемъ уваженіи и содержаніемъ довольны» [21]).

---

[19]) Онъ же былъ законоучителемъ и Маріи Θеодоровны.

[20]) Конечно Платону потому и удалось уничтожить торжище на Крестцѣ, что прежніе архіереи о томъ же старались, а между прочими и предмѣстникъ его Амвросій.

[21]) Зап. м. Платона.

Первою и главною задачею своего архипастырскаго служенія Платонъ поставилъ возвысить нравственный уровень духовенства; а такъ какъ единственно прочнымъ средствомъ для сего представлялась лучшая подготовка къ священному званію съ раннихъ лѣтъ, то Платонъ, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на умноженіе числа духовныхъ школъ и на приведеніе уже бывшихъ въ лучшее положеніе, какъ въ учебномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Заботливость о духовныхъ училищахъ не покидала Платона во все время его служенія и составляетъ самую видную и благотворную сторону его дѣятельности. Осуществленіе видовъ и надеждъ архипастыря надо было предоставить времени; а, между тѣмъ, для возстановленія репутаціи Московскаго духовенства, требовались мѣры, хотя и паліативныя, но неотложныя: нужно было «отребить гумно». Вѣроятно, съ этой именно цѣлью Платонъ, прежде всѣхъ другихъ своихъ распоряженій, приказалъ мѣстнымъ благочиннымъ «въ самой скорости, по сущей справедливости и по священству» доставить къ нему свѣдѣнія о приходскихъ священно и церковнослужителяхъ съ объясненіемъ, между прочимъ: 1) кто именно при церквахъ священно и церковнослужители, обучались ли они и ежели обучались, то кто изъ нихъ до какой школы ходилъ; 2) какого состоянія священно и церковнослужители въ поведеніи и исправленіи своей должности. Представленныя свѣдѣнія Платонъ велѣлъ Консисторіи повѣрить и означить—кого изъ священно и церковнослужителей какія касались или касаются дѣла [22]). Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ случаѣ немало нашлось такихъ, которые были лишены своихъ мѣстъ. Не укрылся при этой переборкѣ и Алексѣевъ. Въ вѣдомости, представленной отъ Архангельскаго собора, о немъ сказано, что «протоіерей Петръ Алексѣевъ отъ роду 55 лѣтъ, ходилъ до богословіи, вдовъ». Противъ его имени рукою самого Платона была сдѣлана отмѣтка: «За протопопомъ есть дѣла». Но какія, говоритъ Розановъ, не показано.

Намъ кажется, что для такой отмѣтки достаточно было одного дѣла, именно того, которое въ свое время, по неизвѣстной причинѣ, не было окончено, т. е. дѣла о ссорѣ Алексѣева съ священникомъ Потаповымъ. Не думаемъ, чтобы Консисторія, получивъ повелѣніе владыки означить въ вѣдомости «кого изъ священно и церковнослужителей какія касались или касаются дѣла», могла скрыть слѣдствіе, когда-то производившееся по этому дѣлу, которое тѣмъ болѣе могло обратить на себя вниманіе Платона, что оно было замято. Впрочемъ, можетъ быть, ему было извѣстно что нибудь и другое. Какъ-бы то ни было, но съ того времени, по дѣламъ Консисторіи, не видно, чтобы Алексѣевъ былъ членомъ ея присутствій. Нечего говорить, какой ударъ былъ этимъ нанесенъ самолюбію Алексѣева. Но сослуживцы его по собору не безъ тайнаго удовольствія, кажется, узнали о такомъ непріятномъ для ихъ протоіерея случаѣ. Въ немъ, можетъ быть, усматривали они начало приниженія того авторитета и господства надъ ними, которыми такъ неумѣ-

[22]) Розановъ.

ренно и заносчиво пользовался Алексѣевъ. Только такимъ предположеніемъ можно объяснить поступокъ сослуживца его, ключаря Архангельскаго собора, священника Лавровскаго, нанесшаго Алексѣеву новое оскорбленіе, состоявшее въ приказаніи псаломщикамъ, пономарямъ и сторожамъ Архангельскаго собора неиначе исполнять приказанія протоіерея, какъ доложась прежде ему, ключарю. Эта выходка по своей необычайности очевидно была груба даже и по тогдашнему времени; но странное дѣло: жалоба на нее архіерею послѣдовала не отъ лица протоіерея, какъ бы слѣдовало, а отъ самихъ церковниковъ. Платонъ на донесеніи ихъ положилъ резолюцію, что они должны слушаться и протопопа и ключаря, каждаго по своей должности, и велѣлъ Консисторіи составить инструкцію для протопопа и ключаря, что̀ и было исполнено.

Одновременно съ Алексѣевымъ, въ той же должности, въ какой онъ находился при Архангельскомъ соборѣ, т. е. въ должности протоіерея, въ большомъ Успенскомъ соборѣ былъ Александръ Левшиновъ, родной братъ Платона. Онъ также, какъ и братъ его, обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи; службу свою началъ діакономъ у Спаса во Спасской, потомъ священникомъ у Николая Чудотворца въ Хамовникахъ, послѣ протоіереемъ у Спаса на Бору, а оттуда именнымъ указомъ, объявленнымъ прокурору Св. Синода Мелисино 20 Сентября 1767 года, назначенъ въ большой Успенской соборъ. Во время моровой язвы онъ былъ назначенъ членомъ съ духовной стороны въ той Коммиссіи, которая была собрана для предохраненія и врачеванія чумы: онъ распоряжался отсылкою заболѣвшихъ духовныхъ лицъ въ больницы, составилъ молитвенное слово объ избавленіи отъ болѣзни и разослалъ его для чтенія въ церквахъ во время службы, наблюдалъ за очищеніемъ церквей, которыя по случаю оказавшейся смертности были признаны зараженными; по прекращеніи чумы онъ сказалъ благодарственное слово. Въ Августѣ 1773 г., по случаю возобновленія Успенскаго собора. Контора Св. Синода поручила протоіерею Александру составить церемоніалъ торжества освященія, а по окончаніи въ тотъ день службы, въ соборѣ, имъ было сказано благодарственное слово Императрицѣ за ея попеченія о первопрестольномъ храмѣ. Екатерина еще во время чумы обратила вниманіе на дѣйствія Александра Левшинова; при возобновленіи собора, ему какъ протоіерею онаго, пришлось потрудиться конечно немало; вѣроятно, это послѣднее обстоятельство и дало поводъ Императрицѣ отличить его особенною наградою. Въ 1774 г. она прислала ему наперсный крестъ съ каменьями и бриліантами на голубой лентѣ и въ письмѣ по этому случаю къ кн. Волконскому писала, что «онъ протоіерей во время язвы полезнымъ своимъ примѣромъ въ здравительной Коммиссіи сдѣлалъ много услугъ; онъ-же и братъ преосвященному Платону». Вмѣстѣ съ тѣмъ она поручала князю навѣдаться, какъ будто-бы отъ себя, о содержаніи протоіерея, и если узнаетъ, что оно скудно, то дать ей о томъ знать, чтобы она могла приказать Коллегіи Экономіи производить ему пенсію [3]).

[23]) Восемн. Вѣкъ т. I, стр. 132—133.

Въ 1775 году Екатерина прожила въ Москвѣ почти цѣлый годъ и лично узнала брата Платонова. Она пріѣхала въ ночь 22 Января. Въ Успенскомъ соборѣ, въ ожиданіи ея прибытія, на особо приготовленныхъ мѣстахъ, были положены священные предметы, хранимые въ соборѣ: часть ризы Господней, гвоздь Спасителя, образъ Влахернской Богородицы и проч. Соборяне, говоритъ протоіерей Александръ, «къ великому обрадованію увидѣли событіе евангельскихъ словъ: Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ его же обрящетъ бдяща. Сверхъ чаянія, Января 22 дня, въ самую полночь, въ 12 часу во второй четверти (видѣли мы), въ малой свитѣ, кротко шествующую въ первопрестольный храмъ и преклоняющую колѣна предъ Господомъ и лобызающую св. иконы и нетлѣнныя тѣломъ почивающихъ угодниковъ Петра, Іоны и Филиппа митрополитовъ Московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ и прочія святыни, хранящіяся въ семъ соборѣ. А по совершеніи того собора священнослужители приносили всеусерднѣйшее поздравленіе Ея Императорскому Величеству съ благополучнымъ прибытіемъ въ царствующій градъ Москву» [21]). Встрѣча Екатерины бодрствовавшими среди глубокой ночи отцами Успенскаго собора вызвала съ ея стороны особенное благоволеніе. «Ея Императорское Величество всемилостивѣйше всѣхъ соборянъ удостоить высочайше благоволила къ рукѣ и на отправленіе молебна сто рублей пожаловать благоволила». Затѣмъ Александръ Левшиновъ, въ продолженіи пребыванія Государыни въ Москвѣ, имѣлъ неоднократные случаи ей представляться. Такъ, 7 Февраля, Императрица нарочно пріѣхала въ соборъ къ вечернѣ, чтобы послушать столповое пѣніе. «Вечерню отправлялъ ключарь съ діакономъ, большую съ литіею; на клиросахъ пѣли протоіерей съ братіею. По отпускѣ вечерни протоіерей приносилъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за ощастливленіе Ея Императорскимъ Величествомъ первопрестольныя церкви высочайшимъ своимъ присутствіемъ (sic), на что преосвященнѣйшій Платонъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ отвѣтствовалъ, что Ея Императорское Величество о столповомъ издревле установленномъ пѣніи благоволитъ. Потомъ, протоіерея пожаловавъ къ рукѣ, изволила прикладываться ко святымъ образамъ въ предшествіи преосвященнаго Платона; при выходѣ изъ собора жаловала также всю братію къ рукѣ и провожена всѣми до кареты». По отъѣздѣ Императрицы князь Потемкинъ и архіепископъ Платонъ осматривали ризницу, при чемъ князь объявилъ, что Государынѣ угодно, чтобы у серебрянаго съ хрусталями паникадила, что̀ надъ амвономъ, была сдѣлана новая золотая кисть, а большое евангеліе для возобновленія къ празднику Пасхи было доставлено ко двору, что̀ и было исполнено лично самимъ протоіереемъ Александромъ. Въ Великую Пятницу, передъ вечерней, онъ былъ потребованъ во дворецъ, гдѣ ему и пере-

---

[21]) Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма Московскаго большаго Успенскаго собора и о возобновленіи первыхъ трехъ Московскихъ соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго, соч. протоіерея Александра Левшина. 1783 г.

дано возобновленное Императрицей евангеліе. «Въ тожъ самое почти время протоіерею со всею братіею всемилостивѣйше пожаловано отъ двора Ея Императорскаго Величества тысяча рублей и разныхъ матерій разнаго цвѣта на рясы и разной цѣны, именно съ означеніемъ на всякое лицо сколько мѣрою». На второй день Пасхи, «въ пятомъ часу по полудни, по высочайшему благоволенію Ея Императорскаго Величества, Успенскаго собора протопресвитеръ со всѣми священнослужителями трехъ соборовъ имѣлъ счастіе предстать предъ священнѣйшее лицо Ея Императорскаго Величества въ Пречистенскомъ дворцѣ и по обыкновенію христіанскому, издревле установленному, съ животворящимъ крестомъ славить воскресшаго Христа и отъ имени всѣхъ трехъ соборовъ священнослужителей со всерадостнѣйшимъ днемъ Воскресенія Христа поздравить». При этомъ случаѣ Александромъ Левшиновымъ было сказано Государынѣ благодарственное слово «за высочайшее къ послѣднѣйшимъ рабамъ благоволеніе» [25]). Что же Петръ Алексѣевъ? Онъ, который такъ усердно выпрашивалъ себѣ рекомендаціи передъ всемилостивѣйшей Государыней, какъ воспользовался онъ долговременнымъ пребываніемъ ея въ Москвѣ? Неужели ему только и удалось побывать во дворцѣ на второй день Пасхи, вмѣстѣ съ прочими, какъ-бы въ свитѣ протопресвитера Успенскаго собора и при томъ смотрѣть на торжество своего собрата? Что̀ предпринималъ Алексѣевъ для своихъ успѣховъ—по недостатку свѣдѣній остается неизвѣстнымъ; но, судя по прежнимъ обстоятельствамъ его жизни, по его умѣнью пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, нельзя думать, чтобы это время было у него потеряно. Вмѣстѣ съ Императрицей въ Москвѣ были ея духовникъ Іоаннъ Памфиловъ [26]) и князь Потемкинъ, оба—люди нужные.... Что̀ касается Александра Левшинова, то приведенные съ его словъ случаи не оставляютъ никакого сомнѣнія, что въ 1775 г. онъ не только имѣлъ возможность, но и успѣлъ упрочить за собой милостивое вниманіе Екатерины. Такъ мы видимъ, что черезъ два года послѣ того (въ 1777 г.) Екатерина дозволила ему съ сыномъ путешествовать по разнымъ мѣстамъ Россіи въ теченіи полугода, съ сохраненіемъ полнаго жалованья по окладамъ [27]). Въ средѣ Московскаго бѣлаго духовенства онъ былъ первымъ лицомъ; званіе члена Св. Синода, оставленное имъ за собою послѣ того, какъ ему случилось участвовать въ присутствіяхъ его во время нахожденія въ 1775 г. въ Москвѣ Синода,

---

25) Тамъ-же.

26) Апрѣля 9 Екатерина пріобщалась въ Успенскомъ соборѣ, при чемъ антидоръ на блюдѣ держалъ духовникъ Ея Величества, а теплоту протоіерей собора Александръ. (Опис. Усп. собора). Іоаннъ Памфиловъ въ царствованіе Елисаветы Петровны былъ священникомъ Московской церкви Успенія въ Печатникахъ, откуда въ 1752 г. поступилъ въ Петербургъ къ Морской Николаевской церкви (Розоновъ). Въ 1770 г. онъ уже былъ духовникомъ Екатерины. Ниже увидимъ, что Алексѣевъ пользовался покровительствомъ Памфилова и нерѣдко обращался къ нему съ письмами. Гдѣ же и когда онъ пріобрѣлъ расположеніе Памфилова? Въ тотъ годъ, когда послѣдній оставилъ Москву, Алексѣевъ только что начиналъ свою службу.

27) Восемн. Вѣкъ, кн. I, стр. 167.

еще болѣе придавало ему значенія. Все это, также какъ и родство съ архіепископомъ, вскружило ему голову. Такъ по крайней мѣрѣ надо судить по его дѣйствіямъ. Явясь во дворецъ во главѣ священнослужителей всѣхъ Московскихъ соборовъ, онъ называетъ себя не просто протоіереемъ, а протопресвитеромъ. Хотя въ сущности оба эти названія означали одну и ту же степень священства, тѣмъ не менѣе въ выходкѣ Левшинова нельзя не замѣтить извѣстнаго оттѣнка, особенной окраски, желанія поставить себя выше всѣхъ соборянъ, выдѣлиться изъ среды ихъ. И дѣйствительно, благодаря милостямъ двора и едва ли еще не больше родству съ Платономъ, въ послѣднее время онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что не только распоряжался между бѣлымъ духовенствомъ, какъ власть имѣющій, но даже игнорировалъ самихъ архіереевъ, которые, проживая въ Москвѣ по служебнымъ обязанностямъ и другимъ случаямъ, казались ему какъ-бы пришлыми въ Московской епархіи. «Доходятъ до меня свѣдѣнія, писала Екатерина къ князю Волконскому 8 Іюля 1778 г., о неблагопристойныхъ поступкахъ Успенскаго собора протоіерея Александра Левшина, во многихъ случаяхъ противу духовенства и другихъ оказанныхъ, а особливо, что онъ въ крестныхъ ходахъ дѣлаетъ самъ собою учрежденіе мимо первенствующаго тамъ архіерея, а 23 Іюня, при таковомъ ходѣ, Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева обругалъ, сторожамъ приказывалъ вытолкать, грозилъ ему не только словами, но и палкою; да и когда упомянутый Архангельскаго собора протоіерей приносилъ жалобу преосвященному архіерею Ростовскому [28]), то онъ и по его увѣщанію не укротился. Я желаю, продолжала Императрица, чтобы вы отъ упомянутаго архіерея и отъ другихъ навѣдались о подлинности всего сего и ежели что̀ подобное тому окажется, то, призвавъ его къ себѣ, дайте ему знать, что мнѣ тѣ его поступки извѣстны; но на сей случай дальнее взысканіе не дѣлается изъ уваженія къ его заслугамъ, по коимъ онъ въ настоящій санъ возведенъ и къ нынѣшнему мѣсту опредѣленъ, въ чаяніи, что онъ перемѣнитъ свое поведеніе, воздержась оказывать грубости не только въ степени ему предпочтеннымъ или равнымъ, но и съ меньшими и съ подчиненными, поступая съ должною вѣжливостію и кротостію, званію духовному приличною, въ отвращеніе всякихъ непріятныхъ изъ противнаго тому послѣдствій» [29]).

Чѣмъ былъ вызванъ грубый поступокъ Успенскаго протопопа съ Архангельскимъ? Одной ли гордостію перваго, или въ тоже время и заносчивостью послѣдняго? Алексѣевъ говоритъ, что оскорбленіе было нанесено безъ всякой съ его стороны причины. Могло быть такъ, могло быть и иначе. Алексѣевъ, конечно, не безъ зависти смотрѣлъ на положеніе Левшинова, на его отношенія къ двору; не могъ онъ безъ тайнаго ропота видѣть и того, какъ заби-

---

[28]) Т. е. первенствовавшему въ Синодальной Конторѣ архіерею за отсутствіемъ въ то время Платона въ Петербургъ.

[29]) Восем. Вѣкъ, кн. I, стр. 171—172.

ралъ себѣ силу равный съ нимъ по правамъ сослуживецъ; при такихъ отношеніяхъ могло быть достаточнымъ какого либо самаго ничтожнаго случая, чтобы вызвать страсти въ томъ и другомъ; и вотъ, между почтенными отцами выходитъ публичная ссора..... Замѣчательно однакожъ и то, что казусъ этотъ случился не съ кѣмъ либо другимъ, а именно съ Алексѣевымъ.

Петръ Алексѣевъ подалъ жалобу на поступокъ Александра Левшинова архіепископу, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, и въ тоже время писалъ къ протоіерею Іоанну Памфилову, котораго онъ, какъ и Потемкина, считалъ своимъ благодѣтелемъ. Черезъ Памфилова-то по всей вѣроятности Императрица и узнала о поступкѣ Александра Левшинова. Вотъ что писалъ Алексѣевъ Памфилову: «Высокопреподобнѣйшій отецъ протопресвитеръ, милосердный отецъ и благодѣтель! За милостивый вашъ обо мнѣ отзывъ, въ Петергофѣ брату моему сказанный, покорнѣйшую приношу благодарность, нижайше прося ваше высокопреподобіе о неоставленіи и впредь меня вашего слугу драгоцѣнною для меня милостію, которую на себѣ носить почитаю за отмѣнное въ жизни счастіе. А что до сего времени умедлилъ я благодареніемъ, тому причиною, кромѣ другихъ недосуговъ по собору, духовенству и учебнымъ дѣламъ, печаль, которою Богу угодно посѣтить меня 23 Іюня: ибо въ крестномъ ходу публично обругалъ меня отецъ протоіерей Успенскій безъ всякой съ моей стороны причины. На Ивановской площади кричалъ во все свое громогласіе: поди, плѣшивый, отсюда прочь; я терпѣть тебя не могу. Потомъ приказывалъ своимъ сторожамъ, чтобъ толкали меня по шеѣ; того недовольно, тупанками меня потчивалъ, и какъ я, обратясь къ нему, просилъ его, дабы оставилъ меня съ покоемъ и не дѣлалъ бы больше народу соблазна, то, онъ паче разсвирѣпѣвъ, грозилъ мнѣ большою своею палкою, чего убоясь, принужденъ я выступить вонъ изъ ряду и протестовавши Самуилу преосвященному, тогда за крестами шествовавшему, удалиться отъ него подалѣе. На письмо мое преосвященный Московскій отозвался о томъ дѣлѣ милостиво и увѣрялъ, что онъ ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ участія не возметъ по сему дѣлу; судить же его, яко не Московской епархіи протопопа [30]), не можетъ; при томъ апробовалъ заочно, что я шелъ тогда въ своемъ мѣстѣ, то есть по лѣвую сторону игумена. Однако протоіерей Успенскій, обидѣвши меня безвинно, подалъ въ Конторѣ Синодальной представленіе, чтобъ закрыть свой азартный поступокъ, и заутра уповательно позовутъ меня къ отвѣту. Начинающаго Богъ! Если дойдетъ дѣло до Святѣйшаго Синода, покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе защитить меня въ моей невинности, яко беззащитнаго человѣка, за что долженъ вѣчно благодарить единственнаго моего милостивца и просить Бога о продолженіи дражайшей вашей жизни и благоденствія. Впрочемъ, съ истиннымъ почитаніемъ пребуду вашего высокопреподобія, милосердаго отца, покорнѣйшій слуга и богомолецъ Петръ протоіерей Архангельскій» [31]).

[30]) Т. е. находящагося подъ прямымъ начальствомъ Синода.

[31]) Русск. Арх. 1871 г. стр. 211.

Какъ можно догадываться, дѣло вышло изъ-за мѣста, занятаго въ крестномъ ходу Алексѣевымъ.

Нарядъ настоятелей Московскихъ монастырей, т. е. архимандритовъ и игуменовъ, для служенія въ праздничные и торжественные дни въ Успенскомъ и прочихъ соборахъ, а также назначеніе Грузинскихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, для служенія и въ духовныя церемоніи, до временъ Платона, принадлежалъ Синодальной Конторѣ или, лучше сказать, Успенскому протопопу, который, состоя членомъ Конторы, распоряжался съ соборными ключарями назначеніемъ настоятелей и архіереевъ къ служенію и церемоніямъ [32]). На этомъ-то вѣроятно основаніи Александръ Левшиновъ присвоилъ себѣ право надзирать также и за установленнымъ въ 1775 году порядкомъ распредѣленія мѣстъ между священнослужителями во время ихъ служенія и на крестныхъ ходахъ, отправлявшихся отъ Успенскаго собора и проч. Насколько было законно присвоеніе этого права—не знаемъ; не знаемъ также и того, на сколько вѣрно, что Платонъ «апробовалъ» положеніе, занятое Алексѣевымъ въ ходу 23 Іюня «по лѣвую сторону игумена», и не было ли при этомъ еще другаго какого либо обстоятельства, вызвавшаго горячность Левшинова. Вообще Алексѣевъ, болѣе нежели кто другой, былъ склоненъ смягчать свои поступки [33]).

Какъ бы то впрочемъ ни было, возникаетъ споръ, въ которомъ Левшиновъ говоритъ своему сослуживцу: я терпѣть тебя не могу. Въ этихъ словахъ слышится раздраженіе не минуты гнѣва, но какъ бы подготовленное предшествовавшими обстоятельствами. За что же Левшиновъ не могъ терпѣть Алексѣева? Видно были причины.... можетъ быть и давнія.

Мы видѣли рѣшеніе по этому дѣлу Екатерины. Надо полагать, что она не оставила передать свое неудовольствіе и Платону и что послѣдній, имѣя въ виду волю Государыни ограничиться на этотъ разъ замѣчаніемъ черезъ князя Волконскаго, съ оффиціальной стороны оставилъ дѣло безъ послѣдствій. Каковы были келейныя объясненія между братьями, неизвѣстно.

Между тѣмъ Петръ Алексѣевъ, не получая на свою жалобу резолюціи архіепископа, въ ближайшій, послѣ 23 Іюня, крестный ходъ, совершаемый 8 Іюля въ Казанскій соборъ, идти отказался, «опасаясь вящей отъ протоіерея Левшина обиды».

Вскорѣ надъ Алексѣевымъ встряслась новая бѣда. На него донесли, что онъ позволилъ себѣ сидѣть на архіерейской каѳедрѣ, которая ставится посреди церкви для облаченія служащаго архіерея. Дѣло пустое и кляузное, но для Алексѣева имѣвшее непріятныя послѣдствія. Онъ опять обратился къ Памфилову и писалъ ему: «......Покорно прошу замолвить за меня безпомощнаго слово великодушному моему архипастырю, преосвященному Платону

[32]) Ист. Моск. Еп. Управл. ч. III, кн. 2, стр. 140—141.

[33]) Ниже увидимъ, что Алексѣевъ домогался права становиться выше игуменовъ. Не было ли въ этомъ случаѣ попытки съ его стороны предвосхитить старшинство у монаха, какъ лица неученаго?

архіепископу. По доносу ключаря Архангельскаго, а по резолюціи его преосвященства, мучитъ меня здѣшняя Консисторія строжайшимъ слѣдствіемъ, яко-бы за оскорбленіе святительства присѣденіемъ на архіерейской каѳедрѣ. Но какъ сіе учинилось не во время службы церковной, притомъ не отъ презорства власти архіерейской, а истинно невзначай, свидѣтельствующей моей совѣсти (sic), когда, затворившися въ соборѣ, примѣривали и прибивали къ каменному церковному столпу фигурный крепъ для повѣшенія новой лампады предъ ракою Черниговскихъ чудотворцевъ, я пристально смотрѣлъ за тою работою, стоя на облачальномъ амвонѣ. И по случаю сора и пыли, сверху посыпавшихся, отступая назадъ и не догадавшися, на покрытую сукномъ каѳедру присѣлъ я, съ которой тотчасъ всталъ, не подавши никому посторониимъ соблазна. Вотъ все мое преступленіе! Но какъ преосвященный на меня гнѣвенъ, особливо по причинѣ азартнаго братомъ его со мною поступка, въ крестномъ ходѣ 23 Іюня бывшаго и дошедшаго до высочайшихъ слуховъ, то и ключарь, въ угодность его преосвященства, сдѣлался доносителемъ, и Консисторія уважаетъ сіе дѣло, аки криминальное: не принявши еще отъ меня оправданія, выписываетъ изъ военнаго процесса строжайшіе законы къ оштрафованію невинности, оставя новоблагодатную инструкцію Матѳ. 6, 14 и гл. 18, 21 и стихъ 35, также 1 Петр. 5, 3. Хотя сей неумышленный поступокъ ни противъ Бога, ни противъ Церкви Его, но истецъ есть самъ главный судія, то и считаютъ меня уже погибшимъ вовсе. Если преосвященный проговоритъ о семъ дѣлѣ въ Святѣйшемъ Синодѣ, то покорно прошу что нибудь сказать въ мое защищеніе» [34]).

Повторяемъ, дѣло пустое, но оно показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ находился Алексѣевъ къ ближайшему своему сослуживцу—ключарю, который, какъ видно, подобно Александру Левшинову, терпѣть не могъ Алексѣева. Этотъ ключарь былъ тотъ самый Дмитрій Лавровскій, который запретилъ нисшему причту слушаться протопопа. Напрасно Алексѣевъ думалъ, что доносъ былъ сдѣланъ въ угожденіе Платону: Лавровскій, также какъ и Консисторія, вѣроятно имѣли свои причины относиться къ нему непріязненно. Если же Платонъ, какъ жалуется «беззащитный и безпомощный» Алексѣевъ, былъ гнѣвенъ на него, то это было совершенно естественно, ибо доводить свѣдѣнія о происшествіяхъ «до высочайшихъ слуховъ» помимо своего начальства значило дѣлать доносъ; лично Платонъ никогда и ничѣмъ не показалъ своего нерасположенія къ Алексѣеву. Мы увидимъ, что резолюціи Платона, касавшіяся дѣлъ Алексѣева, всегда были безпристрастны и совершенно справедливы.

Въ 1780 г. Августа 28, тотъ же Дмитрій Лавровскій донесъ Платону, что Петръ Алексѣевъ 19 Августа не былъ въ крестномъ ходу въ Донской монастырь. Консисторія потребовала его къ допросу, на которомъ Алексѣевъ показалъ, что въ крестномъ ходѣ онъ не былъ потому, что инструкціей для

---

[34]) Русск. Арх. 1871 г. 213—214.

соборянъ Архангельскаго собора велѣно ему быть только въ большихъ крестныхъ хожденіяхъ, а ходъ въ Донской монастырь малый, да и въ то число онъ долженъ былъ въ 10 часовъ утра толковать катехизисъ въ Университетѣ. Сдѣланъ запросъ въ канцелярію Университета: когда протоіерей преподаетъ катехизисъ? Канцелярія отвѣчала, что протоіерей Алексѣевъ въ Университетѣ юношеству катехизисъ толкуетъ по средамъ и субботамъ отъ 10 до 11 часовъ утра. Алексѣевъ представилъ къ дѣлу копію съ указа Св. Синода отъ 3 Іюля 1759 г. объ опредѣленіи его въ Университетъ къ истолкованію катехизиса юношеству, гдѣ сказано, что онъ опредѣленъ съ освобожденіемъ отъ очередной проповѣди и съ уменьшеніемъ другихъ касающихся до него требъ, и потому просилъ уволить его въ учебные дни отъ крестныхъ хожденій, викторіальныхъ молебновъ, царскихъ панихидъ и другихъ церковныхъ службъ. Платонъ написалъ, что въ указѣ точнаго опредѣленія объ уменьшеніи какихъ требъ не изъяснено, а протоіерей обучаетъ въ Университетѣ въ недѣлю два дня 11-ый часъ, и потому его освободить только отъ очередной проповѣди и отъ малыхъ крестныхъ ходовъ, кои въ тѣ дни случатся, а въ большихъ ему быть, ибо ихъ малое число; также ежели въ тѣ дни случатся панихиды, то отъ служенія литургій и панихидъ уволить [35].

Въ 1784 г. Алексѣевъ имѣлъ новую непріятность: онъ получилъ отъ Платона выговоръ за переводъ сочиненія Корнелія Агриппы О превосходствѣ и преимуществѣ женскаго пола, появившагося въ Петербургѣ отпечатаннымъ. Любопытно письмо, посланное имъ по этому случаю І. Памфилову. «Всечестнѣйшій отецъ протопресвитеръ, Іоаннъ Іоанновичъ, милостивый государь! Иностранная есть пословица, что отсутствующій всегда виноватъ бываетъ. Такимъ образомъ я за 700 верстъ провинился по причинѣ вышедшаго изъ печати въ С.-Петербургѣ перевода: О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола. Онъ найденъ въ письмахъ послѣ брата покойнаго [36], и для одной курьезности переслапъ мною прошлаго года княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой не только безъ одобренія моего, но еще со внушеніемъ о имѣющихся въ самомъ оригиналѣ онаго нелѣпостяхъ. Слѣдовательно я и не воображалъ, чтобъ могъ кто нибудь напечатать такое сочиненіе, кольми паче, чтобъ отъ команды получить незаслуженный выговоръ. Отъ сего Богъ меня избавилъ вашимъ предстательствомъ, какъ я слышалъ чрезъ письмо вашего сочлена С. М. Кор. и отъ пріѣхавшаго сюда недавно госп. Баженова, за что приношу мою чувствительную благодарность, и покамѣстъ духъ жизни во мнѣ пребудетъ, благодарить не престану толь милостиваго защитника...» и проч. [37]).

Насколько въ словахъ Алексѣева искренности и правды, показываютъ обстоятельства дѣла. Извѣстно, что сочиненіе Корнелія Агриппы переведено са-

---

35) Розановъ.

36) Родной братъ Петра Алексѣева, Іоаннъ Алексѣевъ; въ 1767 г. оба брата были ключарями Успенскаго собора.

37) Русск. Арх. 1871 г. стр. 216—217.

нимъ Петромъ Алексѣевымъ, но онъ какъ будто не признаетъ перевода своимъ трудомъ, по крайней мѣрѣ умалчиваетъ объ этомъ: рукопись онъ нашелъ въ бумагахъ своего брата.... Дальше, Алексѣевъ, какъ можно заключать изъ его же словъ, недоволенъ сочиненіемъ; онъ не одобряетъ его и предваряетъ, что въ оригиналѣ есть нелѣпости и за всѣмъ тѣмъ рукопись посылается къ кн. Дашковой. Для чего? — Ради курьеза, говоритъ онъ; мы же думаемъ, что «умыселъ другой тутъ былъ»: посылая Дашковой такое сочиненіе, которое трактуетъ о превосходствѣ и преимуществѣ женскаго пола [38]), онъ просто на просто льститъ самолюбію президента Академіи Наукъ и Императрицѣ, расчитывая, что переводъ его, конечно, будетъ извѣстенъ и сей послѣдней.

Столь же мало, по нашему мнѣнію, можно довѣрять и разсказу Алексѣева о публичномъ оскорбленіи его Платономъ, о чемъ онъ извѣщалъ Памфилова въ письмѣ отъ 28 Августа 1785 года. Всѣ эти письма до такой степени характеричны, такъ живо рисуютъ намъ личность Алексѣева, что по неволѣ приходится повторять ихъ цѣликомъ. Вотъ что, наприм., писалъ онъ къ своему благодѣтелю и милостивцу по поводу вышеупомянутаго случая.

«Всепречестнѣйшій отецъ протопресвитеръ, мой милостивецъ! Неугодно ли вашей пречестности нашихъ вѣдомостей прочесть».

«Сего Августа 27 числа у насъ въ соборѣ отправлялъ царскую панихиду преосвященный Московскій и по отправленіи оной, при выходѣ его преосвященства изъ алтаря, подошелъ я, наклоняся, къ принятію отъ своего архипастыря благословенія. Но онъ, державъ въ шуйцѣ трость, десницею же ухватя за лѣвый рукавъ моей рясы и обратя меня къ сѣвернымъ алтарнымъ дверямъ, толкнувъ, сказалъ: вотъ твоя должность—идти передо мною. Чему удивилися не только находящіеся тогда въ алтарѣ знатнѣйшіе, но и стоящіе противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей мірскіе люди. И такъ я, оправяся отъ толь невоображаемаго того посрамленія, пошелъ передъ его преосвященствомъ вмѣстѣ съ иподіаконами за церковь. Однако его преосвященство, тѣмъ будучи недоволенъ, еще на паперти остановяся, при возслѣдующемъ за нимъ народѣ, кричалъ на меня, выговаривая такимъ образомъ: меня-де консистористы вездѣ встрѣчаютъ, а ты для чего не встрѣтилъ меня давеча? На что я съ подобающимъ благоговѣніемъ отвѣчалъ: «Не было доселѣ такого обычая, чтобъ встрѣчать неслужащаго архіерея, а ежели угодно вашему преосвященству и то учредить, я буду повиноваться». Тѣмъ кончилося сіе страшное приключеніе, а побѣдитель сѣлъ въ торжественную колесницу и отправился куда ему надобно. Въ соборѣ же остался служить обѣдню Григорій, епископъ Грузинскій».

«Вотъ, милостивый мой отецъ, до чего нашъ братъ дожить можетъ! Семь лѣтъ только что минуло отъ того случая, какъ любезный братъ его прео-

[38]) Рукопись Алексѣева была напечатана въ 1784 г. въ типографіи Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола. Въ Росписи Смирдина она значится подъ № 1332.

священства азартно поступилъ со мною въ крестномъ ходѣ, однако тотъ на Ивановской площади, а сей внутри святилища. Тридцать три года я въ главныхъ здѣшнихъ соборахъ священно-служителемъ, но не видывалъ, чтобы протопопы встрѣчали архіерея неслужащаго передъ церковію, ибо на то имѣются тамъ ключари. Да и самъ нашъ владыка насланною въ Архангельскій Соборъ 1776 года инструкціею, въ 3 пунктѣ, между прочимъ, предписалъ, чтобъ протоіерею съ ключаремъ встрѣчать его преосвященство, идущаго къ служенію, что̀ я и исполнялъ, встрѣчая его со крестомъ по обычаю. Вступитеся, милостивый государь мой и отецъ, за такого человѣка, который издавна привыкъ почитать ваши добродѣтели и съ симъ почитаніемъ вѣчно пребудетъ вашъ покорнѣйшій слуга Петръ протоіерей Архангельскій».

При этомъ письмѣ находится postscriptum, въ которомъ Алексѣевъ изливаетъ желчь затаенной злобы противъ Платона. P. S. «Я писалъ о томъ же къ преосвященному Новгородскому, но знаю, что къ преосвященному на преосвященнаго писать, что̀ значитъ, па васъ я больше надѣюся. Мнѣ грозитъ владыка отрѣшеніемъ отъ мѣста. Ахъ, какъ это страшно! За то, что не показался человѣкъ человѣку, идти отцу съ дѣтьми по міру, разориться домомъ и межу дворъ скитаться; гораздо легче архіерею идти на обѣщаніе, оставя по своенравію епархію свою: ибо онъ, накопя денегъ, безбѣдно проживетъ въ монастырѣ вѣкъ свой, якоже Пахомій и прочіе. Простите за откровенность»[39]).

Мы сказали, что нельзя вполнѣ довѣрять словамъ Алексѣева, и дѣйствительно: зная умъ Платона, его привѣтливый нравъ и тактъ, которымъ всегда отличались его дѣйствія, возможно ли повѣрить, чтобы онъ позволилъ себѣ толкнуть соборнаго протоіерея и притомъ въ виду бывшаго въ храмѣ народа? Очень возможно, что Платонъ отослалъ отъ себя впередъ подошедшаго къ благословенію Алексѣева и, дѣлая ему выговоръ, былъ противъ обыкновенія суровъ и рѣзокъ, чего уже достаточно было, чтобы раздражить непомѣрное самолюбіе Алексѣева; но не надо забывать, что хотя Платонъ и носилъ ангельскій чинъ, все-таки однакоже былъ человѣкъ, а не ангелъ, и могъ, какъ и всякой другой, выдти изъ спокойнаго состоянія духа. Не честолюбіе, отъ котораго конечно не былъ свободенъ и Платонъ, заставило его напомнить, что и члены Консисторіи оказываютъ ему должное уваженіе. Такой ничтожный случай, какъ неисполненіе формальности (еслибъ это было только такъ) могъ бы быть замѣченъ Алексѣеву инымъ образомъ, хоть бы напр. такимъ, какимъ былъ извѣщенъ Симоновскій архимандритъ Амвросій[40]), т. е. чрезъ Синодальную Контору или чрезъ Консисторію; нѣтъ, тутъ была другая причина: Платонъ видѣлъ и понималъ, что Алексѣевъ, надѣясь на Петербургскія связи, начиналъ уже оказывать неуваженіе къ сану и власти архіерея, и вотъ онъ даетъ ему почувствовать эту власть. Въ самомъ дѣлѣ, увѣрять, что не

---

[39]) Русск. Арх. 1871, стр. 218—220.
[40]) Восемн. Вѣкъ, кн. 3, стр. 394.

было обычая встрѣчать неслужащаго архіерея — была смѣлая ложь, такъ какъ обыкновеніе это всегда соблюдалось и соблюдается доселѣ. Алексѣевъ не могъ не знать той разницы, которая полагалась во встрѣчѣ служащаго и неслужащаго архіерея: въ первомъ случаѣ мѣстный причтъ встрѣчаетъ въ облаченіи, съ крестомъ и св. водою, во второмъ — безъ облаченія, принимая благословеніе владыки; къ первой встрѣчѣ обязываетъ уставъ церковный, ко второй—долгъ вѣжливости.

Вообще, все поведеніе Алексѣева было таково, что не могло не возмущать души Платона. Ненависть къ нему, зависть и наговоры придворному духовнику не оставались для него секретомъ. Не дальше, какъ 6 мѣсяцевъ тому назадъ (въ Февралѣ 1785 г). Алексѣевъ писалъ къ Памфилову: «При семъ сообщаю вамъ малую книжку подъ названіемъ: Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свободнымъ каменщикамъ, по которой можете разсудить и о прочихъ сего рода сочиненіяхъ, здѣсь печатаемыхъ къ соблазну немощныхъ совѣстей, и тѣмъ самымъ, кому бы запрещать надлежало, одобряемыхъ» [41]). Это было писано въ самый, такъ сказать, разгаръ негодованія Екатерины противъ масоновъ, и уже конечно не съ тѣмъ, чтобы Памфиловъ зналъ это про себя. Замѣчательно, что въ Декабрѣ того же года главнокомандующему графу Брюсу и Платону предписано было указомъ— осмотрѣть книги, напечатанныя у Новикова и въ другихъ вольныхъ типографіяхъ [42]).

Памфиловъ, какъ видно, былъ тоже не изъ числа друзей Платона, почему охотно слушалъ передаваемыя ему Московскимъ его кореспондентомъ свѣдѣнія и сплетни въ родѣ напр. слѣдующихъ. «Сегодня было здѣсь, сообщалъ Алексѣевъ, необыкновенное священнику умершему отпѣваніе въ церкви великомученицы Варвары, что на Варварскомъ крестцѣ; необыкновенное потому, что чинъ погребенія священническаго, церковію издревле принятый и утвержденный, былъ тутъ искаженъ. Искаженъ же не отъ неразумѣнія погребателей, но точію по приказу архіерейскому. А именно выключены за штрафъ изъ того чина два апостола и два евангелія и не пѣли нѣкоторыхъ антифоновъ и стиховъ, по уставу изображенныхъ; притомъ не допущены благочиннымъ облачиться священники, желающіе быть при погребеніи. И на вопросъ имъ сказано: архіерей-де на покойника гнѣвенъ, для того именно запретилъ, чтобъ больше двухъ священниковъ со мною къ тому отпѣванію другимъ не облачаться и кое-что велѣлъ выкинуть изъ церемоніи церковной, даже что и перезванивать не приказалъ. А какъ благочинный того сорока есть ключарь Архангельскаго собора, то онъ предварительно тоже самое разсказалъ и всѣмъ соборянамъ тамошнимъ. Сей странной надъ мертвымъ учиненной штрафъ тронулъ не только бѣлое духовенство, но и мірскихъ людей весьма соблазнилъ. Особливо несказаннымъ образомъ огорчилъ оставшихся послѣ того покойника

---

41) Русск. Арх. 1871 г., стр. 218.

42) Восемн. Вѣкъ, кн. 1, стр. 490.

дѣтей и сродниковъ, а всѣхъ меньше чувствовалъ то наказаніе покойникъ: ибо онъ, яко не изверженъ правильно отъ пресвитерскаго сана, съ христіанскимъ пріуготовленіемъ спокойно умиралъ и не воображалъ себѣ, чтобъ по смерти, облаченъ будучи во всю священническую одежду и принесенъ во святую церковь къ погребенію, отказано было отъ полнаго священническаго отпѣванія. Чтожъ скажутъ на сіе старообрядцы, которые и дѣльныхъ перемѣнъ въ церкви не терпятъ, не только такихъ самовольныхъ? Что касается до сына покойникова, находящагося при И. Московскомъ университетѣ учителемъ, я думаю, что онъ не преминетъ формальное Святѣйшему Сѵноду подать прошеніе о такомъ безпримѣрномъ ругательствѣ, отцу его по кончинѣ учиненномъ. А въ Москвѣ теперь только и рѣчей, что о семъ священническомъ чудномъ погребеніи» [43]).

О нерасположеніи придворнаго духовника къ Платону можемъ заключать по разсказу сего послѣдняго о возведеніи его въ санъ митрополита, что̀ случилось во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1787 году.

«Въ 1787 году, разсказываетъ Платонъ, Императрица, возъимѣвъ путешествіе чрезъ Смоленскъ и Кіевъ въ Крымъ, на возвратномъ пути посѣтила и Москву, гдѣ приняла архіепископа благосклоннѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ, въ концѣ Іюня мѣсяца, гдѣ пробывъ до 10 дней, неоднократно удостоивъ его стола своего, разговаривала съ нимъ и обходилась милостивѣйшимъ образомъ. И вотъ что случилось! Прежде до того года за два пожалованы ею митрополитами архіепископы Новгородскій Гавріилъ и Кіевскій Самуилъ, бывый архіепископъ Ростовскій, который всегда былъ архіепископа Московскаго ниже. Положено было тогда и его пожаловать въ митрополита, и клобукъ бѣлый былъ приготовленъ, какъ самъ князь Потемкинъ Платону сказывалъ; но помѣшали злые люди... Однако се что̀ судьбы Божіи устроили! Когда Платонъ о томъ не воображалъ (ибо ниже какимъ либо слухомъ до него доходило) и приготовился служить въ день Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла въ Успенскомъ соборѣ, куда и Императрица съ двумя своими внуками прибыла и совершалъ литургію, тотъ самый духовникъ, служа съ нимъ, который ему не желалъ митрополитомъ быть, вдругъ по «Достойнѣ», по обряду поминая его, наименовалъ митрополитомъ: помяни Господи митрополита нашего имрекъ и пр. Платонъ, сіе услышавъ, почелъ, что онъ въ насмѣяніе ему сіе говоритъ, воспрещалъ, чтобъ онъ при совершеніи святѣйшихъ тайнъ сего не дѣлалъ; но онъ только отвѣтствовалъ, что такъ надлежитъ и паки тоже повторилъ. Потомъ тотчасъ придворный проповѣдникъ сказалъ архіепископу, что такъ отъ Императрицы повелѣно и провозгласилъ велегласно во всю церковь по обряду: митрополита Московскаго и проч. Тогда узнавъ митрополитъ волю Императрицы, обратившись, поклонился Императрицѣ изъ царскихъ дверей... Все сіе произошло, какъ послѣ Платонъ услышалъ, такимъ образомъ, что Императрица въ самое

[43]) Русск. Арх. 1871, стр. 120—121.

служеніе приказала отдать указъ духовнику на имя Сѵнода и приказала ему и протодіакону его митрополитомъ провозгласить... Обрадованъ былъ Платонъ, но не обрадовались тѣ, кои ему недоброжелательствовали, а власть по командѣ духовной имѣли въ своихъ рукахъ: почитали его для себя тягостнымъ и не надѣялись себя возвысить и успленіемъ, развѣ униженіемъ и ослабленіемъ его. Всѣ изобрѣтали способы его безпокоить. Нѣкоторые явились просители въ Сѵнодѣ, чего никогда не бывало; ибо узнали, что есть такіе, кои тому рады и имъ помогать будутъ. И хотя сіи просители по дѣлу не могли ничего получить, ибо оказались виновными, но между тѣмъ разными спросами, справками и нарочнымъ продолженіемъ былъ митрополитъ обезпокоиванъ» [44]).

Нѣтъ сомнѣнія, что отмѣченныя нами курсивомъ мѣста приведеннаго разсказа относятся не къ кому иному, какъ къ Памфилову. Алексѣевъ въ 1787 г. тоже получилъ награду: Императрица прислала митрополиту чрезъ гр. Безбородка золотой наперсный крестъ на черной лентѣ для возложенія на Архангельскаго протоіерея. Эта награда сравнивала его съ его соперникомъ Александромъ Левшинымъ, но его честолюбіе не было вполнѣ удовлетворено. Ему хотѣлось въ церковныхъ церемоніяхъ становиться рядомъ съ Левшинымъ и, подобно ему, именоваться протопресвитеромъ, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже; а теперь упомянемъ еще объ одной непріятной исторіи, въ которой Алексѣеву пришлось фигурировать самымъ непригляднымъ образомъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1788 г. служитель Алексѣева, дворовый человѣкъ его, Василій Петровъ подалъ на него митрополиту Платону доносъ, что онъ, протоіерей, имѣлъ блудную связь съ крѣпостною своею дѣвкою Зиновіею и прижилъ съ нею троихъ дѣтей, и онъ, Василій, «хотя у него, протопопа, находится во всякомъ порядкѣ, никакого художества, воровства и пьянства за собой не имѣетъ, но, по наговорамъ оной крѣпостной дѣвки стало жить ему натужно», что протопопъ «почасту его бьетъ и мучитъ всячески напрасно, а 19 Января [45]), призвавши его ввечеру въ горницу, билъ его по щекамъ и, поваливъ его, таскалъ за волосы, а потомъ билъ натуральною тростью». Митрополитъ велѣлъ дѣло изслѣдовать законнымъ порядкомъ. Алексѣевъ по требованію Консисторіи къ допросу не явился, а 8 Февраля подалъ митрополиту просьбу, въ которой объяснялъ, что «доноситель на него, протоіерея, служитель его Василій Петровъ есть бѣглый слуга, бѣжавшій изъ дома его, протоіерея, съ данными на покупку хлѣба деньгами и, по наущенію злыхъ людей, подалъ на него, протоіерея, пакостное доношеніе, которое никакого вѣроятія не заслуживаетъ; потому что доноситель: 1) есть служитель его и передъ побѣгомъ отъ него, протоіерея, былъ за вину наказанъ и потому враждебный человѣкъ; 2) онъ, Василій, есть закоснѣлый раскольникъ и еретикъ, ненавидящій Церковь православную и гаждающій священныя ея таинства,

---

[44]) Записки м. Платона.

[45]) Наканунѣ подачи доноса.

понеже въ 15 лѣтъ въ бытность его въ домѣ протоіерея ни единожды не причащался св. Христовыхъ таинъ и въ храмъ молитвенный не вхаживалъ съ правовѣрными, кольми паче ненавидящій священнослужителей православныхъ, а паче его, протоіерея, за многократно чинимое ему увѣщаніе о присоединеніи ко св. Церкви». Въ заключеніи Алексѣевъ просилъ: «по оному дѣлу отвѣчать въ Консисторіи его не принуждать и въ публикѣ о томъ блядословіи не разглашать для соблюденія чести духовенства вообще, особливо каѳедральнаго его преосвященства собора, и дабы таковой худой примѣръ не подалъ поводу къ возмущенію другимъ служителямъ противъ господъ и подчиненнымъ противъ начальниковъ своихъ, въ противность Слова Божія, также церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ» [46]).

Въ этомъ прошеніи нравственная сторона Алексѣева отразилась съ такою отчетливостью, что каждый новый штрихъ въ изображеніи ея будетъ уже совершенно лишнимъ. И такъ продолжаемъ....

Ни голословныя обвиненія, ни резоны, по которымъ Алексѣеву казалось необходимымъ замять дѣло, митрополита не удовлетворили: онъ дѣла не остановилъ, а велѣлъ поданное прошеніе разсмотрѣть и представить опредѣленіе.

Положеніе Алексѣева было затруднительно: выдти изъ него путемъ правды было не только трудно, но положительно невозможно; все, чтò писалъ онъ митрополиту о Василіѣ Петровѣ въ свое оправданіе, все было ложно. Алексѣевъ очень хорошо зналъ, что ложь не могла оправдать его; но онъ зналъ также, что она можетъ затянуть дѣло: пойдутъ справки, начнется лишняя переписка, а онъ между тѣмъ напишетъ въ Петербургъ о новыхъ козняхъ враговъ и о беззащитномъ своемъ положеніи. Къ кому и что писалъ онъ по настоящему дѣлу, намъ неизвѣстно; но вотъ, черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ Алексѣевъ, уклонившись отъ консисторскаго допроса, подалъ Платону прошеніе, въ которомъ онъ оправдывался, изъ Петербурга главнокомандующему Москвы генералъ-аншефу Еропкину былъ присланъ рескриптъ Екатерины слѣдующаго содержанія: «Петръ Дмитріевичъ! Въ предосторожность, дабы по нѣкоторымъ обстоятельствамъ Архангельскаго собора протоіерей Петръ Алексѣевъ не понесъ гнѣва отъ своего начальника и не былъ притѣсняемъ, препоручаемъ мы его въ особенное защищеніе ваше. Прикажите ему безъ огласки въ нужныхъ случаяхъ имѣть къ вамъ прибѣжище и увѣдомляйте о томъ насъ, въ чемъ сами вы рѣшиться не можете» [47]).

Теперь онъ посмотритъ, чтò могутъ сдѣлать ему враги его!.... Между тѣмъ дѣло продолжалось. Въ дальнѣйшемъ теченіи его Алексѣевъ далъ Консисторіи слѣдующія показанія: 1) Находящійся у него въ услуженіи человѣкъ Василій Петровъ въ подушномъ окладѣ состоитъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка за капитанъ-поручикомъ Хлоповымъ и ему, протоіерею, отданъ въ услуже-

[46]) Ист. Моск. Еп. Управл. ч. III, кн. I, прим. 600.
[47]) Писано изъ Царскаго Села отъ 1 Іюня 1788 г. Русск. Арх. 1872 г. стр. 305.

ніе по вѣрящему письму, засвидѣтельствованному въ Юстицъ-Коллегіи; 2) Василія Петрова назвалъ еретикомъ потому, что онъ отъ церкви православной удаляется, а таковые по Кормчей по 33 правилу Лаодикійскаго собора и 63 ст. преподобнаго Никона, игумена Черныя Горы, называются еретиками; 3) дѣвка Зиновія живетъ въ домѣ у него лѣтъ съ 15 и находится при дочери его, протоіерея, въ отдаленномъ, особливомъ отъ него покоѣ, и состоитъ крѣпостною сына его, протоіерея, коллежскаго ассесора Ѳедора Алексѣева, который Московскаго Верхняго Надворнаго Суда во 2 департаментѣ засѣдателемъ.

По справкѣ въ Консисторіи оказалось, что Василій Петровъ по исповѣдной вѣдомости Николаевской, что̀ на Берсеневкѣ, церкви, въ приходѣ которой Алексѣевъ имѣлъ свой домъ, вмѣстѣ съ прочими служителями его показанъ за всѣ годы бывшимъ на исповѣди и у св. причастія. Губернское Правленіе на запросъ Консисторіи отвѣчало, что Василій Петровъ никогда не былъ записанъ въ число раскольниковъ. Когда Консисторія потребовала Василія Петрова, чтобы выслушать доказательства его доноса, то оказалось, что онъ отданъ уже въ военную службу и отосланъ въ дальніе батальоны.

Между тѣмъ митрополитъ Платонъ передалъ въ Консисторію записку, писанную рукою Алексѣева къ генералъ-аншефу Еропкину, въ которой Алексѣевъ объяснялъ, что «служитель его Василій Петровъ, будучи въ бѣгахъ, ходилъ неоднократно къ митрополиту Московскому въ домъ и, по наущенію злыхъ людей, подалъ на него, Алексѣева, прошеніе, но сего прошенія и принимать бы не слѣдовало: 1) яко отъ слуги, по природѣ враждебнаго господину и отъ слуги бѣглаго, каковымъ по закону не повелѣно вѣрить; 2) безъ достовѣрнаго свидѣтельства; 3) тотъ же слуга есть раскольникъ и онъ, протоіерей, хотя просилъ митрополита о уничтоженіи сего дѣла, но онъ, аки обрадовався случаю для него, Алексѣева, поносительному, не только не уничтожилъ, но и къ вящему всего священства поруганію приказалъ чрезъ Консисторію послать въ Губернское Правленіе запросъ о Василіи, прописавъ въ оригиналѣ его пакостное прошеніе, нимало къ тому запросу не слѣдующее, а по тому и просилъ Еропкина поговорить митрополиту, дабы онъ приказалъ то нелѣпое дѣло вовсе уничтожить, *особливо потому, что оглагольника того, бѣглаго слуги и раскольника, въ наличности уже нѣтъ и доказывать некому*, ибо онъ отданъ въ военную службу и за худое поведеніе отосланъ въ отдаленныя мѣста; притомъ *о своемъ преступленіи письменно просилъ у него протоіерея прощенія*; да хотя бы и на лицо былъ, доказать ему того затѣяннаго дѣла не можно» [48].

Нѣтъ сомнѣнія, что Еропкинъ, передавая Платону записку Алексѣева, въ которой послѣдній просилъ о ходатайствѣ его у митрополита, желалъ содѣй-

---

[48]) Ист. Моск. Еп. Упр. ч. III, кн. I, прим. 600. Курсивъ принадлежитъ автору статьи.

ствовать къ прекращенію «покостнаго» дѣла вовсе не по убѣжденію въ невиновности Алексѣева, но во избѣжаніе скандала, котораго такъ боялся блудливый протоіерей. Притомъ же Императрица поручала ему Алексѣева въ «особенное защищеніе». Какъ бы то ни было, но дѣло въ Консисторіи на время остановилось....

Мы уже говорили, что одною изъ главнѣйшихъ заботъ Платона были духовныя училища. Заботясь о просвѣщеніи духовенства, онъ вскорѣ послѣ вступленія на каѳедру Московской епархіи, открылъ нѣсколько первоначальныхъ семинарій, именно въ монастыряхъ Николаевскомъ на Перервѣ, въ Савинскомъ въ Звѣнигородѣ и въ Лаврентьевскомъ въ Калугѣ. Первая содержалась на монастырскія средства, а двѣ послѣднія на счетъ казны, для чего, по ходатайству Платона, было назначено отпускать на каждую ежегодно изъ Коллегіи Экономіи по 300 рублей. Это было въ 1775 году. Съ теченіемъ времени, вѣроятно отъ возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности, сумма эта оказалась недостаточною, почему Платонъ въ 1788 г. сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ съ бѣлаго духовенства добровольныхъ пожертвованій въ пользу училищъ. Императрица, узнавъ объ этомъ, сборъ отмѣнила. Всякій конечно согласится, что оба эти распоряженія, какъ митрополита, такъ и Императрицы, были въ порядкѣ вещей. Насколько было естественнымъ предложить духовенству пожертвованія въ пользу его же собственныхъ дѣтей, настолько же естественно и желаніе Екатерины не обременять духовенства и отнести недостатокъ суммъ на счетъ казны. Но не такъ казалось это Алексѣеву. Случай этотъ онъ назвалъ «чуднымъ происшествіемъ» и по поводу его написалъ (8 Мая) къ Памфилову письмо, въ которомъ нашелъ умѣстнымъ придать нѣкоторымъ выраженіямъ саркастическій тонъ, прося впрочемъ письма этого никому не показывать. Вотъ оно: «Высоковсепречестнѣйшій протопресвитеръ, милостивый отецъ! Я хочу сообщить вашей высокопречестности о недавно случившемся здѣсь чудномъ происшествіи. Минувшаго Апрѣля Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода членъ, *великій господинъ* [49]), высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій и Калужскій и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандритъ Платонъ сдѣлалъ новое положеніе и указы черезъ Консисторію къ благочиннымъ Московскимъ и уѣзднымъ, такожъ въ духовныя свои правленія разослалъ, чтобъ собирали они съ священноцерковнослужителей деньги подъ видомъ добровольнаго подаянія на содержаніе бурсаковъ, отнынѣ и впредъ ежегодно и кто сколько дастъ, самъ бы датчикъ записывалъ въ особыя тетради и вносили бы благочинные собранную сумму въ Московскую Академію съ полученіемъ оттуда росписокъ, что̀ здѣшніе на прошедшей Страстной седмицѣ и исполнили дѣйствительно. А сего Мая 4 ч. пронесся здѣсь слухъ, что главнокомандующій въ Москвѣ П. Д. Еропкинъ получилъ именное повелѣніе касательно до сего новозатѣяннаго съ бѣлаго священства побора и сообщилъ Московскому митрополиту, требуя отъ него

[49]) Курсивъ принадлежитъ Алексѣеву.

отвѣта, съ какимъ намѣреніемъ онъ уставилъ съ клира церковную сію подать. Естьли-бы подлинно оказался недостатокъ въ содержаніи бѣдныхъ учениковъ, то бы онъ долженъ представить о томъ Ея Императорскому Величеству съ требованіемъ нужной на то суммы; и такъ, чтобы непремѣнно приказалъ возвратить собранныя съ бѣлаго священства деньги. А сего-жъ Мая 7 числа, во исполненіе высочайшаго сего повелѣнія, явилися у благочинныхъ другіе указы, изъ Консисторіи насланные, съ тѣмъ, чтобы они обратно взяли внесенныя въ Академію деньги и роздали бы тѣмъ, отъ кого сколько получено точно по ихъ своеручнымъ подпискамъ. Изъ таковыхъ вторичныхъ указовъ одинъ мнѣ самому читать удалося вчерась съ великимъ удивленіемъ, чрезъ кого-бъ Ея Величество свѣдала о налогѣ бѣлому священству, учиненномъ отъ ихъ архипастыря [50]. Ежели подъ колоколами такое происходитъ своеволіе, то чего уже лучше ожидать отъ прочихъ удаленныхъ отъ столицы епархій? Однако Московскій владыка по причинѣ случившейся ему осадки, теперь, кажется, изъ одной крайности прошелъ въ другую, то есть подобную папской пышность монашескимъ прикрылъ смиреніемъ. А что впредъ будетъ, время окажетъ. При семъ на мысль пришло мнѣ оное утѣшительное для бѣднаго священства Христово слово: начинающимъ симъ бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленіе ваше. Впрочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ пребуду вашея высокопречестности, милостиваго отца, покорнѣйшій слуга Петръ протоіерей Архангельскій. P. S. Сіе извѣстіе, посвящаю единственно вашей особѣ, яко отличному моему благодѣтелю и покорнѣйше прошу сокрыть оное отъ очей вредныхъ» [51]).

Казалось бы, послѣ такого дѣла, какое было съ Васильемъ Петровымъ, Алексѣеву оставалось только стать, какъ говорится, тише воды, ниже травы, но нѣтъ—не таковъ былъ характеръ этого человѣка. Увѣренный въ Петербургской защитѣ, доходившей до потворства, онъ не унимался и въ претензіяхъ своего честолюбія становился все назойливѣе. Положеніе Александра Левшина, которымъ онъ по праву ли, или по собственному присвоенію пользовался въ средѣ Московскаго духовенства, не давало Алексѣеву покоя, и вотъ онъ 27 Іюля пишетъ къ Памфилову: «Высокопречестнѣйшій отецъ духовникъ, мой милостивецъ! Цѣлый годъ, по возложеніи на меня креста, ожидалъ я милости отъ Московскаго митрополита, дабы позволилъ мнѣ въ церковныхъ процессіяхъ и священнослуженіяхъ стоять подлѣ своего крестоноснаго брата [52]) и чрезъ то избыть насмѣшекъ отъ неученыхъ здѣшнихъ игуменовъ; но его

---

50) Алексѣевъ такъ привыкъ къ доносамъ, что приходитъ въ удивленіе, откуда Императрица узнала о распоряженіи Платона; вѣдь онъ не писалъ—отъ кого же могла узнать она?

51) Русск. Арх. 1871 г. стр. 225—226.

52) Повторяемъ: не эта ли претензія была причиною его ссоры съ Левшиновымъ въ крестномъ ходу 23 Іюня 1778 года? Здѣсь кстати замѣтить, что Александру Левшину еще въ 1768 г. было присвоено старшинство противъ игуменовъ во всѣхъ церковныхъ процессіяхъ (Ист. Моск. Еп. Упр. ч. II. кн. 2 прим. 171).

преосвященство по сіе время не догадался самъ. Для того принужденъ я буду подать ему о томъ прошеніе, съ котораго здѣсь прилагаю копію на апробацію вашея высокопречестности, опасаяся, чтобъ владыка святый не представилъ онаго въ Святѣйшій Сунодъ и не подвелъ бы меня подъ выговоръ. Ежели позволите вы, я подамъ ему, а не позволите - оставлю. О семъ покорно прошу, достопочитаемый мною отецъ, хотя на словахъ, чрезъ Ѳедора Петровича Ремезова приказать мнѣ, вашему послушнику. Такожъ о двухъ письмахъ моихъ: 1) отъ 8 Мая о сборѣ денегъ на бурсаковъ съ бѣлаго священства ежегодно учрежденныхъ по милости здѣшняго митрополита, а всемилостивѣйшею Государынею нашею по именному указу отмѣненномъ; 2) отъ 19 Іюня сего жъ года о именномъ же Ея Императорскаго Величества указѣ, къ главнокомандующему здѣшнему г. Еропкину присланномъ, съ препорученіемъ меня въ особенное его защищеніе отъ могущихъ случиться Московскимъ митрополитомъ мнѣ притѣсненій, а чего онъ не въ силахъ отвратить, о томъ представлять къ самой Монархинѣ. Въ томъ же письмѣ просьба моя къ вашей высокопречестности о протодіаконѣ нашего собора Короневѣ, дабы переведенъ онъ былъ въ большой Успенскій соборъ симъ же чиномъ и не остался бы посрамленъ передъ тѣмъ діакономъ младшимъ, который протопопу тамошнему [53]) посулилъ (какъ я слышалъ недавно) 500 р., что̀ Кореневъ не обинуяся объявлялъ прокурору госп. Гурьеву и доказать свидѣтельми можетъ. Дошли ли оба тѣ письма до рукъ вашихъ, нахожусь въ невѣдѣніи и всепокорно прошу о томъ вашего слугу увѣдомить чрезъ него же Ремезова, давнишняго моего пріятеля, также и впредь что̀ случится къ свѣдѣнію моему нужное, за что я вѣчно пребуду съ наичувствительнѣйшею благодарностію вашея высокопречестности покорнѣшій слуга и почитатель Петръ протоіерей Архангельскій» [54]).

При письмѣ приложена копія съ прошенія митрополиту слѣдующаго содержанія:

«Московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева о нижеслѣдующемъ покорнѣйшее прошеніе».

«Произведенъ онъ Петръ въ оной соборъ 1752 года изъ окончившихъ богословское ученіе студентовъ [55]) во діакона, а чрезъ пять лѣтъ и во пресвитера. 762 года, по особенному избранію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, за исправное въ должности своей состояніе, переведенъ въ большой Успенскій соборъ ключаремъ предпочтительно предъ великособорными Успенскими священниками [56]), гдѣ удостоился при всерадостной Ея Императорскаго Величества коронаціи и священнѣйшемъ миропомазаніи быть церковнымъ чи-

[53]) Т. е. Александру Левшину.

[54]) Русск. Арх. 1871 г. стр. 224—225.

[55]) Мы видѣли, что Алексѣевъ, какъ доносила Консисторія Платону, ходилъ только до богословія.

[56]) Не по особенному избранію Сунода, но по собственной просьбѣ и по протекціи арх. Амвросія.

поисполнителемъ и хранилъ тамошнюю утварь и ризницу 9 лѣтъ безутратно. 759 года по указу жъ Святѣйшаго Сѵнода опредѣленъ къ преподаванію катехизиса при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, которое ученіе доселѣ продолжаетъ съ пользою обучающагося тамъ юношества и со удововольствіемъ господъ кураторовъ. Съ 1771 года находится протопресвитеромъ при каѳедральномъ вашемъ соборѣ. Между тѣмъ чрезъ 35 лѣтъ нелѣпостно проповѣдывалъ слово Божіе. Сочинилъ и превелъ книги въ пользу святыя церкве, многія по указамъ отъ команды насланнымъ отправлялъ коммиссіи, въ томъ числѣ и по секрету. Нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Московской Духовной Консисторіи и въ знакъ отличности отъ прочихъ протоіереевъ 774 года получилъ отъ двора Ея Императорскаго Величества набедренникъ, именуемый палица. Сверхъ сего, по высочайшему Ея Императорскаго Величества имянному повелѣнію, пожалованъ крестомъ драгоцѣннымъ на лентѣ, который и возложенъ на него вашимъ высокопреосвященствомъ для всегдашняго ношенія въ прошломъ Іюлѣ 3 числа 1787 года».

«Въ разсужденіи таковыхъ отличныхъ достоинства знаковъ, не соблаговолено ли будетъ ему, Алексѣеву, во всякихъ церковныхъ процессіяхъ и чинодѣйствіяхъ имѣть приличное мѣсто по крестоносномъ духовенствѣ непосредственно? О чемъ покорнѣйше проситъ ваше высопреосвященство учинить архипастырское благоразсмотрѣніе и, въ силу апостольскаго предписанія въ первомъ посланіи къ Тимоѳею глав. 5, ст. 17 и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ глав. 14, ст. 40, такожъ въ Духовномъ Регламентѣ изображеннаго, благосклонную резолюцію» [57]).

Прошеніе это Платону подано не было, потому ли что отсовѣтовалъ Памфиловъ, или по другой причинѣ; но Алексѣевъ просьбу свою изложилъ лично, какъ онъ увѣдомилъ о томъ своего патрона. Между тѣмъ въ Январѣ 1789 года Алексѣевъ, именуя себѣ протопресвитеромъ, подалъ митрополиту другое прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что «посылаемыми указами Московской Консисторіи приписано ему названіе протопопъ, которое сложное рѣченіе, по предшествующей своей частицѣ прото—съ Греческаго, значитъ первый, а вторая часть попъ—ему протопресвитеру невразумительна. Ибо при производствѣ его въ Московскій Архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ его протопресвитеромъ; да и всѣ чины церковные, начавъ отъ епископа до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены, напр. никто не осмѣлится архіерея именовать архипопъ; понеже попъ есть рѣченіе варварское, въ грубыя времена вошедшее, ничего приличнаго къ христіанскому пресвитерству въ себѣ не заключающее и въ Св. Писаніи неупотребительное», а потому Алексѣевъ просилъ «сіе гнусное прозваніе протопопъ вовсе уничтожить и законно произведенныхъ протопресвитеровъ писать и называть свойственными ихъ званію именами» [58]).

[57]) Русск. Арх. 1871, 223—224. Документъ этотъ любопытенъ, между причимъ, въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ самъ Алексѣевъ смотрѣлъ на свои заслуги.

[58]) Ист. Моск. Еп. Упр. ч. III, кн. 1, прим. 600.

Вслѣдъ за подачею этого прошенія Алексѣевъ писалъ къ Памфилову:

«Всечестнѣйшій отецъ духовникъ, господинъ протопресвитеръ, милостивый государь! Какъ издавна я привыкъ почитать вашу особу, для того и осмѣливаюся увѣдомить вашу пречестность о здѣшнихъ происшествіяхъ. А именно: 23 числа сего мѣсяца подалъ я своему митрополиту о уничтоженіи имени протопоповъ прошеніе, съ котораго при семъ сообщаю копію. Онъ, прочитавъ, сказалъ: «это старинное обыкновеніе; однако я прикажу о томъ Консисторіи».

«Вторая просьба моя тогдажъ состояла на словахъ, что обижаютъ меня въ священнодѣйствіяхъ и прочихъ церковныхъ процессіяхъ монастырскіе игумены, не допуская стоять въ подобающемъ мнѣ мѣстѣ, т. е. на ряду съ крестоноснымъ духовенствомъ. На сіе сказано: «Я этого не могу сдѣлать безъ представленія Святѣйшему Сѵноду». А представитъ ли, или нѣтъ, того не знаю. Точію по благоразумному вашему совѣту не оставлю я на сихъ дняхъ попросить письменно опекуна моего, здѣшняго главнокомандующаго, о защищеніи меня по сему дѣлу; уже приготовлены ему и пункты послужнаго моего списка, съ коихъ также прилагаю здѣсь копію. Пребывая съ отличнымъ почитаніемъ вашея пречестности, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Петръ протопресвитеръ Архангельскій».

«Ежели по представленію Московскаго митрополита будетъ разсужденіе въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ о мѣстахъ протопресвитерскихъ въ публичныхъ собраніяхъ церковныхъ, я бы желалъ становиться по Успенскомъ протопресвитерѣ на правой сторонѣ вмѣстѣ съ священнослужителями главныхъ здѣшнихъ соборовъ, а игумены бы благоволили занимать лѣвую сторону по своимъ степенямъ, какъ водится у васъ на молебнахъ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества отправляемыхъ».

«Знаю, что архіереи всѣ силы напрягутъ къ воспрепятствованію успѣха по сему дѣлу, вмѣсто резоновъ утверждаяся на древнемъ обыкновеніи, что игумены напередъ сего стояли выше протоіереевъ соборныхъ. Но старинный обычай безрезонный ничто иное есть, какъ давнишнее заблужденіе. Это правда, что игуменъ въ своей обители есть староста надъ чернцами, а во всеобщемъ собраніи великія церкви, особливо при такихъ протоіереяхъ, которые по высочайшему Монархини благоволенію удостоены носить отличныя достоинства знаки, притомъ имѣютъ старшинство по священству и ученію, игуменъ кажется простымъ іеромонахомъ. Какъ то ни есть, однако дѣло начато съ Божіею помощію. А успѣхъ зависитъ отъ пастыреначальника Христа, отъ Его великія помазанницы и отъ васъ, яко попечителей бѣлаго священства, прямаго священства, почитаемаго въ первенствующей церкви» [59]). При этомъ письмѣ посланы къ Памфилову копія съ прошенія, поданнаго митрополиту объ уничтоженіи названія протопопъ, и пункты, на которыхъ основывается просьба Алексѣева, поданные имъ Еропкину. Съ содержаніемъ перваго читатели уже знакомы; пункты же послужнаго списка—повтореніе того же, что̀ писалъ о себѣ Алексѣевъ митрополиту, т. е. какъ проходила его служба и

какія онъ получалъ награды, только въ заключеніи прибавлено: «Игуменство надъ монахами, въ чинѣ покаянія состоящими, которыхъ первенствующая церковь не считала въ священномъ клирѣ, ограничивается оградою монастырскою и не даетъ права надъ настоятелями соборными, имѣющими у себя въ надсмотрѣніи ученыхъ пресвитеровъ, Слово Божіе проповѣдающихъ, кольми паче въ собраніяхъ великія церкви. Къ тому же напредъ сего и простые монахи бывали игумнами, какъ видно въ церковной исторіи». Наконецъ, тутъ же находимъ postscriptum. P. S. «Покорно прошу рекомендовать меня его пречестности Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода члену, лейбъ-гвардіи Преображенскаго собора протопресвитеру отцу Лукіану. Здѣсь у меня невзначай брызнули изъ глазъ слезы отъ напоминанія благодѣтеля моего покойнаго отца Симеона, ему же да будетъ вѣчная память» [60]).

Митрополитъ Платонъ, разсмотрѣвъ прошеніе Алексѣева, написалъ на немъ слѣдующую резолюцію: «Прошеніе протопопское 1) есть неосновательно. Названіе протопопа почитаетъ онъ и неразумительнымъ, и варварскимъ, что̀ само себѣ противорѣчитъ; ибо когда оно для него неразумительно, то и надлежало ему называть то рѣченіе варварскимъ и гнуснымъ поудержаться, доколѣ бы въ томъ вразумленъ былъ, ибо рѣченіе протопопъ есть Греческое—составлено изъ п р о т о—п е р в ы й и п о п а с ъ—отецъ, батюшка, коимъ малые дѣти, по нѣжности выраженія, родителей своихъ именуютъ. Сіе тѣмъ доказательнѣе, что нынѣ въ Греческой церкви священникъ называется п о п а с ъ, а протопопъ—п р о т о п о п а с ъ, отчего произошло и наше Россійское названіе попъ и протопопъ, а потому оно не варварское и не гнусное. 2) Прошеніе протопопское есть дерзновенно, ибо въ высочайше конфирмованныхъ штатахъ Архангельскій, такъ какъ и прочихъ соборовъ протопопы, наименованы протопопами и въ указѣ Св. Синода о произведеніи его въ Архангельскій соборъ предписано—произвести его въ протопопа; да и при пожалованіи ему, протопопу, креста, въ письмѣ къ намъ отъ графа Александра Андреевича Безбородко писанномъ, именемъ Ея Императорскаго Величества, онъ протопопъ именованъ протопопомъ; почему за всѣмъ симъ ему, протопопу, рѣченіе протопопа называть варварскимъ и гнуснымъ есть не только дерзновенно, но и неизвинительно. 3) Прошеніе протопопское, чтобъ сіе гнусное прозваніе протопопъ вовсе уничтожить, есть и безразсудное; ибо хотя оно и подлинно было-бъ таково, то мнѣ его вовсе уничтожить и запретить общее въ Россіи онаго употребленіе никакъ невозможно. Что же протопопъ при произведеніи именуется протопресвитеромъ, и сіе правильно, такъ какъ и именованіе протопопа, по принятому издревле обыкновенію и по силѣ его, есть не предосудительно и похвально. И потому все одно протопресвитеромъ или протоіереемъ, такъ какъ и онъ, протопопъ, обыкновенно не протопресвитеромъ, но протоіереемъ подписывается, которое именованіе также съ одного принято обыкнове-

---

[59]) Русск. Арх. 1871 г., 226—228.

[60]) Русск. Арх. 1871, 229.

нія. Консисторіи сіе разсмотрѣть, и чему онъ за такой дерзновенный вызовъ подлежателенъ, и что акп бы онъ въ нашъ каѳедральный соборъ произведенъ въ настоятеля, выписавъ изъ законовъ и учиня опредѣленіе, представить».

Консисторія выписала къ дѣлу тьму законовъ и справку, что во 1-хъ), указомъ Св. Синода 1771 г. отъ 11 Ноября, согласно представленію покойнаго преосвященнаго Амвросія, архіепископа Московскаго, велѣно Синодальной Конторѣ Московскаго большаго Успенскаго собора ключаря Петра Алексѣева произвести въ Архангельскій соборъ, на мѣсто умершаго того собора протопопа Ивана Комаровскаго, въ протопопа и опредѣлить въ Московскую Консисторію присутствующимъ, а вмѣсто его въ Успенскомъ соборѣ ключаремъ быть церкви Ризположенія, близъ Донскаго монастыря, священнику Семену Филиппову; и 21 того же Ноября онъ, Алексѣевъ, членомъ Конторы, преосвященнымъ Геннадіемъ, епископомъ Суздальскимъ, произведенъ въ протопопа, и 2) въ присланномъ 1787 года Іюля 2 отъ графа Безбородка къ митрополиту Платону письмѣ, значится, что Государыня, пожаловавъ о. протопопу Московскаго Архангельскаго собора крестъ на черной лентѣ, повелѣть изволила—препроводить оный къ митрополиту для возложенія на помянутаго о. протопопа [61]).

По справкѣ и это дѣло остановилось.

Алексѣевъ не унимался; онъ какъ будто искалъ случая со всѣми ссориться, всѣмъ досаждать. Въ концѣ 1789 г. онъ снова подаетъ митрополиту прошеніе или, лучше сказать, доносъ слѣдующаго содержанія:

«Святѣйшаго Правительствующаго Сунода члену, преосвященнѣйшему митрополиту Московскому и Калужскому и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандриту Платону»

«Покорнѣйшее прошеніе»

«Московскаго Архангельскаго собора отъ протопопа Петра Алексѣева о нижеслѣдующемъ».

«Находившійся прежде въ часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ іеромонахъ Мельхиседекъ оказалъ поступки, въ православной церкви нетерпимые, а именно: принаровясь ко вкусу простонародія, фарисейскимъ лицемѣріемъ, огласилъ себя въ Москвѣ нѣкіимъ чудотворцемъ и сказывалъ о себѣ, что ему далась благодать отъ Иверскія Пресвятыя Богородицы изгонять бѣсовъ изъ тѣлъ человѣческихъ, а особливо изъ женскихъ и цѣлить порчи. Разсылалъ онъ въ мірскіе домы наученыхъ кликушъ своихъ для нѣкоторыхъ предсказаній и угадыванія кто кого испортилъ, кои на невѣрующихъ вздорнымъ ихъ бреднямъ грозилися, приговаривая: «развѣ тебѣ не бывать къ намъ въ часовню, а то мы тебѣ это отсмѣемъ». Принималъ онъ къ себѣ на духъ многихъ обоего пола, паче же къ суевѣрію склонныхъ людей, которые, вознебрегши настоящихъ правильныхъ своихъ духовниковъ, пошли къ нему толпами и готовы за него, яко за праведника, въ случаѣ фанатизма, души

[61]) Ист. Моск. Еп. Упр., ч. III, кн. I, прим. 600.

свои положить, коихъ онъ не только исповѣдывалъ по таинству христіанскому, но причащалъ самъ въ одной приходской церкви, дая чрезъ то знать, что тайны церковныя, имъ Мельхиседекомъ преподаваемыя, суть яко бы спасительнѣе, нежели отъ женатаго священника совершаемыя. Сіе онъ чинилъ по примѣру древняго раскольника Евстаѳія, преданнаго на Гангарскомъ соборѣ за суемудрое ученіе анаѳемѣ. Онъ же, Мельхиседекъ, развратилъ нѣсколько семействъ своимъ страннымъ ученіемъ и суевѣрнымъ ханжествомъ, вооруживъ женъ малоумныхъ противъ законныхъ супруговъ, такожъ дѣтей противъ родителей. По сему поводу, разгорячивъ въ своихъ ученицахъ воображеніе, сдѣлалъ ихъ сумасбродными: нѣкоторыя изъ нихъ стали носить на рукѣ привѣсы, кресты и разныхъ святыхъ образа, дерзали метать въ печь огненную просфоры церковныя проскомидисованныя, затѣмъ только, что отъ мірскаго священника принесены въ жертву, осыпать свои ложи пескомъ, яко бы Іерусалимскимъ и кропить елеемъ, яко бы святымъ, для отгнанія бѣсовъ и проч. отъ него-жъ Мельхиседека даннымъ и прочія безчисленныя творить нелѣпости (?), къ великому истинныхъ христіанъ соблазну, отъ иностранныхъ разумныхъ людей зазрѣнію и къ стыду нынѣшняго просвѣщеннаго вѣка. Тѣмъ не удовольствуясь, онъ, Мельхиседекъ, вымышлялъ ложныя чудеса, какъ то: пришедъ въ мірской домъ и вынувъ изъ-за пазухи икону, сказывалъ, что она будто сама написалась за пазухою и стала новоявленная. Еще ученицамъ своимъ давалъ въ руки держать какіе-то святые посошки, надѣвалъ колпакъ на ихъ головы и вздѣвалъ зипунъ отъ какого-то святоши солдата оставшіеся, кропилъ ихъ водою Іерусалимскою и пр. Разлившееся по Москвѣ о ханжествѣ Мельхиседековомъ благочестивыхъ людей негодованіе, когда дошло до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства, то хотя онъ, Мельхиседекъ, и переведенъ въ Екатерининскую пустынь настоятелемъ, но и оттуда царствующій градъ посѣщаетъ непрестанно и волочится по мірскимъ домамъ, а особливо у дочерей своихъ духовныхъ и научаетъ ихъ, въ противность Духовнаго Регламента и свойственной монашескому чину благопристойности, вознапутствуетъ таинственными спасительными болящихъ женъ къ вѣчности, даже взятою незнаемо откуда Евхаристіею причащаетъ тайно отъ приходскихъ священниковъ и настоящихъ ихъ духовниковъ, елеемъ освящаетъ ихъ съ монахами не въ силу соборнаго Іаковлева посланія, гдѣ сказано: Болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные, а не монаховъ. Почему опасность есть отъ него, Мельхиседека, чтобъ онъ не сталъ своихъ ученицъ постригать предъ смертію въ схиму, по примѣру еретиковъ Богомиловъ, кои утверждали, что безъ постриженія въ монашество нельзя человѣку спастися; однако кромѣ того нарушены Мельхиседекомъ правила церковныя и государственныя узаконенія».

«Преосвященнѣйшій владыко! Жалость Дому Божія снѣдаетъ мою душу, дабы таковой новый ханжа не составилъ какого либо Церкви святой противнаго, отечеству вреднаго, толку, подобнаго Андрюшкину или другихъ ка-

кихъ развратниковъ. Того ради, о семъ извѣщая ваше высокопреосвященство, покорнѣйше прошу, дабы благоволено было отвратить соблазнъ сей отъ православныя церкви, запретить, какъ означенному обаяннику Мельхиседеку, такъ и другимъ монашествующимъ (единожды отрекшимся міра и безмолвную жизнь возлюбившимъ), чтобы не входили не въ свое званіе, не принимали бы къ себѣ на исповѣдь мірскихъ людей, а особливо женскаго пола, не таскались бы въ Москвѣ по дворамъ обывательскимъ и не употребляли бы во зло простоты народной отобраніемъ у нихъ послѣднихъ денегъ на пропитаніе семейства ихъ нужныхъ, не выставляли бы иконъ святыхъ на улицу градскую, а паче передъ часовнями, не подговаривали бы въ пустыни дѣтей отъ родителей и мужей отъ женъ къ постриженію. Касательно-жъ лично до суевѣрнаго старца Мельхиседека, не соблаговолено ли будетъ удалить его отъ столичнаго города въ монастырь подалѣе Екатерининской пустыни, поручивъ подъ начальство благоразумному настоятелю съ предписаніемъ о его неисходности оттуда и съ пресѣченіемъ всѣхъ способовъ къ произведенію въ дѣйство вышеозначенныхъ суевѣрій и ханжествъ зазорныхъ?».

«Сіе мое извѣщеніе произошло отъ нелицемѣрнаго усердія къ вашему высокопреосвященству и клонится единственно къ предосторожности вашей, дабы таковой епархіи вашего преосвященства умножающійся безпорядокъ не дошелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сѵнода, а кольми паче до Высочайшаго слуха».

«Вашего преосвященства»
«нижайшій послушникъ»
«Петръ Алексѣевъ».

(1789 г.)

Какъ возмутительны, въ самомъ дѣлѣ, поступки этого старца Мельхиседека! Но странное дѣло: тогда когда слухъ о нихъ возбудилъ, по словамъ Алексѣева, по всей Москвѣ негодованіе благочестивыхъ людей, почему кромѣ его, Алексѣева, никто изъ духовныхъ лицъ не подвигся на защиту Церкви отъ угрожавшей ей опасности? Почему митрополитъ, когда дошло до его свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Мельхиседека, не преслѣдовалъ его какъ вреднаго для Церкви и общества человѣка, а ограничился только тѣмъ, что перевелъ его изъ Иверской часовни въ Екатерининскую пустынь, да еще настоятелемъ? Почему же Платонъ такъ легко относился къ общественному мнѣнію, выразившемуся въ негодованіи благочестивыхъ людей?

Недоумѣніе разрѣшится, когда прочтемъ письмо Алексѣева, писанное имъ къ Памфилову въ тотъже день, какъ онъ подалъ митрополиту прошеніе и по нелицемѣрному усердію къ нему предостерегалъ его, что вся эта исторія можетъ дойти до Св. Сѵнода и до «Высочайшаго слуха».

«Всечестнѣйшій отецъ протопресвитеръ, милостивый государь», писалъ онъ 12 Ноября. «Здѣсь бѣлому священству житья нѣтъ отъ ханжей монаховъ; они мірскихъ людей, не выключая женскаго пола, переманиваютъ отъ закон-

ныхъ ихъ духовниковъ къ себѣ на исповѣдь. А особливо сватъ здѣшняго митрополита суевѣрный старецъ Мельхиседекъ страннымъ своимъ ученіемъ развратилъ великое число даже и благородныхъ людей, а паче малоумныхъ женщинъ. У меня изъ духовенства отвелъ прежде сего маіоршу Павлову, недавно жъ и генеральшу Яковлеву, двадцатилѣтнюю дочь мою духовную [62], нарочно пріѣхавъ изъ Екатерининской пустыни въ Москву, не только исповѣдовалъ, но и причащалъ незнаемо какими дарами и освящалъ елеемъ съ монахами, тайно отъ приходскаго священника и отъ меня, правильнаго ея духовника. Почему я принужденъ подать сего числа его преосвященству донесеніе, съ котораго прилагаю здѣсь копію (для прочтенія вашего и для показанія благоразумнымъ людямъ) и уповаю всѣ онаго пункты доказать совершенно. Преосвященный, прочитавъ оное, кричалъ по обыкновенію своему на меня, приговаривая: «Кто запретилъ монашествующимъ принимать на исповѣдь мірскихъ людей? Вѣдь они также посвящаются въ іеромонахи, какъ ты во іерея; да иные-де изъ нихъ бывали духовники и у самыхъ великихъ государей», назнаменуя тѣмъ архимандрита Троицкаго Варлаама [63]. Я сдѣлалъ напобщую оговорку, что которые священники были до постриженія въ монашество духовниками мірскихъ людей, тѣмъ простительно имѣть оныхъ же дѣтей духовныхъ у себя и по постриженіи, какъ то и Варлааму удалось; а сватъ вашъ до монашества нигдѣ не былъ священникомъ, слѣдовательно, іеромонахомъ ставши, набралъ къ себѣ вновь дѣтей духовныхъ, особливо женскаго пола. Послѣ того грозилъ мнѣ владыка таскатнею по Консисторіи года три и порицалъ гнуснымъ названіемъ доносчика. Но я, положася на промыслъ Всемогущаго, не отстану отъ сего дѣла. Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ! Велика власть архіерейская, но больше ея власть высокомонаршая! Впрочемъ, опасаясь утрудить выше вниманіе, съ достодолжнымъ почитаніемъ и преданностію есмь, дондеже есмь, вашея высокопречестности, милостиваго отца и благодѣтеля, покорный слуга Петръ протоіерей Архангельскій» [64].

Это откровенное письмо разъясняетъ намъ причину ревности Алексѣева къ св. Церкви—у него убавлялись доходы . . . . Читатели обратятъ также вниманіе и на другую нравственную черту Алексѣева: увѣряя Платона въ нелицемѣрномъ къ нему усердіи, предупреждая его, что слухи о мнимыхъ безпорядкахъ въ епархіи могутъ дойти до Сѵнода и Императрицы, онъ въ тоже самое время посылаетъ копію съ своего доноса къ члену Сѵнода не только для свѣдѣнія его, Памфилова, но и для показанія другимъ благоразумнымъ людямъ.

---

[62]) Т. е. бывшую въ теченіи 20 л. духовной дочерью. Въ числѣ семействъ, гдѣ Алексѣевъ имѣлъ духовныхъ дѣтей, было, между прочими, и семейство гр. Владиміра Григорьевича Орлова. (См. Біограф. очеркъ гр. В. Г. Орлова сост. гр. В. Орловымъ Довыдовымъ, ч. 2, 97).

[63]) Духовника имп. Анны. Біографія его сост. арх. Леонидомъ. См. Русск. Архивъ 1874 г. I. 568.

[64]) Рус к. Арх. 1871, стр. 231.

Доносъ Алексѣева не остался безъ опроверженія.

Мельхиседекъ доносилъ митрополиту: «Удивительно, что не врагъ какой, но человѣкъ, украшенный просвѣщеніемъ, равнодушный мнѣ, вкупѣ со мною въ Дому Божіемъ святыя таинства совершающій и небесныя трапезы причащающійся, въ противность кроткаго Евангельскаго духа, къ ближнему любви и благопристойности и къ предосужденію духовнаго чина, извлекъ публично на меня и другихъ монашествующихъ мечъ гнѣва и ненависти своея, подавъ вашему архипастырству доношеніе, исполненное вообразительной ложности и клеветы. Правда, обязаны мы, по словесамъ Спасителя нашего, оставлять обиды, молиться за творящіи напасти и изгонящіи, благословлять клянущіи, добро творить ненавидящимъ и любить враги наша, что̀ я по силѣ моей и стараюсь исполнять; но поелику оныя порицанія отъ Петра Алексѣевича, протоіерея собора Архангельскаго, на меня не словами простыми, на воздухѣ исчезающими, но формально на бумагѣ изображены и въ публикѣ разглашаются, то я, въ силу Божіихъ и человѣческихъ законовъ, о невинности и простодушіи моемъ долженствую предъ святительскою вашею особою изъясниться и возразить слѣдующими пункты:»

1.

«Представляетъ помянутый протоіерей на меня, яко бы я, находясь въ часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ, оказалъ поступки въ православной церкви нетерпимые, а именно: принаровяся ко вкусу простонародія фарисейскимъ лицемѣріемъ, огласилъ себя чудотворцемъ и вдохновеннымъ и проч. Но я, будучи въ той часовнѣ при опредѣленной должности, свидѣтельствуюсь живымъ Богомъ, что никогда не имѣлъ въ себѣ такихъ гнусныхъ и порочныхъ мыслей, чтобъ вкрадываться въ людей фарисейскимъ лицемѣріемъ, слѣдовательно, доноситель не имѣетъ о мнѣ истиннаго свѣдѣнія, кромѣ ложнаго воображенія и клеветы; кто бо, пишетъ св. апостолъ, нѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ.

2.

Не оглашалъ себя нигдѣ чудотворцемъ и вдохновеннымъ, ниже сказывалъ о себѣ, что далася мнѣ благодать отъ Иверскія Божія Матери изгонять бѣсовъ. А что христіанинъ, поклоняющійся благочестно святымъ иконамъ, яко же научаетъ святый вселенскій седьмый соборъ, и молящійся имъ со усердіемъ, возводя, по словесамъ святаго Василія Великаго, мысль свою на первообразное, сподобляемъ бываетъ великихъ милостей Божіихъ и благодѣяній, о семъ доказательства суть безчисленны и неоспоримы. Какія же смертнымъ отъ престола непостижимыя благости Божіей изливаются щедроты, ко-

ликія отъ Всепречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи и святыхъ угодниковъ Божіихъ, во спасеніе христіанъ, являемы бываютъ чудеса: всему оному вся святая церковь есть неложный свидѣтель, и всѣ благодѣянія, въ моленіяхъ и мольбахъ своихъ (или бываемыхъ наединѣ, или по чиноположенію церковному справляемыхъ гдѣ либо отъ іерея) христіанинъ получаетъ отъ Бога чрезъ усердную и чистую и несумнѣнную вѣру свою. Почему учиняюсь я отъ всѣхъ человѣкъ несмысленнѣйшій и окаяннѣйшій, естьли буду о себѣ мечтать и сказывать, что далася мнѣ благодать отъ Иверскія Божія Матери изгонять бѣсовъ и цѣлить порчи; послику источникъ исцѣленій, изливаемый людемъ отъ Иверскія Божія Матери, равно какъ и повсюду отъ святѣйшихъ иконъ ея, не собственно отъ тоя происходитъ, но отъ Бога, яко виновника всѣхъ благъ. Но, можетъ, здѣсь кощунствомъ неистовствующіе противоположатъ чудесности, говоря, яко бы всякій человѣкъ, въ томъ числѣ и по мнѣнію чудесно исцѣлѣвшій, здравіе получаетъ по случаю престатія болѣзни; слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, чудесъ на землѣ нѣтъ. Но кому бы больше вѣрить должны? Тѣмъ ли, кои пагубнымъ невѣріемъ ослѣплены и въ противность здравому разуму утверждаютъ о томъ, о чемъ не имѣютъ понятія, или всей святѣй церкви, чудеса пріемлющей и исцѣлѣвшимъ, въ коихъ числѣ не одни простые люди, кои не имѣютъ о естественности и вышеестественности яснаго понятія, но и просвѣщенные и благородные находятся, кои образъ естественнаго выздоровленія ясно разумѣютъ и понимаютъ совершенно вышеестественность или чудесную Божію благодать? Сіе предаю всеобщему сужденію».

3.

«Никакихъ кликушъ для нѣкоторыхъ предсказаній и угадыванія кто кого испортилъ никуды въ домы не посылалъ, отъ мірскихъ священниковъ духовныхъ дѣтей не отторгалъ и предъ ними не возносился, разврата ни въ какомъ семействѣ не сдѣлалъ, женъ противъ законныхъ своихъ супруговъ не вооружалъ, ниже дѣтей противъ своихъ родителей; будучи въ домѣ кѣмъ либо призванъ, ничего непристойнаго не чинилъ, песку Іерусалимскаго, котораго у себя не имѣю, осыпать ложи, елея якобы святаго для отгнанія бѣсовъ и порчи, никому не давалъ; никакихъ ложныхъ чудесъ не вымышлялъ, никакую икону изъ-за пазухи моей не вынималъ и объ оной не говорилъ, якобы она сама у меня за пазухой написалась; никакимъ ученицамъ, коихъ не имѣю, никакихъ посошковъ не давалъ, слѣдовательно, и не именовалъ ихъ святыми, ни колпака, ни зипуна никакого не надѣвалъ; водою Іерусалимскою, которую здѣсь имѣть не можно и, вмѣсто ея, здѣшнею, никого не кропилъ. Впрочемъ, исповѣдовать законнымъ образомъ и желающимъ преподавать святую Евхаристію, іеромонаху, яко равному саномъ своимъ пресвитеру мірскому, въ необходимой нуждѣ, церковію не возбранено, и

причащая, никому такихъ знаковъ не давалъ и ниже въ мысли моей воображалъ (свидѣтель мнѣ есть Богъ) якобы только мною, безженнымъ, преподаваемыя тайны суть спасительны, а отъ женатаго священника совершаемыя неспасительны, и отъ внушающихъ и умствующихъ такое богомерзкое и нечестивое ученіе, ежели гдѣ могутъ находиться такіе люди, отвращаюсь и съ церковію святою ихъ проклинаю; слѣдовательно, я примѣру древняго еретика Евстаѳія, преданнаго на Гангарскомъ соборѣ за свое ученіе анаѳемѣ, не послѣдую».

4.

«Елеосвященіе, которое я надъ болящею госпожею публично, а не тайно совершалъ, и оно отправляемо мною было съ другимъ іеромонахомъ, служившимъ тогда въ домовой ея церкви, по священному уставу. Тяжкая и опасная болѣзнь, державшая больную, страхъ смерти ею тогда ощущаемый и сильное прошеніе ея ближнихъ, убѣдили меня оное священнодѣйствіе, дабы больная, желавшая онаго, безъ него не скончалась, надъ нею совершить, и сіе мое служеніе не есть противно ученію св. апостола Іакова, повелѣвающаго, ежели кто болитъ, призвать пресвитеры церковныя; понеже, какъ мірскіе или приходскіе священники, такъ и монахи, дара священства удостоенные, а не простые суть служители церкви, слѣдовательно изъ числа пресвитеровъ церковныхъ не исключаются, и Духъ Святый, чрезъ трость Іаковлю, никакаго въ томъ между мірскими и монашествующими священниками раздѣленія не сдѣлалъ (хотя бы въ церкви въ то время такого роду, какъ нынѣ, іеромонаховъ и не было), но Духъ Святый, по предвѣдѣнію Своему, равно о имѣющемъ быть какъ и о настоящемъ опредѣляетъ».

5.

«Отлучаться изъ монастыря монахамъ во градъ за потребами церковныя правила и Духовный Регламентъ не запрещаютъ; и такъ, я, будучи неминуемыхъ ради нуждъ когда въ Москвѣ, по граду не скитался и никакихъ соблазновъ не чинилъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь всевидящимъ окомъ. Тайною Евхаристіею скрытно отъ приходскихъ священниковъ не пріобщалъ, да и осмѣлится ли кто ко осужденію и вѣчной погибели своей къ такому страшному святыхъ таинъ оскорбленію и безчестію приступить?»

6.

«Всуе мечтаетъ и опасается доноситель, дабы я не сталъ постригать своихъ учениць, коихъ не имѣю, передъ смертію въ схиму, по примѣру еретиковъ Богомиловъ, утверждавшихъ, что безъ постриженія въ монашество

нельзя человѣку спастися; ибо я таковыхъ суевѣрныхъ и постыдныхъ мыслей, по милости Господней, никогда въ себѣ не имѣлъ, не имѣю и не могу имѣть. Впрочемъ же, прилично ли кому, въ противность здраваго разума, впредъ что загадывать, хотя бы что̀ и вѣроятнымъ мнилось»?

7.

«Онъ же доноситель свидѣтельствуетъ, якобы я нарушилъ святыя правила церковныя и государственныя узаконенія. Но гдѣ на меня въ томъ производимъ былъ судъ? Въ чемъ я былъ обличенъ и какимъ образомъ за то наказанъ? Сего не представляетъ. Но какъ, благодареніе Господу, ничего такого со мною не происходило, то самъ онъ учинился нарушитель святыхъ правилъ церковныхъ и государственныхъ узаконеній и поругатель священническаго достоинства, яко не осужденнаго и ничѣмъ не наказаннаго человѣка оклеветываетъ и безъ суда на него судъ произноситъ, слѣдовательно, жалость его о Домѣ Божіи, по словамъ его, снѣдающая его душу, яко не имѣющая въ себѣ истины и любви (самыя погрѣшности и всякія недостатки ближняго милостію и кротостію покрывающей) есть несовершенна и тщетна».

8.

«Въ разсужденіи же опредѣленныхъ безъ суда и обличенія отъ доносителя мнѣ титлъ: новый ханжа, суевѣръ и обаянникъ и косвенно навлекаемаго уподобленія Андрюшки и другихъ, не означенныхъ имъ развратниковъ, я изъясняться оставляю, но предаю на благоразсмотрѣніе вашему высокопреосвященству—сообразно ли сіе онъ духу Христову и законамъ премудрой нашей Монархини произноситъ? Что-жъ касается до рѣченія обаянникъ, сіе хотя-бъ изъ 19 Дѣяній, стиха 13, какъ бы ученостью ни разумѣлось, однако у насъ въ Россіи обще всѣми принимается за чародѣя; да и самъ меня тѣмъ отитуловавшій, по причинѣ его меня порицаній, не въ иномъ какомъ, но въ худомъ смыслѣ оное произноситъ. И такъ, узнавши публика оглашенна меня обаянникомъ, не иначе судить о мнѣ можетъ, какъ только, что я чародѣй. Но я, по благости Господней, рожденъ есмь отъ родителей правовѣрныхъ, не знающихъ никакихъ обаянничествъ или чародѣйствъ, и воспитанъ, по возможности ихъ, въ благочестіи, никакому злу, противному Божію и гражданскому законамъ, отъ нихъ не наученъ и самъ послѣ ни отъ кого тому не научился. Чему учитъ православно-восточная церковь и священная христіанская богословія, содержу и почитаю неизмѣнно; всякихъ противностей отметаюся и естьли я не будучи такимъ, какъ бы могъ достигнуть до священной хиротоніи и допускаемъ, будучи чародѣй и пр., вашимъ архипастырствомъ къ совершенію святыхъ таинъ въ церкви?

Слѣдовательно отитловавшій меня неповинно чародѣемъ, опорочилъ вкупѣ со мною церковь и архипастырство ваше, меня за таковаго не признающихъ, а потому и подлежитъ Божію и помазанницы Его мщенію».

9.

«Наконецъ, по представленіи своихъ доносовъ, доноситель проситъ ваше высокопреосвященство о «запрещеніи мнѣ и другимъ моимъ собратіямъ монашествующимъ, чтобы мы не входили въ должности не своего званія, не таскались бы въ Москвѣ по дворамъ обывательскимъ и не употребляли бы во зло простоты народной отбираніемъ у нихъ послѣднихъ денегъ, на пропитаніе семейства и имъ нужныхъ, не подговаривали бъ въ пустыни дѣтей отъ родителей и мужей отъ женъ» и проч. Но я на сіе возражаю слѣдующимъ образомъ. Первое, дабы мы, монашествующіе, не входили въ должности не своего званія, то, что до меня касается, я уже о томъ въ третьемъ пунктѣ изъяснился, а о другихъ—какъ оные себя ведутъ, знать не могу; впрочемъ, всякій преступникъ обличенный подвергается правильному наказанію. Второе: Не таскались бы въ Москвѣ по дворамъ обывательскимъ. Такое презрительное слово—не таскались бы, свойственное однимъ только досадителямъ, ученѣйшему же мужу, паче же іерею Господню, въ противность апостольскаго ученія, повелѣвающаго, чтобъ слово было всегда въ благодати, произносить неприлично. Но пусть досаждаетъ: всякъ, что посѣетъ, то и пожнетъ. Впрочемъ, я не знаю, дабы кто изъ монастырей и пустынь, кромѣ необходимыхъ для церкви и обители своей потребъ, находился въ Москвѣ, и кто изъ монашествующихъ, въ бытность свою за нуждами въ городѣ, кѣмъ изъ гражданъ, по усердію и любви христіанской, будучи приглашенъ или по другому какому поводу войдетъ въ домъ и получитъ себѣ какую милостыню, сіе кажется непротивно Евангелію, слѣдовательно и гражданскому закону, на ономъ основанному; въ противномъ же случаѣ, дабы кто изъ монашествующихъ входилъ въ чей домъ нахаломъ, какимъ нибудь лестнымъ образомъ въ кого вкрадывался, было ли ему укорителю монашествующихъ отъ кого о томъ доносимо и обличилъ ли онъ кого въ томъ, ежели судіею надъ ними поставился — пусть о семъ именно покажетъ. Третіе: Не употребляли бы во зло простоты народной отбираніемъ у нихъ послѣднихъ денегъ на пропитаніе семейства и имъ нужныхъ. Боже мой, какое порицаніе! Слезы пробиваются и сердце болѣзнуетъ не о себѣ, но о порицателѣ и невинно порицаемыхъ моихъ собратіяхъ, въ коихъ такіе находятся, что въ самой непорочной своей юности, по собственному движенію и побужденію сердца, тронуты примѣромъ нищенствовавшаго Христа, расточа все свое имѣніе, избрали въ совѣтахъ евангельскихъ заключаемую нищетную жизнь и проходя оную на подобіе смиренныхъ стриженыхъ овецъ, посылаемою отъ Бога чрезъ милостивую руку милостынею не себя, но

притекающихъ къ нимъ бѣдныхъ и требующихъ снабдѣваютъ, довольствуяся сами только самонужнѣйшею пищею и одеждою. Былъ ли, да покажетъ мнящійся попечитель бѣдности, хотя одинъ такой случай, чтобъ монашествующій (поелику порицаніе оное всѣхъ, кои изъ монастырей и пустынь за нуждами въ городѣ или индѣ гдѣ бываютъ, касается), исключа потаенныхъ злотворцевъ, кои во всякомъ званіи находятся и въ числѣ избраннѣйшихъ двѣнадцати апостоловъ Христовыхъ былъ единъ тать и предатель, у кого, отобравъ послѣднія деньги, лишилъ его съ семействомъ пропитанія? Я жъ напротивъ его скажу, что есть въ нашемъ благословенномъ и любезномъ отечествѣ такія общежительныя монашествующихъ собранія, кои избытками своими многихъ бѣдныхъ исправили состояніе и прокормили даже въ самую дороговизну хлѣбомъ; а сверхъ того, искусные изъ нихъ въ нѣкоторыхъ родахъ врачеванія прилежнымъ и человѣколюбивымъ стараніемъ своимъ неисчисленное множество людей отъ неключимости благопотребными отечеству учинили, о чемъ могутъ свидѣтельствовать тамошніе округи, да и изъ знатныхъ чиновъ Московскихъ дворянъ въ городѣ жительствующихъ, коихъ люди въ числѣ уврачеванныхъ находятся, о семъ увѣряютъ. Четвертое: Не подговаривали бы въ пустыни дѣтей отъ родителей и мужей отъ женъ и проч. Не знаю, развѣ невѣжда, не знающій себя и сущность монашескія жизни, дабы кто былъ подговаривателемъ въ такую претрудную жизнь, которая единственно только по собственному, безпристрастному и предразсудительному всякаго движенію предпринимаема быть должна; въ противномъ же случаѣ, все зданіе добродѣтелей, паче же дѣвственность, въ числѣ благодатныхъ Божіихъ даровъ считаемая, будетъ безуспѣшна. И кто ежели въ подговариваніи кого обличится, пусть той ревнователю о семъ на исправленіе отданъ будетъ. Напослѣдокъ, что̀ касается до вытаскиванія иконъ, ежели гдѣ такое неприличіе происходитъ, оное властію вашего архипастырства устроено (устранено?) быть можетъ».

«Въ заключеніе жъ, припадъ ко святительскимъ вашимъ стопамъ, молю ваше архипастырство, представленное мною милостивѣйше разсмотрѣвъ и исправивъ, учинить надлежащую резолюцію».

«Вашего высокопреосвященства»
«Всенижайшій послушникъ и богомолецъ, Екатериненскія пустыни строитель»
«Іеромонахъ Мельхиседекъ».

«Генваря 22 дня 1790 г.»

Сличивъ писанія Алексѣва и Мельхиседека, кто не замѣтитъ поразительной разницы въ тонѣ? Съ одной стороны дерзость, лицемѣріе, грубость и безстыдство, съ другой—простодушіе и кротость [65]).

[65]) Прошеніе Алексѣева къ Платону и объясненіе по оному Мельхиседека сохранились въ бумагахъ П. П. Бекетова въ копіяхъ. „О продѣлкахъ этого Мельхиседека, замѣчаетъ редакція Русск. Арх. (1871 г. стр. 218) есть большое письмо Алексѣева къ кн. Потемкину“. Теперь, кажется, мы съ меньшимъ предубѣжденіемъ можемъ смотрѣть на „продѣлки“ Мельхиседека и вѣрнѣе можемъ цѣнить самого Алексѣева.

Что былъ за человѣкъ Мельхиседекъ — намъ неизвѣстно. Знаемъ только, что онъ былъ іеромонахомъ у Иверской часовни, а потомъ строителемъ въ Екатерининской пустыни; но уже изъ объясненія, поданнаго имъ митрополиту, можемъ заключать, что это былъ человѣкъ неизмѣримо высшей нравственности, нежели Алексѣевъ; можемъ думать, что, благодаря именно личнымъ достоинствамъ своимъ, онъ пользовался въ Москвѣ извѣстной репутаціей, вслѣдствіе чего и былъ избранъ нѣкоторыми отцемъ духовнымъ, что̀ такъ раздражало Алексѣева. Послѣдній въ письмахъ своихъ къ Памфилову называетъ Мельхиседека «сватомъ» митрополита; именно, въ письмѣ 17 Февраля 1785 года онъ пишетъ: «чтожъ касается до славной той свадьбы, чрезъ кою бѣсозаклинательный чернецъ Мельхиседекъ сдѣлался сватомъ здѣшнему преосвященному, уповаю, изволили слышать отъ другихъ»? Вѣроятно, дѣло идетъ о свадьбѣ кого нибудь изъ родственниковъ Платона, но при чемъ тутъ Мельхиседекъ? Или и въ этомъ случаѣ должны мы столько же вѣрить словамъ Алексѣева, сколько обвиненіямъ Мельхиседека въ суевѣріи, обаянствѣ и проч. [66]).

Между тѣмъ Духовная Консисторія, разсмотрѣвъ послѣднія два дѣла Алексѣева, т. е. по доносу на него Василія Петрова и по прошенію, поданному митрополиту объ уничтоженіи названія протопопъ, представила въ Апрѣлѣ 1790 г. къ Платону свои по нимъ опредѣленія. По первому заключеніе Консисторіи было таково: «Протопопъ Петръ Алексѣевъ въ чиненіи съ дѣвкою Зиновіею прелюбодѣйства оказывается подозрительнымъ; во 1-хъ, потому, что доносителя, своего служителя, Василія Петрова называлъ раскольникомъ и еретикомъ ложно, единственно къ прикрытію чрезъ то прописаннаго на него протопопа, доноса; во 2-хъ, что рѣченнаго доносителя, повидимому, чрезъ свои происки, дабы онъ его протопопа въ запирательствѣ уличить не могъ, изъ Москвы въ отдаленныя мѣста заточилъ; въ 3-хъ, еслибъ онъ, протопопъ, не сознавалъ себя по тому доносу виновнымъ, то бъ старался того доносителя въ Москвѣ удержать и учиненное на него доношеніе правдою опровергнуть, а чрезъ то и невинность свою доказать и честь свою тѣмъ защитить; но въ 4-хъ, какъ доноситель отданъ въ солдаты и удаленъ, потому и слѣдствіе производить не можно. Для того, его, протопопа, призвавъ въ Консисторію, оное падаемое на него, протопопа, въ прелюбодѣяніи подозрѣніе отдать ему протопопу на совѣсть съ тѣмъ, если онъ свою невинность по сему дѣлу утвердитъ въ присутствіи предъ крестомъ и евангеліемъ; дѣвку же ему, для отнятія дальнѣйшаго подозрѣнія, въ домѣ своемъ держать воспретить и о томъ ему, протопопу, объявить съ подпискою». Митрополитъ на опредѣленіи написалъ: «Доложить по сему дѣлу, когда и прочія о протопопѣ дѣла рѣшены будутъ».

По второму дѣлу, Консисторія, на основаніи резолюціи митрополита, опредѣлила: «Какъ просьба протопопа есть противозаконная и вымышленная, примѣчательно, или въ надеждѣ, чтобъ испросивъ повелѣніе ко уничтоженію

---

[66]) Не можетъ ли г. Розановъ, пользуясь архивомъ Моск. Дух. Консисторіи, сообщить свѣдѣнія о личности Мельхиседека?

протопопскаго имени, писать и называть вмѣсто онаго всѣхъ протопоповъ протопресвитерами, получить тѣмъ себѣ отъ нихъ отъ всѣхъ тщетную славу; или паче съ намѣреніемъ, что приказано будетъ не другихъ кого либо, а собственно его одного, въ отличность противъ прочихъ протопоповъ, писать и называть протопресвитеромъ, то помянутое его прошеніе и надлежитъ оставить въ презрѣніи. Для того 1) къ стыду его, Алексѣева, и къ возчувствованію своего противозаконнаго и дерзновеннаго поступка, призвавъ въ консисторское присутствіе, оное опредѣленіе при собраніи того Архангельскаго собора священнослужителей и всѣхъ епархіальныхъ Московскихъ протопоповъ объявить ему съ запискою; 2) за восхищеніе имъ, Алексѣевымъ, сверхъ своего протопопскаго именованія излишней и не принадлежащей себѣ чести настоятеля, кольми паче за писаніе къ оскорбленію и поношенію всѣхъ преосвященныхъ архіереевъ вымышленнымъ и неслыханнымъ вовсе въ Россіи наименованіемъ архипопъ, удержать у него, Алексѣева, чинъ протопопства на годъ, а потому и священнослуженіе въ оное годичное время исправлять безъ палицы и безъ набедренника; 3) а что онъ ложно своимъ прошеніемъ оклеветалъ Консисторію, будто бы изъ оной въ посылаемыхъ указахъ именованіе протопопъ приписано въ прозваніе, поелику оное оклеветаніе относится лично къ консисторскимъ присутствующимъ, предоставить архипастырскому его высокопреосвященства опредѣленію» [67]).

Какъ видно, Консисторія не очень чинилась съ Алексѣевымъ и, обсуживая его дѣйствія, не стѣснялась опредѣлять точное ихъ значеніе. Платонъ, однакожъ, и на послѣднемъ опредѣленіи, 5 Іюня 1790 года, написалъ: «Доложить по сему, когда и прочія о протопопѣ дѣла будутъ кончены». Какія это были еще дѣла, кромѣ Мельхиседекова, неизвѣстно.

Чрезвѣчайно любопытно для характеристики Алексѣева письмо его къ Памфилову отъ 28 Іюня 1792 года, гдѣ онъ переходитъ въ юморъ. «Милостивый государь и отецъ! Вмѣсто новостей Московскихъ хочу представить вашему высокопреподобію «всечестнаго отца» игумена Высоцкаго монастыря, что̀ въ Серпуховѣ, Стефана, котораго недавно прислали сюда изъ Нижняго за стражею, не въ ангельскомъ уже образѣ, но въ свѣтскомъ платьѣ, безъ бороды и съ прическою на головѣ, вмѣстѣ съ прелюбодѣйцею его маіоршею Сальковою. На сіе позорище стеклося въ Губернское Правленіе множество зрителей, особливо изъ купечества, которое напредъ сего съ удовольствіемъ слушивали въ Иконоспасскомъ монастырѣ Стефановы нравоучительныя предики, когда онъ былъ тамъ похвальнымъ проповѣдникомъ; дивилися толь странному его превращенію и судили о семъ по различію вкуса, понятія и набожности; но приказные болѣе уважали резоны маіоршины, нежели игуменскіе. Она объявила, что онъ ее обольстилъ и, свергнувъ съ себя черноческую маску, преобразился въ секретаря; а Декабря прошлаго году, взявъ ее съ собою, бѣжалъ изъ монастыря. Сказываютъ, что не забылъ взять и деньжон-

[67]) Ист. Ен. Управл. ч. III, кн. I, прим. 600.

ки. Ѣздили они повожены въ разные города; наконецъ, въ Нижнемъ Новѣградѣ будучи, размолвилися; размолвка была хоть не большая, но пощечины маіоршѣ не понравилися, и такъ она донесла тамошнему губернатору, что называвшійся мужемъ ея есть бѣглый игуменъ, притомъ, что онъ написалъ себѣ подорожную, а меня-де принудилъ подписаться губернаторомъ, которая подорожная здѣсь и свидѣтельствована. Стефана отправили въ Серпуховъ, а маіорша оставлена въ губернскомъ замкѣ, хотя и просилъ ея мужъ (здѣшняго баталіона маіоръ) Сальковъ на росписку впредъ съ поставкою. **Вотъ прославляемая ханжами чистота монашеская!** Впрочемъ, испрашивая вашего благословенія и продолженія ко мнѣ милости, съ должнымъ почитаніемъ пребываю вашего высокопреподобія, милостиваго государя и отца, покорнѣйшій слуга Петръ протоіерей Архангельскій» [68]).

И это писалъ Алексѣевъ, который, не дальше какъ два года тому назадъ долженъ былъ очистить себя присягою въ прелюбодѣяніи!

Въ теченіе наступившаго девятаго десятилѣтія Алексѣевъ лишился своихъ покровителей: умеръ Потемкинъ, не стало Памфилова, скончалась и Императрица. Съ 7 Ноября 1796 г. началось новое царствованіе. На престолъ вступилъ ученикъ Платона, и взоры всѣхъ обратились на Московскаго митрополита.

«Всѣ почитали, что онъ у новаго Императора въ особой будетъ довѣренности, ибо кромѣ должности учительской, которую онъ проходилъ при новомъ Государѣ еще съ девяти его лѣтъ, всегда былъ любимъ имъ Платонъ, и по отбытіи отъ двора всегдашнюю съ нимъ любовную велъ переписку лѣтъ чрезъ пятнадцать; даже не упускалъ Государь того, когда былъ и въ чужихъ краяхъ, какъ то своеручныя письма свидѣтельствуютъ; всегда удостоивалъ къ нему въ письмахъ: **вашъ вѣрный другъ**» [69]).

Таково было общественное мнѣніе, и оно не ошибалось. Дѣйствительно, Московскій митрополитъ былъ въ числѣ первыхъ, кого Павелъ счелъ долгомъ почтить своимъ вниманіемъ. Тотчасъ же по воцареніи, онъ приказалъ Платону пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ возложить на него Андреевскую ленту, но по болѣзни Платонъ не могъ явиться такъ скоро, какъ того хотѣлъ Павелъ, и Андреевскій орденъ украсилъ тогда одного только Петербургскаго митрополита Гавріила. Въ Мартѣ Павелъ отправился въ Москву. Больной и немощный Платонъ черезъ силу встрѣтилъ его въ Петровскомъ дворцѣ и услыхалъ отъ признательнаго ученика своего, что «онъ очень радъ, что его увидѣлъ». Едва лишь митрополитъ возвратился къ себѣ изъ дворца, какъ прискакавшій курьеръ привезъ къ нему письмо Императора, которымъ онъ приглашалъ его къ себѣ на другой день. Павелъ писалъ, что онъ желаетъ расплатиться съ нимъ за то, чѣмъ онъ обязанъ ему **передъ собою и предъ свѣтомъ**. Мучимый болѣзнію, Платонъ не могъ явиться раньше пяти дней, когда же потомъ пріѣхалъ во дворецъ, то Государь «тотчасъ по входѣ, ничего не говоря, возло-

68) Русск Арх. 1871 г. стр. 232—233.

69) Зап. м. Платона.

жилъ на него Андреевскій орденъ. Онъ посадилъ Платона и долго разговаривалъ съ нимъ «любовно»; Императрица показала ему все свое семейство; приглашали его остаться и при столѣ, но Платонъ извинился слабостью здоровья. Въ Великую Субботу, наканунѣ коронаціи, митрополитъ служилъ въ Чудовѣ монастырѣ и пріобщилъ св. таинъ Государя и всю царскую фамилію; послѣ обѣдни Павелъ со всей семьей посѣтилъ Платона въ его покояхъ.

Радовалось Московское духовенство, слыша о такомъ почетѣ старика-владыки, но былъ одинъ человѣкъ, который не раздѣлялъ чувствъ своихъ собратій. Это былъ Алексѣевъ. Гдѣ и въ комъ искать ему теперь опоры и защиты, когда его «начальникъ» въ такой неограниченной милости? Весьма естественно предположить, что эта мысль тревожила его....

Въ первый день Свѣтлаго праздника, 5 Апрѣля 1797 года, совершилась коронація. Разсказываютъ, что когда при этомъ случаѣ духовныя лица цѣловали у Императора руку, то Алексѣевъ поцѣловалъ и мечъ, и на вопросъ Павла—что̀ это значитъ, отвѣчалъ, что такъ бывало въ Византіи [70]). На другой день Московское духовенство съ митрополитомъ во главѣ представлялось Государю во дворцѣ, при чемъ Платонъ говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Чрезъ нѣсколько дней были объявлены награды духовенству: викарій митрополита, епископъ Серапіонъ и протоіерей Успенскаго собора Александръ Левшинъ были удостоены ордена св. Анны 1 ст., а протоіерей Архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ того же ордена 2 ст. Для почитателя Византійскихъ обычаевъ на первый разъ и того было довольно,—онъ не остался незамѣченнымъ, а дальше.... дальше обстоятельства укажутъ ему, какъ снискать высочайшее вниманіе.

Въ теченіи двухмѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ Павелъ былъ неистощимъ въ милостяхъ къ своему учителю. Разговаривая съ нимъ однажды во дворцѣ, онъ съ полною къ нему довѣренностію «благоволилъ открыть многіе на него, митрополита, наговоры и не безважные, которые всѣ были сущая и злобная клевета. Слыша то митрополитъ изъ устъ Государевыхъ, просилъ его, стоя на колѣнахъ, чтобъ онъ учинилъ правосудіе, повелѣлъ бы изслѣдовать и ежели онъ окажется виноватъ, то бы его наказалъ по строгости законовъ, а ежели другіе окажутся клеветниками, то и ихъ клевету и злобу унять» [71]). Павелъ успокоилъ Платона, сказавъ, что онъ говоритъ то, что̀ ему говорили. По прошествіи Святой недѣли Государь со всѣмъ семействомъ посѣтилъ Платона въ Лаврѣ, былъ на служеніи, осматривалъ семинарію и всѣмъ остался доволенъ; затѣмъ онъ отправился въ Виѳанію, гдѣ кушалъ у митрополита и, узнавъ о желаніи его имѣть въ Виѳаніи игуменство, приказалъ учредить въ ней второкласный монастырь и при немъ устроить семинарію. Императрица въ знакъ благоволенія пожаловала Платону золотой крестъ, украшенный хризопазами и бриліантами; ректору Троицкой семинаріи Государь прислалъ золотые часы

---

70) Русск. Арх. 1863 г. стр. 707.

71) Зап. м. Платона.

съ каменьями, а семинаристамъ пожаловалъ 2000 р. Когда же Платонъ, передъ отъѣздомъ Государя изъ Москвы, явился во дворецъ, чтобы поблагодарить его за всѣ милости, то ему были поднесены бриліантовыя украшенія къ Андреевскому ордену. Такова была первая встрѣча Императора Павла съ своимъ учителемъ Платономъ. Можно себѣ представить, что̀ происходило въ душѣ Алексѣева, при видѣ всѣхъ милостей, оказанныхъ митрополиту.

3 Мая царская фамилія выѣхала въ Петербургъ.

Кромѣ орденовъ, которыми новый Императоръ сталъ награждать черное и бѣлое духовенство, указомъ 18 Декабря 1797 г. повелѣно было для лицъ бѣлаго духовенства установить еще новые знаки отличій: наперсные кресты, скуфьи, камилавки, а для знатнѣйшихъ изъ нихъ—митры, но послѣднія исключительно по высочайшему соизволенію. На основаніи этого указа въ 1798 году изъ Московской епархіи были представлены къ новымъ отличіямъ нѣкоторыя лица бѣлаго духовенства и въ томъ же году получили ихъ: два протоіерея—наперсные кресты, трое протоіереевъ и два ключаря—камилавки; кромѣ того были награждены митрами: духовникъ Государя протопресвитеръ Благовѣщенскаго собора Исидоръ и большаго Успенскаго собора Александръ Левшинъ [72]). Алексѣевъ никакой награды не получилъ, вѣроятно по причинѣ производившихся о немъ дѣлъ. Какъ перенесъ отецъ протоіерей это «искушеніе»—неизвѣстно, но зная страсть его къ отличіямъ, можно представить его огорченіе.

Въ Русскомъ Архивѣ (1863 г., стр. 697) находимъ чрезвычайно любопытный документъ, относящійся къ предмету нашей статьи—это всеподданнѣйшее письмо протоіерея Петра Алексѣева къ Императору Павлу Петровичу, при которомъ онъ представляетъ Государю «анекдотъ о святѣйшемъ Никонѣ Московскомъ и всея Россіи патріархѣ, изустнымъ преданіемъ, чрезъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора и кавалера Ивана Ивановича Козлова, дошедшій Московскаго Архангельскаго собора до протоіерея Петра Алексѣева».

Къ сожалѣнію, письмо это не датировано, и потому остается неизвѣстнымъ, когда оно было послано къ Государю—во время ли его пребыванія въ Москвѣ, или по отъѣздѣ въ Петербургъ, что̀ и лишаетъ насъ возможности опредѣлить при какихъ именно обстоятельствахъ, въ какую «минуту жизни трудную» рѣшился Алексѣевъ прибѣгнуть къ силѣ прежняго своего оружія—къ лести и доносу.

Вотъ это письмо.

«Августѣйшій Монархъ! Всемилостивѣйшій Государь».

Приложенный къ сему анекдотъ съ примѣчаніями, осмѣлился я нижепоименованный поднести Вашему Императорскому Величеству, не для того, чтобъ обезславить прежде усопшихъ людей (ибо сіе и невѣрные запретили: de mortibus aut bene, aut nihil), но единственно для удовольствія вашего любопытства о древней церковной Россійской исторіи и для соразсужденія о настоящей и

---

[72]) Александръ Левшинъ умеръ въ томъ же 1798 г., не дождавшись присылки митры.

будущей участи православныя нашея церкви. Дай Боже, чтобъ благоугодно явилося сіе преданіе вашему величеству; въ противномъ случаѣ всеподданнѣйше прошу: милостивъ буди мнѣ грѣшному и не предаждь немощнаго въ руцѣ сильныхъ лицъ».

«Вашего Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго Государя, всеподданнѣйшій слуга и усерднѣйшій богомолецъ Петръ протоіерей Архангельскій».

Затѣмъ слѣдуетъ анекдотъ. Не смотря на все наше желеніе привести его per extensum и чрезъ то избѣжать перепечатки документа, уже бывшаго на страницахъ Русскаго Архива, мы затрудняемся наложить руку на произведеніе Алексѣева изъ опасенія, что «анекдотъ», приведенный въ извлеченіи, потеряетъ тотъ air fixe, который слышится въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ благонамѣреннаго отца протоіерея.

«Нѣкогда, разсказываетъ Алексѣевъ, обѣдали у именинника, морской службы у капитана, многіе тамошніе офицеры въ присутствіи самого Императора [72]). И послѣ обѣда одинъ изъ нихъ, истребовавъ позволеніе отъ великаго Государя, вопросилъ его величество: «Надежа Государь! Какая была причина родителю вашему, царю Алексѣю Михайловичу, такъ много прогнѣваться на Никона патріарха, чтобъ осудить его и послать въ изгнаніе?» Государь осердился было на сего вопросителя, однако, помня данное ему при всѣхъ милостивое позволеніе и обнадеженіе не гнѣваться на его вопросъ, отвѣчалъ такимъ образомъ»:

«Правда, что Никонъ сперва усердно служилъ и угождалъ моему родителю [73]), за что и получилъ отъ его величества многочисленныя царскія милости [74]), но послѣ заразился духомъ [75]) папскаго властолюбія. Возмнилъ

---

[72]) Петръ Великій. Дальнѣйшія примѣчанія, приводимыя въ разсказѣ, принадлежатъ Алексѣеву.

[73]) А наипаче во время моровой въ Москвѣ язвы, въ отсутствіе государево, тщаніемъ своимъ предохранилъ домъ царской отъ заразы, выпроводилъ царицу и царевенъ въ безопасное мѣсто, то есть въ Вязьму, доставляя имъ и придворнымъ чиновникамъ все къ содержанію и удовольствію потребное, до самаго изъ Польши возвращенія царскаго въ Россію. П. А.

[74]) Онъ осыпанъ былъ щедротами царскими не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, какъ видно изъ печатной Никонова житія исторіи. Сколь ни пристрастенъ писатель сея исторіи къ похваламъ патріаршимъ; однако нельзя скрыть, что благодѣянія государевы, на Никона изліянныя, несравненно превосходятъ мѣру заслугъ его святѣйшества. П. А.

[75]) Регламентъ Духовный въ 7 пунктѣ первыя части сказуетъ: „Да не воспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи". Подъ сими рѣчми подразумѣвается не иной кто, какъ бывшій патріархъ Никонъ, единовластникъ церковный. Еще въ печатномъ объявленіи, при указѣ 1724 года, Генваря 31 дня данномъ С. Сvноду, между прочимъ сказано: „О верховной архіерейской власти, которую примѣромъ папы Римскаго, противно повелѣнія Божія, распространить нѣкоторые тщились". Нельзя сходнѣе быть списку съ подлинникомъ, какъ сіе начертаніе съ властолюбивымъ Никоновымъ нравомъ. Ибо онъ къ печатаемой Кормчей Книгѣ приложилъ послѣ каталога лжесоставное подарованіе великаго царя Константина, яко бы тотъ царь подарилъ Римскому епископу Сильверсту древній Римъ со всею Италіею, тако-жъ

о себѣ, что онъ выше самого государя, да и народъ тщился привести къ сему-жъ зловредному мнѣнію, особливо въ публичныхъ церемоніяхъ [76]). И такъ подвигнулъ на себя гнѣвъ милосердаго самодержца, а наипаче сими двумя случаями»»:

««Когда родитель мой воевалъ противъ Польши и получалъ многія надъ непріятелями побѣды, взялъ у нихъ Смоленскъ, Могилевъ, Полоцкъ и прочіе города, тогда Поляки, видя свое изнеможеніе предъ войскомъ Россійскимъ, тайно переслали къ Никону патріарху нѣсколько тысячъ червонныхъ, прося его, дабы какимъ либо образомъ отвести царя отъ самоличнаго Россійскою арміею предводительства, что̀ Никонъ и учинилъ, отправя къ государю письмо чрезъ нарочнаго гонца въ такой силѣ, яко бы въ Москвѣ учинился бунтъ, для того необходимо нужно его царское присутствіе, дабы отбирая у непріятелей городы, не лишиться своей столицы. Получа сіе патріархово письмо, родитель мой, оставя свою армію главному полководцу, вскорѣ возвратился въ Москву, но не засталъ въ ней никакого мятежа, все было спокойно; ибо бывшій тогда здѣсь градоначальникъ до прибытія еще царскаго усмирилъ начавшееся подъущеніемъ (можетъ быть) того-жъ патріарха небольшое возмущеніе. Но въ отсутствіе государево Поляки учинили Россійскому войску немалое пораженіе, какъ видно изъ исторіи того времени. Царь Алексѣй Михайловичъ, хотя и провѣдалъ о сей измѣнѣ патріаршей, однако для политическихъ резоновъ не благоволилъ ее обнародовать»».

««Вторая причина гнѣва государева на патріарха Никона»»:

царскія украшенія: златую корону, скипетръ, придворные чины и кавалеровъ. Къ чему такая пышность служителю смиреннаго Іисуса? Что сія жалованная грамота (яко бы) Константинова есть фальшивая, о томъ имѣется у меня особливое разсужденіе съ подлежащими примѣчаніями. Однако Никонъ не просто ее приклеилъ къ Номоканону, но съ замысломъ о увеличеніи архіерейской власти и умаленіи царской предъ народомъ. Для того, послѣ сея вылганныя грамоты, пишетъ о отпаденіи ветхаго Рима отъ православія, а какъ новый Римъ, то есть Константинополь, находится подъ игомъ Турецкимъ, то и слѣдуетъ патріарху царствующаго града Москвы, яко третьяго Рима, вступить въ права папскія. Но еще Господь Богъ Россійскихъ государей такъ благодати Своея не лишилъ, какъ Греческихъ въ неразсмотрѣніи излишества. П. А.

[76]) Не папская ли то гордость, чтобъ Богомъ вѣнчаннаго царя учинить своимъ конюшимъ, то есть въ недѣлю Вайй, въ подражаніе неподражаемаго Христова входа въ Іерусалимъ, патріархъ съ великою помпою по Кремлю ѣдучи на придворномъ осляти, заставлялъ самодержца вести того подъяремника подъ устцы при воззрѣніи безчисленнаго народа? И по исполненіи той пышной церемоніи дарилъ Всероссійскому государю сто рублевъ денегъ, яко бы для раздачи въ милостыню, а въ самой вещи для награжденія за труды (стыдно сказать) поводильщику. Сему уничиженію царскаго величества подверженъ былъ въ малолѣтствѣ и самъ императоръ Петръ Великій, держа поводъ осла Іоакимова вмѣстѣ съ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ при таковой вербной церемоніи. Но послѣ, сей нововведенный въ церковь обрядъ вовсе отставленъ, по указу того же великаго монарха. Сюда принадлежитъ весь седьмой пунктъ первыя части Духовнаго Регламента; въ немъ живыми красками изображено развращенное о великомъ государѣ мнѣніе народное. П. А.

««Родитель мой имѣлъ обычай, когда вознамѣрится по долгу христіанскому говѣть, то отлучался изъ дворца въ Чудовъ монастырь на нѣсколько дней, для провожденія того времени въ молитвѣ и постѣ, уединенно и безмолвно, а по исповѣданіи грѣховъ своихъ возвращался во дворецъ [77]). Одинъ разъ случилося, что онъ прибылъ въ вечерѣ Пятка въ свои чертоги съ великимъ прискорбіемъ, такъ что никого изъ вельможъ къ себѣ не допускалъ, и весь дворъ царскій привелъ въ несказанное сѣтованіе. О семъ нечаянномъ приключеніи увѣдомяся, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукой, хотя одержимъ былъ тогда подагрою, однако велѣлъ себя везти въ Кремль къ государю, и какъ поставили его слуги на стулѣ въ пріемной комнатѣ и сами вышли вонъ, то онъ спрашивалъ государя о причинѣ его печали. Государь, по многомъ отрицаніи, напослѣдокъ открылся, что духовникъ ему запретилъ причащаться. Что-жъ заключитъ обо мнѣ народъ теперь? Подумаютъ, что я или еретикъ, или такой беззаконникъ, что недостоинъ сподобиться общія христіанскія трапезы, и можетъ отъ того произойти къ вреду отечества мятежъ всеобщій. Князь тотъ успокоилъ государя, сказавъ между прочимъ: я берусь духовника вашего уговорить, и онъ сейчасъ дастъ разрѣшительное письмо, и будетъ по обычаю читать правило къ причащенію. Государь сомнѣвался объ успѣхѣ сего посольства, сказуя: Я де самолично уговаривалъ его, обнадеживая своею милостію, а между тѣмъ претя ему и несчастіемъ, но онъ ничему не внимая, ссылался на требникъ [78]). Такъ можно ли тебѣ, князь, уговорить моего духовника непреклоннаго»»?

««Князь же въ обѣщаніи своемъ крѣпился и съ позволенія государскаго отнесенъ былъ на стулѣ въ покой къ духовнику, котораго спрашивалъ: Ты ли осмѣлился запретить в. государю причастіе? Духовникъ отвѣчалъ: Я, свѣтъ! Знаешь ли ты, что изъ сего можетъ воспослѣдовать въ государствѣ? Я, говоритъ, ничего не знаю, а точію наблюдаю правила св. отецъ. Тогда князь: Ну такъ дай же тотчасъ разрѣшеніе государю, въ противномъ случаѣ ты въ сію минуту жизни лишишься. Духовникъ, зная крутой нравъ сего князя, что

---

[77]) Онъ, приготовляяся къ святому причастію Христовыхъ таинъ въ Четыредесятницу на первой седмицѣ, живалъ въ Чудовѣ монастырѣ 5 дней, начиная съ Понедѣльника, а въ Пятокъ тамъ же исповѣдывался предъ отцемъ духовнымъ, Благовѣщенскаго собора протоіереемъ, который въ тѣ 5 дней обиталъ близъ Чудова монастыря въ нарочно построенныхъ для него у заднихъ воротъ палаткахъ (кои недавно сняты) и приходилъ къ государю въ монастырь отправлять службу церковную по уставу. О семъ говѣніи государскомъ обыватели Московскіе свѣдаютъ еще въ Понедѣльникъ и ожидаютъ Субботы, чтобъ посмотрѣть, какъ государь пойдетъ къ св. причастію въ большой Успенскій соборъ и оттуда возвратно. Между тѣмъ суды всѣ останавливалися, и ни о чемъ не докладывали государю, кромѣ чрезвычайныхъ государственныхъ дѣлъ, кои не терпятъ времени. Сему царскому примѣру послѣдовали нѣкоторые и бояре, удалявшіеся изъ домовъ своихъ въ разные монастыри для говѣнья. П. А.

[78]) Въ немъ предъ чиномъ исповѣданія въ наставленіи іерею приказываетъ св. Василій В. „Да не устрашитися кого отъ славныхъ земли, ниже самого діадиму носящаго да не причастиши". П. А.

онъ сдержитъ свое слово, вскорѣ написалъ разрѣшеніе для государя и отдалъ князю, который, будучи удовольствованъ въ первомъ требованіи, еще спрашивалъ духовника, также подъ страхомъ безгодной смерти: Скажи, кто тебя научилъ сему предпріятію, чтобъ отлучить в. государя отъ причастія; ибо ты человѣкъ нехитрый, самъ не осмѣлился бы того сдѣлать. Духовникъ отвѣчалъ: что святѣйшій приказалъ мнѣ такъ учинить, то есть патріархъ Никонъ, и обѣщалъ защищать меня отъ гнѣва государева. Ну хорошо, говоритъ князь [79]), ты оставайся живъ, и приходи читать подобающее правило ко причащенію, а я сейчасъ къ государю возвращуся съ отповѣдью».

«Вотъ истинныя причины Никонова паденія, то есть измѣна и злой умыселъ на государя. Первая произошла отъ алчнаго сребролюбія Никонова, вторая же отъ непомѣрнаго властолюбія, чтобъ по пророчеству татарина, въ жизни его описанному, царствовать».

«Съ того времени часъ отъ часу больше возрастало нелюбіе между царемъ и патріархомъ. Ибо Никонъ, будучи высокомѣренъ, всегда во зло употреблялъ государево снисхожденіе и благосклонность, дерзновенно требуя чрезъ нарочно посланныхъ во дворецъ отвѣта отъ царя, напримѣръ, зачѣмъ государь вчерась не былъ въ крестномъ ходѣ, или на другой какой церковной процессіи? и проч. Онъ не точію досаждалъ помазаннику Божію своими грубостями, но даже осмѣлился гнѣваться на него и презирать его, какъ видно въ книгѣ Пращица именуемой, въ грамотахъ прощальныхъ, по кончинѣ Никона къ царю Ѳеодору Алексѣевичу отправленныхъ отъ православныхъ патріарховъ, чрезъ дьяка Возницына».

«Потомъ онъ, Никонъ, своевольно оставилъ каѳедру патріаршу и удалился изъ Москвы невозвратно въ Воскресенскій монастырь, яко наемникъ, не радящій о словесныхъ овцахъ, а не яко пастырь добрый; таковымъ страннымъ поступкомъ вывелъ благочестиваго государя изъ терпѣнія, судимъ былъ патріархами Греческими, а именно Паисіемъ Александрійскимъ судіею селенныя (sic) и Макаріемъ Антіохійскимъ, съ совѣта и согласія прочихъ двухъ патріарховъ и со всѣми архіереи Россійскими [80]). Осужденъ по правиламъ

---

79) Сей князь, во второе соборованіе надъ Никономъ, поборствовалъ по царѣ и Никона патріарха всячески уничижалъ. Жит. Никон. 114. П. А.

80) На третьемъ соборѣ Иларіонъ, архіепископъ Рязанскій, нарицалъ Никона убійцею, блудникомъ и хищникомъ. Житіе Никона стр. 125. П. А.

„Сей титулъ Александрійскому патріарху придань вины ради сицевыя. Когда между царемъ греческимъ Василіемъ Юнѣйшимъ, которой царствовалъ съ 977 года по 1026 годъ и между патріархомъ Константинопольскимъ произошла вражда, то для ихъ примиренія призванъ былъ Ѳеофилъ патріархъ Александрійскій. Онъ, выслушавъ съ каждой стороны жалобы, чѣмъ одна другую обидѣла и узнавъ, что патріархъ злорѣчіемъ своимъ досаждалъ государю и грозилъ у него отнять корону, а царь похвалялся обезглавить патріарха, то сей судія приказалъ сдѣлать двѣ восковыя статуи: одну на подобіе царево, а другую патріаршие, и у первой отнять десную руку, а у второй языкъ урѣзать, дая чрезъ то знать, что царю не должно употреблять мечь противъ патріарха, а патріарху не злословить бы царя. И такъ помирился царь съ своимъ патріархомъ, возложилъ на него царскую діадему, а

св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, изверженъ отъ святительскаго сана и остался при одномъ монашествѣ. О чемъ свидѣтельствуетъ соборное дѣяніе, бывшее въ лѣто отъ созданія міра 7175-е, а отъ воплощенія Бога Слова 1667 года. Но о вышерѣченныхъ двухъ Никоновыхъ винахъ умолчано, да и показать ихъ ко всеобщему свѣдѣнію неприлично, для того и я нижайшій, сообщивъ нѣсколько анекдотовъ императора Петра Великаго издателю оныхъ г. Голикову, умолчалъ о семъ дѣлѣ, яко къ чести царской не слѣдующемъ. А единственно вашему императорскому величеству на благоразсужденіе и удовольствіе достохвальнаго вашего въ древностяхъ любопытства покорнѣйше представляю. Ибо хотя патріархъ въ Россіи навсегда уничтоженъ, по учрежденіи Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, однако послѣ были отъ нѣкіихъ архіереевъ покушенія, чтобъ паки возстановить санъ патріаршій. А именно Ростовскій Георгій Дашковъ, въ царствованіе императора Петра II, добивался въ патріархи, и по его проискамъ изъ Верховнаго Совѣта посланъ былъ запросъ въ Святѣйшій Сѵнодъ такого содержанія: можно ли въ нынѣшнее время быть въ Россійской церкви патріарху? На которой запросъ отвѣтствовано изъ Сѵнода: не можно и подкрѣплено сіе отрицаніе важными резонами, тогдашнимъ сѵнодальнымъ членомъ Ѳеофаномъ архіепископомъ Новгородскимъ сочиненными. Почему высокомѣрное Дашкова предпріятіе осталося безъ успѣха. Не упоминаю здѣсь о Ѳедосеѣ, нескромномъ архіереѣ Новгородскомъ и Арсеніи Ростовскомъ, мнимомъ святошѣ, кои безъ титла патріарша, восхотѣли было власть его восхитить: явно противилися самодержицамъ Всероссійскимъ Екатеринѣ I и II, за что осуждены правильно и во изгнаніе сосланы, вмѣсто смертной казни ими заслуженной, по причинѣ важныхъ ихъ винъ, кои обнародованы въ свое время печатными указами, то и не требуютъ особеннаго повторенія».

«Кольми паче о нынѣшнихъ смиренныхъ владыкахъ писать теперь не слѣдуетъ. Ибо многіе изъ нихъ вашему императорскому величеству вѣдомы съ хорошей стороны; для того пожалованы Россійскими орденами и командорствами. А ежели и есть что̀ поправленія требующее, къ пользѣ церковной относящееся, о томъ, не утруждая вашу высочайшую особу, государственными великими дѣлами преутружденную, позвольте мнѣ нижайшему давать знать вашему синодальному оберъ-прокурору, безъ огласки и оскорбленія лицъ, и не образомъ доноса, что̀ я нижайшій напредъ сего чинилъ неоднократно въ силу 2 пункта третіей части Духовнаго Регламента [81]), и мои

патріархъ царя пріобщилъ къ собранію своихъ чиновниковъ, іеродіаконовъ и позволилъ ему пользоваться въ церкви ихъ преимуществами. Прекрасно! А Ѳеофилу что досталось? Онъ въ награжденіе правосудія, кромѣ богатыхъ съ каждой стороны даровъ, получилъ въ то время новой титулъ именоваться судіею вселенныя, чѣмъ и преемники его пользуются и до сего дне". Γοαρ. Ευχολ. Греч., стран. 260. Вотъ слѣдствія неосмотрительности государей, когда попустятъ чрезъ мѣру усилиться верховному духовенству! П. А.

81) Въ этомъ мѣстѣ духовнаго Регламента сказано: „обвѣстить или публиковать всѣмъ обще христіаномъ коего либо чина, что можно всякому, усмотрѣвъ нѣчто къ лучшему управленію церкви полезное, доносить на письмѣ Духовному Коллегіуму". Прим. Русск. Архива.

усердные совѣты благосклонно приняты были Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ и исполнены. «Я имѣю о семъ прежняго синодальнаго оберъ-прокурора письма; у нынѣшняго же оберъ-прокурора имѣется мой послужной списокъ съ нѣкоторымъ анекдотомъ, собственно до вашей высочайшей особы касающимся».

Достоинство этого «Анекдота» нашло въ свое время настоящую оцѣнку въ статьѣ г. Н. С—на [82]). «Никто, говоритъ онъ, не осмѣлится отнимать у Алексѣева право имѣть свой личный взглядъ на вещи, какого бы качества онъ ни былъ. Онъ могъ питать рѣшительную непріязнь къ Никону, Георгію, Арсенію и даже именно за то, что видѣлъ въ нихъ стремленіе расширить предѣлы своей духовной власти въ ущербъ власти государственной; онъ могъ считать ихъ не только справедливо, но и слишкомъ снисходительно наказанными; могъ вообще по своему понимать нужды православной церкви и имѣть свои планы относительно устройства церковнаго управленія; всѣ эти личныя мнѣнія могли быть его убѣжденіемъ, противъ котораго можно спорить, но за которое, однакожъ, никто не въ правѣ строго судить. Дѣло получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, когда это убѣжденіе излагается въ Анекдотѣ, назначенномъ для конфиденціальнаго прочтенія императору; мнѣнія Алексѣева перестаютъ быть тогда уже простымъ мнѣніемъ, они становятся поступкомъ, и личность его является не въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ. Когда же въ этомъ, конфиденціально сообщаемомъ императору, Анекдотѣ искусно дѣлаются, сверхъ того, еще намеки и на «нынѣшнихъ смиренныхъ владыкъ», а самъ авторъ рекомендуетъ себя лицомъ совершенно преданнымъ верховной власти, готовымъ къ исполненію ея правительственныхъ предначертаній: тогда Анекдотъ представляется уже прямо «пашквилемъ», и Алексѣевъ—лицомъ, способнымъ къ составленію подобнаго рода непохвальныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе думать объ ученомъ протоіереѣ, который, доставляя Голикову лишь тѣ анекдоты о Петрѣ Великомъ, которые «къ чести царской слѣдуютъ», сочиняетъ новый «Анекдотъ», уже не для Голикова, а для императора Павла Петровича, и въ этомъ Анекдотѣ, раздражаясь противъ непомѣрнаго властолюбія «верховнаго духовенства», самъ заискиваетъ передъ властію и раболѣпно восхваляетъ ея распоряженія; который предлагаетъ правительству собственное содѣйствіе противъ верховнаго духовенства «безъ огласки и не образомъ доноса», то есть именно посредствомъ тайнаго доноса; который при этомъ считаетъ не лишнимъ, на случай собственнаго повышенія, тонко намекнуть, что у синодальнаго оберъ-прокурора имѣется его послужный списокъ, а на случай неудачи проситъ государя, чтобъ онъ «не предалъ его въ руцѣ сильныхъ людей», то есть, безъ сомнѣнія, тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ онъ готовитъ доносы, «нынѣшнихъ смиренныхъ владыкъ, съ хорошей стороны вѣдомыхъ государю и для того пожалованныхъ Россійскими орденами и командорствами»?

82) Русск. Вѣстникъ, 1864 г. № 1, стр. 328.

Дѣйствительно, не надо имѣть много проницательности, чтобы понять, что разсказъ былъ сообщенъ Государю вовсе не съ тѣмъ, чтобы удовлетворить его любопытству, а для соразсужденія о настоящей и будущей участи православныя нашея церкве, проще сказать: завистливый Алексѣевъ, тревожимый милостями, оказываемыми Платону, питалъ тайную надежду заронить въ душу подозрительнаго Павла опасеніе найти въ «вѣрномъ другѣ»—Никона, Арсенія Мацѣевича и прочихъ «противниковъ верховной власти».

Чего же хотѣлъ этотъ честолюбивый старецъ, котораго, кажется, и Платонъ оставилъ уже въ покоѣ; по крайней мѣрѣ, со стороны митрополита не видимъ ни теперь, ни послѣ никакихъ распоряженій по «дѣламъ» Алексѣева?

До насъ дошло разсужденіе Алексѣева по вопросу: Можно ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведену быть во епископа? Мы не знаемъ, когда оно было написано, но, можетъ быть, не ошибемся, если появленіе его отнесемъ къ послѣднему времени, т. е. ко времени царствованія Павла, когда ломка стараго и разныя новизны, въ родѣ напр. раздачи орденовъ духовенству, могли внушить Алексѣеву эту мысль и возможность ея осуществленія. На означенный вопросъ Алексѣевъ отвѣчаетъ утвердительно, говоря, что «ни Христосъ, ни апостолы, ни правила соборныя сего производства не возбранили». Онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ нѣсколько примѣровъ изъ церковной исторіи и въ заключеніе говоритъ: «На первый случай вдовымъ священникамъ благоговѣйнымъ и имѣющимъ тѣ качества, которыхъ св. апостолъ Павелъ требуетъ отъ епископа, можно производимымъ быть въ чинъ святительскій, миновавъ монашество, по примѣру первенствующія церкве Христовы». «На первый случай» сказано для того, поясняетъ Алексѣевъ, «дабы не показалося простому народу дико увидѣть вдругъ архіерея, живущаго съ женою по закону, хотя въ томъ нѣтъ грѣха; ибо они больше взираютъ на наружность и ослѣпляются мнимою святынею, нежели исполненіемъ существенныя должности, думая вообще о христіанахъ, что, въ мірѣ живучи, не можно никому спастися, которое однако мнѣніе опровергаютъ древніе учители церковные и святостію прославленные мужи. Оно произошло отъ пустосвята Евстаѳія и предано анаѳемѣ на соборѣ Гангрскомъ» [83]).

Попытка Алексѣева возвратить себѣ положеніе привиллегированнаго доносщика, какимъ онъ пользовался въ предшествовавшее царствованіе, не удалась, и послѣдніе годы своей жизни Алексѣевъ на выбранномъ поприщѣ оставался, кажется, безъ всякой практики. Онъ умеръ 22 Іюля 1801 года, 74 лѣтъ отъ роду, оставаясь протоіереемъ Архангельскаго собора, членомъ Академіи Наукъ и катехизаторомъ Московскаго Университета. Могила его въ Донскомъ монастырѣ.

А. Корсаковъ.

---

[83]) Чтен. Общ. и Древн. при М. Унив. 1867 г. Кн. III.

Разсказы объ Ярославской старинѣ.

МАЙОРША И КАПИТАНША.

Изъ быта Угличскихъ дворянъ XVIII столѣтія.

I.

Бытъ Русскаго общества въ минувшемъ столѣтіи раскрывается все болѣе и болѣе. Не говоря уже о «запискахъ» наиболѣе выдающихся историческихъ дѣятелей, которыя посвящены исторіи, такъ сказать, бытовой, а не исключительно политической, слѣдуетъ изучать и литературныя произведенія, ярко и правдиво рисующія намъ означенный бытъ. Но такія произведенія, какъ «Семейная Хроника» Аксакова, рѣдки; притомъ они исчерпываются талантомъ авторовъ; архивные-же источники, говоримъ безъ преувеличенія, неисчерпаемы. Была бы лишь добрая воля у провинціальныхъ тружениковъ, да любезное вниманіе къ трудамъ ихъ со стороны «властей», отъ коихъ зависитъ доступъ въ наши губернскіе архивы, и сіе послѣдніе, мы увѣрены, сослужатъ хорошую службу Русской исторіи....

Это между прочимъ....

Пишущій сіи строки съ особеннымъ удовольствіемъ заявляетъ на страницахъ «Русскаго Архива», что судьба и люди (вообще безжалостные къ старининымъ рукописямъ) пощадили архивъ Угличской Провинціальной Канцеляріи. Занимаясь въ настоящее время изученіемъ этого архива, мы пришли къ убѣжденію, что онъ сохранился безъ особеннаго ущерба *) въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и тысячъ дѣлъ: трудно теперь опредѣлить безъ ошибки число всѣхъ рукописей.

Изъ тѣхъ документовъ, которые намъ пришлось разсмотрѣть, а также на основаніи архивныхъ описей (составленныхъ еще въ минувшемъ столѣтіи весьма безтолково и крайне-безграмотно), оказывается, что большинство дѣлъ Угличскаго архива относится къ царствованіямъ Анны Ивановны, Ивана Антоновича Брауншвейгскаго, Елисаветы Петровны и Петра III-го. Затѣмъ есть

---

*) Впрочемъ, нѣкоторыя дѣла изъѣдены молью и мышами. Не для нихъ ли гг. архивные церберы берегутъ свои сокровища, вовсе не допуская къ нимъ, или допуская съ величайшими затрудненіями, изслѣдователей старины?—Вопросъ любопытный, но, къ счастію, почти не касающійся Ярославскихъ архивовъ.

документы и болѣе отдаленнаго времени. Немало также дѣлъ позднѣйшихъ, т. е. Екатерининскаго царствованія, разумѣется, не позже 1778-го года, когда провинціальныя и воеводскія канцеляріи, прожившія свой вѣкъ не безгрѣшно, должны были уступить мѣсто новымъ учрежденіямъ—губернскимъ или намѣстническимъ.

Надѣемся, что наше открытіе, нашъ архивный кладъ не пропадетъ безслѣдно для Русской исторіи, въ обработанномъ или въ сыромъ видѣ. Это будетъ зависѣть отъ многихъ условій, которыхъ теперь касаться не станемъ. Полагаемъ, однако, что даже и не въ цѣломъ своемъ составѣ, а въ частностяхъ, въ отрывкахъ, Угличскій архивъ пригодится любителямъ отечественной старины. Но пусть они не сѣтуютъ на «Ярославскаго старожила» за отрывочность его разсказовъ: онъ пользуется имѣющимся у него матеріаломъ безъ строгой хронологической системы, заимствуя изъ него наиболѣе яркія бытовыя черты въ жизни нашихъ прадѣдовъ....

На сей разъ предлагается небольшой разсказъ объ Угличскихъ помѣщицахъ, майоршѣ и капитаншѣ, жившихъ при благодушной, но необразованной Елисаветѣ Петровнѣ. Если сама государыня отчасти по своей лѣности, отчасти по безграмотности, считала величайшимъ трудомъ взяться за перо, чтобы подписать: «Елисафетъ», то ея подданныя, Русскія барыни-помѣщицы, тѣмъ паче могутъ быть оправданы въ безграмотности. Героини нашего разсказа, двѣ помѣщицы и невѣста-дочь одной изъ нихъ, не составляли собою исключенія изъ общаго правила. Исключеніе (впрочемъ, относящееся къ нѣсколько позднѣйшему времени) составляла на Руси одна «Казанская помѣщица». Но эта помѣщица была... Екатерина Вторая.

Безграмотность, необразованность приносили свои страшные, ядовитые плоды. Мы видимъ ихъ и въ Угличской провинціи. Архивныя рукописи неложно свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что весь умственный кругозоръ Угличскихъ «госпожъ Скотининыхъ» не простирался далѣе скотнаго двора, яроваго поля, да мелкихъ дрязгъ, изъ за коихъ онѣ, наши добрыя прабабушки Скотинины, учиняли взаимно кровавыя побоища. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ дѣло (1742 года, по архивной описи № 98-й), озаглавленное слѣдующимъ образомъ:

«Дѣло рѣшенное, по челобитью вдовы маэорши «Агафьи «Черкашениновой со вдовой-жъ капитаншею Аграфеной «Нетерпигоревой, въ бою и увѣчьѣ ея, також де и въ бою «Индѣйскихъ курицъ».

Перенесемся, читатель, далеко-далеко, почти за полтора столѣтія; перенесемся въ одну изъ усадьбъ Угличской провинціи, въ сельцо Игумново, гдѣ происходитъ нашъ разсказъ.

II.

29 Іюля 1742 года одна изъ помѣщицъ сельца Игумнова, принадлежавшаго двумъ госпожамъ, проснулась очень рано. Вообще она привыкла вставать рано, для каждовневнаго обозрѣнія своего хозяйства, не очень богатаго, но

и безбѣднаго. На сей же разъ пробужденіе ея послѣдовало однако прежде обыденнаго срока по экстренной причинѣ.

Почтенную вдову «маэоршу» Агафью Сампсоновну Черкашенинову разбудила дочь ея Ирина Михайловна, сообщившая своей родительницѣ печальное, можно сказать трагическое, событіе.

Совершено было «немалое злодѣяніе». Убиты были Индѣйскія курицы, кои доставляли какъ самой Агафьѣ Сампсоновнѣ, такъ и ея дочери (взрослой дѣвственницѣ) неизъяснимое удовольствіе, служа имъ въ тоже время предметомъ законной гордости; ибо во всемъ обширномъ Угличскомъ уѣздѣ, по сказанію правдивыхъ лѣтописцевъ, не обрѣталось подобныхъ индѣекъ. Сочныя, жирныя, къ тому же ручныя, а слѣдовательно и чрезмѣрно довѣрчивыя (на свою пагубу), онѣ утѣшали своихъ хозяекъ, вселяя въ сосѣднихъ помѣщицахъ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ—зависть. Особливо завидовала вдова-капитанша Аграфена Сергѣевна Нетерпигорева, дама (какъ сейчасъ увидимъ) весьма храбрая и на языкъ невоздержная...

— Сколько убито? кѣмъ? гдѣ? вопросила майорша Черкашенинова, торопливо надѣвая на себя чепецъ, коему предстояло вскорѣ играть печальную роль.

— Убито трое, матушка! отвѣтствовала Ирина Михайловна:—лежатъ онѣ, сердечныя, на лугу, близъ ржанаго поля Нетерпигорихи; а кѣмъ онѣ убиты, того доподлинно не вѣдаю. Имѣю токмо подозрѣніе на Нетерпигориху, да на дворовую женку ея, на Дуньку Ларіонову.

— Почему же такъ? освѣдомилась госпожа майорша, закипѣвъ гнѣвомъ.

— А потому, сударыня матушка, что когда, вставши чуть свѣтъ, я пошла по-грибы, выпустивши раньше индюшекъ погулять, и когда проходила лугомъ, то увидала нашихъ индюшекъ съ шеями свернутыми на сторону. Заплакала я горючими слезами. А ходившія тутъ же, на полѣ, Нетерпигориха и Дунька надъ тѣмъ моимъ горемъ хохотали и бранились непристойно, не подворянски, а какъ сущія холопки.

— Да, безъ сумнѣнія, это онѣ—убійцы! Это ихнее дѣло! согласилась майорша:—послѣ кончины покойника твоего родителя Михайла Поликарповича (царство ему небесное!), у насъ въ Игумновѣ немалые раздоры, козни и судьбища пошли, къ великому моему раззоренію. Сама вѣдаешь, что приказная челядь даромъ просьбъ не пишетъ, жадна на подачки, а вѣдь я безграмотна, прошеній на Нетерпигориху писать не могу.

— Особливо хорошо пишетъ Кашинскій подканцеляристъ Романъ Носовъ, маменька! замѣтила дѣвица Ирина, состоявшая въ знакомствѣ съ Носовымъ.

— Та̀къ хорошо, что̀ и сказать нельзя. Откуда у него, окаяннаго, слова берутся! Такъ и наровитъ упечь кого либо въ Рогервикъ или въ Сибирь. Вотъ ужъ теперь Нетерпигориха отъ него не отвертится, хоть и у нея есть сподручные приказные; только далеко имъ до Романа Носова, какъ кулику до Петрова дня. Не пожалѣю пяти рублёвъ, сама съѣзжу въ городъ Кашинъ, буду

просить его слезно и жалобно, чтобы онъ доказалъ дружбу Нетерпигорихѣ и злодѣйкѣ Дунькѣ Ларіоновой.

— Неужто онъ можетъ сослать ихъ въ Сибирь, матушка, изъ за индюшекъ? сомнѣвалась барышня.

— А то развѣ нѣтъ? храбрилась майорша:—Аграфена Нетерпигориха извѣстная пьяница и похабница; къ тому-же она и чиномъ меня моложе; мужъ ея Борисъ Нетерпигоревъ еле-еле, съ грѣхомъ пополамъ, до капитановъ дотянулъ, а твой родитель уже при покойной государынѣ Аннѣ Ивановнѣ въ авантажномъ чинѣ «майора» состоялъ. Осиротѣли мы безъ него, дочка.

Прослезилась майорша.—Впрочемъ, документы, на основаніи коихъ мы передаемъ эту бесѣду между матерью и дочерью, къ сожалѣнію, слишкомъ сухи и сжаты; они не раскрываютъ предъ нами вполнѣ тайниковъ души человѣческой, а посему мы доподлинно не вѣдаемъ, о комъ или о чемъ именно больше сожалѣла и плакала оскорбленная майорша, т. е. о своемъ-ли покойномъ супругѣ, о деньгахъ-ли, которыя неминуемо слѣдовало уплатить вышеозначенному подканцеляристу Роману Носову, или-же, наконецъ, о погибшихъ насильственной смертью индюшкахъ?

Мы боимся оскорбить тѣнь госпожи майорши, утверждая, что послѣдняя причина была важнѣе двухъ первыхъ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе и то, что мужъ составлялъ давнопрошедшее, отдача взятки—будущее, а индюшки—роковое настоящее. Онѣ изображали собою фактъ, только-что совершившійся и требовавшій возмездія...

Одѣвшись, Агафья Самсоновна пошла въ поле, чтобы изслѣдовать кровавое злодѣяніе.

III.

Увы! Все оказалось правдою. На лугу, около поля Нетерпигорихи, лежали трупы молодыхъ индѣекъ, уже хладные, ибо съ момента совершенія убійства прошло болѣе часу.

Близъ труповъ стояла капитанша Нетерпигориха. Подпершись руками въ боки, она съ немалымъ ехидствомъ и похвальбою взирала то на мертвецовъ, то на майоршу.

Послѣдняя, указуя перстомъ на бездыханныхъ индюшекъ, вопросила:

— Чье это дѣло? Не запирайся, твое?

— Мое, отвѣчала капитанша:—я и не думаю запираться, потому-что твои индюшки вѣдомыя всему Угличскому уѣзду озорницы; онѣ были сами виноваты, убытки и протори учиняли мнѣ ежедневно.

— Злодѣйка ты, а не капитанша! зарыдала майорша,—какіе же, отвѣчай по совѣсти, убытки и протори онѣ могли учинять?

— Ты сама злодѣйка и сущая воровка, а не я, возразила капитанша:—и вся твоя животина въ тебя уродилась: и лошади, и коровы, и гуси твои, и индюшки кормятся на моемъ полѣ завсегда, безданно, безпошлинно, сирѣчь

воровскимъ манеромъ. Вотъ и нынче индюковъ твоихъ я поймала въ моемъ ржаномъ полѣ; поймавши, головы имъ свернула собственноручно.

Видя столь твердый отпоръ и убоясь, чтобы капитанша не свернула голову и у нея, у майорши, сія послѣдняя не дерзнула вступить съ нею въ рукопашный бой, но, скрѣпя сердце, вопросила тихо и со смиреніемъ:

— Скажи, Аграфена Сергѣевна, гдѣ же остальныя мои индюшки?

— А я разогнала ихъ, невѣдомо куда. Поди, ищи! потѣшалась капитанша, при чемъ «многажды» упомянула о нечистомъ духѣ, пославъ къ нему исчезнувшихъ Индѣйскихъ куръ и пѣтуховъ, а также и владѣтельницу оныхъ, майоршу.

Богохульныя, сквернословныя и страшныя слова капитанши окончательно смутили майоршу; особливо напугалъ ее упомянутый «многажды» нечистый духъ, коего она, «маэорша», яко вѣрная христіанка, немало опасалась. Посему, взявъ одинъ изъ «Индѣйскихъ труповъ», пошла она домой, не причинивъ на сей разъ ни малѣйшей обиды госпожѣ капитаншѣ и ограничившись тѣмъ, что въ сокрушеніи сердечномъ плюнула на землю.

Капитанша, замѣтивъ сіе, погрозила кулакомъ, но не ударила онымъ майоршу, токмо о нечистомъ духѣ вновь упомянула съ прибавленіемъ ругательствъ, кои лишь въ кабакахъ подлыми людьми употребляются, да и то не всегда...

Зачѣмъ же, для какой же цѣли унесенъ былъ майоршею одинъ изъ «Индѣйскихъ труповъ?»—Читатель, можетъ быть, скажетъ: «для того, чтобы предать оный честному погребенію». Недогадливый читатель, мнящій сіе, ошибется.

Нѣтъ. Если хоронить, то надлежало хоронить всѣ трупы, а не одинъ. Къ чему было дѣлать предпочтеніе одному трупу предъ прочими?—Нѣтъ, у госпожи майорши внезапно созрѣлъ въ головѣ иной планъ, приведеніе коего въ исполненіе и послужило прологомъ къ описываемой нами драмѣ.

Возвратясь въ сельцо Игумново (куда слѣдомъ за ней пришла и капитанша), госпожа Черкашенинова обратилась къ госпожѣ Нетерпигоревой съ такою рѣчью:

— Ты убила мою индюшку, такъ вотъ же тебѣ она, возьми ее, съѣшь и подавись!

Капитанша не прикоснулась къ индюшкѣ и, съ видомъ презрѣнія, удалилась въ домъ свой, откуда выглянула въ окно, подъ коимъ стояла майорша, держа милый и чувствительный для ея сердца трупъ.

— Что тебѣ еще нужно, такая-сякая? выбранилась капитанша.

— Хочу, чтобъ ты мою индюшку, тобой убитую, взяла, съѣла и онною подавилась, отвѣчала майорша.

За симъ индюшкинъ трупъ, брошенный майоршею, полетѣлъ на дворъ капитанши, дабы оскорбить ея честь. Сама же майорша, учинивъ сіе дѣйствіе, немедленно возвратилась въ домъ свой, гдѣ и разсказала дочери о всѣхъ великихъ, только что случившихся событіяхъ. Мать и дочь рѣшились мстить убійцѣ.

Дочь замѣтила, что индюшки твари безвредныя для хлѣбныхъ полей; иное дѣло лошади; а можно-де имѣть опасеніе, дабы Нетерпигориха, по своему озорству, «шумству» (пьянству) и жестокосердію, не учинила лиха, еще болѣе зловреднаго.

— Боюсь я, говорила майоршина дочь, что, взамѣнъ индѣекъ, она потравитъ наше поле лошадьми, пуститъ цѣлый табунъ. Надо, матушка, поглядывать.

— Само собой, согласилась майорша:—задушила она, будучи въ «шумствѣ», моихъ Индѣйскихъ куръ, а я застрѣлю лошадей ея изъ ружья, чтò послѣ покойника осталось.

— Это не гоже, матушка, и опасно, испугалась дочь; — въ Угличѣ тебя засудятъ. Воевода-то Ѳедоръ Спичинскій не любитъ шутить; да и воеводскій товарищъ Василій Григоровскій человѣкъ строгій.

Совѣтъ былъ принятъ.—Въ полдень майорша пошла въ свое яровое поле съ голыми руками, безъ рŷжья, — пришла туда и ахнула: «Батюшки-свѣты, лошадь Нетерпигорихи тутъ какъ тутъ!»

Возвратилась майорша въ сельцо Игумново и, не заходя домой, бросилась къ капитаншѣ, говоря ей:

— Лошадь твоя въ моемъ хлѣбѣ ходитъ. Выгони ее оттуда, и впредь не пускай, и хлѣбовъ не трави!

Капитанша въ отвѣтъ ничего не сказала, токмо изъ дому своего на минуту вышла и возвратилась съ тою самой Индѣйскою курицей, которая недавно пала отъ ея кровожадной руки,—и сія птица послужила въ рукахъ капитанши орудіемъ: оною Индѣйскою курицей ударила она, капитанша, госпожу майоршу по головѣ, и тѣмъ ударомъ ее опростоволосила: сшибла чепецъ. Не удовольствуясь симъ, капитанша вцѣпилась во власы своей противницы и ругала ее неблагопристойно.—Двѣ военныя дамы начали битву:

Онѣ въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой,
Сія и эта на бокъ гнутся,
Скрутились—и...

И «сломила» капитанша, ибо крѣпостная женка Авдотья Ларіонова подала своевременно сикурсъ. Она, явясь на поле сраженія съ навозными вилами, ударила оными госпожу майоршу; а капитанша причиняла ей же, т. е. майоршѣ, удары на сей разъ палкою, а не индюшкою.

Впрочемъ, сикурсъ былъ поданъ и майоршѣ, къ несчастію, слишкомъ слабый и запоздалый. Прибѣжала дѣвица Ирина, но прибѣжала безъ вилъ навозныхъ и безъ палки, лишь съ мольбой на устахъ о пощадѣ:

— «Не убейте матушку до смерти!» умоляла она ярыхъ супротивницъ.

Тщетная мольба! Разъяренная женка Авдотья ударила и ее, дѣвицу Ирину, тѣми же навозными вилами по рукѣ и толкнула въ грудь; при чемъ оная женка и ея госпожа ругались зазорно, понося честь не токмо вдовью, но и дѣвичью... Словомъ, викторія была полная и достославная.

IV.

Униженныя нравственно и (что еще хуже) пострадавшія физически, возвратились обѣ Черкашениновы, мать и дочь, въ свой домъ. За симъ составился военный совѣтъ, на коемъ было рѣшено прибѣгнуть, яко къ единственной защитѣ, къ краснорѣчивому перу подканцеляриста Романа Носова, который и написалъ слѣдующее челобитье на гербовомъ листѣ (цѣною въ 1 копѣйку мѣдью).

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, саможержица Всеросійская, государыня всемилостивѣйшая!

«Бьетъ челомъ Угличскаго уѣзда, Елоцкаго стану, бывшаго маэора, Михайловская жена, Поликарповича Черкашенинова вдова, Агафья Самсонова дочь—на капитаншу вдову Аграфену, Сергѣеву дочь Борисовскую жену, Нетерпигореву, да на дворовую женку Авдотью, Ларіонову дочь. А въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

«1) Прошедшаго Іюля 29 числа сего 742 года, поутру рано, я, именованная, пошла изъ дому своего во оржаное поле, для осмотрѣнія побитыхъ сельца Игумнова оною вдовою Аграфеною въ томъ ржаномъ полѣ, на лугу, Индѣйскихъ куръ моихъ, изъ которыхъ и убила она, въ то число, молодыхъ до смерти троихъ, а другихъ разогнала, незнамо куда. И изъ тѣхъ индѣекъ принесла я изъ того поля мертвую индѣйку и, объявя ее капитаншѣ, бросила у двора ея и пошла въ домъ свой.

«2) И того числа, въ половину дни, увидѣвъ я въ яровомъ полѣ въ хлѣбѣ своемъ показанной капитанши лошадь и пришедъ изъ того поля, ей капитаншѣ, какъ она имѣлась въ домѣ своемъ, говорила: «Что-бъ изъ того хлѣба ты оную лошадь выгнала вонъ, и впредь не пускала, и того хлѣба не травила»! И въ то число она, капитанша, вышедъ изъ дому своего на улицу, и схватя оную мертвую индѣйку, которая ею, капитаншею, убита, ударила меня тою индѣйкою въ голову и сшибла съ головы чепецъ, драла меня за волосы и бранила м...рны. Да, выбѣжавъ изъ того ея дому вышепоказанная женка Авдотья, съ навозными вилами, меня тѣми вилами, а оная капитанша палкою били и увѣчили жестокими побоями, который бой значится и понынѣ.

«3) И оные несносные мнѣ побои увидѣвъ, дочь моя родная, дѣвица Ирина, и пришедъ, имъ—капитаншѣ и женкѣ ея—говорила, чтобъ они меня не убили до смерти. И въ то число оная женка Авдотья и ее, дочь мою, показанными навозными вилами ударила по рукѣ и въ грудь толкнула тѣми же вилами, который бой на дочери моей явствуетъ-же и понынѣ. Такожъ она, капитанша, и женка Авдотья бранили меня м...рно. И дочь мою женка Авдотья бранила м...рно. И тѣми онѣ, капитанша Нетерпигорева и женка ея, побоями меня и дочь мою изувѣчили, а бранью обезчестили напрасно.

«И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Угличской Провинціальной Канцеляріи принять, а бой на мнѣ и на показанной дочери моей осмотрѣть и описать; а ее, капитаншу Нетерпигореву, которая нынѣ имѣется въ Угличѣ, во оную Провинціальную Канцелярію сыскавъ, допросить. А по женку ея Авдотью, Ларіонову дочь, послать, по инструкціи, кого подлежитъ, и, сыскавъ, допросить же. И, по допросѣ, со оною капитаншею и съ женкою, за бой и увѣчье, и за безчестіе мое и дочери моей учинить съ ними, какъ вашего императорскаго величества права и указы повелѣваютъ; а ежели онѣ въ чемъ будутъ запираться, и въ томъ ихъ при допросѣ изоблачу явнымъ свидѣтельствомъ.

«Всемилостивѣйшая государыня! Прошу вашего императорскаго величества о моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ въ Угличскую Провинціальную Канцелярію...» и т. д. (Писалъ подканцеляристъ Романъ Носовъ.—Сборъ канцелярскихъ пошлинъ взялъ канцеляристъ Яковъ Ивановъ сынъ Поповъ).

Воевода Ѳедоръ Спичинскій и товарищъ его Василій Григорьевскій описалъ побои, нанесенные госпожамъ Черкашенниновымъ: оказалось «пятнадцать битыхъ мѣстъ». Велѣно было сыскать и представить въ Угличскую Провинціальную Канцелярію капитаншу Нетерпигореву и крестьянскую женку ея Авдотью Ларіонову.

Вѣроятно, Угличскіе приказные ликовали въ чаяніи того, что дѣло возникшее изъ за убитыхъ индюшекъ, приметъ значительные размѣры и слѣдовательно принесетъ «ребятишкамъ на молочишко»: фраза исторически вѣрная и созданная канцелярскимъ юморомъ, который, разумѣется, не могъ не потѣшаться надъ кліентами, подобными нашимъ «маэоршѣ» и капитаншѣ.

Но радужныя мечты Угличскаго приказнаго люда были вскорѣ разрушены. Владѣтельницы сельца Игумнова, «поговоря межъ себя полюбовно», заключили миръ и обратились въ туже Угличскую Провинціальную Канцелярію, 19 Августа 1742 года, съ нижеслѣдующимъ челобитьемъ на Высочайшее имя, т. е. на имя императрицы Елисаветы Петровны

«Всепресвѣтлѣйшая! (и т. д) Бьютъ челомъ: истица (такая-то) и отвѣтчица (такая-то), а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты: I. «Сего Августа 11-го дня нынѣшняго 742 года била челомъ я, истица, маэорша Черкашеннинова, вашему императорскому величеству, а въ Угличской Провинціальной Канцеляріи подала прошеніе на показанную вдову капитаншу въ убоѣ до смерти трехъ курятъ Индѣйскихъ и въ бою, и въ увѣчьѣ, и въ брани, и въ безчестіи, и въ прочемъ, о чемъ значится въ томъ моемъ прошеніи имянно.

II. «А нынѣ я, истица, вдова маэорша, не ходя съ ней въ судъ, поговоря межъ себя полюбовно, помирились, и впредь по тому дѣлу другъ на друга не бить челомъ и не искаться. Подлежащія по тому дѣлу пошлины платить ей, отвѣтчицѣ.

«И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было наше сіе мировое прошеніе въ Угличской Провинціальной Канцеляріи принять. Всемилостивѣйшая государыня! Просимъ вашего императорскаго величества о семъ нашемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію подлежитъ...» и проч. (подписались: по безграмотству майорши Черкашениновой—канцеляристъ Михайло Ивановъ сынъ Бусловъ, а по безграмотству капитанши Нетерпигоревой—отставной поручикъ Матвѣй Емельяновъ).

Воевода положилъ слѣдующую резолюцію:

«Сообщить къ дѣлу, а пошлины, по указамъ, принявъ, записать въ приходъ».—Пошлинъ взято съ отвѣтчицы, капитанши Нетерпигоревой, двадцать съ четвертью ($20^1/_4$) копѣекъ.

Итакъ, миръ и тишина воцарились въ сельцѣ Игумновѣ. Капитанша и выше ея стоявшая чиномъ «маэорша» прекратили споры, раздоры, «шумства» и непотребную брань. На долго-ли?—Не вѣдаемъ, ибо архивные документы молчатъ; мы же, въ качествѣ лѣтописца смиреннаго и немудрствующаго лукаво, не дерзаемъ вдаваться въ предположеніе, что въ означенномъ сельцѣ вновь возникла война, не менѣе законная и уважительная, чѣмъ та Семилѣтняя война, въ коей участвовали бѣдные Русскіе солдаты, подданные той-же государыни, при которой возникла описанная здѣсь война за «трехъ курятъ Индѣйскихъ» .. Миръ ихъ праху!

Л Трефолевъ.

Рескриптъ Д. С. Ланскому.

ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ МОСКОВСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ЛАНСКОМУ.

Изъ донесенія главнокомандующаго въ Москвѣ генералъ-фельдмаршала графа Гудовича съ огорченіемъ я видѣлъ, что, перемѣнивъ образъ поведенія вашего, навлекли вы себѣ неудовольствіе и отъ дворянскаго и отъ купеческаго сословія и, наконецъ, переставъ являться къ начальнику вашему, тѣмъ самымъ отступили отъ правилъ подчиненности, коей во всѣхъ случаяхъ и даже въ томъ предположеніи, когда бы намѣрены вы были оставить службу, преступать не надлежало.

Чѣмъ болѣе извѣстно мнѣ усердіе и способности ваши, тѣмъ съ бо́льшимъ удивленіемъ пріемлю я сей образъ поведенія вашего. Не желая однакоже пресѣчь вамъ пути службы и надѣясь, что въ другомъ мѣстѣ будете вы для нея полезнѣе, нежели въ Москвѣ, я призналъ нужнымъ перевесть васъ въ томъ же званіи въ Кіевъ.

Отверзая вамъ симъ перемѣщеніемъ способъ отклонить отъ себя происшедшія на васъ неудовольствія, уповаю я, что ревностію и дѣятельнымъ усердіемъ вашимъ оградите вы себя на будущее время отъ подобныхъ сему непріятностей.

Александръ.

Въ Санктъ-Петербургѣ, Мая 15 дня 1810 года.

Вѣрно. Димитрій Ланской.

(Сообщено княземъ А. А. Трубецкимъ).

Письмо Д. С. Ланскаго къ князю И. Н. Трубецкому.

Милостивый государь мой, князь Иванъ Николаевичъ!

Я имѣлъ несчастіе получить Его Императорскаго Величества гнѣвный рескриптъ, въ копіи у сего препровождаемый, изъ коего ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что я навлекъ на себя неудовольствіе отъ дворянскаго сословія. Чувствительно обязать изволите увѣдомленіемъ меня о всѣхъ неудовольствіяхъ, мною дворянству Дмитровской округи причиненныхъ. Мнѣ пріятно будетъ видѣть замѣчанія ваши; они послужатъ руководствомъ въ будущемъ поведеніи моемъ съ дворянствомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Димитрій Ланской.

Мая 25 дня 1810 года.

(Сообщено внукомъ князя И. Н. Трубецкаго, княземъ А. А. Трубецкимъ).

Возраженіе князя Володимера Михайловича Волконскаго

на книгу объ условіяхъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, сочиненіе графа Стройновскаго 1811 года.

Читая книгу графа Стройновскаго о условіяхъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, я представилъ себѣ, что само правительство и мы, помѣщики, убѣдясь выгодами его разсчетовъ и предположеніевъ относительно государственныхъ и собственно нашихъ пользъ, готовы согласиться на освобожденіе крестьянъ.

Но при самомъ семъ согласіи вдругъ спрашиваемъ сами себя и его: кто намъ ручается, что онъ изъ множества своихъ разсчетовъ, предположеніевъ и заключеніевъ ни въ одномъ нисколько не ошибся? Что все то онъ расположилъ, счислилъ, сравнилъ съ подобными обстоятельствами Россіи; взятое имъ изъ другихъ земель и изъ прошедшихъ временъ, точно справедливо и вѣрно соображено и сличено? И что, когда приступятъ къ началу сего преобразованія, оно точь въ точь пойдетъ по его начертанію, нимало и ни въ чемъ не отклоняясь отъ онаго? Нельзя намъ этого не спросить самимъ у себя, ибо дѣло идетъ не объ однихъ выгодахъ или пользахъ нашихъ, а о цѣлости нашей и всего потомства нашего, о цѣлости государства, о бытіи или небытіи Россіи. Кто осмѣлится сказать, что онъ не только разумомъ или умомъ, но однимъ воображеніемъ обозрѣлъ или хотя гадательно предусмотрѣлъ всѣ могущія произойти изъ сего слѣдствія? Кто столько будетъ дерзокъ или до такой степени безразсуденъ, что скажетъ: я все сообразилъ, я все предвидѣлъ, я отвѣчаю за успѣхъ! Но еслибъ ослѣпленіе наше и таково было, чтобы мы ему и въ томъ повѣрили, то еще осталось бы спросить его: если ваше сіятельство изъ первыхъ содѣлаетесь жертвою предлагаемой вами новизны, то кто же будетъ другой мудрецъ, который приметъ на себя довести это дѣло къ концу? Или оставаться спокойными, что въ нихъ недостатку не будетъ!

Знаю возраженія на сіе. Но довольно, скажутъ мнѣ со смѣхомъ, здраваго смыслу и разума, чтобъ понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ. Но развѣ не видали мы царствія разума во Франціи? Развѣ не подъ его

владычествомъ ниспроверженъ престолъ и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ? Развѣ не во имя разума милліоны Французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности къ родителямъ, а симъ расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей? Они вошли въ изступленіе и пришли въ состояніе злообразныхъ животныхъ и звѣрей, скитающихся по развалинамъ курящимся собственной ихъ кровію! Все сіе было, происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ?

Всякое предпріятіе требуетъ, чтобъ предпріемлющіе сообразили или сличили, что̀ при начатіи онаго имѣютъ они потерять и что̀ пріобрѣсть. Кажется, правило сіе неотвергаемо. Вотъ что̀ мы въ самыхъ краткихъ словахъ и разсмортимъ.

Обширное и могучее наше отечество, по обѣщаніямъ графа Стройновскаго, содѣлается многолюднѣе, народъ сдѣлается дѣятельнѣе, промышленность умножится, земледѣліе цвѣтущѣе, торговля обширнѣе, слѣдственно оно сильнѣе, непріятелямъ страшнѣе, а внутри благополучнѣе. Вотъ что̀ мы выиграемъ по его обѣщаніямъ. И какъ намъ сему не вѣрить? Онъ и подобныя ему умствователи намъ въ томъ ручаются и клянутся разумомъ. А что̀ проиграемъ?—Все!!

Впасть въ подобное состояніе, въ какомъ была въ глазахъ нашихъ Франція и теперь еще находится, то-есть подъ желѣзною державою чужеземца, ліющаго кровь ея ручьями для насыщенія ненасытнаго своего властолюбія, или въ подобное состояніе, въ какомъ была уже Россія по нашествіи Батыя: раздѣлена, раздроблена, угнетена и у всѣхъ ярмо на шеѣ. Слича сіе, кто можетъ убѣдиться или прельститься умствованіями его?

Не могъ онъ ни скрыть, ни утаить, чтобъ всѣ сіи бѣдствія не угрожали любезному нашему отечеству при предлагаемомъ имъ преобразованіи, и для того сей нашъ доброжелатель коснулся лишь слегка сихъ бѣдствій, и вотъ чѣмъ отъ нихъ насъ ограждаетъ: § 28 «По непросвѣщенію народа и всѣхъ почти крестьянъ мнѣніе таково, что свобода ихъ состоитъ въ томъ, дабы ничего не платить за землю и не давать работника, или, какъ они сами говорятъ, не дѣлать барщины. И такъ, нужно имъ растолковать чрезъ приходскихъ священниковъ, что личная свобода и собственность не на томъ основаны, чтобъ пользоваться чужою вещію безъ всякаго награжденія хозяину ея или платежа; но надлежитъ ясно опредѣлить правила сего платежа, просто и сходственно съ природою и обязанностями общества человѣческаго».

Слѣдственно вся обязанность Россіи обезпечивается тѣмъ, что священникамъ нужно лишь растолковать народу, въ чемъ состоитъ личная свобода и что не должно пользоваться чужою вещію даромъ (то есть) не тронь чужаго. Какъ смѣть было это сказать? Гдѣ

стыдъ? Гдѣ совѣсть? Не на смѣхъ ли это сказано? Но не на сихъ ли трехъ словахъ: не тронь чужаго вся нравственность основана, не въ этомъ-ли одномъ она и заключается? Съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ, о чемъ иномъ нравоучители, философы, законоучители, проповѣдники, правители толкуютъ и трудятся, если не о томъ, чтобъ такъ устроить общество, чтобъ въ немъ никто сколько можно не протягивалъ руки на то, что̀ ему не принадлежитъ? Стало это не такъ легко растолковать крестьянамъ, какъ насъ ублажаетъ гр. Стройновскій, самъ тому не вѣря. Какъ же случилось, что во Франціи не крестьянамъ, кои опытъ лютаго своего звѣрства явили всей Европѣ, и не дворянству, которое, по словамъ умствователей, отъ роскоши и развращенія оглупѣло, а самой просвѣщенной и сей части народа, середнему ихъ состоянію (tiers état) не могли растолковать, въ чемъ состоитъ личная и гражданская свобода? И они, искупавшись въ крови милліоновъ своихъ соотчичей, все не вняли толкованію ихъ толкователей, докуда собственными ихъ учениками не завоевалъ ихъ тотъ, который подъ кровомъ и благотворительнымъ призоромъ испроверженнаго ими правительства воскормленъ былъ на угнетеніе ихъ. Онъ, схватя ихъ желѣзными когтями, управляетъ ими по волѣ своей, а не чрезъ священниковъ толкуетъ имъ личную свободу, проповѣдуемую такъ сладко графомъ Стройновскимъ.

Нѣтъ, ваше сіятельство! Надобно что-нибудь получше обдуманное и прозябшее въ головѣ зрѣлой, чтобъ склонить на свое мнѣніе правительство, которое чрезъ долговременную опытность извѣдало, въ чемъ сила и могущество его состоятъ, которое знаетъ привязанность къ нему своего народа и усердіе прочихъ сословій; знаетъ и наблюдаетъ пользы ихъ и если когда ослабляетъ бразды самодержавія, то по мудрому своему разсмотрѣнію, а не по правиламъ умствователей 18-го вѣка! Можетъ быть, что мнѣнія ваши и могли быть полезны для Польши, бывшаго вашего отечества, которое уже не существуетъ и которое пылкими головами изобиловало. Не онѣ ли и заронили въ немъ искры пожара, который ея не исправилъ?

Что мнѣнія приводятъ людей въ изступленіе, это — не новое; мы недавно видѣли въ Россіи: нѣкоторые сожигали себя въ кострахъ, другіе и теперь скопятъ себя; матери это дѣлаютъ надъ дѣтьми своими. Кто, казалось бы, можетъ хотѣть зла себѣ? Но изступленіе увѣряетъ ихъ, что это—не зло, а благо. Такое же изступленіе увѣряетъ и изъ насъ иныхъ, что согласоваться съ вами и вамъ способствовать — не преступленіе противъ отечества. Вотъ отчего и книга ваша напечатана и выпущена, не по оплошности приставленныхъ къ сему надзору, а потому что у надзора сего есть вѣрно

люди, упившіеся сего яду вольнодумства, въ который и вы обмакивали перо ваше.

Я самъ путешествовалъ почти четыре года и не въ юности уже лѣтъ моихъ. По всей Нѣмецкой землѣ, по всей Швейцаріи видѣлъ, часть Франціи видѣлъ, всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, я повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ ни послѣдній у насъ нищій, просящій милостыни, не можетъ себѣ вообразить. Ибо и сей у насъ не только принадлежитъ къ какому нибудь селенію, но имѣетъ въ немъ или домъ или землю, которую называетъ по праву и сущности своею, ибо онъ ими владѣетъ; а часто у него есть и овца и корова своя. А тѣ, конечно, пользуются и свободою и правомъ пріобрѣсти собственность, но никогда ничего пріобрѣсть не могутъ и кромѣ рукъ и ногъ ничего не имѣютъ, ниже куда голову приклонить отъ дождя и зною.

Входилъ я въ подробное разсматриваніе и наблюденіе народонаселенія, земледѣлія, промышленности, видѣлъ и сличалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобъ ввелося и у насъ, то по большей части видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе. Оное долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ каковой оно въ тѣхъ странахъ. Причиною сему не крѣпостное состояніе крестьянъ нашихъ и лишеніе ихъ свободы переходить съ мѣста на мѣсто, а, напротивъ, неограниченная свобода разселяться, великая обширность государства, что̀ я ниже сего и надѣюсь доказать убѣдительнѣйшимъ образомъ, нежели гр. Стройновскій. Если правительство обратитъ свое вниманіе на сіе, то вѣроподобно, что оно найдетъ, можетъ быть, скорѣе за полезнѣйшее ограничить сію свободу переходить, докуда въ нѣкоторыхъ областяхъ народонаселеніе достигнетъ до опредѣленнаго всѣмъ крестьянамъ росту по всему пространству обширнаго нашего государства, чего они не преминутъ учинить и чему доказательствомъ служитъ, что они и теперь цѣлыми селеніями съ хорошихъ и плодоносныхъ земель переходятъ на Заволжскія и Кавказскія степи. Межъ Днѣпра и Буга и межъ Днѣстра и Буга они бродить и переселяться не переставали, докуда имъ онаго не запретили, и съ тѣхъ поръ степи сіи приняли видъ страны населенной и зачали воздѣлываться.

Представимте себѣ, сколько милліоновъ людей или семействъ вдругъ поднимутся съ мѣстъ своихъ, чтобъ идти искать лучшихъ, для того единственно, что они могутъ то сдѣлать и, обманувшись по легкомыслію ихъ въ своей надеждѣ, опять будутъ искать другихъ мѣстъ и съ тѣхъ опять переходить. Сколько заведеніевъ самонужнѣйшихъ, устроенныхъ трудомъ, иждивеніемъ и временемъ из-

мѣнятся, раззорятся, погибнутъ; сколько городовъ многолюдныхъ и торговлею богатыхъ начнутъ упадать, гаснуть и исчезать, когда окрестности оныхъ будутъ пустѣть отъ неодуманнаго переселенія легкомысленныхъ крестьянъ! Сколько пропадетъ времени, издѣлія, сколько истребится промышленности, сколько вдругъ возникнетъ буйства, безпорядковъ, неустройствъ! Кто знаетъ, до какой степени они могутъ распространиться? Какіе способы, какія средства правительство наше, доселѣ на кротости и милосердіи основанное, принуждено будетъ употребить для укрощенія оныхъ? И успѣетъ ли въ томъ? Какія мѣры приметъ оно для взиманія податей, составляющихъ самонужнѣйшій доходъ государства? Важнѣйшая и необходимѣйшая повинность—наборъ войска, какъ исправится? Какое замѣшательство! Но кто можетъ все исчислить? Кто возможетъ предвидѣть все, что̀ произойти можетъ?

Нѣтъ, не всеобщее любленіе къ роду человѣческому и не пользъ желаніе Россіи водило перомъ вашимъ, но таящаяся зависть, снѣдающая всѣхъ чужеземцевъ, при воззрѣніи ихъ на славу и величество Россіи, на силу и благоденствіе ея, безпрестанно возрастающія и утверждающіяся день отъ дня болѣе и болѣе; а паче тѣхъ, кои куплены распространять неистовый духъ всеразрушенія, развѣявшій уже тлетворный ядъ свой по большей части Европы. Давно уже силятся насъ имъ заразить. Вотъ что тревожитъ и разрываетъ всѣхъ сихъ доброхотовъ нашихъ. Вы знаете, что до сихъ поръ ее ничѣмъ нельзя было поколебать; что паденіе нисповерженныхъ престоловъ на Полуднѣ ни мало не потрясло Россію; что не она страшится насильственнаго могущества властолюбца, ліющаго рѣками кровь, подъ предлогомъ человѣколюбія истребляющаго рабство. Но онъ, обращая алчный свой взоръ на Сѣверъ и сквозь тускъ кровавый помрачающійся, видитъ Россію, видитъ и трепещетъ отъ ужаса и отчаянія злобы. Мы видимъ, что̀ можетъ у порога самой Франціи малочисленный, но стоящій грудью за вѣру, за отечество, за себя народъ. Что жъ возможетъ Россія, доколѣ пребудетъ безмятежна подъ самодержавною властію кроткаго и мудраго ея Государя! Вы это знаете, знаете и ищите разрушить! Знаете, что она непреодолима и неприступна, доколѣ въ ней не возникнутъ мятежи и неустройства. Ихъ-то вы и желаете внѣдрить сколько можно въ Россію. Вотъ неусыпная забота ваша, не дающая вамъ успокоенія. Не распространеніе въ ней торговли, промышленности, художествъ вамъ нужно, а распространеніе духа буйства и безначалія; не улучшеніе нашего земледѣлія и размноженія народа васъ озабочиваетъ, а возмущеніе и истребленіе онаго.

Вотъ истинныя побужденія, заставляющія васъ такъ усердно пещися о насъ. Вотъ источникъ, откуда проистекаетъ жалость и со-

страданіе ваше къ подданнымъ нашимъ, которые въ рабствѣ ихъ сто разъ блаженнѣе освобожденныхъ вашихъ соотчичей, утучняющихъ теперь трупами своими опустошаемыя ими же поля Гишпаніи, противу воли и пользъ своихъ, въ угоду благотворителя вашего, коимъ Небо достойно васъ наградило. Вотъ сокровенная сердецъ вашихъ тайна, но уже проникнутая. Вы же въ ней и сознаться не можете; ибо вы, графъ, знаете, чѣмъ она и въ томъ и въ другомъ случаѣ должна вознаградиться.

(Сообщено въ современномъ спискѣ княземъ А. А. Трубецкимъ).

Первая мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ.

Письмо къ государственному секретарю Александру Семеновичу Шишкову отъ флигель-адъютанта П. А. Кикина.

Почтенный Александръ Семеновичъ!

Послѣ отъѣзда вашего изъ арміи, мы ни о чемъ другъ къ другу не писали. Немудрено: оба лѣнивы. Къ томуже, и обстоятельства были таковы, что не до писемъ: каждый страдалъ душею и съ сокрушеннымъ сердцемъ ожидалъ общаго спасенія отъ Милосердаго Всевышняго. Нужно ли было описывать чувства свои другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи, и никакое отдаленіе никого не спасало!

Одно, что̀ дѣйствительно усугубляло сильно страданіе наше и убивало, можно сказать, душу каждаго изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить его отъ гибели или прежде принести себя на жертву.

Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны, и что остается только покоряться Промыслу Всемогущаго, устрояющаго все къ лучшему.

Оборотъ, который приняла война, есть неудобопонятный, и смѣло скажу, что самъ Наполеонъ, съ надменностію, ему единому въ толикой силѣ свойственною, бывъ въ положеніи нашемъ, едва ли бы могъ возмечтать имѣть подобные успѣхи. Увѣрить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно, и самое пылкое воображеніе неудовлетворительно.

Несметная непріятельская сила, по меньшей мѣрѣ изъ 15 народовъ разныхъ соединенная, наводнившая, такъ сказать, Россію, въ теченіи восьми недѣль, совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всей Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли своей, видитъ себя съ однимъ слабымъ прикрытіемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи сво-

емъ. Разительный урокъ сей да сохранитъ каждаго отъ самонадѣянія, и да согласится всякъ, что нѣсть власти аще не отъ Бога.

Но время приступить къ цѣли своей, для коей и началъ я токмо письмо мое.

Кто изъ насъ не возсылаетъ теплыя молитвы ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствуетъ сердечной необходимости ознаменовать признательность свою къ милосердію Его, явно покровительствующему намъ? Конечно, всѣ и каждый. Сіе безспорно; но умы разнообразны, и всякій видитъ по своему, почему мнѣніе мое подвергаю просвѣщенному уму вашему, отдавая должную ему справедливость.

Всѣ вообще кричатъ, что должно соорудить монументъ. Согласенъ, и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ.

Но вотъ бѣда, чтобы согласиться, какой? Иной говоритъ—обелискъ, другой—пирамиду, третій—колонну, и такъ далѣе, съ разными по ихъ мнѣнію надписями. Я мыслю, что памятникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть, когда и для чего воздвигнутъ.

Война сія, по видимому долженствовавшая рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея и даже самой вѣры, не есть обыкновенная; почему и памятникъ долженъ быть таковой же.

Провидѣніе Божіе помощію вѣры и народнаго усердія спасло насъ; Ему благодарность. Боже упаси насъ содѣлаться несмысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ, что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное, льстятъ надменности и гордости человѣческой, но нимало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному, сердцу христіанина.

И такъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъ именемъ Спасскаго собора, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждаго.

Я говорю въ Москвѣ, ибо тамъ, въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертный ударъ народу Русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ на родъ человѣческій; тамъ началась гибель несметныхъ силъ вражескихъ.

Воздавъ Божія Богови, тѣснѣе сопряжемся съ вѣрою и потомствомъ; навсегда имѣть будемъ предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченія, приписывая все къ себѣ. Киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое

въ сей войнѣ. Конецъ XVIII столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы. Пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ; но къ счастію нашему, однѣ искры успѣли закрасться въ головы мнимо-просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожающія намъ самимъ, не должны ли вразумить насъ? Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительнѣе убѣдить каждаго изъ насъ и воиновъ въ томъ, что̀ можетъ въ народѣ вѣра?

Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самаго невѣрующаго, не думаю, чтобы могъ не согласиться, и то по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сія есть первая и сильнѣйшая пружина, помощію которой правительство можетъ вести многочисленные народы къ цѣли своей.

Чувствую, что напрасно распространяться о семъ съ вами. Кто лучше и болѣе убѣжденъ въ томъ? И такъ изложу токмо вообще, что̀ бы мнѣ казалось нужнымъ, чтобы дополнить и усовершенствовать ваше дѣло.

Храмъ Спасителю на великолѣпной площади (что̀ теперь, кажется, не трудно будетъ); на площади сей изъ непріятельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, какъ то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предоставя художникамъ на произволъ внутри храма помѣстить всѣхъ народовъ съ нами воевавшихъ знамена, штандарты и прочія трофеи, разумѣется что съ искусствомъ.

Въ ономъ храмѣ непремѣнно должно соорудить предѣлъ въ память умершихъ на полѣ чести, коихъ имена вырѣзать на дскахъ мѣдныхъ: нижнихъ чиновъ число съ означеніемъ токмо полковъ; дворянства—всего поимянно; ибо утѣшительно матери читать имя сына своего, или сыну отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорбленнаго и гибнувшаго отечества.

Надпись на фронтонѣ, по моимъ мыслямъ, лучше быть не можетъ и сообразнѣе цѣли сего памятника, какъ къ несчастію слишкомъ извѣстная и нѣкогда всѣми не кстати употребленная: «не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу» (Пс. 103).

Но я не кончилъ. Испрашиваю снисхожденія и терпѣнія. У кого журналы на столѣ, какъ не у васъ и громады бумагъ, какъ не у меня, тому, кажется, терпѣнію не учиться. И такъ еще я желалъ бы (жаль, что не въ моей власти, и голосъ мой незначущъ), чтобы назначено было трехдневное празднество ежегодно въ день очищенія границъ нашихъ отъ сопостата.

Первый день посвященъ бы былъ вѣрѣ и слѣдственно для духовенства. Со всей Москвы крестный ходъ, молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и панихида по усопшихъ. Войска подъ ружьемъ.

Второй день празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія и чѣмъ каждый воинъ обязывается предъ отечествомъ.

Третій день празднество народное, предающее въ потомство безсмертную честь, каковою покрылись въ сію войну наши православные, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашній страхъ врагамъ земли Русскія.

Я могъ бы распространиться разсужденіями и доказательствами; но что̀ истинно хорошо, не имѣетъ въ ономъ нужды; что̀ жъ худо, то дѣлается несноснымъ, и для того удержусь, оставя на произволъ рѣшенію вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ.

Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно и гораздо прежде, нежели получилъ я рисунокъ колонны г-на Оленина, въ чемъ ссылаюсь на князя Петра Михаиловича Волконскаго; слѣдовательно, не имѣя въ виду именно оной рисунокъ его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобнаго. Прибавлю только то, что, не знавъ точно художника, могъ бы подумать на Томона и Бланкенберга и пр., но отнюдь не хотѣлъ бы съ ними встрѣтиться въ подобное время. Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ вокругъ храма. Сіе принадлежитъ художникамъ, ибо то касается до науки и вкуса; а гдѣ должны входить чувство и сердце, то дѣло не ихъ.

Я позабылъ сказать о важнѣйшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семъ случаѣ, какого ни одна держава сдѣлать не въ состояніи.

Еще за 2500 лѣтъ, въ Архипелагѣ, на островѣ Меласѣ, находился большой необдѣланный камень, который служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ начала самаго введенія христіанской православной вѣры и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ для принесенія на немъ моленія Господу нашему, жителями острова Меласа и другими туда отъ гоненія укрывающимися. Англійскій генералъ Вильсонъ, въ путешествіи своемъ, какъ драгоцѣнную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованіями, успѣлъ достать оный камень и имѣетъ извѣстіе, что онъ привезенъ уже въ Англію. Его намѣреніе и прежде было отдать его Россіи, яко старшей церкви Греческаго исповѣданія. Узнавъ же отъ меня о планѣ моемъ, онъ подарилъ его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу, съ условіемъ, чтобы было только въ Россіи.

Я увѣренъ, что древность таковая, освященная чрезъ толикія столѣтія молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоцѣнна.

Еще думаю, что война сія, прославившая Россію, утвердившая и показавшая цѣлому свѣту силу и могущество ея, распространитъ пользу и на другіе народы и, если Богъ поможетъ намъ, то Испа-

нія, Италія и другія державы одолжены будутъ намъ же спасеніемъ своимъ, и въ такомъ случаѣ, конечно, захотятъ участвовать въ созиданіи величественнаго и знаменитаго храма сего; что̀, украшая его, увѣковѣчитъ вмѣстѣ честь и славу земли Русскія.

Неблагодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашаго. Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительнѣе, что отъ перваго и до послѣдняго, всѣ содрагались даже отъ единаго помышленія о мирѣ. Уничиженіе, бремя тяжкое, удручало каждаго. Но твердый и на всегда незабвенный отзывъ его полковнику Мишо, неоднократно и въ разныя времена имъ повторенный, не только успокоилъ насъ, но вселилъ новую душу и съ сей минуты возвелъ Россію на прежнюю степень ея величія.

Кто не знаетъ, что̀ можетъ надъ умами человѣковъ твердость единаго изъ нихъ, а тѣмъ паче царя?

Безпристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, еслибъ твердость Монарха ея не обратила всѣ бѣдствія оной въ источникъ будущаго ея благосостоянія.

Важность войны сей, великія дарованія противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его и спасеніе отечества помѣстили уже предводителя нашего на ряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ, мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ сословія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе.

Итакъ, можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ Императору, другой главнокомандующему, третій войску, четвертый народу. Но здѣсь останавливаетъ меня одна мысль: прилично ли, не надменно ли будетъ, воздвигая храмъ Спасителю на вѣчную память нашей къ Нему признательности, присоединять къ оному памятники, въ честь самимъ намъ сооруженные?

Впрочемъ, мнѣніе частнаго человѣка не есть рѣшительный приговоръ; я весьма далекъ отъ подобнаго самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими.

Написавъ мнѣніе мое, предоставляю вамъ сдѣлать изъ него, по усмотрѣнію вашему, какое угодно употребленіе.

Все, чего могу надѣяться, состоитъ въ томъ, что не откажете мнѣ изъявленіемъ мыслей вашихъ на сей счетъ.

Истинно и душевно почитающій и преданный вамъ
Петръ Кикинъ.

Декабря 17-е 1812 года
Вильна.

Съ современнаго списка. Сообщено
Петромъ Алексѣевичемъ Кикинымъ.

О фамиліи Текелли въ Россіи.

Извѣстно, что отъ Сербской фамиліи Текелли, переселившейся въ Россію изъ Венгріи при Елисаветѣ Петровнѣ, не осталось потомковъ мужскаго пола*). Оказывается, что ихъ фамильное прозвище передано было при Александрѣ I въ женскую линію, на основаніи слѣдующаго «Мнѣнія Государственнаго Совѣта», которое было напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1825 годъ № 92, стр. 3185.

«Государственнаго Совѣта въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи слушанъ докладъ Правительствующаго Сената общаго собранія С.-Петербургскихъ департаментовъ, по всеподданнейшему прошенію вдовы полковника Текелли, Марѳы о дозволеніи мужу дочери ея, С.-Петербургскаго драгунскаго полку маіору Василью Куракину 2-му принять фамилію Текеллія и именоваться Куракинымъ-Текелліемъ. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ сіе прошеніе, приложенные при ономъ документы и собранныя Герольдіею свѣдѣнія, полагаетъ, какъ изъ собранныхъ свѣдѣній открывается, что послѣ умершаго полковника Лазаря Текелли дѣтей мужескаго пола не находится и никакого изъ ближайшихъ родственниковъ въ Россіи нѣтъ, а потому фамилія сія, въ Россіи существовавшая, съ смертію его пресѣклась; а хотя и существуетъ оная въ лицѣ роднаго внука его Петра Текелли, но онъ не Россійскій подданный, принадлежитъ Австрійскому правительству и имѣетъ мѣстопребываніе въ Венгріи. А потому, сообразно именному 1714 года Марта 23-го дня высочайшему указу, Сенатъ не находитъ никакихъ препятствующихъ причинъ дозволить зятю полковника Текеллія маіору Куракину присоединить къ настоящей его фамиліи фамилію Текеллія и именоваться Куракинымъ-Текелліемъ съ тѣмъ однакожъ, чтобъ права о наслѣдствѣ въ присутственныхъ мѣстахъ разсматриваемы и судимы были на основаніи общихъ государственныхъ законовъ о наслѣдствѣ и при разсматриваніи правъ нимало не входило бы въ сужденіе данное маіору Куракину дозволеніе на принятіе фамиліи Текеллія».

Государственный Совѣтъ, не находя и съ своей стороны законнаго препятствія въ дозволеніи означенному Куракину именоваться Куракинымъ-Текелліемъ, полагаетъ: представленіе объ ономъ Правительствующаго Сената утвердить во всей его силѣ».

Сообщилъ Нилъ Поповъ.

---

*) См. Русскій Архивъ за 1878 годъ, № 12, статья: „Путешествіе Саввы Текелли въ Россію въ 1787 и 1788 годахъ" (стр. 483—506).

О графѣ С. М. Каменскомъ.

Приводимъ, какъ любопытную черту общественныхъ нравовъ въ Россіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, слѣдующее извѣстіе, взятое изъ особаго «Прибавленія» къ № 33 Московскихъ Вѣдомостей 1803 года.

Отъ Московскаго Губернскаго Правленія объявляется, что въ семъ правленіи, по прошенію господина генералъ-фельдмаршала, графа Михайла Ѳедотовича Каменскаго, коимъ изъясняетъ, что, не смотря на запрещенія и указы въ Бозѣ почивающихъ предковъ Его Императорскаго Величества играть въ карты и писать векселя на имя неотдѣленныхъ дѣтей отъ отцовъ, до свѣдѣнія его дошло, что сынъ его, генералъ-маіоръ и кавалеръ графъ Сергій, шефъ Таврическаго гренадерскаго полку, еще въ бытность его подполковникомъ, проигралъ знатную сумму какому-то Шпринпортеру *), потомъ застрѣлившемуся, и чтобы заплатить ему, надавалъ векселей, изъ которыхъ извѣстны ему уже сорокъ семь, суммою на сто восемьдесятъ пять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ семь рублей, которымъ представилъ особливую вѣдомость, съ показаніемъ, кому даны, когда и въ какихъ суммахъ. Какъ же такихъ долговъ его по векселямъ и роспискамъ можетъ явиться и еще болѣе представленныхъ имъ при томъ, а большая часть изъ нихъ возрасли до нынѣшнихъ суммъ припискою процентовъ, которые многіе брали съ него до тридцати рублей со ста, о чемъ ему обличать заимодавцевъ трудно, или лучше сказать невозможно, да и неприлично, и не нужно, когда указомъ 1761 года Іюня 15 дня; и потомъ послѣдующими, запрещено вѣрить дѣтямъ, неотдѣленнымъ отъ отцовъ, а высочайшимъ учрежденіемъ о управленіи губерніями Губернскимъ Правленіямъ, статьею 97-ю, предписано разсмотрѣніе имѣть о всѣхъ счетахъ и векселяхъ, должниками подписанныхъ: то потому, дабы всѣ тѣ данные означеннымъ сыномъ его генералъ-маіоромъ и кавалеромъ, графомъ Сергѣемъ Каменскимъ, векселя и росписки не дѣлали впредь замѣшательства въ торговлѣ и расчетахъ, представляя о дошедшихъ уже до свѣдѣнія его списокъ, за подпискою его, проситъ приказать публиковать о нихъ чрезъ газеты на счетъ его, съ тѣмъ, чтобы ему, сыну его, никто ни въ малѣйшей суммѣ не вѣрилъ, а всѣ данные имъ векселя и росписки почитались недѣйствительными,—что̀ симъ и исполняется.

---

*) Спренгпортенъ. П. Б.

Затѣмъ напечатана вѣдомость векселямъ и роспискамъ, выданнымъ начиная съ 5 Мая 1799 года и окончивъ 14 Марта 1801 года, всего 47 документовъ на вышепомянутую сумму. Писаны они на имя: Цесарскаго купца Венка, золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Карлова сына Зундлера, Московскихъ купцовъ: Ѳед. Степ. Красникова, Вас. Вас. Лахтина, Андр. Андр. Кригера, Петра Андр. Орлова, Вас. Ив. Скачкова, Вас. Вас. Мясникова, Ѳед. Аѳон. Головашкина, Алекс. Тим. Корельникова, Вас. Мих. Федулова, Вас. Никол. Усачева, Вас. Матв. Рыбникова, Фр. Ант. Эрнста, Ив. Ив. Капобуса, Касимовскаго купца Ив. Март. Тярина, Тульскаго купца Троф. Фирс. Глѣбовскаго, ювелира Ив. Ѳед. Фатера, Франс. Симони, Іог. Готфр. Керлиса, Вас. Ив. Шохина, Нюренбергца Бартеля, Богемскаго купца Ив. Ив. Бутаца.

Сообщилъ Нилъ Поповъ.

Историческіе анекдоты.

1.

Старикъ графъ Броунъ выжилъ изъ ума и въ Ригѣ позволялъ себѣ всякаго рода капризы и странности. Смѣнять его Екатеринѣ не хотѣлось, и она придумала послать къ нему въ помощь П. А. Палена (впослѣдствіи графа и дѣятеля 1801 года). Призвавъ къ себѣ Палена, она объявила ему, что онъ долженъ находиться при дряхломъ генералъ-губернаторѣ, вполнѣ ему подчиняться и его уважать, но что въ тоже время съ него взыщется, если въ Ригѣ будетъ не ладно.

— Это противорѣчитъ одно другому, возразилъ Паленъ.—Потому-то именно я васъ и посылаю, что вы съумѣете найтись, замѣтила ему Екатерина.

И дѣйствительно, въ самое короткое время старикъ Броунъ былъ уже въ рукахъ Палена. Броунъ былъ скупъ, и Паленъ на день какого-то торжества вызвался самъ дать обѣдъ, наготовилъ Броуну любимыхъ его кушаній и вполнѣ подчинилъ его себѣ.

(Отъ О. Д. Шеппинга, который о томъ слышалъ отъ самого графа П. А. Палена, женатаго на родной его теткѣ).

2.

П. А. Паленъ говаривалъ своему племяннику барону О. Д. Шеппингу, что единственный геніальный человѣкъ, котораго онъ зналъ, былъ князь Потемкинъ.

Паленъ получилъ отъ Екатерины большія помѣстья въ Курляндіи, Экау, Котсмюнде.—Ему дѣйствительно бывали привидѣнія.

(Отъ него же).

3.

Проповѣдь на текстъ: изліяша тѣлецъ говорилъ Тульскій архіерей Амвросій на выборахъ. Тамошній губернаторъ, артиллерійскій генералъ Николай Ивановичъ Богдановъ жаловался на то Государю; но Александръ Павловичъ нарочно приказалъ напечатать проповѣдь.

4.

Витбергъ, сынъ Петербургскаго каретника (добродушнаго старичка) своими успѣхами въ исторической живописи обратилъ на себя вниманіе конференцъ-секретаря Академіи Художествъ, Лабзина, который посылалъ его въ Москву къ Ѳ. П. Ключереву, гдѣ онъ рисовалъ картины. Молодой мистикъ, ученикъ Академіи, влюбился въ дочь одного помѣщика, но за него не отдавали, какъ не за дворянина; это заставило его работать для конкурса. Императоръ Александръ крестилъ его въ православіе, далъ дворянство и съ тѣмъ возможность жениться на любимой дѣвушкѣ. По мистицизму онъ былъ близокъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, Донауровымъ, Плещеевымъ и ст. сов. откупщикомъ Лѣнивцевымъ (сей послѣдній обратилъ кн. Голицына къ мистицизму). Однажды императоръ Александръ сказывалъ князю Голицыну, что Витбергъ въ разговорахъ съ нимъ сталъ заноситься: разъ онъ прямо ему сказалъ, что помѣщики благодарятъ его за покупку ихъ имѣній для храма.

Еще до своего паденія Витбергъ одержимъ бывалъ какою-то нервическою болѣзнію въ родѣ падучей. Онъ строилъ домовую церковь князя Голицына въ домѣ нынѣшняго министра Императорскаго Двора на Фонтанкѣ.

(Отъ Ю. Н. Бартенева).

5.

Графиня Елисавета Осиповна Ефимовская была сирота, и право на имѣнія ея оспоривала ея бабка Мароа Михаиловна Скорнякова-Писарева. Но 16 Ноября 1749 по именному указу споръ рѣшенъ въ пользу внучки, которая умерла въ 1755 г., оставивъ отъ брака съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовымъ дочь Евдокію, умершую 29 Декабря 1758.

Село Скорняково (Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи) досталось графу Ивану Григорьевичу, изъ жениныхъ имѣній на часть, и перешло потомъ къ его внучкамъ, на одной изъ которыхъ женатъ былъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій, проживавшій часто и скончавшійся въ этомъ селѣ.

Въ кладовой, въ лѣвой аркѣ подъ колокольней церкви села Скорнякова, хранились собственноручныя письма Екатерины II-й къ графу Захару Григорьевичу Чернышову, во время ея молодости. Они вынуты были оттуда А. Д. Чертковымъ, когда онъ управлялъ этою деревнею, и когда возникъ было споръ, кому ихъ отдать въ владѣніе, то Чертковъ предоставилъ ихъ Николаю Павловичу.

Народъ говоритъ, что въ 18 верстахъ отъ Скорнякова, при сліяніи Дона и Красной Мечи, былъ станъ Татарской Золотой Орды.

(Отъ Н. Н. Муравьева-Карскаго).

6.

Князь Григорій Семеновичъ Волконскій былъ большой чудакъ. Уже старикомъ жилъ онъ (безъ жены) въ Оренбургѣ и начальствовалъ тамошними войсками. Онъ вставалъ очень рано и тотчасъ отправлялся по всѣмъ комнатамъ и прикладывался къ каждому образу. Между тѣмъ всѣ форточки были открыты и въ комнатахъ дулъ вѣтеръ.—Къ вечеру ежедневно служили у него всенощную, при которой обязанъ былъ присутствовать дежурный офицеръ. Обѣдалъ не раньше 7 часовъ. Выѣзжалъ онъ къ войскамъ во всѣхъ орденахъ... и по окончаніи ученья въ одной рубашкѣ ложился гдѣ нибудь подъ кустомъ и кричалъ проходившимъ солдатамъ: «Молодцы, ребята, молодцы!» Любилъ ходить въ дурномъ одѣяніи, сердился, когда его не узнавали, въѣзжалъ въ городъ, лежа на телѣгѣ или на дровняхъ. Вообще корчилъ Суворова.—Около 1806 г. онъ просился у Государя командовать дѣйствующею арміею. Государь, въ виду его старчества, ласково отказывалъ; старикъ не унимался, писалъ письма къ покровительствовавшей ему государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, жаловался, что Аракчеевъ мѣшаетъ служить Отечеству и проч.

(Отъ Н. И. Зейделя, служившаго въ Оренбургѣ).

7.

Передъ 1812 годомъ Шишковъ служилъ членомъ Адмиралтейскаго Совѣта, былъ извѣстенъ своимъ чудачествомъ, ненавистью къ Французамъ и пламеннымъ патріотизмомъ. Еще за долго до войны онъ присовѣтывалъ своему племяннику, А. И. Казначееву, оставить гражданскую службу и перейти въ военную. Въ исходѣ 1811 г. въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова, въ залѣ у Державина, прочиталъ онъ свое сочиненіе о любви къ Отечеству, которое выслушано было въ многочисленномъ собраніи съ восторгомъ и рукоплесканіями. Въ числѣ слушателей находился и Сперанскій, въ то время всѣми нелюбимый и, произнося окончаніе своей рѣчи, Шишковъ взглянулъ на Сперанскаго, что̀ и было замѣчено. Черезъ нѣсколько времени, когда Государь сталъ спрашивать, что̀ это за рѣчь, о которой такъ много говорятъ въ городѣ, Сперанскій назвалъ ее возмутительною. Тѣмъ не менѣе Государь полюбопытствовалъ прочитать ее. По счастію она уже была напечатана. До того времени Шишковъ хотя и появлялся при дворѣ, но Государь не обращалъ

на него никакого особеннаго вниманія. Разъ въ Царскомъ Селѣ, послѣ царскаго обѣда, Шишковъ, по обыкновенію своему, прохаживался по галлереѣ, погруженный въ глубокую задумчивость, по неловкости зацѣпился своимъ кортикомъ за шпагу Государя, смѣшался, сталъ распутывать и насмѣшилъ Государя. И при дворѣ и въ обществѣ его знали за чудака. Но послѣ рѣчи о любви къ Отечеству Государь призвалъ его къ себѣ, объявилъ, что рѣчь необыкновенно понравилась и поручилъ ему написать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, что̀ и было имъ сдѣлано.

(Отъ А. И. Казначеева).

8.

Въ 1812 году по удаленіи Сперанскаго, Государь колебался, кого назначить государственнымъ секретаремъ, Карамзина или Шишкова. Какъ извѣстно, выборъ палъ на послѣдняго. Но Карамзинъ зналъ о колебаніи Государя. Онъ говорилъ Блудову, что провелъ нѣсколько дней въ мучительномъ волненіи. «Если бы мнѣ предложили это мѣсто, я бы его взялъ, потому что отказываться было невозможно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Я, разумѣется, сталъ бы дѣйствовать энергически. Но видно, Провидѣнію угодно было, чтобъ всѣ наши дѣйствія въ ту эпоху были слабы и ничтожны, и чтобы мы спаслись только Его силою».

Какъ извѣстно, Карамзинъ былъ наклоненъ къ мысли о мирѣ съ Наполеономъ, и у графа Растопчина говаривалъ, что лучше что нибудь сохранить, чѣмъ все потерять. Самъ же онъ выѣхалъ изъ Москвы только наканунѣ ея оставленія и готовился принять участіе въ предполагаемомъ сраженіи подъ Москвою.

(5 Августа 1854. Отъ графа Д. Н. Блудова).

9.

Обыкновенно, въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ пишутъ на рѣшеніи, что такой-то долженъ быть казненъ; но такъ какъ указомъ такого-то года Елисаветою смертная казнь отмѣнена, то присуждаютъ къ столькимъ-то ударамъ плетьми. Разъ случилось судить какого-то рядоваго изъ полка Репина. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ (котораго звали Оболваниновымъ) по оплошности и недосмотру представилъ Государю Павлу Петровичу рѣшеніе, въ коемъ послѣдняя половина была опущена, а сказано просто, что преступникъ осужденъ на лишеніе живота. Павелъ не посмотрѣвъ подписалъ. Послѣ увидѣли ошибку, но, не осмѣливаясь противорѣчить словамъ: быть по сему, казнили осужденнаго. Государь

самъ узналъ о томъ, ужасно былъ взволнованъ, что нарушилъ постановленіе своей бабки, горячился и приказалъ Сенату, чтобы самого его предали суду. Разумѣется, дѣло тѣмъ и кончилось.

Въ другой разъ на бумагѣ стояло: по указу (или по волѣ) Императорскаго Величества. Государь разсердился и спрашивалъ: зачѣмъ выпущено слово Его, такъ что можно подумать и Ея Императорскаго Величества.

(Отъ него же).

10.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1852 года скончался въ Петербургѣ графъ Вронченко, министръ финансовъ. Государь былъ у его смертнаго одра и на похоронахъ въ Невскомъ монастырѣ. На его глазахъ замѣтны были слезы. Борху, товарищу покойнаго министра Вронченки, Николай Павловичъ сказалъ: «Я надѣюсь, ты мнѣ будешь также служить, какъ твой предшественникъ и также говорить правду».

(Отъ него же).

ПИСЬМА ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА САМАРИНА.

(1840—1845).

За десятилѣтіемъ сороковыхъ годовъ признано въ настоящее время такое важное значеніе въ исторіи нашего общественнаго самосознанія, что все, что̀ можетъ служить для уясненія этой эпохи, имѣетъ цѣну матеріала историческаго. Сверхъ того, уже не разъ было высказано желаніе, чтобы была написана біографія Ю. Ѳ. Самарина, а для этого должны быть предварительно собраны и приведены въ систематическій порядокъ матеріалы для нея. По этимъ соображеніямъ, мы рѣшились передать въ общественное достояніе всѣ уцѣлѣвшія письма Ю. Ѳ—ча за періодъ времени съ начала 1840 г., когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, до отъѣзда его изъ Москвы на службу въ Петербургъ 6-го Августа 1844 года.

Въ это пятилѣтіе Самаринъ, подъ воздѣйствіемъ друга своего Константина Сергѣевича Аксакова, увѣровалъ въ великое значеніе для Россіи ея коренныхъ народныхъ началъ, сочувствіе къ которымъ таилось въ глубинѣ его души въ видѣ неясныхъ ощущеній. Чтобы возвести эту вѣру въ сознаніе, онъ принялся за изученіе народныхъ началъ въ ихъ историческомъ проявленіи и обратился для этого къ памятникамъ Русской старины. Самою темою диссертаціи своей, о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, надъ которою онъ трудился съ 1840 по 1843 г., онъ былъ наведенъ на изученіе православія по отношенію его къ Русской народности и къ двумъ западнымъ вѣроисповѣданіямъ. Изслѣдуя вліяніе католицизма и протестантизма на нашу церковь въ XVII и XVIII в., вникая въ состязанія, которыя происходили съ одной стороны между богословами православными и западными, а съ другой между католиками и протестантами, онъ самъ переживалъ на себѣ всѣ эти фазисы, чрезъ которые проходило человѣчество, усиливаясь усвоить себѣ въ сознаніи и жизни Божественную истину.

Но это изученіе происходило въ такое время, когда философія Гегеля властвовала надъ умами, удаляла на второй планъ вопросы вѣроисповѣдные и выдвигала на первую очередь вопросъ о значеніи самой религіи въ развитіи человѣческаго духа. Сначала Ю. Ѳ. думалъ устранить этотъ вопросъ, потомъ пытался оправдать православіе философіею Гегеля, допустивъ для этого ихъ

мирное сосуществованіе и отмежевавъ каждому изъ нихъ отдѣльную сферу. Но такая сдѣлка не могла конечно удовлетворить его: вопросъ объ отношеніи философіи къ религіи поставленъ былъ ребромъ и потребовалъ рѣшительнаго отвѣта. Очевидно, отвѣтъ этотъ не могъ даться ему легко и долженъ былъ вызвать тяжелую, внутреннюю борьбу. Самаринъ пережилъ ее въ 1843 году, и она разрѣшилась для него въ началѣ 1844 года, подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ Хомякова, который возвратилъ ему цѣльность религіознаго сознанія.

Таково, въ главныхъ чертахъ, значеніе въ жизни Самарина тѣхъ лѣтъ, къ которымъ относятся печатаемыя письма. Болѣе подробныя разъясненія процесса развитія его за это время читатели могутъ найти въ статьѣ нашей «Данныя для біографіи Ю. Ѳ. Самарина за 1840—1845 гг.», помѣщенной въ V-мъ томѣ его сочиненій.

Такъ какъ, въ эти годы, убѣжденія, которыхъ Ю. Ѳ—чъ держался въ теченіи всей своей жизни, еще только слагались, то понятно, что въ письмахъ за это время не могутъ не встрѣчаться такіе отзывы о лицахъ и такія сужденія, которыя противорѣчатъ его позднѣйшимъ мнѣніямъ. Мы не усомнились однако, въ виду біографическаго значенія этихъ писемъ, напечатать ихъ безъ пропусковъ, исключивъ только въ трехъ мѣстахъ выраженія слишкомъ рѣзкія, которыхъ онъ самъ никогда бы не допустилъ въ печать, и опустивъ въ письмахъ къ отцу то, что̀ касается другихъ членовъ семьи и не имѣетъ никакого интереса для публики. Можетъ быть даже, мы были въ этомъ отношеніи недостаточно строги и разборчивы; но намъ казалось, что, въ полномъ собраніи писемъ за извѣстную эпоху, и мелкія записки, незначительныя по своему содержанію, должны быть сохранены, какъ могущія все-таки послужить матеріаломъ для изслѣдованій, а нѣкоторыя семейныя подробности могутъ быть удержаны, коль скоро въ нихъ отражается характеръ лица, для біографіи котораго печатаются самыя письма.

Изъ всѣхъ 97 писемъ и записочекъ, сохранившихся за первое пятилѣтіе 40-хъ годовъ, время написанія ихъ обозначено на весьма незначительномъ числѣ; между тѣмъ для того, чтобы они могли служить матеріаломъ для біографіи Ю. Ѳ—ча и для другихъ изслѣдованій, необходимо было установить, хотя приблизительно, время написанія каждаго письма. Для большей части намъ это удалось сдѣлать по разнымъ указаніямъ, находящимся въ письмахъ, что̀ и выяснено въ примѣчаніяхъ. Осталось только незначительное число большею частью коротенькихъ записокъ, время написанія которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью и которыя поэтому пришлось отнести къ тому или другому году по бумагѣ и другимъ внѣшнимъ признакамъ.

Дмитрій Самаринъ.

1840-й годъ.

1.

Къ К. С. Аксакову.

Aliis aliae curae [1]; а у насъ съ вами, любезный Акса́ковъ, забота одна. И такъ, пойдемте рука объ руку по избранной дорогѣ, на вольную страсть, на судъ Давыдова [2]). Завтра въ пять часовъ я буду у васъ, и мы усладимся чтеніемъ Озерова и Княжнина. Меня тѣмъ болѣе радуетъ ваше предложеніе [3]), что скука начинаетъ одолѣвать меня; сомнѣніе и недовѣрчивость ростетъ по мѣрѣ приближенія къ рѣшительной минутѣ, и меня беретъ раздумье, не бросить ли книги и не ѣхать ли въ Петербургъ съ 10-мъ классомъ. Я сейчасъ, не переводя духа, прочелъ три трагедіи Сумарокова. Что за созданія, и какъ послѣ нихъ я усладился чтеніемъ вашихъ гекзаметровъ! Счастливъ, кому дано говорить языкомъ небожителей!

Вашъ Самаринъ.

1) У всякаго своя забота.

2) Профессоръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ (род. 15 Іюня 1794 г. † въ 1863 г.) читалъ въ то время въ Московскомъ Университетѣ Русскую Словесность.

3) Предложеніе готовиться вмѣстѣ къ магистерскому экзамену. Записки отъ № 1 до № 5 включительно должны быть отнесены къ Январю и Февралю 1840 г., а можетъ быть и къ концу 1839 г., такъ какъ изъ семейныхъ писемъ Аксако́выхъ видно, что въ зиму съ 1839 на 1840 г. Аксаковъ и Самаринъ готовились вмѣстѣ къ экзамену и сдали его въ Февралѣ 1840 года.

2.

Къ К. С. Аксакову.

Воскресенье.

Любезный Аксаковъ, нельзя ли отложить наши занятія до 5 часовъ вечера? Чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше мы успѣемъ приготовиться, а для меня это будетъ го́раздо удобнѣе. Если вамъ нельзя принять моего предложенія, потрудитесь назначить день и часъ и будьте увѣрены въ моей пунктуальной аккуратности.

Ю. Самаринъ.

16*

3.

Къ К. С. Аксакову.

Увѣдомьте, любезнѣйшій, какой отвѣтъ отъ Каткова [1]). Сердце говоритъ мнѣ, что Каченовскій [2]) боленъ и что можно приложить все стараніе къ эстетикѣ. Это было бы для меня тѣмъ пріятнѣе, что вчера вечеромъ, послѣ того какъ я пріѣхалъ отъ васъ и сталъ было заниматься, кровь кинулась мнѣ въ голову, и я обезпамятѣлъ; вслѣдъ за тѣмъ сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ до самаго утра.

Ю. Самаринъ.

[1]) Михаилъ Никифоровичъ Катковъ былъ товарищемъ по университету Ю. Ѳ—ча, кончилъ курсъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1838 г. и тоже готовился къ магистерскому экзамену.

[2]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (род. 1 Ноября 1775 г. † 19 Апрѣля 1842 г.) въ званіи заслуженнаго профессора читалъ съ 1836 г. до кончины своей исторію и литературу Славянскихъ нарѣчій и былъ съ 1837 г. ректоромъ Московскаго Университета.

4.

Къ К. С. Аксакову.

Вчера вечеромъ Крюковъ [1]) поразилъ было меня извѣстіемъ, что онъ намѣренъ спрашивать насъ изъ исторіи философіи и больше изъ ничего, а отъ эстетики отказывается за незнаніемъ и неспособностью. Мнѣ показалось это страннымъ, и я попытался не преодолѣютъ ли его упрямства мои увѣщанія и рѣшительный отказъ отъ имени вашего и моего экзаменоваться изъ исторіи философіи. Наконецъ, моя взяла; онъ только немного поломался и будто бы изъ снисхожденія согласился на мои требованія. Такимъ образомъ, дѣло остается при старомъ. Совѣтую вамъ приготовиться изъ общихъ началъ эстетики: далѣе Крюковъ спрашивать не будетъ. Изъ исторіи же эстетики онъ совѣтовалъ, кромѣ обозрѣнія Гегелева, обратить вниманіе на древнихъ (по книгѣ Шевырева [2]), которую я на бѣду свою сжегъ) и на ученіе Баумгартена, изложенное въ исторіи эстетики Моргенштерна. Болѣе не слыхать ничего. Морошкинъ [3]) расположенъ къ намъ какъ нельзя лучше; Каченовскій на насъ грозится и начинаетъ излагать свои сомнѣнія о достовѣрности [4]) нашихъ свѣдѣній и занятій по его части; добрые люди желаютъ намъ успѣха, а на злыхъ мы не посмотримъ. Посылаю вамъ статью Каченовскаго. Къ Давыдову слѣдовало бы намъ ѣхать

вмѣстѣ; не хотите ли, чтобы я заѣхалъ за вами часовъ около 7-ми? Ваше молчаніе я приму за знакъ согласія.

Душевно вамъ преданный Ю. Самаринъ.

Дочитываю введеніе Гегеля.—Иннокентія я привезу завтра.

¹) Дмитрій Львовичъ Крюковъ (род. 8 Апр. 1809 † 5 Марта 1845) былъ профессоромъ Римской Словесности и древностей и сверхъ того преподавалъ Древнюю Исторію; подъ псевдонимомъ Dr. D. Pellegrino онъ издалъ въ Лейпцигѣ изслѣдованіе Andeutungen über den ursprünglichen Religionsunterschied der römischen Patricier und Plebeier.

²) Степанъ Петровичъ Шевыревъ (р. 18 Окт. 1806 † 8 Мая 1864) профессоръ Моск. Унив., читалъ Исторію Словесности Всеобщей и Русской, а студентамъ 1 курса всѣхъ факультетовъ преподавалъ Русскую Словесность. Съ 1838 до половины 1840 г. былъ за границею; вѣроятно, поэтому изъ эстетики экзаменовалъ Самарина и Аксакова въ Февралѣ 1840 г. пр. Крюковъ. Подъ книгою Шевырева разумѣется докторская его диссертація: „Теорія поэзіи въ историческомъ ея развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. М. 1837 г."

³) Өедоръ Лукичъ Морошкинъ (р. 1804 † 1857 г.), профессоръ гражданскихъ законовъ.

⁴) Намекъ на скептицизмъ М. Т. Каченовскаго; извѣстно, что онъ былъ главнымъ виновникомъ скептическаго направленія въ изученіи Русской Исторіи въ 1830—1835 годахъ.

5.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ. Я былъ вчера вечеромъ у Павлова ¹), но Крюкова не видалъ; слѣдовательно переговоры съ нимъ надобно будетъ отложить до самаго экзамена. Авось ли въ эту минуту его тронетъ неизвѣстность нашей участи, и онъ будетъ сговорчивѣе. Я приготовилъ вчера вопросы о идеѣ изящнаго, изящномъ въ природѣ, изящномъ въ искусствѣ, развитіи идеала въ особенные образы искусства и символическомъ искусствѣ. Кажется, надобно будетъ просить Крюкова исключить вопросы 11, 12, 13 и 6. Теперь остается мнѣ пройти по Шевыреву исторію эстетики, на что я думаю посвятить послѣдній вечеръ. Если мое намѣреніе будетъ согласно съ планомъ вашихъ занятій, увѣдомьте меня, и я къ вамъ пріѣду; въ противномъ случаѣ, время дорого, и я не стану прерывать васъ и попрошу доставить мнѣ книгу Шевырева нынче послѣ обѣда. Можетъ быть, я заѣду за нею самъ и скажу вамъ о стихахъ Хомякова, которые онъ намъ читалъ вчера ²). Ю. Самаринъ.

¹) Н. Ф. Павловъ и жена его Каролина Карловна, рожденная Янишъ, были въ то время очень извѣстны въ литературѣ нашей: Николай Фил—чъ своими повѣстями, а жена его прекрасными переводами въ Нѣмецкихъ и Французскихъ стихахъ Русскихъ поэтовъ, а впослѣдствіи и своими Русскими стихами. На ихъ вечерахъ собирались почти всѣ Московскіе литераторы и многіе профессора.

²) Записка эта была написана очевидно незадолго до экзамена, который былъ въ Февралѣ 1840 г.; слѣдовательно въ самомъ началѣ 1840 года Ю. Ө—чъ уже встрѣчался у Павловыхъ съ А. С. Хомяковымъ (род. 1 Мая 1804 г. † 23 Сент. 1860 г.) и былъ уже знакомъ съ нимъ. Подъ стихами, читанными Хомяковымъ, разумѣется, вѣроятно, его извѣстное стихотвореніе „Гордись! тебѣ льстецы сказали", написанное имъ въ 1840 году; на него ссылается Ю. Ө. въ своемъ письмѣ къ Могену (см. № 18).

6.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, я готовъ нынче ночью идти подъ вашимъ покровительствомъ въ соборъ или на площадь *), куда вамъ разсудится вести меня. Итакъ, если вы остались при своемъ намѣреніи, дайте мнѣ знать, въ которомъ часу я долженъ быть у васъ, или вы у меня. Вашъ Ю. Самаринъ.

*) Очевидно въ Кремль въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье; эта записка могла быть написана въ 1840 или 1841 году.

7.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, не можете ли вы нынче явиться на Тверской бульваръ около $5^1/_2$ или 6 часовъ? Вы знаете, что мнѣ остается только одно это средство съ вами видѣться и вѣрно не откажетесь отъ предлагаемаго вамъ свиданія съ душевно вамъ преданнымъ Ю. Самаринымъ.

По какому случаю прервались свиданія—неизвѣстно; записка эта написана вѣроятно въ первой половинѣ 1840 года.

8.

Къ К. С. Аксакову [1]).

Любезнѣйшій Аксаковъ, вотъ ужъ Богъ знаетъ сколько времени какъ мы съ вами не видались; нельзя ли вамъ заѣхать ко мнѣ послѣ обѣда, нынче? Много воды утекло послѣ послѣдняго моего свиданья съ вами—мнѣ кое-что хочется разсказать вамъ. Прислалъ ли вамъ Погодинъ для меня сочиненія Гоголя [2])? Если прислалъ, то потрудитесь привезти съ собою, буду ждать васъ.

Душевно вамъ преданный Ю. Самаринъ.

[1]) Записка эта написана вѣроятно въ первой половинѣ 1840 года.

[2]) Вѣроятно, „Арабески, разныя сочиненія Н. Гоголя. Спб. 1835 г. 2 ч.", такъ какъ первое изданіе собранія сочиненій Гоголя въ 4 частяхъ вышло только во 2-й половинѣ 1842 года, а записка эта не можетъ быть отнесена къ этому времени.

9.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, я такъ давно не видался съ вами и такъ давно имѣю желаніе побесѣдовать о предметахъ, которые занимаютъ развѣ только васъ и меня, что наконецъ рѣшаюсь приступить къ перепискѣ, которая съ моей стороны кончится не прежде переѣзда въ Москву [1].—Еслибъ вы знали, какъ хорошо на дачѣ! Прокалякавъ въ Москвѣ цѣлые два мѣсяца лучшаго времени, я наконецъ увидалъ деревню во всей прелести вполнѣ распустившейся зелени. А зелень необыкновенно богата и свѣжа! Деревья противъ прошлогодняго выросли на цѣлые поларшина. Яровые похожи на ковры изъ рытаго бархата. Въ воздухѣ носятся какіе-то чудные запахи и располагаютъ къ лѣни и созерцанію. Мнѣ не нужно увѣрять васъ, что я совершенно поддаюсь вліянію лѣтняго воздуха, которое какъ нельзя лучше гармонируетъ съ моею природою. Не съ этимъ намѣреніемъ я выѣхалъ изъ Москвы, но не въ первый же разъ мнѣ и отказываться отъ своихъ намѣреній для другаго образа жизни. А хотите вы знать, что̀ это за образъ жизни? Я встаю поздно и одѣваюсь лѣниво. Одѣвшись, я выхожу безъ галстуха въ поле и лежу на спинѣ до обѣда. Послѣ обѣда опять выхожу въ поле, лежу на спинѣ и пью холодную воду. Хотѣлось бы мнѣ курить, да недостаетъ рѣшимости, выкуривши одну трубку, высѣкать огонь. Вотъ какая лѣнь напала! Отъ частаго лежанія на спинѣ я не чувствую земли подъ ногами и гораздо лучше знаю, что̀ дѣлается на небѣ. Иногда я утромъ замѣчу какую нибудь тучку и послѣ, въ продолженіи цѣлаго дня, почти не свожу съ нея глазъ. Какія чудеса дѣлаются надъ нами! Что за переливы свѣта и тѣни! Какія прихотливыя формы, и между тѣмъ никогда нѣтъ безобразія! Признаюсь вамъ, я очень доволенъ этимъ занятіемъ — встрѣчать и провожать тучи. Вопервыхъ, оно возобновляется каждый день безъ всякаго усилія съ моей стороны; вовторыхъ, нѣтъ лучшаго средства забыть и мѣсто, и время, и всѣ заботы, которыя такъ скучны. А между тѣмъ, иногда, въ самыя безмятежныя минуты душевной дремоты, мнѣ кажется, что стоитъ за мною угрюмое лицо Стефана Яворскаго, негодуя на мое равнодушіе къ его памяти. Боже мой! жалко мнѣ этого человѣка, если въ эту минуту во всемъ царствѣ Русскомъ одному мнѣ судьба велѣла пещись о его памяти. Долго придется ему скитаться тревожною тѣнью, пока я отпущу его на вѣчный покой. Но о Стефанѣ Яворскомъ я разскажу вамъ въ другой разъ, а теперь послушайтесь моего совѣта: поѣзжайте въ деревню, повезите

съ собою побольше книгъ, но ради Бога не трогайте ихъ, а лежите на спинѣ, курите и пейте холодную воду. У васъ же славный полотняный сертукъ, словно нарочно сшитый для лежанья на спинѣ— что это за сертукъ у Константина Сергѣевича! [2]) Единая вещь, которой я завидую на семъ свѣтѣ. Вашъ Ю. Самаринъ.

[1]) Письмо это написано въ Маѣ или Іюнѣ мѣсяцѣ изъ Измалкова, подмосковной въ 20 верстахъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ, гдѣ Ю. Ѳ-чъ проводилъ каждое лѣто до самаго отъѣзда своего въ Петербургъ осенью 1844 года; въ Москвѣ же онъ жилъ на Тверской въ домѣ отца своего (нынѣ Дашкевича) и только зиму съ 1839 на 1840 г. онъ провелъ на Бронной въ домѣ Неклюдова (нынѣ Дѣтская больница). Мы относимъ это письмо къ 1840, а не къ 1841 году, такъ какъ изъ письма видно, что Ю. Ѳ-чъ еще только начиналъ заниматься своею диссертаціею, а изъ слѣдующей выписки изъ дневника его видно, что онъ въ Іюлѣ 1840 г. читалъ „Камень Вѣры", слѣдовательно уже изучалъ матеріалы для своей диссертаціи: „Juillet. Voilà où j'en suis parvenu après avoir étudié le Камень Вѣры et une partie de la grande controverse des protestants et des Grecs".

[2]) Фразы и обороты изъ Гоголя безпрестанно встрѣчались въ рѣчи молодыхъ людей того времени, его восторженныхъ поклонниковъ.

10.

Къ К. С. Аксакову.

Благодарю васъ.... [1]), любезнѣйшій Аксаковъ, и за книгу и за обѣщаніе пріѣхать вскорѣ. Я также все это время сидѣлъ дома, дочитывалъ «Камень Вѣры» [2]), и только нынче разрѣшилъ себѣ идти на охоту. Вообще этотъ мѣсяцъ былъ ознаменованъ для меня многими пріобрѣтеніями матеріальными и умственными. Изъ первыхъ особенно замѣчательна рукопись «Возраженіе на Пасквиль (Пашквиль) на книгу Камень Вѣры», о которомъ говоритъ Евгеній [3]); потомъ «Знаменія пришествія Антихристова» [4]), «Духовный Регламентъ» Петра Великаго, «Аполлодорова библіотека» [5]), 5 томовъ богословскихъ сочиненій Ѳеофановыхъ и т. д. Все это обошлось мнѣ очень дешево, не больше 50 р. На дняхъ получу остальныя сочиненія Ѳеофановы. Что касается до моихъ занятій, они идутъ довольно успѣшно. Я не могу сказать вамъ, какъ я былъ вознагражденъ за эти повидимому сухіе и безплодные труды. Вопросъ о католицизмѣ и протестантизмѣ, о религіи вообще начинаетъ мнѣ уясняться. Наконецъ воскресаетъ во мнѣ давно почившая, живая, нетерпѣливая дѣятельность мысли. Она кипитъ во мнѣ и не даетъ мѣста другимъ интересамъ въ моемъ существованіи. Есть такіе вопросы, которые меня никогда и нигдѣ не покидаютъ. Они принимаютъ въ глазахъ моихъ различныя формы, сначала неточныя и произвольныя, потомъ яснѣютъ, приближаются ко мнѣ ближе и ближе, наконецъ.... Да можно ли передать словами отрадное сознаніе этой живой, органи-

ческой работы ума, которая совершается въ насъ отъ времени до времени и стократно вознаграждаетъ насъ за цѣлые періоды скуки и безплодныхъ занятій. До свиданья.

1) Одно слово неразобрано.

2) Слѣдовательно, писано въ Іюлѣ 1840 г. см. 1-е прим. къ № 9.

3) Митрополитъ Евгеній въ своемъ „Словарѣ духовныхъ писателей".

4) Знаменія пришествія Антихриста и кончины вѣка, соч. Стефана Яворскаго.

5) Аполлодора Аѳинейскаго баснословіе или библіотека о богахъ. М. 1725 г. Предисловіе къ этой книгѣ написано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

11.

Къ К. С. Аксакову *).

Любезнѣйшій Аксаковъ, я вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда въ Москву и черезъ нѣсколько часовъ ѣду къ себѣ назадъ. Не надѣясь встать рано и попасть къ вамъ, прошу васъ зайти ко мнѣ утромъ, только пораньше, часовъ въ 8, и разбудить меня безпощадно, если я буду спать. Мнѣ очень хочется хоть одинъ часъ поговорить съ вами. Извините, что назначаю свиданіе такъ рано. Ю. Самаринъ.

*) № 11 писанъ лѣтомъ, вѣроятно 1840 года.

12.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, посылаю вамъ назадъ «Отечественныя Записки» 1) и двѣ части Гофмана 2). Въ его Erzählungen есть одна повѣсть очень замѣчательная и которая на меня сильно подѣйствовала; это der Elementargeist. Если вы можете на нѣсколько дней ссудить меня слѣдующимъ нумеромъ «Отечественныхъ Записокъ», то много обяжете. А еще лучше сдѣлаете, если достанете мнѣ еще что нибудь Гофмана. Въ эту сѣрую, мрачную погоду онъ одинъ спасалъ меня отъ скуки. Весь вашъ Ю. Самаринъ.

1) „Отечественныя Записки" Свиньина перешли съ 1 Января 1839 г. къ Краевскому и начали выходить въ видѣ толстыхъ книжекъ; со второй половины 1839 г. Бѣлинскій и его друзья разстались съ „Московскимъ Наблюдателемъ" и приняли дѣятельное участіе въ изданіи „Отечественныхъ Записокъ".

2) Письма за № 12, 13 и 14 писаны осенью, вѣроятно въ Августѣ или Сентябрѣ 1840 г. изъ деревни, такъ какъ изъ дневника Ю. Ѳ-ча видно, что онъ въ это время много читалъ Гофмана: „8 Сентября. Все это время я читалъ Гофмана и рисовалъ фигуры безпрестанно восходившія въ моемъ воображеніи". Сверхъ того указаніе въ № 14 на ожиданіе „нашихъ путешественниковъ", подъ которыми Ю. Ѳ. разумѣетъ мать свою, сестру и брата, ѣздив-

шихъ лѣтомъ 1840 г. за границу, дастъ несомнѣнное основаніе для пріуроченія этихъ трехъ писемъ къ 1840 году. Въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ молодые люди кружка Станкевича и другіе сильно увлекались Гофманомъ (1776—1822 г.), читали его „Серапіоновыхъ Братьевъ“, „Кота Мурра“ и другія его повѣсти и помѣщали переводы ихъ въ тогдашнихъ журналахъ.

13.

Къ К. С. Аксакову.

Я очень радъ, любезнѣйшій Аксаковъ, что Погодинъ [1]) доставилъ мнѣ случай внести мою лепту [2]), не требуя денегъ въ туже минуту. Пусть же онъ, ради стѣсненныхъ моихъ обстоятельствъ, займетъ для меня 150 рублей.—Я получилъ ваше письмо только нынче вечеромъ, потому отвѣтъ вы получите не прежде какъ завтра. Очень вамъ благодаренъ за Гофмана. Сбираюсь писать къ вамъ длинное письмо о немъ, а если вы захотите отъ него избавиться, пріѣзжайте на дняхъ къ намъ въ деревню; это будетъ лучше. Душевно вамъ преданный Ю. Самаринъ.

[1]) Михаилъ Петровичъ Погодинъ (род. 11 Ноября 1800 г. † 8 Дек. 1875 г.), профессоръ Русской Исторіи.

[2]) По случаю пріѣзда въ Москву Хорвата Гая.

14.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, какъ жаль мнѣ, что я не могу изустно отблагодарить васъ за двѣ книги Гофмана, которыми я въ продолженіи всего этого времени наслаждался исключительно. Признаюсь вамъ, Гофманъ совершенно заслонилъ для меня и Шиллера, и Гете, не говоря о Французахъ. Я не могу понять, какъ я до сихъ поръ могъ не знать его и оставаться равнодушнымъ къ поэту, который совершенно приходится мнѣ по сердцу. Паки и паки благодарю васъ за знакомство съ нимъ. Во второй части его Erzählungen есть двѣ повѣсти, которыя мнѣ особенно понравились. Это Datura fastuosa и der Feind.—Johannes Wacht былъ мнѣ извѣстенъ по переводу, помѣщенному въ «Наблюдателѣ». Основная мысль первой изъ этихъ повѣстей напоминаетъ стихотвореніе Кар. Кар. Павловой: «Et j'avais dit». Тоже отчужденіе отъ дѣйствительности, тоже абстрактное направленіе, тѣже усилія неопытнаго юноши удержаться въ тѣсной сферѣ искусственныхъ отношеній и тѣже искушенія, со всѣхъ сторонъ его осаждающія. Разница та, что отчужденіе отъ жизни въ Евгеніи не было слѣдствіемъ гордаго замысла, заранѣе взвѣсившаго радости и

обольщенія жизни, но какой-то дѣтской преданности памяти любимаго наставника, наукѣ и образу жизни, который онъ завѣщалъ ему. Поэтому безсознательный проступокъ Евгенія искупается тою, которая также по невѣдѣнію была всему причиною. Смертью der Frau Professorin возвращается Евгенію свобода, и выборъ его доказываетъ, что онъ уже научился ею пользоваться. Особенный характеръ этой повѣсти, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что оба лица, Евгеній и Профессорша, совершенно безвинно нарушаютъ вѣчный законъ бытія. Ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ корыстнаго умысла, нѣтъ злаго намѣренія и, не смотря на это, они приводятъ другъ друга на край погибели. Такъ разумно устроена жизнь, такъ премудры законы бытія, что малѣйшая попытка отъ нихъ уклониться влечетъ за собою необходимую гибель. Начало зла въ этой повѣсти занимаетъ второй планъ, поэтому веселый колоритъ ея почти не нарушается до самаго конца. Передъ развязкою Профессоршѣ и Евгенію открываются глаза—идея торжествуетъ, и сознаніе ея облегчаетъ для виновной переходъ изъ жизни конечной въ вѣчную. Я забылъ еще сказать объ одномъ. Каждый человѣкъ одаренъ природою потребностью живой, дѣйствительной жизни. Обстоятельства замедляютъ или ускоряютъ удовлетвореніе этой потребности. Когда человѣкъ, по собственному выбору, ударится въ ложное направленіе и возмечтаетъ о совершенномъ удовлетвореніи внѣ законовъ бытія, потребность эта можетъ на время умолкнуть; но она никогда не исчезаетъ и остается на днѣ души смутнымъ воспоминаніемъ какого-то нѣкогда угаданнаго блаженства. Вотъ что̀ значитъ въ повѣсти Гофмана эта прекрасная невѣста, явившаяся Евгенію во всемъ блескѣ подвѣнечнаго убранства.—Какъ естественно послѣ этого, что при первомъ сотрясеніи извнѣ, какъ скоро ему пахнуло въ лицо свѣжее дыханіе жизни, воспоминаніе всплыло на поверхность его души, взволновало ее томительною жаждою счастья, и онъ, изъ одной крайности ударившись въ другую, бросается впередъ за осуществленіемъ мечты.—Изъ всего этого выдается одна идея—человѣкъ созданъ для дѣйствительности; проявлять всѣ силы, которыми наградила его природа, жить всею полнотою жизни есть не только потребность, но необходимый долгъ, наложенный на него свыше. Я не стану напоминать вамъ подробностей этой повѣсти; они такъ хороши, такъ вѣрно возсоздаютъ этотъ милый, нѣсколько глупый образъ жизни Нѣмцевъ, что вы вѣрно помните ихъ не хуже меня. Да, такой повѣсти не написать Французу! Тоже самое происшествіе могло бы случиться и съ нимъ, и онъ угадалъ бы въ немъ сюжетъ для повѣсти; но дѣло въ томъ, что онъ понялъ бы его только съ анекдотической стороны. Никогда бы сквозь нея не сквозила у него эта идея, которою проникнуто все цѣлое; никогда бы она, по

прочтеніи повѣсти, не предстала вамъ живой, не въ отвлеченной сухости, не въ формѣ афористическаго изрѣченія, но какъ глубокій смыслъ, безъ котораго факты ничто. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами о Der Feind и объ die Elixiere des Teufels, которые выше всего; но я предоставляю это другому времени [1]), да не въ безмѣрное возрастетъ сіе мое посланіе (по выраженію Стефана Яворскаго).

Часъ отъ часу ожидаемъ нашихъ путешественниковъ. Послѣдніе дни въ деревнѣ будутъ посвящены имъ. Въ первыхъ числахъ Октября я буду въ Москвѣ, и тогда мы переговоримъ съ вами о многомъ, о многомъ. Прощайте, мой любезнѣйшій Аксаковъ. Поклонитесь при случаѣ отъ меня Погодину. Весь вашъ Ю. Самаринъ.

[1]) Ю. Ѳ. продолжалъ читать Гофмана въ 1841 и 1842 г. На оберткѣ принадлежавшаго ему экземпляра Hoffmann's sämmtliche Werke изд. 1841 г. написана имъ, вѣроятно въ 1842 г., слѣдующая характеристика этого писателя: „Единственное сочетаніе самаго яркаго и выпуклаго реализма—изображеніе бюргеровъ, ученыхъ, микроскопическаго двора—съ самымъ утонченнымъ мистицизмомъ. Душа одинаково чуткая для впечатлѣній міра вещественнаго и міра духовнаго. Особенность его творчества заключается въ способности, нечувствительно для читателя и какъ будто безъ собственнаго своего вѣдома, переходить изъ одного міра въ другой. Черта, раздѣляющая ихъ, исчезаетъ; они сливаются, проникаются взаимно. При этомъ, посреди необузданнаго разгула самой прихотливой фантазіи, никогда не затемняется ясность нравственнаго чувства".

15.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, я пріѣхалъ сейчасъ въ Москву *), по разнымъ дѣламъ. Не скрою, что мнѣ было бы очень пріятно провести вечеръ у Павловыхъ. Только ѣхать туда безъ особеннаго приглашенія и притомъ въ сертукѣ (фракомъ я забылъ запастись) кажется мнѣ крайне неприличнымъ, а въ отношеніи къ Павлову въ особенности я ни за что бы не хотѣлъ нарушить приличія. Какъ вы думаете? Нынче утромъ я буду у васъ около 1 или 2 и, если позволите, отобѣдаю у васъ. Вашъ Самаринъ.

*) Изъ подмосковной, лѣтомъ или осенью, вѣроятно 1840 года.

16.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, только что я пріѣхалъ въ деревню, на меня напала такая охота писать, что я въ три часа намаралъ длинное письмо къ Mauguin *) съ приличными учтивостями и оговорками, впрочемъ нисколько не сглаживающими рѣзкости моего мнѣнія о

трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности, православіи и самодержавіи. Вы получите это письмо завтра, и надѣюсь перешлете ему вмѣстѣ съ своимъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы въ своихъ замѣткахъ уяснили ему чего я не успѣлъ сдѣлать, т. е. то, какимъ образомъ Нѣмцы избавили насъ отъ ига Франціи и приготовили, своими поэтическими произведеніями и своею философіею, къ періоду разумной національности. Я также ничего не сказалъ о народномъ характерѣ, языкѣ, повѣрьяхъ и т. д., зная, что вы объ этомъ пишете. Какъ-то переваритъ все это его Французскій желудокъ? Во всякомъ случаѣ соглашаться или не соглашаться—его дѣло; лишь бы онъ не исковеркалъ нашего мнѣнія и не приписалъ бы намъ чего мы не думаемъ. Въ этомъ отношеніи, кажется, мы можемъ положиться на его добросовѣстность. Впрочемъ, такъ или иначе, но мнѣ право кажется, что мы слѣдуемъ не простой прихоти народнаго честолюбія и обращаемся не къ одной личности Mauguin, а выполняемъ волю судьбы, такъ нечаянно забросившей его въ нашъ кружокъ. Весь вашъ Ю. Самаринъ.

*) Письмо это написано въ Августѣ м. Изъ подмосковной Ю. Ө. пріѣзжалъ на день или на два въ Москву и видѣлся тамъ съ Аксаковымъ, бывалъ у Павлова, гдѣ и встрѣтился, вѣроятно, съ членомъ Камеры Депутатовъ Могеномъ (Mauguin), бывшимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1840 г. и пріѣзжавшимъ потомъ вмѣстѣ съ С. И. Пако на одинъ день въ Измалково, къ отцу Ю. Ө—ча, Өедору Васильевичу Самарину. Письмо Ю. Ө—ча къ Могену помѣщено подъ № 18.

17.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, вотъ посланіе къ Mauguin. Прочтите и скажите, довольны ли вы. Если вы пошлете его не сейчасъ, то не худо бы дать просмотрѣть Пако [1]); вѣроятно, вкрались ошибки противъ правописанія. Каролина Карловна [2]) сказывала мнѣ, что переводъ стихотворенія Хомякова находится у самого автора, и можно его достать. Попросите у него и пришлите мнѣ, я спишу и возвращу скоро. Какъ нашъ пріятель [3]) провелъ послѣдній день въ Москвѣ? Прощайте, любезнѣйшій Аксаковъ; мнѣ кажется, что присутствіе Mauguin еще болѣе насъ сблизило и зажгло между нами еще болѣе сочувствія. Вашъ Юрій Самаринъ.

1) Степанъ (или Адольфъ) Ивановичъ Пако (Pascault, род. 1800 г. † 1862 г.) наставникъ и воспитатель Ю. Ө—ча съ 5-ти лѣтняго возраста до поступленія его въ университетъ. Съ 1836 г. Пако былъ лекторомъ Французскаго языка при Московскомъ Университетѣ.

2) Павлова; см. пр. 2-е къ письму № 5.

3) Могенъ.

18.

Къ члену Камеры Депутатовъ г. Могену.

Monsieur!

Vous nous avez accordé une attention si soutenue et si flatteuse pendant le peu de jours que vous avez passés dans notre ville; nous avons été si agréablement surpris de reconnaître en vous une absence de préjugés complète et une bonne foi sincère, à laquelle, permettez moi de le dire, nous n'étions pas habitués, que c'est pour nous un devoir, que nous saisissons avec empressement, de vous aider à nous connaître et à nous faire connaître. Bien plus: outre que nous sommes heureux de répondre par notre empressement à la confiance que vous nous avez témoignée, en venant au milieu de nous, nous étudier de vos propres yeux et nous interroger franchement sur ce que nous pensions de nous-mêmes, c'est encore un service que nous rendons à notre pays. Oui, monsieur, nous en sommes convaincus, et vous l'avez dit, la Russie doit gagner à être connue, et nous ajoutons pour notre part: connue par un homme consciencieux et dont la parole aura du retentissement. Puissé-je dans cette lettre, que vous m'avez demandée, vous exposer brièvement les résultats de notre manière de voir, que mon ami m-r Aksakoff et moi n'avons pu qu'imparfaitement vous faire connaître.

La Russie vient d'entrer dans une phase nouvelle de son existence. Nous avons été nationaux jusqu'à Pierre-le-Grand, parce qu'en dehors de notre pays nous ne connaissions rien et que nos rapports avec nos voisins avaient toujours été hostiles. L'histoire des 7 à 8 premiers siècles de la Russie se compose d'un enchaînement de guerres presque perpétuelles, tantôt civiles (jusqu'au XV siècle à peu près) entre les princes apanagés, tantôt extérieures, soit avec les peuples de race tartare qui venaient tour à tour inonder le Midi (les Khosars, les Petchénegues, les Polovtsy et enfin les Mongols qui lancèrent sur la Russie les Tartares proprement dits), soit avec nos voisins d'Occident (les Polonais, les Lithuaniens, les Hongrois). Tous ces peuples vinrent tour à tour se ruer sur la Russie, comme pour étouffer dans

son berceau leur futur vainqueur; mais au milieu de ces luttes incessantes de races à races, la nationalité russe se fortifia, et à l'entrée du 10-me siècle son existence matérielle était assurée. Dès lors il lui fallut combattre pour son indépendance spirituelle; il lui fallut se raidir contre une civilisation antinationale que l'Occident voulait lui imposer; il lui fallut résister aux insinuations du Pape qui ne la perdait pas de vue, à un immense mouvement catholique qui, tantôt par les armes et tantôt par une propagande sourde et infatiguable, s'efforçait d'arracher la Russie à son isolement, pour la faire entrer dans le mouvement des peuples occidentaux. L'influence catholique subjugua le Midi de la Russie et établit à Kieff, l'ancien berceau de l'orthodoxie, son centre d'action sur tout le Nord. Mais alors Moscou était déjà puissante. Moscou, par cette désertion du Midi, devint le coeur de la Russie et le refuge de son orthodoxie et de sa nationalité, comme dans les temps de crises guerrières elle avait été son palladium. Le temps n'était pas venu pour la Russie de se mêler à l'Occident; d'ailleurs c'était à nous à lui ouvrir nos portes, non pas à lui à les briser. Peu après l'influence catholique et presque en même temps qu'elle se manifesta l'influence protestante. Celle-ci agit sur tout le Nord et nous vint de l'Allemagne; mais comme nous n'avions pas été catholiques, nous n'eûmes pas à devenir protestants. La réforme religieuse ne trouva pas de prise sur nos croyances, et l'orthodoxie et la nationalité russes restèrent vainqueurs. Telle Pierre-le-Grand trouva la Russie. Elle avait subit bien des influences, elle avait beaucoup souffert; mais le germe de sa nationalité, n'yant pas eu le temps de se développer au milieu de ces luttes incessantes, n'avait pu être étouffé. Il s'était conservé intact et pur. des erreurs et des bienfaits de la civilisation de l'Occident: il était tout entier pour l'avenir.

Jusqu'à Pierre-le-Grand, comme je l'ai dit, nous avions été nationaux, faute de connaître nos voisins. Un instinct admirable de cet avenir tout exceptionel, tout indépendant, qui lui était destiné, avait préservé la nation russe de toute influence absolue de la part des peuples de l'Occident, qui peût-être aussi pressentaient en elle une rivale qui devait un jour les dépasser. Cet instinct mutuel nous mit dans des rapports ennemis et nous sauva. Dès lors notre nationalité affermie n'eut plus à craindre une civilisation étrangère; Pierre-le-Grand, au nom de tout son peuple, alla la demander à l'Occident, et

ici commence dans notre histoire une période nouvelle. Le principe national semble disparaître. Eblouis par l'éclat de l'Occident, séduits par les magnifiques bienfaits d'une civilisation à laquelle il nous convie, nous nous jettons tête baissée dans des voies qui n'étaient pas les nôtres, nous oublions notre passé, nous devenons Français, puis Allemands; puis les deux influences se combinent, et l'élément national semble vouloir s'éteindre. L'influence française et allemande se manifesta chez nous sous d'autres formes que l'influence du catholicisme et du protestantisme. Elle ne s'attaqua pas à notre existence matérielle, elle ne menaça pas notre religion; à l'Occident les questions religieuses n'étaient plus les questions du jour. Ce fut à notre ordre social qu'elle en voulut. Elle s'attacha à détruire notre principe gouvernemental—notre monarchie absolue; elle voulut nous faire croire que nous gémissions sous le joug d'une tyrannie arbitraire, elle essaya de nous infuser sa haine contre le despotisme, juste et raisonnable ailleurs, absurde chez nous. Sous le règne de l'impératrice Anne, il y eut une conspiration de la haute noblesse pour créer une constitution aristocratique; de nos jours il y en eut une d'un genre différent. Sous nos yeux une génération tout entière, que nous pleurons encore, se laissa séduire. La mort et l'exil furent son partage. Elle avait méconnu son pays, elle avait trop aimé l'Occident. C'était un tort immense dont l'expiation fut terrible et qui passera comme éternel enseignement pour l'avenir. Ce fut alors, dans ces moments critiques, où un principe vital, le principe monarchique absolu, semble devoir crouler, que l'on sentit palpiter vivement cette nationalité qui semblait éteinte. Ce fut par son silence qu'elle protesta contre des réformes, qu'on voulait faire passer pour sa volonté; elle renia les réformateurs, et encore une fois notre principe monarchique fut sauvé, comme le furent jadis l'indépendance matérielle de la Russie et son principe religieux. Néanmoins l'influence française avait été de trop longue durée, elle s'était présentée sous des formes trop séduisantes pour ne pas assujetir ne fut-ce qu'une partie de la nation. Mais le mal s'arrêta là.

Le peuple y resta étranger. Ce fut surtout notre littérature, notre langue et nos moeurs qui la subirent. Elle fut bienfaisante sous bien des rapports, nuisible sous beaucoup d'autres; elle donna lieu à des excès d'imitation dont nous seuls sommes capables. Une nationa-

lité aussi prononcée, aussi fière, aussi remplie d'elle-même, que l'était la nationalité française, devait, dans les commencements surtout, avoir une influence immense. Il y eut un temps où nous mendions les suffrages des coryphées littéraires du XVIII siècle, où nous rivalisions avec les Français dans la connaissance de leur langue et de leur littérature, où ce qu'on appelait un homme civilisé osait à peine parler sa langue maternelle, où au contraire le français était cultivé dans toute sa pureté.... Ce temps n'est plus; ma lettre, monsieur, en témoigne, malgré moi.

Ainsi la première période de notre histoire, celle de la nationalité instinctive et exclusive, fut suivie d'une période d'imitation qui nous conduisit à un cosmopolitisme pâle et dénué de vie; ce cosmopolitisme à son tour, tendance essentiellement fausse, mais par laquelle il nous fallait passer pour parvenir à la conscience de notre nationalité, s'efface de jour en jour, et ses derniers représentants ne trouvent plus de sympathie. Tout est dans l'avenir. Mais cet avenir ne peut être que le résultat du passé. — Donc étudions notre passé. Exhumons le de ses cendres et recherchons y ces germes de vie, ces principes qui nous sont propres, et qui jusqu'à ce jour n'ont pu se développer. La Russie n'a encore joué dans le monde qu'un rôle passif; elle a passé près de dix siècles sur la défensive; son influence sur l'Occident n'a encore été que purement matérielle, le temps viendra où elle agira par ses idées. L'influence de l'Occident sur la Russie est finie, nous ne lui emprunterons plus que les résultats matériels de la civilisation, tels que l'industrie; désormais notre développement sera tout excentrique.

Et ici, monsieur, permettez-moi de vous rappelez ce que d'autres mieux que moi vous ont déjà dit. La Russie vous fait ombrage; vous lui supposez une ambition plus vaste que son territoire, des rêves de conquête embrassant l'univers. Si à ce mot d'ambition vous attachez une idée vulgaire, si c'est l'amour du carnage, l'appas du butin et la soif des conquêtes que vous nommez ainsi, détrompez vous, monsieur. Ce n'est pas à une invasion que nous sommes appelés par cette Providence qui gouverne le monde, et la gloire guerrière ne suffit pas à notre ambition que, sans la comprendre, mais avec raison, vous appelez immense. Mais ici je m'arrête. Je craindrais de m'enfoncer dans les voies impénétrables de l'avenir et je garderai pour moi des

convictions qui nous sont chères, mais que vous ne voudrez partager que quand les faits seront là pour les justifier. D'ailleurs vous en avez entre les mains une admirable expression poétique *). Donc la question du jour est de définir les éléments dont se compose notre nationalité.

Ces éléments sont le principe religieux et le principe monarchique absolu.

Développer ici le caractère de la religion grecque nous entraînerait trop loin; la question d'ailleurs serait trop au dessus de mes forces. Qu'il suffise de la considérer sous le point de vue historique. La religion grecque est également éloignée des travers du catholicisme et des erreurs du protestantisme. Entre ces deux extrêmes qui se partagent aujourd'hui l'Occident, elle occupe un juste milieu. Mais ce milieu n'est pas comme beaucoup de monde l'ont cru, le résultat d'un travail éclectique. Je n'ai pas besoin de parler de l'ancienneté de la doctrine grecque; elle repose sur un principe indépendant qui lui est propre, et jamais l'influence catholique ou protestante n'a pu l'entamer.

Ainsi que les catholiques, nous reconnaissons l'autorité de l'église, mais nous n'admettons d'infaillibilité, par conséquent d'autorité absolue, que dans les conciles œcuméniques. Notre église n'a pas, comme celle de Rome, confisqué à son profit la promesse, qu'en quittant la terre Jésus fit à l'église en général; elle n'a pas incarné l'unité spirituelle de l'église dans la personne du Pape, elle n'a pas matérialisé le Christianisme. Dénuée de pouvoir temporel, son action dans notre histoire a été purement morale. Son influence sur la nation avait une base plus puissante que des droits écrits et des armées, et par cela même elle n'était pas soumise aux chances des choses de ce monde. N'ayant pas à se mêler des affaires temporelles et à soigner d'intérêts terrestres, elle n'a pas été dans le cas de dévier de sa mission et de transiger avec elle-même en autorisant des abus aux principes qu'elle professait.

Ainsi l'absence d'autorité absolue et permanente dans la personne d'un seul, l'absence de pouvoir temporel, voilà ce qui nous a sauvés des abus du catholicisme; voilà ce qui a fait qu'après que près de

---

*) Il s'agit d'une pièce de vers de Chomiakoff (Гордись! тебѣ льстецы сказали) traduite en français par madame Pawloff.

9 siècles se sont écoulés depuis que la Russie est chretienne, nous n'avons pas eu à séparer la cause de l'église de celle de la religion.

Quant à ce qui nous sépare du protestantisme, je crois inutile d'en parler. Il a lui-même prononcé sa condamnation en dévoilant son impuissance. Le protestantisme n'est qu'une série de négations engendrées par les abus du catholicisme, et qui se tiennent par un enchaînement logique et nécessaire. Le dernier résultat de cette tendance, fausse dans son principe, mais admirablement suivie, est le livre de Strauss. Aussi le protestantisme n'est pas une religion: il n'est que la négation du catholicisme, manquant de principe vital, incapable de rien produire.

Strauss d'un côté, de l'autre Lamenais, Lamenais qui à lui seul a passé par toutes les croyances et toutes les erreurs de l'humanité chrétienne, deux hautes intelligences, que les deux doctrines qui les ont engendrées ne pourront jamais renier, vivantes et irrécusables protestations contre tout l'Occident: voilà, monsieur, ce que, mieux que tous mes raisonnements, vous prouvera qu'à l'Occident la cause de la religion est à jamais perdue. Je ne crois pas me tromper en disant que la doctrine grecque est la seule qui satisfasse aux exigences de l'humanité.

Le principe monarchique est le grand fait de notre histoire. Elle n'est autre chose que le développement de ce principe. Représentez-vous, monsieur, l'étendue du pays entre le lac Ladoga, les monts Ourals, les monts Karpates et la Mer Noire, peuplée au IX siècle par une foule de peuples slaves et finnois (au Nord), indépendants les uns des autres, ne se connaissant même pas et separés entre eux par des forêts, des marais et des steppes inhabitables. Tel aspect présentait le pays qu'on nomme aujourd'hui la Russie, lorsque l'an de grâce 862, quatre peuplades, les Slaves de Nowgorod, les Krivitchi, les Wess, les Tchoudes, fatiguées du désordre qui régnait parmi elles, s'en vinrent en Scandinavie demander aux Variagues (les Normands) des princes qui voulussent bien régner chez eux et y amener l'ordre. Trois frères appartenants à une des races scandinaves (les Rousses, de là la Russie) répondirent à leur appel et vinrent avec un petit nombre d'hommes s'établir en Russie, c'est à dire à Nowgorod, sur le lac Blanc (Bieloié Ozéro) et à Isborsk. Voici le fait tel que le raconte notre plus ancien chroniqueur Nestor, fait unique dans l'histoire du

17*

monde et d'où se développe toute notre histoire postérieure. Vous voyez, monsieur, que chez nous les rapports des deux races, de la race aborigène et des Normands, furent tout-à-fait autres qu'en France et en Angleterre. Il n'y eut point de conquête; il ne pouvait pas y en avoir, précisément à cause de la position géographique du pays et du petit nombre de ceux qui composaient la race étrangère; de là point de féodalité, point d'aristocratie militaire, comme principe indépendant, point de représailles possibles des vaincus aux vainqueurs, donc point de révolution, point de constitution possible. Les Normands ne firent pour ainsi dire que traverser la Russie en courant. Ils firent le tour de toutes les peuplades slaves, mais leur humeur aventurière les poussait ailleurs, et vers l'an 1000 ils disparaissent de notre histoire, et avec eux leur influence. Voici leur rôle en Russie: ils apprirent aux peuples slaves à se connaître, ils les mirent en rapport avec Constantinople, ils y introduisirent le Christianisme. Ce fait est encore d'une très-grande importance; vous me permettrez de le raconter tel que le rapportent nos chroniques. L'an 988 St. Vladimir, après avoir conclu un traité avec les Grecs, épousa la princesse Anne, soeur des empereurs alors régnants, et reçut le baptême. Instantanément tout son peuple imita son exemple, en disant ces paroles mémorables: «Puisque le prince l'a voulu, cela ne peût-être que bien». Et le Christianisme fut introduit parmi nous sans guerre, sans violence, par un assentiment unanime de toute la nation; et un siècle plus tard nous avions nos martyrs, nos couvents, toute une littérature religieuse.

Les Normands ayant disparu, le système des apanages se développa rapidement. De nouvelles peuplades entrèrent dans ce mouvement de développement, non pas par la conquête,mais par une occupation pacifique des pays incultes, par la fondation de villes et de principautés nouvelles. Toutes ces principautés étaient indépendantes les unes des autres, et la grande principauté, celle de Kieff, ne conservait sur elles qu'une prédominence morale et à peu près fictive. Ici commencent les guerres civiles; il nous manquait l'unité politique, un centre visible, une capitale; mais à défaut de l'unité politique que la nation n'avait pas encore trouvée, l'unité religieuse sauva le principe national.

Toute cette période de notre histoire peut être appelée centripète ou plutôt celle de la recherche d'un centre visible, qui semblait errer à travers la Russie de Kieff à Vladimir, de Vladimir à Galitch. Enfin ce centre fut trouvé. Ce fut d'abord la position géographique de Moscou au milieu même de la Russie, ce fut ensuite l'influence des Tartares qui aidèrent Moscou à surgir du milieu des débris de l'ancien ordre de choses. Il serait trop long ici de développer le caractère de l'influence tartare, influence tout extérieure qui ne changea rien à notre religion, presque rien à notre langue et à nos moeurs, et qui aida à notre développement politique. Moscou fut notre première et notre seule capitale. Autour d'elle se forma le noyau de l'état; elle attira à elle les disjecta membra de la Russie, et ici, dans la première moitié du XV siècle sous le grand-prince Jean, fils de Daniel, surnommé Kalita (bourse) à cause de ses économies, commence notre période de développement excentrique. La capitale, le centre de la Russie, une fois établie, il lui fallait une idée gouvernementale, un centre vivant, le Tzar. Ce fut en la personne de Jean III au XV siècle que s'incarna le principe monarchique absolu. Mais la lutte n'est pas encore terminée. Il y avait encore au dedans des principes de trouble, et l'établissement définitif de la monarchie absolue, telle qu'il la fallait à la Russie, dut être assuré par trois grandes luttes, qui sont représentées par trois grands noms: la lutte à l'extérieur que commença Jean III et qu'accomplirent ses successeurs; la lutte à l'intérieur avec les débris des princes apanagés qui s'étaient établis en aristocratie autour du trône pour intercepter au Tzar la vue de sa nation et qu'abattit Jean IV; la lutte du pouvoir séculier avec la partie de notre clergé qui voulait introduire une sorte de papauté et qu'accomplit le tzar Alexis, père de Pierre-le-Grand. De ces trois luttes le principe monarchique absolu et national sortit vainqueur. Je résume—point de conquête, point de féodalité, point d'aristocratie comme principe indépendant, point de contrat social entre le tzar et la nation. Un pouvoir absolu, un et national, agissant au nom de tous, marchant en tête de notre civilisation et accomplissant chez nous, sans le côté hideux des révolutions, ce qui à l'Occident est le fruit de guerres intestines, de guerres religieuses, de troubles et de bouleversements. Telle est la forme de gouvernement que la nation russe s'est faite à elle-même. C'est un legs

sacré de notre histoire et nous n'en voulons pas d'autre, car tout autre serait une tyrannie.

Voilà, monsieur, comment nous envisageons la question de notre nationalité. Je laisse à un autre à vous parler du caractère national, de notre tolérance, de notre universalité, de notre langue, de notre poésie, des croyances et dés moeurs de la nation.

Après ce que vous avez bien voulu entendre, vous comprendrez pourquoi nous croyons les peuples slaves destinés à une grande oeuvre de régénération; cette oeuvre, nous le savons bien, il nous faudra l'accomplir seuls et sans appuis; nous n'aurons pas les sympathies des peuples de l'Occident, et longtemps encore il faudra nous résigner à n'être pour eux qu'un objet de mépris ou de crainte.

Je termine, monsieur, ma lettre déjà trop longue. Vous m'avez permis d'être franc, et je vous ai exprimé nos espérances et notre opinion sur le passé et sur l'avenir avec la franchise d'une conviction qui n'est pas seulement la mienne, mais celle de beaucoup de monde en Russie. Nous serons tous heureux si, en récompense des choses nouvelles que vous nous avez apprises et des idées que vous avez rectifiées sur la France, vous voulez bien nous rendre le même service auprès de vos compatriotes et si surtout, après avoir laissé un souvenir agréable en Russie, vous en emportez un pareil.

Veuillez, monsieur, agréer l'expression des sentiments respectueux de votre tout dévoué Georges Samarine.

Septembre 1840.

Переводъ.

М. Г. Вы удостоили насъ такимъ лестнымъ и такимъ постояннымъ вниманіемъ въ теченіе тѣхъ немногихъ дней, которые вы провели въ нашемъ городѣ; мы были такъ пріятно удивлены, найдя въ васъ полное отсутствіе предразсудковъ и совершенную искренность, къ которой, позвольте вамъ сказать, мы не были пріучены, что съ радостью принимаемъ на себя обязанность помочь вамъ насъ узнать и дать о насъ вѣрное понятіе другимъ. Скажу болѣе: мы не только съ готовностью отзываемся на довѣріе, съ которымъ вы къ намъ отнеслись, пріѣхавъ къ намъ изучать насъ собственными глазами и откровенно спрашивая насъ самихъ о томъ, что̀ мы о себѣ думаемъ,—мы считаемъ сверхъ того, что этимъ оказываемъ услугу своему отечеству. Да, милостивый государь, мы убѣждены, и вы сами это высказали, что изученіе Россіи можетъ быть ей только въ пользу, особенно, прибавимъ отъ себя, когда ее изучаетъ человѣкъ добросовѣстный и слова котораго бу-

дутъ имѣть отголосокъ. Хотѣлось бы мнѣ изложить вамъ вкратцѣ въ этомъ письмѣ, на которое вы сами меня вызвали, тѣ результаты нашихъ воззрѣній, съ которыми я и другъ мой Аксаковъ не довольно полно ознакомили васъ въ разговорахъ.

Россія только что вступила въ новый періодъ своего развитія. Мы были національны до Петра Великаго, потому что внѣ своего отечества не знали ничего и потому что отношенія наши къ сосѣдямъ были всегда враждебны. Исторія Россіи въ первые 7, 8 вѣковъ ея существованія представляетъ рядъ войнъ почти безпрерывныхъ, то междоусобныхъ (приблизительно до XV вѣка) между удѣльными князьями, то внѣшнихъ съ народами Татарскаго происхожденія, поочередно наводнявшими наши южныя окраины (съ Хазарами, Печенѣгами, Половцами и наконецъ съ Монголами, которые нахлынули на Россію въ лицѣ Татаръ), и съ нашими сосѣдями на Западѣ (Поляками, Литвою и Венграми). Всѣ племена эти поочередно накидывались на Россію, какъ бы желая еще въ колыбели задушить своего будущаго побѣдителя; но, среди этой непрестанной борьбы племени съ племенемъ, Русская народность окрѣпла, и въ началѣ X вѣка матеріальное существованіе ея было обезпечено. Съ этого времени ей пришлось отстаивать свою духовную независимость, обороняться отъ антинаціональной цивилизаціи, которую навязывалъ ей Западъ; ей пришлось сопротивляться внушеніямъ папъ, никогда не терявшихъ ее изъ виду, и сильному движенію католическому, которое то оружіемъ, то глухою, неутомимою пропагандою силилось вырвать Россію изъ ея обособленія и завлечь ее въ общее движеніе западныхъ народовъ. Католическое вліяніе подчинило себѣ Югъ Россіи и утвердило въ Кіевѣ, древней колыбели православія, свой центръ для воздѣйствія на весь Сѣверъ.

Но Москва въ ту пору была уже сильна. Москва, вслѣдствіе отпаденія Юга, стала сердцемъ Россіи и убѣжищемъ ея православія и народности, какъ во времена военныхъ кризисовъ она была ея защитою. Еще не наступило время для Россіи войти въ общеніе съ Западомъ; къ тому же не Западу слѣдовало врываться къ намъ, а намъ самимъ надлежало открыть ему двери. Вслѣдъ за вліяніемъ католическимъ и почти одновременно съ нимъ проявилось у насъ вліяніе протестантское. Послѣднее шло къ намъ изъ Германіи и охватило весь Сѣверъ; но такъ какъ мы не были католиками, то намъ не приходилось и обращаться въ протестантовъ. Реформа религіозная не нашла у насъ удобной для себя почвы, и побѣда осталась за православіемъ и Русскою народностью. Такою засталъ Россію Петръ Великій. Она испытала много вліяній, она много выстрадала; но зародышъ ея народности, хотя и не успѣлъ развиться вслѣдствіе безпрерывной борьбы, не могъ однако замереть. Онъ сохранился неприкосновеннымъ и чистымъ отъ всѣхъ заблужденій и благъ западной цивилизаціи и остался нетронутымъ для будущаго.

До Петра Великаго, какъ я сказалъ, мы были національны, потому что не знали своихъ сосѣдей. Какое-то чудное предчувствіе предназначавшейся для Россіи исключительной, своеобразной будущности предохранило Русскій

народъ отъ безусловнаго вліянія народовъ Запада, которые, можетъ быть, въ свою очередь предчувствовали въ немъ соперника, которому суждено въ будущемъ превзойти ихъ. Это предчувствіе съ той и другой стороны поставило насъ во враждебныя отношенія и вмѣстѣ съ тѣмъ спасло насъ. Съ этихъ поръ, нашей окрѣпшей народности уже нечего было бояться чуждой цивилизаціи. Петръ Великій отъ имени всего народа обратился за нею къ Западу, и съ этого времени начинается новый періодъ въ нашей исторіи. Народное начало какъ бы исчезаетъ. Ослѣпленные блескомъ Запада, подкупленные чудными благами просвѣщенія, къ которому Западъ насъ призываетъ, мы бросаемся очертя голову на чуждыя намъ стези, — забываемъ свое прошлое, становимся Французами, потомъ Нѣмцами; за тѣмъ оба вліянія эти сливаются, и народный элементъ, повидимому, совершенно угасаетъ. Вліяніе Французское и Нѣмецкое обнаружилось у насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ проявилось вліяніе католицизма и протестантизма. Оно не коснулось нашего внѣшняго существованія, оно не угрожало нашей вѣрѣ. На Западѣ въ то время вопросы вѣры уже не были вопросами дня. Это вліяніе возстало противъ нашего общественнаго строя. Оно поставило себѣ цѣлью уничтожить наше государственное начало — самодержавіе; оно хотѣло насъ увѣрить, что мы изнываемъ подъ игомъ тиранніи и произвола; оно пыталось влить въ насъ свою ненависть противъ деспотизма, законную и разумную въ другихъ странахъ, а у насъ не имѣющую смысла. Въ царствованіе императрицы Анны составленъ былъ заговоръ въ средѣ высшаго дворянства съ цѣлію создать артистократическую конституцію; въ наши дни образовался другой заговоръ съ инымъ характеромъ. На нашихъ глазахъ цѣлое поколѣніе, еще понынѣ оплакиваемое нами, прельстилось тѣмъ же пагубнымъ вліяніемъ. Казнь и изгнаніе стали его удѣломъ; оно не вѣдало своего отечества и слишкомъ возлюбило Западъ. Это была тяжелая вина, искупленіе которой было ужасно и останется вѣчнымъ урокомъ для будущаго. Тогда-то, въ эти критическія минуты, когда жизненное начало,—самодержавіе, казалось осужденнымъ на погибель, почувствовалось усиленное біеніе сердца той народности, жизнь которой какъ будто окончательно погасла. Молчаніемъ народъ протестовалъ противъ реформъ, которыя выдавались за выраженіе его воли. Онъ отрекся отъ реформаторовъ, и еще разъ наше историческое начало, принципъ монархическій, было спасено, какъ нѣкогда спасены были внѣшняя независимость Россіи и ея вѣра. Тѣмъ не менѣе Французское вліяніе было такъ продолжительно и явилось къ намъ въ столь привлекательныхъ формахъ, что не могло не подчинить себѣ хотя бы часть націи; но далѣе этого зло не пошло. Народъ остался чуждъ этому вліянію. Оно особенно отозвалось на нашей литературѣ, на нашемъ языкѣ и на нашихъ нравахъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было благотворно, во многихъ другихъ вредно: оно вызвало крайность въ подражаніи, въ которой мы одни виновны. Такая національность какъ Французская, такъ ярко опредѣленная, такая гордая и самодовольная, должна была, особенно въ началѣ, имѣть на

насъ громадное вліяніе. Было время, когда мы вымаливали себѣ одобреніе литературныхъ корифеевъ XVIII вѣка, когда мы соперничали съ Французами въ знаніи ихъ языка и литературы, когда образованный, по тогдашнимъ понятіямъ, человѣкъ не смѣлъ почти говорить на своемъ родномъ языкѣ, когда наоборотъ Французскій языкъ изучался и блюлся во всей его чистотѣ... Это время прошло, и письмо мое, милостивый государь, по неволѣ служитъ тому доказательствомъ.

Итакъ, за первымъ періодомъ нашей исторіи, за періодомъ народности инстиктивной и исключительной, послѣдовалъ періодъ подражанія, который привелъ насъ къ блѣдному, безжизненному космополитизму. Этотъ космополитизмъ, направленіе существенно-ложное, но черезъ которое мы должны были пройти, чтобы дойти до сознанія нашей народности, въ свою очередь съ каждымъ днемъ сглаживается, и послѣдніе его представители не встрѣчаютъ болѣе сочувствія. Все еще въ будущемъ; но это будущее можетъ быть только плодомъ прошедшаго. Итакъ, обратимся къ изученію нашего прошлаго. Извлечемъ его изъ праха, изслѣдуемъ въ немъ зародыши жизни, наши природныя начала, которыя по сіе время не могли получить надлежащаго развитія. Россія до сихъ поръ играла въ мірѣ только страдательную роль; почти десять вѣковъ она провела въ оборонительномъ положеніи; вліяніе ея на Западъ было до сихъ поръ только чисто матеріальное; придетъ время, когда она воздѣйствуетъ своими идеями. Вліяніе Запада на Россію кончилось; впредь мы будемъ отъ него заимствовать только матеріальные результаты его цивилизаціи, какъ, напримѣръ, промышленность; отнынѣ развитіе наше будетъ вполнѣ самобытно.

По этому поводу позвольте мнѣ, милостивый государь, напомнить вамъ то, что̀ другіе лучше меня уже высказали вамъ. Россія порождаетъ въ васъ безпокойство; вы предполагаете въ ней честолюбіе, болѣе громадное чѣмъ ея территорія; вы приписываете ей замыслы всемірнаго завоеванія. Если подъ словомъ честолюбіе вы разумѣете грубое понятіе, страсть къ кровопролитію, къ добычѣ, жажду завоеваній,—разубѣдитесь въ этомъ. Нѣтъ, не къ завоеваніямъ призываетъ насъ Провидѣніе, правящее міромъ, и военная слава не удовлетворитъ нашего честолюбія, которое вы справедливо называете безмѣрнымъ, хотя и не понимаете его задачи. Но на этомъ я долженъ остановиться изъ опасенія погрузиться слишкомъ глубоко въ непроницаемыя стези будущаго и оставлю про себя убѣжденія, которыя намъ дороги, но которыхъ вы не захотите раздѣлить, пока не будетъ на лицо фактовъ ихъ оправдывающихъ. Къ тому же вы уже имѣете передъ глазами прекрасное выраженіе этихъ чаяній въ поэтическомъ произведеніи *). Итакъ, теперь надлежитъ опредѣлить составные элементы нашей народности: религіозное начало и самодержавіе.

---

*) Въ стихотвореніи Хомякова: Гордись, тебѣ льстецы сказали, въ Французскомъ переводѣ К. К. Павловой.

Изложеніе характера православнаго вѣроученія завлекло бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же задача эта превысила бы мои силы; ограничусь взглядомъ на православіе съ исторической точки зрѣнія. Православное вѣроученіе одинаково чуждо уклоненій католицизма и заблужденій протестантизма. Между этими двумя крайностями, которыя нынѣ раздѣляютъ западный міръ, оно занимаетъ средину; но эта средина не есть однако, какъ полагали многіе, результатъ эклектизма. Излишне, мнѣ кажется, было бы говорить здѣсь о древности православнаго вѣроученія. Оно зиждется на самобытномъ, ему свойственномъ началѣ, и никогда католическое или протестантское вліяніе не могли его пошатнуть.

Также какъ и католики мы признаемъ авторитетъ церкви, но непогрѣшимость, слѣдовательно и безусловный авторитетъ мы признаемъ только за вселенскими соборами. Наша церковь не конфисковала въ свою пользу, подобно церкви Римской, обѣтованія, даннаго Христомъ церкви вообще, когда Онъ покинулъ землю; она не воплотила въ лицѣ папы духовнаго единства церкви и не матеріализировала Христіанства. Лишенная власти свѣтской, церковь наша принимала участіе въ исторіи нашей чисто нравственное. Ея вліяніе на народъ исходило изъ основанія болѣе могущественнаго, чѣмъ писанные законы или арміи, и вслѣдствіе этого она не была подчинена случайностямъ міра сего. Не будучи поставлена въ необходимость вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія и блюсти мірскіе интересы, она не имѣла и случая уклоняться отъ своей задачи и входить съ собою въ сдѣлку, допуская отступленія отъ исповѣдуемыхъ ею началъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе безусловнаго авторитета, постоянно-присущаго одному лицу, отсутствіе свѣтской власти: вотъ что спасло насъ отъ злоупотребленій, которымъ подвергся католицизмъ; вотъ почему, послѣ девяти безъ малаго вѣковъ, какъ существуетъ Христіанство въ Россіи, намъ не пришлось отдѣлять дѣла церкви отъ дѣла вѣры.

Считаю излишнимъ говорить о томъ, что̀ насъ отдѣляетъ отъ протестантства. Оно само произнесло себѣ осужденіе, обнаруживъ свое безсиліе. Протестантство есть только рядъ отрицаній, порожденныхъ злоупотребленіями католицизма и связанныхъ другъ съ другомъ необходимо и логически. Послѣднимъ выраженіемъ этого направленія, ложнаго въ основаніи своемъ, но въ высшей степени послѣдовательнаго, является книга Штрауса. Поэтому протестантство само по себѣ не религія, а только отрицаніе католицизма, лишенное жизненнаго начала и неспособное само по себѣ что либо произвести.

Штраусъ съ одной стороны, съ другой Ламене, который самъ прошелъ чрезъ всѣ вѣрованія и заблужденія христіанскаго человѣчества — двѣ личности высокаго ума, отъ которыхъ никогда не въ состояніи будутъ отречься обѣ породившія ихъ западныя доктрины — вотъ живые и неопровержимые протесты противъ всего Запада; вотъ, милостивый государь, факты способные лучше всѣхъ моихъ разсужденій доказать вамъ, что дѣло религіи

на Западѣ окончательно проиграно. Я думаю, что не ошибаюсь, утверждая, что только православное ученіе способно удовлетворить требованіямъ человѣчества.

Принципъ монархическій—великое дѣло нашей исторіи. Она вся есть ничто иное, какъ развитіе этого принципа. Представьте себѣ, мил. государь, страну между Ладожскимъ озеромъ и Уральскими горами, между Карпатами и Чернымъ моремъ, населенную въ IX вѣкѣ множествомъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ (на Сѣверѣ), независимыхъ другъ отъ друга, даже незнающихъ другъ друга и раздѣленныхъ между собою лѣсами, болотами и необитаемыми степями. Такой видъ представляла страна, называемая нынѣ Россіею, когда, въ 862 г. по Р. Х. четыре племени: Славяне Новогородскіе, Кривичи, Весь и Чудь, утомленные безурядицею, царствовавшею между ними, рѣшились обратиться въ Скандинавію и просить у Варяговъ (Норманновъ) князей для управленія страною и установленія въ ней порядка. Три брата изъ Скандинавскаго племени Русь (отсюда Россія) отозвались на ихъ призывъ и водворились съ небольшою дружиною въ Россіи, т. е. въ Новгородѣ, на берегу Бѣлаго озера и въ Изборскѣ. Такъ разсказано это событіе Несторомъ, нашимъ древнѣйшимъ лѣтописцемъ, событіе единственное въ исторіи міра; изъ него развилась вся послѣдующая наша исторія. Вы видите, милостивый государь, что у насъ отношенія двухъ племенъ—туземцевъ и Норманновъ были совершенно иныя, нежели во Франціи и Англіи. У насъ не было и не могло быть завоеванія, благодаря географическому положенію страны и малочисленности пришлаго племени, слѣдовательно не могло быть ни феодализма, ни военной аристократіи, въ смыслѣ самостоятельнаго принципа, ни враждебныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, слѣдовательно не могло быть и революціи и конституціи. Норманны, такъ сказать, только быстро прошли по Россіи. Они обошли всѣ Славянскія племена, но ихъ подвижной характеръ увлекалъ ихъ въ другую сторону, и въ началѣ X вѣка они исчезають совершенно изъ нашей исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается и ихъ вліяніе. Значеніе ихъ въ Россіи ограничилось тѣмъ, что они сблизили между собою племена Славянскія, поставили ихъ въ сношеніе съ Константинополемъ и ввели у нихъ Христіанство. Это событіе по сіе время имѣетъ такое важное значеніе, что вы позволите мнѣ разсказать его здѣсь въ томъ видѣ, какъ передаютъ его наши лѣтописи. Въ 988 году св. Владиміръ, по заключеніи мира съ Греками, женился на княжнѣ Аннѣ, сестрѣ царствовавшихъ тогда императоровъ, и принялъ крещеніе. Мгновенно весь народъ послѣдовалъ его примѣру и сказалъ при этомъ слѣдующія достопамятныя слова: «если князь того пожелалъ, то это не можетъ быть худо». И Христіанство ввелось у насъ безъ войны, безъ насилія, по единодушному согласію всего народа, а сто лѣтъ спустя у насъ были уже свои мученики, свои монастыри, цѣлая духовная литература. Едва удалились Норманны, у насъ быстро развилась система удѣловъ. Новыя племена присоединились къ намъ не путемъ завоеванія, а миролюбивымъ занятіемъ нами областей еще дикихъ, осно-

ваніемъ городовъ и новыхъ княжествъ. Всѣ эти княжества были независимы другъ отъ друга, и великое княжество Кіевское сохраняло только нравственное, почти фиктивное преобладаніе надъ ними. Въ эту эпоху начинаются у насъ междоусобныя войны; намъ недоставало политическаго единства, видимаго центра, столицы. Но за недостаткомъ политическаго единства, еще не выработаннаго страною, единство вѣры спасло народное начало.

Весь этотъ періодъ нашей исторіи можетъ назваться центростремительнымъ, или вѣрнѣе періодомъ исканія видимаго центра, который какъ бы блуждалъ по Россіи, переносясь изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Галичъ. Наконецъ, центръ этотъ былъ найденъ. Прежде всего географическое положеніе въ серединѣ Россіи, а затѣмъ вліяніе Татаръ содѣйствовали возвышенію Москвы надъ развалинами стараго порядка вещей. Не время теперь развивать характеръ Татарскаго вліянія; оно было чисто-внѣшнее, не коснулось ни въ чемъ нашей религіи, весьма мало отразилось на нашемъ языкѣ и на нашихъ нравахъ, но способствовало нашему развитію политическому. Москва была нашею первою и единственною столицею; вокругъ нея образовалось ядро государственное; она сплотила около себя разбросанные члены Россіи, и въ ней-то въ 1-й половинѣ XV вѣка, при великомъ князѣ Іоаннѣ Даніиловичѣ, прозванномъ Калитою (сума) за его бережливость, начинается періодъ нашего центробѣжнаго развитія. Когда для Россіи отыскался центръ, столица, тогда потребовалась для нея государственная идея, живой центръ, Царь. Въ XV вѣкѣ въ лицѣ Іоанна III воплотилось начало самодержавія. Но борьба далеко еще не кончилась. Внутри страны были еще элементы смуты, и для того, чтобы самодержавіе могло установиться такъ прочно, какъ то было нужно Россіи, оно должно было выдержать три великія борьбы, съ которыми связаны три славныя имени; борьбу внѣшнюю, которую началъ Іоаннъ III и окончили его преемники, борьбу внутреннюю съ мелкими удѣльными князьями, которые образовали вокругъ престола какъ бы аристократію, разобщившую Царя съ народомъ, эту аристократію сломилъ Іоаннъ IV-й; наконецъ, борьбу свѣтской власти съ тою частью нашего духовенства, которая желала ввести у насъ нѣчто въ родѣ папства, эту борьбу покончилъ Царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго. Изъ этой тройственной борьбы народное начало, самодержавіе, вышло побѣдителемъ. Итакъ, у насъ не было ни завоеванія, ни феодализма, ни аристократіи (въ смыслѣ самостоятельнаго начала), и не было договора (contrat social) между царемъ и народомъ. Неограниченная власть, единая и народная, дѣйствующая во имя всѣхъ, идущая во главѣ нашей цивилизаціи и совершающая у насъ, безъ ужасовъ революціи, то, что̀ на Западѣ является результатомъ войнъ междоусобныхъ, религіозныхъ смутъ и общественныхъ переворотовъ: такова форма правленія, которую создалъ для себя Русскій народъ; она священное наслѣдство нашей исторіи, и мы не хотимъ другой формы, ибо всякая другая была бы тираннією.

Вотъ, милостивый государь, какъ мы понимаемъ вопросъ о нашей народности. Предоставляю другому ознакомить васъ съ отличительными чертами нашего народнаго характера, проявляющимися въ нашей вѣротерпимости и воспріимчивости, въ нашемъ языкѣ и нашей поэзіи, въ повѣріяхъ и нравахъ нашего народа. Послѣ всего сказаннаго, вы поймете, почему мы вѣримъ въ призваніе Славянскихъ племенъ къ великому дѣлу возрожденія; это дѣло, мы знаемъ, придется совершить намъ однимъ и безъ чьей либо помощи; намъ въ этомъ дѣлѣ не будутъ сочувствовать народы Запада, и долго еще придется намъ мириться съ мыслью, что въ ихъ глазахъ мы не болѣе какъ предметъ презрѣнія или страха.

Этимъ я оканчиваю, милостивый государь, свое черезъ чуръ длинное письмо; вы дозволили мнѣ быть откровеннымъ, и я высказалъ вамъ наши чаянія и наши взгляды на прошлое и будущее съ искренностью убѣжденія, не только нашего личнаго, но раздѣляемаго весьма многими въ Россіи. Мы были бы счастливы, еслибъ вы, сообщивъ намъ много новаго и во многомъ исправивъ наши взгляды на Францію, оказали намъ туже услугу передъ своими соотечественниками, а главное если бы вы, оставляя по себѣ пріятное между нами воспоминаніе, могли сохранить таковое же и о насъ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Юрій Самаринъ.

Сентябрь 1840 года.

Примѣчаніе. Г. Могенъ отвѣчалъ К. С. Аксакову слѣдующимъ письмомъ: «S. Pétersbourg 18 (30) VII-bre 1840. Monsieur, j'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 2 (14) de ce mois. J'aurais dû vous en accuser réception plus tôt, mais j'ai été malade.... Je vous prie de remerier m-r Samarine de la note qu'il m'a adressée; j'y ai trouvé des renseignements fort curieux et dont j'espère bien faire usage, si, comme je l'espère, je mets à exécution mon projet de publier quelques lettres sur la Russie. Vous avez raison, m-r Samarine et vous, de compter sur l'impartialité de mes récits; en tout je cherche franchement la vérité, et je trouve qu'il est de votre intérêt qu'on la dise; vous êtes peu connus et vous méritez de l'être d'avantage. Avec cela je me suis trouvé ici dans une position particulière, et quoique mon séjour en Russie n'aït pas été tout-à-fait de deux mois, j'ai pu voir beaucoup plus que tout autre. Grâce à vous et à deux ou trois autres personnes, j'ai pu connaître promptement Mos-

cou et quelques... *) de sa société. Ici, à Pétersbourg, l'Empereur a donné des ordres si obligeants pour moi, que j'en ai été confus: tout m'a été ouvert, et j'ai pu tout voir dans les plus petits détails.—A vous parler franchement, c'est le séjour de Moscou que je préférerais, et j'ai regretté sérieusement de ne pouvoir y passer 7 ou 8 jours de plus. Je ne saurais trop vous prier de me rappeler au souvenir des personnes que vous m'avez fait connaitre, et notamment de m-r et de m-me Pawloff et de leur société. Je n'oublierai par la soirée que j'ai passée avec eux. Dites bien, je vous prie, à m-me Pawloff et à son mari qu'ils m'obligeront beaucoup s'ils peuvent me procurer une occasion de leur être agréable; qu'ils disposent de moi à Paris. Je tiendrai à leur prouver, ainsi qu'à vous et à m-r Samarine, que je n'oublie pas la bonne et gracieuse hospitalité que j'ai reçue à Moscou. Je partirai demain par le bâteau du Hâvre et je retourne directement en France. Si la mer n'y met obstacle, je serai à Paris dans 10 ou 11 jours. Je n'oublie pas, monsieur, que vous me devez aussi quelques notes; peut-être aussi vous écrirai-je de Paris pour de nouveaux renseignements. Mais je ne craindrai pas d'abuser de votre obligeance, parce qu'il s'agit de votre pays.—Veuilles présenter mes compliments à m-r Samarine et croire aux sentiments distingués de votre tout devoué Manguin.—13 Rue Gaillon à Paris.

19.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, вчера разсказы Шевырева и остроты Андросова [1]) заставили меня забыть спросить васъ о Кудрявцевѣ [2]). Есть ли рѣшительный какой отвѣтъ? Мнѣ совѣстно развлекать васъ хлопотами о нашемъ дѣлѣ, а нужно бы поскорѣе принять мѣры въ случаѣ отказа. Во всякомъ случаѣ вы бы прислали мнѣ его адресъ, авось я какъ нибудь съ нимъ столкнусь. Вашъ душевно

Ю. Самаринъ.

[1]) В. П. Андросовъ (р. 1803 † 1841) ученый статистикъ, человѣкъ очень даровитый, въ 1835 г. основалъ въ Москвѣ журналъ „Московскій Наблюдатель,“ и издавалъ его до 1838 года при дѣятельномъ участіи С. П. Шевырева.

[2]) Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ (р. 4 Августа 1814 † 1858 г.) окончилъ курсъ въ Москов. Унив. въ 1840 году; съ 1847 г. до кончины былъ профессоромъ Всеобщей Исторіи.

Записки отъ № 19 до № 21 написаны осенью, вѣроятно въ Октябрѣ, 1840 года. Въ это время Ѳ. В. Самаринъ, устроивая уроки своихъ дѣтей, которые всѣ воспитывались дома, желалъ пригла-

*) Одно слово неразобрано.

сить для преподаванія исторіи Н. И. Кудрявцева; переговоры объ этомъ съ нимъ шли черезъ К. С. Аксакова, и Кудрявцевъ принялъ предложеніе. Въ то время онъ уже былъ извѣстенъ своими повѣстями, которыя печаталъ въ „Телескопѣ“, „Московскомъ Наблюдателѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ подъ буквами А. Н., а впослѣдствіи подъ псевдонимомъ А. Нестроева.

20.

Къ К. С Аксакову.

Любезный Аксаковъ, батюшка поручилъ мнѣ спросить васъ, не знаете ли вы, на чемъ остановились переговоры съ Кудрявцевымъ. Вчера я видѣлъ Крюкова, но онъ ничего не умѣлъ сказать мнѣ. Всѣ навѣдывались о причинѣ вашего отсутствія. Было много споровъ. Главныя схватки: 1) Шевырева съ Крюковымъ о томъ, можно ли молиться богу Гегеля! Шевыревъ подрѣзанъ съ ногъ славно. 2) Шевырева съ Рѣдкинымъ [1]) о первобытномъ состояніи человѣка. Рѣдкинъ спорилъ прекрасно. Шевыревъ прикрылъ постыдное отступленіе криками и общими мѣстами, но онъ долженъ былъ погибнуть совершенно, еслибъ не вмѣшался Дмитріевъ [2]) и не отвлекъ Рѣдкина. 3) Споръ Рѣдкина съ Дмитріевымъ, о томъ же. Дмитріевъ мистикъ несносный; вздумалъ въ спорѣ философскомъ приводить тексты, и споръ дошелъ было до личностей. 4) Наконецъ, мой споръ съ Орловымъ [3]), вздумавшимъ излагать мнѣ какую-то свою систему. И удалось мнѣ смиренному Давиду повалить грознаго Голіаѳа! Нынче или завтра вечеркомъ я буду у васъ. Мнѣ нужно васъ видѣть до Воскресной сходки. Вашъ Ю. Самаринъ.

[1]) Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ (р. 4 Октября 1808 г.), съ 1835 г. по 1848 г. былъ профессоромъ Москов. Унив. и читалъ Энциклопедію Права.

[2]) Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ. (р. 23 Мая 1796 † въ Сент. 1866), племянникъ Ивана Ивановича Дмитріева, извѣстный стихотворецъ и эпиграматистъ; написалъ „Мелочи изъ запаса моей памяти“, „Жизнь кн. И. М. Долгорукова,“ перевелъ Горація и пр.

[3]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, одинъ изъ славныхъ дѣятелей 1812 года, подписавшійся въ 1814 году подъ капитуляціею Парижа, позднѣе находившійся въ опалѣ за свои связи съ Декабристами, жилъ въ Москвѣ до кончины своей въ 1842 г.

21.

Къ К. С. Аксакову.

Благодарю васъ премного, любезнѣйшій Аксаковъ, за извѣстіе о Кудрявцевѣ. Я буду ожидать его на дняхъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Третьяго дня былъ у Павловыхъ. Каролина Карловна встрѣтила меня комплиментами за мое письмо [1]), и Николай Филипповичъ непремѣнно требовалъ, чтобъ я прочелъ ему. Что касается

до моихъ занятій, я еще все въ разъѣздахъ. Вчера занялъ у Крамера [2]) Шамиссо и сталъ читать его der Mann ohne Schatten,—славная повѣсть въ родѣ Гофмана. Еще я видѣлъ на дняхъ гр. С—а; онъ спрашивалъ о васъ, о Катковѣ; потомъ непримѣтно разговоръ сбился на католицизмъ, протестантизмъ и т. д. Я не утерпѣлъ, увлекся желаніемъ высказать мое задушевное убѣжденіе, и онъ цѣлый часъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Но объ этомъ до перваго свиданія. Мы, кажется, собирались къ Шевыреву [3]) на лекцію? Когда это будетъ? Должно также ѣхать вмѣстѣ къ импровизатору [4]). Если вы не перемѣнили намѣренія, поручите мнѣ взять билеты. Раздаетъ ихъ Шевыревъ, и я заразъ потребую ихъ нѣсколько. Итакъ, до свиданья.—Папинька, которому я сейчасъ сообщилъ извѣстіе о Кудрявцевѣ, поручаетъ мнѣ сказать вамъ искреннюю благодарность.

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о письмѣ Ю. Ѳ-ча къ Могену.

[2]) Домашній учитель.

[3]) Шевыревъ возобновилъ свои лекціи осенью 1840 г. послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею.

[4]) Италіянецъ поэтъ-импровизаторъ Джустиніани, впослѣдствіи лекторъ Итал. языка въ Петерб. Университетѣ. Первая импровизація была 18 Сентября, вторая 13 Октября 1840 г. Темы для импровизаціи были даны ему слѣдующія: Пожаръ Москвы 1812, смерть лорда Байрона, литературный шарлатанъ, торжество импровизатора и т. д.

22.

К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, вотъ билетъ [1]). Онъ стоитъ 10 рублей. Сдѣлайте одолженіе, вычтите изъ него два четвертака, которые я занялъ у вашего человѣка, и рубль за мороженое. Мнѣ бы хотѣлось ѣхать туда съ вами вмѣстѣ. Нельзя ли условиться? Ожидаю съ нетерпѣніемъ Кудрявцева. Нынче или завтра буду у васъ.

Вашъ Ю. Самаринъ.

[1]) На импровизацію Джустиніани.

23.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, нельзя ли вамъ прислать мнѣ Исторію Русской Литературы Греча? Изъ моего экземпляра выпало нѣсколько листковъ. Вчера у Свербеевыхъ [1]) дѣло зашло о Шиллерѣ и т. д. Я

вспомнилъ о васъ и пожалѣлъ о вашемъ отсутствіи; но объ этомъ послѣ. До свиданья. Ю. Самаринъ.

[1]) Ю. Ѳ. Самаринъ и К. С. Аксаковъ очень часто бывали у Дмитрія Николаевича и Екатерины Александровны Свербеевыхъ; въ началѣ 40-хъ годовъ на ихъ оживленные вечера собирались какъ Западники, такъ и Славянофилы. Записка эта написана вѣроятно въ зиму съ 1840 на 1841 годъ.

24.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, буду васъ ждать до 11 часовъ. Вы помните наше намѣреніе; да еще есть до васъ просьба: не можете ли на нѣсколько дней ссудить меня «Киршею Даниловымъ» или «Словомъ о Полку Игоря?» Мнѣ бы хотѣлось кое-что брату прочитать.

Вашъ Ю. Самаринъ.

P. S. Былъ у меня Клюшниковъ.

И. П. Клюшниковъ, поэтъ кружка Н. В. Станкевича; свои стихотворенія онъ печаталъ подъ буквою —Ѳ— въ „Телескопѣ", „Московскомъ Наблюдателѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ". Ю. Ѳ—чъ познакомился съ Клюшниковымъ въ 1837 или 1838 г. и видѣлся съ нимъ въ то время довольно часто, такъ какъ онъ давалъ тогда уроки Русской Словесности брату и сестрѣ Ю. Ѳ-ча. Въ то время Клюшниковъ „совершенно овладѣлъ мною", но „вліяніе это наконецъ стало тягостно, ужасно; я убѣжалъ отъ него... развязаться я бы не могъ никакъ": такъ опредѣляетъ Ю. Ѳ. свои отношенія къ Клюшникову въ нѣсколькихъ строкахъ, сохранившихся въ дневникѣ его 1841 года, когда всѣ сношенія съ Клюшниковымъ были уже порваны. Записка эта написана вѣроятно въ зиму съ 1840 на 1841 годъ.

25.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, пріѣхалъ ли Павловъ? Я спрашиваю оттого, что мнѣ нужно знать, рано ли начнется вечеръ и поздно ли кончится. Если собраніе будетъ полное, мнѣ можно будетъ сдѣлать предварительный визитъ; если же будутъ только избранные, я начну съ Павловыхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ надѣюсь васъ видѣть. Пріѣхалъ ли вашъ батюшка? Весь вашъ Ю. Самаринъ.

Записка эта написана вѣроятно въ зиму съ 1840 на 1841 годъ.

1841 годъ.

26.

Къ К. С. Аксакову.

Вчера я просидѣлъ битыхъ три часа вдвоемъ съ Каролиной Карловной. Мы перебрали всѣ вопросы, которые занимали и занимаютъ васъ и меня. Говорили о Фаустѣ, о Французахъ, о Зандѣ, о безсмертіи души, о Гегелѣ, о любви и т. д. Она прочла мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ недавно вышедшей Философіи Ламене въ 3 частяхъ, толстыхъ и полновѣсныхъ. Еслибъ вы знали, что̀ онъ навралъ о Фаустѣ! Кажется, умный Французъ, Французъ добросовѣстный, съ убѣжденіемъ, терпящій за свои убѣжденія, не гонящійся за литературною извѣстностью; а между тѣмъ клеймо націи, это пристрастіе къ своему, эта ограниченность, эти поверхностныя сужденія еще рѣзче и отвратительнѣе выдаются въ его сентенціяхъ, въ его притязаніи на глубокомысліе. Каролина Карловна мнѣ сказывала, что вы съ ней спорили о томъ, признаетъ ли Гегель откровеніе, признаетъ ли въ Іисусѣ Христѣ Сына Божія, и будто вы сказали, что признаетъ? Въ такомъ случаѣ намъ должно будетъ уяснить этотъ вопросъ, потому что я думаю совсѣмъ иначе. Мнѣ кажется, Гегель понимаетъ всю исторію, все развитіе какъ откровеніе Божіе, но не принимаетъ откровенія въ извѣстное только время, одному или нѣкоторымъ лицамъ? Какъ вы думаете? — Говорили мы также и очень долго о безсмертіи души, о сотвореніи міра, потомъ перешли къ Шевыреву. — Кстати, что̀ Шевыревъ наговорилъ въ своемъ «Взглядѣ Русскаго на современную образованность Европы» [1])! — Читала мнѣ нѣсколько новыхъ стиховъ, очень хорошихъ и т. д. — Пріѣхавши домой, я невольно призадумался — 20-ое число, und noch nichts für die Dissertation gemacht [2])! Страшно—не предвижу конца моему коснѣнію. Развѣ твердое намѣреніе, крутой переломъ въ образѣ жизни, развѣ отказаться отъ свѣта и баловъ, помолиться Богу и засѣсть! А завтра у Мещерскихъ балъ, завтра черные глаза К — ой. «Ничего, ничего! Молчанье»... [3]). До свиданья Ю. Самаринъ.

[1]) Статья Шевырева „Взглядъ Русскаго на современное образованіе Европы" помѣщена въ № 1 Москвитянина 1841 года, который началъ издаваться Погодинымъ въ этомъ году при дѣятельномъ участіи С. П. Шевырева. Это письмо написано вѣроятно въ Январѣ или Февралѣ 1841 года.

[2]) Извѣстное восклицаніе Донъ-Карлоса (у Шиллера): Drei und zwanzig Jahre, und nichts für die Unsterblichkeit gethan!

[3]) Гоголь. Записки Сумасшедшаго.

27.

Къ К. С. Аксакову.

Вчера я задумалъ крѣпкую думу о моей, увы! неподвижной диссертаціи. Мало, очень мало сдѣлано, а сколько еще предстоитъ впереди трудностей и остановокъ. Признаюсь, я вижу ясно, что задумалъ слишкомъ огромный трудъ и не въ силахъ буду выполнить обѣщаніе, которое я далъ самому себѣ. Множество матеріаловъ приводитъ меня въ смущеніе, и я, какъ юродивый домостроитель, долженъ буду уступить ихъ другому за половину цѣны, въ которую они мнѣ достались. Это горькое сознаніе мнѣ одному суждено испытать. Съ вами его не будетъ. Въ диссертаціи философской предметъ развивается изъ самого себя, одна мысль выходитъ изъ другой, и нѣтъ трудности въ выборѣ. Напротивъ того передъ мною масса фактовъ, и все кажется мало; эти факты надобно представить въ настоящемъ свѣтѣ и вывести общій результатъ. Найдутся многіе, которые станутъ понимать ихъ иначе, отроютъ какой нибудь частный случай и вздумаютъ опровергать имъ тысячи другихъ, болѣе важныхъ. Не смотря на то, однажды подъятый крестъ я понесу до конца, какія бы не суждено мнѣ было терпѣть поруганія. Приближается время вольной страсти.— Все это я говорю къ тому, чтобы увѣдомить васъ, мой любезнѣйшій Аксаковъ, о моемъ намѣреніи отложить занятія логикою до другаго, лучшаго времени, т. е. до окончанія диссертаціи. Теперь мнѣ нужно все свое время и всѣ силы отдать ей. Итакъ не ждите меня ни нынче, ни завтра къ Клепферу [1]) и представьте ему мою просьбу о увольненіи за неспособностью къ слушанію Гегеля. Убояхся бездны премудрости! Сейчасъ получилъ «Москвитянина» [2]). Куда какъ плохъ! До чего дошелъ Хомяковъ съ своей точки зрѣнія! Наполеона повергла не сила народовъ и не р о в н ы й (вмѣсто равный) ему соперникъ, но Тотъ, кто и т. д. Какъ будто не въ общемъ возстаніи и не въ исторіи, а въ чемъ-то другомъ обнаруживается воля Божія или законъ необходимости. Только прекрасную статью Крюкова я прочелъ съ истиннымъ

наслажденіемъ за исключеніемъ первыхъ строкъ, въ которыхъ онъ нѣсколько сбивчивъ. Хроника Погодина не дурна; остальнаго еще не читалъ. До свиданья. Если вы собираетесь завтра къ Павлову, поѣдемте вмѣстѣ.

1) Клеиферъ, очень образованный преподаватель Нѣмецкаго языка, бывшій въ то время домашнимъ учителемъ у кн. Мещерскихъ, впослѣдствіи директоромъ одной изъ Московскихъ гимназій. При его содѣйствіи К. С. Аксаковъ изучалъ Гегеля.

2) Стихи Хомякова „Еще объ немъ", статья Крюкова „О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита" и статья Погодина „Еще двѣ недѣли въ Парижѣ" помѣщены въ № 3 „Москвитянина"; слѣдовательно письмо это написано въ Мартѣ 1841 года. Ю. Ѳ—чъ указываетъ на слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи Хомякова:

„Не сила народовъ повергла тебя;
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но тотъ, кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ,
И снѣгомъ засыпалъ дружины".

Рѣзкость отзыва Ю. Ѳ—ча о стихахъ Хомякова указываетъ, какъ въ то время воззрѣніе Хомякова еще мало раздѣлялось Самаринымъ и Аксаковымъ.

28.

Къ К. С. Аксакову.

Любезнѣйшій Аксаковъ, я заѣзжалъ къ вамъ звать васъ къ Павловымъ. Не предлагаю вамъ ѣхать вмѣстѣ оттого, что я не прежде какъ въ 11 часовъ буду свободенъ. Будетъ Тучковъ [1], и прочтется его письмо къ Хомякову о предметѣ прошлаго спора. Вы вѣрно слышали о внезапной болѣзни Пако. Онъ очень меня перепугалъ, оттого все это время я не былъ ни дома, ни у васъ. Теперь ему лучше. Завтра всѣ наши ѣдутъ въ Воскресенское [2]), оттуда прямо на дачу. Я останусь въ Москвѣ до Вторника. Нужно намъ почаще съ вами видѣться. Первая часть моей диссертаціи у меня организуется, т. е. въ головѣ, не на бумагѣ. Кажется, будетъ строго и полно. Теперь я пришелъ въ такое состояніе, что развѣ остановлюсь за трудностями изложенія, или другія внѣшнія обстоятельства мнѣ помѣшаютъ, но отчаяваться въ себѣ самомъ, въ успѣхѣ диссертаціи я уже не могу. Вижу возможность возвести ее на ту точку, на которую хотѣлось и хочется. Прощайте, весь вашъ Ю. Самаринъ. P. S. На дняхъ купилъ за безцѣнокъ «Правду воли Монаршей».

1) Алексѣй Алексѣевичъ.

2) Изъ этого видно, что письмо это написано весною, вѣроятно въ началѣ Мая мѣсяца.

29.

Къ К. С. Аксакову.

Какъ давно, любезнѣйшій Аксаковъ, я не имѣлъ отъ васъ извѣстій. Впрочемъ, виноватъ и я. Собрался было писать къ вамъ на другой день по моемъ пріѣздѣ въ деревню [1], но развлеченъ былъ охотою, прогулкою и непреодолимымъ желаніемъ досыта насладиться воздухомъ, запахомъ березъ и всѣмъ, чѣмъ мила деревенская жизнь. Теперь я отдыхаю; загорѣлъ, усталъ, но чувствую себя здоровымъ и бодрымъ. Вы вѣрно понимаете, что этотъ разгулъ физической жизни, которому я по обыкновенію своему предался неумѣренно, не много принесъ пользы медленному шествію моей диссертаціи. Должно прибавить ей ходу. Чувствую, а нѣтъ силъ приняться за дѣло. Между тѣмъ у меня мысленно обработались нѣкоторыя мѣста. Скажу вамъ на первый случай, что вступленіе я совершенно передѣлаю. Оно будетъ не такъ многословно и витіевато. Этотъ недостатокъ я давно замѣтилъ. Раздѣленіе будетъ строже. А первая часть, кажется, будетъ не безъ достоинства, если только я не ошибаюсь и не принимаю за внутреннее достоинство труды, которыхъ она мнѣ стоила, и которые я теперь преодолѣлъ.—Не спрашиваю о вашей диссертаціи, этой старшей сестрѣ моей, болѣе крѣпкой, болѣе здоровой и которой суждена болѣе долгая жизнь. Да приметъ же ваша мою подъ свой покровъ и защититъ отъ поруганія. Шутки въ сторону, я думаю, что у васъ дѣло горитъ и клонится къ развязкѣ. Скажите же мнѣ, какъ вы можете, что̀ дѣлаете, скоро ли переѣдете и куда?—Что дѣлаютъ всѣ наши знакомые: Хомяковъ, передъ которымъ я не сдержалъ слова, Погодинъ, у котораго увезъ книги, Шевыревъ, съ которымъ не успѣлъ проститься, Павловы, Грановскій и т. д.? Дайте знать, что̀ творится въ Бѣлокаменной, ибо я на большой дорогѣ къ Западу Европы, въ 20 верстахъ отъ столицы Русскаго царства, живу совершенно въ глуши. По газетамъ [2] видно, что въ Болгаріи рѣзня продолжается и Туркамъ хочется поскорѣе кончить дѣло. Они обѣщаютъ амнистію. Въ Англіи министерство должно рухнуть [3]. На этотъ разъ прощайте. Обнимаю васъ отъ души и жду письма. Юрій Самаринъ. P. S. Пако рѣшительно выздоравливаетъ.

[1] Писано вѣроятно въ Іюнѣ.

[2] Иностраннымъ, такъ какъ въ то время Московскія Вѣдомости, сообщая извѣстія по возникшему снова Египетскому вопросу, умалчивали, вѣроятно по неволѣ, о волненіяхъ въ Болгаріи. Въ Revue des Deux Mondes, въ chronique de la quinzaine 14 Мая 1841 сказано Les troubles de l'île de Candie ne sont par apaisés; la Syrie est toujours mécontente, in-

quiète, agitée; les populations chrétiennes de la Bulgarie lèvent la tête et osent regarder en face leurs oppresseurs".

3) Министерство виговъ (Лордъ Дж. Россель) вслѣдствіе предложенія Сэръ Робертъ-Пиля объ измѣненіи хлѣбныхъ законовъ.

30.

Къ А. Н. Попову [1]).

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, я сейчасъ пріѣхалъ изъ деревни на день или на два; нетерпѣливо желаю васъ видѣть. Я теперь у Катерины Александровны Свербеевой. Нельзя ли вамъ пріѣхать къ ней и привести съ собою Кавелина [2]), съ которымъ мнѣ также хотѣлось бы видѣться? Весь вашъ Юрій Самаринъ.

1) Эта записка была написана очевидно лѣтомъ, но въ которомъ году трудно опредѣлить съ точностью; вѣроятно въ 1841 году, такъ какъ Поповъ уѣхалъ въ 1842 г., кажется въ Маѣ мѣсяцѣ, за границу и прожилъ тамъ 1842 и 1843 годы, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Славянскихъ земляхъ. Въ 1847 г. онъ издалъ Путешествіе по Черногоріи. Съ Поповымъ Ю. Ѳ. познакомился въ 1836 году, когда оба они были въ Университетѣ. Въ 1841 году Поповъ напечаталъ свою магистерскую диссертацію „О Русской Правдѣ въ отношеніи къ уголовному праву" и защищалъ ее 14 Марта 1842 года.

2) Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ кончилъ курсъ въ Москов. Университетѣ въ 1839 г. и 24 Февраля 1844 г. защищалъ свою магистерскую диссертацію: „Основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ".

31.

Къ отцу.

Enfin, mon cher papa, nous avons reçu votre lettre que nous attendions depuis si longtemps. Je me réjouis pour vous et surtout pour Michel de la belle nature que vous avez avez sous les yeux [1]). Les montagnes, la mer, le grand air, en un mot une belle réalité chasse mieux que tous les raisonnements du monde les rêveries abstraites et creuses. Je ne puis pas dire que je ne regrette pas de ne pas être avec vous; malgré cela je me trouve très-bien à Ismalkowo. Je crois que je n'ai jamais mieux employé mon été; jamais je n'ai mené un genre de vie plus régulier. Ma dissertation avance. La première partie est entièrement achevée et presque toute écrite. Reste à la mettre au net. C'est ce qu'il y a de plus important et de plus difficile. Elle prend beaucoup sur la seconde qui sera plus courte.

Elle contient: 1) une définition de ce que c'est que l'histoire de l'église en général; 2) une définition de notre église dans ses rapports avec les deux autres églises, catholique et protestante; 3) un aperçu rapide de l'histoire intérieure de notre église; 4) l'histoire de nos controverses avec les catholiques et les protestants; 5) l'exposé comparatif des doctrines théologiques des deux théologiens que j'étudie. Vous voyez que je n'ai pas travaillé pour rien ni sur des riens; seulement la censure religieuse sera inévitable. Pour l'éviter il aurait fallu renoncer à ce qu'il y a de mieux dans mon ouvrage. — Ces jours-ci j'ai été en ville. On m'a donné de bonnes nouvelles sur Strogonoff [2]). On ne songe plus à l'amputation. La première fièvre est calmée et la seconde qu'on attendait pour le 10-me jour n'a pas eu lieu. Il commence à remuer les doigts du pied. Son fils et ses deux frères sont auprès de lui. M. Pascault va tout-à-fait bien. Il fait pour l'année prochaine des projets de réforme. Moins de leçons et plus de pensionnaires. Du reste rien de nouveau excepté les orages qui ne nous manquent jamais trois jours de suite.—J'ai oublié de vous demander si vous tenez absolument à ce que le compagnon de Michel loge dans notre maison ou s'il vous est indifférent qu'il ne vienne que pour l'heure des cours à l'université? C'est une indication indispensable pour trouver l'homme que vous désirez. Sur ce je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que le bon Michel.

1) Ѳ. В. со вторымъ сыномъ своимъ, Мих. Ѳед., выдержавшимъ весною 1841 г. вступительный экзаменъ въ Моск. Унив., поѣхалъ въ Крымъ 21 Мая и вернулся 19 Августа; слѣдовательно письмо это написано въ концѣ Іюня или въ началѣ Іюля.

2) Гр. Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ былъ тогда попечителемъ Московскаго Университета; лѣтомъ 1841 г. былъ боленъ отъ перелома ноги.

32.

Къ отцу.

Maman me dit, mon cher papa, que cette lettre sera probablement la dernière que vous recevrez de nous, si, comme vous le dites, vous partez le 20. Ceci rapproche le moment de notre réunion. Notre temps s'écoule toujours comme par le passé entre la pluie et l'orage. Ces jours-ci nous avons eu la visite д'Александръ Евлампіевичъ [1])

qui m'a chargé de bien des choses pour vous et pour Michel. Puis nous avons eu Léon Gagarine dont l'oeil a beaucoup empiré. Il suit maintenant le traitement à la mode, c'est-à-dire l'eau froide. Hier j'ai été à cheval à Ильинское chez les Аксаковъ. Nous nous sommes lu nos dissertations. Elles vont de front. Il a terminé la première partie qui est fort bien. Je lui ai lu la mienne, et puis nous avons beaucoup discuté, et enfin je suis parti avec une bonne pluie chaude qui m'a accompagné jusque chez moi.—Je ne me souviens plus si je vous ai donné les nouvelles plus satisfaisantes sur le comte Strogonoff que j'ai reçues ces jours-ci. On dit qu'il a recommancé à travailler et à signer les papiers de son administration. — M. Pascault a eu une rechute à la suite d'une course à Moscou et de tracasseries qu'il a eu avec un de ses étudiants qui ne veut pas retourner à la maison paternelle. Il faudra qu'il se ménage beaucoup cet hiver. Aujourd'hui a lieu à Лукино une noce, à laquelle nous avons tous contribué par une collecte générale et que nous allons voir, si toutefois l'orage qui gronde sur nos têtes nous en laisse la possibilité.—Je ne vous dis rien de mes occupations, parce que je me souviens la fois passée vous en avoir donné des détails. A votre retour j'espère vous lire les trois premières parties [2]) au moins. Si la censure ecclésiastique a le sentiment de ses intérêts, elle doit l'applaudir et la laisser passer. Il en arrivera ce que Dieu voudra; dans tous les cas je devrai à ma dissertation des idées arrêtées sur bien des choses et des connaissances que je n'aurais peut-être jamais eu l'occasion d'acquérir, vu qu'elles ne sont pas encore l'objet d'études générales.—En attendant le jour où vous jugerez de tout cela par vous-même, je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que Michel.

[1]) Покровскій, духовникъ Ю. Ѳ-ча, священникъ очень любимый своими прихожанами, впослѣдствіи перешелъ въ придворное вѣдомство.

[2]) Т. е. первой части диссертаціи.

1842 годъ.

33.

Къ А. Н. Попову.

Вотъ мое исповѣданіе вѣры [1]. Нетерпѣливо буду ждать отвѣта. Пріѣдете ли вы на чтеніе Канта? Да нельзя ли попозже, часовъ въ 8. Если вы вовсе не будете или хотите съѣхаться пораньше, потрудитесь дать знать Аксакову, а онъ передастъ мнѣ.

Вашъ Юрій Самаринъ.

Суббота.

[1]) Въ зиму съ 1841 на 1842 годъ Ю. Ѳ. велъ съ А. Н. Поповымъ письменную полемику по вопросу о развитіи церкви. Ю. Ѳ. написалъ три статьи, а Поповъ—двѣ; послѣдняя статья Попова была написана на Пасху 1842 г., передъ отъѣздомъ его за границу. При печатаемой запискѣ была послана Ю. Ѳ—чемъ къ Попову первая его статья о развитіи церкви; она заканчивалась словами: „Мы, т. е. пока только Аксаковъ и я, исповѣдуемъ церковь развивающуюся“.

34.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, такая откровенность между нами не только допускается, но даже необходима. Я очень понимаю твою недовѣрчивость послѣ того, что̀ ты мнѣ разсказалъ въ одно изъ послѣднихъ нашихъ свиданій; но мнѣ кажется, что въ твоихъ настоящихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего такого, что̀ бы могло ее питать. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, и я откровенно скажу тебѣ, что̀ я думаю. Странный человѣкъ Кирѣевскій! Нынче я съ нимъ видѣлся, и онъ съ торжествующимъ видомъ спрашивалъ о нашемъ спорѣ [1]). Мнѣ это показалось болѣе нежели нескромнымъ, и если что нибудь помѣшало мнѣ отвѣчать ему рѣзко, такъ это было просто чувство гордости: не хотѣлось показать ему, что онъ задѣлъ за живую струну. И чему они [2]) радуются? Развѣ мы закабалили себя одинъ другому? Развѣ когда нибудь ты или я

жертвовали другому своими убѣжденіями? А если они понимаютъ, что стоять вмѣстѣ, что знать на кого опереться бываетъ весело и даетъ бодрость, тогда непростительно съ ихъ стороны радоваться и шутить. Ужели они думаютъ, что тому не больно, кто, при каждомъ движеніи души, не надуваетъ губъ и не сводитъ бровей. Богъ съ ними! Между нами могло возникнуть несогласіе; вѣроятно, это случится и неразъ, но разорвать насъ они не могутъ; всякій споръ между нами есть споръ домашній, отъ котораго имъ прибыли не будетъ. Да, насъ тѣсно сближаютъ родные, самые близкіе сердцу интересы. Чувствую это живо и обнимаю тебя отъ всей души. Да, мы все-таки gehen vereint dem nächsten Tag entgegen.

Твой Юрій Самаринъ.

Нынче утромъ ко мнѣ заѣзжалъ Шепингъ и сказывалъ, что ты будешь у него; итакъ мы увидимся.

[1]) Въ полемикѣ Ю. Ѳ—ча съ А. Н. Поповымъ по вопросу о развитіи церкви приняли участіе Хомяковъ, Кирѣевскій и всѣ ихъ друзья. Сначала Самаринъ былъ одного мнѣнія съ Аксаковымъ, но потомъ они разошлись во взглядахъ по этому вопросу, и такъ какъ они въ первый разъ оказались разныхъ мнѣній и вступили между собою въ споръ, то это удивило всѣхъ и дало поводъ къ тѣмъ толкамъ, на которые намекается въ письмѣ.

[2]) Хомяковъ и Кирѣевскій.

35.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, не можешь ли ты заѣхать ко мнѣ нынче? Я буду дома весь вечеръ; Свербеевы не принимаютъ. Сегодня утромъ я видѣлся съ Каролиною Карловною, которая что-то такое разсказывала мнѣ про тебя и про Кирѣевскую, въ чемъ я не могъ добиться толку. Я самъ хотѣлъ къ тебѣ ѣхать, да не на чемъ. Впрочемъ, если ты очень занятъ, увидимся въ другой разъ. Твой Ю. Самаринъ.

Писано вѣроятно весною 1842 года.

36.

Къ князю И. С. Гагарину.

Mon cher ami, deux lettres de ma part vous arriveront à la fois. Je n'ai pas pu vous faire parvenir la première plus tôt. Je suis inquiet sur l'effet que la première fera sur vous. Après l'avoir écrite, j'ai longtemps réfléchi et je crois avoir agi comme mes convictions me l'ordonnent. Je vous conjure de ne pas partir sans m'écrire un

mot. Il me serait trop pénible de me séparer de vous dans cet état d'incertitude. Quoiqu'il arrive, sachez que vous me laissez vous aimant plus que jamais. G. Samarine.

P. S. Tâchez de me faire parvenir votre dernière lettre le plus tôt possible, afin que je puisse achever ma réfutation.

Кн. С. И. Гагаринъ и Ѳ. В. Самаринъ находились, какъ лично такъ и семьями, въ самыхъ близкихъ, родственныхъ отношеніяхъ; вслѣдствіе этого Ю. Ѳ. съ дѣтства былъ знакомъ съ кн. Ив. Серг. Гагаринымъ и искренно къ нему привязанъ. Въ 1842 г. кн. Ив. Серг. уже склонялся къ переходу изъ православія въ католицизмъ; по этому случаю Ю. Ѳ. велъ съ нимъ дѣятельную переписку, о чемъ свидѣтельствуетъ приписка въ этомъ письмѣ; сохранились на то въ бумагахъ Ю. Ѳ-ча и другія указанія. Полемика Ю. Ѳ-ча съ кн. И. С. Гагаринымъ, по поводу наклонности его къ католицизму, могла бы въ значительной степени выяснить, какъ развивались богословскія убѣжденія Ю. Ѳ-ча; къ сожалѣнію изо всей обширной переписки его съ кн. Гагаринымъ съ 1838 по 1844 г. въ наше распоряженіе передано только два письма, которыя мы и печатаемъ здѣсь за № 36 и 46. Нельзя съ увѣренностью опредѣлить написано ли это письмо прежде или послѣ № 46.

37.

Къ А. Н. Попову.

Наконецъ мы дождались отъ васъ вѣсточки, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ! Душевно радуюсь, что вы остаетесь въ Берлинѣ; прошу также не забывать обѣщанія и посылать намъ выписки изъ лекцій Шеллинга. Недавно оттуда пріѣхавшіе Мельгуновъ [1]) и Тургеневъ [2]) сказывали (это собственныя слова послѣдняго), что всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга и что Гегель похороненъ. Что̀ читаетъ Ранке? Къ этому человѣку я питаю особенную любовь и уваженіе. Скажите ему отъ меня, что живетъ дескать въ Москвѣ и т. д. Кстати о Гоголѣ. Вѣрно, «Мертвыя Души» дошли до васъ; вѣрно, вы прочли ихъ съ наслажденіемъ и думали о тѣхъ немногихъ, которые также безусловно ими наслаждались въ Москвѣ, не резонируя и не отыскивая въ нихъ того, чего нѣтъ, какъ сдѣлалъ это Шевыревъ [3]). Аксаковъ напечаталъ о поэмѣ Гоголя брошюру [4]), съ которою я вполнѣ согласенъ, хотя многіе въ этомъ случаѣ сомнѣваются въ моей искренности и на которую всѣ возстали... Но объ этомъ пусть онъ вамъ напишетъ самъ, а я поговорю съ вами о моихъ занятіяхъ, увѣренный, что вы къ нимъ неравнодушны. Все лѣто и весну я провелъ почти безвыѣздно въ деревнѣ и трудился постоянно, безъ перерывовъ; передѣлалъ совершенно и кончилъ всю первую часть, которая стала вдвое больше и, какъ кажется, строже и полнѣе. Я особенно развилъ мысль, на которой мы съ вами разошлись передъ вашимъ

отъѣздомъ, о томъ, что невозможна и вредна церковная система, богословіе какъ наука, и что наша церковь своимъ молчаніемъ и повидимому равнодушіемъ къ двумъ попыткамъ создать систему (разумѣю сочиненія Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича) самую мысль о системѣ признала ложною, чуждою себѣ, выходящею изъ своей сферы. Теперь тружусь надъ второю частью и къ Октябрю надѣюсь непремѣнно все кончить. При этомъ я прочелъ нѣсколько иностранныхъ сочиненій. О Символикѣ Мöлера вы вѣрно наслышались; любопытно было бы мнѣ знать, что вы объ этой книгѣ думаете. Я не нашелъ въ ней рѣшительно ничего новаго, но изложеніе прекрасно. Есть нѣкоторыя очень несправедливыя обвиненія противъ протестантовъ, но вообще книга задумана очень умно. Изъ нея непосредственно слѣдуетъ, что протестантизмъ, какъ единое, цѣльное ученіе, не существуетъ; поэтому она такъ озадачила Нѣмцевъ. Только православный человѣкъ можетъ на нее отвѣчать. Также по вашему совѣту прочелъ я Розовена; очень умно; но можно отвѣчать на все, даже должно бы: иначе послѣднее слово будетъ за ними. Теперь читаю Исторію Иннокентія III, которая, кажется мнѣ, много ниже своей славы... Да, наступило великое время для Россіи—сказать свое слово въ области науки; въ этой мысли мы дружно сходимся и ей посвятимъ всю нашу жизнь. Когда же мы всѣ трое [5]) снова сойдемся и сообщимъ другъ другу въ мирной бесѣдѣ, что каждый успѣлъ узнать съ своей стороны? До тѣхъ поръ прощайте. Ю. Самаринъ.

[1]) Николай Александровичъ, умершій въ концѣ 60-хъ годовъ.

[2]) Иванъ Сергѣевичъ.

[3]) Двѣ статьи С. П. Шевырева о Мертвыхъ Душахъ были напечатаны въ № 7 и 8 Москвитянина за 1842 годъ.

[4]) К. С. Аксаковъ напечаталъ въ 1842 г. отдѣльною брошюрою статью „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя и пр.“; онъ проводилъ въ ней мысль о сходствѣ Гоголя, по акту творчества и силѣ созданія, съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Эта брошюра вызвала полемику и окончательный разрывъ Аксакова съ Бѣлинскимъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ (№ 8) помѣщенъ былъ разборъ брошюры Аксакова, который отвѣчалъ въ Москвитянинѣ (№ 9), а Бѣлинскій снова возражалъ въ От. Запискахъ (№ 11).

[5]) Аксаковъ, Поповъ и Самаринъ.

38.

Къ отцу.

....Мнѣ кажется, вы вообще слишкомъ снисходительны къ молодымъ людямъ и съ другой стороны слишкомъ мало придаете важности ихъ мнѣніямъ. Я думаю, что вообще можно больше и скорѣе простить человѣку взрослому и старику нежели молодому.

Послѣдняго должно судить строже, оттого что привычки (разумѣя подъ этимъ словомъ все, что̀ налагаютъ на насъ жизненныя условія и внѣшнія обстоятельства) имѣютъ надъ нимъ менѣе власти. Новое поколѣніе носитъ въ себѣ надежды будущаго, и худо, горе ему, если оно часто должно искать себѣ оправданія въ своей молодости. — Не я одинъ такъ думаю. — Бѣда невелика, если человѣкъ въ лѣтахъ пренебрегаетъ юношею; но непростительно человѣку молодому не понимать или забывать свое отношеніе къ старику. Въ послѣднемъ случаѣ возрастъ не только не извиняетъ, но еще увеличиваетъ вину. Вы находите во мнѣ самонадѣянность и не во мнѣ одномъ. Часто вы упрекали въ этомъ порокѣ молодыхъ людей вообще. Не стану разбирать, до какой степени упрекъ справедливъ въ отношеніи къ послѣднимъ; буду говорить только о себѣ. Я знаю, что всякій порокъ заключаетъ въ себѣ возможность всѣхъ другихъ; въ этомъ смыслѣ и я могу быть самонадѣяннымъ; но, положа руку на сердце, скажу вамъ откровенно, что, сколько я себя знаю, противоположный недостатокъ, т. е. излишняя недовѣрчивость, происходящая, можетъ быть, отъ скудости вѣры, гораздо глубже укоренена во мнѣ. Я говорю это не для того, чтобы оправдать себя; то и другое порокъ, и трудно сказать, который изъ нихъ хуже. По крайней мѣрѣ вредъ и зло отъ послѣдняго я испыталъ на опытѣ.

Что нѣтъ добра отъ дѣла, начатаго не во славу Божію; что нѣтъ успѣха, гдѣ нѣтъ благословенія Божія, гдѣ не было смиренной молитвы—въ этомъ я убѣжденъ вполнѣ. Можетъ быть, не всегда и не во всѣхъ случаяхъ я поступалъ согласно съ моимъ убѣжденіемъ; но въ этомъ я винюсь и сознаю свою слабость. По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи и, какъ я думаю, во многихъ другихъ, мы живемъ не въ разныхъ планетахъ. Что̀ касается до послѣднихъ строкъ вашего письма, въ которыхъ вы говорите о любви, я не могу вамъ выразить, какъ отрадно онѣ на меня подѣйствовали. Такъ, въ любви обнимающей всего человѣка, а не одну способность, не одну силу души его, есть высокое общеніе, въ которомъ могутъ исчезнуть всѣ разногласія, всѣ противорѣчія, и прекрасны тѣ минуты, когда пробуждается въ груди человѣка эта любовь. За такую минуту благодарю васъ отъ всего сердца и съ этимъ чувствомъ обнимаю васъ крѣпко, крѣпко. Прошу васъ поцѣловать отъ меня маминьку, М* и всѣхъ дѣтей. — Въ слѣдующее Воскресенье буду самъ. — Очень буду радъ Александру Евлампіевичу, но желалъ бы знать, когда именно онъ будетъ, чтобы быть въ это время дома. Также не худо бы велѣть прислать мнѣ рыбы, если онъ будетъ въ Середу или Пятницу. — Вотъ какъ способенъ человѣкъ молодой помнить мелочи. Еще разъ цѣлую васъ, до свиданья.

Осенью 1842 г., когда вся семья переѣхала въ Москву, Ю. Ѳ. остался на всю зиму одинъ въ Измалковѣ, съ цѣлью окончить скорѣе свою диссертацію. Всѣ письма къ отцу, которыя начинаются этимъ письмомъ и заканчиваются весною 1843 г., писаны въ зиму съ 1842 на 1843 г., изъ Измалкова въ Москву; но такъ какъ числа на нихъ не выставлены, то послѣдовательность ихъ не можетъ быть опредѣлена съ точностью.

39

Къ матери, отцу и сестрѣ.

Je viens de recevoir votre lettre, ma chère maman, avec quelques lignes de papa et un billet de M*. Ça m'a été une surprise agréable à mon retour d'une assez longue et infructueuse chasse. Le temps est beau, mais trop froid. Il n'y a guère moyen de rester à l'air plus de trois heures de suite. Hier j'ai déménagé et je me trouve fort bien dans mon nouvel appartement. Du reste, les jours fuient et se ressemblent, excepté que ces derniers jours je suis rarement sorti, attendant toujours Александръ Евламніевичъ. Jusqu'à présent je n'ai manqué de rien, mais quand cela sera nécessaire, j'emploierai le moyen que vous m'indiquez. Je suis très impatient de savoir la grande nouvelle.

Vous me demandez, mon cher papa, des nouvelles de ma dissertation. Je ne puis que vous répéter ce que je vous ai dit quand vous êtes parti. J'écris la seconde partie. J'en suis aux rapports du clergé et des princes jusqu'aux Tartares. Je ne lis rien, mais je revois les notes que j'ai prises, les matériaux que j'ai rassemblés. En fait de lecture, j'ai achevé de prendre copie de quelques passages d'un livre de théologie que m'a procuré Дм. Мат. [1]) et que je luì renvoie. Dites, je vous prie, à Michel de faire demander la Кормчая Книга (qui est la même que le Номоканонъ) et de prendre le Прологъ, l'édition en 3 volumes, si elle est aussi complète; si non, celle en quatre. Je lui envoie 10 roubles en sus des 25 que je lui ai donnés et Samedi je lui rendrai ce qu'il m'avancera. Adieu, mon cher papa, je vous embrasse tendrement ainsi que maman. Dimanche je pourrai vous en dire d'avantage sur ma dissertation. Vendredi un paysan d'ici viendra prendre en ville ce qu'il y aura pour moi. Je voudrais bien

---

[1]) Домашній учитель.

que pour ce temps Michel me prépare les livres ci-dessus, car je les attends avec impatience.

Je suis bien fâché, ma chere M*, de te savoir indisposée; mais je crois que cela tient au changement de genre de vie et à l'approche des froids, qui agit désagréablement sur le moral et le physique. J'espère que les jouissances musicales rétabliront l'harmonie dans l'un et l'autre. Dimanche, à mon arrivée, nous parlerons plus au long. En attendant je t'embrasse de tout mon coeur. G. S.

40.

Къ отцу.

Mon cher papa, dans ma lettre d'hier j'ai annoncé l'envoi d'un livre que j'ai oublié de donner au дворникъ. Un paysan s'est chargé de le remettre chez nous, et je l'envoie à votre adresse afin qu'il parvienne plus sûrement, en vous priant de le faire remettre à Дмитрій Матвѣевичъ. Michel n'aura-t-il rien à m'envoyer? Je vous embrasse de tout mon coeur. A Dimanche. G. S.

41.

Къ отцу.

Mon cher papa, j'envoie dans ce paquet une lettre pour Gagarine que je vous prie de faire envoyer de suite dans leur maison, car elle doit lui être remise par son valet de chambre qui part demain à midi. C'est pour cela que j'ai envoyé un exprès. M* m'a parlé d'une lettre pour lui, envoyée de Berlin; si elle l'a gardée ou reprise, elle peut l'envoyer conjointement avec mon paquet. Il parait que les B* vont mal, car voilà deux semaines que Gagarine n'a pas reçu de lettres ni de sa soeur ni de ses parents.—Du reste je n'ai rien de nouveau à vous annoncer. On dit que le temps se radoucit. Je vais faire une promenade pour me débarasser d'un léger mal de tête causé par mon poële. J'espère que Michel a rempli mes commissions, c'est-à-dire qu'il a félicité maman *), remis quelques feuillets à M* et embrassé

*) 17 Сентября.

tout le monde comme je le fais en idée dans ce moment. A Dimanche

42.

Къ отцу.

Voilà déjà toute une semaine, mon cher papa, que je n'ai pas eu d'occasion de vous écrire et de vous remercier pour les deux lettres que vous m'avez écrites. Pendant ce temps là bien des choses se sont passées. D'abord j'ai manqué mourir de faim, grâce à un paysan qui a oublié de prendre les provisions préparées pour moi. Cet état de détresse a occasionné la condamnation à mort de deux poules que leur grand âge ainsi que la longue abstinence, qu'elles paraissent avoir pratiquée pendant leur vie, aurait dû préserver d'un aussi indigne traitement.—Mais pendant que le corps jeûnait, l'esprit travaillait. Pendant toute cette semaine j'ai été très-content de moi. J'ai beaucoup avancé mon travail. Tout ce que vous me dites sur ma dissertation et le sort probable qu'elle éprouvera ne change en rien mon plan d'occupation. Je crois mon travail assez important par lui-même pour que je ne m'arroge pas le droit de ne pas tout dire ou bien de dire autrement que je ne pense, en un mot pour le modifier d'après des considérations et des exigeances extérieures. Je l'ai essayé bien des fois et jamais je n'y ai réussi. Le désir de poser la question dans toute sa difficulté et avec la plus grande indépendance, seul moyen de parvenir à une solution, l'a toujours emporté. Vous regrettez que j'ai compris trop tard le prix du temps. Je vous assure que je n'en ai jamais douté; mais croyez vous qu'il soit possible à la pensée de travailler avec une précision mathématique et de produire par heure la même somme de travail? Quand l'esprit cherche ou qu'il se repose, ce n'est pas du temps perdu. Maintenant que la route que j'ai à suivre m'apparait clairement et que je vois le but de mon pélérinage, j'avance hardiment et rapidement. Mais pouvait-il en être de même quand j'étais entouré de ténèbres et que je m'entendais appeler à droite et à gauche. Je vous dis tout cela non pas que je pense avoir employé pour mon travail juste le temps nécessaire et pas une heure de plus; au contraire un autre

que moi, dans une position différente l'eut mené à bout en six mois ou un an; mais je crois que si j'y ai mis un terme trois fois plus long, la faute n'en retombe pas sur moi; du moins elle n'était pas volontaire. J'en vois la cause d'abord dans ma complète ignorance alors que j'ai commencé, puis ensuite dans l'absence de matériaux, et enfin dans une méfiance de moi-même inhérente à ma nature. Mais bientôt, je l'espère, le fruit de mon travail me justifiera aux yeux de tous. En attendant je trouve dans le travail même un grand charme. Je suis aussi heureux que je crois qu'il m'est donné de l'être. Chaque jour je me félicite de mon heureuse inspiration d'être resté à la campagne. Cette fois je suis convaincu que j'ai bien fait.—Mercredi nous avons eu messe, Te Deum, bénédiction des eaux. C'était l'anniversaire de la découverte des reliques du patron d'Izmalkowo *). Le prêtre, qui a déjeuné chez moi, m'a demandé des romans et a été très étonné de savoir que je n'en avais pas.—Je vous remercie infiniment pour les journaux. L'article est fait de main de maître et très-intéressant, mais je ne puis comprendre comment on ne l'a pas supprimé. Il m'en est resté une impression bien pénible. Les rôles ont changé: c'est nous qui sommes devenus les persécuteurs. Nous nous sommes mis vis-à-vis du catholicisme dans la position inverse à celle où nous étions au XVII siècle, et tout le blâme que nous avons jeté à bon droit sur Rome va retomber sur nous. C'est triste! J'ai encore beaucoup de choses à vous dire, mais j'attendrai le jour de mon arrivée à Moscou. Je ne puis vous dire combien je suis impatient de vous revoir tous et de vous embrasser. Dites, je vous prie, à M*. que je ne l'oublie pas et que je lui prépare des lectures. Je vous embrasse de tout mon coeur.

*) 21 Сентября св. Димитрія, митр. Ростовскаго.

43.

Къ отцу.

Любезный папинька, посылаю къ вамъ старосту. Мое лѣченіе мало помогло; онъ жалуется, что ноги у него холодны какъ ледъ и чувствуетъ въ нихъ ломъ. Мази у меня здѣсь нѣтъ, да и бузины не прислали, хотя и говорилъ объ этомъ въ Москвѣ. Такъ

какъ онъ выходитъ на воздухъ, то я подумалъ, что лучше прислать его къ вамъ; вы разсудите, чтò съ нимъ дѣлать. Погода здѣсь стоитъ все одинаковая: морозъ, а снѣгу нѣтъ, и я почти не выхожу, а все сижу дома, читаю и пишу. Скажите пожалуйста Мишѣ, чтобы онъ попросилъ у Аксакова для меня «Кошихина» и велѣлъ бы купить на мой счетъ «Сборникъ Муханова» и ту и другую книгу доставилъ бы мнѣ въ возможной скорости; къ крайнему сроку привезъ бы ихъ съ собою въ Субботу. Каковъ былъ балъ? Я думалъ о томъ, какъ суетятся въ Москвѣ, вчера ночью ложась спать. Весело ли было М*? Если она расположена, то попросите, чтобы она ко мнѣ отписала. Обнимаю васъ и маминьку отъ всей души.

44.

Къ отцу.

Mon cher papa, je vous remercie pour tous vos envois et pour votre billet. Je suis enchanté que votre soirée ait réussi; pour moi j'ai passé cette même soirée avec Аксаковъ à causer et à lire. Ce même jour, c'est-à-dire Dimanche, mon valet de chambre est tombé malade de la fièvre avec frisson, mal de tête etc. Je l'ai fait coucher, et il a dormi sans se réveiller près de 36 heures. Maintenant il va mieux. Mon chasseur remplit dans mon ménage les gros ouvrages, et Матрена a pour moi tout plein d'attentions délicates, c'est-à-dire qu'elle me fait du café, lave les assiètes et autres détails de ce genre. Du reste, absolument rien de nouveau.—Quant à la Revue, vous vous rappelerez qu'avant votre départ de la campagne vous avez pris les volumes qui se trouvaient chez moi; depuis je n'en ai pas eu à la campagne Je sais aussi que je n'en ai prêté à personne. J'ai reçu les oeuvres complètes de Гоголь *) et je les lis dans ce moment-ci. Je vous engage beaucoup à vous les procurer et à lire surtout deux morceaux qui sont des chefs-d'oeuvre et en même temps très-remarquables par le fait qu'on les a laissé passer: Шинель и Театральный разъѣздъ.—Прошу Мишу какъ можно поскорѣе возвратить мнѣ университетскія книги, а за исполненіе другихъ коммиссій и за посылки благодарю.—A Dimanche. J'arriverai pour quelques jours, car j'aurai quelques lectures à faire en ville. En atten-

dant je vous embrasse de tout mon coeur.—Прикажите пожалуйста прислать мнѣ вина и корму для собаки. То и другое совсѣмъ у меня вышло.

*) Первое изданіе полнаго собранія соч. Гоголя вышло во второй половинѣ 1842 г.; на 1 и 2 т. пропускъ цензуры отъ 5 Іюня, на 3-мъ отъ 15 Сентября, на 4-мъ отъ 30 Сентября.

45.

Къ отцу.

Je profite de l'occasion, mon cher papa, pour vous remercier de la peine que vous vous êtes donné pour me procurer les livres dont j'avais besoin. J'ai passé tout ce temps à les lire et je les rapporterai Dimanche avec moi. Il n'y a rien de nouveau dans nos parages, excepté un pied environ de neige qui rend les promenades très-fatiguantes. Avant-hier j'ai tué deux perdrix dont je me suis régalé. Mon travail avance, mais moins vite que je ne voudrais; ce n'est certainement pas faute d'assiduité. Je vous remercie pour la Revue des Deux Mondes. J'en ai parcouru un numéro que je vous renvoie. Vous trouverez également dans ce paquet un livre (отчетъ Синода) que je vous prie de faire porter de ma part chez Tourguenieff *) avec remerciments. Mon mal de tête n'est pas revenu, ce qui fait que je n'ai pas profité de votre conseil. On avait fermé le poêle trop tôt. Si votre soirée musicale a lieu un jour où je serai à Moscou, tant mieux pour moi; si non, je ne ferai pas exprès de voyage pour y assister. Je veux avant tout en finir avec ma 2-me partie. Le староста a eu une rechute. C'est son fils qui vous remettra ce billet. Interrogez le, je vous prie, et prescrivez quelque remède, car mon valet de chambre a entrepris la cure et, quoique pacifique de sa nature, il est pour les moyens violents quand il s'agit d'autrui, c'est-à-dire pour des sinapismes d'une force à faire lever des cloches sur une plaque de fer. — Maman me parle d'une heureuse nouvelle qu'elle veut m'apprendre Dimanche. Je suis à me casser la tête pour deviner quel est l'O* ou la O* qui se marie cette fois. Dans tous les cas comme ce ne peut être que G. ou M. félicitez les tous les deux de ma part.—Encore une commission, et je vous demande pardon de vous en donner tant. Dites, je vous prie, à

Никита de m'acheter une pelisse pour békèche, lièvre ou écureuil, dans les prix de 25 à 35 roubles, et de me trouver un modeste et accomodant tailleur qui se charge de m'en faire un vêtement commode. Au revoir. Je vous embrasse de tout mon coeur.

*) Александръ Ивановичъ.

46.

Къ князю И. С. Гагарину.

12 Octobre 1842.

Bien cher ami, j'ai reçu votre lettre à Moscou où je suis venu passer un jour pour voir mes parents et leur persuader que j'étais content, bien portant et heureux. J'étais impatient d'avoir de vos nouvelles. Dans ma retraite j'ai bien souvent songé à vous. L'heureuse expérience que je fais de la solitude ne m'a pas laisssé doûter un seul instant que vous ne fussiez content [1]). Jamais je n'aurais cru que l'isolement et le recueillement puissent faire autant de bien. Comme on se voit, comme on s'entend mieux soi-même! J'ai repris en idée tout mon passé et j'ai compris bien des choses qui me troublaient. Dans mes heures de loisir j'ai écrit un chapitre ou deux de mon histoire que je vous enverrai pour vos instants perdus. Il y a des moments où je ne pense pas, où je ne fais rien, mais où j'éprouve un indicible bien-être. Je me sens mûrir. En vérité je plains ceux qui cherchent et qui travaillent et qui ne s'isolent pas. Mon ouvrage avance lentement. Les recherches historiques me prennent beaucoup de temps.

Ce que vous me dites sur notre langue me comble de joie. Ladessus je fonde des espérances que pour le moment je ne vous dirai pas. Pour ce qui est de la traduction des livres saints, vous pourriez bien avoir raison. Je ne puis pas en juger par moi-même, parce que je n'ai pas de point de comparaison; mais je conçois qu'il peut y avoir des incorrections et des passages obscurs, puisque la traduction slavone a été faite dans des temps et pour des peuples différents. L'influence des divers idiomes slaves y est très-sensible. Je me suis empressé d'acheter les livres que vous me demandez. Vous aurez la traduction de Dobrovsky [2]) le texte est épuisé depuis longtemps et

impossible à trouver. Je vous enverrai également un dictionnaire slavon. Je me réserve de vous écrire par la même occasion plus au long. En attendant adieu et ne me laissez pas trop longtemps sans me donner de vos nouvelles. Georges Samarine.

[1]) Кн. Ив Серг. Гагаринъ самъ жилъ въ это время въ Данковской деревнѣ своего отца.
[2]) Вѣроятно, Грамматика церковно-славянскаго языка, въ переводѣ Погодина и Шевырева.

47.

Къ отцу.

Je profite du départ du jardinier pour son pélérinage, mon cher papa, pour vous écrire et vous annoncer que 12 heures après mon départ de Moscou je me porte bien. J'ai trouvé ma résidence tout-à-fait dans l'état où je l'ai laissée, vu que personne n'y est entré. A peine dans ma chambre, je suis entré dans un ordre d'idées tout différent de tout ce que j'ai vu et fait pendant ces derniers jours; je puis dire que j'ai repris mes réflexions au point où je les avais laissées Samedi sans le moindre effort. On dit que le староста est remis. Pour plus de sûreté j'ai voulu le voir, mais il était absent, et je n'ai pas encore pu le voir. Demain matin je remplirai votre commission. En attendant, je vous souhaite une bonne nuit et vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que maman et M*, que je prie de ne pas oublier de m'envoyer Hoffmann. G. S.

48.

Къ отцу.

Mon cher papa, Michel s'est fidélement acquitté de vos commissions; j'espère qu'il fera de même pour moi en arrivant à Moscou. C'est lui que je charge de vous embrasser ainsi que maman, M* et tous les enfants de ma part.—Vous me demandez des nouvelles de mon ouvrage. Il avance toujours, mais pas très-vite. Je vous assure pourtant que vous ne pouvez pas en désirer la fin plus ardemment

que moi. Je ne sais pas encore si je resserrerai le cadre de la 2-me partie. Comme je suis déjà au patriarchat, je ne crois pas que cela soit nécessaire. A mon arrivée à Moscou, j'espère pouvoir donner à copier au net la 1-ère partie. Vous me dites entre autres choses que vous m'attendez pour le premier. Je crois qu'il vaudrait mieux que je n'arrive que le 3 au matin pour ne pas me mettre en route le soir de ce jour solennel *). Cela m'arrangerait mieux. Je viendrais en traineau à deux chevaux, après avoir fait dire la messe à Izmalkowo, et pour les 2 heures je serais à Moscou. Voilà mon avis. J'attendrai votre décision. Je vous embrasse de tout mon coeur. Bien des choses à tout le monde. G. S.

*) 3 Ноября—день именинъ Ю. Ѳ—ча.

49.

Къ отцу.

Я точно виноватъ передъ вами, любезный папинька, что давно не писалъ; но правду сказать, мнѣ нечего было о себѣ писать. Все это время я жилъ въ XVII столѣтіи и могъ бы только развѣ разсказать вамъ о томъ, какъ вѣнчался на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ или какъ созывалъ Земскую Думу Алексѣй Михайловичъ. Славное было время! Куда противъ настоящаго лучше. Люди были поумнѣе нынѣшнихъ, а умничали меньше, поэтому и дѣло у нихъ шло лучше. Работа у меня идетъ успѣшно; всю недѣлю я занимался почти безвыходно.. Ужасно хочется добраться до Петра. На охотѣ я былъ только одинъ разъ и убилъ пару русаковъ и бѣляка; а стрѣлять ихъ теперь легко и весело. Снѣгу выпало съ полъ-аршина и они закапываются такъ, что не вытуришь. Однимъ не хорошо: ужасно тяжело ходить и устаешь скоро.

Прочелъ я книгу Бадера [1]), которую и отсылаю. Ужасно безтолково написана, а очень интересна. О его философскомъ воззрѣніи сказать ничего нельзя, потому что оно еще вполнѣ и въ ясности не высказано. Чтоже касается до фактовъ, то нѣкоторые очень для насъ важны. Напрасно только думаютъ, что наша церковь нашла въ немъ союзника; онъ почти столькоже ея врагъ, сколько и Католиковъ.

Другую книгу, Souffrances et persécutions [2]) я еще не дочиталъ. Не могу сказать вамъ, до какой степени она меня мучитъ. По ночамъ не сплю. Съ одной стороны, больно видѣть, какъ дѣйствуютъ наши,

сколько недобросовѣстности, лукавства, предательства и подлости. Съ другой стороны, невѣжество и это невыносимое, западное самохвальство автора. Если пожертвовать настоящимъ, если отказаться защищать дѣло объ Уніи и то, что̀ теперь дѣлается въ Польшѣ, то можно написать чудесное возраженіе и всю книгу разщипать. Меня очень разбирало взяться за это, да некогда и не для кого. Нашихъ эта книга съ толку не собьетъ, а чужихъ не переучишь, да и уступить пришлось бы во многомъ. Не знаю, кому поручили отвѣчать; но врядъ ли будетъ прокъ. Оффиціальный отвѣтъ не можетъ быть дѣленъ.

Отрылъ я кое-что очень интересное касательно введенія рабства въ Россіи, но объ этомъ я скажу вамъ послѣ...

Носятся также слухи, что вы сбираетесь куда-то въ путь и купили невиданную бѣлую шубу. Правда ли все это? Скажите пожалуйста М*, что я виноватъ предъ нею, не послалъ листковъ изъ Гофмана; но все это время я былъ очень занятъ, а теперь займусь приготовленіемъ чтенія для нея.—До будущаго Воскресенья. Буду писать аккуратнѣе. Обнимаю васъ отъ всей души.

[1]) Morgendl. und Abendländl. Catholicismus.

[2]) Извѣстная книга объ Уніи въ Бѣлоруссіи въ 1839 г.

50.

Къ отцу.

Mon cher papa, ce billet vous sera remis par mon chasseur que j'envoie à Moscou pour m'acheter deux levriers. Comme la chasse au fusil est pour ainsi dire close, je veux essayer de celle-là. Je n'ai absolument rien à vous annoncer. Mon travail va bien; j'attends avec impatience le jour où je me retrouverai au milieu de vous tous.— Странный человѣкъ Миша! Пишетъ мнѣ, чтобы я хлопоталъ о постномъ кушаньѣ. Не идти же мнѣ въ лѣсъ за грибами и въ прудъ за рыбою; пусть онъ привезетъ съ собою чего нибудь—масла, грибовъ и т. п.—Прикажите пожалуйста моему егерю дать цѣлковый изъ тѣхъ денегъ, которыхъ я не бралъ за мѣсяцъ. У меня здѣсь мелочи осталось немного.—Прощайте и т. д.

51.

Къ А. Н. Попову.

Мѣсяца Декемврія дня 5, года отъ Рождества по плоти Бога Слова 1842, въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, спасибо вамъ, что съ вершины Черной Горы вы вспомнили о семихолмной Москвѣ и

подали дружескій голосъ двумъ смиреннымъ ея жителямъ, изъ которыхъ одинъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ даже быть названъ ея нѣжнымъ поклонникомъ. Спасибо вамъ за интересныя, живыя извѣстія о Славянскомъ мірѣ. Но сказать ли вамъ откровенно—мы ожидали другаго, и письмо ваше подтвердило слухи объ васъ, носившіеся здѣсь и прискорбные для любящихъ васъ Москвичей. Насъ немного трудящихся надъ однимъ дѣломъ, исполненныхъ одинаковыхъ надеждъ; единство стремленія, соединяющее насъ не смотря на нѣкоторыя несогласія въ мнѣніяхъ, даетъ право каждому изъ насъ на совершенную откровенность съ другими, для блага этого общаго дѣла. Вы покинули ученую Германію для живаго Славянскаго міра. Какъ понимать это неожиданное отступленіе отъ вашего намѣренія посвятить нѣсколько лѣтъ исключительно изученію философіи? Если это только эпизодъ, кратковременное отдохновеніе отъ другихъ занятій, то я вполнѣ его понимаю и радуюсь вмѣстѣ съ вами: Германская жизнь, стянутая условными приличіями, должна была сдѣлаться для васъ тягостною и возбудить въ васъ желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ Черногоріи. Но если ваша поѣздка имѣетъ другое значеніе, если Германія и наука, Славяне и жизнь для васъ одно, то я не могу не сѣтовать. Къ несчастію нѣкоторыя строки изъ вашего письма заставляютъ меня остановиться на послѣднемъ предположеніи. Участіе къ Славянскому возрожденію съ нѣкотораго времени принимаетъ такой характеръ, который, мнѣ кажется, дѣлаетъ противодѣйствіе необходимымъ. Многіе стали понимать будущее торжество Славянизма какъ торжество жизни надъ наукою. Я готовъ согласиться, что прекрасенъ міръ Славянъ, что прекрасна эта жизнь свободная, этотъ уцѣлѣвшій бытъ; но существенное его достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ именно въ томъ, что этотъ бытъ и эта жизнь можетъ и должна быть оправдана наукою. Только тогда она сдѣлается нашею неотъемлемою собственностью, и мы назовемъ ее вполнѣ своею. Поэтому дѣло настоящаго времени есть дѣло науки. Вы знаете, что подъ наукою я разумѣю философію, а подъ философіею Гегеля. Только принявъ эту науку отъ Германіи, безсильной удержать ее (оттого что эта наука выразила требованіе такой жизни, какой не можетъ явить Западная Европа), только этимъ путемъ совершится примиреніе сознанія и жизни, которое будетъ торжествомъ Россіи надъ Западомъ. Между тѣмъ, многіе [1]), кажется мнѣ, слишкомъ склонны любить жизнь какъ таковую, останавливаться на ней, ставить ее въ параллель съ наукою вообще и отдавать ей преимущество надъ послѣднею. Согласитесь сами, сколько бы свѣжихъ, невѣдомыхъ никому, но доселѣ сомкнутыхъ силъ, ни заключалъ въ себѣ Славянскій міръ, не останется ли онъ гораздо

ниже Германіи, положимъ даже издыхающей, пока наука будетъ исключительнымъ ея достояніемъ? Кромѣ того, искать Славянскаго духа въ сложности всѣхъ племенъ Славянскихъ кажется мнѣ мыслью ошибочною. Цѣлью и окончательнымъ результатомъ всего Славянскаго развитія было вынести Россію и въ ней явить средоточіе и всю полноту Славянскаго духа безъ всякой односторонности. Въ этомъ отношеніи, я раздѣляю вполнѣ мысль Морошкина [2]). Только въ Россіи Славянскій духъ дошелъ до самосознанія, условленнаго самоотрицаніемъ. Поэтому я готовъ признать, что изученіе исторіи другихъ родственныхъ племенъ можетъ объяснить многое въ нашемъ развитіи (вы сами представляете тому примѣръ); можетъ Россія какъ въ зеркалѣ узрѣть нѣкоторыя свои стороны, нѣкоторые моменты своего развитія, тѣмъ болѣе что она прошла чрезъ нихъ и они стали ея прошедшимъ, тогда какъ другія племена на нихъ остановились; но я не думаю, чтобы что либо новое, чего бы въ ней не было, Россія могла получить отъ нихъ. Напротивъ того, для нихъ освобожденіе отъ ихъ племенныхъ односторонностей и осуществленіе въ себѣ обще-Славянскаго начала возможно только подъ однимъ условіемъ—сознать себя въ Россіи. Все это я пишу къ вамъ наугадъ, не зная навѣрное, какъ вы объ этомъ думаете; но пишу, потому что это мое убѣжденіе, получившее для меня послѣ трехлѣтнихъ занятій церковною исторіею достовѣрность очевидности. Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ вами объ этомъ предметѣ моихъ занятій, но чувствую, что трудно мнѣ будетъ не распространиться, и тогда вмѣсто одного листа пришлось бы написать ихъ 10 такихъ. Скажу вамъ одно: изученіе православія, конечно ограничившееся однимъ моментомъ (проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей, католической и протестантской) привело меня къ результату, что православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука; что вопросъ о церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля [3]). Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ философіи. Господи Боже мой! Какой бы завязался у насъ споръ, еслибъ вы были здѣсь. Жаль! Теперь дописываю вторую часть; много новаго и очень интереснаго я узналъ объ отношеніяхъ церкви къ государству въ Россіи. Первую часть я совершенно передѣлалъ, и она уже переписана, но напечатана не будетъ. Вотъ уже $2^1/_2$ мѣсяца какъ я живу въ деревнѣ совершенно одинъ и не прежде переѣду въ городъ, какъ окончивши мой трудъ. Въ Москву же я пріѣзжаю каждыя двѣ недѣли повидаться съ своими. Удивляюсь, какъ вы не получили двухъ нашихъ писемъ. Одно было къ вамъ послано по почтѣ, а другое вручитъ (?)

вамъ вмѣстѣ съ брошюркою Аксакова о Гоголѣ мой двоюродный братъ, millesimus ex gente Obolenscia, служащій при Берлинскомъ посольствѣ. Прощайте. Обнимаю васъ и прошу не оставлять безъ извѣстій о себѣ. Аксакову я еще не успѣлъ сообщить вашего письма; по настоящему обо всемъ этомъ слѣдовало бы писать ему, оттого что это собственно его вопросы; но онъ не будетъ на меня сердиться за то, что я зашелъ въ его владѣнія. Я увѣренъ, что онъ одного со мною мнѣнія о Славянизмѣ и напишетъ вамъ тоже подробнѣе, живѣе и убѣдительнѣе. Еще разъ прощайте. Передайте отъ меня поклонъ Панову [4]). Юрій Самаринъ.

[1]) Едвали подъ „многими" не разумѣется преимущественно Хомяковъ.

[2]) Ѳедоръ Лукичъ.

[3]) Мысли, изложенныя въ этомъ письмѣ, объ отношеніи Россіи къ Славянамъ и православія къ философіи Гегеля имѣютъ значеніе, по тогдашнему выраженію, момента въ развитіи Ю. Ѳ-ча. Въ 1843 году, какъ объяснено въ предисловіи, вопросы, возбужденные философіею Гегеля, породили въ Самаринѣ внутреннюю борьбу, которая разрѣшилась въ 1844 году подъ воздѣйствіемъ Хомякова.

[4]) Василій Алексѣевичъ Пановъ издалъ „Московскій Сборникъ" 1846 и 1847 гг.

52.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, въ наше послѣднее свиданіе мы говорили о поэмѣ Гоголя и о томъ, какъ ее судятъ и понимаютъ. Много было высказано о ней самыхъ разнообразныхъ отзывовъ, обвиненій, возраженій и похвалъ. Въ числѣ ихъ попадалось нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и очень много пустыхъ. Я самъ послѣ втораго чтенія началъ было писать объ ней статью, но прочтя твою брошюрку [1]), я вполнѣ удовлетворился и отложилъ это дѣло. Мнѣ кажется, ты сказалъ о «Мертвыхъ душахъ» все, что̀ можно и что̀ должно было сказать, представивъ характеръ созерцанія Гоголя, акта творчества, и устранивъ вопросъ о содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, о содержаніи поэмы пока еще говорить нельзя, оттого что мы имѣемъ передъ собою только начало. Шевыревъ въ своихъ первыхъ статьяхъ [2]) дѣльно и умно опровергнулъ нѣсколько пошлыхъ обвиненій; но почти все сказанное имъ отъ себя не только не уясняетъ того впечатлѣнія, которое не могли не произвести «Мертвыя души» на всякаго не предубѣжденнаго и не мудрствующаго читателя, но напротивъ, мутитъ его, заслоняетъ значеніе великаго созданія Гоголя и портитъ наслажденіе. Это произошло, мнѣ кажется, отъ излишняго мудрованія. Въ Шевыревѣ нѣтъ той простоты и того смиренія, безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго

произведенія, не можетъ быть полнаго наслажденія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ критикъ, что онъ изучалъ искусство, что онъ былъ въ Италіи и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Италіи и не изучали искусства. За то никогда не откроется ему то, чтò утаено отъ премудрыхъ и открыто младенцамъ. Ему будетъ совѣстно передъ собою, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только то, чтò можетъ видѣть всякій. Нѣтъ; онъ придумаетъ что нибудь помудренѣе, позамысловатѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою. Не имѣя подъ рукою «Москвитянина», я приведу въ примѣръ чтò помню. Только Шевыревъ могъ открыть хитрую мысль, спрятанную поэтомъ за Петрушкою и Селифаномъ. «Петрушка, который ближе къ своему барину, провонялъ отъ него; а Селифанъ нѣтъ, оттого что онъ подальше». Видите ли какая тутъ штука. Такъ точно въ изображеніи помѣщиковъ и всей ихъ обстановки, прислуги, крестьянъ, деревни, сада и т. д. Гоголь, по мнѣнію Шевырева, хочетъ доказать, какъ характеръ и свойство помѣщика отпечатываются на всемъ ихъ окружающемъ, и дать имъ полезный урокъ.

Мнѣ приходитъ на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумѣю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: «Коробочка, вѣрно, очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону». Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна? Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что всѣ другія свойства старушки-помѣщицы, не высказанныя поэтомъ, вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, чтò бы подумала и чтò бы сказала? Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленіе, провести его дальше: то не значитъ ли это, что то немногое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ заключается тайна творчества, а выше ея нѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь *изображаетъ*, и каждое лицо его истинно, живо и полно какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты—*исчисленія* всѣхъ свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и

вообще этотъ родъ критики, отыскивающей чего-то невысказаннаго, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношенiй къ чему нибудь, если такого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его созданiе, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямаго, такъ рѣзко обличаетъ свое безсилiе, такъ становится глупа и смѣшна, когда прилагается къ произведенiю Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать): то не значитъ ли это, что оно исключительно и высоко-художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на внѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ? Все, что̀ она замѣчаетъ, что̀ хвалитъ и что̀ порицаетъ, не лежитъ въ произведенiи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержанiе.

Но довольно о Шевыревѣ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою о другомъ сужденiи, недавно нами услышанномъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ. Ты знаешь, кого я разумѣю. Ихъ отзывъ не былъ высказанъ печатно, и потому не было на него печатныхъ опроверженiй. Признаюсь, я искренно, отъ всей души жалѣю о этихъ людяхъ. Все, что̀ нужно для того, чтобъ наслаждаться художественнымъ произведенiемъ, въ нихъ есть, но они сами отказываютъ себѣ въ этомъ наслажденiи. Имъ хотѣлось бы предаться поэту просто, всею душою; но они совѣстятся сдѣлать это и насильно подавляютъ въ себѣ смѣхъ и радость, вытѣсняя ее умышленнымъ чувствомъ сожалѣнiя и скорби. «Какъ можно радоваться и наслаждаться, когда художникъ выводитъ на сцену цѣлый рядъ жалкихъ, смѣшныхъ, отвратительныхъ явленiй, взятыхъ изъ той дѣйствительности, въ которой мы живемъ, которая есть наша дѣйствительность, наша родина! Плакать и скорбѣть должно, а не смѣяться». Такъ они говорятъ, и въ ихъ словахъ выражается искренняя, почтенная любовь къ своему родному, но любовь слишкомъ тѣсная и потому легко переходящая въ отчаянiе. Маловѣры! Вы любите не Россiю, а то, что̀ въ ея жизни нравится вамъ лично; себя вы любите въ ней, а не ее. Ваше сочувствiе ограничивается одною стороною, однимъ или двумя столѣтiями не болѣе, а потому, не находя въ настоящемъ того, что̀ нравилось вамъ въ прошедшемъ, не узнавая его въ новомъ его превращенiи, вы отчаяваетесь и не видите, сколько утѣшительнаго для насъ всѣхъ заключаетъ въ себѣ явленiе такого художественнаго произведенiя, каково «Мертвыя души». Но такъ какъ вы не отъ природы неспособны понимать его, а вслѣдствiе ложнаго убѣжденiя разсудка, то я постараюсь опровергнуть это убѣжденiе и сдѣлать для васъ доступнымъ то, къ чему вы призваны. Не касаясь вопроса о Россiи вообще и о со-

временномъ ея состоянiи, я думаю, что изъ возможности явленiя въ наше время чисто-художественнаго произведенiя, изъ новаго факта въ мiрѣ искусства, котораго отрицать нельзя, можно вывести заключенiе о самой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли такой моментъ въ исторiи, такой народъ дать предметъ для художественнаго произведенiя (принимая это слово въ самомъ строгомъ значенiи, какое даетъ ему наука), въ которомъ нѣтъ ничего высокаго, идеальнаго, дѣйствительнаго, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? Очевидно, жизнь, представляющая собою чистое отрицанiе, отсутствiе всего дѣйствительнаго, не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенiя. Одна тѣнь не составляетъ картины. Поэтому художникъ, родясь въ эпоху разрушенiя, въ народѣ, подгнившемъ въ корнѣ своемъ, беретъ предметъ изъ его жизни, но понимаетъ и изображаетъ его только какъ отрицанiе того, что̀ было, или какъ отсутствiе того, что̀ будетъ. Отсюда рождается сатира; поэзiя становится обличенiемъ настоящаго. Поэтъ, неспособный воспринимать съ любовью предметы его окружающiе и возводить ихъ въ перлъ созданiя (говоря словами самого Гоголя), не находя въ настоящемъ ничего такого, что̀ бы удостоилось удержать на себѣ его взоръ, уходитъ отъ него въ прошедшее, или весь погружается въ упованiе на будущее. Въ его созданiяхъ вы вѣчно будете находить двѣ стороны, вѣчный антитезъ, вѣчное противоположенiе, исключающее гармонiю, оттого что въ самой жизни нѣтъ этой гармонiи. Такъ напр. Горацiй, изображая темную сторону своей эпохи и своего народа, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуетъ зарю обновленiя, зачинающуюся на Сѣверѣ, въ лѣсахъ Германiи. Но не ищите въ его произведенiи той нераздѣльности художника съ жизнью, того въ себѣ самомъ сосредоточеннаго спокойствiя, какимъ запечатлѣны всѣ произведенiя Гоголя; мысль поэта Римскаго и его сочувствiя вѣчно уносятъ его за предѣлы той жизни, изъ которой онъ беретъ содержанiе, и не можетъ быть иначе. Только та жизнь можетъ быть предметомъ чисто-художественнаго произведенiя, и особенно эпоса, которая сама собою удовлетворяется, сама въ себѣ имѣетъ право на бытiе, а не та, которая существуетъ какъ отрицанiе идеи внѣ ея зарождающейся. Но не всякому доступно пониманiе жизни во всемъ ея объемѣ, во всей ея глубинѣ. Человѣку сродно видѣть и останавливаться на томъ, что̀ его оскорбляетъ, и въ этомъ виноватъ самъ человѣкъ, а не жизнь. И если среди этой жизни возникаетъ поэтъ съ высокою, чисто-художническою организацiею, и если онъ отразитъ въ себѣ всѣ явленiя этой жизни, самыя смѣшныя, мелкiя и темныя и создастъ изъ нихъ не сатиру, а поэму какъ «Мертвыя души», то мы должны принять ее какъ очевиднѣйшее, какъ неопровержимое ру-

чательство за жизнь, и всѣ наши опасенія, нашъ страхъ, наши жалобы должны умолкнуть... Скажите, найдете ли вы въ поэзіи народовъ отживающихъ что нибудь похожее на «Мертвыя души», и есть ли въ «Мертвыхъ душахъ» хотя призракъ сатиры? Ужели не всякому ясно, что нѣтъ поэта, который бы былъ такъ далекъ отъ сатиры какъ Гоголь; что во всякомъ другомъ поэтѣ, напр. въ Жуковскомъ, гораздо болѣе сатирическаго начала нежели въ Гоголѣ? Нѣтъ, та жизнь, которую поэтъ могъ полюбить и возвести въ ясное, свѣтлое созданіе искусства, та жизнь, повѣрьте, далека отъ разрушенія.

Конечно, въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» мы видимъ ея темную сторону; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже, чего не дай Богъ, что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться. Одинъ огромный, неопровержимый фактъ — возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь.

Скажу искренно, не горячась, безъ преувеличенія: послѣ прочтенія поэмы Гоголя, я чувствую, что, встрѣтясь съ Собакевичемъ, Ноздревымъ, Маниловымъ, со всѣми смѣшными и отвратительными лицами и явленіями, которыми угащиваетъ насъ наша настоящая дѣйствительность, я не впаду въ уныніе, не приду въ отчаяніе. Воскреснетъ въ моей памяти образъ любезнаго намъ всѣмъ поэта, его свѣтлый, проницательный и спокойный взоръ, его ясное чело, услышу его звонкій голосъ, и снова миръ и упованіе сойдутъ въ мою душу...

[1]) „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя и пр.“.

[2]) Двѣ статьи С. П. Шевырева о „Мертвыхъ душахъ“ помѣщены въ № № 7 и 8 „Москвитянина“ за 1842 годъ; другихъ статей его о поэмѣ Гоголя не было, но посвящено ей двѣ-три страницы въ его „критическомъ перечнѣ произведеній Рус. Словесности за 1842 г.“ въ № 1 „Москвитянина“ за 1843 годъ.

Письмо это печатается съ современной копіи, такъ какъ подлинника не сохранилось; оно написано либо въ концѣ 1842, либо въ началѣ 1843 года.

53.

Любезный Аксаковъ, нынче вечеромъ мнѣ нельзя будетъ быть у тебя для свиданія съ Герценомъ *). Но завтра, или послѣ завтра и т. д., какъ тебѣ и ему будетъ угодно. Хомяковъ меня выручилъ.

Я къ тебѣ заѣду послѣ обѣда, часовъ вь 5 или $5^1/_2$ и разскажу.

Твой Ю. Самаринъ.

*) А. И. Герценъ (р. 25 Марта 1812 г., † 9 (21) Января 1870) поступилъ въ Москов. Унив. по физико-математ. отдѣленію въ Октябрѣ 1829 г., пробылъ въ немъ 4 года (въ томъ числѣ холерный) и вышелъ изъ Университета кандидатомъ въ Іюлѣ 1833 года. Въ половинѣ 1842 г. Герценъ поселился въ Москвѣ; Ю. Ѳ. жилъ въ это время въ подмосковной, гдѣ провелъ и всю зиму съ 1842 на 1843 г., только изрѣдка, дня на два пріѣзжая въ Москву. Въ запискѣ говорится, вѣроятно, о первомъ свиданіи, назначавшемся у Аксакова, для того, чтобы познакомить Самарина съ Герценомъ. Это свиданіе произошло въ зиму съ 1842 на 1843 г., въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 года.

1843 годъ.

54.

Къ отцу.

Un triste événement vient d'arriver chez nous. La mère de Матрена est morte, il y a quelques instants, suffoquée par la vapeur. Ce matin elle s'est sentie mal, malgré cela le jardinier et sa femme sont allés en traîneau avec le prêtre de Лукино pour conduire celui-ci je ne sais où. La vieille est restée, la tête enmaillotée, en fourrure, couchée dans son lit et à une archine du poêle. Il n'y avait pour la garder que son mari. Vers les 4 heures le jardinier, sa femme et le prêtre sont rentrés. Ils ont entendu gémir la vieille et se sont approchés d'elle tous les trois, en lui demandant: чтó съ тобою, не дурно ли тебѣ, не нужно ли чего?—Нѣтъ ничего, я только угорѣла, пройдетъ. Là-dessus, sans la faire sortir, sans lui ôter les bandeaux qu'elle avait sur la tête, ils sont sortis tous les trois. Un quart d'heure après elle était morte. La bêtise et l'incurie du jardinier, de sa femme et du prêtre est inconcevable. Mon valet de chambre et moi nous avons fait tout ce qui était possible pour la ramener à la vie, mais elle était déjà froide, raide, pas de pouls, pas de respiration. Maintenant le jardinier me prie d'engager le prêtre à témoigner qu'il l'a vue mourir pour éviter les embarras de l'autopsie et de la police. Je vais le voir pour savoir si cela se peut faire.—

Donnez moi, je vous prie, des nouvelles de nos malades.—Comme je suppose que cette mort subite vous donnera des inquiétudes pour moi, je m'empresse de vous faire savoir qu'on ne chauffe jamais mes chambres le soir, mais toujours le matin et qu'on ne ferme le poêle qu'en ma présence. On fait de même chez mon valet de chambre.

55.

Къ отцу.

Mon cher papa, ce matin on a enterré la vieille; Матрена a depuis trois jours une espèce de frisson qui n'est pourtant pas de la fièvre; au moindre bruit elle ressaute et tremble comme une feuille. Comme je suppose que c'est un dérangement de nerfs, je lui ai conseillé d'aller au bain. Du reste rien de nouveau chez nous. Le temps est supportable, mais il n'y a plus de chasse, ce qui fait que je mène un genre de vie plus sédentaire que jamais. Comment vont nos malades? M*. doit bien s'ennuyer, car je suppose que la pluspart de nos amis ont rompu avec nous. Mon travail avance, mais je prévoie que ma seconde partie sera très-imparfaite, faute de matériaux. Communiquez, je vous prie, à Michel les commissions suivantes.—Любезный Миша, попроси отъ меня у Погодина на нѣсколько дней Голикова (Дѣянія Петра Великаго) т. 1 и 6. Потомъ возьми изъ библіотеки Исторію Петра Великаго Берха (послѣдніе томы у меня) и Московскаго Вѣстника ту часть, въ которой помѣщено дѣло Царевича *) и пришли все это ко мнѣ, уложивши въ коробокъ. За симъ до свиданія...

*) Алексѣя Петровича.

56.

Къ отцу.

Mon cher papa, grâce à votre fourrure je suis arrivé sans avoir froid le moins du monde. J'ai trouvé mes chambres assez chaudes et pas d'odeur. Ainsi tout va mieux que je ne pensais. Je renvoie la fourrure, la casquette, le couteau de chasse et le sac avec marteau, baguette etc. pour charger les pistolets. Donnez moi, je vous

prie, des nouvelles des malades. Je vous remercie encore une fois pour la fourrure et vous embrasse tendrement ainsi que maman, M*. et Michel. G. S.

57.

Къ отцу.

En vérité, mon cher papa, vous me faites trop de mérite d'avoir renoncé au dîner et au bal qu'on me proposait en ville. Le sacrifice n'a pas été grand pour moi: il y a longtemps que j'ai renoncé à tout cela en idée et que j'ai compris que c'était à la science que je devais demander mes plus grandes jouissances. Je m'y suis adonné autant par le sentiment de ma destinée personnelle que par les grandes espérances sur l'avenir de mon pays que j'ai conçues et aux quelles je me suis associé. Jusqu'à présent je n'ai pas éprouvé de regrets et j'espère ne m'être pas trompé sur mon compte. Mon travail avance. Je n'ai plus que quelques pages à écrire pour être au bout de ma seconde partie. Dimanche prochain, c'est-à-dire dans une semaine, j'espère pouvoir donner à copier au net ma première partié *). Il me tarde autant qu'à vous d'en finir.—Nous avons toujours un singulier temps. Tantôt il pleut, tantôt il neige. Il n'y a pas de chasse possible, et je mène un genre de vie très-sédentaire. Rien de nouveau chez moi. — Voici les livres que je vous prie de faire demander à Масловъ: Дѣянія Петра Великаго т. 7. Дополненія т. 10, 12, 14 и 17.—Мишу прошу привезти мнѣ учебникъ Русской Исторіи Погодина.—Надѣюсь, что онъ завтра ко мнѣ пріѣдетъ, если не соблазнитъ его балъ.—Прилагаю два письма, которыя прошу васъ отослать по адресамъ.—Я опять безъ бумаги. Нельзя ли прислать мнѣ тетрадки съ три?

*) Въ письмѣ къ Попову отъ 5 Декабря (№ 51) Ю. Ѳ. писалъ, что первая часть уже переписана и что онъ дописываетъ 2-ую часть; на сохранившейся рукописи 1-ой части, переписанной переписчикомъ и значительно исправленной за тѣмъ Ю. Ѳ-чемъ, сдѣлана имъ на оберткѣ надпись: „кончена въ Декабрѣ 1842 г. въ Измалковѣ". Но для представленія въ университетъ, очевидно, первая часть диссертаціи должна была быть снова переписана.—Если въ письмѣ говорится о первой перепискѣ, то оно должно быть отнесено къ Ноябрю 1842 года; но вѣроятнѣе, что тутъ разумѣется вторичная переписка.

58.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, когдаже ты будешь ко мнѣ? Жду не дождусь. По крайней мѣрѣ напиши мнѣ хоть словечко. Работа у меня идетъ живо. Второй части осталось дописать нѣсколько страницъ, но поправлять придется много. Какъ было дѣло при свиданіи Филарета съ Хомяковымъ? Надѣюсь до свиданія у меня въ деревнѣ. Обнимаю тебя отъ души. Ю. Самаринъ.

P. S. Пришли мнѣ или привези томъ Древней Вивліоѳики, въ которомъ помѣщена исторія Кіевской и Московской академіи.

59.

Къ отцу.

Mon cher papa, je vous envoie un exprès, vu que personne du village ne va en ville pour ses propres affaires. Ayez la bonté de me faire parvenir ma pelisse et les provisions dont mon valet de chambre a donné la liste.—Nous avons depuis deux jours un temps magnifique qui réjouit le coeur. Quand on est seul et à la campagne, on sent très-vivement tous ces changements de l'atmosphère. Dans les champs et sur les coteaux il n'y a plus de neige dutout: l'eau coule et la glace rompt de toute part. Je corrige la seconde partie de ma dissertation et je prends des notes pour la troisième. J'ai vu qu'il était impossible d'écrire les deux parties à la fois. Dimanche je donnerai au copiste la moitié de la seconde. Il y a longtemps que je n'ai eu de nouvelles. A Dimanche.... P. S. Миша, пришли мнѣ Лаврентьевскій списокъ дня на два и Mélanges littéraires de Villemain. Никиту прошу прислать съ этой оказіей табакъ; у меня вышелъ весь.

60.

Къ отцу.

Mon cher papa, je vous envoie les journaux que j'ai parcourus. Il n'y a pas eu d'occasion plus tôt. Voilà de nouveau l'hiver. Nous

avons déjà une demi-archine de neige et il en tombe toujours. Pas moyen de mettre le nez dehors, ce qui me contrarie beaucoup vu que je n'ai qu'à me promener de long en large dans mes trois chambres, ce qui fait juste 12 pas. — Mon ouvrage avance, et j'espère pouvoir revenir définitivement de Dimanche en huit. J'ai rempli la commission de maman relativement à la pension de la jeune demoiselle. Comment va votre santé et celle de M*? Je n'espère pas avoir de nouvelles de longtemps, car le paysan qui vous remettra ce billet ne reviendra pas. Je suis encore à me demander comment j'ai fait pour oublier de prendre congé de vous, Mardi passé. Je suis persuadé que vous ne m'en voulez pas, mais je vous prie en sus d'oublier mon étourderie et de ne pas me le rappeler, vu qu'elle n'est même pas dans mon caractère. Je vous embrasse de tout mon coeur. Любезный Миша, купи мнѣ Посошкова на мои деньги и, когда поѣдешь къ Аксакову, не забудь спросить у него, что̀ думаетъ Хомяковъ о моей рукописи *).

*) Вѣроятно, о первой части диссертаціи: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ богословы.

61.

Къ отцу.

Mon cher papa, voulez-vous de moi pour Samedi? J'ai tout fini, tout emballé. Si votre impatience est seulement la moitié de la mienne, j'aurai les chevaux Vendredi soir pour partir Samedi matin. Je n'ai pas besoin de vous dire, qu'en définitive, je me soumets à votre décision, tout en vous priant de ne pas me laisser longtemps dans mes chambres vides. J'envoie 3 caisses avec mes livres et mes papiers. Ayez la bonté de les faire porter dans la chambre de gymnastique et qu'on n'y touche pas sans moi. Il est tout-à-fait inutile de m'envoyer un laquais, vu que tout est fait et que ce serait un poids de plus. Je vous embrasse de tout mon coeur et remets mon sort entre vos mains. Любезный Миша, ты прислалъ только одинъ чехолъ, а ихъ нужно два; не забудь прислать.

62.

Къ К. С. Аксакову.

Нынче именины Марьи Дмитріевны Ховриной *). Всѣ будутъ тамъ. Буду и я. Не худо бы и тебѣ пріѣхать; а я пріѣду самъ по себѣ, съ своей стороны, потому что передъ этимъ мнѣ нужно будетъ еще кое-куда заѣхать. До свиданья. Юрій Самаринъ.

*) 1 Апрѣля. У М. Д. Ховриной, рожденной Лужиной, въ зиму съ 1842 на 1843 г. бывали часто литературные вечера.

63.

Къ К. С. Аксакову.

Я вижу, ты отговариваешься и потому пристаю къ тебѣ. Дай слово, что поѣдешь. Ну поѣзжай для меня. Мнѣ сдается, что вечеръ будетъ не пустой, что будутъ споры, что ты будешь нуженъ. Еслижъ будетъ скучно, что̀ мѣшаетъ тебѣ уѣхать и приняться за дѣло? Ю. С.

64.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ! Что̀ это тебя нигдѣ не видать? Ни у Павлова не былъ, ни ко мнѣ не заѣдешь? Зову тебя къ себѣ нынче вечеромъ въ 7 часовъ. Я звалъ Хомякова и Боборыкина [1]). Захвати съ собою «Отечественныя Записки», тотъ № [2]), въ которомъ помѣщены стихи Лермонтова, внушенные ему какимъ-то пророческимъ чувствомъ его смерти. До свиданья. Ю. Самаринъ.

21 Апрѣля. Середа.

[1]) Николай Николаевичъ.

[2]) № 3-й 1843 года; въ немъ помѣщено стихотвореніе Лермонтова „Сонъ":

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я.
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

65.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, я исполнилъ твое порученіе. На мою просьбу Мейндорфъ [1]) отвѣчалъ, что не знаетъ навѣрное, найдутся ли три билета, потому что ты поздно хватился. Тогда я обратился къ Марьѣ Дмитріевнѣ Ховриной, уповая на ея всесильное ходата

ство, и просилъ ее отъ своего имени и для себя требовать трехъ билетовъ. Мейндорфъ сдался, и тогда я сказалъ ему, чтобы онъ не искалъ болѣе билетовъ для тебя, а доставилъ бы эти три М. Д. Ховриной, которая тебѣ передастъ ихъ. Итакъ, тебѣ остается къ ней съѣздить и поблагодарить ее. Цѣны еще не знаю, а время и мѣсто означены на билетахъ. Какъ мнѣ жаль, что ты не былъ вчера. Ты потерялъ высокое наслажденіе: Листъ [2]) превзошелъ себя и явился съ совершенно новой стороны, опровергающей твое сужденіе. Я вижу теперь, что ему вполнѣ доступна die fromme demüthige Musik. Во Вторникъ ты убѣдишься самъ. Не забудь переписать для меня стихи. Твой Ю. Самаринъ.

Понедѣльникъ.

[1]) Баронъ Александръ Казиміровичъ Мейндорфъ поселился въ Москвѣ въ 1842 г. и, состоя на службѣ по М-ву Финансовъ, оказывалъ просвѣщенное содѣйствіе для развитія Русской промышленности. По его мысли былъ открытъ 18 Марта 1843 г. на Кузнецкомъ мосту магазинъ „Русскихъ Издѣлій“, т.-е. рядъ магазиновъ въ одномъ домѣ, для продажи исключительно Русскихъ товаровъ.

[2]) Извѣстный композиторъ-піанистъ, Листъ, былъ въ Москвѣ и давалъ концерты во второй половинѣ Апрѣля 1843 года.

66.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, я на прощальномъ вечерѣ у Ховриныхъ. Очень желаютъ, чтобы ты пріѣхалъ. Будетъ Тургеневъ [1]) молодой, тоже желаетъ тебя видѣть. Твой Юрій Самаринъ.

[1]) Иванъ Сергѣевичъ.

67.

Къ К. С. Аксакову.

Я не могъ понять изъ твоего письма, любезный Аксаковъ будешь ли ты къ Хомякову или нѣтъ. А мнѣ хотѣлось бы тебя видѣть. Вчера былъ у меня Тургеневъ и спрашивалъ, когда бы намъ у тебя съѣхаться; мы было думали сговориться нынче. Въ Четвергъ мнѣ нельзя пріѣхать. Я отозванъ на вечеръ. Какъ быть?

Твой Юрій Самаринъ.

68.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, вотъ что: маминька и сестра ѣдутъ нынче въ концертъ [1]) и требуютъ, чтобы я провожалъ ихъ. Поэтому я не могу быть у Мейндорфа. Совѣтую тебѣ ѣхать одному по тремъ причинамъ: вопервыхъ, кажется, что поѣздка устроена для насъ; во вторыхъ, дѣло само по себѣ интересно; втретьихъ, ты скажешь ему о брошюркѣ и остановишь изданіе. Принявъ все это въ уваженіе, рѣшись. Право лучше. Если же ты не захочешь ѣхать, то напиши или съѣзди къ нему предварительно; ибо я сказалъ, что если ты ничего не дашь знать, то это будетъ знакъ согласія. А если будешь писать, то не забудь посыпать и дать высохнуть, а не то Казиміровичъ ужъ вовсе ничего не разберетъ. Съѣздъ назначенъ ровно въ 3 часа. До свиданья, твой Ю. Самаринъ. P. S. Нынче вечеромъ, въ 9 или $9^1/_2$ повезу Соллогуба [2]) къ Хвоинымъ, просижу не болѣе получаса и домой.

[1]) Вѣроятно, концертъ Листа (25 Апрѣля) или Рубини (въ Мартѣ).

[2]) Графъ Владиміръ Александровичъ, извѣстный писатель.

69.

Любезный Аксаковъ, я никакъ не могу отлучиться, ибо назначилъ нынче вечеромъ свиданіе старому товарищу, недавно пріѣхавшему изъ Кіева, Каменскому. Не знаю, будетъ ли онъ, ибо часъ имъ назначенный уже прошелъ, но все же долженъ подождать его. Я получилъ приглашеніе отъ Сенявиной на завтрашній вечеръ. Загоскинъ и Вельтманъ будутъ читать. Любопытно послушать. Завтра утромъ постараюсь къ тебѣ заѣхать на минуту. Видѣлъ Казиміровича, но не успѣлъ переговорить.

70.

Къ К. С. Аксакову.

Двухъ вальшнеповъ, завернутыхъ въ кулькѣ, прошу тебя, любезный Аксаковъ, поднести отъ меня твоему батюшкѣ, какъ приношеніе знатоку и охотнику испытанному отъ охотника молодаго, подвизающагося. Тебя же зову къ себѣ завтра по утру въ $12^1/_2$ отвѣдать моей дичи вмѣстѣ съ Мещерскимъ и Скалономъ. Жду тебя непремѣнно. Вечеромъ часовъ въ 9 или попозже я думаю къ тебѣ заѣхать, если только ты будешь дома. Юрій Самаринъ.

71.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, мнѣ еще третьяго дня поручилъ Мейндорфъ звать тебя къ нему на обѣдъ въ Субботу. Онъ хочетъ насъ познакомить съ какимъ-то ученымъ, Haxtshausen [1]) по имени, который объѣзжаетъ всѣ Славянскія земли и изучаетъ бытъ Славянъ; у меня его брошюра. Не знаю, увидимся ли мы до того времени; поэтому предваряю тебя письменно. Пріѣзжай ко мнѣ часа въ три, и мы поѣдемъ вмѣстѣ. Дописываю третью часть [2]). Твой Ю. Самаринъ.

[1]) Гакстгаузенъ, авторъ извѣстнаго сочиненія Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, 2 Th. 1847, 3 Th. 1852.—Онъ пріѣзжалъ въ Москву вмѣстѣ съ Козегартеномъ въ Маѣ 1843 года, очень интересовался Русскою сельскою общиною и высказывался за освобожденіе крестьянъ цѣлыми обществами, не считая полезнымъ индивидуальное освобожденіе какъ съ землею, такъ и безъ земли.

[2]) Магистерской диссертаціи: Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники.

72.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, у меня есть просьба до твоего братца, которую прошу тебя передать ему; надѣюсь, что онъ не откажется ее исполнить. Вотъ въ чемъ дѣло. Митя Оболенскій рапортовался больнымъ и уѣхалъ въ деревню, не видавъ переписчика, которому поручена моя диссертація. Я теперь не знаю, какъ идетъ у него дѣло и скоро ли онъ кончитъ. Поэтому прошу Ивана Сергѣевича взять на себя трудъ, завтра, въ Сенатѣ спросить переписчика Иванова отъ имени князя Оболенскаго, на чемъ онъ остановился, взять у него, якобы для передачи кн. Оболенскому, готовыя тетради, буде таковыя у него окажутся, и переслать ихъ мнѣ, а съ остальными велѣть ему поспѣшать. Иванову мой двоюродный братъ отдалъ эту работу отъ себя для вящшаго его поощренія. Само собою разумѣется, что Дм. Оболенскій уполномочилъ меня на мою просьбу. Сговорился ли ты съ Герценомъ? Твой Юрій Самаринъ.

Четвергъ. 20 Мая 1843 года.

73.

Любезный Аксаковъ, кое-что я долженъ сообщить тебѣ для тебя интересное. Вопервыхъ, я узналъ отъ Буслаева [1]), который былъ у меня, что уставъ о приватдоцентахъ съ 1000 рублями жалованья

рѣшительно утвержденъ. Въ выборѣ предмета предоставляется совершенная свобода. Магистерскій и докторскій экзаменъ облегченъ. Первый вертится около одного главнаго предмета за исключеніемъ побочныхъ; второй вовсе отмѣненъ и замѣняется одною диссертаціею. Тотъ же Буслаевъ, разсказывая мнѣ о сочиненіи, которое онъ готовитъ о преподаваніи словесности Русской въ гимназіи [2]), сказалъ мнѣ, что онъ предлагаетъ въ немъ конспектъ изученія Ломоносова. При этомъ онъ открылъ сличеніемъ различныхъ изданій, начиная отъ древнѣйшихъ, и различныхъ, самимъ Ломоносовымъ цитуемыхъ отрывковъ изъ его же Одъ, что онъ многое измѣнялъ и поправлялъ, иногда къ лучшему, а иногда на оборотъ, такъ что весь этотъ процессъ исправленія онъ возстановилъ. Вотъ по твоей части. А вотъ по моей: книга Хворостинина [3]) ничего особеннаго не содержитъ, и я обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Феноменологію [4]) я отложилъ, ибо не могъ одолѣть статьи о Wahrnehmung и принялся за Энциклопедію, которая дается легко. Во Вторникъ или въ Середу надѣюсь съ тобою увидѣться; застану ли я Хомякова въ Москвѣ? Твой Ю. Самаринъ.

P. S. Пишу статью о книгѣ Штейна [5]) не для печати.

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ былъ товарищемъ Ю. Ѳ-ча по университету и кончилъ курсъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1838 году.

[2]) О преподаваніи отечественнаго языка въ 2 ч. вышло въ 1844 году.

[3]) Неизвѣстно, что это за книга. Былъ въ первой половинѣ XVII в. князь Иванъ Хворостининъ, который за еретичество былъ сосланъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ въ Іосифовъ монастырь, а при царѣ Мих. Ѳеод. ему былъ объявленъ указъ, изъ котораго видно, что онъ писалъ книжки: „Да у тебя же въ книжкахъ твоего сочиненія найдены многія укоризны всякимъ людямъ Московскаго государства...“; но эти книжки, кажется, не дошли до насъ.

[4]) Лѣтомъ 1843 г. Ю. Ѳ. изучалъ Гегеля.

[5]) Ueber den Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs.

74.

Любезный Аксаковъ, какъ мнѣ жаль, что твое здоровье до сихъ поръ не поправляется и что воды не принесли тебѣ той пользы, которой я отъ нихъ ожидалъ! Надѣюсь, что теперь тебѣ лучше. Сдѣлай милость, хоть изрѣдка давай знать о себѣ. Извѣстіе, которое ты сообщилъ мнѣ, очень важно. Не нужно и говорить, что я радъ ему какъ нельзя болѣе. Дѣло доброе во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ идутъ твои занятія? Ты говоришь, что будешь ко мнѣ не прежде какъ по окончаніи первой части. Если ты теперь пишешь, то я не зову тебя, не желая отрывать тебя отъ дѣла. Но если ты еще не засѣлъ или занимаешься такъ, прохлаждаясь, то потерян-

ный день для тебя ничего не значитъ, и я повторяю тебѣ мою просьбу пріѣхать ко мнѣ. Разсуди и рѣши самъ. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Москвѣ и разумѣется съ тобою увижусь. Кое о чемъ переговорю.—Ты пишешь, что думаешь представить Ѳеофана въ новомъ свѣтѣ. Не знаю, въ чемъ состоитъ это новое и очень имъ интересуюсь. Боюсь, чтобы ты не понялъ его слишкомъ односторонно; вѣдь кромѣ проповѣдей ты, кажется, ничего не читалъ. Ты знаешь, что кое-какія его сочиненія есть у меня, поэтому можешь во всякое время имѣть ихъ.—Кстати. Знаешь ли ты, что въ Англійскомъ языкѣ нѣтъ будущаго времени? *) Чтò Москва? Чтò наши друзья и противники? Пребывающимъ въ Москвѣ передай отъ меня дружескій привѣтъ. Обнимаю тебя отъ души. До свиданья. Твой Юрій Самаринъ.

*) Намекъ на любимую мысль К. С. Аксакова, что въ Русскихъ глаголахъ нѣтъ „временъ“, а то, чтò, по образцу иностранныхъ грамматикъ называется „временами“, есть не болѣе, какъ означеніе качества дѣйствія. Эта мысль выражена имъ въ его брошюрѣ о Русскихъ глаголахъ (См. II томъ его сочиненій, Москва, 1875 г).

75.

Къ княгинѣ Варварѣ Михайловнѣ Гагариной*.

Il y a si longtemps, ma très-chère tante, que je n'ai eu le bonheur de vous voir, que vous ne me refuserez certainement pas quelques lignes de réponse sur l'état de votre santé. J'espère aussi que connaissant bien l'intérêt de coeur que je porte à votre fils, vous voudrez bien me communiquer les nouvelles que vous recevez de lui. Depuis la lettre que vous m'avez apportée de Berlin, je ne sais absolument rien.—L'autre jour, en arrivant à Moscou, j'ai eu le désappointement de ne plus vous y trouver. Je comptais me présenter chez vous à Ясенево aujourd'hui ou demain, mais des affaires appellent papa en ville, et je ne pourrai mettre mon projet à exécution qu'à la fin de cette semaine ou au commencement de la semaine prochaine. Puis-je espérer vers ce temps de vous trouver à Ясенево? Maman et ma soeur me chargent dans leurs lettres de mille choses pour vous. Veuillez agréer en même temps l'expression du profond respect et de l'affection sincère de votre tout dévoué Georges Samarine.

P. S. La lettre ci-jointe m'a été confiée par le prince Nicolas Troubetskoy pour être remise à mon oncle.

1843 1 Aout.

*) Матери князя Ивана Сергѣевича.

76.

Къ К. С. Аксакову.

Ну, братъ, перещеголялъ ты меня; видно, мнѣ съ тобою еще не по силамъ тягаться въ знаніи Англійскаго языка; признаю тебя побѣдителемъ. Какъ мнѣ жаль, что я не поѣхалъ къ Мельгунову; а я все ждалъ отъ тебя письма и весь вечеръ просидѣлъ дома. Не поѣхалъ же я одинъ потому, что боялся встрѣтиться съ Шевыревымъ, который съ тѣхъ поръ, какъ онъ по милости твоей возъимѣлъ обо мнѣ хорошее мнѣніе, сталъ для меня еще вдвое страшнѣе. Вчерась я былъ у Чаадаева; встрѣтилъ тамъ Дмитріева, который былъ очень милъ и разсказалъ много интереснаго и забавнаго. Раза два рѣчь заходила о Хомяковѣ; Чаадаевъ на него нападалъ, а Дмитріевъ заступался. Вотъ что̀ есть въ описаніи путешествія Погодина *) и что̀ мы пропустили: «ѣхалъ вмѣстѣ съ попавшимся мнѣ Виртемберцомъ, котораго для краткости, буду называть Швабомъ». Каковъ! До свиданія. Можетъ быть, нынче утромъ заѣду къ тебѣ; но не могу сказать навѣрное.

Твой Юрій Самаринъ.

*) Москвитянинъ 1843 г. № 9 статья Погодина: „Швейцарія, изъ путевыхъ записокъ“.

77 *).

Къ А. С. Хомякову.

Л. А. С. При многихъ намъ общихъ убѣжденіяхъ, насъ раздѣляетъ, какъ кажется, одинъ вопросъ. Но этотъ вопросъ такъ великъ и важенъ, рѣшеніе его должно быть такъ плодовито результатами, что если въ немъ одномъ мы не сходимся, то согласіе между нами въ какомъ бы то ни было другомъ вопросѣ науки необходимо одного изъ насъ обличаетъ въ непослѣдовательности. Я разумѣю вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи. На этотъ разъ я не думаю приступать ученымъ образомъ къ его разрѣшенію. Я даже не въ состояніи этого сдѣлать, потому что я самъ только что дошелъ до него. Хочу только разсказать вамъ, какъ мои занятія меня привели къ нему и какъ тѣсно, по моему мнѣнію, онъ связанъ съ судьбою нашей церкви. Безъ малаго три года я занимался почти исключительно изученіемъ православія. Будучи связанъ внѣшнею цѣлью, диссертаціею, заданною мнѣ университетомъ, я долженъ былъ очертить себѣ извѣстный кругъ занятій и не пе-

реступать за него. Поэтому многіе очень важные вопросы остались у меня въ сторонѣ. Не смотря на то, изучивъ вполнѣ одинъ моментъ изъ исторіи нашей церкви, проявленіе въ немъ католическаго и протестантскаго начала, я могъ, такъ мнѣ кажется, понять отношеніе ея къ двумъ вѣроисповѣданіямъ Запада, въ которомъ, по моему мнѣнію, есть опредѣленіе православія вообще. Вотъ результатъ, до котораго я дошелъ: существенная разница между католичествомъ и протестантствомъ и нашею церковью заключается въ томъ, что католичество, изъявивъ притязаніе на исключительность, есть вмѣстѣ наука и государство; протестантство, признавъ полную свободу науки и государства, отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ церковь и религію вообще; наша церковь не есть наука и не есть государство: она сознаетъ себя только какъ церковь (не говорю какъ моментъ, потому что этого слова вы не допустите, а съ тѣмъ, что̀ сказано до сихъ поръ, вы, кажется, согласны). Но наука и государство должны быть; слѣдовательно, если церковь не признаетъ ихъ въ своей сферѣ, значитъ, онѣ существуютъ внѣ ея какъ отдѣльныя сферы, и власть церкви на нихъ простираться не должна. Поэтому, если дѣйствительно наука и государство имѣютъ въ себѣ эту силу, существуютъ независимо какъ отдѣльныя сферы, то церковь православная истинна, и воздержаніе ея, то, что она не изъявляетъ притязанія на то, что̀ ей недоступно, ручается за ея истину. Если же нѣтъ—выводъ будетъ противоположный. Отстранивъ вопросъ о государствѣ (о католицизмѣ у насъ нѣтъ спора), я полагаю слѣдующій вопросъ (и вы примете его въ этомъ видѣ): философія существуетъ какъ отдѣльная отъ церкви сфера, подчиненная ей, или наоборотъ подчиняетъ ее себѣ? Я думаю, что если наука существуетъ какъ отдѣльная отъ искусства и религіи сфера духа, то она должна быть сферою высшею, послѣднимъ моментомъ развитія идеи.....

*) Подлинное письмо не сохранилось; печатаемъ его по уцѣлѣвшему черновому наброску. Оно написано въ Сентябрѣ 1843 года, когда, послѣ изученія философіи Гегеля, вопросы ею возбужденные потребовали рѣшительнаго отвѣта, и пришлось Ю. Ѳ-чу либо окончательно перейти на точку зрѣнія Гегеля, либо утвердиться въ томъ воззрѣніи, которое проведено имъ было въ своей диссертаціи.

78.

Къ К. С. Аксакову.

Я сбираюсь нынче вечеромъ къ Чаадаеву. Что бы тебѣ съ своей стороны отправиться туда же? Я давно уже выдерживаю одинъ его нападенія, намеки и прочее. Пора на смѣну. Не зову тебя ѣхать вмѣстѣ, потому что поѣду къ нему не прямо изъ дому. До свиданія. Твой Юрій Самаринъ. Буду у Чаадаева въ началѣ десятаго.

79.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, благодарю тебя, что подумалъ извѣстить меня о ходѣ; но едвали мнѣ удастся быть на немъ. Я жду гостей и до двухъ часовъ не выѣду. Головная моя боль прошла; но я все еще не совсѣмъ здоровъ. Чувствую какую-то пустоту и слабость въ умѣ, сердцѣ и въ тѣлѣ. Нынче я вѣроятно къ тебѣ заѣду хоть на минуту, ибо буду въ твоей сторонѣ. Твой Ю. С.

80.

Къ отцу.

Ярославль. Вторникъ, 30 Ноября
9 часовъ утра.

Любезный папинька, пишу къ вамъ изъ Ярославля на всякій случай, не зная, когда пойдетъ мое письмо. Я пріѣхалъ сюда не такъ чтобы скоро, не такъ чтобы тихо, въ $\frac{1}{2}$ перваго. Задержекъ нигдѣ не было, но дорога не вездѣ одинаково хороша. Здѣсь снѣгу вдоволь, и если на что можно пожаловаться, такъ это на его рыхлость. Ничего достопримѣчательнаго я не видалъ, не слыхалъ и не случалось со мною. Чай, возня съ извощиками, куреніе, сонъ прерываемый толчками, вотъ и все. Повозка моя очень покойна, люди довольно расторопны. Видѣлъ я два города, Переяславъ и Петровскъ, въ которыхъ церквей гораздо больше, чѣмъ домовъ; черезъ Ростовъ, къ сожалѣнію моему, меня провезли поздно вечеромъ; жалѣю я потому, что сквозь сумерки совсѣхъ сторонъ представлялось множество церквей, и большихъ и малыхъ, пятиглавыхъ, осьмиглавыхъ, старинныхъ и пр.—Сейчасъ я отправилъ Ивана за подорожною, а почта Московская идетъ въ Четвергъ; слѣдовательно это письмо я отдамъ кому нибудь на попеченіе. — Длинный путь лежитъ передо мною; все бы хорошо, если бы не тараканы и другіе обыватели того же рода. Пойду осматривать городъ; прощайте....

Midi et $\frac{1}{2}$. J'avais fermé ma lettre, espérant partir dans peu, mais voilà les tribulations du voyage qui commencent. Il se trouve qu'on ne me laisse pas partir, c'est-à-dire on me refuse une подорожная, vu que je n'ai pas de свидѣтельство de la police. Иванъ l'a laissé au comptoir de la diligeance. Pour mon bonheur j'ai trouvé

ici Serge Troubetskoy, qui sert auprès du gouverneur, et qui m'a promis de me faire partir. Heureusement que je n'ai pas poussé sans подорожная jusqu'à Кострома. Sans sela Dieu sait combien de temps j'aurais perdu; maintenant ce ne sera qu'un jour, ce qui du reste est déjà beaucoup. Je ne fermerai ma lettre que quand je saurai à quoi m'en tenir.

2 heures.

Je viens de recevoir ma подорожная et je pars; je vous embrasse encore une fois.

Въ концѣ 1843 г. Ю. Ѳ совершилъ путешествіе по Россіи: выѣхавъ въ концѣ Ноября изъ Москвы на Ярославль, онъ заѣхалъ къ теткѣ своей А. В. Волуевой къ Белбажскую пустынь, въ Костромской губерніи; оттуда черезъ Симбирскъ проѣхалъ въ заволжскую деревню своего отца и вернулся черезъ Казань въ Москву въ первой половинѣ Января 1844 г.

81.

Къ отцу.

Любезный папинька, вчера въ Пятницу, въ 7 часовъ утра я пріѣхалъ въ монастырь; на послѣдней станціи въ Долахъ я стоялъ очень долго: ямщики прижали. Мы съ ними возились часа четыре. Они все еще не могли позабыть вашего возка и долго ходили около моей повозки, разглядывали со всѣхъ сторонъ и приподнимали: не того ли мастера работа, что̀ надъ возкомъ трудился. Мнѣ отвели великолѣпные покои, назначенные для преосвященнаго. Стѣны оклеены розовою бумажкою, убраны всякаго рода образами; главное дѣло чисто, тепло и, кромѣ насъ троихъ, другихъ жильцовъ, кажется, нѣтъ. Какъ скоро я пріѣхалъ, такъ я просилъ встрѣтившую меня монашенку не сказывать о моемъ пріѣздѣ Ал. В—нѣ. Не тутъ-то было. Въ одну минуту вѣсть разнеслась и дошла до игуменьи. Она стала было по немногу готовить къ ней Ал. В—ну. Ал. В—на долго не вѣрила, чтобы этотъ Самаринъ былъ изъ ея родни; наконецъ перепугалась ужасно, не умеръ ли кто, нѣтъ ли другой бѣды, не потерпѣлъ ли я по службѣ и пр. Она тотчасъ прибѣжала ко мнѣ встревоженная и въ слезахъ. Въ туже минуту я ее успокоилъ, и тогда вы можете себѣ представить, что радости ея не было конца. Между тѣмъ она пробыла у меня недолго и отправилась къ обѣднѣ, а я легъ спать и проспалъ до 12 часовъ. Послѣ того тетенька повела меня къ игуменьѣ. Вамъ извѣстно, сколько при этихъ свиданіяхъ бываетъ низкихъ поклоновъ, поздравленій съ пріѣздомъ, распросовъ и подчиваній всякою всячиною.

Вечеромъ я пилъ чай у Ал. В. Ей отвели теперь другую келью, подлѣ старой церкви. Послѣ того, что̀ я слышалъ о болѣзни, которую не такъ давно вытерпѣла Ал. В—на, я думалъ найти въ ней большую перемѣну противъ прежняго. Но меня обрадовало противное. Ал. В. нисколько не состарѣлась. Она очень худа, какъ и прежде, но цвѣтъ лица хорошъ; иногда даже показывается на щекахъ румянецъ; наконецъ она жива, бодра и говорлива. Подробнѣе я разскажу вамъ при свиданіи. Такъ какъ въ 7 часовъ вечера монастырскія ворота запираются, то Ал. В—на на эти три дня отвела себѣ комнатку въ гостинницѣ, проводитъ вечеръ со мною и ночуетъ въ гостинницѣ. Вчерашній день, т. е. Пятницу, я провелъ также какъ Четвергъ. Особеннаго было одно, но этого одного я въ вѣкъ не забуду. Игуменья звала къ себѣ обѣдать. Долго я крѣпился и упирался, наконецъ надобно было уступить, и пошло угощенье: грибки, грузди, варенье, сельди, лимоны, вино подслащенное и подкрашенное, какая-то невиданная рыба, вся обсыпанная корицею и гвоздикою, сушеныя груши съ перцомъ, какой-то черный какъ деготь супъ и т. д. Вспомнить страшно. Всего я отвѣдалъ, всего поѣлъ и всѐ вытерпѣлъ. Правда, что цѣлый день я лежалъ и кряхтѣлъ. Если я начиналъ просить о пощадѣ, мнѣ отвѣчали: «по крайней мѣрѣ отвѣдайте, попробуйте и скажите, вкусно ли; вотъ вашего тятиньку мы и подчивать не смѣемъ; тотъ нашей стряпни не жалуетъ; такъ ужъ вы, батюшка, за него-то да и за себя». Нечего дѣлать, потерпѣлъ я и за себя, да и тятинькиныхъ долговъ уплатилъ немало. Нынче обѣдалъ дома; завтра послѣ ранней обѣдни отправлюсь въ путь на здѣшнихъ лошадяхъ. Не знаю, удастся ли мнѣ писать къ вамъ съ дороги. Прощайте, до свиданія. Обнимаю отъ всей души... и кланяюсь всѣмъ нашимъ. P. S. Всего въ письмѣ передать вамъ я не могу; нужно оставить коечто до свиданія. Поэтому съ вечера запечатаю это письмо и завтра отдамъ его на почтѣ въ Пучежѣ. Ю. Самаринъ.

4 Декабря.

82.

Къ отцу.

Любезный папинька, вчера въ Пятницу утромъ, въ 12 часовъ, я пріѣхалъ въ Васильевское... Впрочемъ ужъ если разсказывать все по порядку, то надобно начать съ Симбирска. Я писалъ къ маминькѣ изъ Симбирска, что выѣду на другой день поутру, и точно выѣхалъ, не смотря на просьбы Языковыхъ, которые хотѣли удержать меня до

другаго дня и показать мнѣ балъ въ Симбирскѣ. Ѣхалъ я оттуда довольно скоро; на послѣдней станціи, на половинѣ дороги, т.-е. въ 10 верстахъ отъ Сызрани вотъ что̀ случилось. Ѣхали мы ночью, было около 2 часовъ утра, и начала подниматься метель; мы ѣхали проселкомъ, кругомъ была голая степь, я дремалъ. Вдругъ слышу стонъ и крикъ: «добрый человѣкъ спаси, не дай погибнуть и пр...» Я велѣлъ остановить; мы выскочили изъ кибитки и видимъ, въ сторонѣ отъ дороги лежитъ мужикъ до половины въ снѣгу. Шапка съ него слетѣла, рукавицы спали съ рукъ, которыя также какъ и ноги окостенѣли отъ холода; ночь была прехолодная. Мы должны были поднять его и на рукахъ нести до кибитки. Мужичина былъ предюжій, и мы съ трудомъ ввалили его въ повозку и окутали въ шубу. Кто онъ, откуда, куда шелъ, мы никакъ не могли добиться и замѣтили, что онъ пьянъ: воетъ и молится. Вотъ обращикъ нашего разговора съ нимъ: Чей ты?—Владыкинъ, Христа Спасителя.—Откуда?—Не знаю, научи, милый человѣкъ!—Куда шелъ?—Къ Христу Спасителю за добрыми дѣлами и т. д. Съ одной стороны было смѣшно, съ другой ужасно жалко. Въ безсвязной рѣчи и въ смѣшной формѣ выражались его помышленія въ виду почти неминуемой смерти. Долго мы съ нимъ ломались въ кибиткѣ; наконецъ довезли до города и отдали на руки ямщикамъ. Оказалось, что онъ ничего себѣ не отморозилъ. На другой день узналъ я, что онъ съ товарищами ѣздилъ покупать коровъ въ Сызранъ. Тамъ они подпили. На возвратномъ пути лошади ихъ сбили и привязались къ обозу; товарищи нашего мужика сперва было повели его подъ руку, а потомъ бросили какъ рогожу въ степи, въ снѣгъ, ночью и въ 18 по крайней мѣрѣ градусовъ морозу. Къ этому я вспомнилъ, что когда мы ѣхали ночью и услыхали крики и увидѣли этого человѣка въ снѣгу, мой извощикъ промчался мимо и не подумалъ остановиться. Вотъ что ужасно, и почему это такъ?—Только что я пріѣхалъ въ Сызранъ на нашъ дворъ и вошелъ въ избу, которую старый дворникъ изъ усердія натопилъ какъ баню и напустилъ дыму и угару, какъ явился ко мнѣ нѣкто Степанъ Яковлевичъ Мясниковъ, мужчина въ $2^1/_2$ аршина ширины и въ $1^1/_2$ вышины и звалъ къ себѣ на чай. Это было въ 3 часа утра, но я пошелъ, чтобы только дать время освѣжить комнату. На другой день отправился въ Васильевское и пріѣхалъ въ первомъ часу. Петръ Яковлевичъ [1]) встрѣтилъ меня съ несказанною радостью тѣмъ болѣе, что Титъ Аѳанасьевичъ [2]) увѣрилъ его, что я потому не пріѣхалъ въ Васильевское къ сроку, что навѣрное съ лошадьми и кибиткою провалился въ пролубь и отправился назадъ сушиться въ Москву. Петръ Яковлевичъ встрѣтилъ меня съ подробнымъ рапортомъ и отчетомъ по формѣ написаннымъ и обстоятельнымъ. Нынче явился ко мнѣ прикащикъ съ рапортомъ

и пр. Въ первый разъ въ жизни я почувствовалъ себя бариномъ-помѣщикомъ—ощущеніе не чуждое своего рода пріятности. Нынче я уже началъ съ Петромъ Яковлевичемъ заниматься хозяйствомъ и вглядываться въ вотчинныя дѣла. Занятія у меня расположены по порядку: сперва планъ всей земли, общія постановленія и т. д. Потомъ хлѣбопашество, овцеводство и фабрика; наконецъ, крестьяне и управленіе. Петромъ Яковлевичемъ, какъ учителемъ, я очень доволенъ. Онъ разсказываетъ все обстоятельно, въ порядкѣ и съ снисхожденіемъ къ моему невѣжеству. 14 числа онъ поѣдетъ въ Сызранъ на торги снимать въ оброчное содержаніе удѣльные участки; по возвращеніи его, мы отправимся изъ Васильевскаго въ другія вѣдомства. Какъ мнѣ ни хочется съ вами свидѣться, но я вижу, что я Рождество отпраздную здѣсь и прошу васъ дать мнѣ волю и не вызывать назадъ. Богъ вѣдаетъ, когда снова представится случай побывать въ этой сторонѣ.—Воронковъ подробно распрашивалъ меня обо всѣхъ васъ, и особенно о Петѣ.—J'ai découvert qu'à l'endroit de Петя [3]), Воронковъ n'était autre chose que Паша [4]) en culottes, ou si vous aimez mieux que Паша est Воронковъ en jupon...

[1]) Воронковъ, управляющій изъ дворовыхъ; управлялъ имѣніемъ около 40 лѣтъ и оставилъ по себѣ добрую память во всемъ Заволжскомъ краѣ своего честностью, справедливостью и попеченіемъ о благосостояніи крестьянъ.

[2]) Макаровъ, воспитанникъ Московскаго Университета, былъ около 40 лѣтъ лѣкаремъ въ имѣніи Ѳ. В. Самарина, въ то время когда Заволжскій край еще былъ захолустьемъ, почти не связаннымъ никакими путями съ внутренною Россіею; онъ былъ тогда единственнымъ лѣкаремъ во всей Заволжской степи и умеръ тамъ въ началѣ 70-хъ годовъ, оставивъ по себѣ добрую память въ мѣстномъ народонаселеніи.

[3]) По привязанности къ нему.

[4]) Няня, страстно любившая своего Петю и обижавшаяся тѣмъ, что его не обучаютъ погречески, тогда какъ старшаго его брата учили и полатыни и по гречески.

83.

Къ отцу.

Samedi, 18 Décembre 1843.

Mon cher papa, d'après votre dernière lettre, vous devez me supposer à l'heure qu'il est déjà bien loin de Васильевское; je ne crois pas que vous ayez reçu ma dernière lettre dans laquelle je vous fais part de mon projet de rester à Васильевское jusqu'à Noel; aussi je n'espère plus avoir de vos nouvelles avant mon arrivée à Kazan. Peut-être adresserez-vous une lettre pour moi à Dmitry Obolensky. Je n'ai pas besoin de vous dire, combien ce que vous me dites dans votre dernière lettre me rend impatient de savoir ce qui se fait chez

nous. Je crois pourtant et j'espère qu'il n'en sera rien.—Je n'ai rien de particulier à vous raconter sur mon séjour à la campagne. J'ai passé deux jours à Гремячево, j'ai visité Дубровка, Владимiрское, Озерецкое. Il me reste à aller à Вязовка. La journée d'aujourd'hui a été consacrée à toutes sortes de plaisirs: chasse aux lévriers—résultat 3 русака; chasse au fusil—résultat 6 perdrix; pêche au filet—résultat 15 brochets et tout un tonneau d'écrevices. Ça n'est pas si mal comme vous voyez. Nous avons eu pour nous favoriser un temps magnifique, un ciel serein et un beau soleil. J'ai admiré des effets de lumière de toute beauté. Le côté montagneux se présentait de loin comme une chaîne de glaciers. C'est singulier que tous les paysagistes en général aient méconnu les beautés et le pittoresque de l'hiver. Je ne doute pas que l'art n'ait de grandes destinées en Russie, au nombre je mets la réhabilitation de l'hiver sous le rapport du pittoresque. — Demain Воронковъ doit aller à Сызрань pour batailler avec le comptoir des apanages. C'est lui qui portera ma lettre. Voici l'heure où il va venir chez moi prendre le thé. C'est là qu'il me communique les résultats de sa longue expérience. Adieu donc. Je vous embrasse de tout mon coeur.... Faites que nos amis ne m'oublient pas.

19 Decembre. Торги отложены на 3 дня и потому письмо мое будетъ отправлено только нынче. Нѣсколько строкъ я успѣю приписать. Сегодня въ Воскресенье у насъ была обѣдня и молебенъ. По моей просьбѣ служба началась рано, т. е. въ 8 часовъ. Послѣ того мы отправились въ займище и затравили 6 русаковъ. Завтра утромъ ѣдемъ въ Вязовку. Погода стоитъ у насъ очень теплая; нынче было 2 градуса тепла къ моему удовольствiю и къ великому неудовольствiю Петра Яковлевича, который прекратилъ молотьбу. Изъ Васильевскаго я еще разъ буду писать къ вамъ, а потомъ не ждите отъ меня писемъ до самаго моего прiѣзда въ Казань. Еще разъ обнимаю васъ отъ всего сердца.

84.

Къ отцу.

Васильевское, 25 Декабря.

Любезный папинька, маминька... поздравляю васъ всѣхъ и обнимаю отъ всей души. Въ первый разъ мнѣ случилось встрѣчать Рождество безъ васъ, и теперь Богъ знаетъ, когда удастся празд-

новать вмѣстѣ. Я надѣялся получить хоть письмо, но и того не было. На дняхъ пріѣхали В. и С.; за день до нихъ обозъ съ машиною. Изъ письма вашего къ Петру Яковлевичу я вижу, что вы предполагаете, что меня уже нѣтъ въ Васильевскомъ. Видно письмо, посланное мною изъ Симбирска черезъ Языкова, не дошло до васъ или дошло поздно, а я писалъ аккуратно изъ монастыря, изъ Симбирска и два раза изъ Васильевскаго. Значитъ до самаго моего пріѣзда въ Москву я останусь безъ вѣсточки объ васъ. Жаль!—Нынче мы праздновали Рождество. Церковь была набита биткомъ, но куда какъ было холодно. Я стоялъ въ теплыхъ сапогахъ, и то ноги промерзли. Послѣ обѣдни разгавливались у меня Петръ Яковлевичъ и Титъ Аѳанасьевичъ, потомъ явился Керфъ съ поздравленіемъ и прочія власти. Во время службы новопріѣзжіе В. и С. всѣхъ восхитили и изумили своимъ пѣніемъ: первый несравненнымъ басомъ, а второй неслыханнымъ дишкантомъ. Вечеромъ у меня пилъ чай священникъ.—Вотъ и конецъ моему пребыванію въ Васильевскомъ. Прошло оно не безъ пользы для меня и не безъ удовольствія. Ваши порученія я всѣ исполнилъ; ѣду я завтра поутру, часу въ девятомъ. До Сызрана меня провожаетъ Титъ Аѳанасьевичъ, а Петра Яковлевича я уговорилъ остаться. У него кое-какія дѣла; къ тому же онъ поджидаетъ верховыхъ и Хвалынскихъ купцовъ (по здѣшнему суммъ), которые не ѣдутъ.—Я здѣсь перерылъ всѣ кладовыя и нашелъ двѣ бумаги по разнымъ отношеніямъ интересныя. Первая: просьба, поданная дѣдомъ въ Двор. Депут. Собраніе о включеніи въ гербовникъ рода Самариныхъ съ приложеніемъ вѣрныхъ копій съ двухъ грамотъ, изъ которыхъ одна пожалована Ѳедору Васильевичу Самарину царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, а другая сыну его Алексѣемъ Михайловичемъ. Вторая—вами поданная и подписанная просьба о принятіи васъ въ службу въ артиллерію, въ которой вы говорите, что Французскому языку вы обучены вполнѣ, Нѣмецкому отчасти, фортификаціи также, и намѣрены на службѣ продолжать учиться. Все это я везу съ собою.—Итакъ, завтра я выѣду. Новый годъ я буду праздновать въ Казани; не знаю еще, попаду ли я въ Москву къ Крещенію; если по разсчету не долженъ успѣть, то останусь въ Казани, чтобы не пришлось праздновать Крещеніе на какой нибудь станціи.—Прощайте; всѣхъ васъ обнимаю отъ души. Передайте отъ меня поклонъ и поздравленіе княгинѣ Гагариной.

85.

Къ К. С. Аксакову.

Казань, наканунѣ Новаго Года.

Любезный Аксаковъ, насилу я получилъ отъ тебя два письма, посланныя тобою на имя Оболенскаго. Благодарю тебя за нихъ отъ

всей души, не смотря на досаду, которую они заставили испытать меня. Цѣлыхъ четыре часа я бился надъ ними, и то половины разобрать не могъ. По совѣсти, можно ли такъ писать? Въ Москвѣ пусть бы такъ. Но каково же мнѣ, на такомъ разстояніи, послѣ долгой разлуки, не имѣя никакихъ извѣстій о тебѣ и о всѣхъ нашихъ, получить два письма интересныхъ, давно желанныхъ, и сидѣть надъ ними, какъ надъ іероглифами, къ которымъ я не имѣю ключа! Жестоко ты поступаешь со мною. Но это въ сторону; я отъ души благодарю тебя. Помарокъ въ твоемъ письмѣ много; и за это благодарю тебя, и ты самъ себя поблагодари. Всѣ твои извѣстія меня очень интересуютъ. Радуюсь успѣху Грановскаго *) и досадую на оплошность Погодина и Шевырева. Все, что̀ ты говоришь по случаю рукоплесканій, я принимаю безусловно и вполнѣ сочувствую; не знаю, почему ты думалъ, что я буду противъ этого спорить. Послушай, Аксаковъ! Ты давно на меня сердишься за то, что съ недавняго времени я чаще сталъ не соглашаться съ тобою и спорить. Я радъ, что ты наконецъ высказалъ все то, что̀ у тебя было на сердцѣ. Такъ, я спорю съ тобою; но ради Бога не думай, чтобы я находилъ въ этомъ удовольствіе и чтобы я дѣлалъ это потѣхи ради. Нѣтъ, я спорю съ тобою, потому что давно я веду тяжелый, мучительный споръ съ самимъ собою. Въ письмѣ мнѣ нельзя распространиться объ этомъ, но ты меня любишь, ты повѣришь мнѣ, и потому немногихъ моихъ словъ будетъ достаточно на то, чтобы истребить зародышъ досады на меня, если онъ есть въ твоей душѣ. Скажу тебѣ одно: все это время я провелъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа. Вопросы, мнѣ давно знакомые и на время усыпленные, но не побѣжденные, проснулись во мнѣ и требуютъ рѣшительнаго да или нѣтъ. Какое бы слово мнѣ ни пришлось произнести, чувствую, что съ нимъ сопряжена будетъ великая жертва. Кажется, никогда такъ сильно не было во мнѣ раздвоеніе. Мнѣ невыносимо тяжело и грустно. Я не ребенокъ, ты это знаешь; тебѣ я могу высказать все. Много ночей я провелъ въ деревнѣ, безъ сна, въ горькихъ слезахъ и безъ молитвы. Бездѣлицу мы вычеркнули изъ нашей жизни: Провидѣніе, и послѣ этого можетъ быть легко и спокойно на сердцѣ? Но я не могу много писать объ этомъ; отложу до свиданія, котораго нетерпѣливо жду. Объ одномъ прошу тебя: не сердись, не досадуй на меня и не осуждай. Болѣе нежели когда нибудь мнѣ нужно твое сочувствіе, полное, довѣрчивое. Кое-чѣмъ я занимался. Статья по случаю Штейна кончена. Многимъ ты, я думаю, бу̀дешь доволенъ, а кое-чѣмъ нѣтъ. Передай отъ меня дружеское привѣтствіе и поздравленіе съ новымъ годомъ твоему батюшкѣ, Ивану Сергѣевичу, Павлову, Хомякову, если онъ въ Москвѣ, Языковымъ, Свербееву, Кирѣевскому, Гра-

новскому, Герцену и всѣмъ нашимъ, а тебя обнимаю крѣпко отъ всей души. Ю. Самаринъ.

*) 23 Ноября 1843 г. Грановскій открылъ свой первый публичный курсъ объ исторіи среднихъ вѣковъ; курсъ продолжался до 20 Апрѣля 1844 г. и имѣлъ большой успѣхъ.

1844-й годъ.

86.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя ѣхать на выборы *): батюшка отправляется завтра въ Симбирскъ и поручаетъ мнѣ кое-какія закупки ему въ дорогу. Если ты поѣдешь одинъ, то возьми на себя исполнить то, о чемъ меня просила и что̀ я обѣщалъ Кат. Алек. Свербеевой—займи для нея мѣсто. Не знаю, попаду ли я къ Сенявиной.—Какъ провелъ ты ночь и какъ себя чувствуешь нынче утромъ? На четвертый пунктъ проситъ отвѣта твой Юрій Самаринъ.

*) Дворянскіе выборы въ Москвѣ были открыты 18 Января 1844 года.

87.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, мнѣ нельзя будетъ ѣхать съ тобою къ Чаадаеву: батюшка далъ мнѣ порученіе, по которому я долженъ ѣхать сейчасъ и вѣроятно проѣду прямо къ Чаадаеву, не заѣзжая домой. Впрочемъ, можетъ быть, я и вовсе не попаду къ нему. Каково твое горло? Твой Юрій Самаринъ.

Середа.

88.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, мы сбирались съ тобою къ Грановскому [1]) нынче вечеромъ; я и ему далъ слово, но у меня экипажа нѣтъ; поэтому я только въ томъ случаѣ поѣду, если ты возьмешься доставить меня туда. Нельзя ли тебѣ ко мнѣ пріѣхать въ 8-мъ часу; долго оставаться мнѣ нельзя будетъ. Вчера меня сильно напоилъ Герценъ, и теперь у меня въ головѣ ералашъ. Твой Юрій Самаринъ.

[1]) Тимоѳей Николаевичъ (р. 9 Марта 1813 въ Орлѣ, † 4 Октября 1855 въ Москвѣ).

Въ точности нельзя опредѣлить времени, когда были написаны записки № 88 и 89: вѣроятно въ началѣ 1844 г., но можетъ быть и осенью 1843 года.

89.

Къ К. С. Аксакову.

Dearest Аксаковъ, Пако былъ у насъ нынче утромъ, но твою записку я получилъ послѣ того, какъ онъ уѣхалъ. Впрочемъ я буду у него нынче вечеромъ и твое порученіе исполню. Я собираюсь нынче послѣ обѣда къ Грановскому часовъ въ 5 и пробуду до 8; оттуда поѣду къ Пако. Хорошо будетъ, если ты тоже къ Грановскому поѣдешь. Нападемъ на него вдвоемъ, въ расплохъ; этотъ человѣкъ видимо колеблется. Твой Ю. Самаринъ.

90.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, въ 9 я никакъ не могу быть у тебя, потому что въ $8\frac{1}{2}$ ѣду къ Мещерскимъ, а оттуда къ Гагаринымъ. Отложить этихъ визитовъ мнѣ нельзя, и потому лучше, если ты ко мнѣ заѣдешь до $8\frac{1}{2}$ ч. Да вотъ еще что. Ты забылъ, что въ Четвергъ *) диспутъ Кавелина. Тебѣ нельзя не быть на немъ, и придется отложить поѣздку или воротиться изъ деревни къ Четвергу.

Твой Юрій Самаринъ.

*) 24 Февраля 1844 г.

91.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, я видѣлся съ Погодинымъ и многое отъ него узналъ о тебѣ. Отъ всей души благодарю тебя за твою откровенность и прямоту. Твои слова разсѣяли много непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ искаженными передачами твоихъ отзывовъ, слухами, наговорами и прочею всякою всячиною. Что̀ до меня, то я совершенно съ тобою примирился и могу также крѣпко пожать тебѣ руку и отъ всей души обнять тебя какъ въ то время, которое по твоимъ словамъ стало для тебя прошедшимъ. Я люблю тебя также какъ и прежде, хотя со многимъ не согласенъ и буду спорить до послѣдняго издыханія. Всего болѣе возмущаютъ меня не мнѣнія твои, сколько необыкновенная исключительность и взыскательность твоя. Еслибъ не ты писалъ, еслибъ не зналъ я тебя насквозь, я подумалъ бы, что ты ищешь предлога къ разрыву. «Я горячъ, будь и ты горячъ; я чувствую призваніе къ такой-то дѣятельности, избери ее и ты; воспитаніе, обстоятельства и пр. опредѣлили меня такъ, а не иначе: пересоздай и ты себя по моему образу и подобію»—таковыми представляются твои требо-

ванія (разумѣется, въ преувеличенномъ, каррикатурномъ видѣ). Еслибъ въ разномысліи нашемъ было что нибудь существенное, я скрѣпя сердце рѣшился бы покориться необходимости и разойтись съ тобою; но мнѣ больно и досадно видѣть, что существеннаго разномыслія нѣтъ и что при этомъ твоя исключительность, твоя нетерпимость и какое-то отсутствіе смысла для той дѣйствительности, въ которой мы живемъ, почти всегда заставляютъ тебя быть несправедливымъ въ сужденіяхъ о лицахъ, между прочимъ и обо мнѣ. Я понимаю, до какой степени трудно объясниться съ тобою, такъ трудно, что почти невозможно, а между тѣмъ ошибка твоя ясна для меня какъ дважды два четыре. Я буду отвѣчать тебѣ также подробно и откровенно; до тѣхъ поръ прошу тебя объ одномъ: не спѣши разрывомъ со мною и обрати вниманіе хоть на одно это, что я увѣренъ твердо, что, какъ бы мы ни расходились теперь, мы непремѣнно сойдемся, когда ты признаешь возможность другаго человѣка съ тѣмъ же направленіемъ, съ тѣми же убѣжденіями какъ и ты. Въ заключеніе скажу тебѣ одно: я съ своей стороны никогда не разойдусь съ тобою. Обнимаю тебя крѣпко; поклонись отъ меня твоему батюшкѣ, твоей матушкѣ, Ивану Сергѣевичу и всѣмъ твоимъ.

92.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, какъ я радъ, какъ хорошо, что ты пріѣхалъ нынче, и вмѣстѣ какъ жаль, что не исполнилъ ты своего обѣщанія и не заѣхалъ ко мнѣ въ 9 часовъ. Я былъ здѣсь въ 9-мъ часу. Пріѣзжай, если можешь, ко мнѣ завтра утромъ, только не позже $10^1/_4$, потому что въ $10^1/_2$ я долженъ быть у Тропинина [1]), который съ меня пишетъ портретъ. Еслиже тебѣ нельзя быть у меня, то жди меня къ себѣ во второмъ часу. Нужно увидаться поскорѣе, чтобы сговориться какъ провести время. Твой Юрій Самаринъ.

[1]) Извѣстный живописецъ; онъ написалъ въ 1844 г. два портрета Ю. Ѳ-ча, изъ которыхъ одинъ находится у брата его Н. Ѳ-ча, а другой—у сестры его гр. М. Ѳ. Соллогубъ.

93.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ, три книги, тобою присланныя, я принимаю, а грамоты не принимаю, ибо никакихъ на нее правъ не имѣю. Посылаю тебѣ обратно твоего Гизо. Кажется, другихъ твоихъ книгъ у меня нѣтъ, развѣ не твой ли у меня экземпляръ «Слова о Полку Игоря?» Не припомню, ты ли у меня занималъ его или я у тебя? Я былъ у тебя въ самый день моего пріѣзда въ Москву, вечеромъ,

и не засталъ. Мнѣ сказали, что ты живешь на дачѣ. Къ себѣ я тебя не зову, потому что я въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Не увидимся ли мы нынче вечеромъ у Языкова [1])? Оттуда не заѣхать ли мнѣ къ тебѣ? Кое-что хотѣлось бы разсказать тебѣ.—Диспутъ мой въ Субботу [2]) въ 10 часовъ утра. Твой Ю. Самаринъ.

[1]) Николай Михайловичъ, поэтъ, старшій братъ жены А. С. Хомякова, р. въ Симбирскѣ 4 Марта 1803 г. † въ Москвѣ 26 Декабря 1846 года.—[2]) 3 Іюня 1844 года.

94.

Къ князю Д. А. Оболенскому.

Любезный другъ Митя! Зыбинъ такъ неожиданно пріѣхалъ и такъ скоро ѣдетъ въ Казань, что я едва успѣю написать тебѣ нѣсколько строкъ. Дѣло въ томъ, что я ужасно занятъ: въ Субботу мнѣ назначенъ диспутъ, и я теперь готовлюсь идти на вольную страсть. Посылаю 5 экземпляровъ моей диссертаціи, тебѣ, Петрову, Ковалевскому [1]), Солнцеву [2]) и Фуксу [3]); потрудись надписать имена на двухъ послѣднихъ; я позабылъ, къ стыду своему, имена сихъ сановниковъ, и доставь по принадлежности. Въ скоромъ времени къ тебѣ подоспѣетъ въ Казань новый товарищъ, нѣкто Жихаревъ, племянникъ Чаадаева, очень порядочный мальчикъ. Ради меня обласкай его. Послѣ того пріѣдетъ Валуевъ [4]), мой товарищъ по Университету, которому я дамъ длинное письмо къ тебѣ. О себѣ не могу сказать тебѣ ничего рѣшительнаго. Кажется, до осени я останусь здѣсь. Знаешь ли ты, что здѣсь Миша, братъ твой? Онъ присланъ курьеромъ. Твои всѣ здоровы и разъѣхались по разнымъ концамъ. Посылаю тебѣ Славянскія облатки: онѣ здѣсь въ большой модѣ. Объ тебѣ гремитъ слава не только по Россіи, но по всей Европѣ, мало того по всей землѣ; того и гляди, что ты попадешь на какой нибудь Нѣмецкій престоликъ. Что̀ бы тебѣ стоило пріѣхать въ Москву жениться! Невѣстъ у насъ много, одна другой лучше. Одну, не прогнѣвайся, ты уже упустилъ—П—у. Время кончить. Обнимаю тебя отъ всей души—до другаго случая. Ю. Самаринъ.—Не забудь всѣмъ поклониться и напомнить обо мнѣ. Сочини какую-нибудь фразу покудрявѣе и потемнѣй и скажи отъ меня N-ой такъ, чтобы рѣшительно не было мысли: это произведетъ эффектъ.

[1]) Осипъ Михайловичъ.—[2]) Гавріилъ Ильичъ—губернскій прокуроръ.—[3]) Карлъ Ѳедоровичъ.—[4]) Дмитрій Александровичъ, р. въ Симбирскѣ 14 Сентября 1820 г. † въ Новгородѣ 23 Ноября 1845 г.

95.

Къ князю Д. А. Оболенскому.

Любезный другъ, это письмо отдастъ тебѣ мой университетскій товарищъ Дмитрій Александровичъ Валуевъ. Я думаю, ты незна-

комъ съ нимъ, хотя, можетъ быть, и встрѣчалъ у Свербеевыхъ или у Аксакова. Это человѣкъ одаренный необыкновенною дѣятельностью и предпріимчивостью въ дѣлѣ литературы. Два-три изданія у него теперь на рукахъ [1]. Онъ преимущественно занимается историческими изслѣдованіями и ѣдетъ въ Казань для того, чтобы порыться въ архивѣ и библіотекѣ. Цѣль благородная, но неудобоисполнимая при суровой необязательности нашихъ архиваріусовъ и библіотекарей. Онъ просилъ меня дать ему письмо къ тебѣ, вопервыхъ потому, что желаетъ съ тобою познакомиться лично, вовторыхъ потому, что содѣйствіе и покровительство человѣка сильнаго можетъ ему быть полезно. Я надѣюсь, что слава, почести и прочіе служебные соблазны тебя не избаловали, что демонъ гордости не закрался въ твою душу—я смѣло прошу тебя принять моего пріятеля радушно, ласково и, если представится случай, оказать ему содѣйствіе. Я увѣренъ, что ты самъ будешь радъ его пріѣзду. Онъ знаетъ Москву литературную и ученую, т. е. лучшую сторону Москвы, какъ свою подноготную, и можетъ многое тебѣ разсказать про нее. Кромѣ того онъ очень умный и добрый малый. Между прочимъ познакомь его съ Солнцевымъ, Петровымъ, Фуксомъ и его женою. Къ Ковалевскому я дамъ ему особое письмо. До тебя уже дошла моя диссертація и, можетъ быть, слухи о моемъ диспутѣ. Это дѣло кончено; цѣлый періодъ жизни замкнулся, и теперь начинается для меня новое тяжелое испытаніе. Когда деканъ произнесъ поздравительную рѣчь, раздались рукоплесканія, и я сошелъ съ каѳедры,—не могу сказать тебѣ, какъ болѣзненно сжалось мое сердце. Мнѣ стало невыносимо грустно, при мысли, что теперь разорвана послѣдняя нить, связывавшая меня съ Университетомъ, съ прежними занятіями, съ тѣснымъ кругомъ близкихъ ко мнѣ людей. Вступленіе въ службу, которое мнѣ предстоитъ, есть просто актъ покорности и подчиненія необходимости. Оно противорѣчитъ и убѣжденію моему, и сочувствіямъ, и цѣлямъ; оно не согласно ни съ призваніемъ моимъ, ни съ способностями моими. Сильное желаніе влечетъ меня въ другую сторону, и мнѣ страшно подумать, въ какое я бросаюсь противорѣчіе, какую предпринимаю борьбу, рѣшительно безплодную для меня, и сколько пропадетъ даромъ невозвратнаго дорогаго времени. При одной мысли объ этомъ, во мнѣ разыгрывается желчь и досада, которую еще болѣе питаютъ совѣты, наставленія и надежды другихъ. Ненавижу глубоко этотъ городъ, этотъ бытъ, эту дѣятельность, этихъ людей. Ты настолько знаешь меня, что навѣрное не станешь предполагать во мнѣ ни особенной любви къ спокойной, беззаботной жизни, ни презрѣнія къ службѣ и практической дѣятельности вообще. Первое—не въ моемъ характерѣ, второе было бы слишкомъ нелѣпо; но мнѣ ужасно тяжело отдалять-

ся на неопредѣленное время отъ цѣли моихъ стремленій и надеждъ, никогда не измѣнявшихся съ шестнадцатилѣтняго возраста. А дѣлать нечего. Можетъ быть, непредвидѣнный случай все поворотитъ къ лучшему. Теперь я буду стараться объ одномъ, какъ можно скорѣе раздѣлаться съ Петербургомъ и достать мѣсто въ провинціи. Еслибъ въ Казань или въ Симбирскъ! Я бы радъ былъ, еслибъ меня сослали къ тебѣ на заточеніе; говорятъ, у тебя въ тюрьмѣ [2]) лучше устроено, чѣмъ въ любой гостинницѣ — такой комфортъ, что нужно палками выгонять заключенныхъ! Это дѣлаетъ тебѣ немало чести, а между тѣмъ все-таки я скажу, что про тебя гремитъ такая слава и столько говорятъ отцы и матери, ставя тебя въ примѣръ юнымъ сыновьямъ, что право за одно это можно не возлюбить тебя. Я даже разъ нашелся вынужденнымъ говорить противъ тебя и объявить, что ты при мнѣ получилъ взятку—сахарную голову. Кстати, чтобы не забыть, что̀ это ты вздумалъ знакомить Аксакова съ Долгорукимъ [3])? Предвидѣлъ ли ты или нѣтъ, сколько изъ этого выйдетъ драматическихъ столкновеній и смѣшныхъ положеній. Долгорукій думаетъ поселиться въ Москвѣ; онъ держитъ себя точно такъ, какъ держалъ себя Валенштейнъ въ опалѣ [4]). Признаюсь тебѣ, что мысль, что я избавлюсь отъ его дружбы и частыхъ посѣщеній, одна утѣшаетъ меня при отъѣздѣ изъ Москвы. Ѣду же я въ послѣднихъ числахъ Іюля, т. е. 24 или 25; значитъ, когда ты получишь это письмо, я буду въ Петербургѣ. Куда поступлю еще не знаю, къ Панину [5]) или къ Перовскому [6]); но вѣроятнѣе ко второму. Изъ Петербурга я напишу тебѣ и тогда прошу не забывать меня и писать хоть изрѣдка. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души и желаю продолженія успѣховъ по всѣмъ частямъ твоей дѣятельности. Что твое здоровье? Всей Казани въ совокупности, а хорошимъ знакомымъ въ особенности бью челомъ. Une bonne poignée de main de ma part à Зыбинъ et à Петровъ; mes respects à Солнцевъ, et surtout ne m'oubliez pas auprès de la P. O. D. Tout-à-vous G. Samarine.

P. S. Si par hasard vous avez quelque chose de copié pour moi, remettez tout à Валуевъ. Ne vous donnez pas la peine de faire copier le livre latin: je l'ai trouvé à Moscou... Не забудь пожалуйста познакомить Валуева съ купцомъ, у котораго мы жили—Зайцевымъ; поклонись ему отъ меня и попроси, чтобы онъ показалъ свою часовню и распятіе, присланное ему изъ Сибири.

[1]) Симбирскій сборникъ; часть историческая, томъ I, Москва 1844—45 г. Предисловіе подписано издателями Н. А. Н. Языковыми, А. Хомяковымъ и Д. Валуевымъ. Въ этой книгѣ, какъ введеніе къ разрядной книгѣ 1559 г., помѣщено обширное изслѣдованіе Валуева о мѣстничествѣ. Другое изданіе Д. А. Валуева, вышедшее въ 1845 году: „Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ". Томъ I. Онъ издалъ также нѣсколько книжекъ Библіотеки для Воспитанія.—[2]) Князь Оболенскій служилъ въ Казани губернскимъ стряпчимъ по уголовнымъ дѣламъ. —[3]) Кн.

Петръ Владимiровичъ, авторъ Росс. Родосл. К. въ 4 ч. изд. въ Спб. и Сказанiй о родѣ князей Долгорукихъ; позднѣе имъ издано нѣсколько книгъ объ Россiи за границею.—[4]) Онъ былъ передъ тѣмъ сосланъ въ Вятку.—[5]) Графъ Викторъ Никитичъ, министръ юстицiи.—[6]) Графъ Левъ Алексѣевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ.

96.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ! я былъ у тебя вчера вечеромъ и не засталъ. Ты, видно, большую часть дня проводишь въ Петровскомъ. Нынче вечеромъ, можетъ быть, я буду дома и въ такомъ случаѣ будетъ у меня Хомяковъ. Дать тебѣ знать навѣрное я не могу, и потому прошу тебя заѣхать ко мнѣ въ десятомъ или въ десять. Не удастся ли намъ провести вечеръ вмѣстѣ? Завтра я отправляюсь пѣшкомъ въ деревню. Твой Юрiй Самаринъ.

97.

Къ К. С. Аксакову.

Любезный Аксаковъ! Какъ я радъ, что твоя матушка была такъ добра и доставила мнѣ случай написать тебѣ нѣсколько строкъ (въ буквальномъ смыслѣ, потому что твой братъ ѣдетъ черезъ нѣсколько часовъ). Я получилъ твой портретъ-дагеротипъ и благодарю тебя отъ всей души; онъ удался прекрасно; жаль только, что выставить его въ Петербургѣ нельзя; видъ у тебя до такой степени суровый и неблагонамѣренный, что на одномъ основанiи этого портрета тебя можно изъ предосторожности сослать въ Сибирь. Здѣсь Поповъ *); я его видѣлъ вчера. Онъ нисколько не перемѣнился ни въ отношенiи къ своей наружности, ни въ мысляхъ и убѣжденiяхъ. Объ Шеллингѣ разсказываетъ много интереснаго; очень желаетъ тебя видѣть. Мы вотъ что̀ сдѣлаемъ: онъ будетъ жить лѣтомъ въ Кунцовѣ, въ 15 верстахъ отъ меня; ты прiѣдешь ко мнѣ, а я зазову его къ себѣ, или мы къ нему поѣдемъ. Когда и какъ — объ этомъ я напишу тебѣ, и ты напишешь мнѣ, угоденъ ли тебѣ мой проэктъ. Да вотъ еще что: какъ къ тебѣ писать? Есть ли часто оказiи и нельзя ли предварять меня, т. е. посылать къ намъ въ домъ дня за два или за три впередъ? Прощай. До свиданiя, послѣдняго! Обнимаю тебя отъ всей души. P. S. К. А. Свербеева мнѣ сказала, что ты желаешь имѣть мой дагеротипъ; я закажу его.

*) Александръ Николаевичъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо профессора Крюкова къ Ю. Ѳ. Самарину.

Сейчасъ только, Юрій Ѳедоровичъ, узналъ я, что на васъ собирается завтра настоящій крестовый походъ со стороны многихъ здѣшнихъ протестантовъ, оскорбленныхъ будто бы ложнымъ и ни на чемъ не основаннымъ изложеніемъ характера протестантской проповѣди. Клинъ только Vorkämpfer, правда всѣхъ болѣе раздраженный и считающій за heilige Pflicht публично уличить васъ въ преднамѣренномъ искаженіи протестантизма. Увѣдомляю васъ объ этомъ, чтобъ васъ не застали въ расплохъ. Теперь еще вдвое болѣе жалѣю, что не буду на диспутѣ; ибо ожидаю импозантнаго, небывалаго въ залѣ Университета зрѣлища. Весь вашъ

Д. Крюковъ.

Рукою Ю. Ѳ—ча написано на письмѣ: „отъ Д. Л. Крюкова, наканунѣ магистерскаго диспута".

II.

Изъ отчетовъ Московскаго Университета.

Въ отчетѣ за 1843—44 академическій и 1844 гражданскій годы (стр. 60—61) значится:

«Кандидатъ Юрій Самаринъ въ 1840 году испытуемъ былъ на степень магистра изъ главнаго предмета Русской Словесности орд. профес. И. И. Давыдовымъ. Изустныхъ вопросовъ предложено было ему два: 1) изъ теоріи словесности: «о трагедіи древней и новой». Кандидатъ изложилъ весьма основательно теорію этого рода поэзіи и примѣнилъ начала науки къ разбору замѣчательнѣйшихъ произведеній древнихъ и новыхъ. 2) Изъ исторіи Русской Словесности: «о Фонъ-Визинѣ и его комедіяхъ». Испытующійся, предпославъ общее обозрѣніе вѣка Екатерины, прекрасно изложилъ біографію поэта и, на основаніи общихъ началъ драматическаго искусства, подробно разбиралъ комедіи Фонъ-Визина. Оба отвѣта признаны совершенно удовлетворительными. Изъ вспомогательныхъ предметовъ: 1) изъ Эстетики, испытывалъ орд. профес. Крюковъ. Кандидатъ изложилъ современное эстетическое ученіе

Гегеля. Отвѣтъ найденъ совершенно удовлетворительнымъ. 2) Изъ исторіи Славянскихъ литературъ и нарѣчій испытывалъ орд. профес. Каченовскій. Предложено было перевести и объяснить филологически нѣкоторые памятники Церковно-славянской Словесности. Кромѣ того предложены были вопросы изъ исторіи Славянскихъ литературъ по руководству Шафарикову. Отвѣты найдены довольно удовлетворительными. Въ 1843 г. кандидатъ Самаринъ представилъ факультету диссертацію на тему: Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ трехъ томахъ. Первый томъ содержалъ изслѣдованіе о богословской дѣятельности сподвижниковъ Петра Великаго; второй—изслѣдованіе о политическомъ ихъ поприщѣ, по скольку церковь связуется съ государствомъ; третій—собственно литературную ихъ дѣятельность, какъ представителей духовнаго краснорѣчія въ эпоху Петрову. Отдѣленіе нашло весь этотъ трудъ отличнымъ и примѣрнымъ въ ученомъ отношеніи, а къ напечатанію для публичнаго защищенія допустило только третью часть труда. Диспутъ послѣдовалъ въ 1844 году Іюня 3 дня. Орд. профес Шевыревъ предлагалъ диспутанту возраженія по порядку почти на всѣ основныя положенія диссертаціи; сначала на нѣкоторыя теоретическія положенія, потомъ на мнѣнія автора диссертаціи о проповѣди католической и протестантской; преимущественное же вниманіе обратилъ на историческую часть труда, на отношеніе проповѣди Стефана и Ѳеофана къ вѣку Петрову. Затѣмъ предлагаемы были возраженія почти всѣми членами факультета касательно нѣкорыхъ отдѣльныхъ мыслей въ разсужденіи. Въ заключеніе г. деканъ отдѣленія предложилъ отъ себя еще нѣсколько возраженій относительно теоретическихъ положеній диссертаціи и представилъ полный результатъ всего диспута. Преніе продолжалось въ теченіи трехъ часовъ съ половиною. Отдѣленіе, хотя не согласилось съ нѣкоторыми мнѣніями диспутанта, но признало: отличное достоинство всего труда его въ ученомъ отношеніи, самобытность мышленія, умъ діалектически развитый, способность возражать быструю и прекрасный какъ письменный, такъ и изустный способъ изложенія».

*

Изъ отчета за 1835 годъ видно, что студентъ Юрій Самаринъ подалъ, по классу упражненія въ Русскомъ слогѣ, признанное за одно изъ лучшихъ сочиненіе «о развитіи воззрѣній, сужденій и понятій». Изъ отчета за 1836 годъ видно, что студентъ Самаринъ участвовалъ въ переводѣ, подъ руководствомъ профес. Давыдова, книги Августа Шлегеля «теорія и исторія драматической поэзіи;» въ переводѣ, подъ руководствомъ профес. Погодина, сочиненія Демишеля о средней исторіи и, наконецъ, доставлялъ переводныя статьи въ «Ученыя Записки». Изъ отчета за 1838 годъ видно, что студентъ Юрій Самаринъ представилъ также признанныя лучшими сочиненія: а) сличеніе Гнѣдичева перевода 6-ой рапсодіи Иліады съ подлинникомъ, б) критическое изученіе Державина. Отчета за 1837 годъ я не могъ достать.

Нилъ Поповъ.

Записки А. А. Эйлера.

Отецъ мой Христофоръ Леонтіевичъ Эйлеръ, младшій сынъ знаменитаго математика Леонарда Эйлера, родился въ Берлинѣ 1743 г. 20 го Апрѣля. Онъ служилъ въ Семилѣтнюю войну офицеромъ Прусской артиллеріи, и по переѣздѣ дѣда моего, согласно приглашенію Екатерины Великой, испросилъ увольненія отъ службы, на что король Фридрихъ не только не согласился, но за повторенную просьбу, какъ уроженца Пруссіи, приказалъ арестовать и посадить въ крѣпость Кистринъ, о чемъ дѣдъ мой, имѣя всегда свободный входъ къ Екатеринѣ Великой, доложилъ ей. Она вступилась за невиннаго и писала королю, который 17 Генваря 1767 года приказалъ отца моего освободить и немедленно отправилъ его съ письмомъ къ императрицѣ въ Россію. Здѣсь онъ былъ обласканъ княземъ Орловымъ, принятъ въ артиллерію съ повышеніемъ чина, служилъ до 1-го Генваря 1799 г. и уволенъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта съ пансіономъ, послѣ чего жилъ въ деревнѣ своей, въ Минской губерніи. Въ послѣдствіи онъ продалъ это имѣніе и переѣхалъ въ Финляндію, гдѣ въ Выборгѣ купилъ домъ и въ десяти верстахъ отъ онаго мызу Ракалаіоки, на которой 1808 года 20-го Февраля, въ 6 часовъ вечера, перешелъ въ вѣчность, имѣя отъ роду 64 года и ровно 10 мѣсяцевъ. Онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и отличныхъ правилъ, лучшій изъ отцовъ, усердный слуга государямъ и отечеству, совершенно безкорыстенъ и ученѣйшій изъ сыновей великаго Леонарда; но страдалъ много отъ несправедливости, всегда нуждался и не оставилъ никакого состоянія. Мать моя, Анна Сергѣевна, урожденная фонъ Краббе, дочь Эстляндскаго дворянина, родная племянница начальника всей Россійской артиллеріи Ивана Ивановича Меллеръ-Закомельскаго и вторая супруга отца моего, родилась въ деревнѣ Ханау, въ 12-ти миляхъ отъ Дерпта 1755 года 14 Октября, вышла замужъ въ С.-Петербургѣ 1778 года 3-го Мая, а скончалась въ Выборгѣ 1813 года 21-го Іюня, 57-ми лѣтъ. Она была во всѣхъ отношеніяхъ лучшая мать, добрѣйшая, умная женщина и красавица собою, сохранивъ это даже подъ старость.

Родители мои всегда жили скромно и честно, были въ нуждѣ и много терпѣли, при большомъ семействѣ, отъ недостатка.

Императрица Екатерина Великая, по собственному избранію, назначила отца моего, въ чинѣ артиллеріи маіора, командиромъ Сестрорецкаго оружейнаго завода, куда онъ вскорѣ послѣ свадьбы своей переѣхалъ и гдѣ я, первый сынъ этого брака, родился 1779 года 17-го Февраля, въ Воскресенье, во время обѣдни.

До десятилѣтняго возраста я прожилъ въ Сестрорецкѣ, былъ любимецъ родителя и тетки и матери моей, много рѣзвился и дѣлалъ ребяческія шалости. Отецъ никогда меня не наказывалъ, но я боялся только его и, примѣчая по глазамъ желанія, всегда старался ему угождать. По седьмому году начали меня учить, и батюшка преподавалъ мнѣ самъ: Ариѳметику, начала Геометріи и Алгебру, и столь успѣшно, что по 10-му году я свободно разрѣшалъ почти всѣ уравненія второй степени.

Въ половинѣ 1789 года батюшка произведенъ въ генералъ-маіоры, а какъ построеніе всѣхъ фабрикъ изъ кирпича было окончено, и Императрица лично оныя осмотрѣла и, изъявивъ благоволеніе, наградила отца орденомъ, а матушку брилліантовыми фермуаромъ, серьгами и перстнемъ: то онъ, согласно просьбѣ своей, назначенъ начальникомъ артиллеріи въ армію, дѣйствующую противъ Шведовъ, а семейство наше переѣхало въ С.-Петербургъ, гдѣ меня отдали въ лучшій тогда пансіонъ г. Вейдемейера, а Математикѣ обучался я у профессора Николая Ивановича Фуса. Въ концѣ 1790 отъ шалости навлекъ я на себя жесточайшее воспаленіе въ печени и въ легкихъ, но, по милости Всевышняго, искусствомъ доктора Галеди, спасенъ, а выздоровѣлъ совершенно только чрезъ 9-ть мѣсяцевъ.

1790 года 5-го Іюля опредѣленъ я въ бомбардирской полкъ сержантомъ. 1-го Ноября, на 12-мъ году отъ роду, по ходатайству генерала барона Меллеръ-Закомельскаго, произведенъ въ подпоручики арміи и опредѣленъ адъютантомъ къ отцу. По заключеніи мира со Шведами, батюшка остался начальникомъ артиллеріи, въ Финляндіи расположенной, и всѣхъ пограничныхъ крѣпостей. Въ Октябрѣ 1791 года семейство наше переѣхало въ Выборгъ, гдѣ я учился въ гимназіи, а Математикѣ у профессора Тидебеля, усердно, легко и безъ всякаго напряженія. Въ свободное время я любилъ танцовать, часто влюблялся и провелъ свою молодость въ Выборгѣ очень пріятно. Въ 1793 году на Страстную недѣлю, пасторъ Валль конфирмовалъ меня, а 20-го Апрѣля въ день рожденія батюшки, удостоился я въ первый разъ принять Святое Причастіе. Въ этотъ день и слѣдующіе, какъ теперь помню, я чувствовалъ себя истинно счастливымъ и даже блаженнымъ. 1794 года 1-го Ноября произведенъ я артиллеріи подпоручикомъ и поступилъ въ 2-й канонерскій полкъ въ 1-ю роту капитана барона Левенштерна, съ чѣмъ вмѣстѣ и

дальнѣйшее мое образованіе въ наукахъ кончилось. Батюшка съ семействомъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, а я 15-ти лѣтъ отъ роду остался предоставленнымъ себѣ и Провидѣнію; но добрые примѣры родителей и строго внушенная нравственность спасли меня отъ соблазна и пороковъ, которымъ никогда не былъ преданъ. 1795 годъ занимался я строевою службою, а по вечерамъ повторялъ то чему учился. Еженедѣльно въ Среду обѣдалъ у барона Левенштерна, изрѣдка поддерживалъ и старое знакомство, хотя очень небольшое.

Въ началѣ 1796 года переведенъ я въ гребную артиллерію и, переѣхавъ въ С.-Петербургъ, поступилъ въ 4-ю роту капитана Пухинскаго. Жилъ я тогда у родителей, стаивалъ въ галерномъ портѣ въ караулѣ, по тогдашнимъ правиламъ по цѣлой недѣлѣ, бывалъ у родныхъ и довольно часто посѣщалъ Италіянскій театръ, стоившій мнѣ каждый разъ 50 копѣекъ ассигнаціями.

Въ это лѣто сгорѣлъ галерный портъ, какъ говорили, отъ молніи. Огонь съ такою силою обхватилъ сараи съ галерами, канатами, пенькою, парусами, смолою и масломъ, что вода въ бассейнѣ даже вскипала. Люди, спасаясь отъ огня, погибали въ бассейнѣ, при чемъ одинъ Кексгольмскій полкъ потерялъ болѣе 20-ти человѣкъ. Уцѣлѣли только двѣ императорскія яхты, выведенныя въ море при началѣ пожара, прочее же все погибло; убытокъ казны былъ очень великъ; производили слѣдствіе, но ничего не открыли.

Подобный величайшій пожаръ случился при мнѣ въ 1793 году въ Выборгѣ. Кучеръ командира Выборгскаго полка г-на Адлерберга *) заснулъ на сѣновалѣ съ трубкою во рту, что̀ произвело пожаръ въ самый полдень. Предшествовавшая засуха, большіе жары и сильный вѣтеръ были причиною, что пламя съ неимовѣрною быстротою обхватило строенія каменныя и деревянныя во всей обширной крѣпости, а въ 4 часа по полудни уже весь городъ превратился въ развалины. Полковникъ Адлербергъ, человѣкъ чувствительный, отъ скорби умеръ, а богатое тогда купечество и всѣ жители лишились почти всего своего достоянія. При этомъ общемъ несчастіи замѣчательны два случая: 1-ое) что три церкви: Русская, Лютеранская и Чухонская, стоявшія между обгорѣлыми строеніями, остались невредимы, и 2-ое) что отцу моему посчастливилось спасти пороховые погреба, въ бастіонахъ расположенные, въ которыхъ послѣ войны хранилось 11,000 пудъ пороха. Онъ при себѣ приказалъ замазать всѣ двери и окна погребовъ толстымъ слоемъ глины и безпрерывно поливать оныя водою, что̀ предупредило совершен-

---

*) Это отецъ графа Владимира Ѳедоровича. П. Б.

ное истребленіе крѣпости и всѣхъ людей бывшихъ тогда во множествѣ въ городѣ; потому что взрывъ 11,000 пудъ пороха безъ сомнѣнія уничтожилъ бы не только людей, лошадей, обгорѣлыя стѣны, но и самую крѣпость и форштаты, уцѣлѣвшіе отъ пожара. Самоотверженіе въ подобныхъ случаяхъ батюшка почиталъ своею обязанностію, и тѣмъ спасъ жизнь до 8,000 человѣкъ и самую крѣпость, стоющую милліоны рублей.

1796 года 6-го Ноября скончалась императрица Екатерина Великая и на престолъ взошелъ императоръ Павелъ I-й. Приказомъ его величества переведенъ я въ формируемый тогда лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ, поступилъ во 2-ую роту капитана Бреверна и переѣхалъ на Литейную улицу, въ отведенную отъ города квартиру. Съ этимъ вмѣстѣ я уже навсегда отдѣлился отъ дома родителей, жившихъ тогда на Петербургской сторонѣ и, бывъ безпрестанно занятъ фронтовою службою и порученіями баталіоннаго командира Канабиха по устройству вводимой тогда въ артиллерію шорной упряжи, не могъ часто бывать въ своемъ семействѣ. Императоръ Павелъ намѣревался совсѣмъ уничтожить національную упряжь; по его приказанію всѣ экипажи въ Петербургѣ и всѣ казенные обозы запрягались въ шоры; для придворной конюшни были заготовлены новыя, а употребляемыя при императрицѣ Екатеринѣ, даже самыя парадныя съ серебромъ и золотомъ, отданы въ гвардейскую артиллерію, но которыя естественно не годились на нашихъ лошадей ростомъ въ аршинъ 14 или 15 вершковъ, почему ихъ и промѣняли на новыя гладкія шоры. Странна была тогда форма временъ Семилѣтней войны: чрезвычайно широкія платья, штиблеты, вонючія свѣчнымъ саломъ букли и длинныя до пояса косы. Мы сначала сами себя не узнавали; но любезная молодость и добрая воля чего не превозмогутъ! Я во все царствованіе императора Павла почти никогда не надѣвалъ шинели и до того привыкъ къ холоду, что не тяготился быть въ одномъ мундирѣ и при морозѣ въ 20 градусовъ. Предъ Рождествомъ хоронили императрицу Екатерину Великую и Петра III-го; великолѣпіе церемоніала происходило обыкновенно-принятое при погребеніи коронованныхъ особъ, а войска стояли шпалерою отъ Зимняго дворца чрезъ Васильевскій островъ до Крѣпости, и отдавали послѣднюю честь. Уныніе и скорбь видны были на всѣхъ лицахъ, а многіе плакали и даже рыдали, провожая матушку-царицу.

1797 года 7-го Генваря выступилъ баталіонъ на коронацію въ Москву. Отъ Любани слѣдовала наша рота при Измайловскомъ полку. Въ Москвѣ насъ расквартировали подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, а потомъ перемѣстили въ Нѣмецкую Слободу. Лейбъ-баталіонъ Преображенскаго полка былъ размѣщенъ на станціяхъ,

гдѣ Императоръ имѣлъ ночлеги и привезенъ на почтовыхъ лошадяхъ къ Петровскому дворцу, гдѣ Государь встрѣтилъ оный въ штиблетахъ и съ эспантономъ въ рукахъ, провелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Императрицы и вступилъ съ баталіономъ пѣшкомъ въ заставу древней столицы, оттуда поѣхалъ въ Кремль и отслужилъ молебенъ въ соборѣ. Коронація была въ свѣтлый праздникъ 5-го Апрѣля, при которой вся гвардія стояла въ парадѣ въ Кремлѣ, а мы производили салютаціонную пальбу. Послѣ коронаціи, Государь вскорѣ переѣхалъ въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ были ежедневно разводы и ученья, а чрезъ мѣсяцъ гвардія выступила обратно въ Петербургъ; но всѣ лейбъ-баталіоны и нашу роту остановили въ Павловскѣ для содержанія карауловъ въ загородномъ пребываніи Императора. Я зналъ, что матушка еще въ Петербургѣ, и очень грустилъ, боясь, чтобы она не уѣхала, не дождавшись меня, а просить отпуска не смѣлъ.

Во время коронаціи, Государь пожаловалъ служившимъ въ Гатчинскихъ войскахъ генераламъ по 1000 и болѣе душъ крестьянъ, полковникамъ отъ 200 до 500, капитанамъ по 150 и субалтернымъ офицерамъ по 100, съ правомъ всѣмъ выбирать гдѣ пожелаютъ. Походъ въ Москву мнѣ чрезвычайно памятенъ тѣмъ, что, имѣя деньщика и лошадь, прожилъ почти три мѣсяца 35-ю рублями ассигнаціями. Я съ человѣкомъ ѣлъ одни щи и изъ одного горшка: скудость научила умѣренности и заставила узнать цѣну деньгамъ. Родители мои всегда сами нуждались и не могли давать мнѣ болѣе 50 рублей ассигнаціями въ треть; а я, зная это, никогда ничего не просилъ и обходился жалованьемъ, но всегда содержалъ лошадь, дрожки и сани. Замѣчательно въ моей жизни, что, не имѣя состоянія, никогда не бралъ денегъ подъ жалованье, никогда и никому не былъ долженъ, никогда не игралъ въ азартныя игры, но всегда, единственно отъ разсчетливости, имѣлъ деньги. Въ Павловскѣ всѣ офицеры по очереди имѣли счастіе обѣдать у Государя и за однимъ столомъ. Ученья, маневры и тревоги бывали весьма часто, изъ коихъ замѣчательна послѣдняя тревога, происшедшая отъ сигнала почталіона, ѣхавшаго съ почтою изъ Петербурга: трубачь лейбъ-гусарскаго полка принялъ это за тревогу и началъ оную трубить, барабанщики послѣдовали ему, а всѣ войска опрометью бросились на сборное мѣсто, оканчивая одѣваться на пути. Государь, въ башмакахъ, какъ тогда обыкновенно бывалъ по вечерамъ, прогналъ прибывшихъ за знаменами подпрапорщиковъ, вышелъ изъ дворца и попалъ въ бѣгущую толпу солдатъ; а конная артиллерія, проѣхавшая по тѣснотѣ чрезъ садъ, загородила ему совершенно дорогу. Императоръ чрезвычайно разгнѣвался, прогналъ войска въ казармы, поѣхалъ туда не переодѣваясь и самъ произвелъ слѣд-

ствіе. Виновнымъ выдали Преображенскаго барабанщика; его наказали, а дежурные по войскамъ и баталіону, л. гв. Преображенскаго полка капитанъ Тутолминъ и поручикъ Болотниковъ, тутъ же были разжалованы въ рядовые; но чрезъ три дня, по просьбѣ Наслѣдника, прощены.

13-го Августа сего года произведенъ я за отличіе по службѣ въ поручики, при чемъ обошелъ шесть человѣкъ старше себя, а 18 го выступили мы въ С.-Петербургъ; на другой день поѣхалъ я къ матушкѣ, которая жила у старшей сестры своей Елисаветы Сергѣевны Гебенеръ, на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, и почти ежедневно послѣ того тамъ бывалъ, познакомился хорошо съ семействомъ тетки и былъ принятъ искренно, какъ ближній родственникъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ матушка отправилась съ сестрами и братьями моими къ отцу нашему въ Несвижъ.

1798 года 28-го Января родился великій князь Михаилъ Павловичъ и въ тотъ же день наименованъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и шефомъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и 1-й роты, въ которой я состоялъ старшимъ поручикомъ. Страсть къ службѣ и привычка къ тихой жизни отвлекали меня отъ развлеченій; я уже тогда твердо постигалъ всѣ правила фронта, и это сдѣлало меня любимцемъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ, Канабиха, Базена, Амбразанцова, Корсакова,—и самого графа Аракчеева. Каждое лѣто 1798, 1799 и 1800 годовъ посылали меня почти чрезъ недѣлю съ двумя орудіями при гвардейскомъ баталіонѣ, отправляемомъ по очереди въ мѣста загороднаго пребыванія Государя, для содержанія караула; когда же предвидѣлись маневры, то нерѣдко оставляли меня тамъ по мѣсяцу и по два; потому что надѣялись, что я во фрунтѣ не надѣлаю ошибокъ, за каковыя въ тѣ времена часто отставляли начальниковъ, и я, робкій въ обществахъ, бывалъ во фронтѣ предъ строгимъ императоромъ какъ дома, никогда не былъ штрафованъ и получилъ отъ Государя въ 1798 году хорошіе Англійскіе золотые часы, въ 1799 году бриліантовый перстень и въ 1800 году изъ собственныхъ рукъ Императора орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; послѣ посвященія, Его Величество обнялъ меня, поцѣловался три раза и сказалъ: «поздравляю тебя, любезный мнѣ братъ», въ какихъ выраженіяхъ былъ написанъ и рескриптъ; но оный отбитъ Французами послѣ Аустерлицкаго сраженія. Въ томъ же году, 8-го Октября, произведенъ я, безъ ваканціи, на 21-мъ году отъ роду въ гвардіи штабсъ-капитаны и назначенъ командиромъ генеральской роты, что нынѣ легкая № 1-й, хотя въ то время было въ баталіонѣ два капитана и два штабсъ-капитана безъ ротъ. Ежедневно, отъ 6-ти часовъ до обѣда, а нерѣдко и по вечерамъ, занимался я службою и обученіемъ солдатъ, которые въ моей ротѣ всегда были лучше

другихъ. Обѣдалъ я рѣдко дома, болѣе у родныхъ, а по Воскресеньямъ всегда у Анны Карповны баронессы Меллеръ-Закомельской, и непремѣнно разъ въ недѣлю у командира Охтенскаго пороховаго завода дяди моего Гебенера, куда влекла меня страсть ко второй его дочери Елисаветѣ, истинно прекрасной собою. Я жилъ тогда на одной квартирѣ съ ея братьями, отъ которыхъ всегда зналъ, когда и у кого семейство ихъ будетъ въ городѣ, и самъ туда же отправлялся. 1800 года, въ началѣ Іюля, отправленъ я съ четырьмя орудіями въ Петергофъ; послѣ 22-го, дворъ переѣхалъ въ первый разъ въ Царское Село, куда и я перешелъ съ артиллеріею. Здѣсь Императоръ нерѣдко приходилъ къ моему разводу, состоящему изъ фейерверкера и 7-ми рядовыхъ, которые содержали постъ подъ колонадою, подлѣ лѣстницы кабинета Его Величества; всегда оставался доволенъ и хвалилъ знаніе людей своего дѣла, а великіе князья называли меня счастливцемъ. Ихъ высочества знали мое усердіе къ службѣ, часто становились сами къ орудію, заставляли собою командовать и были хорошо ко мнѣ расположены, особенно великій князь Константинъ Павловичъ. Въ концѣ 1799 года пріѣзжали въ Петербургъ и останавливались у дяди моего Николая Андреевича Гебенера, батюшка съ тетушкою Авдотьей Ивановной Меллеръ. Намѣреніе отца моего было опредѣлиться вновь въ службу, но ему (едва ли добросовѣстно) это отсовѣтывали, и онъ чрезъ мѣсяцъ уѣхалъ, даже не представившись Государю, который прежде его очень любилъ, а бывши великимъ княземъ былъ и въ перепискѣ съ нимъ. (Тогда семейство наше жило въ Минской губерніи, въ деревнѣ Козловъ-Берегъ, купленной у генерала Бенигсена за 18000 рубл. ассигн. и въ 1802 году проданной за 35,000 рубл. ассигнаціями).

Я почти ежедневно бывалъ у дяди Гебенера и ближе познакомился съ его второю дочерью; ей было 14 лѣтъ, она цвѣла какъ лучшая сентифолія, была истинно прекрасна и неравнодушна ко мнѣ, а въ день отъѣзда отца моего первый поцѣлуй запечатлѣлъ нашу вѣчную любовь. Къ Масляницѣ 1799 года пріѣхали въ Петербургъ ихъ высочества женихи: великой княжны Александры Павловны палатинъ Венгерскій и великой княжны Елены Павловны принцъ Мекленбургскій. Горы стояли при деревнѣ Охтѣ, и катанья были ежедневныя. Въ послѣдній день Масляницы я былъ въ караулѣ на арсенальной гауптвахтѣ и, въ теченіи короткаго тогда дня, выходилъ и отдавалъ честь проѣзжающимъ 108 разъ, въ томъ числѣ 13 императорской фамиліи и 4 раза самому Государю. Того же года, съ 4 на 5 Марта, я также былъ въ караулѣ ночью; морозъ превзошелъ 33 градуса, потому что во всѣхъ термометрахъ въ городѣ ртуть ушла въ шарики и сдѣлалась ковкою; часовыхъ надо было

безпрерывно смѣнять; у меня въ караулѣ только 4 человѣка ознобили уши, а у другихъ было гораздо болѣе, и даже лишившихся ногъ. Послѣ сего вышелъ приказъ Императора, чтобы при морозѣ болѣе 10-ти градусовъ разводы были безъ церемоніи, а болѣе 15-ти градусовъ въ шинеляхъ сверхъ мундировъ, въ фуражкахъ и наушникахъ. Это благодѣтельное распоряженіе приписывали тогда ходатайству лейбъ-медика Веліо. Въ началѣ Мая мѣсяца я вступилъ съ очереднымъ баталіономъ въ Павловскъ, гдѣ въ половинѣ лѣта были свадьбы великихъ княженъ: Елену Павловну вѣнчали первую въ Воскресенье, а въ слѣдующее чрезъ недѣлю Александру Павловну. Двѣ недѣли продолжались праздники, балы смѣнялись театрами и гуляньями въ разныя мѣста и по водѣ. Всѣ офицеры гвардіи, въ Павловскѣ стоящіе, всегда приглашались въ театры и на балы, на которыхъ по большому числу придворныхъ чиновъ могли не танцовать, но на внезапно назначаемыхъ балахъ въ загородныхъ пребываніяхъ должны были непремѣнно участвовать въ танцахъ. Изъ отличной тогда Французской труппы первыми актрисами были г-жа Шевалье и г-жа Вальвиль, большая любимица военныхъ. Стоянка въ Гатчинѣ всегда была самая трудная, какъ по отдаленности казармъ отъ дворца и учебнаго поля, такъ и по большой грязи на улицахъ, бывавшей тамъ въ дождливое время, а между тѣмъ обязаны были по службѣ, собственной надобности и даже для удовольствія всѣ пѣшіе офицеры ходить пѣшкомъ, а конные ѣздить верхомъ.

Закладка Михайловскаго замка (что̀ нынѣ Инженерный) примѣчательна тѣмъ, какъ говорили тогда, что чрезъ три дня по восшествіи на престолъ императора Павла, часовому, на мѣстѣ этомъ стоявшему, якобы ночью явился Архангелъ Михаилъ и приказалъ ему извѣстить Государя, чтобы Его Величество тутъ же построилъ себѣ дворецъ. Въ концѣ 1799 года замокъ этотъ еще не былъ отстроенъ, и Императоръ предполагалъ всю зиму провести въ Гатчинѣ, гдѣ дворецъ построенъ изъ ноздреватаго камня, какъ и казармы для войскъ. Въ Ноябрѣ начались очень сильные морозы, и не только солдаты, но и императорская фамилія заболѣла грипомъ; съ перемѣщеніемъ же всѣхъ въ Петербургъ болѣзнь распространилась и въ столицѣ. Отъ эпидеміи этой умерло множество людей, а Семеновскаго полка въ одной ротѣ Наслѣдника скончалось 17 головныхъ людей. Генералъ Корсаковъ, видя горесть по сему случаю его высочества, приказалъ мнѣ выбрать изъ всего гвардейскаго артиллерійскаго баталіона 16 самыхъ рослыхъ и лучшихъ солдатъ и отвести оныхъ къ Наслѣднику для перевода въ Семеновскій полкъ, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ, принялъ генерала Корсакова, и даже меня, очень милостиво и много насъ благодарилъ. За-

ключу это прошедшее описанное время виденнымъ смешнымъ происшествіемъ. Служащій въ Павловске изъ Гатчинскихъ войскъ г-нъ Х. женился въ Москве во время коронаціи императора Павла, а въ Павловске родился у него сынъ, котораго вздумалъ окрестить со всемъ великолепіемъ. Мудрецъ своего рода г. Х., зная, что предъ каждымъ парадомъ делается репетиція, распорядился таковою же и для параднаго ужина. Для сего, накануне крестинъ, осветилъ онъ свою низколежащую квартиру, приказалъ накрыть столъ на 24 человека и посадилъ за оный всю свою дворню и другихъ разночинцевъ, занялъ самъ хозяйское место, а лакеямъ далъ наставленіе прислуживать, подавать пустыя блюда и менять тарелки, но къ несчастью они не умели сыграть эту комедію; хозяинъ сердился, кричалъ и, наконецъ, вскочилъ, лакеи же, охраняя свои лица, пороняли блюда и тарелки. Г. Х. ихъ переколотилъ, а представителей гостей разогналъ на конюшню и въ прачешную. Темъ и кончилась знаменитая репетиція, о которой мы зная, смотрели въ окошки и после передали великимъ князьямъ чрезъ ихъ адъютантовъ, чему ихъ высочества много смеялись.

1801-го года 11 Марта скончался императоръ Павелъ I-й и 23-го того месяца происходило погребеніе. На престолъ взошелъ императоръ Александръ I-й. На святой неделе того же года, во всехъ войскахъ отрезали косы и букли, а я получилъ приказаніе обмундировать себя и одного рядоваго во вновь предполагаемую форму, въ которой съ бомбардиромъ Коробейниковымъ представлялся Государю въ кабинете, только при князе Волконскомъ.

Его Величество внимательно осматривалъ все части одежды и изволилъ утвердить оную безъ всякой перемены для всей артиллеріи, только съ тою разницею, что гвардейская артиллерія должна иметь бархатные воротники и обшлага, а полевая суконные того же цвета.—Въ Мае месяце начались ученья на Царицыномъ лугу. Императоръ изо всей артиллеріи смотрелъ только мою роту, былъ доволенъ и объявилъ благодарность. Въ конце Іюня я простился весьма неравнодушно съ будущею женою и выступилъ въ Москву для коронаціи. Баталіонъ следовалъ отдельно въ полномъ своемъ составе и расположился въ Москве въ Немецкой Слободе, куда приходило столько свахъ, что я, наконецъ, приказалъ вестовому ихъ выгонять. Въ древней нашей столице было странное обыкновеніе: старухи ходятъ со спискомъ невестъ, съ прописаніемъ летъ отъ роду и приданнаго, обыкновенно не менее какъ въ двое увеличеннаго на бумаге, предлагаютъ выбрать любую по мысли и назначаютъ свиданіе въ какой нибудь церкви, но большею частью у Никиты Мученика. Коронація императора Александра происходила при обыкновенномъ церемоніале 15 Сентября, а въ Октябре мы возвратились

въ Петербургъ. По приходѣ баталіона въ Петербургъ, командиромъ онаго назначенъ ген.-маіоръ Вильгельмъ Бергъ, у котораго въ домѣ я остался жить и гдѣ помѣстился полковникъ князь Левъ Яшвиль, отличный служивый. Между нами родилось соревнованіе, а отъ того ввѣренная мнѣ рота, безъ хвастовства лучшая изъ пѣшихъ, еще усовершенствовалась.—1802 года въ началѣ лѣта взорвало на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ сушильню и крутильню, при чемъ 19 человѣкъ растерзано на части. Генералъ Корсаковъ бралъ меня съ собой на слѣдствіе; виновнаго предали суду, но и командиръ чрезъ годъ получилъ увольненіе отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Лѣтомъ того же года пріѣхалъ батюшка со всѣмъ семействомъ въ Петербургъ, а осенью сестра Блондина Бекманъ съ мужемъ и братъ Ѳедоръ; они помѣстились у батюшки, а я оставался на своей квартирѣ; утро занимался службой и одиночнымъ ученьемъ, а остальное время проводилъ у родителей. 1803 года въ Февралѣ уѣхали: сестра съ мужемъ и братъ Ѳедоръ въ Волынскую губернію; вскорѣ за тѣмъ и батюшка со всѣмъ семействомъ въ Выборгъ, гдѣ онъ купилъ домъ, а въ 10 верстахъ отъ города мызу Ракалаіоки. Въ началѣ весны перемѣстилось семейство дяди Ник. Андр. Гебенера съ Охтенскаго завода на Выборскую сторону въ домъ Пастухова, а потомъ на Пески въ купленный имъ домикъ; по влеченію сердца я почти всякій вечеръ проводилъ у нихъ и до того влюбился, что часто, возвращаясь на квартиру, у меня кружилась голова и дѣлалось дурно.

Мая 3 праздновали столѣтіе С.-Петербурга: городъ, Лѣтній садъ и большое число судовъ на Невѣ были иллюминованы отлично; погода теплая и ясная соотвѣтствовала торжеству, а гуляющихъ вездѣ и особенно въ Лѣтнемъ саду изъ лучшей публики было множество. Экипажей было столь много, что они едва помѣщались на пространствѣ отъ Гагаринской пристани до Мраморнаго дворца, и при этой тѣснотѣ въ 11 часовъ вечера внезапно разразившійся дождь надѣлалъ чрезвычайную суматоху, особенно при тогдашнихъ дамскихъ костюмахъ. Въ это время артиллеристы интриговали, чтобъ удержать отъ принятія въ службу графа Аракчеева; но всѣ хлопоты и усилія оказались тщетными: въ концѣ Мая 1803 года графъ Аракчеевъ назначенъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона. Онъ осмотрѣлъ роты, нашелъ мою лучшею и исправною, и съ того времени всегда особенно ко мнѣ благоволилъ и отличалъ отъ прочихъ. Въ Іюлѣ приступили мы къ реформированію баталіона изъ трехъ-ротнаго въ четырехъ-ротный составъ, но роты оставлены были по прежнему, каждая въ 10 орудій. Служба при графѣ Аракчеевѣ сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ строгая, но требовалось должнаго и возможнаго; надо

было фурлейтовъ, обращенныхъ въ младшіе канонеры, обучать маршировкѣ и всѣмъ движеніямъ фронта, а лошадей артиллерійскихъ, названныхъ строевыми, убирать на правилахъ всей кавалеріи, чѣмъ я не только не тяготился, но утѣшался, потому что видѣлъ, что усердіе мое замѣчается. Въ 1803 году пріѣзжало въ Петербургъ много иностранныхъ принцевъ и вельможъ. Всѣмъ имъ показывали артиллерію, но только одну мою роту; слѣдовательно у меня было много занятій, которыя обыкновенно продолжались отъ 6 часовъ утра и до 2 часовъ пополудни.

Въ Кіевѣ, Ноября 8 я женился. Жена моя, какъ и я, родилась въ Сестрорѣцкѣ 1785 г. 20 Іюня. Въ это время получилъ я изъ Петербурга извѣстіе, что графъ Аракчеевъ приказалъ очистить для меня полковничью квартиру въ домѣ г-на Самбурскаго, на Невѣ, въ бельэтажѣ и съ балкономъ, вообще столь хорошую и удобную, что и въ послѣдствіи, командуя самъ баталіономъ, я не перемѣнялъ оной. 1 Іюня выступилъ я съ ротою въ первый разъ въ лагерь, а 6 Августа Государь на Преображенскомъ праздникѣ лично объявилъ всей гвардіи походъ въ Австрію противъ Наполеона. Мы приступили къ покупкѣ лошадей по военному времени; 16 были готовы, а 19 выступили.

Мнѣ, какъ командиру роты, позволено было имѣть повозку въ двѣ лошади, а офицеры должны были довольствоваться вьюками. Походъ до Порхова былъ обыкновенной скорости, а потомъ до Орши дневали только чрезъ три и четыре перехода, откуда я съ ротою для присоединенія къ колоннѣ великаго князя Константина Павловича долженъ былъ пройти до Брестъ-Литовска 600 верстъ въ 16 дней, которые всѣ провелъ на бивуакахъ, но исполнилъ приказаніе и прибылъ въ срокъ. Великій князь и графъ Аракчеевъ благодарили меня за скорость марша и сбереженіе людей и лошадей; ибо у меня не было оставленныхъ въ госпиталяхъ и слабыхъ, а все то, что̀ выступило изъ Петербурга, прошло чрезвычайно форсированно 1300 верстъ и было на смотру во фронтѣ. Въ трехъ переходахъ отъ Порхова въ селѣ Ашевѣ, полученъ приказъ отъ 1 Сентября, которымъ я произведенъ въ капитаны. Село это достопамятно было тѣмъ, что, по словамъ старожиловъ, всѣ тамошніе священники умирали не иначе какъ отъ пьянства, и что хозяинъ мой, одинъ изъ нихъ же, въ такомъ видѣ надѣлъ на себя запасные святые дары и вздумалъ выгонять меня съ квартиры; но я спровадилъ его въ другую избу, приставилъ къ двери часоваго и продержалъ подъ арестомъ до нашего выхода. Слава Богу, въ нынѣшнее время, кажется, нѣтъ такихъ священниковъ.

Отъ Брестъ-Литовска, гдѣ весь день провелъ у графа Аракчеева, я слѣдовалъ въ колоннѣ Его Высочества; на всѣхъ переходахъ бы-

ли отъ Австрійскаго императора завтраки офицерамъ, дневки дѣлали чрезъ три дня, а переходы были обыкновенные; но отъ Фридека въ Лейпникъ 70 верстъ, чрезъ всю Моравію, прошли въ сомкнутой колоннѣ въ одинъ день, и у меня одного изъ всѣхъ войскъ не было отсталыхъ; всю ночь солдаты чистились, а въ слѣдующій день, сдѣлавъ 35 верстъ, вступили парадомъ въ Ольмюцъ и прошли церемоніально мимо императоровъ Россійскаго и Австрійскаго; оттуда уже слѣдовали мы въ общемъ составѣ арміи до Бужервицъ. 19 Ноября оставили въ Бужервицахъ всѣ обозы и даже императорскій, а на переходъ до Аустерлица, всего 10 верстъ, употребили цѣлый день; потому что нашли за нужное предъ сраженіемъ переводить полки изъ одной колонны въ другую, а дороги были до того дурно разсчитаны, что войска на перекресткахъ безпрерывно другъ другу мѣшали и должны были выжидать, покуда занявшіе дорогу пройдутъ; а пройдя версту или двѣ, встрѣчалось опять тоже. 20 Ноября было Аустерлицкое сраженіе, первое для всей гвардіи. У насъ только и думали, чтобъ не упустить Наполеона. Гвардія тогда, всего 6 баталіоновъ, 2 кирасирскіе полка и 2 роты артиллеріи, назначалась въ резервъ корпусу князя Багратіона, а попала въ первую линію и первая открыла огонь по Французамъ, которыхъ издали считали своими; но ядро, вырвавшее ряды, вывело насъ изъ очарованія, и сраженіе началось. Колонна Милорадовича, бывшая на лѣвомъ флангѣ гвардіи, не сдѣлавъ выстрѣла, убѣжала, и мы, едва въ 5000 человѣкъ, должны были держаться противъ 30.000 Французовъ подъ предводительствомъ самого Наполеона. Разумѣется, насъ разбили, перегнали чрезъ ручей и даже разсѣяли; но гвардія не убѣжала, а пристроилась къ лейбъ-гренадерскому полку, только что пришедшему на поле брани. Наступили сумерки, и общее счастіе, что Наполеонъ насъ не преслѣдовалъ. Гвардія вообще дралась истинно съ большимъ духомъ, пѣхота три раза ходила на штыки, а кирасиры сдѣлали двѣ аттаки, но сила превозмогла; изъ гвардіи потеряно много людей, и одно орудіе съ подпоручикомъ Демидовымъ. Общая же утрата артиллеріи изъ всей арміи была значительна. Наступившая ночь дала намъ возможность ретироваться безъ потери; мы пошли на Галичъ, что̀ на границѣ Венгріи; на привалѣ я заснулъ на кучѣ камней, и у меня украли лошадь, оставя въ рукѣ концы поводьевъ, которые мошенникъ перерѣзалъ. Не было ни хлѣба, ни фуража; солдаты платили по червонцу за два фунта хлѣба; обозы были отбиты Французами, а моя повозка со всѣми вещами брошена, потому что лошадей взяли подъ коляску Государя, чтобы ее спасти отъ непріятеля. Я остался только въ томъ, что̀ на мнѣ было, и даже не имѣлъ бѣлья для перемѣны. Въ Галичѣ простояли мы 6 дней почти безъ хлѣба, пищи и фуража; люди кормились находи-

мымъ иногда въ ямахъ картофелемъ, а чаще голодали; лошадей же кормили одною гнилою соломою съ крышъ. Въ это время Австрія заключила съ Наполеономъ унизительный миръ, и мы пошли обратно въ самомъ несчастномъ положеніи. Въ Венгріи принимали насъ очень хорошо, лелѣяли и кормили до сыта; но переходы по горамъ и чрезъ рѣки и ручьи безъ мостовъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ были трудны. Маршрутъ былъ чрезъ Краковъ и Брестъ-Литовскъ, а оттуда по прежней дорогѣ въ Петербургъ, но форсированный, отъ чего, также и отъ совершеннаго голода въ Галичѣ, гвардія потеряла много отличныхъ людей и лошадей Въ Опатовѣ простояли мы 5 дней за льдомъ шедшимъ по Вислѣ, но время это должны были вознаградить усиленными маршами. Въ Несвижѣ видѣли мы графа Толстаго, брошеннаго Крузенштерномъ на Курильскихъ островахъ. Въ началѣ Апрѣля пришли мы къ Петербургу, простояли двѣ недѣли около Софіи, а на Ѳоминой недѣлѣ вступили въ столицу.

Походъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ 7 мѣсяцевъ мы прошли форсированно болѣе 4500 верстъ, выдержали, такъ сказать, на маршѣ, сраженіе, въ которомъ насъ совершенно разбили и заставили двѣ недѣли терпѣть невыносимый голодъ и всякую нужду. Около Опатова есть высочайшая гора, называемая Баба, а на ней озеро не имѣющее дна. Хозяинъ нашъ, Краковскій профессоръ, утверждалъ, что неоспоримо дознано, что озеро это имѣетъ сообщеніе съ океаномъ подъ землею, и это доказывается тѣмъ, что на поверхности озера нашли киль корабля разбитаго въ Средиземномъ морѣ.

1806 года, послѣ возвращенія изъ похода, получилъ я за Аустерлицкое сраженіе орденъ св. Анны 4-й степени, а 17 Мая произведенъ въ полковники, пробывъ капитаномъ только восемь мѣсяцевъ. Жалованье мое удвоилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ улучшилось и положеніе наше. Съ чиномъ полковника я долженъ былъ сдать свою отличную роту и принять отъ Р. легкую № 2-й, названную потомъ по моей фамиліи, съ которою однако имѣлъ множество хлопотъ и принужденъ былъ употребить строгость, чтобъ завести въ ней порядокъ и обучить какъ слѣдовало; но за то и солдатики подшутили надо мной: на одномъ ученьѣ, которое я производилъ съ порохомъ на своемъ плацѣ, они вложили въ одно орудіе ядро и выстрѣлили. Къ счастью, ядро, не задѣвъ никого, перелетѣло благополучно всѣ дома и сѣло въ стѣнѣ Преображенскаго госпиталя. Я бросился къ великому князю, который всегда ко мнѣ благоволилъ и разсказалъ происшествіе, какъ оно было. Его Высочество принялъ меня весьма милостиво, успокоилъ и послалъ сказать всѣмъ властямъ, чтобъ о происшествіи семъ Императору не докладывали; но въ послѣдствіи самъ разсказалъ и вѣроятно взялъ мою сторону, потому что не было даже о томъ спроса, и дѣло тѣмъ и кончилось. Чтобы оста-

вить меня старшимъ штабъ-офицеромъ въ баталіонѣ, графъ Аракчеевъ командировалъ полковника Раля въ Кіевъ для формированія осадной артиллеріи, а потомъ назначилъ его командиромъ полевой артиллерійской бригады въ Москвѣ, мнѣ же приказалъ принять роту Его Высочества, оставаясь въ тоже время и командиромъ роты своего имени.

1807 года въ Генварѣ, по болѣзни генералъ-маіора Касперскаго, я вступилъ въ наружное командованіе гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ, оставаясь въ тоже время и командиромъ двухъ ротъ. Въ Февралѣ объявленъ былъ поспѣшный походъ въ Пруссію, и 16-го я выступилъ со всѣмъ баталіономъ. Снѣга были чрезвычайно глубокіе, а потому дали мнѣ дневку въ Царскомъ Селѣ, для перекладки артиллеріи и обоза на сани; это исполнилось 17-го поутру, а пополудни пріѣхалъ гр. Аракчеевъ, осмотрѣлъ мои распоряженія, былъ очень ими доволенъ, благодарилъ, пилъ въ моемъ семействѣ чай и ввечеру отправился въ Петербургъ. 18-го мы дошли до Гатчина, гдѣ поплакали и простились мы съ женой, хотя за хлопотами и скучать было некогда. Лошадей своихъ должны мы были вести въ поводу, а ѣхать на обывательскихъ, для чего на каждой станціи приказано выставить по 900 подводъ; но ихъ нигдѣ не оказывалось болѣе 500, да и тѣ были негодны подъ такую тягость какъ артиллерія, почему только одна рота графа Аракчеева, имѣя заводскихъ лошадей, шла на подводахъ, а прочіе запрягали своихъ, остальныя же подводы я отдавалъ подъ обозы квартиргерамъ и офицерамъ, каждому по парѣ. Мнѣ приказано было пройти 1,000 верстъ до Юрбурга въ 30 дней, дѣлая переходы отъ 30 до 40 верстъ и позволено только въ Псковѣ сдѣлать дневку, для того чтобы баталіонъ исповѣдался и причастился, на каковое однодневное говѣнье послѣдовало разрѣшеніе Синода, и слѣдовательно эта дневка не доставила намъ никакого отдохновенія. Въ Баускъ пріѣхалъ ген. маіоръ Касперской и вступилъ въ командованіе баталіономъ, а я съ двумя своими ротами отдѣлился и при столь форсированномъ походѣ сдѣлалъ два лишніе перехода, чтобъ перейти на дорогу, ведущую чрезъ Тельши и слѣдовать при колоннѣ великаго князя. Въ Юрбургъ прибылъ я въ срокъ, гдѣ простояли двѣ недѣли, что̀ было необходимо, чтобы отдохнуть и оправиться. Въ началѣ Апрѣля гвардія вступила въ Пруссію; совершенная ростепель на жирномъ черноземѣ затрудняла движеніе тяжелой артиллеріи, почему, также и для облегченія продовольствія, насъ остановили въ Инстербургѣ, но рота гр. Аракчеева могла дойти только до Гумбинена. Въ Инстербургѣ простояли мы двѣ недѣли, гдѣ мужчинъ почти не было, а дамы не соглашались видѣть во мнѣ полковника въ 28 лѣтъ, что̀ рождало забавные споры. 1-го Мая поставили гвардію на позицію при Гейльс-

бергѣ, но 2-го свели, и артиллерія получила квартиры въ одномъ амтѣ, въ 10 верстахъ отъ города. Здѣсь, возвращаясь въ одинъ вечеръ отъ товарищей, я долженъ былъ переходить по круглымъ кладкамъ чрезъ ручей; вода поднялась подъ самыя жерди, которыя раздвинулись, я очутился на одной верхомъ и такъ карабкался до берега, при чемъ потерялъ обручальное кольцо; но солдатушки мои, узнавъ объ этомъ, высыпали всѣ на другой день чуть разсвѣло и нашли оное на глубинѣ болѣе аршина, за что счастливый получилъ червонецъ.

Мая 22-го, гвардія выступила на позицію при Гейльсбергѣ; 24-го аттаковали мы авангардъ подъ командою маршала Нея и оттѣснили его отъ Гутштата, 26-го начали ретироваться, 28-го и 29-го дали сраженіе при Гейльсбергѣ, ночью отошли назадъ, а 2-го Іюня происходило пагубное дѣло при Фридландѣ. Передъ сумерками, Наполеонъ аттаковалъ большими силами лѣвый флангъ, и наши отступили въ разстройствѣ; я, бывъ правѣе ихъ, перешелъ уже пылавшій въ огнѣ мостъ во Фридландѣ, а поднявшись на противный берегъ, остановленъ генераломъ Рѣзвымъ для воспрепятствованія Французамъ переправляться чрезъ рѣку; но городъ уже былъ занятъ: изъ оконъ домовъ открыли по моей батареѣ ружейный огонь и ранили 11 человѣкъ, почему я тотчасъ изъ артиллеріи зажегъ Фридландъ и послѣ стоялъ покойно. Въ это время вызванные охотники перетащили брошенную предъ горѣвшимъ понтоннымъ мостомъ пушку роты графа Сиверса, за что всѣ пять человѣкъ солдатъ награждены Георгіевскими крестами, а я получилъ орденъ Св. Владиміра съ бантомъ. Я былъ оставленъ безъ всякаго прикрытія и начальства; не постигаю, какъ Французы насъ не взяли. Въ 12 часовъ ночи я самъ собою снялъ батарею и только на разсвѣтѣ догналъ совершенно разстроенную армію. Передъ Тильзитомъ насъ поставили на позицію, но вскорѣ сняли и перевели чрезъ рѣку Нѣманъ. На другой день пріѣхалъ Государь, и на Нѣманѣ построили на баркѣ бесѣдку, въ которой Императоръ въ первый разъ имѣлъ свиданіе съ Наполеономъ. Чрезъ нѣсколько дней заключенъ былъ миръ, и мы пошли въ Петербургъ, куда въ Августѣ и вступили парадомъ.

Въ 1807 году сформирована гвардейская резервная рота изъ кантонистовъ для комплектованія артиллеріи фейерверкерами, но графъ Аракчеевъ былъ оною недоволенъ, а потому вскорѣ по возвращеніи изъ похода далъ мнѣ предписаніе принять означенную роту во всѣхъ отношеніяхъ и управлять ею отдѣльно отъ баталіона, оставаясь также и командиромъ ротъ: Его Высочества и своего имени; а какъ резервная рота имѣла по штату 8 взводовъ, изъ коихъ было пять пѣшихъ, одинъ конный, одинъ барабанщиковъ и одинъ трубачей, и обязана была третью часть совершенно обученныхъ выпу-

скать въ полевую артиллерію, то я всегда имѣлъ чрезвычайно много занятій и даже хлопотъ. Для помѣщенія этой резервной роты отвели казарму во 2-й Спасской улицѣ; но она оказалась очень тѣсна, почему назначено было половину пристроить и пристройку эту возложили на меня; а дабы я не смѣлъ отговариваться множествомъ занятій, то гр. Аракчеевъ объявилъ мнѣ на то высочайшую волю.

При гвардейской артиллеріи состояло всегда около 60 юнкеровъ; гр. Аракчеевъ сформировалъ изъ нихъ особую команду, поручилъ ее мнѣ и приказалъ богатыхъ и достаточныхъ оставить на своихъ квартирахъ, а неимущихъ помѣстить въ особыя камеры и содержать на правилахъ кадетъ, на каковый предметъ я получалъ слѣдующіе юнкерамъ жалованье и провіантъ и изъ экономическихъ суммъ баталіона по 18 рублей въ годъ на каждаго, въ камерѣ живущаго, и за эти деньги юнкера имѣли: постели, бѣлье, столъ и обучались наукамъ нужнымъ артиллерійскому офицеру, по 6-ти часовъ въ день и два раза въ недѣлю строевой службѣ. Изъ сего видно, что заведеніе это не требовало издержекъ казны, а, между тѣмъ, давало ежегодно въ полевую аттиллерію до 20 офицеровъ, конечно не профессоровъ въ наукахъ, но усердныхъ и знающихъ свое дѣло по строевой части. Резервная рота имѣла лошадей только строевыхъ на два конныя орудія, а артиллерійскихъ упряжныхъ вовсе не содержалось на всѣ 12 орудій и на 4 состоящихъ въ юнкерской командѣ; почему для всѣхъ ученій, разводовъ, парадовъ, и для лагерей я долженъ былъ эти 16 пушекъ снабжать лошадьми изъ ящичныхъ командуемыхъ мною ротъ Его Высочества и своего имени, и никогда даже виду не показывалъ, что это для меня тягостно, потому что въ томъ заключалось истинное сбереженіе казенныхъ расходовъ. Въ мой вѣкъ начальники приказывали иногда затруднительное, но всегда возможное, и подчиненные никогда не возражали, но всегда исполняли съ готовностью. Гр. Аракчеевъ, у котораго послѣ Австрійскаго похода я еженедѣльно долженъ былъ обѣдать, вознамѣрился оставить созданную имъ артиллерію и даже службу, и давалъ всѣмъ офицерамъ гвардейской артиллеріи прощальный обѣдъ предъ Рождествомъ, а на 3-й день праздника, повстрѣчавшись со мною на Литейной у Сергіевскаго собора, посадилъ къ себѣ въ сани и, жалуясь на непріятности отъ придворныхъ, объявилъ, что рѣшительно оставляетъ службу и что многіе тому будутъ рады; на что я отвѣчалъ, что онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, что всякій, кто любитъ свое Отечество, будетъ о немъ сожалѣть, и что Государь, не имѣя другаго гр. Аракчеева, не отпуститъ его. 1808 года 1-го Января пророчество мое сбылось: графъ Аракчеевъ назначенъ былъ военнымъ министромъ и генералъ-инспекторомъ всей артиллеріи и пѣхоты. Онъ поднялъ это мѣсто на выс-

шую степень блеска; ему отдавались всѣ возможныя воинскія почести; при квартирѣ его находился караулъ отъ гвардейскихъ полковъ, разводы приводились самими полковыми командирами; гвардейскіе офицеры ежедневно являлись на ординарцы, также во множествѣ посыльные пѣшіе и конные; послѣдніе всегда сопровождали при выѣздахъ его экипажъ. Графъ, какъ военный министръ, приблизилъ меня къ себѣ еще болѣе, требовалъ почти ежедневно и сверхъ огромныхъ моихъ занятій, безпрерывно поручалъ строить разные образцы для всей арміи, которые я долженъ былъ лично показывать Императору и, по одобреніи Его Величества, разсылать во всѣ дивизіи, нерѣдко и съ людьми, на которыхъ они были пригнаны. 26-го Марта послѣдовалъ высочайшій указъ о присылкѣ ко мнѣ отъ всей пѣшей артиллеріи офицеровъ, фейерверкеровъ, барабанщиковъ и рядовыхъ для обученія порядка службы и единообразія въ обмундированіи. Изъ людей этихъ я сформировалъ роту и послѣ того былъ въ одно время командиромъ 4-хъ ротъ и команды юнкеровъ.

Въ Апрѣлѣ послѣдовало новое высочайшее повелѣніе: шесть старшихъ капитановъ присылать ко мнѣ для обученія порядка службы и чтобы вакантныя роты давать только тѣмъ, которые мною будутъ удостоены въ командиры ротъ. Въ это время проходила чрезъ столицу въ Финляндію 14-я бригада полковника П.; я долженъ былъ выѣхать на Среднюю Рогатку и устроить оную къ церемоніальному маршу, но эту кучу мужиковъ и въ мѣсяцъ нельзя бы было привести въ порядокъ, о чемъ я доложилъ гр. Аракчееву и просилъ его не представлять бригады Государю; но уже было поздно: она приползла хуже самыхъ дурныхъ рекрутъ, и Императоръ былъ очень недоволенъ, особенно когда одинъ изъ солдатъ отошелъ шаговъ на 10 отъ орудія, купилъ сайку и началъ ее грызть противъ самого Государя. Въ слѣдъ за бригадою прибыли въ столицу роты Ш. и З. едва ли не хуже предъидущихъ. Гр. Аракчеевъ ихъ встрѣтилъ и объявилъ командирамъ, что, еслибы они пришли мѣсяцемъ ранѣе, то отправилъ бы обѣ роты подъ качели, вмѣсто паяцевъ; а потомъ, поручивъ оныя по строевой части въ мою команду, приказалъ выслать ихъ въ лагерь на два мѣсяца, учить два раза въ день и въ это время никого изъ лагеря въ городъ не пускать.

Въ концѣ этой зимы мы лишились добрѣйшаго, назабвеннаго нашего отца. Матушка осталась въ Выборгѣ съ сестрами моими: Елисаветой, Александрой и Екатериной; старшая, Бландина была давно уже за мужемъ за Бекманомъ, а изъ сыновей: я служилъ въ гвардейской артиллеріи, Өедоръ въ полевой, Павелъ въ Рязанскомъ полку въ Выборгѣ, а Константинъ въ 2-мъ егерскомъ полку въ Финляндіи.

Въ Маѣ праздновали покореніе Свеаборга, и весь Петербургскій гарнизонъ былъ въ парадѣ. Войска пѣхотныя и кавалерійскія стояли на площадяхъ: дворцовой, адмиралтейской и Петровской, а я съ 14-ю ротами или 160 орудіями по Англійской набережной. Во время молебна стрѣляли залпами по-ротно, отчего не только стекла въ окнахъ перебились, но и множество вылетѣло цѣлыхъ рамъ изъ домовъ. Парадъ кончился обыкновенно церемоніальнымъ маршемъ. Вскорѣ послѣ сего пріѣхалъ въ Россію первый, послѣ Французской революціи, посолъ, оберъ-шталмейстеръ Наполеона, Коленкуръ, съ очень блестящей свитой. Его приняли съ большою почестью, и онъ всегда бывалъ на всѣхъ разводахъ и парадахъ при Императорѣ. По Воскресеньямъ вмѣсто разводовъ были парады; всѣ войска строились въ томъ же порядкѣ, какъ при торжествѣ взятія Свеаборга. Государь проѣзжалъ по фронту, здоровался съ каждою частью и пропускалъ войска мимо себя скорымъ шагомъ повзводно, а потомъ уже очередныя вступали въ караулъ. 1-го Іюня я выступилъ съ своими 4-мя ротами и командою юнкеровъ въ лагерь, гдѣ и расположилъ на правомъ флангѣ 9 полевыхъ ротъ, тамъ стоявшихъ. Занятія мои были огромны: ежедневно поутру отъ 5 до 9 часовъ обучалъ я двѣ роты по очереди, въ 10 часовъ дѣлалъ разводъ съ парадомъ, а потомъ до 1 часа практическое ученье, по полудни же отъ 3 до 5 были другимъ ротамъ практика, а отъ 5 до половины 9 ученье движеніемъ, и въ заключеніе заря съ музыкой. Когда же своимъ учащимся давалъ отдыхъ, то объѣзжалъ полевыя роты для наблюденія, правильно ли производится ученье; потому что по фрунту всѣ были мнѣ поручены. Но признаюсь, что это меня чрезвычайно утомило, и одно было только утѣшительно, что жена съ дочерью жили подлѣ самаго лагеря, съ которыми могъ ежедневно видѣться и проводить безъ хлопотъ хотя нѣсколько часовъ. 1 Іюля я долженъ былъ оставить лагерь; но смотръ, назначенный Государемъ, послѣдовалъ только 10 числа; всѣ мною командуемыя роты были въ строю. Императоръ изволилъ самъ командовать и произвелъ ученье практическое и движеніемъ въ 44 орудія, чрезвычайно былъ доволенъ и благодарилъ меня въ лестныхъ выраженіяхъ, а 12 я вступилъ въ городъ въ свои квартиры и до Сентября отдыхалъ отъ чрезмѣрныхъ занятій въ кругу своего семейства, въ которомъ всегда находилъ истинную отраду и удовольствіе; а тутъ пріѣзжала еще съ сестрами матушка, у которой для сохраненія на память купилъ продаваемый ею тогда перстень, пожалованный ей императрицею Екатериною 2-й и подарилъ своей милой Лизочкѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ выступили въ Финляндію два гвардейскіе баталіона, а съ ними и рота моего имени, подъ командою капитана, потому что гр. Аракчеевъ приказалъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ при осталь-

ныхъ 3 ротахъ и другихъ его порученіяхъ. Въ первой половинѣ Сентября производилось для всей гвардіи 5 линейныхъ ученій на Смоленскомъ полѣ; самые дни ученій были утомительны для всѣхъ тѣмъ, что по отдаленности необходимо было выступать въ 2 часа ночи; а для меня, сверхъ того, что командуя всею артиллеріею въ строю, долженъ былъ поспѣвать на всѣ пункты, гдѣ находился Государь, дабы не надѣлали ошибокъ, а для этого приходилось нерѣдко скакать по двѣ версты съ фланга на флангъ. Осенью пріѣхалъ герцогъ Ольденбургскій съ сыномъ, нареченнымъ женихомъ великой княжны Екатерины Павловны; они остановились въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ всей гвардіи генералы, штабъ и оберъ-офицеры имъ представлялись; въ Январѣ 1809 происходила свадьба ихъ высочествъ, и молодые первое время жили въ зимнемъ дворцѣ. Послѣ половины Декабря пріѣзжали на три недѣли Прусскіе король и королева, которымъ всѣхъ гвардейцевъ представлялъ самъ Государь. Я показывалъ королю роту Его Высочества въ Михайловскомъ манежѣ движеніями, а на Волковомъ полѣ практическимъ ученьемъ, при морозѣ въ 28 градусовъ. Офицеры были въ сертукахъ, а солдаты въ шинеляхъ чрезъ мундиры; въ 8 часовъ утра рота выступила на Волково поле, въ 11 пріѣхали Императоръ и король, и послѣднему я рапортовалъ понѣмецки. Въ началѣ ученья Государь приказывалъ людямъ погрѣваться; но они отвѣчали, что имъ не холодно; почти въ 12 кончилось ученье, и Императоръ пригласилъ короля на завтракъ тутъ же; въ $1/2$ перваго пили ихъ здоровье, при чемъ я произвелъ 101 выстрѣлъ; въ часъ Ихъ Величества уѣхали, а мы отправились въ городъ. Въ Ямской я предлагалъ солдатамъ погрѣться, но они просили лучше дойти скорѣе домой, гдѣ оказалось, что три человѣка, почти головные, стоявшіе подлѣ Государя и потому не рѣшавшіеся погрѣваться, ознобили себѣ ноги до такой степени, что всѣ пошли въ инвалиды на свою родину.

Въ Февралѣ давали великолѣпный фейерверкъ противъ Таврическаго дворца. Щитъ былъ на 42 саженяхъ въ длину и 22 въ вышину; каскады составлялись изъ 9 пудовыхъ мѣдныхъ фонтановъ, а павильонъ былъ изъ 42,000 ракетъ, который заключался бѣглымъ огнемъ изъ 101 пушки 36 фунтовъ, заряженныхъ каждая 12 фунтами пороха. Я былъ дежурнымъ при фейерверкерѣ для содержанія порядка при огромномъ стеченіи народа и особенно для сбереженія провода отъ дворца до фейерверка, по которому, королевою зажженному голубку, должно было сообщить огонь первой декораціи.

Въ концѣ Февраля я посланъ былъ гр. Аракчеевымъ въ старую Финляндію, для осмотра расположенныхъ тамъ на зиму артиллерійскихъ ротъ Финляндской дѣйствующей арміи, откуда въ началѣ Марта вернулся, повидавшись нѣсколько дней съ матушкою и братомъ Ѳедоромъ, однимъ изъ командировъ тѣхъ ротъ.

Еженедѣльные по Воскресеньямъ парады, линейныя ученья лѣтомъ на Смоленскомъ, а маневры осенью на Волковомъ поляхъ, лагери и смотры только моихъ 4-хъ ротъ Государемъ, происходили въ томъ же порядкѣ, какъ и въ 1808 году; но за практическое ученіе объявлена мнѣ благодарность въ высочайшемъ приказѣ, и пожалованъ отъ Государя бриллiантовый перстень въ 1200 рубл. ассигнаціями, который я съ великимъ удовольствіемъ подарилъ милой моей женѣ. Въ этомъ же году Англія объявила Россіи войну: флотъ ея крейсировалъ около Кронштата, почему опасались, чтобы не было помѣхи Петергофскому празднику. Всѣ лейбъ-баталіоны гвардіи вступили въ Петергофъ и расположились лагеремъ при фарватерѣ отъ Кронштата; я былъ при нихъ съ двумя ротами артиллеріи, а резервъ нашъ составляли всѣ учебныя заведенія. Лагерная служба исполнялась со всею точностію; полковники дежурили по всѣмъ войскамъ; было два маневра въ присутствіи Государя, а въ началѣ Августа дворъ переѣхалъ въ Царское Село, и мы пошли въ Петербургъ. 21-го Іюля я былъ дежурнымъ по лагерю, а 22-го при утреннемъ рапортѣ великому князю, Его Высочество мнѣ сказалъ: «Хотя я знаю, что навѣрное ты очень усталъ, но отъ гр. Аракчеева отдѣлаться нельзя; онъ требуетъ, чтобы непремѣнно тебя назначить дежурнымъ при фейерверкѣ. Возьми четыре полныя роты отъ пѣшей гвардіи, будь съ ними во 2-мъ часу у дворца, и исполняй что графъ прикажетъ». Усталый поѣхалъ я въ лагерь, наскоро пообѣдалъ, собралъ баталіонъ и пошелъ ко дворцу, гдѣ устроилъ цѣпь изъ 1000 человѣкъ и наблюдалъ за порядкомъ. Въ 5 часовъ по полудни пріѣхала жена съ братомъ Ѳедоромъ; я ввелъ ихъ въ цѣпь и не болѣе получаса могъ пробыть съ ней. Послѣ зари, для усиленія цѣпи отъ большаго напора людей, поступилъ въ мое вѣдѣніе и весь дворцовый конно-гвардейскій караулъ. Въ 10 часовъ, посовѣтовавъ женѣ удалиться, я побѣжалъ за ворота и по данному сигналу приказалъ произвести 21 выстрѣлъ, а возвращаясь къ фейерверку увидѣлъ ужасное и смѣшное зрѣлище: 40,000 швермоновъ освѣтили совершенно мѣстность, но въ тоже время многихъ обожгли, а въ дамскихъ платьяхъ даже произвели пожары. Для спасенія цѣпи солдаты бросились на землю, а мошенники, пользуясь суматохою, приступили къ грабежамъ и вырывали серьги даже съ частью ушей, что̀ производило ужасный крикъ и плачъ. На силу мнѣ удалось возстановить порядокъ и устроить караулъ, а конно-гвардейцевъ, затянутыхъ въ лосинѣ, надо было подымать. Остальной фейерверкъ былъ отлично хорошъ и кончился благополучно; въ 12-ть часовъ я вернулся въ палатку и, просидѣвъ съ женой и братомъ до 2-хъ часовъ, простился и замертво уснулъ.

Въ Августѣ, возвратившись въ Петербургъ, я принялъ въ свое вѣдѣніе батареи, устроенныя по Финскому заливу, для защиты столицы отъ внезапнаго нападенія Англичанъ, послѣ чего росписалъ всѣ артиллерійскія роты по батареямъ, обучалъ оныя дѣйствовать изъ крѣпостныхъ орудій, и былъ всегда въ готовности по первому сигналу изъ Кронштата встрѣтить незванныхъ гостей. Въ Сентябрѣ вступила рота моего имени въ Петербургъ, и Государь изволилъ ее встрѣчать; вмѣстѣ съ нею вступила и полевая рота Б.; но ее императору не показали, потому что лошади едва могли ходить, изъ которыхъ всѣ среднія пары въ орудіяхъ падали на каждомъ поворотѣ въ улицу. Въ концѣ года конная артиллерія отдѣлилась отъ баталіона и поступила совершенно въ команду Великаго Князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ я сдалъ Его Высочеству и конный взводъ резервной роты.

1810 года 1-го Генваря назначены: генералъ Барклай де-Толли военнымъ министромъ, а графъ Аракчеевъ предсѣдателемъ Военнаго Департамента Государственнаго Совѣта, и къ нему же поступила собственная Его Величества канцелярія, съ чѣмъ вмѣстѣ поступали на его разсмотрѣніе всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Въ Генварѣ поручилъ мнѣ гр. Аракчеевъ обмундировать до 4,000 плѣнныхъ Шведскихъ солдатъ, что̀ я исполнилъ въ три недѣли, представилъ оныхъ Государю въ аванъ-залахъ Зимняго дворца и по приказанію Его Величества отвелъ Шведовъ къ ихъ послу и сдалъ для отправленія въ Швецію. Послѣ этого чрезъ три дня послали меня по назначенію Императора въ новую Финляндію отыскать понтонную роту Дидрихса и устроить ее для вступленія въ порядкѣ въ столицу. Я повстрѣчалъ роту въ 20-ти верстахъ отъ Нейшлота, лошадей больныхъ велѣлъ немедленно продать и, исполнивъ свое порученіе, чрезъ недѣлю возвратился и донесъ военному министру.

Въ Маѣ мѣсяцѣ генералъ Касперской уволенъ для излѣченія болѣзни, я принялъ отъ него на законномъ основаніи гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, и въ мою ко́манду поступили всѣ полевыя артиллерійскія роты, расположенныя тогда въ Петербургѣ, Москвѣ, Смоленскѣ и Архангельскѣ, а равномѣрно арсеналы С.-Петербургскій и Брянскій и Охтенскій пороховой заводъ, хотя въ послѣднихъ трехъ мѣстахъ начальники были генералъ-маіоры. Въ томъ же мѣсяцѣ я съ гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ поступилъ въ совершенную команду Великаго Князя, а какъ Его Высочество всегда особенно былъ ко мнѣ милостиво расположенъ, то, по оставленіи гр. Аракчеевымъ строевой части, это было для меня великимъ счастіемъ и чрезвычайно полезно. Въ началѣ лѣта баронъ Меллеръ-Закомельскій отправился осматривать артиллерію, а генералъ-маіоръ графъ Кутайсовъ заступилъ его мѣсто въ Пе-

тербургѣ. Мы съ нимъ скоро сошлись и сдѣлались даже пріятелями. Въ это время онъ былъ неутѣшенъ въ безнадежной любви своей къ дѣвицѣ Пашковой и находилъ одно удовольствіе бесѣдовать со мною наединѣ; наконецъ, для развлеченія его, я придумалъ произвести опыты надъ картечью, предложенной Карнотомъ, которые были весьма удачны и такъ понравились графу, что мы часто повторяли ихъ на Волковомъ полѣ, чѣмъ моя Лизочка не очень была довольна; но я дѣлалъ это по необходимости, видя въ томъ возможность развлекать несчастную страсть искренно любимаго мною и достойнаго графа Кутайсова.

Парады по Воскресеньямъ, линейныя ученья лѣтомъ, маневры осенью, лагерь въ Іюнѣ мѣсяцѣ и смотры Государемъ изъ всей артиллеріи только четырехъ ротъ, мною командуемыхъ, происходили въ томъ порядкѣ, какъ и въ оба предшествующіе года; только на парадѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, отличные мои люди перваго орудія, проходя мимо Государя, сбились съ ноги. Императоръ разгнѣвался и подозвалъ меня, чтобы выговаривать; но Великій Князь тотчасъ подъѣхалъ и доложилъ, что этому не я виноватъ, а Преображенскіе барабанщики, ударившіе походъ не въ ногу, чѣмъ Его Высочество избавилъ меня отъ невольной непріятности, но послѣ наединѣ сдѣлалъ замѣчаніе. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ поручилъ мнѣ военный министръ сформировать по новому положенію С.-Петербургскій округъ артиллерійскихъ гарнизоновъ. Я исполнилъ въ два мѣсяца, получилъ благоволеніе Государя и сдалъ оный окружному начальнику Кузьмину, который однакожъ, хотя и старшій, остался у меня въ командѣ. Въ Декабрѣ Государь въ зимнемъ дворцѣ раздѣлялъ партію рекрутъ; оставалось 400 человѣкъ, совершенныхъ мужиковъ. Его Величество, подозвавъ меня, приказалъ взять оныхъ и сформировать двѣ роты для Свеаборга; въ $2^1/_2$ мѣсяца я одѣлъ ихъ по штату, пригналъ амуницію, выучилъ пѣшему строю и представилъ на смотръ. Роты эти, выступая изъ Петербурга вмѣстѣ съ одною артиллерійскою и одною саперною ротами, были разительно лучше послѣднихъ. Императоръ былъ отъ нихъ въ восхищеніи и весьма лестно благодарилъ меня, а Александръ Благословенный умѣлъ это. Въ это же время Великій Князь просилъ меня запрячь его модели артиллеріи и обоза деревянными лошадьми. Я поручилъ 30 лошадей въ $^1/_6$ долю вырѣзать лучшему тогда мастеру Карасеву, а упряжь приготовилъ по маштабу при баталіонѣ и отвезъ все въ скорости въ Стрѣльну, чѣмъ Его Высочество остался очень, очень доволенъ, благодарилъ меня и оставилъ на цѣлый день у себя. Модели эти находятся теперь въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ. Для устроенія въ ротѣ Его Высочества киверной мастерской, я отдалъ въ ученье лакировать кожу рядовыхъ Кирилова и Глотова, которые поняли

дѣло лучше учителей; теперь они уже въ отставкѣ, имѣютъ отъ своего ремесла каменные дома и ежегодно поставляютъ въ Коммиссаріатъ киверовъ болѣе чѣмъ на полмилліона рублей.

Въ 1811-мъ году, когда всѣ власти были заняты политическими дѣлами съ Наполеономъ и секретными приготовленіями къ войнѣ съ Франціею, послѣдовало распоряженіе, чтобы гвардію комплектовать солдатами изъ полевыхъ войскъ, и генералъ Ставицкій предложилъ мнѣ получить отъ него 64 человѣка, выбранныхъ изъ 84 тысячъ рекрутъ набора 1811-го года, на что я конечно согласился. Онъ доставилъ ихъ въ Ижору, откуда я опредѣлялъ рекрутъ въ роту Фрейтага и производилъ оныхъ чрезъ недѣлю въ канонеры и бомбардиры, а потомъ переводилъ въ гвардейскій баталіонъ, чрезъ что украсилъ свой баталіонъ 64-мя рядовыми нестарѣе 25-ти лѣтъ, прекрасными собой и ростомъ не менѣе 2-хъ аршинъ и 9 вершковъ, а двое были 2 арш. и 12 вершковъ. Въ теченіи лѣта выстроили на Волковомъ полѣ одинъ полигонъ крѣпости, а въ концѣ Сентября была произведена оному аттака на спицъ равелина по всѣмъ правиламъ искусства. Въ Россіи это былъ первый примѣръ и весьма поучительный для войскъ всѣхъ родовъ, а особенно для артиллеріи и инженеровъ. Мы тутъ многому научились; теорія не всегда совершенно согласна съ практикою, которая проще и скорѣе приводитъ къ цѣли. Государь часто посѣщалъ наши опыты, былъ всегда доволенъ; но мы, употребляя гранаты съ разрывомъ для уничтоженія мерлоновъ, всегда за него боялись. Въ Августѣ я получилъ предписаніе переформировать роты гвардейскаго баталіона въ 12-ть орудій каждую, что было сдѣлано въ три дни, и я вывелъ оныя въ первый разъ парада въ новомъ составѣ и за поспѣшное исполненіе получилъ благодарность Великаго Князя и Императора. Въ началѣ Сентября приказано было мнѣ прикупить недостающихъ по военному времени въ баталіонѣ 400 артиллерійскихъ лошадей. Тогда не было роскоши и бережливо обращались съ казенными деньгами: мнѣ на каждую гвардейскую лошадь дали только по сту рублей ассигнац.; но за всѣмъ тѣмъ я купилъ здоровыхъ, сильныхъ и довольно красивыхъ лошадей, которыя выдержали голодъ и холодъ и на коихъ артиллерія въ трехлѣтнюю кампанію не только не останавливалась, но повсюду поспѣвала прежде другихъ. Къ 14-му Октября, дню рожденія вдовствующей Императрицы, приказано было приготовить великолѣпный фейерверкъ. Огромный щитъ и павиліонъ установили противъ дворца на Васильевскомъ Островѣ, а 5-ть декорацій, по волѣ Государя, должно было устроить на Невѣ, на баркахъ. Я упрашивалъ инспектора вытребовать для управленія судами морской экипажъ, но самонадѣянность артиллеристовъ погубила все. Вечеромъ сдѣлался сильный штурмъ, лаборатористы не могли и не умѣ-

ли удерживать барокъ на мѣстѣ; всѣ пять рядовъ сдвинуло въ одинъ, а когда зажгли первую декорацію, огонь сообщился и прочимъ, которыя всѣ вдругъ сгорѣли, что̀ представляло какой-то хаосъ.

Въ Ноябрѣ, ген. маіоръ Ермоловъ назначенъ командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго баталіона; онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но баталіона не принималъ, а получилъ вторую гвардейскую пѣхотную бригаду, а потомъ и всю дивизію; я же по прежнему остался командующимъ гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ. Въ это почти время артиллеріи капитанъ Кабановъ представилъ своего изобрѣтенія новый діоптръ, теорія котораго оказалась совершенно правильною, и употребленіе онаго при орудіяхъ гвардейской артиллеріи не представило никакихъ неудобствъ; но Ученый Комитетъ не соглашался на введеніе его вообще во всю артиллерію, отчего родились пренія между членами Комитета и офицерами роты Его Высочества: Вельяминовымъ, двумя князьями Горчаковыми, княземъ Меншиковымъ, Поморскимъ и Жиркевичемъ, съ которыми по учености, ловкости и образованности трудно было всякому спорить, особенно когда они обратили пренія въ смѣхъ. Члены поумнѣе замолчали, а Ф. вздумалъ одинъ состязаться; но офицеры довели его до того, что онъ съ Волкова поля убѣжалъ, бросился на дрожки и только у заставы опомнился, что забылъ при орудіи свою шляпу, за которою не рѣшился вернуться, а прислалъ кучера. Тѣмъ пренія и кончились: діоптръ былъ принятъ, а Кабановъ награжденъ чиномъ подполковника, получилъ орденъ Св. Владиміра и 3000 рублей единовременно. Въ Декабрѣ выступила изъ Петербурга рота полковника Г. Императоръ назначилъ ей смотръ въ 11-ть часовъ, а въ 8-мь прислалъ за мною инспекторъ артиллеріи и поручилъ наблюсти за порядкомъ. Я отправился на Пески, гдѣ стояла эта рота и лошади, но не нашелъ тамъ никого кромѣ дневальныхъ, и даже лошади были еще не чищены, а самого полковника Г. спящаго долженъ былъ поднять на ноги. О таковой безпечности я не смѣлъ не донести инспектору, что̀ повлекло за собою справедливый выговоръ; а чрезъ три дни отправили меня по именному повелѣнію догнать роту, осмотрѣть оную на походѣ и всѣхъ негодныхъ лошадей выбраковать на счетъ полковника Г. Я исполнилъ порученіе, но поберегъ старика, чѣмъ всѣ эти непріятности и кончились.

1812 года первые два мѣсяца провели мы въ приготовленіяхъ къ походу. Матушка съ сестрами пріѣзжала проститься и въ послѣдній разъ; чрезъ двѣ недѣли они отправились домой, а сестра Елисавета осталась у насъ, и мы съ женою, предчувствуя долгую разлуку, проводили это послѣднее время въ своемъ кругу и почти никуда не выѣзжали. Служа два года подъ личнымъ начальствомъ Великаго Князя, я, какъ и всѣ командиры гвардейскихъ полковъ,

обязаны были ежедневно у него бывать; въ 9-мъ часу мы пріѣзжали, и всегда аккуратно въ 9-ть выходилъ Его Высочество. Первые являлись вѣстовые, потомъ Великій Князь отдавалъ общія приказанія, а за тѣмъ спрашивалъ, не имѣетъ ли кто особаго доклада и съ этими словами откланивался и входилъ въ штандартную комнату, куда всѣ, кто былъ нуженъ Его Высочеству или имѣли до него надобность, входили по одиначкѣ и получали разрѣшенія, замѣчанія и даже выговоры, чѣмъ все и кончалось; а въ 10-ть часовъ каждый изъ насъ былъ дома или тамъ, гдѣ требовала служба. Этотъ распорядокъ съ необыкновенною акуратностію во времени чрезвычайно облегчалъ службу, за что всѣ полковые командиры вполнѣ были признательны.

7-го Марта назначено баталіону выступить въ походъ, а 6-го числа Его Высочество, позвавъ меня въ штандартную, приказалъ морскаго экипажа артиллерійскую команду взять мнѣ съ собою, и притомъ объявилъ, что команду эту надо снабдить 4-мя орудіями съ зарядами, лошадьми и упряжью; что команда должна уже быть на баталліонномъ дворѣ, что ее нужно поучить къ выступленію и что инспектору артиллеріи объ отпускѣ всего послано уже повелѣніе. Я бросился на баталліонный дворъ, нашелъ тамъ поручика Листа съ командою и сдѣлалъ тотчасъ распоряженіе, посредствомъ резервной роты остающейся въ Петербургѣ команду учить при своихъ орудіяхъ и пріемщиковъ послать немедленно въ арсеналъ, лабораторію и за лошадьми; къ часу все было сведено и свезено, а къ 4-мъ и вся упряжь пригнана; въ 5-ть часовъ я посмотрѣлъ команду при своихъ орудіяхъ и на своихъ лошадяхъ и, оставшись доволенъ, распустилъ ее въ 6-ть отдыхать и приготовляться къ походу, а самъ поѣхалъ для сдачи резервной роты князю Абамелику, который задержалъ меня до 11-ти и тѣмъ отнялъ послѣднее время провести съ своими. На другой день баталіонъ выступилъ. Государь провожалъ насъ почти до заставы, былъ доволенъ, посмѣялся надъ морскими и благодарилъ меня весьма лестными словами, особенно за команду поручика Листа, которая дѣйствительно очень порядочно прошла церемоніальнымъ маршемъ. Жена моя съ дочерью и сестрою провожали меня три перехода и оставались на дневкѣ въ Рожественѣ. 11 Марта съ грустными сердцами мы простились на долго.

Переходы были обыкновенные, а дневки чрезъ три дни; но, по глубинѣ снѣговъ, походъ былъ тяжелъ. Переправясь чрезъ Двину, насъ остановили въ Брацлавлѣ, гдѣ проѣхалъ Императоръ, а потомъ мы перешли въ деревню Даугелишки; квартиры были сносныя, но фуража почти вовсе нельзя было достать. Овесъ привозили по распоряженію провіантскаго вѣдомства, а на сѣно отпускали

по рублю серебромъ за пудъ; но купить не было возможности более 5-ти фунтовъ въ день на лошадь, отчего въ пять недѣль у меня осталось 60.000 рубл., изъ которыхъ 10.000 на подъемныхъ лошадей, состоящихъ на моей отвѣтственности, я оставилъ у себя, а 50.000 представилъ обратно, и поступокъ сей какъ единственный въ цѣлой арміи доведенъ былъ Великимъ Княземъ до высочайшаго свѣдѣнія. Къ имянинамъ Его Высочества 21 Мая у меня изготовили небольшой фейерверкъ, но, отъ дождя и перевозки въ Видзы, горѣлъ весьма неудачно. Чрезъ три дни вся гвардія пошла въ Вильну, гдѣ было два маневра, послѣ коихъ выступила обратно въ деревни по квартирамъ, а артиллерія размѣстилась около города Свенціанъ, въ которомъ я занялъ свою штабъ-квартиру и гдѣ расположилъ парки артиллеріи всѣхъ ротъ. 12 Іюня поутру прискакалъ ко мнѣ фельдъегерь и объявилъ, что Государь прибудетъ въ Свенціаны въ 11 часовъ, что квартира уже назначена въ домѣ Уѣзднаго Суда и что Императоръ приказалъ поставить двухъ часовыхъ; а какъ уже былъ 11-тый часъ, то изъ парковаго караула я отвелъ двухъ лучшихъ рядовыхъ и только что поставилъ ихъ къ дверямъ, какъ подъѣхалъ Государь и, выходя изъ коляски, сказалъ: «Поздравляю съ войною; Наполеонъ ночью въ 12-ть часовъ перешелъ Нѣманъ». Я лично остался при квартирѣ и послалъ въ роту Его Высочества за полнымъ карауломъ въ 120 человѣкъ, который и прибылъ въ три часа. Императоръ прошелъ по фронту, спрашивалъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему людяхъ и приказалъ поставить къ нему караулъ изъ одного фейерверкера и 10 рядовыхъ, а остальныхъ людей отпустить, чтò я исполнилъ; но, не отходя отъ квартиры, велѣлъ 50 человѣкъ расквартировать въ городѣ и быть имъ всегда на готовѣ. Во время зари Государь стоялъ на крыльцѣ, а послѣ оной приказалъ мнѣ поставить часовыхъ подъ окошко его спальни по угламъ забора квартиры и одного къ экипажамъ. Я рѣшился доложить, что караулъ будетъ въ 30 человѣкъ, и потому не позволитъ ли Его Величество поставить офицера. Отвѣтъ Государя былъ: «Нѣтъ, братецъ, не надо; наряди двухъ фейерверкеровъ» послѣ, чего, уволивъ караулъ, я разстановилъ часовыхъ и, отдавъ имъ приказаніе, отвелъ самъ безъ ефрейтора часоваго подъ окошко, котораго лично чрезъ два часа смѣнялъ. Императоръ долго сидѣлъ у окна и все писалъ, но когда приходила смѣна, подымалъ занавѣску и смотрѣлъ. Въ три часа Его Величество легъ отдыхать, а я всю ночь провелъ подлѣ караула на прилавкѣ у воротъ. Въ эти сутки я до того былъ занятъ, что не обѣдалъ и даже не пилъ чаю. На другой день приведена была въ караулъ Преображенскаго полка рота со знаменемъ; но Государь ея не принялъ, говоря, «что артиллеристы оберегаютъ его такъ хорошо, что лучшаго караула не желаетъ»; а

потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Можешь ты дать мнѣ другой караулъ?» Я, отвѣчалъ, что поставлю себѣ за особенное счастіе, побѣжалъ и привелъ смѣну, которая уже была готова. Императоръ много благодарилъ меня и остался при разводѣ. Таковая постоянная благосклонность искренно возлюбленнаго моего Монарха единственно поддерживала силы мои, совершенно изнуренныя въ эти двое сутокъ. На третій день поутру Императоръ вышелъ къ караулу и сказалъ мнѣ: «Спасибо, братецъ, за караулы, а еще болѣе за твою заботливость; сегодня вы должны выйти на позицію: скоро придетъ Преображенскій разводъ, смѣнись и ступай съ Богомъ, куда прикажутъ».

Вотъ чѣмъ началась для меня отечественная кампанія, описывать которую не буду, но упомяну только случаи, до меня касающіеся или особенно занимательные.

На переходѣ въ Дриссу отлучился у меня одинъ рядовой изъ рекрутъ. Я запретилъ отъ той артели наряжать ко мнѣ ординарца и караулъ, чтò чрезвычайно ихъ огорчило; и фейерверкеры, и ефрейторы съ позволенія моего пошли его искать и поймали въ 15-ти верстахъ. Наказаніе розгами я предоставилъ артели, и послѣ того никогда не было не только отлучившагося, но и отсталаго. Въ Дриссѣ недостало хлѣба въ двухъ полкахъ; узнали, что у меня большой онаго запасъ и взяли половину, чѣмъ надѣлали мнѣ много хлопотъ. Въ это же время подошли Французы къ Динабургу, гдѣ для распоряженія казеннымъ имуществомъ была наряжена коммиссія, которая и представила докладъ, чтобы до полумилліона рублей ассигнацій сжечь; а Государь, надписавъ тутъ же, что подобныя предложенія могутъ дѣлать только грабители, послалъ оный обратно въ коммиссію.

Бородинское сраженіе, происходившее 26 Августа, было самое жестокое, какое я когда либо видѣлъ. Въ 4 часа пополудни прислалъ за мной главнокомандующій и приказалъ укомплектовать всю артиллерію зарядами для завтрашняго сраженія. Я прохлопоталъ цѣлую ночь, а между тѣмъ армія снялась и попалась мнѣ на встрѣчу около Можайска. Фланговый бомбардиръ роты Его Высочества, послѣ перваго выстрѣла изъ перваго орудія, вышелъ, чтобы снова его зарядить; но непріятельское ядро оторвало у него руку, загнало оную вмѣстѣ съ банникомъ въ камору орудія и само тамъ засѣло. Впрочемъ потеря, кромѣ этой, не была здѣсь велика, а въ ротѣ гр. Аракчеева убито: 1 полковникъ, 1 оберъ-офицеръ, 44 нижнихъ чиновъ и болѣе 50 лошадей, да столько же переранило. Полки Преображенскій и Семеновскій, бывъ все это сраженіе въ резервѣ, не заряжали ружей, но потеряли 500 человѣкъ изъ фронта. Послѣ Бородина корпусá чрезвычайно убыли въ числѣ людей; излишнюю

артиллерію отъ нихъ отобрали и составили резервъ подъ моимъ начальствомъ, который состоялъ тогда изъ 30 ротъ или 360 орудій. Предъ Москвою полагали дать сраженіе, но, слава Богу, отмѣнили. Мѣстность разсѣченная глубокими оврагами и слабость силъ нашихъ противу Французскихъ не могли обѣщать намъ ничего добраго; а отступленіе чрезъ столь пространный городъ погубило бы всю армію. Въ 1-мъ часу ночи мнѣ съ резервною артиллеріею приказано было выступить и сколько возможно не задерживать прочія войска. Отъ 2 до 5 часовъ я проходилъ Москву совершенно опустѣлую отъ жителей, а вышедъ за заставу увидѣлъ несчастныхъ, идущихъ по всему полю съ ношами и плачущихъ. Это было 2-го Сентября, 3-го же и 4-го на фланговомъ маршѣ въ 33 верстахъ отъ города освѣщало насъ пламя Москвы и столь ярко, что и ночью можно бы было читать книгу; а 7-го числа, когда послѣднія войска выходили изъ села Воронова, которое лучше многихъ городовъ, самъ хозяинъ онаго графъ Ростопчинъ своими руками зажегъ строеніе во многихъ мѣстахъ, и все село обратилось въ развалины. Въ Тарутинѣ мы простояли почти мѣсяцъ. Я помѣстилъ свои 30 ротъ слѣва въ батарейной колоннѣ, по дорогѣ, ведущей въ Леташевку, гдѣ была главная квартира. Ночи уже были холодныя, и появлялись заморозки; но солдатушки мои, истинно меня любившіе, построили мнѣ землянку съ печью, такъ что можно было въ ней и зимовать. Впрочемъ она и была мнѣ нужна для многочисленныхъ моихъ занятій, которыя тогда я имѣлъ на счетъ устройства и комплектованія артиллеріи по порученіямъ уважаемыхъ мною генераловъ барона Левенштерна, Ермолова и Коновницына, которые не только безпрерывно присылали ко мнѣ адъютантовъ своихъ, но пріѣзжали и сами. Хлѣбъ, овесъ и мясо доставлялись намъ вполнѣ; но за сѣномъ посылалась обыкновенно третья часть лошадей, которыя привозили оное на вьюкахъ верстъ за 50 и болѣе; а потому выступленіе 12 Октября къ Малому Ярославцу было весьма затруднительное. Рота Мацылева, идущая на хвостѣ, отстала и пропала; три дни я посылалъ ее отыскивать и наконецъ узналъ, что она прошла прямо въ Калугу за обозами, которые всѣ рѣшительно были изъ Леташевки отправлены туда, дабы не сдѣлали затрудненія въ движеніи арміи. Начиная отъ Малаго Ярославца, стали приводить плѣнныхъ и привозить отбитыя непріятельскія орудія. Духъ арміи поднялся, и мы шли довольно скоро съ полною надеждою на успѣхъ. Въ Полотняныхъ Заводахъ я получилъ личное приказаніе главнокомандующаго идти за главною квартирою въ 10-ти или даже 20-ти верстахъ и, сберегая сколько возможно людей, стараться ихъ размѣщать хотя на самыя тѣсныя квартиры. Я тотчасъ выслалъ квартиргеровъ, приказалъ отводить подъ каждую роту отъ 4-хъ до 7-ми

пустыхъ крестьянскихъ домовъ и отправилъ нарочнаго въ Калугу, чтобъ обозы, сдавъ всю кладь мѣстному начальству подъ квитанціи, нагрузились хлѣбомъ и прибыли къ арміи. Это распоряженіе доставило всѣмъ ротамъ на шесть недѣль сухарей, которыхъ достало до самой Вильны, а солдатушки всегда отыскивали сѣно въ лѣсахъ, а овесъ въ ямахъ, такъ что и въ фуражѣ не было недостатка. Отъ резервной артиллеріи требовали иногда одну или двѣ роты для дѣйствія, но онѣ всегда возвращались ко мнѣ. Отъ Ельни до Ошмянъ я жилъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петровичемъ Никитинымъ и, имѣя множество лошадей во всю дорогу, ни въ чемъ не нуждались; а когда пріѣхалъ Чубаровъ, то даже роскошничали коренною рыбою, привезенною имъ изъ Казани въ большомъ запасѣ.

4-го Ноября прислано мнѣ отъ генер.-квартимейстера приказаніе съ полученія записки немедленно выступить къ Красному; а какъ казакъ пріѣхалъ съ симъ извѣстіемъ въ 4 часа пополудни, то, собравъ всѣ роты, я двинулся въ 6-ть и въ полночь проходилъ главную квартиру, гдѣ все спало. Барона Левенштерна разбудили; онъ удивился, но прочитавъ записку, приказалъ исполнять по оной. Прошедши еще 10 верстъ, увидѣлъ я передовую казачью цѣпь, почему и не рѣшился слѣдовать далѣе, а собиралъ всю артиллерію въ густую батарейную колонну. Главнокомандующій, выѣхавъ въ 6 часовъ утра, удивился, увидѣвъ мою огромную артиллерію и послалъ за мною; но видно, его предупредили, что ошибка не моя, потому что, сказавъ мнѣ: «Куда ты пошелъ впереди казаковъ?» началъ распрашивать о продовольствіи и, узнавъ, что у меня нѣтъ прикрытія, послалъ къ графу Остерману, чтобы прислалъ пѣхотный полкъ. Между тѣмъ мы доѣхали до головы резервной артиллеріи, гдѣ 7 конныхъ и 5 батарейныхъ ротъ уже были построены; главнокомандующій поблагодарилъ меня за отличное оныхъ состояніе и сказалъ: «у тебя, братецъ, свое прикрытіе лучше другихъ», и приказалъ слѣдовать за гвардейскимъ корпусомъ. Но подъ Краснымъ уже не было надобности въ артиллеріи: Французовъ гнали какъ стадо, и они оборонялись только при загражденіи имъ дороги, а обозы, экипажи и даже артиллерію бросали безъ всякой защиты. Послѣ Красненскаго сраженія князь Кутузовъ былъ восхищенъ до слезъ. Съ поля битвы онъ прямо пріѣхалъ на бивуаки Преображенскаго полка; его окружили и поздравляли, а онъ попросилъ чаю и сказалъ: «хочу съ вами и въ кругу перваго полка пожинать лавры». Въ Копысѣ мы простояли три дни, потому что надо было навести мосты чрезъ Днѣпръ, и оставили здѣсь болѣе 10 ротъ, слабѣйшихъ изъ артиллеріи; потому что доставленіе фуража сдѣлалось почти невозможнымъ для столь большаго числа лошадей. Сюда же пріѣхалъ къ арміи Великій Князь, которому я представлялся и, какъ

всегда, былъ принятъ очень ласково. Чрезъ три дни послѣ переправы Французовъ чрезъ Березину, гдѣ они тонули отъ недостатка мостовъ, я прошелъ по льду со всею артиллеріею и даже безъ интерваловъ, что̀ служитъ доказательствомъ жестокости зимы 1812 года. На первой станціи отъ Минска по ту сторону было у насъ много знатныхъ гостей, которые однако уничтожили весь нашъ запасъ; оставался одинъ жареный гусь, но и на него нашелся охотникъ, который одинъ истребилъ всего, отдавъ только одну ногу своему адъютанту. Какъ видно, аппетитъ былъ тогда не дуренъ. На двухъ переходахъ отъ Ошмянъ до Вильны я долженъ былъ высылать 50 человѣкъ впередъ для расчистки дороги, которая была завалена непріятельскими брошенными обозами и артиллеріею, а равно тѣлами и падалью до того, что невозможно было пройти. Въ Вильну я вступилъ въ совершенномъ порядкѣ и прошелъ церемоніально мимо Великаго Князя. Отъ Тарутина до Вильны у меня не было ни умершаго, ни больнаго, ни оставленнаго въ дорогѣ; но зараженный воздухъ въ Вильнѣ и ежедневное назначеніе 100 лошадей для очищенія города погубили баталіонъ. Солдаты мои вывезли 18,000 тѣлъ, но заразились сами, и изъ нихъ въ три недѣли померло 140 человѣкъ. Въ Виленской губерніи вовсе не было почтъ, почему Великій Князь приказалъ мнѣ выставить на 4 станціи лошадей, на которыхъ, благодаря Бога, и пріѣхалъ Государь благополучно. Выходя изъ саней, Его Величество изволилъ мнѣ сказать: «Непримѣтно, что твои лошади сдѣлали такой дальній походъ; на всякомъ переѣздѣ они по нѣскольку разъ принимались нести».

Начальники артиллеріи у насъ безпрерывно мѣнялись. Послѣ убитаго гр. Кутайсова былъ Бухгольцъ, но всего едва-ли двѣ недѣли, потомъ баронъ Левенштернъ; въ Вильнѣ я нашелъ уже Рѣзваго, а передъ выходомъ изъ оной назначили Ермолова. 12-го Декабря пожалованъ мнѣ за Бородинское сраженіе орденъ Св. Владиміра 3-й степени, 26-го же гр. Аракчеевъ прислалъ меня поздравить съ производствомъ за отличіе въ г.-маіоры, а 29-го артиллерія выступила изъ Вильны.

1813 года 1-го Января, я съ баталіономъ пришелъ въ Меречъ, гдѣ получилъ приказъ о производствѣ меня 26-го Декабря 1812 г. въ г.-маіора, одѣлъ эполеты подаренные Борисомъ Фокомъ и написалъ женѣ на адресѣ: «ея превосходительству», зная, что это ее порадуетъ. По милости гр. Аракчеева, я съ ней былъ въ постоянной перепискѣ, чрезъ фельдъ-егерей, что̀ хотя нѣсколько услаждало нашу разлуку. Января 2-го мы перешли по льду чрезъ Нѣманъ въ Польшу. Въ Іоганисбергѣ потребовалъ меня главнокомандующій. Въ пріемной комнатѣ лежалъ дневной рапортъ, изъ котораго я уви-

дѣлъ, что всѣхъ нашихъ регулярныхъ войскъ, кромѣ корпуса гр. Витгенштейна, было за границею 12-го Января 38,000, и этимъ-то повсюду гнали Французовъ. Князь Кутузовъ позвалъ меня въ кабинетъ и приказалъ немедленно ѣхать въ Кенигсбергъ, собрать брошенную тамъ Французами артиллерію и распорядить осаду крѣпости Пилау. Въ Кенигсбергѣ я нашелъ гр. Витгенштейна, который мнѣ объявилъ, что осадная артиллерія утоплена въ рѣкѣ Прегелѣ, что капитуляція Пилау будетъ сегодня подписана, а завтра вступятъ въ нее союзныя Прусскія войска. Я донесъ о семъ главнокомандующему и, не получивъ разрѣшенія вернуться, увидѣлъ, что вся моя командировка заключалась въ интригѣ, чтобы удалить отъ гвардейскаго баталіона. Я уже около десяти лѣтъ, за правоту и усердіе, былъ любимцемъ гр. Аракчеева; а это сдѣлало мнѣ множество непріятелей. Графъ, хотя въ настоящее время еще болѣе пользовался расположеніемъ Государя, но не входилъ уже непосредственно въ военную часть, чѣмъ непріятели мои, сдѣлавшіе связи, воспользовались и приняли намѣреніе если не совсѣмъ погубить меня, то по крайней мѣрѣ удалить изъ гвардіи. Наконецъ, въ Мартѣ получилъ я разрѣшеніе возвратиться къ баталіону, который еще былъ въ Калишѣ; чрезъ три дня гвардія выступила, но на дорогѣ отъ огорченія я занемогъ нервною горячкою и безъ памяти оставленъ въ Равпчѣ, гдѣ меня лечилъ искусный докторъ Шварцъ и по милости Божіей спасъ.

Въ концѣ Апрѣля, едва движущійся, я поѣхалъ догонять армію, повстрѣчалъ оную на ретирадѣ отъ Дрездена къ Бауцену и слѣдовалъ при баталіонѣ. Начальникомъ артиллеріи былъ уже князь Яшвиль, который составилъ резервную артиллерію изъ 20-ти ротъ или 240 орудій и, примкнувъ оныя къ гвардейскому баталіону, поручилъ ее въ мое начальство, дабы въ сраженіи дѣйствовать на важный пунктъ съ большею силою. Мая 8 и 9-го происходило Бауценское сраженіе. Французы обошли нашъ правый флангъ, а наши въ 4 часа по полудни снялись и начали отходить въ Силезію. Мнѣ поручено было наблюдать за сохраненіемъ артиллеріи и вести ее въ порядкѣ на дорогу около Гохкирхена, что̀ я исполнилъ, и мы, отступая среди бѣла дня, не потеряли ни одного орудія; даже одинъ единорогъ съ совершенно подбитаго лафета при отступленіи сваленъ и волокомъ притащенъ въ Горлицъ; конечно онъ уже сдѣлался негоднымъ, но и не послужилъ непріятелю трофеемъ. За это обѣщали мнѣ многое, а по интригамъ Сухозанета, бывшаго тогда начальникомъ штаба у князя Яшвиля, я получилъ только Анны 2-й степени, съ бриллiантами. На другой день, отрапортовавъ кн. Яшвилю, ожидавшему меня на дорогѣ и получивъ приказанія, я отправился на квартиру, но обдумавъ сдѣланныя предположенія, вернулся къ нему и

доложилъ, что у меня изъ 23-хъ ротъ только три имѣютъ заряды и то неполный комплектъ, что на прибытіе парковъ, которые еще за Калишемъ, надѣяться нельзя и что безъ зарядовъ сраженія подъ Швейдницомъ дать невозможно, а потому просилъ позволенія ѣхать впередъ арміи, чтобы просить зарядовъ у Пруссаковъ. Кн. Яшвиль на это не только согласился, но и благодарилъ. Въ это самое время вошелъ князь Волконскій съ приказаніемъ Государя въ скорости отправить въ аріергардъ батарейную роту, и когда мы сказали, что батарейныхъ зарядовъ почти совсѣмъ нѣтъ, то, обратясь ко мнѣ объявилъ, что гр. Паленъ доноситъ, что безъ подкрѣпленія батарейною ротою не можетъ удерживать непріятеля, на что я отвѣчалъ, что если попытка моя у Пруссаковъ на счетъ зарядовъ не удастся, то батарейную роту рѣшительно нельзя отправить, что въ такомъ случаѣ легкая съ зарядами можетъ быть полезнѣе первой безъ зарядовъ и предлагалъ запрячь тогда легкую въ 6 лошадей, дабы дать ей видъ батарейной и отправить такимъ образомъ въ аріергардъ, чему кн. Волконскій разсмѣялся и пошелъ доложить Государю, а я поскакалъ верхомъ въ Швейдницъ. Здѣсь я нашелъ Прусскаго генерала Тауенцина, объяснилъ ему наше положеніе и просилъ снабдить насъ, хотя взаймы, снарядами и порохомъ; онъ отвѣчалъ, что это очень возможно, потому что у него по близости три крѣпости, всѣмъ снабженныя, но желанія моего исполнить не можетъ безъ позволенія короля. Поблагодаривъ генерала, я въ восторгѣ поскакалъ домой и отправилъ адъютанта Вальца къ кн. Яшвилю, а чрезъ сутки получено и разрѣшеніе короля; генералъ Тауенцинъ сдѣлалъ немедленно распоряженіе. Я приказалъ всѣмъ ротамъ, въ резервѣ состоящимъ и подходившимъ къ Швейдницу, всѣ запасныя вещи переложить на запасные и даже настоящіе лафеты, а всѣ роспуски и пустые зарядные ящики прислать къ моей квартирѣ, которые въ тотъ же день отправилъ съ 3-мя штабъ-офицерами въ крѣпости Глацъ, Нейсе и Зильбербергъ. Ко мнѣ съ возраженіями приходить не смѣли, отчего исполнялось все поспѣшно. Чрезъ три дня въ деревню Петерсвальдъ прибыли мои транспорты и привезли припасовъ на 30,000 зарядовъ; шпигли я велѣлъ еще заранѣе приготовлять хотя струганые съ вызженными гнѣздами, а вмѣсто армяка тутъ же купилъ у гернгутеровъ шерстяную матерію по 17 копѣекъ локоть, и засадилъ всѣ роты вязать заряды, которыми въ двое сутокъ укомплектовалъ всѣ дѣйствующія и резервныя роты.—Признаюсь, много было мнѣ хлопотъ. Сухозанетъ пріѣзжалъ отъ князя Яшвиля раза по два въ день; а генералы Никитинъ и Козенъ, жившіе со мной, выѣхали, говоря: «что у тебя и уснуть не дадутъ», что̀ и было справедливо, ибо въ теченіи недѣли никогда болѣе часу сряду не удавалось поспать.

За это избавленіе арміи отъ бѣдственнаго положенія мнѣ обѣщали золотыя горы, но кн. Яшвиль заболѣлъ, а по интригамъ заступившаго его мѣсто, Сухозанета, которому я никогда не хотѣлъ поклониться, ничего не получилъ и съ этого времени начались противъ меня самыя сильныя козни.—Чрезъ нѣсколько дней заключили перемиріе на мѣсяцъ, а потомъ еще на двѣ недѣли, и на это время назначены квартиры для резервной артиллеріи въ селеніяхъ между городами Франкенштейнемъ и Минстербергомъ, въ среди которыхъ я помѣстился въ замкѣ графа Шлабендорфа,—Штольце, лежащемъ въ садахъ и оранжереяхъ и провелъ здѣсь шесть недѣль, въ продолженіи которыхъ всѣ роты приведены были въ совершенную исправность, въ чемъ я удостовѣрился произведеннымъ инспекторскимъ смотромъ. Слабѣйшія три я разформировалъ для укомплектованія прочихъ и отправилъ оныя въ Россію; снабженіе войскъ зарядами и потронами производилось безостановочно,—словомъ, все зависящее отъ меня какъ начальника резервной артиллеріи было сдѣлано и къ концу перемирія вся армія была укомплектована, для чего часто ѣздилъ въ главныя квартиры: Государя, главнокомандующаго и В. Князя, который, по всегдашней своей ко мнѣ благосклонноси, весьма часто оставлялъ у себя пить чай.—Въ Штольцѣ получилъ я горестное извѣстіе о кончинѣ доброй матушки, что чрезвычайно меня поразило, и въ тотъ день я никого не принималъ и не выходилъ изъ кабинета.—По Воскресеньямъ въ садахъ Штольца играли по моему приказанію два хора музыки и всегда было очень много гуляющихъ. Здѣсь я познакомился съ управляющими всею Силезіею; ихъ было четыре совѣтника и при каждомъ по одному писарю, а между тѣмъ по всѣмъ частямъ существовали чрезвычайный порядокъ и скорость въ исполненіи даже въ военное время. Пруссія, по крайней мѣрѣ въ это время, есть безъ сомнѣнія самое благоустроенное государство въ Европѣ, и много можно съ пользою позаимствовать изъ внутренняго ея устройства. Во время перемирія продовольствіе было очень хорошо; людей кормили жители, а на лошадей отпускали сполна фуражъ шульцы или старосты, которымъ выдавались квитанціи; они же представляли оныя регирунгсрату въ счетъ податей по опредѣленной цѣнѣ за человѣка и лошадей, чѣмъ и кончался весь расчетъ. Къ концу перемирія поступило изъ резерва въ укомплектованные корпуса войскъ 11-ть артиллерійскихъ ротъ, а 12-я осталась въ резервной артиллеріи.

Однажды въ это время, главнокомандующій спросилъ моего мнѣнія, отъ какихъ причинъ парки всегда неисправны и скоро совершенно разстроиваются. Я отвѣчалъ рапортомъ, что каждый паркъ сформированъ изъ людей данныхъ отъ всѣхъ полковъ, слѣдовательно самыхъ дурныхъ, изъ 560 пожертвованныхъ лошадей, не всегда доб-

росовѣстно поступающихъ въ паркъ, 172 повозокъ, и что нерѣдко командиромъ такого огромнаго парка назначаютъ офицера только что выпущеннаго изъ корпуса; слѣдовательно отъ таковаго парка и нельзя ожидать успѣшнаго дѣйствія, и покуда не дадутъ имъ правильнаго устройства, они всегда будутъ неисправны. Но на рапортъ этотъ, посланный къ инспектору, не было никакого отѣта и распоряженія.

Въ концѣ Іюля началась война. Мы выступили прямо чрезъ Богемію къ Дрездену, гдѣ Австрійцевъ пощипали, и насъ обратно повели чрезъ Аннебергъ по дорогѣ выбитой въ горахъ изъ камня, по которой и крестьяне рѣдко ѣздятъ. Его Высочества рота снялась послѣдняя съ позиціи; но какъ у меня лошади были кругомъ кованы, то я всю полевую артиллерію на привалахъ обошелъ, и ежели бы не обязанъ былъ оставаться въ хвостѣ колонны для наблюденія, чтобы въ случаѣ ломки ящика или пушки не оставляли ихъ на дорогѣ, то съ передними поспѣлъ бы къ окончанію Кульмскаго сраженія. При ретирадѣ отъ Дрездена, чтобы спасти артиллерію, не впускали на дорогу обозы, отчего пушки гвардейской артиллеріи были всѣ захвачены непріятелемъ; благодаря расторопности моихъ людей, въ этой суматохѣ были спасены моя бричка и ящикъ съ казенными деньгами. По порученію Государя Великій Князь осматривалъ артиллерію. Гвардейская вся была въ парадѣ, а полевая не могла выйти, потому что до половины лошадей были подбиты на заднія ноги, до того что сидѣли на подобіе собакъ, и большая часть изъ оныхъ пала. Въ это же время, по проискамъ Сухозанета, чтобъ удалить меня изъ гвардіи, назначенъ я былъ начальникомъ артиллеріи въ корпусъ генерала Сакена; но великодушный Великій Князь заступленіемъ своимъ интригу эту уничтожилъ.

До половины Сентября простоялъ я въ Беллинѣ, откуда выступили къ Лейпцигу, но 7 дней простояли около Альтенбурга, гдѣ подъ 22-ѣ роты моей резервной артиллеріи отвели 24 крестьянскихъ дома; въ каждую роту далъ я по одному, и офицеры имѣли также хорошее помѣщеніе. Хозяева кормили отлично какъ людей, такъ и лошадей, и сверхъ того на дорогу отпустили на 4 дни хлѣба и фуража, которыхъ и досталось съ избыткомъ на все время Лейпцигскаго сраженія, т. е. 4, 5, 6 и 7 Октября 1813 г. Алтенбургское герцогство, всего 9 квадратныхъ миль, есть богатѣйшая земля въ мірѣ, а жители носятъ особый костюмъ одежды.

Французы ретировались изъ Лейпцига съ такою поспѣшностью, что мы не могли ихъ догнать; въ городѣ Галѣ я получилъ повелѣніе немедленно отправиться въ Алтенбургъ, принять въ свое вѣдѣніе направленныя туда съ мѣста сраженія семь ротъ и изъ Россіи партіи людей и лошадей, которыми пополнить убыль въ ротахъ,

также исправить реквизиціею всю артиллерію и потомъ форсированными маршами съ ротами догнать армію. Но прибывъ въ Алтенбургъ, я увидѣлъ, что это новая интрига, чтобъ удалить меня отъ гвардіи, интрига, для которой пожертвовали семью исправными ротами, а люди и лошади изъ Россіи для пополненія убыли въ сихъ ротахъ никогда сюда направляемы не были. Въ Алтенбургѣ я прожилъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца и нашелъ тутъ много раненныхъ генераловъ. Времени свободнаго у меня было довольно, потому что совсѣмъ не было нужды укомплектовывать исправныя роты. Я познакомился съ мѣстными властями и жителями, и всякое Воскресенье въ домѣ, гдѣ я жилъ, давались публичные балы, на которые изъ монастыря, гдѣ воспитывались 24 дѣвицы лучшихъ фамилій, отпускалось по 6-ти; мнѣ ихъ довѣряли, и я ихъ привозилъ и отвозилъ въ своемъ экипажѣ. Время проходило довольно пріятно, какъ вдругъ все измѣнилось. Дрезденская капитуляція, заключенная маршаломъ Сентъ-Спромъ съ графами Кленау и Толстымъ, не утвердилась монархами. Австрійской службы полковникъ графъ Латуръ привезъ мнѣ повелѣніе ихъ величествъ: идущаго во Францію маршала С. Сира съ 26,000 войска (изъ коихъ 1,500 офицеровъ, 60 жандармовъ и 600 рядовыхъ, вооружены и имѣли два орудія) остановить въ Алтенбургѣ и предложить ему, чтобы сдался военно-плѣннымъ или шелъ обратно въ Дрезденъ и защищался. Для исполненія сего графъ Латуръ отдалъ въ мою команду Венгерскій гусарскій полкъ, конвоирующій Французовъ и объявилъ, что графъ Кленау долженъ будетъ пріѣхать самъ, послѣ чего отправился къ Дрездену, а я послалъ адъютанта своего Бальца къ управляющему Саксоніею князю Репнину съ просьбой прислать въ Алтенбургъ поболѣе пѣхоты и прибыть самому для столь важнаго дѣла; но онъ сказался больнымъ, откомандировалъ ко мнѣ два баталіона и нѣсколько командъ разныхъ Германскихъ княжествъ, которыя всѣ прибыли на другой день и расположены мною въ городѣ на бивуакахъ. На слѣдующій день пріѣхалъ маршалъ С. Сиръ въ великолѣпной каретѣ, окруженной 60-ю жандармами. Я отправился къ нему и предложилъ почетный караулъ, который онъ принялъ. Вечеромъ пришла 1-я колонна и размѣщена въ семи верстахъ за городомъ; прочія же пять колоннъ оставались по дорогѣ отъ Дрездена, на одинъ переходъ одна отъ другой, а генералы всѣ помѣстились въ Алтенбургѣ. По войскамъ же мнѣ ввѣреннымъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы одна рота артиллеріи стояла на площади во всей готовности, шесть эскадроновъ Венгерскихъ гусаръ помѣстилъ на тѣсныя квартиры въ городѣ, а четыре поставилъ между Французскими колонами по дорогѣ къ Дрездену, съ тѣмъ, чтобъ прервать между ними всякое сообщеніе и всѣ повелѣнія въ колонны и донесенія отъ нихъ проходили не запечатан-

ныя, не иначе какъ чрезъ меня, и въ этомъ положеніи всѣ Французы должны были дневать на слѣдующій день. Въ вечеръ того же дня возвратился графъ Латуръ съ извѣстіемъ, что графы Кленау и Толстой ему объявили, что, заключивъ конвенцію по даннымъ имъ полномочіямъ, они къ уничтоженію оной дѣйствовать не могутъ, сверхъ того по болѣзни ѣхать въ Алтенбургъ не въ состояніи и войскъ для отправленія туда не имѣютъ. Слѣдовательно они, надѣлавъ путаницу, предоставляли развязать оную другому, и этотъ другой былъ я. На слѣдующее утро графъ Латуръ и я поѣхали къ С. Сиру; онъ принялъ насъ хорошо, но когда мы объявили ему волю монарховъ, вскочилъ и началъ ходить, потомъ сказалъ: «Это самое безчестное дѣло, и неужели вы думаете, что я, посѣдѣвшій на полѣ брани, сталъ бы трактовать съ вашими Кленау и Толстымъ, ежели бы они не предъявили ясныхъ полномочій? Впрочемъ я раненъ и боленъ, сдаю сейчасъ корпусъ графу Лобау и прошу васъ обратиться къ нему». Мы оба тотчасъ догадались, что съ Лобау дѣла не кончимъ и объявили маршалу, что не имѣемъ права трактовать съ другимъ, а потому просимъ его отвѣта, который если не будетъ удовлетворенъ, то графъ Латуръ отвезетъ оный союзнымъ монархамъ для испрошенія дальнѣйшихъ приказаній. «Хорошо, сказалъ С. Сиръ, на это я согласенъ, но чтобы отвѣтъ былъ не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли». Съ этимъ и отправился графъ Латуръ; а я, возвратясь домой, нашелъ у себя почти всѣхъ Французскихъ генераловъ, имѣющихъ виды отъ графовъ Кленау и Толстаго отправиться во Францію, съ жалобами, что имъ не даютъ лошадей. Я имъ отвѣчалъ, что это отъ меня не зависитъ и совѣтывалъ обратиться къ мѣстному начальству. Они отправились, а я зналъ, что не уѣдутъ; потому что, узнавъ отъ Венгерскаго полковника о сихъ пашпортахъ, еще наканунѣ забралъ съ трехъ станцій всѣхъ почтовыхъ лошадей и, запретивъ говорить, что онѣ у меня, приказалъ объявлять спрашивающимъ о чрезвычайномъ разгонѣ подъ моихъ курьеровъ и нарочныхъ. Двѣ недѣли мы прожили съ С. Сиромъ довольно пріятельски: я къ нему ѣздилъ дни чрезъ два, а онъ всякой разъ возвращалъ визитъ и всегда просиживалъ по часу. Наконецъ, въ день срока, получилъ я повелѣніе съ объявленіемъ воли союзныхъ монарховъ, чтобы С. Сиръ исполнилъ неизмѣняемое ихъ требованіе. Я тотчасъ поѣхалъ съ онымъ къ маршалу, который, улыбаясь, сказалъ: «Развѣ вы въ силахъ остановить меня?» на что я отвѣчалъ, что буду всѣми силами исполнять приказаніе моего Государя и что нынѣ рѣка Рейнъ вся занята союзными арміями; слѣдовательно, если онъ и пройдетъ чрезъ меня, то въ нѣсколькихъ переходахъ будетъ окруженъ и уже насильно взятъ въ плѣнъ. На это маршалъ отвѣчалъ: «Вы правы, я сдаюсь

военноплѣннымъ; куда же вы насъ отправите?» «Въ Берлинъ», отвѣчалъ я, и послѣ сего разстался съ нимъ; а чрезъ день выпроводилъ всѣхъ Французовъ изъ Алтенбурга подъ прикрытіемъ того же Венгерскаго гусарскаго полка. Это дѣло было для меня чрезвычайно затруднительное. Благодарю Бога и теперь, что оно такъ благополучно кончилось. Каждый другой получилъ бы за подобное дѣйствіе нѣсколько огромныхъ наградъ, а мнѣ и спасиба не сказали.

Въ концѣ Декабря получилъ я приказаніе отправить роты къ своимъ корпусамъ и самому ѣхать къ главной арміи чрезъ Базель, почему я отправился изъ Алтенбурга 28 числа. Садясь въ коляску, я получилъ письмо отъ начальницы монастыря, въ которомъ она и всѣ ея воспитанницы въ весьма пріятныхъ выраженіяхъ благодарили меня за доставленныя имъ удовольствія. Письмо это до сихъ поръ у меня хранится. На переправѣ чрезъ горы между Саксоніей и Баваріею холодъ былъ во всѣ дни болѣе 22-хъ градусовъ; а въ Барейтѣ, въ высочайшемъ приказѣ отъ 1-го Января 1814 года, увидѣлъ я, что Сухозанетъ достигъ своей цѣли: полковникъ Таубе, его креатура, назначенъ былъ вмѣсто меня командиромъ гвардейской артиллеріи. Въ Базелѣ встрѣтили меня граждане съ торжествомъ, какъ внука уроженца ихъ великаго Эйлера. Въ Люрѣ былъ я очевидцемъ, какъ страдаютъ Французы отъ холода: печей въ домахъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, а ставятъ временно посреди горницы желѣзныя, около которыхъ цѣлыя семейства по цѣлымъ днямъ сидятъ въ угарѣ, сложа руки, и спятъ подъ пуховиками. Въ Труа, не доѣхавъ около ста верстъ до арміи, получилъ я повелѣніе отъ главнокомандовавшаго генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли вернуться въ Алткирхъ и учредить тамъ артиллерійское депо, куда я и прибылъ въ началѣ Февраля. Въ слѣдъ за мною пришли туда 4 роты и 3 запасные парка, но дѣло это было безполезно, потому что генералъ Аликсъ прервалъ комуникацію съ арміею. Въ половинѣ Марта депо было совершенно устроено; 22-го числа узналъ я, что союзныя войска вступили въ Парижъ, а въ концѣ мѣсяца, что Наполеонъ отрѣшенъ, что Людовикъ XVIII провозглашенъ королемъ и что заключенъ миръ. Въ Февралѣ проѣзжали чрезъ Алткирхъ великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ; но доѣхали только до Люра, потому что комуникація была прервана. Ихъ Высочества вернулись въ Базель, гдѣ я три раза у нихъ обѣдалъ и видѣлъ ядро, которымъ изъ Бофора въ нихъ выстрѣлено. Послѣ заключенія мира проѣзжала также чрезъ Алткирхъ императрица Марія Луиза съ маршальшею Ланъ; Австрійскіе генералы и чиновники ожидали ее у почтоваго двора, но она закрыла окно и, пересѣвъ на другую сторону, подозвала къ себѣ Француз-

зовъ, съ которыми прощалась, а когда увидѣла подходящихъ Австрійцевъ, то приказала ѣхать скорѣе.

Въ Маѣ мое депо разошлось, и я отправился на Страсбургъ; въ Фортъ-Луи переправился чрезъ Рейнъ по мосту, а въ Саксоніи примкнулъ къ гренадерскому корпусу, въ которомъ назначенъ былъ начальникомъ артиллеріи и слѣдовалъ съ нимъ до Россіи. Во всякомъ городкѣ Пруссіи давали намъ балы, а въ Тильзитѣ Милорадовичъ на прощаньи далъ великолѣпную иллюминацію, которая стоила 10,000 рублей. На другой день изъ Таурогена я отправился въ С.-Петербургъ для сдачи гвардейскаго баталіона и, не смотря на то, что я назначилъ вдвое болѣе чѣмъ бы слѣдовало на всѣ вещи, требующія исправленія или перемѣны, Таубе всячески старался притѣснить меня. Въ скоромъ времени, по возвращеніи изъ похода, случились съ нимъ одно за другимъ нѣсколько непріятныхъ происшествій, которыя Государь узнавъ, былъ чрезвычайно раздосадованъ, чѣмъ благородные мои непріятели воспользовались и доложили Его Величеству, что все происшедшее произведено по моимъ интригамъ и наставленіямъ, тогда какъ я цѣлый годъ никого изъ офицеровъ гвардейской артиллеріи не видалъ и ни съ кѣмъ въ перепискѣ не былъ. Боже мой, до чего не доходятъ зависть и злоба! Описаніе сихъ происшествій къ моей жизни не относится, хотя я за оныя болѣе шести лѣтъ безвинно несъ на себѣ гнѣвъ обожаемаго Государя. Все это время, служивъ съ прежнимъ усердіемъ, я не только не получилъ никакой награды, но даже Государь иногда, увидѣвъ меня, отворачивался, чему многіе весьма радовались; меня же, при всемъ спокойствіи совѣсти, это чрезвычайно огорчало и даже убивало. Я нерѣдко предполагалъ оставить службу, но любя искренно свое семейство, жертвовалъ для него своими непріятностями.

Ноября 23-го 1815 года, назначенъ я командиромъ 13-ти ротъ, въ Орловской губерніи расположенныхъ; но прежде отъѣзда я долженъ былъ осмотрѣть и отправить по назначенію роты, до сего бывшія въ моей командѣ, что̀ и исполнилъ въ Декабрѣ, а вернувшись начали мы сбираться въ Орелъ и прощаться съ родными и знакомыми. 1816 года, въ половинѣ Января, пріѣхала съ мужемъ сестра жены Изюмова, образецъ кротости и ума, и остановилась у насъ; а я, передавъ имъ квартиру, 28-го числа отправился въ дорогу со всѣмъ семействомъ.

Знакомство наше въ Орлѣ было обширно и заключалось съ домами: гр. Каменскаго и его матерью, статсъ-дамою; съ генералами: барономъ Корфомъ, Зассомъ, Леонтьевымъ, Уваровымъ, Дистэрло, Арсеньевымъ, гр. Чернышевымъ, сенаторомъ Тепловымъ, сестрами Кругликовыми, Яковлевымъ, Соковнинымъ, кн. Трубецкимъ, Потемкинымъ, Филиповымъ и Веверомъ; но въ тѣсномъ кругу мы жили

съ Давыдовымъ, Ермоловымъ, Надаржинской, Варварой и Елисаветой Безобразовыми и Полозовыми, отцомъ и сыномъ.

Въ 1817 же году увѣдомили меня о смерти Таубе и о томъ, что послѣ оказалось, что онъ промоталъ казенныхъ и солдатскихъ денегъ 80,000 рубл., которые великодушный Великій Князь Константинъ Павловичъ заплатилъ. И вотъ для какого человѣка мною пожертвовали, вотъ за кого безвинно страдалъ я шесть лѣтъ!

Роты свои я расквартировалъ каждую на 5,000 душахъ, отчего люди, не обременяя хозяевъ, имѣли всегда хорошую пищу, отъ которой здоровѣли, и никогда не было болѣе 10 человѣкъ больныхъ, а умерло изъ всѣхъ 13-ти ротъ въ три года всего шесть человѣкъ. Для содержанія карауловъ въ Орлѣ, приходила поочереди одна рота на мѣсяцъ; я наблюдалъ за ея одиночнымъ ученьемъ и пріучалъ къ правиламъ гарнизонной службы. По просьбѣ графа Каменскаго, я наряжалъ къ его театру караулъ, при чемъ офицеръ пользовался мѣстомъ въ спектаклѣ, нижніе же чины получали каждый разъ по 25 рублей; а какъ театръ бывалъ шесть разъ въ недѣлю, то рота имѣла въ мѣсяцъ 600 рублей, которыхъ и было достаточно для улучшенія ихъ пищи и жизни вообще. Ежегодно весь Іюнь мѣсяцъ, всѣ роты стояли въ общемъ лагерѣ, что знакомило ихъ съ лагерною и пѣхотною службами, и смѣло могу сказать, что роты мнѣ ввѣренныя, кромѣ своей артиллеріи, могли стать на ряду съ лучшими пѣхотными войсками. Ежегодно дѣлалъ я смотры всѣмъ ротамъ: инспекторскій—весною, а строевой предъ выходомъ изъ лагеря, который заключался общимъ линейнымъ ученьемъ. Въ 1816 году пріѣзжалъ въ Орелъ инспектировать 2-ю кирасирскую дивизію князь Барклай-де-Толли. Онъ мои роты не смотрѣлъ, но видѣлъ караулы и хвалилъ выправку и знаніе порядка службы; заѣзжалъ въ госпиталь и спросилъ: «гдѣ же ваши больные?». Я донесъ, что теперь всего шесть человѣкъ и никогда болѣе десяти не бываетъ; онъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «мнѣ давно извѣстно, что ввѣряемыя вамъ части всегда содержались въ отличномъ порядкѣ». Вслѣдъ за фельдмаршаломъ проѣзжалъ Великій Князь Николай Павловичъ и смотрѣлъ только караулы и госпиталь, вездѣ былъ доволенъ и благодарилъ; но въ обратный проѣздъ Его Высочество сдѣлалъ мнѣ справедливое замѣчаніе, зачѣмъ я допустилъ красные султаны на музыкантахъ, тогда какъ оные въ артиллерію не положены. Въ Августѣ того же года пожаловалъ въ Орелъ Императоръ. Караулы въ городѣ, при квартирѣ и уборной Его Величества, содержались отъ артиллерійскихъ ротъ; на третій день были произведены маневры 2-ю кирасирскою дивизіею, при которыхъ мои роты, сформированныя въ 5 баталіоновъ, представляли пѣхоту. Люди понравились Государю, и Его Величество приказалъ выбрать изъ нихъ 60 человѣкъ,

24*

что̀ я исполнилъ по совѣсти и показалъ выбранныхъ въ квартирѣ Императора, гдѣ одного онъ назначилъ въ конную гвардію, а прочихъ приказалъ отправить въ гвардейскую артиллерію. Государь очевидно былъ всѣмъ доволенъ; но, гнѣваясь на меня истинно безвинно, не благодарилъ, какъ обыкновенно. Осенью пріѣзжалъ Вел. Князь Михаилъ Павловичъ; я встрѣтилъ его въ Борисоглѣбскѣ, за 50 верстъ. Его Высочество былъ очень милостивъ, на другой день смотрѣлъ артиллерію въ баталіонномъ ученьи, а на третій былъ у развода, изъявилъ за все свое удовольствіе и благодаря сказалъ: «твои роты лучше пѣхоты знаютъ фрунтовую службу». Предъ отъѣздомъ, Его Высочество смотрѣлъ лошадей, выбранныхъ Императоромъ въ гвардейскую артиллерію, распредѣлилъ ихъ поротно и приказалъ написать генералу Козену (тогдашнему инспектору гвардейской артиллеріи), что желаетъ, чтобы люди эти по теперешнему его назначенію были назначены въ роты. Въ 1817 году, до вояжа Государя, я посланъ былъ инспекторомъ въ Калугу, Бобруйскъ и Несвижъ для приведенія въ порядокъ тамошнихъ складовъ и артиллерійскихъ ротъ; но слава Богу, что Императоръ ихъ не смотрѣлъ, потому что все было въ ужасномъ хаосѣ. Въ 1818 году, весною, главнокомандующій Сакенъ осматривалъ 2-ю кирасирскую дивизію, былъ у моего развода, посѣщалъ госпиталь и за все объявилъ свою благодарность. (Въ этомъ же году возвратился изъ Франціи корпусъ графа Воронцова, а съ нимъ и 5-ть артиллерійскихъ парковъ, которые поступили въ мою команду и расположились въ Брянскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ). Вскорѣ послѣ его отъѣзда, я имѣлъ порученіе закупить 60,000 пудъ селитры, почему и объѣзжалъ губерніи Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую и Воронежскую, и вездѣ, для отклоненія отъ себя подозрѣній, составлялъ въ губернскихъ городахъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, изъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей, комитеты, посредствомъ которыхъ и купилъ селитру, въ сложности, четырьмя рублями на пудъ дешевле существовавшей цѣны. Операція эта была болѣе чѣмъ на милліонъ рублей; но я поступилъ честно и не могъ подѣлиться, а за то и спасиба не получилъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Орелъ графъ Аракчеевъ, и я ожидалъ его съ рапортомъ; онъ принялъ меня очень ласково наединѣ въ кабинетѣ, но ни слова не сказалъ о намѣреніи взять меня къ себѣ. 1819 же года, въ концѣ Марта, я получилъ высочайшій приказъ о назначеніи меня начальникомъ артиллеріи въ Новгородское военное поселеніе, а вмѣстѣ съ онымъ письмо графа, чтобы я скорѣе пріѣхалъ и прислалъ къ нему чрезъ того же фельдегеря записки о двухъ штабъ-офицерахъ и по пяти съ роты лучшихъ мастеровыхъ, для перевода оныхъ въ тоже поселеніе: первыхъ, для занятія должностей, а послѣднихъ для работъ. Коман-

диры ротъ, узнавъ о скоромъ моемъ отъѣздѣ, собрались въ Орлѣ и дали мнѣ на прощаньи довольно большой фейерверкъ и столь отличный, что такого, какъ говорили городскіе жители, собравшіеся на оный, никогда еще не видали; послѣ фейерверка пригласили они меня съ семействомъ къ себѣ на вечеръ, гдѣ все были артиллеристы; за ужиномъ пили мое здоровье и поднесли мнѣ на память серебряный кубокъ, который желаю, чтобы навсегда сохранился въ старшей нисходящей моей линіи, въ память того, что можно быть взыскательнымъ по службѣ, но не жестокимъ и что любовь подчиненныхъ пріобрѣтается справедливостью.

Апрѣля 10-го я сдалъ свою команду полковнику Брамсу и 13-го отправился въ Петербургъ; по прибытіи, на другой день представлялся графу Аракчееву; 28-го поѣхалъ въ поселеніе, гдѣ получилъ квартиру въ деревнѣ Коломнѣ, на лѣвомъ берегу Волхова, а 1-го Мая начались уже общія работы построенія каменныхъ штабовъ и деревянныхъ строеній для поселянъ, устройство дорогъ, бульваровъ, мостовъ и трубъ, что̀ и производилось ежедневно кромѣ Воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ команду мою поступило 9 резервныхъ, 3 парковыя роты, въ которыя по моему представленію дано для обученія 12 орудій съ лошадьми, и 4 коннорабочія команды, учрежденныя для перевозки матеріаловъ; а сверхъ того графъ поручилъ мнѣ главный надзоръ при построеніи двухъ поселенныхъ ротъ его полка. Въ концѣ Іюля пріѣзжалъ Государь, осматривалъ всѣ работы, былъ очень доволенъ, и въ первый разъ послѣ шести лѣтъ Его Величество удостоилъ меня своимъ разговоромъ.—При осмотрѣ моемъ въ ротѣ Ш. объявлено много претензій, что̀ заставило меня отрѣшить его отъ команды, а онъ, не сдавъ роты, уѣхалъ безъ позволенія къ себѣ въ деревню въ Екатеринославскую губернію; его привезли за карауломъ, графъ намѣревался предать его суду, и онъ навѣрно былъ бы солдатомъ; однакожъ я упросилъ графа смягчить заслуженное наказаніе отставкою и запрещеніемъ принимать въ службу. Октября 1-го окончены работы строевыми войсками, и я остался старшимъ въ поселеніи. По Субботамъ собирался у меня комитетъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ; они объявляли мнѣ свои надобности, которымъ я составлялъ общую записку и посылалъ въ Петербургъ къ графу; онъ возвращалъ ихъ съ резолюціею, и въ слѣдующую Субботу я могъ уже давать разрѣшенія, что̀ много ускоряло ходъ дѣлъ. 1820-го года 1-го Января поступили въ мою команду оба военно-рабочіе баталіона, № 5 и 7, съ дѣловыми дворами, въ которыхъ я нашелъ десятаго человѣка больнымъ, противъ чего немедленно принялъ строжайшія мѣры и представилъ графу, чтобы 1) для успокоенія совѣсти и поддержанія правилъ вѣры, позволить нижнимъ чинамъ держать всѣ посты и допустить говѣть въ

великій постъ, и 2) назначить отдыхъ отъ работъ на Сырной недѣлѣ 3 дни, для говѣнья недѣлю, на Страстной недѣлѣ 3 дни, и въ Пасху и Рождество по недѣлѣ. Графъ долго на это не соглашался, опасаясь большой остановки работъ, но я упросилъ его и, внушивъ солдатамъ, какъ велико сдѣланное имъ благодѣяніе, былъ вполнѣ вознагражденъ за мою о нихъ заботливость, которая придавала мастеровымъ охоту и усердіе къ ихъ занятіямъ. Въ Февралѣ изволилъ пріѣзжать Императоръ на нѣсколько часовъ, осматривалъ всѣ мои зимнія работы, былъ всѣмъ очень доволенъ, благодарилъ и, прощаясь, Его Величество сказалъ мнѣ: «я завидую тебѣ; ты живешь въ удаленіи отъ суеты мірской, въ кругу своего семейства; я желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ». Въ концѣ Апрѣля прибыли съ зимнихъ квартиръ въ округи поселенія строевыя войска и расположились на бивуакахъ, устроенныхъ ими собственными средствами, безъ расходовъ отъ казны, а 1-го Мая начали производить работы по росписанію. На что не способенъ Русскій солдатъ! Строевыя войска употреблялись не только во всѣ земляныя работы, къ вырубкѣ бревенъ и дровъ и прогону ихъ по рѣкамъ, но они же производили выдѣлку кирпича, выломку плиты, обжогъ оный на известь и рѣшительно всѣ плотничныя, пильныя, каменныя, печныя и щекатурныя работы, которыми и занимались по пяти дней въ каждую недѣлю, а по Субботамъ производили ученья и, по словамъ самого Императора, были по строевой части лучше войскъ въ арміи. Графъ Аракчеевъ поручилъ въ мою команду и полное распоряженіе: Свинорѣцкую вотчину, флотилію, состоящую изъ 3-хъ пароходовъ, 7-ми ботовъ и 30-ти семириковъ, употребляемыхъ для перевозки матеріаловъ, и всѣ работы по построенію въ полку короля Прусскаго, по выломкѣ плиты, по приготовленію извести и по перевозкамъ на лошадяхъ и на судахъ флотиліи, чѣмъ занятія мои распространялись до чрезвычайности; но графъ Аракчеевъ, желая воспользоваться моимъ усердіемъ и распорядительностію, давалъ мнѣ за то и всѣ средства къ успѣхамъ въ исполненіи. Работы въ полку графа подходили къ концу, почему онъ приказалъ отвести мнѣ просторную квартиру въ купленномъ господскомъ домѣ съ садомъ, куда я съ семействомъ переѣхалъ въ началѣ Іюня, а въ концѣ посѣтилъ поселеніе Государь. Проѣзжая по работамъ, Его Величество изволилъ заѣхать ко мнѣ; жена съ дѣтьми встрѣтила его у коляски. Императоръ подалъ ей руку и велъ до гостинной; старшая дочь поднесла ему чай, и Его Величество, выкушавъ чашку и пробывъ еще $1/4$ часа, изволилъ отправиться далѣе; а на другой день я получилъ отъ графа Аракчеева бумагу, что всѣ дѣти мои всемилостивѣйше приняты на счетъ Государя: дочери въ Екатерининскій институтъ, а сыновья въ Пажескій корпусъ. Въ Ноябрѣ графъ возложилъ на ме-

ня, сверхъ всѣхъ прежнихъ занятій, и заготовленіе бревенъ и дровъ для всего поселенія, которыхъ ежегодно требовалось первыхъ до 180,000, а дровъ до 12,000 кубическихъ саженъ. Въ Февралѣ 1821-го года я просилъ позволенія у графа отлучиться въ Петербургъ и получилъ собственноручное его слѣдующее распоряженіе: «Позволяется вашему превосходительству, не спрашиваясь, отъѣзжать во всякое время, куда захотите и на какое время пожелаете». Вѣроятно, позволенія такого никто никогда и ни отъ кого не имѣлъ, и оно доказываетъ неограниченную ко мнѣ довѣренность графа. Зима этого года была малоснѣжна, почему предъ вскрытіемъ водъ отправился я въ Рышевскую волость, чтобы подъ своимъ распоряженіемъ произвести по малымъ рѣкамъ сплавъ огромнаго количества бревенъ и дровъ; для сего прожилъ я тамъ три недѣли и успѣшно кончилъ эту операцію. 1-го Мая, строевыя войска, прибывъ въ поселеніе, вступили въ работы, а въ концѣ Іюня пріѣзжалъ Государь, пробылъ три дни и осматривалъ всѣ строенія и войска въ парадѣ; во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень доволенъ, изъявилъ всѣмъ совершенную благодарность и пожаловалъ мнѣ бриліантовую табакерку съ своимъ вензелемъ. Въ Ноябрѣ потребовалъ отъ меня графъ свѣдѣніе, сколько бревенъ и какихъ размѣровъ можно еще вырубить въ огромныхъ лѣсахъ Хубецкой и Рышевской волостей; я донесъ, что лѣса до того завалены, что я никакого даже приблизительнаго свѣдѣнія дать не могу. Меня потребовали въ Петербургъ, и графъ, хотя разсерженный, но принялъ чрезвычайно вѣжливо, самъ подвинулъ стулъ, посадилъ и началъ вымогать требуемое свѣдѣніе, говоря, что этого желаетъ Государь; но я остался непреклоннымъ, доказывая въ теченіи 2-хъ часовъ дѣйствительную невозможность дать удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ сего графъ подъ разными предлогами не принималъ меня двѣ недѣли, а когда я пріѣзжалъ чрезъ день, то всегда генералъ Клейнмихель спрашивалъ, не скучно ли мнѣ въ Петербургѣ одному, и хотя я дѣйствительно скучалъ, но зная, что спросы эти отъ графа, всегда говорилъ, что живу къ кругу родныхъ и знакомыхъ очень весело. Пріѣхавъ въ день Рождества, я просилъ адъютанта меня записать, но адъютантъ побѣжалъ и доложилъ графу, который принялъ меня весьма милостиво, нѣсколько разъ поцѣловался и сказалъ, что теперь дѣла до меня не имѣетъ и что я могу ѣхать; но ежели желаю, то могу прожить и въ столицѣ, сколько угодно. Конечно, я выбралъ первое и чрезъ часъ былъ уже въ дорогѣ и вскорѣ по прибытіи принялъ въ свое вѣдѣніе устроенные въ поселеніи паровой лѣсопильный заводъ и подъ Новгородомъ на Голандскій манеръ вѣтренную мукомольную о 4-хъ поставахъ мельницу, дѣйствіями которыхъ графъ по справедливости былъ недоволенъ, почему и поручилъ оные подъ мой надзоръ.

Въ концѣ Февраля 1822-го года я опять просилъ позволенія у графа отлучиться въ Петербургъ, и онъ написалъ слѣдующую резолюцію: «Ваше превосходительство имѣете позволеніе во всякое время ѣздить куда вамъ угодно; а потому если впредь пришлете подобное прошеніе, то оное останется безъ отвѣта», послѣ чего я уже не спрашиваясь всегда отъѣзжалъ, куда имѣлъ надобность. Въ Петербургѣ я представлялся Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, которые меня тотчасъ весьма милостиво приняли во внутреннихъ комнатахъ, а Его Высочество Михаилъ возилъ съ собой и показывалъ заведенное имъ артиллерійское училище. Послѣ столь ласковаго пріема всѣ гвардейскіе генералы, какъ это обыкновенно бываетъ, подходили ко мнѣ и искали моего знакомства.

Въ Апрѣлѣ я получилъ приказаніе графа принять въ свое вѣдѣніе въ Новгородѣ домъ бывшій вице-губернатора, купленный у полковника Акермана для помѣщенія чиновниковъ и перестроить оный въ путевой дворецъ для Государя, также пріискать и нанять квартиру для самого графа и отдѣлать ее немедленно, что̀ въ теченіе лѣта и было исполнено солдатами и казенными мастеровыми; даже вся мебель сдѣлана послѣдними, не только въ квартиру графа, но и въ цѣлый домъ, устроиваемый для пріѣзда Императора. По окончаніи построеній поселенныхъ ротъ въ полку графа Аракчеева, возложилъ онъ на меня начать въ текущемъ году построеніе ротъ въ саперномъ округѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ устройству корпусной квартиры изъ господскаго дома, купленнаго съ имѣніемъ у Михайлы Михайловича Сперанскаго. Кромѣ того, въ началѣ Іюня, графъ, объѣзжая со мною по округамъ работы, поручилъ мнѣ немедленно приступить къ построенію втораго лѣсопильнаго пароваго завода; ибо до 70,000 досокъ, выпиливаемыхъ въ годъ на первомъ, были для работъ весьма недостаточны, и съ устройствомъ при ономъ мукомольной о 4-хъ поставахъ мельницы; а въ Новгородѣ, осматривая флотилію, приказалъ заготовить лѣса и къ 1824-му году построить одинъ запасный пароходъ. Выслушавъ всѣ приказанія, я, усмѣхнувшись, сказалъ: «Ваше сіятельство, и теперь я едва успѣваю исполнять свои обязанности; боюсь, что буду неисправнымъ не отъ лѣни, а отъ недостатка времени», на что онъ отвѣчалъ: «мнѣ болѣе не кому поручать; знаю, что у тебя много занятій и тебѣ трудно, но за то люблю тебя и обхожусь съ тобою подружески». Въ Петровъ день изволилъ пріѣхать въ поселеніе Государь, пробылъ у насъ четыре дни, осматривалъ всѣ работы, ученья и парадъ войскъ, былъ очень милостивъ, благодарилъ всѣхъ и пожаловалъ мнѣ другую табакерку съ бриліантами и своимъ вензелемъ. Осенью и въ началѣ зимы въ свободное время я составлялъ по порученію полное положеніе дѣйствію лѣсопильныхъ паро-

выхъ заводовъ и въ Ноябрѣ представилъ оное графу, который безъ малѣйшей перемѣны положеніе это утвердилъ, приказалъ отпечатать и разослать къ руководству. Въ Декабрѣ занялся я увеличеніемъ дѣловаго двора, а особенно кузнечными и слѣсарными мастерскими; изъ 8-ми горновъ я устроилъ 24 и приказалъ пріучать мастеровыхъ къ приготовленію инструментовъ. Предпріятіе это пошло столь успѣшно, что въ 1824-мъ году поселеніе не имѣло надобности и половины суммы расходовать противъ прежняго на покупку инструментовъ для огромнаго числа рабочихъ, которыхъ въ лѣтнее время бывало болѣе 30,000 человѣкъ. Графъ особенно и дружески благодарилъ меня за это, а командира 5-го рабочаго баталіона, Евдокимова, по ходатайству моему представилъ въ маіоры, и онъ былъ произведенъ. Чтобы мастеровыхъ дѣловаго двора пріохотить къ мастерствамъ, я приказалъ назначать имъ работы на цѣлую недѣлю впередъ, съ тѣмъ, что если кто хорошо кончитъ свой урокъ ранѣе, то можетъ работать въ свою пользу. Въ цѣнѣ предоставлялось каждому договариваться по произволу, но вещь имъ сдѣланная не могла отдаваться прежде осмотра мастеровъ при командирѣ; хорошо сдѣланныя вещи мастеровой могъ отдавать тому, кто ему оныя заказывалъ, а худыя тутъ же подверглись сломкѣ. Средство это дало жителямъ довѣренность къ мастеровымъ, а они начали усовершенствоваться въ ремеслахъ. Общія работы 1823 года по обыкновенному порядку начаты 1-го Мая, а Государь для осмотра изволилъ пріѣзжать въ концѣ Іюня, былъ по всѣмъ частямъ доволенъ, благодарилъ и пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Владиміра 2-й степени со звѣздой.

Въ началѣ Іюля (1823 года) прислано ко мнѣ отъ графа новое положеніе о поселеніи артиллеріи съ надписью: «Государь Императоръ изволилъ читать и одобрить, но приказалъ препроводить къ г. маіору Эйлеру, съ тѣмъ чтобы составилъ подъ предсѣдательствомъ своимъ комитетъ изъ достойныхъ командировъ ротъ и, сдѣлавъ свои замѣчанія, представилъ положеніе это при особомъ своемъ мнѣніи. Я прочиталъ тетрадь положенія въ 1/2 дюйма толщиною и, по убѣжденію не соглашаясь ни съ однимъ параграфомъ, отложилъ оное до свиданія съ графомъ. Въ Августѣ назначенъ былъ отъѣздъ въ южное поселеніе Государя съ графомъ Аракчеевымъ, который управленіе своими дѣлами по всѣмъ поселеніямъ поручилъ г. маіору Бухмейеру, моему старинному знакомому и за отказомъ его потребовалъ меня въ Грузино, гдѣ встрѣтилъ меня словами: «Надѣюсь, что ты не откажешься и примешь почетное мѣсто управлять поселеніемъ вмѣсто меня». Я отвѣчалъ, что обязанности графа безъ сомнѣнія будутъ для каждаго затруднительны, но поставя себѣ за правило въ службѣ никогда не отго-

вариваться, принимаю мѣсто съ благодарностію и буду стараться оправдать лестную для меня его довѣренность». Послѣ сего я выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ уже приготовленную квартиру и на другой же день вступилъ въ управленіе дѣлами всего военнаго поселенія. Августа 3-го прибылъ графъ изъ Грузина прямо на Каменный Островъ, гдѣ жилъ Императоръ; на другой день я поѣхалъ къ нему съ докладомъ по дѣламъ, на кои желалъ имѣть его разрѣшеніе; онъ принялъ меня тотчасъ, былъ очень благосклоненъ, положилъ своею рукою всѣ резолюціи и оставилъ у себя обѣдать, а прощаясь спросилъ, скоро-ли я представлю свое мнѣніе на положеніе о поселеніи артиллеріи? Я отвѣчалъ: «оно утверждено Государемъ, и потому ожидаю приказанія привести въ исполненіе; мнѣніе же свое на высочайше одобренное положеніе писать не могу и тѣмъ болѣе, что убѣжденъ въ невозможности по оному дѣйствовать». Графъ: «Но Государь требуетъ, чтобъ ты сказалъ свои мысли и указалъ что̀ полагаешь необходимымъ перемѣнить и почему».—Я: «Въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ все положеніе отъ первой до послѣдней строки передѣлать». Графъ: «Это ужъ чрезъ чуръ много, но я спрошу Императора» и съ тѣмъ вмѣстѣ вышелъ, а возвратясь объявилъ: «Государь позволяетъ тебѣ положеніе передѣлать, но чтобы къ возвращенію Его Величества было представлено». Послѣ сего мы простились безъ малѣйшаго неудовольствія, а 7-го числа Императоръ и графъ выѣхали въ Чугуевъ.

При управленіи всѣми военными поселеніями я не находилъ никакого затрудненія. Штабъ имѣлъ отличныхъ чиновниковъ; а дѣла̀, требующія непосредственнаго разрѣшенія Императора, я отправлялъ съ еженедѣльнымъ фельдегеремъ къ графу, который оныя докладывалъ и въ скорости возвращалъ съ полными резолюціями. Въ свободное время я занимался составленіемъ новаго положенія о поселеніи артиллеріи; подполковникъ Батенковъ *) мнѣ помогалъ, а въ Ноябрѣ оно было совершенно готово. На переѣздъ въ Петербургъ пожаловалъ мнѣ Государь три тысячи рублей ассигнаціями; въ концѣ Августа пріѣхала ко мнѣ жена съ семействомъ, и мы прожили въ столицѣ четыре мѣсяца весьма пріятно. Въ продолженіе этого времени я три раза объѣзжалъ всѣ округа военнаго Новгородскаго поселенія, чтобы сохранить порядокъ, заведенный графомъ, и хорошо дѣлалъ, потому что въ первый объѣздъ нашелъ уже большіе безпорядки; но строгость взысканія заставила всѣхъ исполнять по прежнему свои обязанности. Въ половинѣ Декабря возвратился графъ и очень благодарилъ словесно и приказомъ за исправное

*) Гавріилъ Степановичъ, позднѣе замѣшанный въ дѣло 14 Декабря и высѣдившій 20 лѣтъ въ Петропавловской крѣпости. П. Б.

управленіе всѣмъ поселеніемъ, но однажды за обѣдомъ отозвался: «Я тебя очень люблю и почитаю, и всѣми твоими распоряженіями чрезвычайно доволенъ, но желалъ, чтобы ты былъ построже и побολѣе сажалъ на гауптвахты», на что я отвѣчалъ, что аресты должны быть моральнымъ наказаніемъ, чувствительнымъ для благороднаго человѣка; отъ частаго же арестованія за малые проступки они потеряютъ свою важность въ наказаніи, и тогда уже будетъ необходимо обратить ихъ въ физическое оштрафованіе. Графъ хотя на это не согласился, но и пересталъ оспаривать мои мнѣнія и правила о арестахъ. Вскорѣ послѣ сего онъ прочиталъ со мною составленное мною же положеніе и сказалъ: «Я, братецъ, совершенно согласенъ съ тобою, но Государь навѣрное будетъ держаться прежняго», на что я отвѣчалъ, что «воля Его Императорскаго Величества будетъ свято исполнена, Государю стоитъ только приказать, и если ему угодно, я же самъ буду все приводить въ исполненіе; но когда меня удостоиваетъ и спрашиваетъ моего мнѣнія, то считаю святою обязанностію сказать свои мысли чистосердечно и добросовѣстно». Послѣ сего чрезъ нѣсколько дней я простился съ графомъ и отправился съ семействомъ къ прежней своей должности въ Новгородское поселеніе.

Въ Февралѣ 1824 года графъ Аракчеевъ прислалъ ко мнѣ составленные архитекторомъ Стасовымъ и утвержденные чертежи гошпиталю и предписывалъ по онымъ построить таковой же въ Новгородѣ; но я, усмотрѣвъ, что деревянное это строеніе должно имѣть палаты въ 12 саженъ длины, въ 7 широты и въ три высоты, донесъ, что я за возведеніе подобнаго гошпиталя не берусь, потому что предвижу его разрушеніе и вѣроятно даже до введенія больныхъ, послѣ чего графъ поручилъ строеніе самому Стасову, а мнѣ приказалъ только вывести фундаментъ; но я и отъ того отказался, донося по истинной увѣренности, что строеніе непремѣнно упадетъ, почему возведеніе гошпиталя по проэкту Стасова и было совершенно отмѣнено. Вслѣдъ за тѣмъ графъ поручилъ мнѣ перестройку каменнаго путеваго дворца въ Новгородѣ для помѣщенія въ ономъ корпуснаго командира гренадерскаго корпуса со всѣмъ его штабомъ. Постройка поселенныхъ ротъ въ полку короля Прусскаго приходила уже къ концу, а потому графъ назначилъ мнѣ квартиру въ Новгородѣ, въ домѣ Корбоцкаго, но на лѣто, дабы быть ближе къ работамъ, приказалъ переѣхать въ 47-ю роту. Въ концѣ Іюня изволилъ пріѣзжать Государь, пробылъ въ поселеніи 4 дни, смотрѣлъ всѣ работы и войска въ ученьѣ и парадѣ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ всѣмъ доволенъ, благодарилъ за большой успѣхъ въ строеніяхъ и за хорошее состояніе войскъ и пожаловалъ мнѣ орденъ Св. Анны 1-ой степени. Въ Іюлѣ прислано

ко мнѣ вновь положеніе о поселеніи артиллеріи, которое, мною составленное, Государь собственноручно отъ начала до конца переправилъ и изволилъ приказать, чтобы я, не касаясь общаго плана, изложилъ свое мнѣніе по параграфамъ, что̀ мною и было исполнено въ Августѣ и отдано графу, при чемъ онъ мнѣ сказалъ: «Ты право прекрасный человѣкъ, братецъ, но упрямъ; посмотрю я, чѣмъ споръ твой здѣсь кончится». Здѣсь у мѣста будетъ сказать, что часто многіе достойные люди, одобряя непреклонность моихъ убѣжденій въ дѣлахъ дѣйствительно безполезныхъ и даже вредныхъ государству, или, какъ просто называли иные, упрямство, проистекающее впрочемъ изъ чистѣйшаго источника (какъ-то: опыта, настоящей увѣренности и храненія пользъ моего отечества), увѣряли меня, что это, какъ и высказанная иногда слишкомъ правда, заграждали будто бы мнѣ путь къ бо̀льшимъ почестямъ, за которыми другіе такъ гоняются и всѣмъ жертвуютъ; но я откровенно здѣсь признаюсь, что я никогда ихъ не добивался, хотя по заслугамъ своимъ могъ имѣть на нихъ право. Всегда, больше и прежде всего, я любилъ истину, служилъ вѣрой и правдой для того, чтобъ дѣйствительно быть полезнымъ государству, хотя много, много на своемъ вѣку претерпѣлъ несправедливостей и даже притѣсненій и которыя единственно по нуждѣ, не имѣя никакого состоянія для содержанія милаго, дорогаго моего семейства, долженъ былъ переносить съ большою горечью. Но, не смотря на это, какъ видно изъ записокъ моихъ, никакія почести въ мірѣ никогда не склонили бы меня предпочесть ихъ всегдашней, спокойной моей совѣсти и истинному сознанію въ святомъ исполненіи всѣхъ обязанностей каждаго вѣрнаго подданнаго и благороднаго человѣка, что̀ всегда составляло большую отраду въ моей жизни и радовало меня болѣе всѣхъ получаемыхъ наградъ. Въ Октябрѣ переѣхалъ я съ семействомъ на житье въ Новгородъ, гдѣ, познакомясь почти со всѣми хорошими домами, жили пріятно и проводили время весьма хорошо.

Работы свои объѣзжалъ я три и четыре раза въ недѣлю. Любимый экипажъ мой были сани или дрожки въ три лошади, на которыхъ отправлялся всегда въ шесть часовъ утра и, осмотрѣвъ большое число работъ, на протяженіи отъ 60 до 80 верстъ, возвращался домой къ обѣду въ 4 или 5 часовъ; при семъ долженъ сказать, что Обвинскія лошади суть единственныя для подобной ѣзды, которыя безъ устали и изнуренія дѣлаютъ въ часъ отъ 16-ти до 20-ти верстъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Новгородъ Государь, котораго мы ожидали цѣлый день; но Его Величество прибылъ поздно вечеромъ и на утро отправился въ Петербургъ. При этомъ я до того простудился, что выдержалъ ужасную болѣзнь воспаленія въ кишкахъ; милостію Божіею, искусство славнаго доктора Соколов-

скаго спасло меня, но едва чрезъ два мѣсяца я оправился и могъ выѣзжать. По окончаніи въ 1824 году работъ по построенію ротъ въ округахъ короля Прусскаго и саперномъ, по отдѣлкѣ лѣтней корпусной квартиры и возведеніи новаго лѣсопильнаго пароваго завода, графъ поручилъ мнѣ еще всѣ работы въ округѣ императора Австрійскаго полка и отдалъ въ мою команду 10-й военно-рабочій баталіонъ, расположенный въ Старой Русѣ. Въ началѣ Марта 1825 года пріѣхалъ графъ въ Новгородъ и тотчасъ прислалъ звать меня къ обѣду, послѣ котораго по обыкновенію, не отдохнувъ, приступилъ онъ со мною къ разсмотрѣнію вновь исправленнаго Государемъ положенія о поселеніи артиллеріи. Г-нъ Самбурскій читалъ оное, графъ послѣ прочтеніи каждаго параграфа защищалъ мнѣніе Государя, а я объяснялъ, что готовъ свято исполнить волю Монарха, но опровергалъ постановляемыя правила какъ неудобныя или даже невозможныя къ исполненію. Споръ нашъ продолжался отъ 4-хъ часовъ и почти до 11-ти; я напомнилъ графу время и что онъ себя слишкомъ изнуряетъ; на что онъ отвѣчалъ: «я, братецъ, съ тобою во всемъ согласенъ; но Императоръ поручилъ мнѣ убѣдить тебя въ его предположеніяхъ, ибо желаетъ, чтобъ ты подписалъ положеніе». Я повторилъ опять, что совершенно готовъ исполнять приказаніе Его Величества, но подписать положенія не могу по причинамъ, мною изложеннымъ въ особомъ мнѣніи; если же вашему сіятельству угодно будетъ позволить мнѣ при подпискѣ сказать, что это дѣлается только для опыта и по правиламъ предначертаннымъ собственно Императоромъ, то я исполню волю Монарха и ваше желаніе. Графъ сперва согласился на это, но на другой день, по утру въ шесть часовъ, уѣхавъ въ Старую Русу, прислалъ ко мнѣ г-на Самбурскаго сказать, что припиской по моему желанію Государь не будетъ доволенъ, а потому допустить оной не можетъ, на что я отвѣчалъ, что безъ этой оговорки никогда не рѣшусь подписывать положенія невозможнаго исполнить, и потому просилъ послѣ переписки ко мнѣ и не присылать. Важнѣйшее это происшествіе въ моей жизни едва ли случалось съ кѣмъ нибудь, и примѣчательно вопервыхъ тѣмъ, что $2\frac{1}{2}$ года я рѣшался опровергать мнѣніе самодержавнаго великаго Государя, который хотя не соглашался со мною, но при всемъ томъ что Коростынская волость была уже принята подъ поселеніе артиллеріи и положеніе сему поселенію одобрено, артиллерія однако во все остальное царствованіе Александра, т. е. въ теченіе $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, не была поселена; а во вторыхъ, что въ эти $2\frac{1}{2}$ года оспариваній, Императоръ особенно хорошо былъ ко мнѣ расположенъ и чрезвычайно милостивъ, и въ это короткое время въ награду за ревностную, полезную службу мою, пожаловалъ мнѣ три звѣзды: Владимірскую, Анненскую и такую же

съ брилліантами, что служитъ доказательствомъ справедливости и великости души и ума Александра Благословеннаго, котораго природа наградила всѣми своими дарами въ высшей степени. По обыкновенію Государь изволилъ пріѣзжать въ поселеніе въ концѣ Іюня и, пробылъ въ округахъ 5 дней, осматривалъ всѣ работы, ученья и парады. Артиллеристы мои при орудіяхъ и дивизіонами въ 73 ряда прошли отлично, и за успѣшность работъ Императоръ благодарилъ меня лично и приказомъ и всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1 степени. Такъ и теперь, какъ ежегодно, во время высочайшаго пребыванія въ округахъ поселенія, я всякій день имѣлъ счастіе обѣдать у Государя; какъ и всегда, онъ былъ весьма благосклоненъ, распрашивалъ по многимъ предметамъ, но никогда не касался поселенія артиллеріи. Окончивши смотры, Императоръ ночевалъ въ Новгородѣ, въ домѣ собственно для него казенными мастеровыми отстроенномъ, и много благодарилъ меня за чистоту въ отдѣлкѣ; на другой день, по утру въ четыре часа, изволилъ ѣздить на моемъ катерѣ въ Юрьевъ монастырь, гдѣ слушалъ только съ графомъ раннюю обѣдню, а потомъ наединѣ бесѣдовалъ съ тамошнимъ архимандритомъ Фотіемъ около часа, въ 10 часовъ вернулся въ Новгородъ и вскорѣ отправился въ Петербургъ. Прощаясь съ Его Величествомъ, я здѣсь въ послѣдній разъ имѣлъ счастіе видѣть возлюбленнаго Благословеннаго Монарха. Лѣто протекло въ обыкновенныхъ занятіяхъ. 9 Сентября назначилъ мнѣ графъ ожидать его у парома чрезъ Волховъ и, явясь въ опредѣленный часъ, мы поѣхали на моихъ дрожкахъ въ штабъ императора Австрійскаго. Дорогою разсказалъ мнѣ графъ случившееся происшествіе въ Могилевскомъ поселеніи между генераломъ Клейнмихелемъ и подполковникомъ Гинцелемъ. Осмотрѣвъ работы, онъ много меня благодарилъ и чрезвычайно ласково распростился, а 11 Сентября получилъ я отъ него вдругъ, ничего не зная, повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Происшествіе, случившееся въ селѣ моемъ Грузинѣ, лишило меня всѣхъ способностей. Предписываю вашему превосходительству немедленно вступить въ командованіе корпусомъ и всѣми военными поселеніями, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ донесъ Государю Императору». Узнавъ подробно о семъ происшествіи, я тотчасъ послалъ къ графу записку и просилъ позволенія явиться къ нему, но не былъ принятъ по причинѣ сильнаго разстройства. Поселеніе учреждалось уже девять лѣтъ по собственному предначертанію Государя, а графъ Аракчеевъ, имѣя бланки, былъ исполнитель самовластный и именемъ Императора разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія, слѣдовательно вступить въ его обязанности была должность выше силъ каждаго, особенно въ отсутствіе Государя, которому я донесъ о предписаніи мнѣ графомъ, но въ

отвѣтъ получилъ только записку Дибича, что Императоръ докладъ мой изволилъ читать въ Таганрогѣ. Въ послѣдней трети каждаго года собирались отъ всѣхъ военныхъ поселеній отчеты о произведенныхъ работахъ и продовольствіи, составлялись общія смѣты и доклады для представленія Государю, чрезъ Комитетъ Министровъ, и дѣлались распоряженія по всѣмъ предметамъ къ будущему году; слѣдовательно время моего вступленія было самое трудное: надо было производить торги и дѣлать покупки на огромныя суммы, а разрѣшеніе испрашивать у самого Императора, потому что военное поселеніе не подчинялось не только министру, но и ни одному высшему государственному управленію. Для сего я отправилъ фельдъегеря въ Таганрогъ къ Государю съ докладами, которые безъ всякой резолюціи возвращены мнѣ Дибичемъ при запискѣ, что Императоръ изволилъ ихъ читать, что̀ поставило меня въ ужасное положеніе. По общимъ правиламъ, безъ разрѣшенія Его Величества, я не имѣлъ права ничего приводить въ исполненіе, и равномѣрно не имѣлъ власти объявлять высочайшую волю, а между тѣмъ, не сдѣлавши этого, предвидѣлъ, что отъ сего все устройство военнаго поселенія должно въ предстоящемъ году остановиться. Необходимость заставила меня принять на себя власть мнѣ неприсвоенную, и я надписалъ на всѣхъ докладахъ своеручно: «Государь Императоръ изволилъ читать это представленіе въ Таганрогѣ и одобрить», т. е. сдѣлалъ тоже что̀ исполнялъ графъ, и передалъ всѣ доклады при предписаніяхъ въ экономическій комитетъ, который по онымъ дѣйствовалъ. Все пошло въ прежнемъ порядкѣ, и управленіе мое кончилось благополучно, безъ малѣйшаго притязанія съ чьей либо стороны и къ совершенному удовольствію графа; но на это немногіе бы рѣшились, а чтобы рѣшиться такъ смѣло, надо было очень знать дѣла.

Живя въ Петербургѣ, я еженедѣльно навѣщалъ дочерей моихъ въ Екатерининскомъ Институтѣ и, пріѣхавъ туда 26-го Ноября, нашелъ всѣхъ дѣвицъ горько плачущихъ; вдовствующая Императрица была у нихъ во время обѣда, объявила объ усиливающейся болѣзни Государя и просила ихъ молиться за него Богу; институтки возвращались тогда отъ молебна, и дѣтскія лица ихъ показывали, съ какимъ усердіемъ онѣ просили Всемогущаго о выздоровленіи возлюбленнаго Монарха. Въ городѣ же, 27-го Ноября поутру, назначенъ былъ въ Невскомъ монастырѣ общій молебенъ, который едва успѣли начать, какъ прискакалъ фельдъегерь съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Благословеннаго, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19-го Ноября, въ 10-ть часовъ утра, и весь Петербургъ погрузился въ печаль. Я былъ тогда въ штабѣ и до 3-хъ часовъ ожидалъ, что ко мнѣ пришлютъ о семъ объявленіе и распоряженіе къ

приведенію къ присягѣ войскъ и поселянъ болѣе 200,000; но тщетно. Пообѣдавши, я поѣхалъ въ 5 часовъ къ военному министру Татищеву, который повстрѣчался со мною на лѣстницѣ и на спросъ мой отвѣчалъ: «Государь точно скончался, присягните Константину Павловичу», на что я доложилъ, что у меня въ командѣ самый большой корпусъ, и что на словахъ я этого сдѣлать не могу. Послѣ сего онъ опомнился и, объявя, что ѣдетъ сейчасъ въ Государственный Совѣтъ, просилъ прибыть къ нему въ 9-ть часовъ вечера для полученія предписанія. Въ назначенный часъ я уже былъ у Татищева, но онъ еще не возвращался; тутъ дожидался также Измайловскаго полка адъютантъ расположеннаго въ Петергофѣ баталіона, который, по повелѣнію полка, собрался на площадь для принесенія присяги, но разогнанъ комендантомъ, не имѣвшимъ еще по сему предмету никакого приказанія. Въ 10 часовъ пріѣхалъ министръ и только въ 11 отпустилъ адъютанта; я остался съ нимъ въ кабинетѣ. Старикъ уже почти спалъ; когда пробило 12, я всталъ и просилъ поскорѣе прислать повелѣніе; онъ обѣщалъ, что получу въ слѣдъ, а я заѣхалъ въ штабъ, распустилъ всѣхъ чиновниковъ и отправился домой. Ноября 28-го поутру въ 5-ть часовъ, я прибылъ въ штабъ; 4 фельдъегеря были готовы для отправленія, но бумаги отъ министра еще не было. По указу же Сената, за подписью только оберъ-секретаря, о восшествіи на престолъ Константина Павловича я не рѣшился дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ, особенно при бывшемъ постановленіи въ Совѣтѣ, что указы эти должны быть за подписью двухъ сенаторовъ, почему адъютанта своего, подполковника Броневскаго, послалъ къ министру и строго приказалъ преслѣдовать его повсюду, пока не получитъ письменнаго ко мнѣ предписанія, что̀ было, можетъ быть, дерзко, но необходимо; потому что и этимъ средствомъ я получилъ предписаніе только въ 12-ть часовъ, и къ 2 мъ часамъ отправилъ фельдегерей съ рапортомъ къ Государю въ Варшаву, съ донесеніемъ къ графу Аракчееву и съ предписаніями о приведеніи къ присягѣ: корпусному командиру графу Витте, отряднымъ начальникамъ: Ешену, Яфимовичу, Угрюмову и Маевскому и въ артиллерію. Исполнивъ всѣ эти распоряженія, я со всѣми генералами и чиновниками штаба военныхъ поселеній отправился въ Сергіевскій соборъ, гдѣ и принесли мы присягу новому Государю, при чемъ я искренно благодарилъ Бога, что все произошло благополучно.

Декабря 6-го пріѣхалъ въ Петербургъ графъ Аракчеевъ и 7-го вступилъ въ командованіе военнымъ поселеніемъ; 8-го я отправился въ Новгородъ къ своему семейству и въ скорости получилъ отъ графа благодарность за исправное командованіе и хорошія распоряженія по всѣмъ частямъ военнаго поселенія. Декабря 14-го по-

лучено вторичное отреченіе Константина Павловича; Императоръ Николай І-й вступилъ на престолъ, и вскорѣ послѣ Рождества пріѣзжалъ на короткое время въ поселеніе.

Генваря 1-го 1826-го года было большое производство, по коему я однако былъ обойденъ, что̀ дѣйствительно меня огорчило; потому что если послѣ командованія два раза всѣмъ поселеннымъ корпусомъ (за что оба раза получалъ благодарность) я могъ быть обойденъ, то не долженъ быть вовсе терпимъ въ службѣ, а потому и просилъ графа исходатайствовать мнѣ увольненіе; но вмѣсто онаго, графъ прислалъ ко мнѣ подполковника Брадке 28-го Января съ печатнымъ приказомъ и поздравленіемъ меня съ производствомъ того же дня въ генералъ-лейтенанты. Въ Февралѣ я получилъ повелѣніе графа быть оберъ-церемоніймейстеромъ во время прослѣдованія кортежа чрезъ Новгородъ съ тѣломъ блаженной памяти Императора Александра; ко мнѣ прислали архитектора Стасова съ рисунками и всѣми нужными вещами, и мы тотчасъ приступили къ траурному украшенію теплаго собора и устройству въономъ катафалка. Къ 18 му числу работы были кончены, а 19-го пріѣхалъ графъ, поручилъ мнѣ по данному плану написать весь церемоніалъ, который, утвердивъ, послалъ къ Государю и назначилъ произвести репетицію всему шествію. Февраля 23-го въ 10 часовъ утра я устроилъ весь церемоніалъ, а въ 11-ть прибылъ къ заставѣ Новгорода кортежъ съ тѣломъ Благословеннаго, и шествіе началось съ большимъ благочиніемъ и великолѣпіемъ; противъ каждой церкви кортежъ останавливался, и служили литію. Въ 12-ть прибыли къ собору и внесли тѣло на катафалкъ, освѣщенный 1,000 свѣчами; тутъ началась обѣдня, общая панихида, и архимандритъ говорилъ похвальное слово; въ 3 часа начались панихиды порознь всѣхъ монастырей и всѣхъ сословій и продолжались до 9 ч. вечера, послѣ чего я началъ впускать въ соборъ желающихъ проститься съ покойнымъ Императоромъ, что̀ продолжалось всю ночь по причинѣ чрезвычайнаго множества народа; въ 1-мъ часу по полуночи пріѣхалъ графъ и сказалъ мнѣ: «Я пробуду за тебя часъ, поѣзжай домой и отдохни», что̀ мнѣ было необходимо, потому что отъ истощенія и изнуренія едва могъ шевелиться и съ трудомъ выдержалъ трудные эти для меня сутки. На слѣдующее утро опять всѣ собрались въ соборъ и отслужили общую панихиду; артиллеристы, по моей просьбѣ, вынесли гробъ, и шествіе началось въ прежнемъ порядкѣ; у Духова монастыря служили послѣднюю литію. Графъ въ черной мантіи и траурной шляпѣ сѣлъ на колесницу и провожалъ тѣло до Царскаго Села.

Въ Маѣ графъ получилъ отпускъ за границу и прощался со мною очень пріятельски. Здѣсь будетъ у мѣста сказать, что графъ Аракчеевъ хотя не имѣлъ надлежащаго обширнаго образованія, но

былъ весьма свѣдущъ во всѣхъ математическихъ наукахъ, имѣлъ склонность къ жестокости, но только въ первомъ пылу сердца, любилъ до крайности чистоту и опрятность, обладалъ умомъ и способностями необыкновенно высокими, постигалъ тотчасъ самые отвлеченные предметы, а рѣшенія его всегда были правильны; словомъ, графъ Аракчеевъ былъ истинно великій государственный человѣкъ и неутомимый въ дѣлахъ; два Императора его любили и почитали его достоинства. Благословенный всегда называлъ графа другомъ и ввѣрялъ ему рѣшительно всѣ дѣла по управленію огромнѣйшимъ государствомъ. Наградъ орденами, деньгами и никакихъ другихъ онъ не принималъ кромѣ тѣхъ, которыхъ никто не имѣлъ и которыя собственно для него придумывалъ Государь. Безъ сомнѣнія графъ удержался бы и послѣ, если бы не сдѣлалъ ошибки *), которою съ радостью воспользовалось огромное число его враговъ и завистниковъ, и оттерли его совершенно, лишивъ такимъ образомъ Россію одного изъ лучшихъ ея гражданъ, дѣятельнѣйшаго и справедливѣйшаго ея заступника предъ престоломъ Монарха. Повторяю, графъ имѣлъ только одно дурное качество чрезвычайной строгости и даже жестокости; но окружающіе всегда могли оную умѣрять до доброты, въ доказательство чего приведу, что графъ Аракчеевъ изъ моихъ подчиненныхъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ, а многимъ и очень многимъ оказалъ большія милости.

Въ концѣ Іюля посѣтили округъ полка графа Аракчеева Императоръ и Императрица, ѣхавшіе въ Москву на коронацію. Въ числѣ милостей при коронаціи пожалована и мнѣ аренда въ 2,000 рубл. серебромъ; я избралъ въ Курляндіи мызу Узингенъ съ платою 1,498 рублей кварты и долженъ былъ вступить во владѣніе съ Иванова дня 1829 года. Награда эта, какъ говорили мнѣ, была назначена покойнымъ Государемъ и по состоянію моему была мнѣ самая полезная. Въ это же лѣто проходилъ чрезъ Новгородъ кортежъ съ тѣломъ блаженной памяти Императрицы Елисаветы Алексѣевны; въ парадѣ участвовалъ только полкъ императора Австрійскаго, поставленный шпалерою; я несъ чрезъ городъ императорскую корону, и соборъ былъ убранъ также какъ при церемоніалѣ покойнаго Императора. Около половины Сентября поджидали изъ Москвы возвращенія императорской фамиліи, для которой и была приготовлена квартира въ штабѣ полка короля Прусскаго. Въ день, назначенный для пріѣзда Ихъ Величествъ, я получилъ высочайшее повелѣніе слѣдующему въ свитѣ Императрицы, принцу Гессенъ-Гомбургскому показать все любопытное въ поселеніи, почему я поспѣшилъ въ

*) Сколько намъ извѣстно, ошибка эта состояла въ томъ, что, отправившись въ чужіе краи въ отпускъ, графъ Аракчеевъ напечаталъ письма къ нему покойнаго Государя, не испросивъ на то разрѣшенія Государя Николая Павловича. П. Б.

штабъ, а въ 9 часовъ утра пріѣхалъ принцъ, съ которымъ и обошли всѣ строенія и заведенія штаба; послѣ присутствованія принца при разводѣ мы поѣхали по округу и на лѣсопильный паровой заводъ, откуда возвратившись обѣдали и отправились по округу въ штабъ полка графа Аракчеева, гдѣ обошли также всѣ заведенія. Принцъ, разсуждая о поселеніи, между прочимъ весьма справедливо сказалъ, что заведеніе это столь огромно и ново, «что о пользѣ или вредѣ онаго можетъ судить правильно только будущая генерація»; но буйный народъ поселенія рѣшилъ задачу гораздо ранѣе. Возвратившись въ 7 часовъ вечера, мы узнали, что Императрица уже пріѣхала, куда я тотчасъ пошелъ и просилъ графа Модена доложить при выходѣ Государынѣ, что не имѣлъ счастія встрѣтить Ея Величество только потому, что по высочайшей волѣ объѣзжалъ съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ два округа поселенія, послѣ чего ушелъ къ прочимъ генераламъ, дожидавшимъ Государя. Чрезъ пять минутъ прислала за мной Императрица, приняла весьма благосклонно, хвалила много дочь мою, всемилостивѣйше взятую во фрейлины, говорила, что она прекрасна собой, но на меня вовсе не похожа, много смѣялась, когда я увѣрялъ, что въ свое время самъ былъ очень красивъ и пригласила остаться на вечерѣ. Разговоръ все время былъ самый пріятный и веселый, который поддерживала сама Государыня, требовала толкованія о происхожденіи многихъ Русскихъ словъ и спрашивала меня, какъ приходится мнѣ въ родню великій Эйлеръ. На другой день я проводилъ Государыню до станціи Подберезья и на возвратномъ пути встрѣтилъ Государя, который, спросивъ меня, гдѣ Императрица, поскакалъ въ слѣдъ и прокричалъ мнѣ: «Прощай, Эйлеръ».

Въ концѣ сего года назначенъ былъ начальникомъ всѣхъ военныхъ поселеній графъ Петръ Толстой, человѣкъ умный; но графа Аракчеева замѣнить было трудно. 1827 года 1-го Генваря послѣдовало преобразованіе военнаго поселенія; поселенные баталіоны расформировали, оружіе отобрали, а одежду вмѣсто строевой постановили имѣть поселянамъ собственную сѣраго сукна по образцу казачьей и позволили носить имъ бороды; но они не удовольствовались этими милостями и хотѣли совершеннаго возвращенія прежняго ихъ быта. Въ это же время устроено за Старою Русою поселеніе гренадерской артиллеріи, существовавшее только до 1831 года. Работы моего вѣдѣнія были уже большею частію кончены, и оставались только въ Новгородѣ и въ полку императора Австрійскаго; сверхъ того состояло тогда въ моей командѣ 15-ть артиллерійскихъ ротъ, 3 рабочіе баталіона, 5 рабочихъ командъ для перевозокъ съ 360-ю лошадьми, вся флотилія съ экипажемъ, плитной притомъ въ Коростынѣ, Свинорѣцкая волость, паро-пильные заво-

ды и приготовленіе извести. Въ зиму этого же года я короче познакомился съ графиней Орловой-Чесменской; она всегда принимала меня чрезвычайно радушно, почему я почти еженедѣльно ее навѣщалъ и у нея сошелся съ архимандритомъ Фотіемъ. Онъ былъ мало образованъ, но имѣлъ много природнаго ума, былъ фанатикъ въ высшей степени, часто толковалъ о явленіяхъ ему ночью и любилъ предсказывать будущее, былъ добръ и благотворителенъ, и графиня также чрезъ него много дѣлала милостей Новгородцамъ. Въ Іюлѣ 1828 года проѣзжалъ Императоръ, объѣхалъ всѣ округа, былъ доволенъ успѣхами работъ и подарилъ мнѣ кварту моей аренды на 12-ть лѣтъ, составляющую ежегодно 1498 рубл. сер., что при состояніи моемъ и большомъ моемъ семействѣ было мнѣ лучшею наградою.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, обѣдая въ Юрьевомъ монастырѣ у графини Орловой, слышалъ я, какъ сожалѣла она, что не можетъ устроить постоянной дороги въ монастырь, которая бы служила сообщеніемъ съ городомъ и во время весьма долгаго до половины лѣта продолжающагося разлива рѣки Волхова, и что не прощаетъ себѣ, что когда графъ Аракчеевъ присылалъ туда офицера, который составилъ смѣту на построеніе всей дороги въ 80 тыс. рублей ассигнаціями, она не рѣшилась тогда пожертвовать этой суммой. Я возразилъ, что сколько мнѣ извѣстно, то для устроенія дороги нужно прорыть одну гору и сдѣлать насыпи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 3-хъ саженъ, но на протяженіи не болѣе 2-хъ верстъ, и посему не можетъ понадобиться на то столь огромная сумма; впрочемъ для подробнаго ей объясненія обѣщалъ приказать проневилировать мѣсто, узнать достовѣрно самое большое возвышеніе водъ Волхова и составить смѣту, за что графиня и Фотій меня очень благодарили. Въ началѣ Сентября всѣ нужныя свѣдѣнія были собраны, и смѣта составлена; я поѣхалъ къ графинѣ и доложилъ ей, что дорога въ ширину 2-хъ саженъ, какъ она сама назначила, будетъ стоить менѣе 25,000 рублей ассигнаціями, и что если ей угодно, то распоряженіе и надзоръ за работами я принимаю съ удовольствіемъ на себя, но чтобы выдача денегъ рабочимъ и за матеріалы была производима по распоряженію отца Фотія. Долго упрашивали они меня оба принять и это на себя, но я рѣшительно отказался отъ распоряженія деньгами, и они, наконецъ, видя мою непреклонность, согласились на мое предложеніе. Осенью же было приступлено къ сдѣланію насыпей и построенію трехъ мостовъ; вольнорабочіе, видя устроенный мною порядокъ и поспѣшную выдачу платы, бросали другія работы и являлись сюда въ большомъ числѣ, гдѣ плата была установлена мною безъ натяжки, по цѣлковому съ кубической сажени. Къ Сентябрю 1829 года насыпи и мосты были совершенно

готовы, а камень, заготовленный зимою, разбитъ въ щебенку, которую въ Сентябрѣ развезли по полотну, усыпали пескомъ и утрамбовали, а съ Октября пустили ѣзду. Графиня и Фотій чрезвычайно были довольны и искренно меня благодарили. Дорога эта, въ двѣ версты длиною съ отдѣлкою шоссе, обошлась графинѣ всего въ 22,000 рубл. ассигнаціями.

Въ Рождество, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, я поѣхалъ къ обѣднѣ въ Юрьевъ монастырь, чтобы быть въ теплой церкви и поздравить графиню; по окончаніи службы, она подошла къ кресту, а за нею и я, и хотя примѣтилъ колебаніе Фотія, но не постигалъ причины, обернувшись же послѣ увидѣлъ за собою графа Аракчеева, отворачивающагося отъ меня. Онъ незамѣтно вышелъ изъ придѣла и самъ сталъ за мною, а между тѣмъ показывалъ неудовольствіе, зачѣмъ я приложился къ кресту прежде его. Послѣ службы мы всѣ пошли въ келью Фотія, гдѣ я тотчасъ извинился предъ графомъ въ невольной своей ошибкѣ; но графъ отъ перенесенныхъ въ это время огорченій сдѣлался раздражителенъ и недовѣрчивъ и, не смотря на убѣжденія графини и Фотія, взявшихъ мою сторону, остался во всю жизнь свою въ увѣренности, что я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ, что̀ меня донынѣ крайне огорчаетъ; потому что графъ всегда былъ ко мнѣ благосклоненъ и сдѣлалъ мнѣ много добра, за которое всегда буду признателенъ и душевно сожалѣю о случившемся неумышленномъ происшествіи; но, находясь въ какой бы то ни было церкви, я никогда не оглядываюсь, а адъютанты мои, Красовскій и Долгорукій, не сказали мнѣ о графѣ, говоря, что сами его не замѣтили.

Въ началѣ Апрѣля 1830 года объявлено мнѣ было высочайшее повелѣніе быть предсѣдателемъ комитета для составленія урочнаго положенія по всѣмъ родамъ мастерскихъ работъ, по всѣмъ вѣдомствамъ, почему я немедленно отправился въ Петербургъ и остановился у дочери Зубовой. Члены мои были: генералы Трузсонъ и Дестремъ, съ которыми тотчасъ и приступилъ къ дѣлу. Въ скорости послѣ сего, я снова получилъ высочайшее повелѣніе, по случаю отъѣзда графа Толстаго, вступить въ управленіе штабомъ военныхъ поселеній, а какъ всѣ корпусные командиры поселенныхъ войскъ были старше меня, то въ случаяхъ надобности предоставлялось испрашивать разрѣшеніе управляющаго военнымъ министерствомъ генерала Чернышева. Въ концѣ Ноября получено въ Петербургѣ извѣстіе о всеобщемъ возстаніи въ Царствѣ Польскомъ, вслѣдствіе чего начали формировать армію, и графъ Дибичъ назначенъ главнокомандующимъ, который преждевременно приглашалъ насъ въ Варшаву, на Масляницѣ, къ себѣ на чай. Гвардія и гренадерскій корпусъ получили приказаніе немедленно выступить въ

Ковно, а меня Государь назначилъ начальникомъ Новгородскаго и Старорусскаго военныхъ поселеній, всѣхъ гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ, артиллерійскихъ ротъ и прочихъ войскъ, въ оныхъ расположенныхъ и содержащихъ кордонную линію отъ холеры, отъ Ладожскаго до Псковскаго озеръ,—48 баталіоновъ. Я тотчасъ немедленно отправился въ Новгородъ и, сдавъ свою часть старшему полковнику Баттому, приступилъ къ пріему всего поселенія и войскъ отъ корпуснаго командира кн. Шаховскаго. Въ половинѣ Декабря, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, я снялъ карантинную линію между озеръ Ладожскимъ и Ильменскимъ, размѣстилъ баталіоны 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й дивизій въ военномъ поселеніи и по близости онаго, а баталіонами 4-й и 8-й дивизій занялъ кордонную линію между озерами Ильменемъ и Псковскимъ, оцѣпя и Старорусское военное поселеніе. Послѣ сего занялся я съ генералами Леонтьевымъ и Томашевскимъ исправленіемъ гренадерскихъ резервныхъ баталіоновъ, которые были оставлены полками въ совершенномъ разстройствѣ; всѣ лучшіе люди были выбраны и взяты въ походъ, оставались самые дурные солдаты по фронту и кантонисты даже 17-ти лѣтъ, и то всего только отъ 400 до 500 человѣкъ въ каждомъ баталіонѣ, которыхъ дополнять надо было изъ рекрутъ, ожидаемыхъ весною изъ всей Россіи. Въ началѣ Марта 1831 года, неспокойствіе въ народѣ Польскихъ губерній дошло до того, что я получилъ высочайшее повелѣніе отправить на выставленныхъ до Динабурга подводахъ 18 баталіоновъ 1-й, 2-й и 3-й дивизій, а чрезъ недѣлю еще 18 баталіоновъ 5-й, 6-й и 7-й дивизій, что̀ я исполнилъ въ назначенный срокъ и донесъ Государю. Въ половинѣ Марта я объѣхалъ всѣ округи поселенія и осмотрѣлъ резервные баталіоны, которые, по крайней мѣрѣ, доведены были до того, что могли быть поставлены во фронтѣ въ баталіонномъ составѣ и, хотя плохо, пройти церемоніальнымъ маршемъ. Въ Апрѣлѣ начали прибывать рекрутскія партіи, выбранныхъ отличныхъ людей по росту и фигурамъ изъ каждой губерніи отъ 100 до 250 человѣкъ, о чемъ я донесъ Государю, и Его Величество приказалъ изъ каждой партіи половину лучшихъ рекрутъ отправлять на укомплектованіе гвардіи, что̀ я исполнилъ по совѣсти; но за всѣмъ тѣмъ и гренадерскіе резервные баталіоны получили прекрасныхъ людей. Въ Маѣ я объѣхалъ карантинную линію и осмотрѣлъ по оной 12 баталіоновъ, которыхъ большею частью нашелъ въ исправности и хорошо обученными, особенно стрѣльбѣ въ цѣль. Въ это время сформирована была резервная армія, расположенная по границѣ Польскихъ губерній, для удержанія въ оныхъ порядка и ввѣрена графу Толстому, вмѣсто котораго я управлялъ штабомъ военнаго поселенія, а мнѣ предписано было состоять по прежнему въ командѣ генерала Чернышева. Въ 1831 году работы

въ поселеніи производились только 3-мя рабочими баталіонами; полевые оставались для содержанія карантинной линіи, а гренадерскіе резервные, составленные большею частью изъ поступившихъ только рекрутъ и кантонистовъ, выступили въ лагерь при Княжемъ Дворѣ, выйдя въ первый разъ изъ своихъ округовъ. Въ Іюнѣ открылась въ Петербургѣ холера и произвела ужасную смертность; народъ, подстрекаемый злоумышленниками, вообразилъ, что доктора и иностранцы ихъ отравляютъ, взбунтовался и началъ ихъ на улицахъ, а первыхъ и въ госпиталяхъ, бить и даже убивать. Государь, выѣхавъ самъ, усмирилъ чернь своимъ присутствіемъ и, чтобы уменьшить народа въ столицѣ и тѣмъ воспрепятствовать распространенію болѣзни, приказалъ всѣхъ пришедшихъ на работы крестьянъ выпроводить за заставы, дабы шли въ свои деревни. Дворъ проживалъ тогда въ Царскомъ Селѣ, и я получилъ высочайшее повелѣніе отправить туда 6 гренадерскихъ баталіоновъ, взявъ изъ всѣхъ 12-ти половину лучшихъ по фронту людей, для чего на другой же день отправился въ лагерь, сформировалъ оные 6 баталіоновъ и, приказавъ имъ слѣдовать подъ командою генерала Томашевскаго, объѣхалъ вновь карантинную линію. Но генералъ Томашевскій дошелъ только до Спасской Полѣсти, какъ получилъ повелѣніе вернуться въ лагерь, куда долженъ былъ вступить 14 Іюля, и маршрутъ былъ данъ отъ меня мимо города, потому что въ ономъ довольно сильно дѣйствовала холера. 12 Іюля, послѣ обѣда, явился ко мнѣ подполковникъ баронъ Розенъ и донесъ, что возвращавшіеся изъ Петербурга рабочіе распространили по дорогѣ, что выгнали холеру изъ столицы и что не худо и здѣсь за нее приняться; что ночью произошелъ въ Старой Русѣ ужаснѣйшій бунтъ, что генерала Мевеса, полиціймейстера и многихъ докторовъ уже убили и что неистовство поселянъ дошло до высшей степени. Узнавъ это, я тотчасъ съ нарочными послалъ слѣдующія повелѣнія: 1) генералу Леонтьеву съ 2-мя баталіонами немедленно отправиться на подводахъ въ Старую Русу и возстановить тамъ порядокъ, а 4-мъ баталіонамъ приказать также выступать въ слѣдъ за нимъ туда же и помѣстить всѣ войска бивуаками, въ городѣ на площадяхъ. 2) Генералу Томашевскому отправить тотчасъ два карабинерные баталіона въ Устрику, въ 20 верстахъ отъ Старой Русы и приказать имъ ожидать тамъ моего пріѣзда. 3) Баталіонъ императора Австрійскаго полка послать немедленно на отправленныхъ судахъ чрезъ Ильменское озеро, въ Новгородское поселеніе, а съ 3-мя остальными баталіонами содержать порядокъ около лагеря при Княжемъ Дворѣ. 4) Баталіонамъ, находящимся на карантинной линіи, слѣдовать форсированно къ Старой Русѣ. 5) Подполковнику Баттому съ 2-мя баталіонами и 4-мя ротами удерживать порядокъ въ Новгородѣ и около онаго. Сдѣлавъ всѣ эти

распоряженія, я съ нарочнымъ донесъ подробно Государю и тотчасъ на почтовыхъ лошадяхъ отправился самъ въ Старую Русу, хотя совершенно находился тогда въ болѣзненномъ состояніи отъ холерическихъ припадковъ и молніи, ударившей въ петлицу моей шляпы, во время смотра баталіона 8-го егерскаго полка. Въ Медвѣдѣ и Коростынѣ, поселяне, добровольно собравшись, встрѣтили меня и просили взять съ собою для усмиренія бунтовщиковъ; я благодарилъ ихъ за усердіе и далъ наставленіе имъ и баталіоннымъ командирамъ, а изъ Княжьяго Двора отправилъ баталіонъ въ Новгородское поселеніе, отдавъ нужныя приказанія генералу Томашевскому. Въ Устрикѣ, карабинерные баталіоны были уже готовы, и я отправился съ ними чрезъ всѣ Старо-Русскіе бунтующіе округи и по мѣрѣ возможности, возстановивъ тамъ порядокъ, расположилъ солдатъ. 13-го Іюля въ 6 часовъ утра, въ новыхъ домахъ поселенной роты, въ одной верстѣ отъ Старой Русы, я оцѣпилъ селеніе, поставилъ сильные караулы и только что собрался ѣхать въ самый городъ, какъ явились ко мнѣ генералъ Леонтьевъ и голова съ Магистратомъ и донесли, что въ бунтѣ участвовали всѣ поселяне 7-ми округовъ, мѣщане и 10-й рабочій баталіонъ, что въ ночь съ 11 на 12-е Іюля убито и изуродовано: генералъ-маіоръ Мевесъ, полиціймейстеръ, всѣ баталіонные командиры, и большая часть ротныхъ командировъ, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и медиковъ; что бунтовщики составили на городской площади судилище, въ которомъ заставили участвовать и архимандрита въ полномъ облаченіи; что предъ онымъ допрашивали они свои жертвы и самыми варварскими истязаніями вымогали у нихъ сознаніе, что отравляли народъ по приказанію главнаго начальства, чѣмъ и возбуждали всѣхъ къ большему участію въ бунтѣ и къ истребленію всѣхъ властей и даже помѣщиковъ; что по прибытіи въ городъ войскъ, судилище и бунтовщики разбѣжались, и что хотя теперь возстановлено спокойствіе, но едва-ли оно надолго, особенно въ округахъ; а генералъ Леонтьевъ, плача, донесъ на единѣ, что при малѣйшемъ возобновленіи неистовствъ они всѣ непремѣнно погибнутъ при малочисленности своей противъ бунтующихъ поселянъ. Я успокоивалъ и ободрялъ ихъ всѣхъ, далъ имъ письменное своеручное предписаніе какъ поступать и, приказавъ немедленно доносить мнѣ о всѣхъ перемѣнахъ, отпустилъ и послалъ нарочнаго съ донесеніемъ къ Государю, которому представилъ все въ дѣйствительномъ видѣ, и просилъ выслать ко мнѣ двухъ генераловъ или штабъ-офицеровъ, которымъ могъ бы ввѣрить войска, находящіяся еще въ хорошемъ духѣ: ибо мнѣ было очевидно, что начальники ихъ отъ случившихся происшествій растерялись, почему я справедливо боялся, что войска потеряютъ къ нимъ довѣренность, послѣ чего нельзя будетъ ожидать отъ нихъ

строгаго дѣйствія въ случаяхъ надобности. Вмѣстѣ съ симъ я доносилъ, что не видя никакой пользы, не рѣшился употребить напрасно дѣтей противъ бунтующихъ отцевъ, довольствуясь покамѣстъ временнымъ прекращеніемъ злодѣяній, и ожидаю прибытія съ карантинной линіи направленныхъ къ Старой Русѣ резервныхъ баталіоновъ, съ которыми начну немедленно изслѣдованіе и забираніе главныхъ преступниковъ. Послѣ сего я потребовалъ къ себѣ отъ всѣхъ поселенныхъ ротъ Старо-Русскаго округа депутатовъ, которые по мѣрѣ возможности тотчасъ являлись. Я ругалъ ихъ на пропалую за происшедшее безпокойство, увѣщевалъ, давалъ наставленія и, переписавъ ихъ имена, объявилъ, что если и за симъ что-либо произойдетъ, то они первые будутъ наказаны со всевозможною жестокостью. Угроза эта подѣйствовала, и покуда я былъ въ Старой Русѣ, во всѣхъ округахъ его возстановленный порядокъ не былъ нарушенъ.

15-го взбунтовались поселяне Коростынской волости, и когда генералъ Томашевскій хотѣлъ ихъ усмирять, то солдаты не дѣйствовали; офицеры, выхвативъ у нихъ ружья, защищали генерала и себя, между тѣмъ какъ нижніе чины оставались равнодушными зрителями. Узнавъ объ этомъ, я приказалъ отдать виновныхъ подъ судъ и тотчасъ прогнать эти два баталіона въ лагерь, чтобы не заразить ихъ измѣною своихъ карабинеровъ, которые исполняли свои обязанности въ точности. Только одинъ изъ нихъ вздумалъ было проповѣдывать, что ихъ отравляютъ, хотя не было ни одного умершаго. Я, обличивъ его тутъ же, безъ суда прогналъ его сквозь строй, и строгость эта, употребленная во-время, имѣла хорошее послѣдствіе: карабинеры остались вѣрны присягѣ.

16-го числа узналъ я, что въ Псковѣ тоже произошелъ бунтъ и что туда посланъ Государемъ генералъ Микулинъ, который баталіоны, слѣдующіе ко мнѣ форсированно съ карантинной линіи и ожидаемые мною съ величайшимъ нетерпѣніемъ, повернулъ въ Псковъ, что совершенно разстроило мои распоряженія, о чемъ немедленно я донесъ Государю.

17-го я получилъ извѣстіе, что округи около Новгорода, въ подражаніе другимъ, также взбунтовались и произвели подобныя неистовства, а какъ въ Старой Русѣ и округахъ ея было все спокойно, то я и рѣшился слѣдовать туда съ карабинерами для возстановленія порядка въ мѣстахъ столь близкихъ къ пребыванію Императорской фамиліи. Для сего призвалъ я генерала Леонтьева и купцовъ, далъ первому письменное наставленіе, а вторыхъ увѣщалъ (какъ пользующихся уваженіемъ жителей) совѣтами и убѣжденіями своими усмирять народъ и стараться поддерживать возстановленное спокойствіе, что они всѣ обѣщались, хотя предчув-

ствовали вторичное бѣдствіе и, прощаясь со мной, заливались слезами, называли своимъ спасителемъ и умоляли остаться, чего я никакъ не могъ сдѣлать и ночью выступилъ изъ Старой Русы, а за мною выѣхало оттуда множество женъ и дѣтей офицеровъ и чиновниковъ. Переправы чрезъ Шалонь и Мшагу задержали маршъ болѣе 8 часовъ, но за всѣмъ тѣмъ я прибылъ съ батальонами 20 числа рано поутру въ Новгородъ, который ожилъ, увидѣвъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ съ трепетомъ въ тотъ день буйныхъ поселянъ, войска, вступавшія въ городъ съ музыкою и пѣснями. Семейство мое чрезвычайно было обрадовано моимъ прибытіемъ. Губернаторъ и всѣ чиновники тотчасъ меня навѣстили; послѣ чего я осмотрѣлъ Новгородскія войска, которыхъ нашелъ въ дурномъ духѣ и долженъ былъ даже многихъ побить, отнялъ ружья у рабочихъ и, устроивъ пикеты, соединилъ баталіоны для рѣшительнаго дѣйствія въ случаѣ надобности. Скажу безъ хвастовства, что во время бунта я былъ одинъ, который присутствіемъ своимъ могъ возстановлять порядокъ и котораго слушались поселяне; даже во время самаго жестокаго возмущенія, увидя меня, они всегда и всѣ становились на колѣни и просили прощенія. Я ихъ жестоко ругалъ и даже бивалъ, а отвѣтъ ихъ всегда былъ одинъ: «виноватъ, батюшка, простите». Даже письменныя мои приказанія дѣйствовали и исполнялись свято, чему могу привести множество доказательствъ; но дабы не распространяться, скажу для примѣра одно. При второмъ возмущеніи въ Старой Русѣ поселяне грабили казенный ящикъ, похитивъ въ немъ наличными деньгами 44,000 рублей ассигнаціями; узнавъ о семъ, я послалъ изъ Новгорода предписаніе, чтобы по прибытіи моемъ въ Старую Русу представлены бы мнѣ были въ цѣлости всѣ деньги, которыя впрочемъ уже были раздѣлены между поселянами, но они безпрекословно исполнили мое приказаніе и немедленно. Пріѣхавъ туда 2 Августа, чрезъ 8 дней послѣ покражи, я не успѣлъ выйти изъ коляски и войти въ квартиру, какъ явились сами поселяне и сдали мнѣ всѣ похищенныя ими деньги въ цѣлости. На гренадерскіе баталіоны, въ которыхъ половина солдатъ была изъ дѣтей поселянъ, столь сильно дѣйствовали мои наставленія, что они, входя въ свои округа, ругали своихъ родныхъ за нарушеніе присяги. Съ солдатами такого духа ближайшіе ихъ начальники могли мгновенно усмирить возмущеніе; но они сами растерялись до того, что, бывъ прежде строгими, сдѣлались слабыми и допустили баталіоны соединиться съ поселянами за одно, слѣдствіемъ чего было, что ихъ всѣхъ перебили и изувѣчили; а я въ одно и тоже время не могъ находиться повсюду для удержанія неистовствъ.

Во все время бунта убито 2 генерала, 63 штабъ и оберъ-офицера и 72 унтеръ-офицера и изувѣчено 88 штабъ и оберъ-офицеровъ и 84 унтеръ-офицера. Курьеровъ, отъ меня отправляемыхъ, Государь по случаю холеры изволилъ принимать лично въ Ижорѣ и оттуда же чрезъ военнаго министра давалъ свои предписанія, коими всѣ мои распоряженія и дѣйствія всемилостивѣйше изволилъ одобрять; а узнавъ, что бунтъ перешелъ за Новгородъ къ Петербургу и распространился даже по большой дорогѣ, отправилъ своего генералъ-адъютанта графа Орлова для совокупнаго со мной распоряженія, чему я, какъ раздѣляя уже отвѣтственность, очень обрадовался.

Графъ Орловъ пріѣхалъ 22-го числа въ Новгородъ прямо ко мнѣ, 23-го начали мы дѣйствовать совокупно, а 26-го въ сумерки прибылъ самъ Государь, обошелъ караулъ, принялъ ординарцевъ и повелъ меня съ собою въ кабинетъ, гдѣ я объяснилъ Его Величеству всѣ происшествія и сказалъ откровенно, что поселяне всегда были недовольны своимъ положеніемъ, что холера и отрава суть только предлоги, которыми подстрекаютъ толпу, но что настоящая цѣль бунта есть желаніе освободиться отъ военнаго состоянія, почему полагалъ бы всѣхъ участниковъ въ бунтѣ отдать въ солдаты безъ выслуги, что̀ послужитъ имъ настоящимъ, чувствительнымъ наказаніемъ. Армія, нуждаясь въ людяхъ, получитъ выученныхъ солдатъ, а чтобы поселенныя земли не были пустынею, то на оныя слѣдуетъ перевести до 12,000 семействъ изъ тѣхъ Новгородскихъ казенныхъ крестьянъ, которыхъ еще въ 1823-мъ году, за недостаткомъ земли, хотѣли перевести въ Херсонскую губернію. Государь приказалъ подать себѣ объ этомъ записку, а завтра показать въ 6-ть часовъ утра всѣ войска, около Новгорода расположенныя. Требуемую записку я послалъ Его Величеству въ Царское Село вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ поселенія.

На другой день по утру, ожидая при войскахъ Государя, получилъ я изъ Старой Русы донесеніе, что 24-го Іюля произошелъ тамъ вторичный бунтъ, что генерала Леонтьева, многихъ штабъ - оберъ и унтеръ-офицеровъ убили и что разграбили ящикъ съ казенными деньгами. Донесеніе это я сейчасъ же послалъ къ Императору, который, пріѣхавъ, пожалѣлъ о случившемся новомъ несчастіи, осматривалъ войска, былъ ими доволенъ и пожаловалъ по рублю на человѣка, при чемъ я осмѣлился просить Государя не давать этой награды баталіону императора Австрійскаго полка, потому что во время бунта позволилъ поселянамъ изъ своего фронта вытащить капитана и истязать. По окончаніи смотра Государь приказалъ мнѣ ѣхать за собою, позвалъ въ кабинетъ и спросилъ, отчего, полагаю я, произошло вторичное возмущеніе? Я отвѣчалъ, что всѣ начальники поселенныхъ баталіоновъ, видя товарищей убитыми и изуро-

дованными, растерялись и ослабѣли, и что по этому-то при первомъ бунтѣ, опасаясь повторенія, я рѣшился просить о присылкѣ мнѣ довѣренныхъ надежныхъ начальниковъ для войскъ. Императоръ, одобривъ мое мнѣніе, послалъ въ Старую Русу генерала Микулина съ приказаніемъ вывести оттуда ненадежныя поселенныя войска и 10-й рабочій баталіонъ, отправивъ послѣдній прямо въ Кронштатъ, а мнѣ приказалъ ѣхать за собою по поселенію. Государь изволилъ проѣхать по 3-мъ округамъ 1-й дивизіи, слушалъ вездѣ молебенъ и панихиду по убитымъ въ экзерциргаузахъ, гдѣ поселяне были всѣ собраны и стояли все время по стѣнамъ на колѣняхъ съ поникнутыми головами. Послѣ отъѣзда Государя изъ поселенія, графъ Орловъ и я отправились въ Новгородъ, гдѣ, сдѣлавъ по общему совѣщанію, предварительныя распоряженія, мы 1-го Августа отправились въ Старую Русу; здѣсь мы пробыли 9 дней и привели дѣло въ ясность, о чемъ я донесъ Государю, а графъ Орловъ послалъ письмо и вскорѣ самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ половинѣ Августа собралась слѣдственная коммиссія и дѣйствовала не совсѣмъ правильно, предоставивъ допросы аудиторамъ на единѣ, а тѣ за деньги оправдывали настоящихъ виновниковъ и осуждали толпу; въ Новгородѣ собрано было болѣе 3,000 поселянъ и поселянокъ, содержаніе которыхъ подъ арестомъ было очень затруднительно въ продолженіи слишкомъ 4-хъ мѣсячной длительности слѣдственнаго дѣла, тогда какъ гораздо лучше и справедливѣе могло быть совершенно кончено въ одинъ мѣсяцъ при объѣздѣ коммисіи по округамъ, гдѣ бы она могла удобнѣе открыть зачинщиковъ по указанію изувѣченныхъ штабъ-оберъ и унтеръ-офицеровъ, а толпа была одинаково виновата; почему истинно виновные во множествѣ остались ненаказанными и при своихъ семействахъ. Въ это время, наблюдая за спокойствіемъ, я сдѣлалъ передвиженіе войскъ, чтобы въ каждомъ округѣ кромѣ своего баталіона былъ расположенъ и одинъ резервный 4-й и 8-й дивизій, послѣ чего и не было никакихъ безпокойствъ. Въ Октябрѣ проѣзжалъ чрезъ Новгородъ графъ Толстой и хвастался, какъ бы онъ скоро прекратилъ бунтъ, а самъ въ тогдашнее спокойное время въ полночь уѣхалъ въ Москву за конвоемъ гражданской полиціи. Въ слѣдъ за нимъ пріѣзжалъ въ поселеніе генералъ Клейнмихель, который также безъ конвоя не переѣзжалъ изъ округа въ округъ и, не давая мнѣ знать, началъ передвигать баталіоны, отчего нѣкоторые округи оставались на нѣсколько дней безъ надзора, что̀ могло произвести новые безпорядки. Объяснивъ все это графу Орлову, я просилъ его исходатайствовать мнѣ у Государя другое назначеніе и увольненіе отъ командованія поселеніями, такъ какъ при настоящемъ положеніи дѣлъ не принимаю на себя отвѣтственности и слѣдовательно долѣе

на семъ мѣстѣ оставаться не могу. Въ слѣдствіе сего я сдѣланъ былъ членомъ совѣта военныхъ поселеній, а на мое мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, который въ половинѣ Декабря пріѣхалъ въ Новгородъ, и я тотчасъ передалъ ему всю команду.

Въ свободное время я написалъ критическій обзоръ военнаго поселенія, въ которомъ изложилъ настоящія причины бунта и доказывалъ неоспоримо, что при первомъ выводѣ войскъ изъ округовъ всегда должно было ожидать возмущенія, и въ доказательство, что я это предвидѣлъ, упомянулъ, что въ Іюнѣ 1831 года, когда и помышленія о бунтѣ еще не было, я представлялъ, чтобы войска вывести изъ лагеря въ округи поселенія, подъ предлогомъ, чтобы холера не застигла ихъ въ сборѣ, но отвѣта на это представленіе не послѣдовало. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ обзоръ этотъ читали многіе почтенные и свѣдующіе люди и упрашивали меня представить оный Государю, на что я никакъ не соглашался. Наконецъ, генералъ Ермоловъ выпросилъ одинъ экземпляръ и передалъ его графу Орлову, отъ котораго по сіе время чрезъ 10 лѣтъ я не получилъ обратно, хотя съ тѣхъ поръ послѣдовало уже совершенное преобразованіе поселеній. Военные поселяне теперь только называются пахатными солдатами, но въ существѣ суть тѣ же крестьяне.

1833-го года въ Генварѣ я представилъ составленное въ комитетѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ урочное положеніе на всѣ роды работъ, за что и объявлено мнѣ высочайшее благоволеніе. 2-го Апрѣля, въ день Пасхи, въ чинѣ г. лейтенанта опредѣленъ я вице-директоромъ артиллерійскаго департамента, что̀ естественно меня очень огорчило, и только увѣреніе, что это сдѣлано для ознакомленія меня съ дѣлами, удержало отъ оставленія совершенно службы, въ которой не хотѣлъ я считаться ненужнымъ. Іюля 24-го того-же года назначенъ я исправляющимъ должность директора артиллерійскаго департамента и, вступивъ въ управленіе онымъ, принужденъ былъ донести г-ну министру о всѣхъ найденныхъ мною безпорядкахъ, которые были даже невѣроятны и требовали неимовѣрныхъ усилій: самые столоначальники не знали счета своихъ нерѣшенныхъ дѣлъ. Я донесъ примѣрно, что ихъ будетъ около 24,000; три года употребили для разбиранія и окончанія, и наконецъ сдано таковыхъ въ архивъ болѣе 42,000, въ числѣ которыхъ были дѣла отъ 5,000 до 20,000 листовъ и изъ которыхъ открыто взысканіе почти на милліонъ рублей, а бухгалтерія и контроль были въ самомъ жалкомъ, перепутанномъ положеніи и, чтобы получить основаніе счетоводству, надо было начинать съ 1828-го года.

Здѣсь прекращаются любопытныя собственноручныя записки достойнаго сего государственнаго сановника; но заслуги, оказанныя имъ отечеству и съ сего времени до самой святой его кончины, были слишкомъ велики и особенно полезны, чтобы не упомянуть хотя вкратцѣ о полученныхъ имъ за оныя наградахъ.

Апрѣля 22-го 1834-го года онъ получилъ орденъ императорскаго и Царскаго Орла. Съ Августа 29-го того-же года исправлялъ должность предсѣдателя комитета по артиллерiйской части. Декабря 6-го 1834 года за отличіе по службѣ произведенъ въ генералы отъ артиллеріи. Іюня 10-го 1835-го объявлено высочайшее благоволеніе по званію члена комитета о сокращеніи расходовъ на 1836-й годъ за отличное исполненіе возложеннаго на него порученія. Марта 29-го 1836-го года получилъ за постоянно усердное служеніе орденъ Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Августа 22-го 1836-го года получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ. Апрѣля 18-го 1838-го года, въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ долговременной и отлично-усердной службѣ, всемилостивѣйше пожалована золотая алмазами украшенная табакерка съ портретомъ Его Величества. Въ приказѣ по военному министерству отъ 23-го Апрѣля 1838-го высочайшее благоволеніе за окончаніе всѣхъ дѣлъ по общему присутствію артиллерiйскаго департамента, также и отъ 27-го Іюля того-же года въ отношеніи г. военнаго министра за балансовый отчетъ о суммахъ артиллерiйскаго департамента за 1837-й годъ. Марта 26-го 1839-го года въ рескриптѣ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ объявлена искренняя Его Величества признательность и благоволеніе, по званію предсѣдателя комитета по артиллерiйской части, за отличное и быстрое исполненіе многотрудныхъ и разнообразныхъ дѣлъ разсмотрѣнію комитета поручаемыхъ. Апрѣля 8-го 1839-го года за постоянно отлично-ревностное служеніе всемилостивѣйше повелѣно пожалованную въ 1828-мъ году аренду на 12-ть лѣтъ по истеченіи ей срока продолжить еще на 12-ть же лѣтъ, съ производствомъ вмѣсто оной денегъ по три тысячи четыреста девяносто восьми рубл. серебромъ въ годъ. Декабря 6-го 1840-го года, назначенъ членомъ военнаго совѣта. Августа 8-го 1839-го года высочайшее благоволеніе за успѣшное дѣйствіе контроля артиллерiйскаго департамента. Августа 22-го 1842-го награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 50-тъ лѣтъ. Марта 26-го 1844-го года всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Іюля 22-го того-же года въ Высочайшемъ приказѣ монаршее благоволеніе за отлично усердную службу и ревностные труды, оказанные по дѣламъ артиллерiйскаго комитета. Января 15-го 1845-го года монаршее благоволеніе за усердное содѣйствіе къ улучшенію новыхъ лафетовъ. Апрѣля 7-го 1846-го года всемилостивѣйше награжденъ знаками ордена Св. Равноапостольнаго князя Владиміра І-й степени за долговременную службу, ознаменованную многими опытами полезной дѣятельности и постоянно-отличное исполненіе возложенныхъ обязанностей. Января 24-го 1846-го года,

назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для отстраненія затрудненій по пріему въ артиллерію съ горныхъ заводовъ металловъ, и 18-го Іюля того же года получилъ въ высочайшемъ приказѣ монаршее благоволеніе за успѣшное и скорое исполненіе возложенной обязанности. Августа 22-го 1847-го года награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за 55-ть лѣтъ. Декабря 6-го 1848-го послѣднею наградою былъ всемилостивѣйше пожалованный алмазами украшенный перстень съ портретомъ Императорскаго Величества за постоянно полезно ревностные труды по занятіямъ военнаго совѣта. Дѣйствительно онъ былъ здѣсь весьма полезенъ здравымъ, быстрымъ, яснымъ умомъ своимъ, съ истиннымъ знаніемъ дѣлъ, примѣрною опытностію и всегдашнимъ усердіемъ къ службѣ.

Кромѣ засѣданій военнаго совѣта, неутомимый генералъ Эйлеръ имѣлъ безпрестанно и разныя другія занятія, особенно по артиллеріи, въ которой онъ безспорно можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ и ученѣйшихъ по теоріи и практикѣ; но любимѣйшія его занятія были именно по военному совѣту, гдѣ по мѣрѣ большаго его узнанія и уничтоженія несправедливаго противъ него предубѣжденія, происходившаго единственно отъ примѣрной его правдивости, онъ вполнѣ заслужилъ довѣренность непосредственнаго своего начальника и искреннее уваженіе всѣхъ д ѣ й с т в и т е л ь н о п р и с у т с т в о в а в ш и х ъ членовъ, оцѣнившихъ (по собственному ихъ сознанію) его великія достоинства.

Покойся въ мирѣ, знаменитый, полезный человѣкъ, достойный внукъ великаго Эйлера! Дѣла твои останутся въ вѣчной памяти добрыхъ, подобныхъ тебѣ, людей. Земное поприще твое совершено со славою, достойною подражанія. Съ чистою, безукоризненною совѣстью предсталъ ты передъ лицемъ справедливѣйшаго Царя и Судіи, который воздастъ тебѣ сторицею за полезныя, великія дѣла твои и перенесенныя при томъ огорченія.

*

Записки эти напечатаны здѣсь съ своеручнаго подлинника, любезно сообщеннаго въ Русскій Архивъ внукомъ генерала Эйлера, Александромъ Александровичемъ Эйлеромъ. П. Б.

Воспоминанія совѣстнаго судьи.

(1848—1852).

Изложенный въ слѣдующихъ страницахъ разсказъ относится къ періоду самой дѣятельной части моей жизни. Первая его половина относится къ весьма существенному измѣненію въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ о малолѣтнихъ преступникахъ; во второй же половинѣ видно, какимъ образомъ былъ достигнутъ желаемый результатъ.

Графъ В. Орловъ-Давыдовъ.

Бумаги, собранныя мною и относящіяся къ дѣлу С.-Петербургскаго Совѣстнаго Суда 1848, 1849 и 1850 годовъ, офиціальныя отношенія, частная переписка, журналы и приговоры суда, наконецъ списки содержавшихся по этому суду арестантовъ, заимствуютъ весь интересъ свой отъ ходатайства по одному законодательному вопросу. Цѣль этого ходатайства состояла не только въ измѣненіи порядка судопроизводства, но и въ отмѣнѣ самаго закона, по которому малолѣтніе преступники должны были подвергаться за маловажные проступки наказанію несравненно болѣе жестокому, чѣмъ достигшіе совершеннолѣтія.

Въ 1676 ст. XV тома закон. угол. по VI продол. (изданія 1842 г.) объяснено, какія маловажныя преступленія и проступки подлежатъ полицейской расправѣ, и слѣдовательно изъяты изъ вѣдомства Уголовной Палаты; къ такому роду проступковъ относятся всѣ тѣ, за которые въ законѣ опредѣляются лишь денежныя взысканія не свыше 30 рубл. сер., или кратко-временный арестъ, отъ одного дня до 3-хъ мѣсяцевъ, или наказаніе розгами, не болѣе 30 ударовъ. Вслѣдствіе сей 1676 ст. казалось бы, что всѣ маловажные преступники, совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе, не привлекаются къ суду, а подвергаются лишь полицейской расправѣ и умѣренному наказанію. Къ несчастію, такое заключеніе не оправдывалось на дѣлѣ по слѣдующей причинѣ: въ 1581 ст. XV тома закон. угол. по VI прод. (изд. 1842 г.), гдѣ сказано, что вѣдомству Совѣстнаго Суда подлежатъ преступленія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ двадцати однаго года, не сказано, что изъ вѣдомства этого суда

исключаются преступленія, изъясненныя въ 1676 ст.; равнымъ образомъ въ статьѣ 1676 не добавлено, что изъ числа подлежащихъ полицейской расправѣ исключаются малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, помянутые въ ст. 1581. На основаніи одной этой 1581 ст. въ Совѣстный Судъ поступали дѣла малолѣтнихъ, обвиняемыхъ въ такихъ преступленіяхъ, за которыя совершеннолѣтніе въ силу 1676 статьи отъ суда освобождались. Не находилось никакого закона, которымъ Совѣстный Судъ могъ бы руководствоваться для облегченія участи малолѣтнихъ преступниковъ. Совѣстному Суду положено было 723 статьею XV т. судить на основаніи общихъ законовъ, а въ 146 статьѣ Улож. о наказ. изд. 1842 года сказано: «за преступленія менѣе тяжкія, несовершеннолѣтніе, отъ 14 до 21 года, отдаются безъ лишенія правъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, въ военную службу, рядовыми съ выслугою». Смягчать одною или двумя степенями такое наказаніе, не выходя изъ его р о д а, не было никакой возможности, и въ слѣдствіе того всѣ Совѣстные Суды въ Россіи принуждены были присуждать несовершеннолѣтнихъ, обличенныхъ въ самыхъ маловажныхъ кражахъ, къ отдачѣ въ военную службу.

Въ новомъ Уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, срокъ совершеннолѣтія по уголовнымъ дѣламъ, кончавшійся прежде 17 лѣтнимъ возрастомъ, увеличенъ четырьмя годами, т. е. до 21 года. Въ эти именно года, когда человѣкъ переходитъ изъ отрочества въ совершенный возрастъ, страсти болѣе развиваются, и число преступленій увеличивается. Со введенія въ дѣйствіе новаго Уложенія, т. е. 1-го Мая 1846 года, число поступавшихъ на разсмотрѣнія Совѣстнаго Суда преступленій должно было увеличиться, и дѣйствительно оно возрасло: въ 1845 году поступило 223 подсудимыхъ, въ томъ числѣ 89, содержащихся подъ арестомъ, а въ 1847 году поступило подсудимыхъ 599, въ томъ числѣ 325 арестантовъ, какъ видно изъ сравнительной вѣдомости, подписанной тогдашнимъ совѣстнымъ судьею, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Ивановичемъ Шамшевымъ. Въ этой вѣдомости не включается 1846 годъ, потому что новое Уголовное Уложеніе возъимѣло дѣйствіе съ 1 Мая того года, слѣдовательно и выводъ о дѣлахъ не могъ быть полный.

Изъ всего вышеписаннаго видно, какое большое число несовершеннолѣтнихъ, свыше 14 лѣтняго возраста, должны были подвергаться отдачѣ въ рекруты.

Совѣстный Судъ, первоначально основанный для разбора по совѣсти спорныхъ дѣлъ, для соглашенія лицъ не начавшихъ еще формальнаго иска, для примиренія семействъ, преимущественно родителей съ дѣтьми, обратился въ огромное уголовное присутствіе и потерялъ большую часть своего первоначальнаго характера, при-

мирителя и посредника по самымъ важнымъ, деликатнымъ и секретнымъ дѣламъ.

Ходатайство мое по объясненному здѣсь предмету было нѣкоторымъ образомъ приготовлено моимъ предмѣстникомъ, Н. И. Шамшевымъ, и вопросъ, поднятый имъ о недостаточности матеріальныхъ средствъ Совѣстнаго Суда для отправленія громадной массы вступающихъ въ него дѣлъ, повелъ натуральнымъ образомъ къ обсужденію самаго рода этихъ дѣлъ, разнорѣчія въ законахъ и гибельныхъ отъ того послѣдствій.

На бывшихъ въ Мартѣ 1848 г. дворянскихъ выборахъ, г. Шамшевъ объявилъ о невозможности продолжать на остающееся трехлѣтіе исправленіе должности совѣстнаго судьи, по ограниченности состава Совѣстнаго Суда, для приготовленія къ рѣшенію уголовныхъ дѣлъ, коихъ нерѣшенныхъ оставалось 787, сверхъ 45 гражданскихъ.

Постановленіемъ С.-Петербургскаго губернскаго собранія дворянства, состоявшимся 12 Марта 1848 года, признанъ уважительнымъ отзывъ Н. И. Шамшева о необходимой надобности увеличить тогдашній составъ канцеляріи Совѣстнаго Суда, по множеству дѣлъ, до производства его относящихся, и предоставлено г. губернскому предводителю войти о семъ предметѣ съ представленіемъ къ высшему начальству. Въ письмѣ отъ 31 Марта того же года за № 116 Н. И. Шамшевъ представилъ г. предводителю дворянства требуемыя по сему предмету свѣдѣнія.

Около того же времени я обратился по тому же дѣлу къ г. министру юстиціи, графу Панину и просилъ его исключить меня изъ списка кандидатовъ на должность совѣстнаго судьи, такъ какъ я узналъ, что, не смотря на постановленіе дворянства, составъ канцеляріи суда нисколько не увеличенъ.

Обнадеженный словесно министромъ въ увеличеніи штата суда, я на сдѣланное мнѣ предложеніе балотироваться на должность совѣстнаго судьи изъявилъ согласіе и былъ выбранъ. Вступивъ въ должность, я немедленно возобновилъ мое ходатайство о томъ же предметѣ въ рапортѣ къ генералъ-губернатору.

Представленіе сего послѣдняго къ министру юстиціи состоялось 9 Іюня 1848 года, и 1-го Января 1849 года высочайше утверждено положеніе Комитета гг. Министровъ объ ассигнованіи на три года по 1000 рублей въ годъ, на усиленіе канцеляріи Суда. Но уже за долго до этого назначенія, число поступающихъ въ Совѣстный Судъ уголовныхъ дѣлъ ежедневно возрастало и доходило иногда до 14 въ одинъ день. При всей дѣятельности одного штатнаго секретаря и приглашенныхъ мною двухъ весьма способныхъ дѣлопроизводителей по уголовной части, не было возможности выслушивать бо-

лѣе шести уголовныхъ дѣлъ въ одинъ день, а при этомъ числѣ дѣлъ канцелярія не поспѣвала изготовленіемъ опредѣленій, и представлялось большое затрудненіе къ перепискѣ на бѣло бумагъ иногда въ двухъ экземплярахъ. Письмоводство еще увеличивалось отъ необходимости срочныхъ представленій Сенату, въ объясненіи о медленности по дѣламъ арестантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые числились за судомъ болѣе трехъ лѣтъ. Канцелярія была притомъ обременена сношеніями съ равными ей судебными мѣстами и въ особенности съ Управою Благочинія.

Не смотря на эти затрудненія, большая масса дѣлъ уголовныхъ отправлялась, и работа не останавливалась и по Субботамъ и Воскресеньямъ. За всѣмъ тѣмъ эта усиленная работа нисколько не удовлетворяла совѣсти: участь малолѣтнихъ рѣшалась, но весьма часто самымъ жестокимъ образомъ. Собственное сознаніе признавалось самою существенною уликою; закоснѣлые преступники, каковыхъ находилось большое число, преимущественно подходящихъ къ сроку совершеннолѣтія, не сознавались и отрекались отъ сознанія, даннаго при слѣдствіи полиціи; напротивъ того, болѣе молодые и простодушные не затруднялись сознаніемъ своихъ шалостей и должны были быть приговорены къ отдачѣ въ рекруты, въ слѣдствіе вышесказаннаго необходимаго закона, 146-й статьи Уложенія.

Рѣшенія Совѣстнаго Суда по уголовнымъ дѣламъ входили въ законную силу не иначе, какъ по пропускѣ оныхъ губернскимъ прокуроромъ и по утвержденіи гражданскимъ губернаторомъ. Въ то время былъ губернаторомъ Н. В. Жуковскій, человѣкъ очень дѣятельный, знающій дѣла и весьма благонамѣренный и добрый. Я имѣлъ съ нимъ частный разговоръ, объяснилъ ему встрѣчаемыя мною затрудненія въ присужденіи малолѣтнихъ къ наказанію несоразмѣрному съ ихъ виною, и просилъ его снисхожденія и содѣйствія въ пропускѣ моихъ приговоровъ, намѣреваясь избѣгать отдачи въ рекруты, кромѣ въ случаяхъ дѣйствительной важности преступленія. Николай Васильевичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ хотя знаетъ всю жестокость закона, обязанъ наблюдать за его точнымъ исполненіемъ и, при всемъ сочувствіи къ моей цѣли, не можетъ обѣщать мнѣ пропуска приговоровъ, если они будутъ несогласны съ законами.

Сколь по буквальному смыслу ни неоспоримъ былъ такой отвѣтъ, чувство состраданія къ несчастнымъ малолѣтнимъ подсудимымъ не позволяло съ нимъ мириться, не предпринявъ чего либо къ облегченію ихъ участи, тѣмъ болѣе что въ Судъ поступали дѣла о преступникахъ до того незначительныхъ, что иногда нельзя было подъискивать для нихъ наказанія довольно легкаго; напримѣръ, было дѣло о двухъ мальчикахъ, обвинявшихся въ кражѣ орѣховъ по оцѣн-

кѣ на одну копѣйку. Пока такое дѣло поступило бы на очередь, подсудимые должны были цѣлые мѣсяцы ждать своей участи, а можетъ быть и научиться въ обществѣ закоснѣлыхъ преступниковъ порокамъ, до того имъ неизвѣстнымъ. Мнѣ показалось возможнымъ просить для несовершеннолѣтнихъ подсудимыхъ такого же облегченія, какимъ пользовались совершеннолѣтніе, именно не подвергать суду за кражу ниже 30 рубл. и предоставить совѣстному судьѣ право приходить съ двумя засѣдателями въ тюрьму съ дѣлами о кражахъ, которыя по предварительному слѣдствію оказывались ниже вышеозначенной цѣнности, допрашивать тамъ арестантовъ и, въ случаяхъ невиновности, отпускать малолѣтнихъ арестантовъ на волю, или отсылать ихъ къ родителямъ и опекунамъ, а во всѣхъ случаяхъ, гдѣ вина оказывалась бы значительнѣе противъ того, что показано въ слѣдствіи, отлагать дѣло до формальнаго разсмотрѣнія Судомъ.

Успѣвъ уже убѣдиться, что частныя мои представленія министрамъ не могли имѣть никакого вѣса, если не опирались на письменномъ ходатайствѣ со стороны военнаго генералъ-губернатора, какъ посредника между гражданскими присутственными мѣстами и министрами, я обратился съ вышеобъясненнымъ ходатайствомъ къ генералу Шульгину 15 Марта 1849 года. По моей просьбѣ генералъ-губернаторъ посѣтилъ лично Совѣстный Судъ; я ему въ тотъ же день послалъ мою записку съ вышеизложеннымъ ходатайствомъ. Въ слѣдующій день я былъ у правителя его канцеляріи С. Р. Жданова, который меня очень радушно поздравилъ съ благопріятнымъ впечатлѣніемъ, сдѣланнымъ Совѣстнымъ Судомъ на генералъ-губернатора. Я однако замѣтилъ подъ столомъ г. Жданова конвертъ, въ которомъ я наканунѣ запечаталъ мое представленіе и спросилъ г. Жданова, будетъ ли оно представлено генералъ-губернаторомъ къ министру; онъ мнѣ тотчасъ и безъ обиняковъ отвѣчалъ, что генералъ никогда на это не рѣшится, потому что не его дѣло представлять законодательные вопросы, и что вотъ какое лицо сдѣлаетъ ему министръ. Я однако нѣсколько подвинулъ мое ходатайство: пригласивъ къ обѣду военнаго генералъ-губернатора, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта княземъ Чернышевымъ, я нашелъ возможнымъ сказать первому, что министры предварены мною объ запискѣ, представленной его высокопревосходительству. За всѣмъ тѣмъ я никогда не получилъ отъ генерала Шульгина отвѣта на мое представленіе, но увидѣлъ изъ дальнѣйшаго хода дѣла, что оно дошло до министра юстиціи.

Во все это время я продолжалъ приговаривать малолѣтнихъ по мелкимъ кражамъ къ соотвѣтственному легкому наказанію, принимая въ уваженіе незначительность кражи, а иногда и долгое содер-

жаніе подъ стражею. Но журналы Совѣстнаго Суда были возвращаемы съ протестомъ гражданскаго губернатора, влекущимъ за собою необходимость представить дѣло на разсмотрѣніе 5-го деп-та Сената. Я тогда обратился частнымъ образомъ къ секретарю этого департамента и къ разнымъ сенаторамъ, въ особенности къ Өедору Алексѣевичу Дурасову, съ тѣми объясненіями, которыя я дѣлалъ и гражданскому губернатору, но получилъ отъ нихъ почти слово въ слово тотъ же самый отвѣтъ какъ отъ г. Жуковскаго; они добавляли, что 5-й д-тъ не имѣетъ права измѣнять законъ и что законъ можетъ быть измѣненъ не иначе, какъ въ слѣдствіе представленія о томъ Соединеннаго Присутствія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Мнѣ не отказали въ созваніи такого присутствія, если я приму на себя инициативу представить о необходимости измѣненія закона; но никто не могъ отвѣчать мнѣ положительно на вопросъ, къ какому сроку можно будетъ ожидать окончательное разрѣшеніе дѣла, которое должно было во всякомъ случаѣ восходить до Государственнаго Совѣта. Казалось по всему, что даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нельзя было ни въ какомъ случаѣ ожидать этого рѣшенія ближе какъ чрезъ полтора или два года; между тѣмъ мнѣ обѣщали, что всѣ непропущенныя гражданскимъ губернаторомъ дѣла будутъ разсмотрѣны съ должнымъ вниманіемъ къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ. Это обѣщаніе отчасти было исполнено, и порядочное число опредѣленій Совѣстнаго Суда было утверждено; но бòльшая часть рѣшалась отдачею въ военную службу, согласно съ мнѣніемъ гражданскаго губернатора. Указъ Сената отъ 23 Марта 1850 года за № 2577, объ отдачѣ въ рядовые съ выслугою 16-ти лѣтняго Данилы Ильина Ваулина, виновнаго по собственному сознанію въ кражѣ платка, оцѣненнаго въ 30 копѣекъ серебромъ, можетъ служить образцомъ множеству подобныхъ рѣшеній Сената.

Послѣдовавшій указъ о созваніи Соединеннаго Присутствія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ возымѣлъ свое начало въ слѣдствіе двухъ или трехъ дѣлъ подобнаго рода съ дѣломъ о Ваулинѣ. По одному мальчикъ обвинялся въ кражѣ сахарнаго песку, собраннаго имъ на полу въ Таможнѣ; по другому мальчикъ былъ обвиненъ и сознавался въ кражѣ желѣзнаго обломка шины, найденнаго имъ въ золѣ, въ кузницѣ.

Нѣсколько дней до собранія Соединеннаго Присутствія, губернскій прокуроръ Розингъ прибылъ въ Совѣстный Судъ и объявилъ въ его присутствіи, къ большому моему огорченію и удивленію, что, въ слѣдствіе разговора съ чиновниками канцеляріи Министерства Юстиціи, онъ отступилъ отъ прежняго своего взгляда на во-

просъ о подсудности Совѣстному Суду дѣлъ о кражахъ малолѣтними ниже 30 рублей сер. и подастъ въ предстоящемъ собраніи мнѣніе за сохраненіе существующаго порядка. Онъ сдержалъ это обѣщаніе.

Въ день собранія Соединеннаго Присутствія, гражданскій губернаторъ открылъ пренія краткимъ изложеніемъ законодательнаго вопроса.

Губернскій прокуроръ въ мнѣніи своемъ полагалъ, что всѣ вообще дѣла о маловажныхъ кражахъ, по коимъ обвиняются несовершеннолѣтніе, къ какому бы они сословію ни принадлежали, должны быть разсматриваемы въ Совѣстныхъ Судахъ; такое заключеніе онъ основывалъ главнѣйше на томъ во 1-хъ, что во 2-мъ п. 1581 статьи VI прод. XV тома св. закон. уголов. къ вѣдомству Совѣстнаго Суда отнесены преступленія несовершеннолѣтнихъ, безъ всякаго изъятія, къ какому бы они сословію ни принадлежали; во 2-хъ, что въ статьяхъ Уложенія 145, 146, 147, 148 и 150 постановлены особыя правила о смягченіи и замѣнѣ вообще несовершеннолѣтнимъ опредѣляемыхъ закономъ наказаній, за всѣ преступленія и проступки, слѣдовательно и за маловажныя кражи, и въ 3-хъ, что правила сіи преподаны для руководства оными въ приговорахъ Совѣстныхъ Судовъ (VI прод. XV т., статья 1597), а не полицейскихъ мѣстъ. При этомъ губернскій прокуроръ самъ однакожъ обращалъ вниманіе на то, какъ поступать Совѣстному Суду въ отношеніи къ тѣмъ обвиняемымъ въ маловажныхъ кражахъ несовершеннолѣтнимъ, которые, еслибъ были совершенныхъ лѣтъ, подлежали бы на основаніи 1676 статьи VI продолж. XV тома непосредственно полицейской расправѣ, и на это самъ отвѣчалъ, что, по разуму 146 статьи Уложенія, ихъ не слѣдуетъ отдавать въ военную службу: ибо съ полицейскою расправою надъ совершеннолѣтними обвиняемыми въ маловажныхъ кражахъ не можетъ быть сопряжено лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, а должно приговаривать ихъ къ наказаніямъ одною или двумя степенями ниже тѣхъ, коимъ подвергались бы совершеннолѣтніе по полицейской расправѣ. А такъ какъ для полицейскихъ мѣстъ нѣтъ положительнаго правила въ опредѣленіи мѣры наказаній за маловажныя кражи, нѣтъ правила и постепенности въ сихъ наказаніяхъ за кражи напримѣръ до 5-ти, до 10-ти, 15-ти, 20, 25 и наконецъ до 30 рублей (безъ чего и Совѣстные Суды поставлены въ невозможность опредѣлять несовершеннолѣтнимъ наказанія за сіи преступленія, одною или двумя степенями ниже), то постановленіе таковыхъ правилъ, по мнѣнію его, прокурора, необходимо; ибо оно служило бы постояннымъ руководствомъ, какъ Совѣстному Суду, такъ и мѣстамъ полицейскимъ.

Въ поданномъ съ моей стороны мнѣніи я выяснилъ до очевидности не только несостоятельность такого заключенія губернскаго прокурора, но и искаженіе смысла законовъ; ибо въ 1676 статьѣ VI прод. XV тома зак. угол. ясно изображено, что дѣла о воровствѣ-кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ, въ первый и второй разъ, не свыше 30-ти рублей, и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, должны оканчиваться въ земскихъ и городскихъ полицейскихъ расправахъ, слѣдовательно безъ изъятія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Правильность сего доказывается тѣмъ: а) что въ противномъ случаѣ тутъ же было бы сказано: «кромѣ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ», и б) что во 2 п. 1581 ст. VI прод. XV тома св. зак. угол. хотя и сказано, что вѣдомству совѣстныхъ судовъ принадлежатъ дѣла малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, т. е. безъ означенія преступленій, но означеніе это, за изложеніемъ въ предъидущей статьѣ, предстояло излишнимъ. При постановленіи изъясненныхъ статей, не могло быть другихъ вопросовъ, какъ только: 1-е, какія дѣла по преступленіямъ должны оканчиваться въ земской и городской полицейскихъ расправахъ? (вопросъ этотъ разрѣшается 1676 статьею VI прод. XV тома зак. угол.) и 2-е, затѣмъ, какія дѣла должны поступать въ судебныя мѣста, и въ какія именно? (вопросъ сей разрѣшается 890, 891, 892, 893 ст. XV тома, 1581 и 1682 статьями VI прод. того же тома). Сею послѣднею статьею предоставлено судамъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянъ, духовныхъ лицъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ съ тою цѣлью, что люди этихъ классовъ, по преимуществу своего званія, образованія и способовъ пропитанія, должны быть наказываемы строже, и что малѣйшее наказаніе, безъ формальнаго оправданія и судебнаго приговора, для нихъ должно быть невыносимымъ и можетъ на всю жизнь оставаться позоромъ и укоромъ собственной совѣсти. Въ 145, 146, 147, 148 и 150-й статьяхъ Уложенія говорится о высшихъ преступленіяхъ, за которыя опредѣляется или лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же ограниченіе оныхъ, и затѣмъ слѣдуетъ тяжкое тѣлесное наказаніе. По 146-й статьѣ Уложенія, за тѣ преступленія, за которыя совершеннолѣтніе ограничиваются въ правахъ состоянія и отдаются или въ арестантскія роты, или же въ рабочіе дома,—недостигшіе двадцати одного года, безъ ограниченія тѣхъ правъ, поступаютъ въ военную службу; слѣдственно, статью эту ни въ какомъ случаѣ нельзя ни вовсе отмѣнить, ни частью измѣнить. А такъ какъ за воровство-кражу и воровство-мошенничество, въ первый и второй разъ, не свыше 30-ти рублей и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, полицейскія мѣста, на основаніи 2159 ст. Уложенія, наказываютъ розгами, отъ 40 до 60-ти ударовъ (каковая мѣра наказанія весьма незначительна), то я по-

лагалъ, что и несовершеннолѣтніе, примѣняясь ко 2 параграфу 146 ст. Уложенія, могутъ быть наказываемы одною или двумя степенями ниже также по усмотрѣнію полицейскихъ мѣстъ, и что затѣмъ не представлялось бы надобности вводить подробностей на счетъ рода преступленій и приличнаго онымъ наказанія. Къ сему я присовокупилъ, что покровительству Совѣстныхъ Судовъ не достигшіе двадцати однаго года поручены въ видѣ облегченія въ наказаніи за высшія преступленія, а что за маловажные проступки они должны быть наказаны по полицейской расправѣ, но въ уменьшенной степени противъ совершеннолѣтнихъ и что противно здравому разсудку, чтобы наказаніе несовершеннолѣтнихъ было несравненно тягостнѣе участи совершеннолѣтнихъ преступниковъ. По полицейской расправѣ совершеннолѣтніе, тотчасъ по произведеніи слѣдствія, безъ изнуренія содержаніемъ въ тюрьмѣ и исправительномъ заведеніи, получаютъ легкое тѣлесное наказаніе и отправляются къ прежнимъ своимъ занятіямъ. А по суду несовершеннолѣтніе должны быть подвергнуты содержанію въ тюрьмѣ и исправительномъ заведеніи и содержаться до исполненія приговора по правиламъ, формамъ и обрядамъ уголовнаго судопроизводства, въ ходѣ своемъ медленнаго; потомъ, противъ желанія и способностей, состоять много лѣтъ въ военной службѣ, въ нижнемъ званіи и терпѣть непосильные труды, нужду и изнуреніе и, наконецъ, при старости и потерянномъ здоровьѣ, безъ способовъ къ поддержанію, умирать преждевременно.

За чтеніемъ моего мнѣнія послѣдовало словесное преніе. Предсѣдатели Уголовной Палаты и двухъ департаментовъ Управы Благочинія согласились съ мнѣніемъ губернскаго прокурора. Предсѣдатель Гражданской Палаты, сидя противъ меня за столомъ, спросилъ: отчего я не пользовался правомъ смягчать наказанія? Я на это отвѣчалъ, что мнѣ не дано право выходить изъ рода наказанія, которому подсудимый подлежитъ по закону, и предложилъ предсѣдателю Гражданской Палаты вопросъ: имѣю ли я возможность присуждать малолѣтняго къ отдачѣ въ солдаты на одну недѣлю; губернскаго же прокурора я спросилъ: на какое милосердое дѣйствіе Совѣстнаго Суда онъ намекаетъ, зная лучше кого бы то ни было, что Совѣстному Суду нѣтъ никакой законной возможности присуждать малолѣтняго вора иному наказанію, кромѣ опредѣленнаго по закону.

Въ числѣ отвѣтовъ на мои слова вспоминаю одинъ, который имѣлъ характеръ лишь заторможенія вопроса и вовсе не добросовѣстнаго его обсужденія. Одинъ изъ судей говорилъ съ насмѣшкою на губахъ, что отдача несовершеннолѣтняго въ солдаты есть мѣра весьма кроткая, такъ какъ она даетъ средство заслужить доброе имя.

Гражданскій губернаторъ вступилъ въ преніе, находя, что я слишкомъ круто изложилъ свое мнѣніе, которое онъ впрочемъ подтвердилъ, и при отобраніи голосовъ оказалось большинство двумя на моей сторонѣ.

Между тѣмъ, интересуясь, какой ходъ приметъ въ Сенатѣ дѣло по моему представленію къ генералъ-губернатору объ измѣненіи закона о подсудности по маловажнымъ кражамъ (до 30-ти рубл.), я справлялся о томъ частнымъ образомъ и получилъ отъ сенатора Горголи записку съ очень неутѣшительнымъ свѣдѣніемъ, при двухъ копіяхъ: одной съ журнала Сената отъ 6-го Іюля, а другой съ предложенія оберъ-прокурора Нефедьева отъ 2 Августа 1849 года. Г-нъ Горголи увѣдомлялъ, что дѣло, которымъ Совѣстный Судъ интересуется, какъ совершенно справедливое и основательное, Сенатъ не могъ устранить отъ себя и далъ уже разрѣшеніе обсудить оное въ Соединенномъ Присутствіи; но что по поступившему за тѣмъ новому донесенію военнаго генералъ-губернатора о томъ же предметѣ, въ Сенатѣ послѣдовали разныя мнѣнія. Препровождая упомянутыя копіи, г. Горголи просилъ держать ихъ въ секретѣ. Изъ копіи съ журнала Сената оказывалось, что четыре сенатора (въ томъ числѣ и г. Горголи, только что упоминавшій въ приведенной запискѣ о справедливости и основательности представленія Совѣстнаго Суда) полагали, что дѣла о маловажныхъ кражахъ должны и впредь отсылаться въ Совѣстный Судъ; а одинъ, Ѳ. А. Дурасовъ, что они подлежали вѣдомству Управы Благочинія. Оберъ-прокуроръ Нефедьевъ соглашался съ мнѣніемъ четырехъ сенаторовъ, слѣдовательно совершенно противно моему ходатайству, и опредѣленіе было представлено въ Министерство Юстиціи при рапортѣ оберъ-прокурора 18 Января 1850 года.

Въ виду медленности рѣшенія вопроса въ законодательномъ порядкѣ и въ надеждѣ скорѣйшей развязки затрудненія прямымъ сношеніемъ съ самими двигателями законодательства, находящимися въ высшихъ сферахъ общества, я рѣшился вести мое дѣло двумя путями, т. е. и законодательнымъ порядкомъ, и частнымъ образомъ, посредствомъ разговоровъ и записокъ съ министрами. На семъ послѣднемъ пути я испыталъ особыя затрудненія въ совершенномъ незнаніи министрами порядка судопроизводства въ Совѣстномъ Судѣ и самаго закона, которымъ сей судъ былъ связанъ. Это важное обстоятельство видно изъ послѣдовавшей переписки по этимъ дѣламъ.

Попросивъ графа Панина дать мнѣ свиданіе съ нимъ по дѣламъ службы и получивъ его согласіе (въ исключеніе къ общему правилу, по которому я долженъ былъ относиться по всѣмъ дѣламъ Совѣстнаго Суда къ его товарищу г. Илличевскому, какъ человѣку не имѣющему со мною родства и потому совершенно безпристра-

стному), я поѣхалъ къ графу и изложилъ ему положеніе дѣла, требованіе закона и мое собственное ходатайство. Послѣднее было подробно изложено въ запискахъ, представленныхъ и г. Илличевскому, и графу Блудову. Графъ Панинъ отвѣчалъ мнѣ, что право инициативы о законодательныхъ мѣрахъ и о всякомъ измѣненіи ихъ принадлежитъ не ему, а управляющему Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графу Блудову.

На отвѣтъ мой, что графъ Блудовъ приступаетъ къ разсмотрѣнію таковыхъ измѣненій не иначе, какъ на основаніи мнѣнія министра юстиціи о необходимости измѣненія закона, графъ Панинъ обѣщалъ дать свое мнѣніе графу Блудову, когда дѣло о Совѣстномъ Судѣ дойдетъ до его разсмотрѣнія.

Разговоръ мой съ графомъ Блудовымъ былъ болѣе продолжителенъ и касался до сущности дѣла, т. е. не только до моего представленія объ увольненіи прямо изъ тюрьмы маловажныхъ преступниковъ и отдачи ихъ родителямъ или опекунамъ, но и о совершенномъ изъятіи изъ вѣдомства Совѣстнаго Суда дѣлъ о кражахъ ниже 30 рубл. Графъ Блудовъ считалъ подвѣдомственность малолѣтныхъ Совѣстному Суду мѣрою самою милосердою и настаивалъ на томъ, что совѣстный судья долженъ судить не по буквѣ закона, а по совѣсти; я ему указалъ на 723 статью XV т. о необходимости судить по закону и на 146 ст. Уложенія объ отдачѣ въ рекруты за кражи. Далѣе я ему разсказалъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ преступникъ присужденъ былъ мною за маловажную кражу къ легкому наказанію и гдѣ Сенатъ присудилъ обвиненнаго къ отдачѣ въ рекруты согласно закону; графъ возразилъ, что я былъ правъ въ своемъ опредѣленіи, а Сенатъ виноватъ и что я долженъ продолжать основывать мои приговоры на совѣсти (опять эта несчастная совѣсть) и на здравомъ разсудкѣ, и не безпокоиться о томъ, что̀ думаетъ или дѣлаетъ Сенатъ. Этимъ кончилось мое ходатайство у министра юстиціи и у управляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, на счетъ совершеннаго изъятія отъ разсмотрѣнія Суда маловажныхъ кражъ ниже 30 рублей. Нѣсколько позже, но равно безуспѣшно, окончилось другое мое ходатайство, по запискѣ генералъ-губернатору, о выпускѣ маловажныхъ арестантовъ изъ тюрьмы.

По этому предмету открылась переписка между графомъ Блудовымъ и графомъ Панинымъ, и первый сообщилъ мнѣ оную въ подлинникѣ, съ предложеніемъ дать мое мнѣніе.

Графъ Блудовъ высказывалъ въ своемъ письмѣ графу Панину свое горячее желаніе облегчить уголовное производство Совѣстнаго Суда и смягчить участь малолѣтнихъ подсудимыхъ; а графъ Панинъ распространялся въ своемъ письмѣ о необходимости для судей надъ малолѣтными быть снисходительными къ ихъ положенію въ об-

ществѣ и возрасту и соразмѣрять съ ними степень наказанія; онъ упоминалъ о денежныхъ средствахъ, данныхъ на усиленіе канцеляріи Совѣстнаго Суда, приписывалъ медленность въ отправленіи дѣлъ къ плохому выбору дѣлопроизводителей и, выражая мнѣніе, что большинство малолѣтнихъ преступниковъ соприкосновенно къ совершеннолѣтнимъ, онъ также полагалъ, что малолѣтніе могутъ въ иныхъ случаяхъ подвергаться наказанію болѣе тяжкому, чѣмъ совершеннолѣтніе и, въ избѣжаніе такой несообразности, предлагалъ, чтобы Совѣстный Судья засѣдалъ въ Уголовной Палатѣ, для общаго съ нею совѣщанія по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, гдѣ могъ быть данъ общій приговоръ по совершеннолѣтнимъ и малолѣтнимъ.

Въ отвѣтѣ моемъ графу Блудову, я объяснялъ, что совѣты графа Панина, объ уваженіи къ возрастамъ подсудимыхъ, мнѣ невозможно примѣнять, при законѣ, опредѣляющемъ всѣхъ воровъ свыше 14-ти лѣтъ къ отдачѣ въ рекруты; что число рѣшенныхъ дѣлъ въ Совѣстномъ Судѣ превышаетъ число рѣшенныхъ въ равное продолженіе времени Уголовной Палаты, не смотря на огромный составъ послѣдней, и что малолѣтніе преступники по малымъ кражамъ подвергаются болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ совершеннолѣтніе не иногда, какъ полагаетъ графъ Панинъ, а постоянно и неизбѣжно, по объясненнымъ въ моихъ обоимъ министрамъ запискахъ причинамъ. Предложеніе совокупнаго разсмотрѣнія дѣлъ Совѣстнымъ Судомъ съ Уголовною Палатою я признавалъ только новымъ стѣсненіемъ для Совѣстнаго Суда. Графъ Блудовъ раздѣлилъ мое мнѣніе, и это предложеніе графа Панина (въ замѣну моего о скорѣйшемъ освобожденіи изъ тюрьмы всѣхъ маловажныхъ преступниковъ) осталось къ счастію безъ всякаго послѣдствія.

Не было надежды, еще на долгое время, на рѣшенія законодательнымъ порядкомъ, и было ясно изъ мнѣній губернскаго прокурора въ Соединенномъ Присутствіи и оберъ-прокурора въ Сенатѣ, что мое ходатайство найдетъ сопротивленіе во всѣхъ инстанціяхъ Министерства Юстиціи; частные же разговоры съ министрами, хотя подкрѣпленные записками и ссылками на законы и судебные приговоры, оканчивались ничѣмъ, кромѣ обмѣна нѣсколькихъ сердитыхъ писемъ.

Оставалось однако впереди еще одно неиспытанное средство, чтобы дойти до желаннаго результата, а именно указаніе на число малолѣтнихъ преступниковъ, содержавшихся долгое время въ тюрьмѣ и умершихъ до окончанія дѣла, по которому они должны были судиться. Такимъ образомъ дѣлалось по крайней мѣрѣ ясно то, что многочисленность производства, по маловажнымъ преступленіямъ, требующимъ формальнаго изложенія въ пространныхъ журналахъ, была главною причиною продолжительной задержки подсудимыхъ въ

заключеніи и смерти многихъ въ тюрьмѣ, до приговора. Таковыхъ жертвъ оказалось 64, по принятымъ при моемъ поступленіи арестантскимъ дѣламъ. Новый рапортъ отъ 22 Марта 1850 года съ возобновленіемъ прежняго ходатайства объ измѣненіи закона, но въ этотъ разъ съ приложеніемъ списка малолѣтнихъ арестантовъ умершихъ безъ суда, былъ посланъ мною генералъ-губернатору, съ просьбою довести до высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора о причинахъ опасаться, что бывшее несчастіе, не смотря на всѣ старанія мои, можетъ повторяться при постоянно усиленномъ поступленіи въ Совѣстный Судъ дѣлъ, которыя до 1846 года были оканчиваемы полицейскими мѣстами, съ назначеніемъ легкихъ наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ я, по званію члена Комитета Общества Попечительнаго о тюрьмахъ, лично представилъ предсѣдателю этого Комитета графу Орлову, словесно и въ запискѣ за № 370, что въ числѣ 710 рѣшенныхъ мною уголовныхъ дѣлъ, 64 арестанта умерли до состоянія надъ ними приговоровъ, и въ томъ числѣ нѣкоторые признанные невинными, и просилъ графа обратить Монаршій взоръ на несчастную участь малолѣтнихъ подсудимыхъ, терпящихъ нынѣ несравненно свыше мѣры своей вины, отъ долговременнаго содержанія подъ стражею. Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ выслушалъ съ большимъ вниманіемъ всѣ подробности дѣла, находилъ его заслуживающимъ неотложнаго разсмотрѣнія и, увѣривъ меня, что онъ всѣмъ сердцемъ принимается за это ходатайство и считаетъ его долгомъ совѣсти, обѣщалъ послать за мною, какъ скоро обстоятельства того потребуютъ.

Срокъ отъѣзда Императора въ Варшаву приближался. Я надѣялся получить еще до отъѣзда Государя благопріятный отзывъ отъ графа Алексѣя Ѳедоровича; но, выждавъ около двухъ недѣль напрасно, я рѣшился поѣхать къ нему вторично, и уже засталъ его въ совершенно иномъ расположеніи противъ бывшаго на первомъ моемъ свиданіи. Графъ сказалъ мнѣ, что, къ большому его сожалѣнію, онъ не можетъ принять никакого участія въ дѣлѣ, что онъ совѣтовался съ министромъ юстиціи, что справки были собраны и что свѣдѣнія, собранныя мною, быть можетъ въ хорошемъ намѣреніи, оказались совершенно ошибочными. Я спросилъ, въ чемъ состояла моя ошибка, и графъ прекратилъ разговоръ, сказавъ, что достаточнымъ доказательствомъ ея то, что умершихъ арестантовъ по Совѣстному Суду оказалось дѣйтвительно не 64, а 14. Выходя изъ комнаты, я сказалъ графу, что я вполнѣ увѣренъ въ точности цифры мною данной, и что одно мое затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ довести объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія. Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ тутъ разразился громкимъ смѣхомъ и, прибавивъ: «ты въ петлю лѣзешь»,

посовѣтовалъ мнѣ оставить безъ дальнѣйшаго хода возбужденное мною дѣло, по которому мнѣ нельзя было ожидать никакого успѣха.

Записка о состоящемъ разнорѣчіи въ законахъ, которую я хотѣлъ передать графу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, была готова, и я рѣшился представить ее чрезъ Коммисію Прошеній на высочайшее усмотрѣніе Государя.

Въ слѣдующій день послѣ втораго моего свиданія съ графомъ Орловымъ, я поѣхалъ въ Коммисію Прошеній. Статсъ-секретарь князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ, выслушавъ меня съ большимъ терпѣніемъ и сдѣлавъ мнѣ нѣкоторые вопросы, самые близкіе къ сущности дѣла, прочелъ мою записку. Онъ не находилъ нужнымъ дѣлать въ ней никакихъ измѣненій, но не одобрилъ проекта моего всеподданнѣйшаго прошенія, которое онъ также прочелъ, по настоятельной моей просьбѣ. Прошеніе это было слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь. Припадаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, какъ припадаетъ къ нимъ каждый изъ вашихъ вѣрноподданныхъ, увѣренный въ правотѣ своего дѣла и въ великодушномъ правосудіи Монарха».

«Я осмѣлился обратить вниманіе высшаго начальства на пререканіе между двумя законами (1581 и 1676 ст. Улож. о наказаніяхъ), въ слѣдствіе коего малолѣтніе судятся за маловажныя преступленія, по коимъ совершеннолѣтніе вовсе суду не подвергаются, получаютъ легкое исправительное наказаніе отъ полиціи и водворяются на мѣста жительства. Я доносилъ, что въ слѣдствіе этого самаго пререканія несовершеннолѣтніе отдаются въ военную службу за кражи на 30 копѣекъ серебромъ; что въ первую половину 1846 года, т. е. до принятія въ руководство Уложенія о наказаніяхъ, вступило въ здѣшній Совѣстный Судъ 41 дѣло, а въ послѣднюю 405, т. е. почти вдесятеро болѣе, и что въ числѣ тысячи слишкомъ старыхъ дѣлъ, принятыхъ мною нерѣшенными въ Совѣстномъ Судѣ, 64 арестанта умерли въ тюрьмѣ до состоянія надъ ними приговора. Я просилъ о томъ, чтобы эти обстоятельства были доведены, Всемилостивѣйшій Государь, до Высочайшаго Вашего вѣдѣнія, и чтобы было представлено Вашему Императорскому Величеству о горькой участи малолѣтнихъ подсудимыхъ, терпящихъ съ 1846 года несравненно свыше мѣры своей вины».

«Увеличивая ежедневно число жертвъ моими приговорами и не получая разрѣшенія при тягостныхъ для совѣсти дѣйствіяхъ, я наконецъ дерзаю, какъ вѣрноподданный и какъ С.-Петербургскій совѣстный судья, припасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и умолять всемилостивѣйше повелѣть II-му Отдѣленію Импе-

раторской Канцеляріи разсмотрѣть изложенное мною пререканіе и представить Вашему Императорскому Величеству свое мнѣніе».

«Поднося сію всеподданнѣйшую просьбу къ Вашему Императорскому Величеству какъ отцу и въ упованіи на милосердое попеченіе о благѣ несчастнѣйшихъ жертвъ медленности въ дѣлахъ, есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Владиміръ Давыдовъ, С.-Петербургскій совѣстный судья».

Князь Голицынъ совершенно справедливо замѣчалъ въ этой просьбѣ тонъ жалобы, и что хотя частныя имена не названы, но было указано на разныя вѣдомства и мѣста, къ которымъ я обращался безуспѣшно и которыхъ представителей я обвинялъ косвенно въ равнодушіи къ весьма серіозному дѣлу. Это прошеніе непремѣнно подняло бы массу оправданій и рекриминацій, посреди коихъ цѣль моя могла бы быть окончательно потеряна. Я написалъ согласно совѣту князя новое всеподданнѣйшее прошеніе, которое дословно состояло въ слѣдующемъ:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Побуждаемый постояннымъ усердіемъ къ исполненію священныхъ обязанностей, возложенныхъ на меня Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, при утвержденіи меня въ должности С.-Петербургскаго совѣстнаго судьи, я не могъ не обратить особеннаго вниманія на двѣ статьи закона, имѣющія ежедневное примѣненіе къ многочисленнымъ проступкамъ малолѣтнихъ подсудимыхъ. Изложивъ замѣчанія мои въ краткой запискѣ, я осмѣливаюсь приложить оную и всеподданѣйше просить всемилостивѣйшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества представить ее для разсмотрѣнія во Второе Отдѣленіе Вашего Императорскаго Величества Канцеляріи. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть

«Всемилостивѣйшій Государь»!
«Вашего Императорскаго Величества»
«Владиміръ Давыдовъ»
«С.-Петербургскій совѣстный судья».

Представленная записка слѣдующаго содержанія.

Въ 137 статьѣ XV тома Свода Законовъ сказано: «малолѣтствомъ въ уголовныхъ дѣлахъ считается возрастъ не болѣе семнадцати лѣтъ отъ рожденія».

Въ 1581 статьѣ XV тома Свода Законовъ, 6-го продолженія, сказано: «вѣдомству Совѣстнаго Суда подлежатъ преступленія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, не достигшихъ двадцати одного года».

Въ 1676 статьѣ XV тома Свода Законовъ, 6-го продолженія, сказано: «къ маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ непосредственно полицейской расправѣ, относятся: 1-е, воровство-кража, и воровство-мошенничество, когда оныя учинены въ первый и второй разъ и цѣна похищеннаго не превышаетъ тридцати рублей и когда притомъ не было никакихъ особыхъ, на основаніи 2159 и 1184 статей Уложенія увеличивающихъ вину обстоятельствъ. 2-е, Тѣ преступленія, которыя по статьямъ 1427, 1504, 1579, 1609, 1612, 1613, 1804, 1845, 2160, по 1 п. статьи 2177, и по статьямъ 2178, 2180, 2193 и 2194 Уложенія о наказаніяхъ, подлежатъ одинаковымъ съ опредѣленными за воровство-кражу или воровство-мошенничество наказаніямъ, и въ сихъ статьяхъ именно означены, съ тѣмъ же ограниченіемъ, относительно цѣны и повторенія. 3-е, Захваты и неправильное пользованіе доходами или иными выгодами чужаго имѣнія, означенныя въ статьяхъ 2098 и 2104 Уложенія о наказаніяхъ и 4-е, Вообще преступленія и проступки, за которые въ законѣ опредѣляются лишь денежное взысканіе не свыше тридцати рублей серебромъ, или кратковременный арестъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ, или наказаніе розгами не болѣе тридцати ударовъ».

Въ статьѣ 1581 не сказано, что изъ вѣдомства Совѣстнаго Суда исключаются преступленія, изъясненныя въ 1676 статьѣ; равнымъ образомъ въ статьѣ 1676 не добавлено, что изъ числа подлежащихъ полицейской расправѣ исключаются малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, помянутые въ статьѣ 1581-й.

Въ такомъ пререканіи двухъ законовъ, предлагается вопросъ, какой изъ двухъ слѣдуетъ пополнить: 1581 ли статью объясненіемъ, что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе пользуются тѣмъ же правомъ, какъ совершеннолѣтніе, и за первую кражу ниже 30 рублей серебромъ не подвергаются суду, или 1676 статью словами, что одни совершеннолѣтніе не подвергаются суду за мелкіе проступки, и что малолѣтніе подвергаются оному, какъ бы незначительна кража ни была. Одно изъ двухъ пополненій необходимо для того, чтобъ удалить противурѣчіе между двумя законами. Дабы опредѣлить, какое изъ двухъ отвѣчаетъ болѣе цѣли правосудія, должно обратить взоръ на участь подсудимыхъ, которые въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ всѣ подвергаются суду за такія преступленія, за которыя совершеннолѣтніе въ силу 1676 статьи отъ суда освобождаются.

За воровство-кражу и за воровство-мошенничество, не свыше тридцати рублей серебромъ, въ первый и второй разъ, безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, совершеннолѣтніе не подвергаются заключенію въ тюрьмѣ, получаютъ наказаніе розгами и водворяются на мѣста жительства, или оставляются здѣсь, а несовершеннолѣтніе заключаются въ тюрьму, предаются суду и, послѣ продол-

жительнаго содержанія подъ стражею, назначаются въ военную службу. По суду избѣгнуть этого наказанія и замѣнить его легчайшимъ нѣтъ никакой возможности, потому что за воровство-кражу и за воровство-мошенничество не свыше тридцати рублей серебромъ, въ первый и второй разъ, безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, по словамъ 2159 и 2184 статей Уложенія, виновные лишаются всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, а по силѣ 146 статьи Уложенія, за преступленія, за кои опредѣляется лишеніе тѣхъ правъ и преимуществъ, несовершеннолѣтніе отъ 14 лѣтъ до 21 года, отдаются въ военную службу.

Хотя Совѣстный Судъ нѣкоторымъ подсудимымъ подобнаго рода, болѣе заслуживавшимъ по мнѣнію суда снисхожденія, вмѣнялъ въ наказаніе долговременное содержаніе подъ стражею и представлялъ о семъ на усмотрѣніе Правительствующаго Сената; но Сенатъ, основываясь на 146 статьѣ Уложенія, отдалъ ихъ въ солдаты.

Примѣромъ сему служатъ дѣла: двороваго человѣка Ѳедора Бучина, мѣщанина Александра Павлова, крестьянина Василія Макѣева, двороваго человѣка Макара Богданова и мѣщанина Даниилы Ваулина, судившихся, первый за кражу на 26 р., второй за кражу на 9 рубл., третій за кражу на 6 руб. 10 коп., четвертый за кражу на 1 рубл. и пятый за кражу на 30 коп. сер. Всѣ эти кражи сдѣланы ими въ первый разъ и безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ.

Слѣдуетъ еще сказать, въ подкрѣпленіе вышеизложенныхъ причинъ, о томъ, что въ 1581 статьѣ должно сдѣлать измѣненіе о маловажныхъ проступкахъ, то, что со вступленія оной въ дѣйствіе и съ измѣненіемъ несовершеннолѣтія, измѣнилась и мѣра поступленія дѣлъ въ Совѣстный Судъ, какъ это видно изъ слѣдующаго:

Съ 1 Января по 1 Мая 1846 года поступило 41
Съ 1 Мая 1846 по 1 Января 1847 года 405
а къ 1 Января 1849 года было въ Совѣстномъ Судѣ нерѣшенныхъ дѣлъ уголовныхъ 1250

въ томъ числѣ о 64 арестантахъ, умершихъ въ тюрьмѣ до составленія надъ ними приговора.

Вышеизложенное прошеніе я подалъ князю Голицыну 19 Апрѣля. Князь благодарилъ меня за доставленный ему случай содѣйствовать полезному дѣлу, а слѣдующаго 25 Апрѣля увѣдомилъ меня офиціально, отношеніемъ за № 2621, что онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору мое всеподданѣйшее прошеніе и по высочайшему повелѣнію препроводилъ того же числа къ графу Блудову на разсмотрѣніе. Въ слѣдующій день, а именно 26 Апрѣля, я получилъ отношеніе за № 216, отъ предсѣдательствующаго вице-

президента тюремнаго комитета, сенатора Сергѣя Степановича Ланскаго, съ просьбою доставить ему именной списокъ 64 умершихъ арестантовъ, бывшихъ, какъ значилось въ моемъ отношеніи къ графу Орлову, въ вѣдѣніи Совѣстнаго Суда, съ обозначеніемъ, къ какому наказанію каждый изъ нихъ былъ бы приговоренъ, если бы смерть ихъ не постигла.

Я ничего лучшаго не могъ пожелать, такъ какъ Сергій Степановичъ уже не разъ говорилъ мнѣ о страшной смертности арестантовъ и большомъ числѣ считающихся за Совѣстнымъ Судомъ.

Производимое по высочайшему повелѣнію слѣдствіе приняло сначала видъ весьма неблагопріятный для Совѣстнаго Суда. Въ спискѣ, представленномъ къ Государю чрезъ Коммисію Прошеній, значилось 64 умершихъ арестантовъ, а по списку, доставленному изъ Министерства Юстиціи и согласному съ тюремными списками, ихъ оказывалось 14. Сергій Степановичъ спрашивалъ, какимъ образомъ объясняется столь большая разница между двумя показаніями. Я обѣщалъ отвѣчать присылкою именнаго списка всѣхъ 64 умершихъ арестантовъ; но въ слѣдующій день ко мнѣ пріѣхалъ секретарь Суда съ усерднѣйшею просьбою избавить его и товарища отъ скрѣпленія списка своими подписями. Причиною этой неожиданной просьбы былъ страхъ подвергнуть себя неудовольствію высшаго начальства и лишиться возможности продолжать службу. Я согласился, чтобы списокъ не былъ скрѣпленъ секретарями, но приказалъ самыя дѣла, т. е. подлинные журналы, составленные по всѣмъ умершимъ арестантамъ, собрать въ одно мѣсто. Ихъ оказалось полное число 64, и не могло быть иначе, такъ какъ поставлено въ обязанность Совѣстному Суду, равно какъ и Уголовной Палатѣ, разсматривать каждое дѣло объ умершемъ подсудимомъ съ такою же подробностію, какъ объ живомъ, для опредѣленія извѣстности или неизвѣстности причины преступленія, и прикосновенности или неприкосновенности другихъ къ виновному.

Собранныя на двухъ возахъ 64 дѣла были отправлены при спискѣ за моею подписью къ Сергію Степановичу Ланскому.

Въ министерскомъ же спискѣ числились только дѣла, представленныя въ Совѣстный Судъ со дня вступленія моего въ должность, а въ моемъ спискѣ всѣ принятыя отъ моего предмѣстника и вновь поступившія дѣла.

Оказывалось, что итогъ умершихъ, показанныхъ въ моемъ спискѣ, долженъ былъ быть увеличенъ отъ 64 до 67, вслѣдствіе трехъ вновь умершихъ, оказавшихся въ новомъ спискѣ, представленномъ по требованію Министерства Юстиціи, и не дошедшихъ еще до свѣдѣнія Совѣстнаго Суда.

Списокъ умершихъ 64 арестантовъ значится ниже, въ приложеніи къ этой статьѣ.

Имена трехъ арестантовъ вновь умершихъ не показаны въ семъ спискѣ, такъ какъ дѣла объ нихъ Судомъ уже не разсматривались.

Окончательное рѣшеніе по ходатайству, которое такъ медленно двигалось по нисшимъ и высшимъ инстанціямъ, послѣдовало въ указѣ Правительствующаго Сената, отъ 30 Ноября 1850 года за № 47894.

Довольно отрадно было читать, что указъ начинался словами: «Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе г. управляющаго Министерствомъ Юстиціи, при коемъ онъ (хотя это самое министерство два года противодѣйствовало моему ходайству) предлагаетъ Правительствующему Сенату высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія объ измѣненіи постановленій относительно порядка производства и рѣшенія дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. «Мнѣніемъ этимъ постановлено: пунктъ 1-й, несовершеннолѣтнихъ отъ14 до 21 года, неизъятыхъ по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, за учиненіе преступленій и проступковъ, которые по общимъ законамъ влекутъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и заключеніе въ рабочемъ домѣ, подвергать, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, наказанію розгами, въ размѣрѣ уменьшенномъ противъ опредѣляемаго въ 84 ст. Уложенія, одною или двумя степенями, по усмотрѣнію Суда; и пунктъ 5, дѣла о несовершеннолѣтнихъ, имѣвшихъ во время учиненія преступленій болѣе 14-ти лѣтъ, но менѣе 21 года, разсматривать по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства, безъ участія Совѣстнаго Суда въ полицейскихъ мѣстахъ, когда дѣло, по званію подсудимаго и роду учиненнаго имъ преступленія, могло подлежать полицейской расправѣ (Св. зак. угол. тома XV, въ VI. прод. ст. 1676—1682) или же въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, также безъ участія Совѣстнаго Суда.

Для людей, незнавшихъ прежняго закона, относительно къ малолѣтнимъ подсудимымъ, сенатскій указъ 30 Ноября имѣлъ видъ скорѣе жестокій, чѣмъ милосердый. Малолѣтніе присуждались имъ къ тѣлесному наказанію, и весьма малому числу людей было извѣстно, что они чрезъ это наказаніе, которое Судъ еще имѣлъ право смягчать, избавлялись отъ отдачи въ военную службу.

Нельзя въ точности опредѣлить числа, но вѣроятно болѣе 1000 малолѣтнихъ арестантовъ по С.-Петербургскому и прочимъ Россійскимъ Совѣстнымъ Судамъ чрезъ этотъ указъ освободились отъ тюремнаго заключенія, а еще большее число избавилось на будущее время отъ тяжести кары и заключенія въ тюрьмѣ. Одинъ изъ сенаторовъ прислалъ мнѣ въ подарокъ напечатанный на пергаментѣ

указъ отъ 30 Ноября, а мой старый сподвижникъ и по неволѣ противникъ Н. В. Жуковскій, написалъ мнѣ слѣдующее письмо: «Принося вашему превосходительству мою покорнѣйшую благодарность, за доставленіе указа, разрѣшающаго вопросы по дѣламъ о малолѣтнихъ, имѣю честь возвратить оный. Мнѣ весьма жаль, что я не могъ видѣться съ вами и лично поздравить васъ съ успѣхомъ въ семъ дѣлѣ, съ монаршею милостію; рана на ногѣ не дозволяетъ мнѣ встать съ постели и выйти изъ спальни, но я съ истиннымъ удовольствіемъ поздравляю васъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Николай Жуковскій».

Я надѣялся вскорѣ присутствовать при выпускѣ изъ тюрьмы малолѣтнихъ арестантовъ, но долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія, и послѣднія бумаги въ моей коллекціи, полученныя уже 19 Января 1851 года, объясняютъ причины дальнѣйшаго задержанія малолѣтнихъ преступниковъ подъ арестомъ.

148 дѣлъ о такихъ арестантахъ были отправлены въ Управу Благочинія, но Управа возвратила ихъ обратно въ Судъ, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что въ виду 60 и 61 ст. тома I Св. Зак. изд. 1842 г. законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ просила г. военнаго генералъ-губернатора приказанія Совѣстному Суду рѣшать всѣ дѣла по преступленіямъ, учиненнымъ несовершеннолѣтними до изданія указа Сената отъ 30 Ноября.

Совѣстный Судъ долженъ былъ рапортомъ отъ 22 Декабря 1850 года испрашивать разрѣшенія Сената препроводить обратно въ Управу Благочинія и другія мѣста дѣла о малолѣтнихъ подсудимыхъ; разрѣшеніе это окончательно получено, и отправленныя въ послѣдній разъ въ Управу дѣла уже въ Совѣстный Судъ не возвращались.

Мы всѣ убѣждены, что медленность, подобная описанной мною, въ устраненіи явныхъ противорѣчій встрѣчаемыхъ въ законахъ, невозможна на будущее время при великой реформѣ, состоявшейся въ настоящее царствованіе и при введеніи гласнаго судопроизводства, а слѣдовательно и возможности публичнаго ходатайства объ измѣненіи къ лучшему законодательства, во всѣхъ случаяхъ пререканія или сомнѣнія.

Я сожалѣю, что не имѣлъ никакого сношенія съ авторомъ книги «Тюрьма и Ссылка» г. Никитинымъ, до появленія въ печати его интереснаго сочиненія, и не могъ передать ему во время свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ этой статьѣ, о ходѣ дѣла по измѣненію законодательства о малолѣтнихъ подсудимыхъ. Настоящую статью я рѣшился писать не въ видахъ сѣтованія на то, что въ книгѣ г. Никитина вся услуга въ этомъ дѣлѣ предоставлена графу Ланскому,

но для того чтобы заявить въ печати, до какой степени я участвовалъ въ исходатайствованіи смягченія сказаннаго закона.

Объ одномъ можно сожалѣть, что въ 1852 году Совѣстные Суды были совершенно закрыты, и хотя совѣстные судьи и теперь выбираются, но такъ какъ при нихъ нѣтъ самостоятельнаго присутствія, то и дѣлъ у нихъ въ производствѣ, какъ мнѣ извѣстно, никакихъ нѣтъ.

По гражданскимъ дѣламъ, хотя закономъ и предоставлялось право сторонамъ отказываться отъ разбирательства въ Совѣстномъ Судѣ, но суду удавалось иногда согласовать противниковъ, особенно если между ними встрѣчались люди честные и расположенные ко взаимнымъ уступкамъ. Но по семейнымъ дѣламъ, между родителями и дѣтьми, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда распря доходила до открытой между ними вражды, Совѣстному Суду удавалось возстановлять семейныя отношенія. Случалось, что не видавшіе другъ друга нѣсколько лѣтъ и созванные въ присутствіе, умилялись свиданіемъ гораздо болѣе, чѣмъ всякими увѣщаніями суда; взаимныя притязанія, а иногда и денежные документы, съ общаго согласія уничтожались, спорящіе переходили отъ упрековъ къ самообвиненіямъ, и судья становился безмолвнымъ свидѣтелемъ и вносилъ въ журналъ, что отецъ и дѣти примирились.

Приложеніе.

СПИСОКЪ

арестантамъ, поступившимъ къ сужденію С.-Петербургскаго Совѣстнаго Суда въ 1846, 1847, 1848 годахъ и умершимъ въ тюрьмѣ до рѣшенія объ нихъ дѣлъ.

№	ИМЕНА и ФАМИЛИИ.	Время взятія подъ стражу.	Время поступленія дѣла въ Судъ.	Время смерти подсудимаго.	Время окончанія дѣла о нихъ.
1	Артемій Селиверстовъ, казенный крестьянинъ . . .	3 Сентября 1846.	2 Августа 1846.	18 Іюня 1848.	29 Іюля 1849.
2	Семенъ Криновъ, дьячекъ.	15 Октября 1846.	7 Октября 1846.	17 Октября 1847.	19 Августа 1849.
3	Константинъ Васильевъ, крестьянинъ г. Батюшкова.	28 Декабря 1846.	24 Февраля 1847.	16 Іюня 1848.	Не рѣшено.
4	Михаилъ Санятовъ, мѣщанинъ	21 Января 1847.	6 Марта 1847.	11 Декабря 1847.	24 Февраля 1850.
5	Константинъ Исаковъ, крестьянинъ г. Коробовскаго .	25 Января 1847.	7 Марта 1847.	8 Января 1848.	24 Февраля 1850.
6	Пантелей Кабани, удѣльный крестьянинъ	4 Декабря 1846.	1 Апрѣля 1847.	21 Іюня 1848.	22 Февраля 1850.
7	Анна Иванова, солдатская дочь	20 Ноября 1846.	24 Апрѣля 1847.	21 Іюня 1848.	22 Февраля 1850.
8	Иванъ Адутковъ, государственный крестьянинъ . .	4 Апрѣля 1847.	26 Апрѣля 1847.	21 Іюня 1848.	10 Февраля 1850.
9	Павелъ Трофимовъ, крестьянинъ г. Иванова. . . .	4 Октября 1846.	20 Апрѣля 1847.	11 Марта 1848.	Не рѣшено.
10	Адамъ Забинякъ, крестьянинъ г. Сурана	28 Ноября 1846.	6 Марта 1847.	5 Іюля 1848.	Не рѣшено.
11	Адамъ Карбоне, непремѣнный работникъ.	10 Марта 1847.	1 Мая 1847.	15 Іюня 1848.	20 Февраля 1850.

№	ИМЕНА и ФАМИЛИИ.	Время взятія подъ стражу.	Время поступленія дѣла въ судъ.	Время смерти подсудимаго.	Время окончанія дѣла о нихъ.
12	Максимъ Ивановъ, казенный крестьянинъ	12 Апрѣля 1847.	4 Іюня 1847.	9 Іюня 1848.	Не рѣшено.
13	Иванъ Воробьевъ, бродяга, неизвѣстнаго званія. .	14 Іюня 1847.	14 Іюня 1847.	7 Іюля 1848.	Не рѣшено.
14	Григорій Нечаевъ, казенный крестьянинъ	25 Апрѣля 1847.	24 Іюня 1847.	21 Іюня 1848.	Не рѣшено.
15	Іоганъ Куконе, Финляндецъ	26 Іюля 1847.	26 Іюля 1847.	10 Іюня 1848.	Не рѣшено.
16	Анна Мартемьянова, крестьянка г. Болотникова . .	28 Сентяб. 1846.	28 Августа 1847.	6 Ноября 1848.	22 Февраля 1850.
17	Ларіонъ Заводновъ, государственный крестьянинъ .	18 Іюня 1847.	5 Сентября 1847.	13 Іюня 1848.	18 Марта 1849.
18	Антонъ Гузевичъ, бродяга, неизвѣстнаго званія . .	16 Мая 1847.	15 Сентября 1847.	27 Апрѣля 1848.	Не рѣшено.
19	Алексѣй Киселевъ, крестьянинъ г. Ланской. . .	20 Марта 1847.	2 Октября 1847.	7 Марта 1848.	Не рѣшено.
20	Иванъ Лукинъ, мѣщанинъ.	27 Ноября 1847.	8 Декабря 1847.	18 Іюня 1848.	28 Февраля 1850.
21	Петръ Семеновъ, крестьянинъ г. Соковниной . . .	1 Сентября 1847.	13 Декабря 1847.	14 Марта 1848.	Не рѣшено.
22	Константинъ Дергаловъ, крестьянинъ г. Машева . .	4 Апрѣля 1848.	4 Марта 1848.	11 Іюля 1848.	27 Января 1850.
23	Лука Богдановъ, крестьянинъ г. Неплюева. . . .	13 Ноября 1847.	11 Марта 1848.	11 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
24	Марья Петрова, крестьянка г. Загорскаго	20 Ноября 1847.	16 Марта 1848.	11 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
25	Иванъ Аболтинъ, мѣщанинъ	1 Апрѣля 1847.	24 Марта 1848.	5 Августа 1848.	6 Марта 1850.
26	Екатерина Данилова, крестьянка г. Корсакова. . .	4 Декабря 1847.	26 Марта 1848.	7 Сентября 1848.	9 Марта 1850.

№	ИМЕНА и ФАМИЛИИ.	Время взятія подъ стражу.	Время поступленія дѣла въ судъ.	Время смерти подсудимаго.	Время окончанія дѣла о нихъ.
27	Павелъ Осетровъ, казенный крестьянинъ	20 Февраля 1848.	5 Мая 1848.	5 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
28	Василій Воронинъ, мѣщанинъ	25 Января 1848.	6 Мая 1848.	24 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
29	Іоганъ Гизлеръ, Финляндецъ	6 Ноября 1847.	11 Мая 1848.	23 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
30	Никита Богдановъ, казенный крестьянинъ	3 Февраля 1848.	11 Іюня 1848.	2 Іюля 1848.	7 Марта 1850.
31	Андрей Васильевъ, мѣщанинъ	6 Января 1848.	21 Іюня 1848.	17 Іюля 1848.	7 Марта 1850.
32	Зигмондъ Соболевскій, крестьянинъ г. Энгельгардта.	29 Апрѣля 1848.	18 Октября 1848.	4 Іюня 1848.	16 Іюля 1849.
33	Тихонъ Кохановъ, крестьянинъ г. Соломки. . . .	11 Августа 1848.	17 Января 1849.	19 Мая 1848.	18 Апрѣля 1849.
34	Иванъ Семеновъ, крестьянинъ г. Одоевской . . .	13 Ноября 1848.	18 Января 1849.	9 Апрѣля 1848.	18 Апрѣля 1849.
35	Егоръ Аренгеймъ, цѣховой работникъ.	17 Іюня 1848.	9 Февраля 1849.	20 Мая 1848.	16 Мая 1849.
36	Антонъ Феклистовъ, государственный крестьянинъ.	13 Іюля 1849.	25 Августа 1849.	10 Декабря 1848	7 Августа 1849.
37	Іоганъ Манни, Финляндецъ	17 Августа 1845.	11 Іюня 1847.	17 Іюня 1848.	14 Февраля 1850.
38	Никита Васильевъ, дворянинъ	21 Декабря 1846.	18 Октября 1846.	17 Іюня 1848.	7 Декабря 1849.
39	Александръ Артемьевъ, крестьянинъ г. Щукина . .	13 Іюля 1846.	19 Декабря 1846.	14 Марта 1847.	Не рѣшено.
40	Ефремъ Васильевъ, крестьянинъ г. Полянскаго. . .	26 Апрѣля 1846.	27 Декабря 1846.	29 Марта 1847.	Не рѣшено.
41	Андрей Гердфельдтъ, мѣщанинъ	10 Октября 1846.	1 Января 1847.	21 Декабря 1847.	Не рѣшено.

№	ИМЕНА и ФАМИЛІИ.	Время взятія подъ стражу.	Время поступленія дѣла въ судъ.	Время смерти подсудимаго.	Время окончанія дѣла о нихъ.
42	Тимоѳей Герасимовъ, крестьянинъ г. Нарышкина. .	1 Ноября 1846.	9 Января 1847.	26 Января 1847.	9 Августа 1849.
43	Захаръ Степановъ, государственный крестьянинъ .	25 Декабря 1845.	8 Февраля 1847.	14 Апрѣля 1847.	Не рѣшено.
44	Ануфрій Богдановъ, крестьянинъ г. Маркевича . .	11 Декабря 1846.	10 Февраля 1847.	9 Декабря 1847.	Не рѣшено.
45	Михаилъ Клементьевъ, Финляндецъ	7 Декабря 1846.	12 Февраля 1847.	11 Апрѣля 1847.	2 Декабря 1849.
46	Алексѣй Ивановъ, государственный крестьянинъ .	14 Ноября 1846.	17 Февраля 1847.	11 Апрѣля 1847.	Не рѣшено.
47	Петръ Егоровъ, государственный крестьянинъ . .	28 Декабря 1846.	26 Февраля 1847.	1 Ноября 1847.	Не рѣшено.
48	Андрей Ивановъ, крестьянинъ г. Рюмина	15 Февраля 1847.	15 Апрѣля 1847.	9 Ноября 1847.	10 Февраля 1850.
49	Петръ Сергѣевъ, воспитанникъ Воспитат. Дома. .	20 Сентяб. 1846.	1 Декабря 1846.	6 Апрѣля 1848.	1 Марта 1850.
50	Степанъ Алексѣевъ, удѣльный крестьянинъ	16 Мая 1846.	28 Іюня 1846.	17 Іюня 1848.	11 Іюня 1849.
51	Никита Ивановъ, государственный крестьянинъ . .	21 Ноября 1845.	13 Марта 1847.	12 Ноября 1848.	18 Января 1849.
52	Константинъ Востряковъ, дворовый челов. г. Катенина.	12 Марта 1847.	28 Іюня 1847.	20 Іюня 1848.	25 Января 1849.
53	Ѳедоръ Семеновъ, крестьянинъ г. Горбачева . . .	12 Марта 1848.	12 Февраля 1848.	19 Іюня 1849.	Не рѣшено.
54	Якимъ Ивановъ, крестьянинъ г. Маничарова . . .	19 Октября 1847.	24 Февраля 1848.	18 Іюня 1848.	7 Марта 1850.
55	Семенъ Филиповъ, крестьянинъ г. Булгакова . . .	16 Апрѣля 1848.	26 Мая 1848.	12 Августа 1848.	7 Марта 1850.
56	Ксенофонтъ Соловьевъ, крестьянинъ г. Корсакова .	24 Ноября 1847.	28 Мая 1848.	21 Іюня 1848.	18 Августа 1849.

№	ИМЕНА и ФАМИЛИИ.	Время взятія подъ стражу.	Время поступленія дѣла въ судъ.	Время смерти подсудимаго.	Время окончанія дѣла о нихъ.
57	Андрей Ивановъ Васильевъ, мѣщанинъ	6 Января 1848.	21 Іюня 1848.	17 Іюля 1848.	7 Марта 1850.
58	Иванъ Тумашинъ, крестьянинъ графини Тизенгаузенъ.	25 Октября 1847.	31 Января 1848.	21 Апрѣля 1848.	22 Февраля 1850.
59	Иванъ Высоцкій, крестьянинъ г Миклашевской . .	24 Октября 1847.	30 Октября 1848.	29 Сентября 1848.	22 Февраля 1850.
60	Михаилъ Цыгановъ, государственный крестьянинъ .	26 Января 1848.	24 Марта 1848.	11 Іюля 1848.	27 Февраля 1850.
61	Фролъ Васильевъ, бродяга, неизвѣстнаго званія . .	13 Декабря 1847.	1 Іюня 1848	25 Іюня 1848.	28 Февраля 1850.
62	Иванъ Петровъ, государственный крестьянинъ . .	2 Августа 1847.	12 Февраля 1848.	24 Февраля 1848.	23 Февраля 1850.
63	Василій Ивановъ, крестьянинъ г. Дьяковой . . .	14 Марта 1847.	1 Іюня 1848.	14 Октября 1848.	1 Марта 1850.
64	Дмитрій Евстигнѣевъ, государственный крестьянинъ.	14 Марта 1847.	24 Марта 1847.	22 Іюля 1848.	20 Февраля 1850.

На правахъ секретаря Михаилъ Кошанскій.

Секретарь Петръ Даниловъ.

Баронъ Штейнъ.

Изъ книги: Life and Times of Stein by I. R. Seeley, 1878. Жизнь и времена Штейна, соч. Дж. Р. Силея (профессора новѣйшей исторіи въ Кэмбриджскомъ университетѣ).

Извѣстно, что знаменитый Прусскій министръ баронъ Штейнъ, прославившійся государственными преобразованіями, которыя послѣ разгрома 1806 года уничтожили въ Пруссіи остатки стараго феодальнаго устройства, и старавшійся возбудить въ Германіи народный духъ противъ Французовъ, принужденъ былъ бѣжать въ Австрійскія владѣнія, откуда въ 1812 году вызвалъ его въ Россію императоръ Александръ Павловичъ. Изъ книги г-на Силя извлекаемъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о пребываніи Штейна въ Россіи, предпославъ имъ краткія данныя о прежнихъ отношеніяхъ барона Штейна и Прусскаго короля Фридриха Вильгельма къ Россіи, заимствованныя изъ того-же сочиненія.

I.

Эрфуртское свиданіе (1808 г.), австро-французская война 1809 года, союзъ Пруссіи съ Франціей (1812).

Мы нынѣ склонны смотрѣть на вторженіе Наполеона въ Россію какъ на безумное предпріятіе, внушенное опьяненіемъ счастія. Вотъ что пророчествовалъ объ этомъ Штейнъ.

„Если Австрія будетъ сокрушена, то Франція, завладѣвъ обломками ея, въ рабской покорности жалкихъ и своекорыстныхъ Германскихъ правительствъ и въ мятежномъ духѣ 12 милліоннаго Польскаго населенія найдетъ средства къ дальнѣйшему ослабленію Россіи. Эта страна, рѣдко населенная, лишенная промышленности, окажетъ слабое сопротивленіе. Управляемая податливымъ, нѣжнымъ государемъ, который упалъ духомъ отъ многихъ неудачъ въ предпріятіяхъ, столь-же небрежно покинутыхъ, какъ и небрежно задуманныхъ, который дѣйствуетъ только посредствомъ безмозглаго, неумѣлаго, развращеннаго чиновничества, такая страна, съ массою народа находящагося въ рабствѣ, недолго выдержитъ борьбу противъ просвѣщенной Европы. И такъ если Россія, послѣ паденія Австріи, неспособна оказать силь-

ное сопротивленіе Франціи, если сія послѣдняя намѣрена уничтожить Пруссію, если Германія можетъ быть спасена только Германіей: то мы должны напрягать всѣ наши усилія и средства въ этомъ направленіи".

Планъ участія Пруссіи въ предстоявшей войнѣ между Австріей и Франціей, составленный Шарнгорстомъ, былъ доложенъ Прусскому королю Штейномъ 21 Августа 1808 г. Штейнъ прибавилъ отъ себя: „Эта война должна быть войною за освобожденіе Германіи Германцами. Должна быть только одна, общая кокарда, цвѣта двухъ главныхъ Нѣмецкихъ націй, Австрійцевъ и Пруссаковъ: черный, бѣлый и желтый".

Планъ былъ разсмотрѣнъ королемъ, который затѣмъ произнесъ свое рѣшеніе на общемъ совѣщанія со Штейномъ, Шарнгорстомъ и Гнейзенау. Рѣшеніе состояло въ слѣдующемъ: вопервыхъ, нельзя ничего предпринимать безъ содѣйствія Россіи; во вторыхъ, король не можетъ положиться ни на свой народъ, послѣ опыта минувшей войны, ни на Австрію, наслѣдственно враждебную его дому.

Почему король такъ твердо надѣялся на Россію, намъ не ясно. Но его рѣшимость въ пользу Россіи привела къ важнымъ послѣдствіямъ. Онъ дѣйствительно былъ спасенъ Россіей въ 1813 г., а это обстоятельство имѣло роковое значеніе. Теченіе Германской исторіи очевидно получило-бы совсѣмъ другое направленіе, если-бъ Австрія и Пруссія забыли о взаимной зависти, для славнаго, можетъ-быть, успѣшнаго сопротивленія Наполеону въ 1809 г. Событія сложились такъ, что Пруссія впала въ зависимость отъ Россіи.

Въ первой половинѣ 1808 года Александру предложено было получить первую уплату за Тильзитское соглашеніе, т. е. Финляндію [1]; но ему обѣщаны были еще другія пріобрѣтенія въ Турціи, а въ то время когда Фридрихъ Вильгельмъ рѣшился руководствоваться его совѣтами, Александръ стремился къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ посредствомъ новой услуги Наполеону. Наполеонъ дѣйствительно нуждался въ его добрыхъ услугахъ: ему необходимо было вернуть потерянное въ Испаніи, и онъ могъ успѣть въ этомъ не иначе, какъ выставляя на показъ тѣсное сближеніе съ Россіей. Требовалось торжественное утвержденіе Тильзитскаго договора передъ лицемъ всей Европы, при такомъ проявленіи безпредѣльнаго могущества обоихъ императоровъ, которое заставило-бы забыть о Бэйленской капитуляціи и о бѣгствѣ изъ Мадрида. За извѣстное вознагражденіе Александръ склоненъ былъ оказать Наполеону содѣйствіе въ этомъ: такимъ вознагражденіемъ были Дунайскія княжества. Эрфуртъ былъ назначенъ мѣстомъ для великаго позорища, а когда Прусскій король сказалъ своимъ министрамъ, что все будетъ зависѣть отъ императора Александра, онъ прибавилъ, что мнѣніе царя можно узнать во время проѣзда его черезъ Кенигсбергъ на пути въ Эрфуртъ. Онъ безъ сомнѣнія могъ-бы прибавить, что самая по-

---

[1]) Политика вполнѣ разумная и національная. Кратковременный союзъ съ Франціей, безъ всякихъ жертвъ со стороны Россіи, облегчилъ ей пріобрѣтеніе Финляндіи, ея важнѣйшей окраины. Союзы съ Австріей и Пруссіей никогда не доставляли Россіи ничего, кромѣ разочарованій.

ѣздка въ Эрфуртъ, по своей цѣли, заранѣе опредѣляла, какой совѣтъ онъ дастъ Пруссіи. Однакожъ тогда повидимому не вполнѣ понимали, до какой степени царь твердо стоялъ на сторонѣ Наполеона, и не только король, но даже Штейнъ, а также и Австрійскіе министры [1]) считали весьма возможнымъ, что Россія поможетъ имъ въ задуманномъ предпріятіи. Александръ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ 18 Сентября, и становился тамъ на три дня. Онъ обѣщалъ свое предстательство у Наполеона о сложеніи части денежныхъ притязаній и о выводѣ войскъ; во всемъ дальнѣйшемъ совѣтовалъ терпѣніе и выжиданіе. Всячески слѣдуетъ избѣгать, сказалъ онъ, разрыва между Австріей и Франціей; если этотъ разрывъ состоится, то Наполеонъ можетъ отсрочить покореніе Испаніи и бросится со всѣми своими силами на Австрію [2]). Штейнъ, въ отвѣтномъ докладѣ, возразилъ, что Наполеону еще легче будетъ броситься со всѣми своими силами на Австрію и на остальную Европу, если ему дадутъ время окончательно подавить Испанію, и затѣмъ начертилъ планъ возстанія всей Германіи, въ націнальномъ и отчасти политическомъ объединеніи, при дѣятельной помощи Россіи.

Изъ этихъ соображеній Штейна видно, что образъ мыслей Александра въ то время былъ мало ему извѣстенъ. Онъ считаетъ его согласіе и даже помощь какъ бы несомнѣнными. Александръ оставилъ Кенигсбергъ, и было предположено отправить вслѣдъ за нимъ Штейна въ Эрфуртъ, для переговоровъ съ Наполеономъ.

Штейнъ тогда еще не зналъ, что Французами перехвачено было и напечатано въ Монитерѣ его письмо къ князю Зайнъ-Витгенштейну отъ 15 Авг. 1808г., въ которомъ онъ высказываетъ всю свою ненависть къ иноземному владычеству и говоритъ о мѣрахъ къ возбужденію возстанія. Съ той поры начались гоненія Наполеона, и Штейнъ долженъ былъ сначала выйдти въ отставку, а потомъ бѣжать въ Австрію.

Но Наполеонъ не могъ обрушить вдругъ на Штейна всю тяжесть своего негодованія. По тогдашнимъ обстоятельствамъ онъ принужденъ былъ иногда лукавить, иногда медлить Въ это самое время онъ переживалъ опасный для него поворотъ: ему стоило большихъ усилій скрывать, что въ Эрфуртѣ въ дуумвиратѣ императоровъ первенствующее мѣсто принадлежало Александру, а не ему [3]). Послѣ неудачъ въ Испаніи, онъ прибѣгъ къ Александру, чтобы заимствовать отъ него свѣжее обаяніе, нѣчто въ родѣ утвержденія его владычества, и хотя онъ могъ предлагать царю желанныя вознагражденія, тѣмъ не менѣе можно сказать, что онъ болѣе нуждался въ Александрѣ, нежели Александръ въ немъ. Онъ былъ очень

[1]) Переписка Наполеона. 14254.

[2]) Такъ и случилось. Напрасно Австрія не послушалась благаго совѣта.

[3]) Французскіе историки стараются придать Эрфуртскому съѣзду совсѣмъ иное значеніе собранія монарховъ на поклоненіе Наполеону. Въ дѣйствительности, онъ и спутники его вращались около Александра.

далекъ отъ всякой возможности предписывать свою волю въ Эрфуртѣ, и менѣе всего относительно Пруссіи, въ благосостояніи которой царь наиболѣе принималъ участія.

Наполеонъ, правда, не имѣлъ причинъ предполагать, чтобъ Александръ былъ лично заинтересованъ Штейномъ. Они впервыя встрѣтились въ Кенигсбергѣ и, можетъ быть, эта встрѣча произвела на имп. Александра такое впечатлѣніе, которое побудило его, четыре года спустя, въ минуту крайней опасности, послать за Штейномъ. Но нельзя было ожидать, чтобы въ то время императоръ вступился только за Штейна; вопросъ былъ въ томъ, не захочетъ ли онъ покровительствовать королю. Извѣстно было, что существовало въ родѣ романтическаго братства между двумя монархами Сѣвера, и Наполеонъ злорадно сѣялъ между ними чувства зависимости и презрѣнія, занеся въ Тильзитскій договоръ, что Пруссіи возвращается часть ея владѣній единственно во вниманіе къ заступничеству императора Александра.

Фридрихъ-Вильгельмъ вполнѣ освоился съ Русскою опекою. Вся иностранная политика его въ то время состояла въ принесеніи Александру жалобъ на Францію. Такъ онъ сказалъ Штейну и Шарнгорсту, что безъ дозволенія Россіи невозможно и думать о возстаніи. Теперь онъ вновь понадѣялся на ея помощь, прежде чѣмъ рѣшился разстаться съ Штейномъ. Эта разлука, повидимому, стоила ему немалаго усилія надъ собою. Когда, 21-го Сентября, получены были изъ Парижа грозныя требованія Наполеона, онъ отвѣчалъ сначала письменнымъ отказомъ, особенно настаивая на невозможности уволить Штейна. Наполеонъ, не допуская ни на минуту мысли объ окончательной уступкѣ, остановился, однакоже, предъ явнымъ и прямымъ насиліемъ надъ королемъ, опасаясь вмѣшательства Александра, волею котораго онъ тогда не могъ пренебрегать. Этимъ объясняется допущенная имъ отсрочка и согласіе на увольненіе Штейна подъ видомъ не столь оскорбительнымъ для короля.

Но связь между королемъ и министромъ уже была ослаблена. Александръ далъ понять королю, что онъ на этотъ разъ поддержитъ Наполеона. Вскорѣ потомъ получено приглашеніе посѣтить Петербургъ. Можно себѣ представить, съ какою радостью бѣдная королева Луиза возмечтала просіять изъ долгаго затмѣнія, въ Русскомъ высшемъ обществѣ, въ обаяніи королевы и красавицы. Между тѣмъ, принять такое приглашеніе было щекотливымъ дѣломъ. Александръ въ это время казался почти такимъ же врагомъ ему, какъ самъ Наполеонъ. Видя Фридриха-Вильгельма въ качествѣ Петербургскаго гостя, можно было ожидать, что онъ скоро появится и въ Тюильери, наряду съ Дальбергомъ и королемъ Жеромомъ, внесенный въ позорный списокъ членовъ Рейнскаго союза. Штейнъ, ссылаясь на недостатокъ денежныхъ средствъ, выразился противъ этой поѣздки, и король не могъ не согласиться съ нимъ. Но бѣдная королева не могла примириться съ разочарованіемъ. Ее поддерживалъ нѣкто Наглеръ, шуринъ Альтен-

штейна; Альтенштейнъ-же былъ приверженецъ Гарденберга, партія котораго стала выдѣляться при упадкѣ значенія Штейна. Вскорѣ послѣдовала отставка Штейна, который подвергся открытому преслѣдованію со стороны Наполеона....

. . . .

Въ началѣ 1812 г., когда Пруссія, вовлеченная въ союзъ съ Наполеономъ противъ Россіи, находилась на послѣдней степени униженія, Гарденбергъ не покинулъ своей должности, какъ сдѣлали Шарнгорстъ, Гнейзенау, Бойенъ и другіе, изъ которыхъ иные возвратились къ частной жизни, а другіе даже выѣхали изъ Пруссіи. Гарденбергъ притворствомъ совершенно обезоружилъ подозрительность Наполеона. Можно считать за счастіе, что въ 1813 г. при Фридрихѣ-Вильгельмѣ находился человѣкъ, который могъ пользоваться довѣріемъ Русскаго и Англійскаго дворовъ, но въ то время поведеніе Гарденберга въ глазахъ большинства казалось измѣною правому дѣлу. Тогда и Штейнъ пересталъ питать къ нему прежнее уваженіе, какъ видно изъ его переписки въ изгнаніи. 5-го Марта обмѣнены ратификаціи союзнаго договора съ Франціей, и колонны Французскихъ войскъ выступили изъ Магдебурга на Штеттинъ.

Это было завершеніемъ паденія Пруссіи. Пораженіе Россіи всѣми соединенными силами Европы, кромѣ Испаніи, казалось несомнѣннымъ и, по возвращеніи Наполеона, послѣдній оплотъ Пруссіи оказался-бы разрушеннымъ отчасти средствами самой Пруссіи. Затѣмъ не представляло уже никакой важности, найдетъ ли завоеватель болѣе удобнымъ вовсе лишить престола Гогенцолернскій домъ, или сдѣлать Фридриха-Вильгельма своимъ намѣстникомъ въ Бранденбургѣ, какимъ былъ Жеромъ въ Вестфаліи.

Отвѣтственнымъ лицомъ за это конечное уничиженіе былъ самъ король. Въ эту роковую минуту онъ не обнаружилъ великодушія, на которое иногда способны и люди слабой воли; онъ не рѣшился спасти хотя честь націи, когда уже нельзя было спасти ничего другаго. А, между тѣмъ, по замѣчательному стеченію событій, это послѣднее доказательство малодушія, которое приводило въ отчаяніе вѣрнѣйшихъ слугъ его и казалось безусловно пагубнымъ, привело къ прекращенію всѣхъ бѣдствій Пруссіи, къ возстановленію ея силы, и положило основаніе ея главенству въ Германіи. Такимъ поразительнымъ поворотомъ судебъ объясняется, можетъ быть, мнѣніе нѣкоторыхъ, будто бы Фридрихъ-Вильгельмъ, не смотря на его простоту и на очевидную слабость во многихъ его дѣйствіяхъ, обладалъ умомъ болѣе прозорливымъ, нежели многіе изъ его министровъ. Дункеръ говоритъ по этому поводу: «Рѣшимость Александра не переступать своихъ границъ, въ связи съ поведеніемъ Австріи, побудили Фридриха-Вильгельма настоять на своемъ намѣреніи, вопреки совѣтамъ Шарнгорста, Гнейзенау и Бойена, а также и канцлера Гарденберга, которые съ Іюля 1811 г. всѣ рѣшительно высказывались въ пользу союза съ Россіей. Событія оправдали образъ дѣйствій короля, и этимъ путемъ достигнуто было болѣе полное

торжество Пруссіи и Германіи, нежели какое можно было, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, осуществить противоположною политикою».

Но поступилъ-ли Фридрихъ-Вильгельмъ въ этомъ случаѣ сознательно, и потому что былъ дальновиднѣе своихъ совѣтниковъ? Можемъ-ли мы предположить, что онъ вѣрнѣе, нежели его министры, оцѣнилъ могущество народнаго порыва, который ополчится въ Россіи на Наполеона, и сказалъ себѣ: «Потѣшимъ его; наше слабое сопротивленіе, можетъ быть, нѣсколько затруднило-бы успѣхъ его замысловъ, но оставимъ его могущество нетронутымъ: тамъ, въ сердцѣ Россіи, покоятся силы, которыхъ взрывъ можетъ сокрушить его; заведемъ корабль въ такія воды, подъ которыми лежатъ скрытыя торпеды»!

Истина въ томъ, что представленіе о страшномъ погромѣ, ожидавшемъ Наполеона, никому тогда на умъ не приходило. Едва-ли Фридрихъ-Вильгельмъ видѣлъ глубже и далѣе другихъ. По всей вѣроятности, онъ рѣшился примкнуть къ Наполеону, потому что это было легче сдѣлать, и онъ думалъ этимъ средствомъ обезпечить Пруссіи еще нѣсколько мѣсяцевъ мнимаго существованія.

II.

ШТЕЙНЪ ВЪ РОССІИ.

19-го Мая 1812 г., когда Наполеонъ, на пути въ Россію, уже находился въ Дрезденѣ, принцъ Эрнстъ Гессенъ-Филипсталь вручилъ Штейну въ Прагѣ слѣдующее письмо отъ Александра:

«Уваженіе, которое я всегда питалъ къ вамъ, не было умалено обстоятельствами, которыя привели къ удаленію вашему отъ управленія дѣлами. Оно было слѣдствіемъ силы вашего характера и вашихъ необыкновенныхъ дарованій. Рѣшающія событія настоящаго времени должны вновь собрать во едино всѣхъ благомыслящихъ людей, друзей человѣчества и свободнаго образа мыслей. Настоитъ вопросъ о спасеніи отъ варварства и рабства, готовыхъ поглотить его. Наполеонъ стремится довершить порабощеніе Европы, и для этой цѣли ему необходимо покорить Россію. Мы уже давно приготовляемся къ сопротивленію и собираемъ наиболѣе дѣйствительныя средства къ защитѣ. Друзья добродѣтели и всѣ воодушевленные чувствомъ независимости и человѣколюбія затронуты исходомъ этой борьбы. Вы, баронъ, такъ славно ознаменовавши себя между нами, не можете имѣть инаго чувства, какъ желаніе содѣйствовать усиліямъ, которыя предпринимаются на Сѣверѣ для преодолѣнія наступательнаго властолюбія Наполеона».

«Убѣдительно приглашаю васъ сообщить мнѣ ваши мысли, письменно вѣрнымъ путемъ, либо изустно, прибывъ ко мнѣ въ Вильну. Для этого графъ Ливенъ выдастъ вамъ паспортъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ваше присут-

ствіе въ Богеміи могло-бы оказаться весьма полезнымъ, такъ какъ вы находитесь, можно сказать, въ тылу Французскихъ армій. Но совершенно достовѣрно, что малодушіе Австріи поставитъ ее подъ Французскія знамена, и это могло-бы подвергнуть опасности лично васъ или по меньшей мѣрѣ вашу переписку. Поэтому поручаю вамъ зрѣло обдумать важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ и принять рѣшеніе сообразное тому, что̀ вамъ покажется наиболѣе полезнымъ для великаго дѣла, которому мы оба преданы. Нѣтъ нужды увѣрять васъ, что вы будете приняты въ Россіи съ полнымъ радушіемъ. Искреннее расположеніе, которое я всегда питалъ къ вамъ, можетъ служить вамъ вѣрною порукою въ этомъ.

„**Александръ**".

„С. Петербургъ, 27 Марта 1812".

Можно сказать, что едва-ли когда доводилось изгнаннику получать болѣе лестное письмо. Если за послѣдніе три года Штейнъ долженъ былъ познать горькимъ опытомъ, какъ быстро забываются величайшія заслуги и какъ нечувствительно бываетъ исчезновеніе даже очень значительнаго человѣка, то въ письмѣ царя онъ могъ найти себѣ самое сладостное утѣшеніе. Итакъ, въ концѣ концовъ, онъ оказывался нужнымъ, онъ почти необходимый человѣкъ!

Если бы потребность въ немъ ощущалась въ Пруссіи, это было-бы менѣе удивительнымъ и менѣе лестнымъ. Равнымъ образомъ не было бы ничего чрезвычайнаго, если бы царь призвалъ его для преобразованія испорченнаго Русскаго чиновничества или своихъ злосчастныхъ финансовъ. Но теперь посылаетъ за нимъ въ роковой нуждѣ, когда не могло быть мѣста для праздныхъ любезностей, иноземный государь, котораго онъ только разъ или два видѣлъ (и притомъ не въ качествѣ доброжелателя); за нимъ посылаютъ не какъ за обыкновеннымъ, опытнымъ въ извѣстномъ дѣлѣ человѣкомъ, но въ рѣшительномъ поворотѣ Русской и Европейской политики, вслѣдствіе того, что иностранный государь оцѣнилъ въ немъ человѣка, могущаго подать благой совѣтъ въ трудныя времена, человѣка съ твердою волею и умомъ, превышающими обыкновенный уровень, и этотъ государь сохранялъ о немъ такое понятіе цѣлые три года! Нѣтъ сомнѣнія, что царь приглашалъ его подвергнуть себя нѣкоторой опасности. Если бы Наполеонъ одержалъ побѣду въ Россіи (въ чемъ тогда всѣ были увѣрены), то не легко было бы Штейну вторично избѣгнуть его мести; но мы можемъ предположить, что онъ не дорожилъ такою жизнью, на какую онъ былъ обреченъ въ послѣдніе годы, и что, при его образѣ мыслей, онъ охотно пожертвовалъ бы ею въ случаѣ новаго торжества Наполеона. Онъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Я получилъ 19-го числа текущаго мѣсяца приглашеніе, котораго удостоенъ вашимъ императорскимъ величествомъ отъ 27-го Марта—стать подъ

знаменемъ чести и непреложной славы, то-тесь подъ вашимъ знаменемъ. Я повинуюсь этому приглашенію, хотя долженъ ожидать новыхъ гоненій, отъ которыхъ ваше величество найдете средства меня защитить».

«Я выѣду 27-го числа, въ день, когда ожидаю получить мой паспортъ; я надѣюсь быть въ Вильнѣ 10-го Іюня (новаго стиля) для принятія повелѣній вашего императорскаго величества и выраженія вамъ моего глубокаго почтенія и преданности".

Замѣчательно, что письмо царя, по неизвѣстнымъ причинамъ, дошло до Штейна слишкомъ черезъ семь недѣль послѣ написанія; а между тѣмъ изъ словъ этого письма видно, что еще ранѣе конца Марта Александръ смотрѣлъ на войну, какъ на дѣло рѣшенное, и уже опредѣлилъ ѣхать въ Вильну, какъ въ главную квартиру своей арміи. Онъ отправился туда въ Апрѣлѣ, а 27-го этого мѣсяца его посланникъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, подалъ ультиматумъ Россіи. Хотя въ то время на требованія не послѣдовало никакаго отвѣта, однакожъ въ продолженіи всего Мая мѣсяца можно сказать, что война уже началась, развѣ только не по имени. Наполеонъ находится въ Дрезденѣ, Александръ въ Вильнѣ; если военныя дѣйствія еще не открылись, то единственно по неполному еще окончанію всѣхъ приготовленій со стороны Французовъ. Штейнъ отправился въ путь 27-го Мая, а двумя днями позже Наполеонъ оставилъ Дрезденъ, чтобы стать во главѣ своей арміи. Штейнъ пріѣхалъ въ Вильну 12-го Іюня (опоздавъ на два дня противъ своего разсчета), а 25-го тогоже мѣсяца Наполеонъ переправился черезъ Нѣманъ.

Вновь завязавшіяся отношенія между царемъ и Штейномъ имѣли важное значеніе для обоихъ. Штейну они открывали новое поприще и способъ къ осуществленію въ обширной мѣрѣ, хотя и другими средствами, тѣхъ замысловъ объ освобожденіи Германіи, за которые онъ въ 1808 г. поплатился своею государственною должностью, гражданственностью и родовымъ имѣніемъ. Постараемся прослѣдить, какими побужденіями могли сначала руководствоваться Александръ, приглашая Штейна, и Штейнъ, принимая это приглашеніе.

Повидимому, не трудно угадать что̀ мелькнуло въ умѣ Александра, когда онъ написалъ вышеприведенное письмо. Мы въ состояніи представить себѣ, какое понятіе могло сложиться у него о характерѣ Штейна. Онъ встрѣтился съ нимъ въ трудную пору его министерской дѣятельности, незадолго до появленія злополучнаго письма, когда вопросъ о томъ, должна ли Пруссія стать во главѣ народнаго движенія, подобнаго Испанскому, сдѣлался предметомъ разногласія между королемъ и Прусскою патріотическою партіей; этотъ вопросъ былъ представленъ на судъ и рѣшеніе Александра. Ему, вѣроятно, довелось прочесть нѣкоторые изъ докладовъ Штейна, въ которыхъ его сжатый и выразительный слогъ иногда восходитъ до величавости. Онъ зналъ, съ какимъ негодованіемъ относился Штейнъ къ его собственнымъ дѣйствіямъ, съ какою непреклонною настойчивостью по-

нуждалъ его подать помощь Германіи, предостерегая его, что Россіи въ близкомъ будущемъ грозитъ подобная же опасность, и что, при ея испорченномъ и слабомъ управленіи, ей нельзя будетъ устоять противъ Наполеона Онъ лично бесѣдовалъ со Штейномъ объ этомъ предметѣ, и достойно крайняго сожалѣнія, что не сохранилось никакихъ свѣдѣній о ихъ совѣщаніи въ Сентябрѣ 1808 г. Оно было для Штейна самымъ важнымъ изъ всѣхъ, въ которыхъ онъ когда-либо принималъ участіе, касалось предмета наиболѣе близкаго его сердцу: передъ нимъ находился человѣкъ, отъ воли котораго все зависѣло и который тогда внушалъ ему негодованіе своею выжидательною политикою. Александръ безъ сомнѣнія видѣлъ его въ высшей степени возбужденнымъ и увлекающимся, и страстныя рѣчи должны были устремляться изъ устъ патріота, какъ потокъ жгучей лавы. Легко понять, что это могло произвести на умъ императора глубокое впечатлѣніе; и если мы сообразимъ сущность того, что̀ долженъ былъ говорить Штейнъ, то найдемъ естественнымъ, что Александръ вспомнилъ о немъ весною 1812 г. „Говорятъ, пишетъ Николай Тургеневъ, что Александръ въ это роковое мгновеніе вспомнилъ нѣсколько пророческихъ словъ, сказанныхъ ему Штейномъ передъ заключеніемъ Тильзитскаго мира“. Онъ произнесъ эти слова не до Тильзита (когда онъ находился въ Нассау), а передъ Эрфуртскимъ свиданіемъ, и пророчество сбылось. Александръ измѣнилъ Европѣ для Наполеона и подвергся нападенію въ свою очередь. Возмездіемъ за его политику являлось присутствіе на его границѣ самыхъ громадныхъ полчищъ, о какихъ упоминаетъ достовѣрная исторія, предводимыхъ грознымъ завоевателемъ. Штейнъ предсказалъ въ тоже время, что Россія не въ состояніи будетъ отразить нападеніе. Можетъ быть, Александръ сообразилъ, что средство, предложенное Штейномъ въ 1808 г. для Германіи, теперь могло быть пригоднымъ для Россіи, и что Наполеону сопротивляться возможно только всенароднымъ возстаніемъ въ родѣ Испанскаго. Въ такомъ случаѣ, понятно желаніе имѣть при себѣ твердаго и опытнаго устроителя подобнаго замысла, человѣка, повидимому, созданнаго быть военнымъ министромъ.

Но если таковы были чувства Александра, когда онъ пригласилъ Штейна, то какими побужденіями руководствовался Штейнъ, принимая приглашеніе? Мы видѣли выше его мнѣніе объ Александрѣ и о вѣроятностяхъ сопротивленія Россіи Наполеону. Съ тѣхъ поръ (съ Августа 1808) это мнѣніе едва-ли перемѣнилось, ибо нашествіе Наполеона своими размѣрами несравненно превосходило все, что̀ могло представиться воображенію въ 1808 г. Конечно, пылкая натура, когда опасность уже наступила, не застываетъ въ безнадежномъ отчаяніи. Въ силу природнаго своего мужества и религіозныхъ убѣжденій, Штейнъ въ годину испытанія ободрялъ всѣхъ надеждами на благополучный исходъ. Но онъ ожидалъ успѣха лишь въ окончательномъ выводѣ и считалъ весьма возможнымъ, что ему придется проѣхаться гораздо дальше на Востокъ, напр. въ Астрахань. Приглашеніе императора, полученное въ Прагѣ, должно было напомнить ему другое,

полученное имъ пятью годами ранѣе, въ Нассау. Тогда призывалъ его Государь почти совсѣмъ раззоренный, теперь—Государь, которому грозило близкое раззореніе. То было послѣ пораженія, это прежде пораженія. А если-бы по пріѣздѣ къ Русскому двору случилось бѣдственное событіе, подобное сраженію подъ Іеною, и Александръ (по мнѣнію Штейна сластолюбивый и слабохарактерный), упавъ духомъ, подписалъ-бы миръ, который былъ бы для него тѣмъ же, чѣмъ былъ Тильзитъ для его союзника: какова была бы судьба Штейна? Онъ несомнѣнно шелъ на опасность, принимая приглашеніе. Но какъ ни слаба была вѣроятность благопріятнаго исхода войны, въ Россіи однакожъ дремали силы, которыя могли быть пробуждены для борьбы съ Наполеономъ, и Штейнъ видѣлъ въ себѣ Эола, блюстителя пещеры, въ которой заключались бури. Фарнгагенъ говоритъ, что его отъѣздъ въ Россію произвелъ въ Прагѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, и мы можемъ этому повѣрить. Германское возстаніе, о которомъ онъ такъ долго мечталъ, нуждалось въ поддержкѣ со стороны иностранной державы. Онъ часто обращалъ взоры на Англію, ожидая отъ нея такой же услуги, какую она оказала Испаніи; на одну Россію онъ не полагался. Но ея помощь во всякомъ случаѣ была драгоцѣнна, и онъ, конечно, какъ сказалъ самъ царь, могъ болѣе сдѣлать для Германіи въ Петербургѣ, нежели въ Прагѣ.

Таковы были ближайшіе виды Штейна при отъѣздѣ въ Россію. Мы можемъ предположить, что къ нимъ присоединялись и болѣе отдаленныя соображенія.

Въ то время Россія, подобно многимъ странамъ на материкѣ Европы, начинала созрѣвать для преобразованій, сходныхъ съ тѣми, которыя осуществилъ Штейнъ въ своемъ отечествѣ. Между тѣмъ какъ всѣ завоеванія Наполеона влекли за собою насильственные перевороты въ духѣ Французской революціи, съ другой стороны могли повторяться безкровныя, миротворныя преобразованія, въ родѣ указанныхъ Штейномъ. Онъ, конечно, не обольщался мыслью, что будетъ немедленно призванъ къ водворенію новыхъ порядковъ въ Россіи и въ самомъ началѣ своей поѣздки объявилъ, что не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ Русской политики, имѣя единственною цѣлью соблюденіе Германскихъ выгодъ; онъ, какъ пишетъ Тургеневъ, пошелъ даже далѣе этого и сказалъ, что, не зная ни Русскаго языка, не Русской жизни, и будучи слишкомъ старъ для ихъ изученія, не надѣется ничего сдѣлать для Россіи; но такая сдержанность объяснялась отчасти простою осторожностью, не исключавшею надеждъ на постепенное пріобрѣтеніе средствъ для введенія реформъ. Онъ вѣроятно ожидалъ, что Россія подвергнется болѣе тяжкому испытанію, что правительство будетъ доведено до крайняго разслабленія и лишь мало по малу, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отчаянной борьбы, наконецъ освободится отъ вражескаго нашествія. Въ такомъ случаѣ царь могъ бы склониться на допущеніе важныхъ преобразованій, какъ сдѣлалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, а въ наше

время императоръ Александръ II послѣ Крымской войны; и тогда Штейнъ, хотя и не будучи министромъ, но какъ довѣренный другъ и ближайшій совѣтникъ государя, могъ принести не мало пользы.

Ни одно изъ этихъ предположеній не сбылось. Вопервыхъ, Штейнъ вовсе не содѣйствовалъ веденію войны принятіемъ на себя какихъ-либо обязанностей министра военнаго или финансовъ. Если имѣлось въ виду нѣчто подобное, то приглашеніе было получено имъ слишкомъ поздно, и война слишкомъ скоро окончилась. Нашествіе началось около двухъ недѣль послѣ его пріѣзда въ Вильну, и до окончанія года, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, Французская армія сгибла, а Наполеонъ грѣлъ руки у Парижскаго камина. Послѣ того Штейнъ простился съ Россіей и находился при Александрѣ уже въ Германіи и во Франціи. Вопросы, занимавшіе его, не имѣли ничего общаго съ преобразованіями внутри Россіи, а касались иностранной политики, дипломатіи, стратегіи: у какихъ державъ искать содѣйствія? Какъ далеко простирать войну? Идти-ли на Парижъ? Насколько онъ вникалъ въ вопросы военнаго управленія или преобразованія учрежденій, это относилось къ Германіи, а не къ Россіи.

Итакъ, новое поприще его представляетъ совершенную противоположность съ прежнимъ, когда онъ вводилъ домашнія улучшенія, оставивъ на заднемъ планѣ иностранныя дѣла и дипломатію. Потомство помнитъ преимущественно первую дѣятельность Штейна, и въ исторіи паденія Наполеона его имя едва произносится; но онъ считалъ это время, какъ самъ пишетъ, замѣчательнѣйшею порою своей жизни. И дѣйствительно, къ чему послужило бы внутреннее переустройство Пруссіи, еслибы владычество Наполеона не было свергнуто?

Ѣдучи въ Вильну, Штейнъ проѣзжалъ мимо войскъ, которыя шли на встрѣчу Наполеону. Онъ замѣтилъ, что не болѣе 136 или 140 тысячъ человѣкъ были готовы стать противъ 400, 000, хотя ожидались еще резервы изъ внутреннихъ губерній. Онъ также имѣлъ время обдумать положеніе, какое онъ займетъ при императорѣ. Поэтому, когда графъ Нессельроде, посѣтивъ его, спросилъ, по порученію Александра, чего онъ желаетъ, онъ отвѣчалъ прямо, что не думаетъ вступать въ Русскую службу. Повидимому готовы были дать ему назначеніе по министерствамъ финансовъ или народнаго просвѣщенія; но онъ желалъ принимать участіе только въ Германскихъ дѣлахъ, насколько они будутъ затронуты войною. „Этимъ заявленіемъ, говоритъ онъ, я пріобрѣлъ свободу дѣйствовать согласно моимъ убѣжденіямъ и разсѣялъ въ умахъ всѣхъ Русскихъ подозрѣніе въ домогательствѣ должностей или вліянія, и всякое нерасположеніе ко мнѣ. Такому образу дѣйствій и благосклонности императора обязанъ я тѣмъ, что, живучи въ Россіи, я пользовался пріязнью и благоволеніемъ жителей, особенно графа Кочубея, министра внутреннихъ дѣлъ». На пріемной аудіенціи, разсказываетъ Штейнъ, „императоръ принялъ меня очень милостиво и въ продолжительной бесѣдѣ объяснилъ причины, побудившія его заключить Тильзитскій миръ (а

можетъ быть, прибавимъ мы, причины и столь непріятныхъ Штейну дѣйствій не задолго до Эрфуртскаго съѣзда) и выразилъ непоколебимую рѣшимость вести войну до конца съ непреклонною твердостью и силою воли, и скорѣе подвергнуться всѣмъ опасностямъ и бѣдствіямъ, нежели подписать постыдный миръ".

Какое впечатлѣніе произвелъ теперь на Штейна тотъ, кого онъ называлъ „сластолюбивымъ, слабохарактернымъ"? Біографъ его Перцъ приводитъ слѣдующія строки изъ его бумагъ:

„Наружность его пріятна; черты правильны и тонки, осанка изящна, наклоненіе головы (глуховатость заставляетъ его выдвигать впередъ лѣвое ухо) не непріятно. Главная черта его характера состоитъ въ добродушіи, привѣтливости, въ желаніи содѣйствовать счастію и духовному развитію человѣчества. Его наставникъ, Женевецъ Лагарпъ, рано внушилъ ему уваженіе къ человѣку и его правамъ, которое онъ по восшествіи на престолъ искренно пытался осуществить. Императоръ сначала занялся учебными заведеніями, улучшеніемъ быта крестьянъ. Но ему недостаетъ умственной силы для изслѣдованія истины, твердости для завершенія своихъ предпріятій вопреки всѣмъ преградамъ и для преклоненія воли противниковъ; его добродушіе искажается, становится слабостью характера, и онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ оружію лукавства и хитрости для осуществленія своихъ цѣлей. Эти послѣднія качества были развиты въ немъ наставленіями его воспитателя, фельдмаршала Салтыкова, стараго царедворца, который рано пріучалъ его угождать и бабкѣ, и ея любимцамъ, и нраву отца, а впослѣдствіи крутость отца должна была укоренить въ немъ эти привычки".

Таково изображеніе Александра, которое показываетъ, что во мнѣніи Штейна не произошло существенной перемѣны послѣ оказаннаго ему лестнаго вниманія. Слабость, хитрость, нѣкоторое лукавство, вотъ главныя черты. Правда, онъ теперь признаетъ въ немъ добродушіе и благія намѣренія; но слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи онъ относился къ императору съ гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ. Возвратившись въ Германію въ 1813 г., онъ удивилъ друзей своимъ безпредѣльнымъ довѣріемъ къ Александру, за что его обвиняли въ слѣпомъ пристрастіи къ Россіи. Его тогдашнія письма полны выраженіями благоговѣнія и восторга къ Александру, и эти чувства не были поколеблены разномысліемъ, которое постепенно обнаружилось между ними около времени паденія Наполеона. То обстоятельство, что императоръ внушилъ о себѣ непоколебимое доброе мнѣніе столь зоркому и предубѣжденному противъ него наблюдателю, какъ Штейнъ, немало служитъ къ его чести.

И такъ Штейнъ, не имѣя опредѣленной должности, предложилъ свои совѣты во всемъ, что̀ будетъ касаться Германіи. Между тѣмъ отъ воли Александра зависѣло совѣтоваться съ нимъ и о дѣлахъ, не имѣвшихъ прямаго отношенія къ Германіи. И дѣйствительно, Штейнъ подавалъ доклады о

финансахъ, о выгодахъ союза Россіи съ Англіей, о дѣятельности Русскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Но въ тоже время можно было предвидѣть, что и должность совѣтника по Германскимъ дѣламъ не останется праздною. Подъ названіемъ Германскихъ дѣлъ онъ разумѣлъ нѣчто очень опредѣленное, именно возстаніе на подобіе Испанскаго. Онъ надѣялся поднять вооруженную Германію въ тылу Наполеона и возвратить правому дѣлу, частью или сполна, 150,000 Нѣмецкихъ войскъ, шедшихъ на Россію подъ знаменами Наполеона. Если бы война продлилась долѣе, если-бы промежутокъ времени между торжественнымъ вступленіемъ Французовъ въ Москву и совершеннымъ разстройствомъ ихъ арміи былъ болѣе продолжителенъ, то подобный планъ могъ-бы осуществиться. Долгая и упорная борьба внутри Россіи или на ея границѣ дала бы Германіи время собраться для рѣшающаго вмѣшательства посредствомъ всеобщаго возстанія, задуманнаго Штейномъ. Но споръ былъ рѣшенъ слишкомъ скоро, и армія Наполеона совершенно погибла, прежде чѣмъ Германія успѣла шевельнуться. Поэтому мѣры къ возбужденію возстанія, предпринятыя Штейномъ изъ Россіи, не имѣли никакихъ прямыхъ послѣдствій, а только подготовили почву для событій 1813 года.

Штейнъ не долго оставался въ Вильнѣ, откуда Русскіе выступили 28 Іюня и которую Наполеонъ занялъ въ слѣдующій день. Въ то время Русскіе не предусматривали долгаго отступленія внутрь страны, которое совершилось потомъ и почитается нѣкоторыми за хитро измышленное средство довести Наполеона до погибели. Предполагалось отступить не далѣе Двины и выдержать его нападеніе въ укрѣпленномъ лагерѣ у Дриссы, который долженъ былъ сдѣлаться Русскимъ Торресъ-Ведрасъ. Штейнъ прибылъ въ Дриссу, куда поѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Кочубеемъ. Здѣсь, внутри лагеря, происходили ожесточенные военные споры, въ которыхъ онъ, сколько мы знаемъ, не принималъ никакого участія. Весь планъ военныхъ дѣйствій подвергался коренному опроверженію, и Александръ убѣдился, что собранныя имъ силы оказываются совершенно недостаточными для обороны. Штейнъ сообщаетъ, что нѣсколько генераловъ сговорились просить царя, либо принять прямое начальство надъ арміей, либо совсѣмъ удалиться изъ нея. Онъ рѣшился на послѣднее и поспѣшилъ въ обѣ столицы имперіи для призыва народа къ оружію. Штейнъ послѣдовалъ за нимъ и прибылъ въ Москву 24-го Іюля. Старинной Москвѣ оставалось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ существованія: Штейнъ былъ однимъ изъ послѣднихъ путешественниковъ, видѣвшихъ ее.

«Москва (пишетъ онъ) есть скорѣе сборъ городовъ, нежели одинъ городъ; она представляетъ громадное множество зданій самаго разнороднаго стиля, великолѣпные дворцы, деревянные дома, строенія въ дурномъ стилѣ упадка Римской имперіи, смѣшанномъ съ восточнымъ стилемъ; другія въ лучшемъ вкусѣ новѣйшей архитектуры; огромныя зданія большею частью окружены садами, которые часто очень обширны (садъ Разумов-

скаго на 42 акрахъ). Населеніе города, до 370,000 душъ, замѣчательно по своей трудолюбивой промышленной дѣятельности, вслѣдствіе чего торговля и движеніе на улицахъ чрезвычайно оживленны, особенно на большихъ площадяхъ, гдѣ сосредоточены всѣ лавки; торговыя дѣла ведутся здѣсь исключительно въ лавкахъ, не въ домахъ».

Сколько видно, Штейну не полюбилось Московское общество. Тѣмъ болѣе желательною могла казаться ему встрѣча съ лицомъ изъ другаго общественнаго строя, г-жею Сталь. Онъ пишетъ: «Я засталъ г-жу Сталь, но не имѣлъ возможности поговорить съ нею. Ея любезное приглашеніе получилъ я въ полночь, когда она была уже въ постели; итакъ я долженъ отложить знакомство съ нею до того времени, когда она пріѣдетъ въ Петербургъ».

Штейнъ былъ сильно пораженъ патріотическимъ одушевленіемъ народа, тѣмъ болѣе, конечно, что помнилъ малодушную покорность Берлина въ 1806 г. Знаменитый губернаторъ Москвы, Растопчинъ, хорошо понималъ характеръ Штейна, когда, въ сохранившейся запискѣ, предлагалъ ему, если онъ любопытствуетъ видѣть императора, обожаемаго своимъ народомъ, прибыть во дворецъ въ десять часовъ. Въ автобіографіи Штейна такъ описаны его впечатлѣнія:

„Я послѣдовалъ за нимъ (т. е. за царемъ) въ эту огромную и богатую столицу, гдѣ въ безчисленной толпѣ, которая наплывала со всѣхъ сторонъ, выражалась самая возвышенная степень религіознаго и народнаго воодушевленія; всѣ сословія соревновали въ заявленіи этого порыва, доставляя денежныя средства и ратниковъ, и выражая этимъ преданность своему императору. Видъ этой толпы, окружающей и почти боготворящей его, наполненіе церквей горячо молящимся народомъ, все это возвышало сердце и было вдохновительно“.

Этими краткими, нѣсколько восторженными выраженіями, онъ описываетъ зрѣлище, которымъ, очевидно, былъ сильно тронутъ. Такія чувства требуютъ, можетъ быть, нѣкотораго истолкованія. Мы не можемъ предположить, чтобъ онъ находилъ вдохновительнымъ зрѣлище, болѣе любопытное нежели назидательное, полу-варварскаго народа, оказывающаго суевѣрное поклоненіе своему владыкѣ. Но онъ тутъ былъ очевидцемъ величайшаго, вершающаго судьбы Европы, событія того времени, важность котораго никому не могла быть такъ хорошо понятна, какъ Штейну. Онъ видѣлъ наступленіе громаднаго переворота, которымъ опровергалось его собственное предсказаніе, что Россія не въ состояніи будетъ отразить нашествіе Наполеона. Все видѣнное имъ прежде, въ Вильнѣ и въ Дриссѣ, какъ-будто подтверждало предреченный имъ печальный исходъ и готовило его быть зрителемъ погрома, подобнаго Іенскому. Числа войскъ было совершенно недостаточно, и въ умахъ генераловъ царила такая же разнорѣчивая неурядица, какую онъ наблюдалъ въ 1806 г. Кто могъ сомнѣваться, что Наполеонъ одержитъ побѣду надъ подобными войсками?

И дѣйствительно, онъ одерживалъ побѣды. Но что̀ должно было случиться потомъ? Его вступленіе въ Москву повлечетъ ли за собою тѣже послѣдствія, какъ вступленіе въ Берлинъ въ 1806 г.? Или напомнитъ оно его вступленіе въ Мадридъ 1808 г.? То-есть, послѣдуетъ ли заключеніе мира, который запечатлѣетъ покореніе Россіи, или наступитъ безконечная война, могущая истощить средства Наполеона. Этими выраженіями: возвышающее, вдохновительное зрѣлище, Штейнъ высказалъ, что вопросъ для него рѣшенъ. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующіе критическіе мѣсяцы Штейнъ, предрекавшій неизбѣжное пораженіе Россіи, былъ болѣе всѣхъ въ Петербургѣ исполненъ надежды на успѣшный исходъ. Одна скорбная вѣсть Іова пересылалась за другою, одинъ курьеръ за другимъ оправдывалъ сторонниковъ мира; но радостное упованіе Штейна только расло и расло. Мы думаетъ, что это не было безсознательнымъ увлеченіемъ пламенной души, закаленной несчастіемъ. Это было прозрѣніемъ человѣка, уразумѣвшаго урокъ времени. Онъ понималъ, что Наполеонъ имѣлъ полномочіе судьбы противъ государствъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ не были націями; а что̀ онъ видѣлъ въ Москвѣ, восторженный порывъ, въ которомъ жертвовали собою и крѣпостной крестьянинъ, угнетенный въ своемъ отечествѣ, и знатные дворяне, какъ Салтыковъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, предлагавшіе снарядить цѣлые полки на свой счетъ, все это убѣдило его, что Россія не принадлежала къ числу искусственныхъ государствъ, но что она была однимъ изъ тѣхъ великихъ духовныхъ нарожденій, гдѣ государство, и церковь, и семейство сливаются во едино и становятся непобѣдимыми, даже при нѣкоторомъ варварствѣ, даже при развращеніи.

Александръ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 31-го Іюля; Штейнъ послѣдовалъ за нимъ 2-го Августа. Онъ остановился на два дня въ Твери, гдѣ посѣтилъ принца Георгія Ольденбургскаго. Въ Петербургъ онъ прибылъ 9-го. Этимъ ограничились странствованія Штейна по Россіи. Изъ Петербурга онъ предпринималъ только небольшія поѣздки по окрестностямъ, и выѣхалъ оттуда въ Германію въ началѣ 1813 года.

Упомянутыя поѣздки совершались имъ въ первыя недѣли его пребыванія, до наступленія холоднаго времени. Онъ посѣтилъ своихъ друзей Кочубеевъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ имѣлъ случай осмотрѣть старинный загородный дворецъ, въ которомъ жили великія царицы XVIII-го вѣка, обѣ Екатерины и Елисавета; дачу Уварова на Невскомъ островѣ, Нарышкиныхъ. Съ Уваровымъ образовалось у него (что̀ бывало съ нимъ рѣдко) нѣчто въ родѣ литературнаго сближенія. Уваровъ писалъ къ нему впослѣдствіи: „Вы безъ сомнѣнія въ часы досуга читаете нашихъ общихъ друзей, Тацита и Ѳукидида; я пріѣду читать ихъ съ вами въ за̀мокъ Штейнъ, и мы прибавимъ Гомера и Эсхила". Намъ извѣстно, что въ Петербургѣ Штейнъ иногда приглашалъ къ себѣ нѣкоего Грефе, профессора Греческой словесности и читалъ съ нимъ Ѳукидида. Можетъ-быть, Уваровъ иногда присутствовалъ при такихъ чтеніяхъ.

Въ домѣ Нарышкиныхъ, Штейну посчастливилось наконецъ познакомиться съ г-жею Сталь. При ней находились ея дочь, Шлегель и одинъ молодой человѣкъ, ея пріятель. Штейнъ пишетъ: „Я не думаю, чтобъ она могла пользоваться здѣсь большимъ вниманіемъ; ибо никто не занятъ литературою, и женщины ведутъ праздную жизнь“.... „Г-жа Сталь была очень хорошо принята императрицами, она слыветъ доброю женщиною, безъ притязаній; но ея не приглашаютъ къ столу, потому что не въ обычаѣ звать иностранцевъ; исключенія считаются за великій почетъ и доселѣ допускались только для адмирала Бентинка и для меня“.

Въ другомъ письмѣ:

„Я необыкновенно пріятно провелъ день у Уварова; насъ собралось нѣсколько посѣтителей на его островѣ; послѣ обѣда г-жа Сталь прочла намъ нѣкоторыя главы изъ ея книги о Германіи. Она успѣла спасти одну рукопись изъ когтей Савари и предполагаетъ напечатать ее въ Англіи“.

8-го Сентября онъ пишетъ:

„Г-жа Сталь покинула насъ 7-го; она отправилась въ Стокгольмъ для опредѣленія сына на службу. Бесѣда съ нею была очень пріятна, и я сожалѣю о ея отъѣздѣ“.

Еще 15-го Августа прибылъ въ Петербургъ и въ тотъ-же день посѣтилъ Штейна Эрнстъ Морицъ Арндтъ, авторъ знаменитаго стихотворенія; «Was ist des Deutschen Vaterland?» Арндтъ былъ 12-ю годами моложе Штейна: онъ родился въ 1769 г. на островѣ Рюгенѣ, Шведскимъ подданнымъ, сыномъ вольноотпущенника; дѣдъ его жилъ и умеръ крѣпостнымъ. Оба великіе на столь различныхъ поприщахъ патріота тѣсно сблизились, часто и продолжительно бесѣдовали другъ съ другомъ. Штейнъ жилъ тогда въ гостинницѣ Демута; вскорѣ Арндтъ переселился туда и поступилъ къ Штейну нѣкоторымъ образомъ на службу, въ должности секретаря, получая жалованье отъ Германскаго Комитета. Для дѣятельности этого Комитета, имѣвшаго цѣлью возбужденіе народнаго возстанія въ Германіи, Арндтъ обладалъ драгоцѣннымъ даромъ, чрезвычайно рѣдкимъ у Нѣмецкихъ литераторовъ: популярнымъ народнымъ языкомъ. Арндтъ набросалъ нѣсколько замѣтокъ о посѣщеніи Петербурга г-жею Сталь. О ея спутникѣ, великомъ литераторѣ А. В. Шлегелѣ, имъ сказано, что онъ былъ похожъ не столько на Нѣмца, сколько на утонченнаго и жеманнаго Французскаго аббата, съ золотыми пряжками на башмакахъ и въ шелковыхъ чулкахъ снѣжной бѣлизны, и говорилъ почти всегда тихимъ шепотомъ, прерывая громозвучныя рѣчи Арндта предостереженіемъ: „Тише! Тише! въ Россіи есть уши за каждою дверью и занавѣскою!“ Положеніе г-жи Сталь, какъ Француженки, въ Петербургѣ, во время Французскаго нашествія, было тягостно. Однажды она поѣхала въ театръ слушать трагедію Расина. Публика взволновалась, закричала: „Прочь проклятыхъ Французовъ!“ и приняла такое наступательное положеніе, что актеры должны были поспѣшно разбѣжаться. Это произвело на г-жу Сталь чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Арндтъ

видѣлъ, какъ, возвратясь домой, она упала на диванъ, зарыдала и чуть не рвала на себѣ волосы, съ громкимъ воплемъ: „О, эти варвары! О, мой Расинъ!“ Онъ замѣчаетъ о самомъ себѣ и о своихъ пріятеляхъ Нѣмцахъ, что съ ихъ стороны было очень Нѣмецкою чертою удивляться этому. Дѣйствительно невозможно было предположить, чтобы Нѣмка, женщина или дѣвушка, пришла въ такое состояніе вслѣдствіе изгнанія съ театра въ Лондонѣ или Парижѣ какой-нибудь драмы Шиллера или Гёте; но, по мнѣнію Арндта, Нѣмцамъ не мѣшало-бы въ этомъ отношеніи быть нѣсколько болѣе похожими на Французовъ или Русскихъ. Одинъ Нѣмецъ, Штейнъ, по крайней мѣрѣ былъ въ этомъ отношеніи очень похожъ на Русскихъ. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ, 6 Сентября, что былъ во Французскомъ театрѣ, гдѣ зрители не пропускали ни одного случая выразить свою ненависть къ Французскому народу и ко всему напоминающему о Франціи; онъ отмѣчаетъ кратко: Я раздѣляю такой образъ мыслей“.

Арндтъ съ большимъ пыломъ и восторженностью описываетъ успѣхи Штейна въ Петербургскомъ обществѣ. Соображая, что этотъ Нѣмецъ, находясь между Русскими, подвергался сильному искушенію преувеличивать значеніе того, кто былъ представителемъ Германіи, мы не можемъ придавать безусловной вѣры его описанію. Штейнъ, между прочимъ, часто посѣщалъ пріемную жены принца Александра Виртембергскаго, одного изъ руководящихъ Русскихъ генераловъ,имѣвшаго большое вліяніе на военныя распоряженія въ 1812 г. Принцесса была сестрою Леопольда Бельгійскаго и любимою наперсницею царицы. Въ ея домѣ господствовала повидимому замѣчательная свобода рѣчей и политическихъ мнѣній; это было въ родѣ политическаго клуба. Арндтъ полагаетъ, что подобное значеніе обусловливалось вліяніемъ Штейна. Здѣсь часто появлялся Шведъ Армфельдъ, губернаторъ Финляндіи, извѣстный своимъ виднымъ участіемъ въ недавнемъ паденіи всемогущаго министра Сперанскаго; бывалъ также Убри, и нерѣдко, въ толпѣ дамъ, подъ строжайшимъ инкогнито, находилась царствующая императрица. Послѣ принцессы Виртембергской, Арндтъ упоминаетъ графиню Орлову какъ восторженную поклонницу Штейна. Она, по его словамъ, была самою плѣнительною женщиною во всей Россіи и произвела на Штейна гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели г-жа Сталь: онъ скорбѣлъ о томъ, что подобная жемчужина сокрыта въ такой странѣ. Арндту казалось, что ея благоговѣніе къ Штейну не имѣло границъ, и онъ вспоминаетъ, что видѣлъ ее изнемогающею подъ однимъ изъ свойственныхъ ему пламенныхъ порывовъ. Она въ разговорѣ распространялась о нравственной испорченности чиновниковъ, какъ военныхъ такъ и гражданскихъ, и объ отсутствіи истинной гордости у дворянъ, которая такъ сильно противорѣчила мужеству и патріотизму народа. Штейнъ приписывалъ это дурному воспитанію и безпорядочному образу жизни Русскихъ дворянъ, и вдругъ накинулся на графиню, воскликнувъ: «Могутъ-ли нравственность и порядокъ существовать въ такой странѣ, гдѣ дѣти ростутъ,

какъ даже и въ вашемъ домѣ, въ какомъ-то Татарскомъ смѣшеніи возрастовъ и половъ, не видя при томъ ни единаго примѣра простоты, благоприличія или сдержанности пріемовъ!" Онъ продолжалъ урокъ, примѣняя его къ дому графини, пока она не разразилась слезами и женскимъ отчаяніемъ.

Имѣлъ ли онъ такой блестящій успѣхъ въ обществѣ, какъ думаетъ Арндтъ, и былъ ли главнымъ кумиромъ Петербурга, этотъ вопросъ вѣрнѣе оставить открытымъ. Мы напрасно стали бы искать въ дневникахъ, которые онъ посылалъ своей женѣ, думалъ ли онъ о себѣ что нибудь подобное. Онъ вообще мало говорилъ о себѣ и о своихъ личныхъ отношеніяхъ, что̀ особенно замѣтно даже въ его автобіографіи. Поэтому неудивительно, если онъ и въ письмахъ къ женѣ, хотя бы для ея удовольствія, ничего не говоритъ о своихъ успѣхахъ, свѣтскихъ или иныхъ, въ Петербургѣ. Но Арндтъ не ошибается, говоря о родѣ вліянія, которое онъ имѣлъ, когда въ критическіе дни войны поддерживалъ надежду во всѣхъ сердцахъ своею бодрою, торжественною увѣренностью въ побѣдѣ. Мрачные разсчеты Сентября 1808 г. были забыты: онъ понялъ, что Россію нельзя было сравнить съ Германіей; что Наполеонъ здѣсь повторилъ въ большемъ размѣрѣ свою ошибку въ Испаніи, и думалъ вступить въ борьбу съ правительствомъ слабымъ, съ недостаточнымъ войскомъ, тогда какъ противосталъ ему великій народъ, воодушевленный любовью къ отечеству и вѣрою. Это открытіе, по собственному выраженію Штейна, было для него вдохновеніемъ; онъ вошелъ въ стихію, которою самъ естественно дышалъ. Ему дотолѣ не суждено было жить въ средѣ, гдѣ рыцарскія чувства, патріотизмъ и вѣра, основныя черты его характера, могли бы найти удовлетвореніе; всѣ эти чувства были оскорблены въ немъ прежними испытаніями. Поэтому свидѣтельство Арндта о бодромъ и блестящемъ упованіи Штейна является вполнѣ достойнымъ вѣроятія, и настроеніе Штейна, при его вліяніи на императора Александра, могло сильно подѣйствовать и на общественное мнѣніе въ Петербургѣ.

„Въ день, когда пришло извѣстіе о сожженіи Москвы (пишетъ Арндтъ), у Штейна былъ кружокъ приглашенныхъ на завтракъ, преимущественно въ честь доблестнаго Гессенца Дёрнберга, только что пріѣхавшаго изъ Англіи. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ, и предполагалось также позвать нѣкоего Ф., чиновника, о которомъ Штейнъ до тѣхъ поръ былъ довольно хорошаго мнѣнія. Но въ это утро, прежде завтрака, онъ сказалъ о немъ слѣдующее: „Ф. сейчасъ былъ здѣсь съ такимъ выраженіемъ лица, какъ бываетъ у женщины при наступленіи родовъ. Я сначала хотѣлъ пригласить его тоже, но когда услышалъ его стенанія и вопли о Москвѣ, и какъ неизбѣженъ жалкій миръ, я предпочелъ обойтись безъ его хныканій. Мужайся, мой добрый другъ! Доблесть приличествуетъ мужу. Кто знаетъ, не придется ли намъ подвинуться еще на нѣсколько сотъ миль далѣе, на Востокъ, въ Казань или въ Астрахань? Я нѣсколько разъ

въ жизни терялъ всѣ свои пожитки, пожалуй раза три или четыре. Что̀ ни говори, а двухъ смертей не бываетъ! Во всякомъ случаѣ, будемъ пить сегодня за счастливый исходъ. И мы пили и чокались стаканами за счастливый исходъ съ довольнымъ веселіемъ".

Это упованіе Штейна на вѣрность народную, это презрѣніе къ слѣпымъ правительствамъ, которыя по своей недовѣрчивости или неуваженію народа предали Европу всеобщему поработителю, ярко выразились въ замѣчательномъ случаѣ, о которомъ Арндтъ узналъ отъ Уварова.

Но пора перейти отъ общественнаго положенія Штейна къ самой сущности его дѣла въ Россіи.

III

ГЕРМАНСКІЙ КОМИТЕТЪ.

Ближайшіе виды Штейна въ бытность его въ Россіи всего лучше явствуютъ изъ первой записки, поданной имъ Александру. Она составлена въ Вильнѣ, 18-го Іюня, т. е. на шестой день его пріѣзда, и гласитъ слѣдующее:

„Такъ какъ все предвѣщаетъ наступленіе войны, то необходимо изслѣдовать возможность пользоваться силами Германіи на помощь Россіи и ея союзникамъ; въ настоящее время онѣ находятся въ распоряженіи Наполеона, и предстоитъ задача уничтожить ихъ дѣйствіе или направить ихъ противъ него, побудивъ общественное мнѣніе къ открытому возстанію".

„Чувства Германскаго народа ожесточены противъ существующаго порядка вещей и его виновника; онъ видитъ, что его независимость, его кровь, его собственность принесены въ жертву корыстнымъ видамъ государей, которые измѣнили ему для продленія своего сладкаго существованія; онъ терпитъ угнетеніе, поборы и оскорбленія отъ иноземныхъ полчищъ; онъ принужденъ вести войну противъ государствъ, которыя были бы его естественными союзниками или по крайней мѣрѣ не находятся съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ; всѣ порядки и обычаи, освященные временемъ, попраны, и не остается никакихъ слѣдовъ того благополучія, которымъ двадцать лѣтъ тому назадъ наслаждалась эта многочисленная и просвѣщенная нація. Дворянство лишено своихъ преимуществъ и высокихъ должностей, присвоенныхъ ему въ церкви и въ рыцарскихъ орденахъ и подвергнуто конскрипціи, съ большею еще строгостью нежели въ самой Франціи; по всей странѣ населеніе отягощено налогами и военнымъ постоемъ; каждая отрасль промышленности уничтожена или превращена въ контрабанду; фабричное производство прекратилось вслѣдствіе нелѣпостей континентальной системы, которая порвала

связи съ Америкою, созданныя съ такимъ трудомъ въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій. Нашъ материкъ почитался доселѣ однимъ изъ главныхъ двигателей цивилизаціи, которому мы были обязаны сильнымъ приращеніемъ оборота цѣнностей и размноженіемъ предметовъ потребленія и торговли; теперь единый человѣкъ, ослѣпленный властолюбіемъ и поощряемый малодушіемъ государей, подпавшихъ его гнету, уничтожаетъ эти связи, обездоливаетъ Европу и ведетъ ее назадъ къ варварству. Этотъ насильственный порядокъ вещей особенно тягостенъ для Германіи, промышленныя произведенія которой находили главный сбытъ въ Америкѣ, и нынѣ этотъ источникъ народнаго богатства совершенно закрытъ. Въ цѣломъ обширномъ краѣ видны лишь страдальцы, потрясающіе своими оковами, и нѣсколько негодяевъ, гордящихся ими. Подобное состояніе дѣлъ, основанное на грубой силѣ и на попраніи всякаго свободнаго мнѣнія и всякой воли, можетъ держаться лишь напряженіемъ одной желѣзной руки; мы видѣли, что, при малѣйшемъ проблескѣ надежды, народы пытались свергнуть съ себя ярмо".

„Мы можемъ усилить и поощрить это общественное настроеніе, распространяя въ Германіи печатныя изложенія злополучнаго и унизительнаго состоянія, до котораго страна доведена. Вторая часть сочиненія Арндта: Духъ нашего вѣка, написана слогомъ, исполненнымъ силы и убѣдительной правды; изданная въ Швеціи, она не могла проникнуть въ Германію; слѣдуетъ напечатать ее вновь и тайно провезти черезъ границу Галиціи въ Прагу, къ г. Грюнеру, для распространенія въ Германіи, и пригласить г. Арндта заняться здѣсь изданіемъ сочиненій, могущихъ служить для этой цѣли".

„Въ народѣ, такъ много читающемъ, авторы пользуются могущественнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе; желательно заручиться ихъ содѣйствіемъ посредствомъ нѣкоторыхъ отличій, академическихъ почестей, орденовъ и т. п. Среди учебнаго сословія достойны вниманія Шлейермахеръ въ Берлинѣ, Стеффенсъ и Бредовъ въ Бреславлѣ, Гееренъ въ Гёттингенѣ и Луденъ въ Іенѣ".

Затѣмъ Штейнъ совѣтуетъ основать въ Германіи, подъ руководствомъ Грюнера, тайную газету, для опроверженія хвастливыхъ и лживыхъ реляцій, которыми Наполеонъ не замедлитъ наводнять страну по открытіи военныхъ дѣйствій. Потомъ приступаетъ онъ къ исчисленію способовъ, могущихъ принести Французамъ болѣе прямой вредъ:

1) Задержаніе курьеровъ, разсылаемыхъ между корпусами Французской арміи и между арміей и Франціею. Для этого нужно поручить Грюнеру набрать небольшіе отряды въ 12—15 человѣкъ и расположить ихъ въ Тухельскомъ округѣ западной Пруссіи, въ Тюрингскомъ лѣсу и въ Спессартѣ близъ Вюрцбурга.

2) Мѣры къ отторженію отъ Французской арміи иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, особенно Вестфальцевъ (любимцевъ Штейна), Тироль-

цевъ и уроженцевъ Иллиріи. Поощрять ихъ къ дезертирству воззваніями, въ которыхъ имъ будетъ обѣщано составить изъ нихъ отдѣльные отряды подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, а послѣ успѣшнаго окончанія войны возвратить ихъ на родину; въ противномъ же случаѣ образовать изъ нихъ военныя поселенія, на подобіе казацкихъ. Во главѣ этихъ отрядовъ поставить герцоговъ Ольденбургскаго и Брауншвейгскаго. Этимъ средствомъ не только можно пріобрѣсти немалое число хорошихъ воиновъ, но и внушить Французамъ подозрительность къ остальнымъ, вслѣдствіе чего они сдѣлались бы скорѣе помѣхою, нежели вспомогательною силою для военныхъ дѣйствій.

3) Вступить въ сношенія съ жителями Кольберга и Данцига, гдѣ представляется возможность произвести народное возстаніе одновременно съ высадкою Англійскихъ войскъ.

4) Можетъ открыться случай склонить къ отпаденію отъ Наполеона коголибо изъ его маршаловъ. Достовѣрно, что послѣ Асперна Сультъ вступилъ въ переговоры съ Англичанами, и что въ 1807 г. Дессоль, нынѣшній губернаторъ области между Эльбою и Одеромъ, старался поссорить Ланна съ Наполеономъ. Нельзя-ли теперь имѣть доступъ къ нему черезъ посредство наслѣднаго принца Шведскаго (Бернадота)?

5) Наконецъ, для примѣненія всѣхъ этихъ мѣропріятій учредить особый комитетъ.

Императоръ отозвался на этотъ докладъ слѣдующими словами:

„Я прочиталъ вашу докладную записку съ величайшимъ вниманіемъ и узнаю въ ней произведеніе геніальнаго ума, которымъ вы всегда отличались. Правое дѣло пріобрѣло въ лицѣ вашемъ драгоцѣннаго сотрудника. Нынѣ, по вашему справедливому замѣчанію, слѣдуетъ думать о примѣненіи всего, что̀ изложено въ вашей запискѣ, и вы окажете мнѣ истинную услугу, занявшись этимъ безотлагательно; я съ своей стороны постараюсь облегчить ваши труды, насколько отъ меня будетъ зависѣть. При первомъ личномъ свиданіи мы обсудимъ наиболѣе настоятельныя мѣры“.

Черезъ два дня у Штейна былъ готовъ другой докладъ, въ которомъ онъ указываетъ наиболѣе настоятельныя мѣры:

1) Учрежденіе комитета.

2) Снабженіе Грюнера наставленіемъ и полномочіемъ для созданія литературныхъ органовъ народнаго озлобленія и для перепечатанія 2-й части Духа нашего вѣка, причемъ выдать Арндту паспортъ для пріѣзда въ Россію. Между тѣмъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, какъ можно долѣе удержать въ Германіи Убри, человѣка „чрезвычайно тонкаго, проницательнаго и усерднаго“.

3) Поручить министру народнаго просвѣщенія представить къ отличіямъ нѣкоторыхъ Германскихъ ученыхъ. При этомъ Штейнъ совѣтуетъ, для вящшей утайки цѣли, занести въ списокъ наградъ нѣкоторыхъ ученыхъ, принадлежащихъ къ партіи равнодушныхъ (индифферентистовъ), напр. знаме-

нитаго философа Вольфа въ Берлинѣ, Гёте, Виланда и математика Герстнера въ Прагѣ.

4) Назначить командира и офицеровъ новаго отряда, который имѣетъ быть составленъ изъ дезертировъ и выбрать сборное мѣсто для этого отряда.

5) Немедленно издать манифестъ, въ которомъ должно быть провозглашено, съ твердостью и спокойствіемъ, непреклонное намѣреніе его величества освободить Германію. Этотъ манифестъ долженъ пригласить всѣхъ благомыслящихъ людей стать подъ знамена Россіи, обѣщая имъ достаточное содержаніе, соединеніе въ отдѣльные отряды подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, и наконецъ либо возвращеніе на родину, либо поселеніе въ благодатномъ климатѣ южной Россіи.

6) На Тирольцевъ можно дѣйствовать черезъ Спекенбаха (друга Гофера), на Кроатовъ непосредственно черезъ ближайшихъ Русскихъ командировъ, на Французскихъ генераловъ черезъ Бернадота, къ которому можно обратиться чрезъ графа Левенгіельма.

Предложеніе освободить Германію было, безъ сомнѣнія, новостью, и притомъ поразительнаго свойства. Мы знаемъ, что оно было исполнено Александромъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ его предводительствомъ. Читая исторію, легко впасть въ заблужденіе особеннаго рода, состоящее въ томъ, что главныя событія кажутся неизбѣжно послѣдовательными и непремѣнно должны были случиться, потому что случились. Такое заблужденіе особенно распространено относительно исторіи паденія Наполеона. Предполагаютъ, что за его пораженіемъ въ Россіи непремѣнно должны были слѣдовать вступленіе Русскихъ въ Германію, возстаніе Пруссаковъ, содѣйствіе Австріи, окончательный разгромъ Наполеоновыхъ армій и преслѣдованіе его внутри Франціи. На дѣлѣ, такое воззрѣніе ошибочно во всѣхъ подробностяхъ, и лишь невѣроятное ослѣпленіе Наполеона и стеченіе множества неожиданныхъ обстоятельствъ могли заставить событія сложиться такимъ образомъ. Мы теперь касаемся перваго звѣна въ этой длинной цѣпи событій: вступленія Русскихъ въ Германію.

Самые свѣдущіе судьи, до начала войны, ожидали, что Наполеонъ выйдетъ изъ нея побѣдителемъ, и самъ Штейнъ первоначально держался такого мнѣнія. Люди, болѣе склонные надѣяться, могли предполагать, что Россія одолѣетъ грознаго непріятеля лишь послѣ многолѣтней кровавой борьбы; но почти что никому не снилось о томъ сокрушительномъ погромѣ, который постигъ Наполеона. Даже и такіе сангвиники, если они существовали, усомнились бы посовѣтовать Россіи, послѣ собственнаго избавленія, предпринять освобожденіе Германіи. Когда императоръ Александръ изъявилъ такое намѣреніе, онъ встрѣтилъ сильный отпоръ, вполнѣ законный и понятный. Потери людьми и богатствами, понесенныя Россіей въ продолженіе войны, были громадны, едва не настолько же, сколько потери самого Наполеона. Можно было спросить: гдѣ взять армію для освобожденія Германіи? Тѣмъ болѣе замѣчательно муже-

ственное упованіе Штейна на Россію еще до открытія войны, когда ея исходъ былъ неизвѣстенъ и лишь немногіе дерзали надѣяться, что Россія избѣгнетъ погибели.

Всѣ предложенія Штейна были одобрены Александромъ, и Германскій Комитетъ учрежденъ немедленно. Въ составъ его вошли, согласно желанію Штейна, графъ Кочубей, принцъ Георгій Ольденбургскій и самъ Штейнъ; къ нимъ, по ходатайству Комитета, скоро присоединился графъ Ливенъ.

Изъ числа своихъ Русскихъ друзей Штейнъ повидимому цѣнилъ выше всѣхъ Кочубея. Мы находимъ у Арндта слѣдующій краткій отзывъ о немъ:

«Я часто посѣщалъ его домъ вмѣстѣ съ Штейномъ и потому имѣлъ случай ознакомиться съ образомъ ихъ жизни. Кочубей былъ сотрудникомъ Штейна, который очень скоро привязался къ нему. Наблюдая такое семейство, его нравы, его простые, ровные, непритязательные пріемы, невольно спрашиваешь себя: съ какой планеты упали подобные люди на ледяныя поля снѣжной Московіи? Могутъ ли такія растенія процвѣтать на Невѣ?»

Эти ровные, внушающіе довѣріе, характеры особенно нравились Штейну. Кочубей завѣдывалъ финансовыми дѣлами Комитета.

Принцъ Георгій Ольденбургскій былъ супругомъ сестры Александра, великой княгини Екатерины Павловны, и состоялъ членомъ Комитета по военной части. Судя по отзыву, вѣроятно самого Штейна, онъ имѣлъ много личныхъ достоинствъ; но при большой самонадѣянности, не рѣдко странной и докучливой, мнилъ въ одно и тоже время быть и поэтомъ, и государственнымъ человѣкомъ, и полководцемъ, и постоянно заявлялъ, что не знаетъ никакихъ предразсудковъ. Его назначеніе было лишь временнымъ, въ ожиданіи удобнаго случая поставить во главѣ Комитета его отца, герцога Ольденбургскаго, изгнаннаго изъ своихъ владѣній Наполеономъ (поэтому Арндтъ ничего не говоритъ о немъ). Когда Комитетъ собрался въ Петербургѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ, принцъ Георгій не принялъ участія въ его засѣданіяхъ. Штейнъ, на пути въ Петербургъ, посѣтилъ его въ Твери и повидимому оцѣнилъ высокія дарованія и качества великой княгини. Принцъ Георгій умеръ скоропостижно въ Декабрѣ того же года, и вдова его сдѣлалась впослѣдствіи королевою Виртембергскою.

Графъ Ливенъ не показался Арндту замѣчательнымъ человѣкомъ; но за нимъ, говоритъ онъ, скрывался мужъ совѣта, котораго звали графинею Ливенъ. Эта графиня, родомъ изъ Курляндскаго семейства, упоминается во многихъ Англійскихъ запискахъ временъ избирательной реформы, когда ея мужъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ.

Комитетъ имѣлъ засѣданіе 16 Іюня (вѣроятно 28 Іюня новаго стиля) т. е. въ тотъ самый день когда Русскіе оставили Вильну. Въ этомъ засѣданіи постановлено было просить о причисленіи графа Ливена къ Ко-

митету, дабы воспользоваться свѣдѣніями о настоящемъ положеніи Германіи, которыя онъ могъ пріобрѣсти будучи посланникомъ въ Берлинѣ. Кромѣ того были составлены программа дѣйствій и наказъ для производства дѣлъ, на основаніи которыхъ послѣдовало императорское повелѣніе, приведенное дословно у Перца, съ примѣчаніями Штейна. Эти примѣчанія обнаруживаютъ съ его стороны опасеніе заглохнуть въ Комитетѣ, лишиться самостоятельнаго дѣйствія и прямаго вліянія на императора. Необходимо, пишетъ онъ, соблюсти величайшую простоту и несложность въ производствѣ дѣлъ; медлительные коллегіальные пріемы должны быть устранены и замѣнены бюрократическими, причемъ каждый членъ завѣдываетъ всѣми отдѣлами своей части, сообщаясь съ Комитетомъ только о послѣдствіяхъ и по вопросамъ первостепенной важности. Онъ также замѣчаетъ, что каждый изъ членовъ Комитета дотолѣ пользовался лестнымъ правомъ прямаго доступа къ государю, и что имъ было бы очень прискорбно лишиться этого права. Эти замѣчанія оказались нелишними. Немедленно послѣ перваго засѣданія члены Комитета разъѣхались вслѣдствіе вступленія Французовъ въ Вильну и поѣздокъ императора въ Москву и въ Петербургъ, и весь мѣсяцъ Іюнь былъ бы потерянъ для дѣла въ случаѣ введенія коллегіальнаго порядка. Дѣятельность Штейна ни на минуту не прекращалась. Его ближайшій докладъ императору состоялся въ Свенцянахъ, на пути между Вильной и Дриссой, и другія важныя представленія писаны въ самой Дриссѣ.

Въ первомъ докладѣ заключается болѣе подробное изложеніе мѣръ, необходимыхъ для поощренія возстанія въ Германіи. Штейнъ удостовѣряетъ, что невозможно разсчитывать на внезапное всенародное возстаніе, подобное Испанскому; поэтому необходимо прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ, нежели одни манифесты и воззванія. Слѣдуетъ устроить высадку Шведскихъ войскъ въ Любекѣ, Англійскихъ въ Эмденѣ. Изъ этихъ мѣстностей, присоединивъ къ себѣ возставшія населенія, означенныя войска должны открыть военныя дѣйствія между Эльбою и Одеромъ, причемъ восточная Фрисландія, мало доступная вслѣдствіе своихъ болотъ, удобно расположенная для сношеній съ Англіею, можетъ служить какъ бы естественною крѣпостью. Такимъ образомъ весь Сѣверъ Германіи между Эльбою, Исселемъ, Рейномъ и Тюрингскимъ лѣсомъ можетъ получить военную организацію. Здѣсь можетъ быть набрана по разсчету 20,000 человѣкъ съ милліона жителей, армія въ 75,000 человѣкъ, не считая ландвера и ландштурма. Но для исполненія этихъ предначертаній необходимо скорѣйшее соглашеніе съ Англіей и Швеціей.

Таковъ былъ проэктъ Штейна. Въ сущности, онъ предлагалъ Германскимъ государямъ (и предлагалъ, разумѣется, вполнѣ сознательно) ввѣрить свои судьбы порыву возставшаго народа, чтò большинству изъ нихъ могло казаться опаснымъ. Дѣйствіе его предложенія обнаружилось немедленно. Въ Дриссѣ принцъ Августъ, братъ принца Георгія Ольденбург-

скаго и членъ одного изъ наиболѣе заинтересованныхъ владѣтельныхъ домовъ, подалъ протестъ противъ всякаго воззванія къ народу и въ особенности противъ всякаго союза съ тайными обществами, и доказывалъ, что вся дѣятельность должна быть сосредоточена въ рукахъ изгнанныхъ правителей. Штейнъ, вѣроятно, прочиталъ этотъ протестъ съ улыбкою и въ своемъ возраженіи высказалъ слѣдующія мысли:

„Предлагаемое положеніе, что мы должны дѣйствовать исключительно черезъ посредство изгнанныхъ принцевъ: 1) ведетъ къ раздробленію подъемлемыхъ нами силъ; 2) ввѣряетъ ихъ большею частью совершенно неспособнымъ лицамъ; 3) обрекаетъ на бездѣйствіе всѣ средства областей, не принадлежащихъ означеннымъ принцамъ. При самомъ началѣ предпріятія, нуждающагося въ полномъ единеніи и въ сильномъ починѣ, намъ предлагаютъ ввѣрить его исполненіе Ганноверскому правительству, глава котораго пребываетъ въ Лондонѣ; Гессенскому правительству, олицетворяемому неспособнымъ, скудоумнымъ, жалкимъ старикомъ; Фульдскому правительству, которое тоже захотѣло бы имѣть свое особое мнѣніе; Брауншвейгскому неподатливому на совѣты; Ольденбургскому (здѣсь, думалъ Штейнъ, надо быть вѣжливымъ), которое безъ сомнѣнія заслуживаетъ полнаго довѣрія по своимъ нравственнымъ качествамъ и мудрости, но едва ли могло бы съ достаточною силою дѣйствовать на своихъ вышеназванныхъ многочисленныхъ сотоварищей, съ ихъ кабинетами, министрами, генералами, придворными кавалерами и любовницами (ибо г-жа фонъ-Шлоссгеймъ, вѣроятно, тоже не останется безгласною). Второе неудобство предлагаемой системы заключается въ томъ, что она лишила бы насъ возможности дѣйствовать на очень большую часть Нѣмецкихъ земель, ближайшимъ образомъ доступную нашему вліянію, которое должно распространяться не только на владѣнія упомянутыхъ принцевъ, но и на Прусскія владѣнія, на Вестфалію, на Нѣмецкія земли, присоединенныя къ Франціи. По какому праву принцы a, b, c, d, стали бы вступаться въ эти территоріи, если не съ тайными корыстными цѣлями собственнаго округленія на счетъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи извѣстны виды Кассельскаго кабинета, Ганноверскихъ министровъ, принца Оранскаго. Движеніе, продолжаетъ Штейнъ, которое мы хотимъ произвести въ Германіи, должно исходить отъ единой сильной власти, утвержденной на широкомъ основаніи. Россія и союзники ея высадятъ войска на берегахъ Германіи, объявятъ Нѣмецкому народу, что наступило время возстать противъ Французскаго гнета. Руководить вооруженнымъ движеніемъ будетъ центральный комитетъ, въ составъ котораго войдутъ и принцы и люди наиболѣе вліятельные въ земляхъ, занятыхъ Французами; онъ будетъ завѣдывать политическими и военными дѣлами; возставшія области не будутъ преданы якобинству, но получатъ правильное военное устройство съ единственною цѣлью борьбы за свободу и благоденствіе Германіи, которымъ принцы также обязаны жертвовать всѣми

своими личными выгодами, какъ и послѣднiй изъ подданныхъ, тѣмъ болѣе что они никогда не были самостоятельными владѣтелями, а только членами Имперiи, подвластными императору; державства же, прiобрѣтенныя въ Рейнскомъ союзѣ, нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ правохищенiемъ (узурпацiей)».

Провозглашенiе такихъ мыслей замѣчательно своею прямотою и смѣлостью; оно ясно предвѣщаетъ не только освобожденiе отъ иноземнаго ига, но и политическiй переворотъ въ Германiи. Если оно покажется неосторожнымъ, то слѣдуетъ вспомнить, что Александръ, хотя окруженный Нѣмецкими принцами и самъ почти принадлежа къ числу ихъ, сохранялъ либеральныя убѣжденiя. Мы знаемъ, что онъ не благопрiятствовалъ впослѣдствiи Бурбонамъ, что въ умѣ его мелькала мысль о возведенiи Бернадота на Французскiй престолъ, что въ Лондонѣ онъ сочувствовалъ оппозицiи виговъ; и самое изреченiе, что государи существуютъ только для счастiя своихъ народовъ, не сходило съ его устъ. Поэтому вышеприведенныя мысли должны были встрѣтить съ его стороны скорѣе восторженное одобренiе, нежели порицанiе.

Обратимся къ другой сторонѣ предначертанiй Штейна: къ привлеченiю подъ Русскiя знамена нѣкоторыхъ изъ Германскихъ войскъ, вошедшихъ въ составъ армiи Наполеона.

Такое предположенiе естественно приходило на умъ всякому Нѣмцу, при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Еще за два года до Штейна, другой изгнанникъ, родственникъ Александра, герцогъ Петръ Ольденбургскiй, нашелъ убѣжище въ Россiи; извѣстно, что присоединенiе его небольшихъ владѣнiй къ Францiи въ 1810 г. было одною изъ главныхъ причинъ войны съ Россiей. Хотя въ то время Германiя находилась повидимому въ мирномъ положенiи, однако тогда уже герцогъ внушилъ Александру, что онъ могъ бы воспользоваться духомъ горькаго озлобленiя, таившимся въ большинствѣ военныхъ сословiй Германiи, особенно въ Прусской армiи, для привлеченiя на свою службу отличнѣйшихъ офицеровъ. Для этой цѣли прибылъ въ Петербургъ, въ Декабрѣ 1811 года, бывшiй начальникъ Ольденбургскихъ войскъ, полковникъ Арѣнтшильдъ. Онъ былъ опытный воинъ, дравшiйся въ Индiи противъ Типпо-Саиба, но, по свидѣтельству Арндта, основанному на мнѣнiи военныхъ людей, лишенный предпрiимчивости. Этотъ Арентшильдъ былъ отправленъ царемъ въ Пруссiю, съ порученiемъ вербовать офицеровъ „не состоящихъ на дѣйствительной службѣ и свободныхъ отъ обязательствъ къ другимъ государямъ". Онъ не имѣлъ большаго успѣха въ своихъ попыткахъ, ибо въ то время въ средѣ Прусскихъ офицеровъ еще господствовало убѣжденiе, что ихъ король станетъ на сторонѣ Россiи. Но когда эта надежда оказалась напрасною и сдѣлалось несомнѣннымъ, что Прусское вспомогательное войско идетъ съ Наполеономъ, тогда произошло нѣчто въ родѣ переселенiя Прусскихъ офицеровъ въ Россiю.

Многіе Нѣмецкіе писатели утверждали, что когда въ Мартѣ 1812 г. Фридрихъ-Вильгельмъ подписалъ союзный договоръ съ Наполеономъ, не менѣе 300 Прусскихъ офицеровъ сложили съ себя свое званіе и поступили на службу къ царю. Въ новѣйшее время тщательная критика доказала *), что это цифра чрезвычайно преувеличена и не основана ни на какомъ современномъ свидѣтельствѣ. Но слѣдуетъ принять во вниманіе. что нѣкоторые офицеры, безъ сомнѣнія, вышли въ отставку еще до подписанія договора, другіе нѣсколько мѣсяцевъ спустя; и во всякомъ случаѣ остается достовѣрнымъ, что въ то время многіе изъ лучшихъ Прусскихъ офицеровъ отправились въ Россію, въ томъ числѣ извѣстный военный писатель Клаузевицъ. При такихъ условіяхъ мысль о Нѣмецкомъ отрядѣ на службѣ Россіи представлялась удобоисполнимою; и еще до Штейна поручено было Арентшильду составить подобный отрядъ изъ Нѣмцевъ дезертировъ. Слѣдовательно Штейнъ только подвинулъ и правильнѣе обставилъ дѣло, уже начатое, при чемъ онъ имѣлъ въ виду, чтобы оно не подпало подъ исключительное вліяніе потерпѣвшаго Ольденбургскаго дома.

Доселѣ мы упомянули о двухъ принцахъ, Георгіи и Августѣ, которые считались въ Комитетѣ представителями своего отца еще до открытія правильныхъ засѣданій въ Петербургѣ. Но когда эти засѣданія начались подъ предсѣдательствомъ герцога Ольденбургскаго, Штейнъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Герцогъ оказался чопорнымъ, щепетильнымъ, полнымъ предразсудковъ; въ ихъ отношеніяхъ сказалась историческая рознь между имперскимъ рыцаремъ и владѣтельнымъ принцемъ; во всякомъ случаѣ мы видимъ, что онъ окончательно вывелъ Штейна изъ терпѣнія. Сношенія съ нимъ были для Штейна однимъ изъ тяжкихъ испытаній его жизни. „Онъ тутъ стоитъ, восклицаетъ Штейнъ, какъ на судѣ старой Германской имперіи и читаетъ мнѣ свои наставленія по два и по три часа подъ рядъ, stans pede in uno“. Онъ пишетъ Арндту, когда послѣдній собирался идти на поклонъ къ герцогу: „Приготовьтесь къ экзамену изъ Германской исторіи, какъ имперіи такъ и государствъ, и къ стоянію на ногахъ въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ. Нужно отдать ему справедливость: онъ знаетъ всѣ имена и лица и родословныя и на своихъ длинныхъ окоченѣлыхъ Вестфальскихъ ногахъ способенъ застоять до смерти самаго выносливаго человѣка на всемъ Регенсбургскомъ сеймѣ“.

Штейнъ былъ не такой человѣкъ, который могъ бы покориться подобному истязанію. Онъ сразу рѣшился на своего рода „государственный ударъ“. Онъ написалъ къ императору слѣдующее письмо 18-го Августа, т. е. на девятый день по прибытіи въ Петербургъ и только что ознакомившись съ герцогомъ.

„Ваше императорское величество назначили герцога Ольденбургскаго присутствовать въ Германскомъ Комитетѣ. При всемъ уваженіи моемъ къ

*) Леманъ: Кнезебекъ и Шёнъ.

достоинствамъ и нравственнымъ качествамъ герцога, личная преданность моя вашему императорскому величеству и дѣлу, которое вы поддерживаете, а также сродное мнѣ чистосердечіе, побуждаютъ меня представить вамъ слѣдующія замѣчанія».

«Взглядъ его высочества герцога Ольденбургскаго на внутреннія дѣла Германіи находится въ такомъ полномъ противорѣчіи съ моимъ взглядомъ, что я не вижу никакой возможности ихъ согласовать, пока я не отступлю отъ моихъ убѣжденій по наиболѣе важнымъ предметамъ, чего никогда не дозволитъ мнѣ сдѣлать моя приверженность тому, что̀ мнѣ кажется истиною. Герцогъ отклоняетъ»:

«1) Воззваніе къ Германскому народу: я находилъ и нахожу эту мѣру необходимою. Правительство должно выразить свою волю; всѣ люди, знающіе внутреннее состояніе Германіи, раздѣляютъ мое мнѣніе».

«2) Герцогъ отрицаетъ возможность привести въ движеніе для какой-либо цѣли жителей страны между Исселемъ и Эльбою, при содѣйствіи высаженныхъ войскъ: я убѣжденъ въ этой возможности. Если мы должны ожидать успѣха единственно отъ наступленія Русской арміи и смотрѣть на Нѣмецкій народъ какъ на безжизненную массу, то наши сужденія о средствахъ подѣйствовать на него лишены всякой цѣли».

«Мнѣнія, столь противорѣчивыя, не могутъ быть согласованы. Я питаю отвращеніе къ сдѣлкамъ, обоюднымъ уступкамъ, угодливости; это наиболѣе пагубный изъ всѣхъ пріемовъ. Я убѣдительно прошу ваше величество уволить меня отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлахъ, касающихся внутренняго настроенія Германіи и дозволить мнѣ, въ случаѣ если наслѣдный принцъ Шведскій высадится съ войсками близъ Мемеля, отправиться къ нему, на мѣстѣ, моими усиліями, привести въ исполненіе волю вашего величества и доказать вамъ мою благоговѣйную преданность“.

„Государственный ударъ“ удался. Александръ, подъ вліяніемъ своихъ либеральныхъ убѣжденій, принялъ сторону Штейна: онъ разрѣшилъ ему заниматься Германскими дѣлами съ графами Кочубеемъ и Ливеномъ, помимо герцога. Съ тѣхъ поръ участіе сего послѣдняго въ дѣлахъ Комитета ограничивалось наборомъ Нѣмецкаго отряда, надъ которымъ онъ сохранилъ нѣчто въ родѣ высшаго наблюденія. Дѣло это вообще кончилось неудачею, по крайней мѣрѣ сравнительно съ первоначальными ожиданіями.

Первымъ шагомъ было, по указанію Штейна, изданіе призыва ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ стать подъ Русскія знамена. Отъ имени Русскаго главнокомандующаго обнародовано было слѣдующее воззваніе, сочиненное Штейномъ, съ поправками, сдѣланными Александромъ:

„Германцы! Зачѣмъ вы ведете войну противъ Россіи, вторгаясь въ ея предѣлы и являясь врагами Русскаго народа, который въ продолженіе многихъ поколѣній находился съ вами въ дружескихъ связяхъ и принималъ радушно многихъ вашихъ соотечественниковъ, предлагая награду ихъ дарованіямъ и полезныя занятія ихъ трудолюбію? Что̀ подвигло васъ на такое

незаслуженное нападеніе? Оно можетъ быть только гибельнымъ для васъ самихъ, и окончится смертью сотенъ тысячъ людей или вашимъ полнымъ порабощеніемъ".

«Но это нападеніе не есть слѣдствіе вашей свободной и независимой воли: въ томъ убѣждаютъ меня ваше здравомысліе, ваша любовь къ правдѣ; вы служите несчастными орудіями чужаго властолюбія, которое непрестанно дѣйствуетъ для окончательнаго порабощенія бѣдствующей Европы. Германцы, злосчастные, обезчещенные исполнители властолюбивыхъ велѣній, мужайтесь и воспряньте! Вспомните, что вы въ теченіе столѣтій занимали въ исторіи положеніе великой націи, прославленной военными и мирными преуспѣяніями. Познайте по примѣрамъ Испанцевъ и Португальцевъ, что твердая и непреклонная воля народа должна восторжествовать надъ иноземнымъ нашествіемъ и гнетомъ. Вы подавлены, но еще не опозорены и не развращены; если многіе изъ васъ, принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ, забыли о своихъ обязанностяхъ къ отечеству, за то огромное большинство вашей націи осталось честнымъ, мужественнымъ, ненавидящимъ иноземное владычество и вѣрнымъ Богу и отечеству. Итакъ вы, которыхъ завоеватель загналъ въ предѣлы Россіи, покиньте знамена рабства, спѣшите подъ знамена отечества, свободы, народной чести, воздвигнутыя подъ охраною моего милостиваго повелителя, его величества государя императора. Онъ обѣщаетъ вамъ помощь всѣхъ честныхъ Русскихъ людей изъ 50,000,000 его подданныхъ, которые поклялись поддерживать до послѣдняго издыханія борьбу за свою независимость и честь народную. Императору Александру благоугодно было поручить мнѣ предложить всѣмъ храбрымъ Германскимъ офицерамъ и солдатамъ, желающимъ перемѣнить службу, поступленіе въ Германскій легіонъ (отрядъ). Онъ будетъ состоять подъ начальствомъ одного изъ Германскихъ принцевъ, который дѣлами и жертвами своими доказалъ свою преданность отечеству, и возстановленіе свободы Германіи будетъ его главнымъ назначеніемъ. Если великая цѣль будетъ достигнута, то благодарное отечество воздастъ блестящія награды своимъ доблестнымъ сынамъ, спасшимъ его отъ погибели. Въ случаѣ неполнаго успѣха, мой милостивый императоръ обезпечиваетъ этимъ храбрымъ людямъ пристанище и содержаніе въ благорастворенномъ климатѣ южной Россіи. Германцы, сдѣлайте выборъ! Послушайтесь призыва отечества и чести, и вы насладитесь наградами за ваше мужество и ваши жертвы; или продолжайте преклонять выи подъ ярмомъ гнетущаго васъ владычества, и вы погибнете безславно, въ нуждѣ и униженіи, заслуживъ презрѣніе иноземцевъ и проклятія вашего потомства».

«По повелѣнію его величества императора Всероссійскаго главнокомандующій Россійскою арміею Барклай де Толли».

Такова была реторика Штейна въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ рѣшался прибѣгать къ реторикѣ. Онъ ищетъ „важности и простоты", избѣгая излишнихъ преувеличеній. Нѣкоторыя мѣста подлинника были измѣ-

нены императоромъ. Тамъ, гдѣ Александръ написалъ просто: „чужое властолюбіе, которое непрестанно дѣйствуетъ для окончательнаго порабощенія бѣдствующей Европы“, у Штейна было сказано: „завоеватель, который предалъ рабству и разоренію собственную націю, довѣрчиво облекшую его верховною властью, и стремится распространить и то и другое на всю остальную бѣдствующую Европу“. Александръ, повидимому, не рѣшался обвинять Наполеона въ деспотическомъ правленіи и въ страсти къ завоеваніямъ, такъ какъ подобные упреки могли быть сдѣланы и ему. Далѣе Александръ значительно смягчилъ нападки Штейна на Германскія правительства и на высшія сословія. Онъ вычеркнулъ слова: „хотя многіе изъ вашихъ государей измѣнили дѣлу отечества, за которое обязаны были проливать свою кровь и умереть смертью храбрыхъ, хотя многіе изъ вашихъ дворянъ и чиновниковъ дозволили сдѣлать изъ себя орудія для его погибели, вмѣсто того чтобы слѣдовать своему высокому призванію быть его защитниками“, и сократилъ такъ: „если многіе изъ васъ, принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ, забыли о своихъ обязанностяхъ къ отечеству“. Прочія измѣненія, сдѣланныя Александромъ, незначительны.

Распространеніемъ этого призыва и другими средствами увѣщанія старались подѣйствовать на умы въ Нѣмецкой части Наполеоновой арміи. Особенно удачнаго дѣйствія ожидали отъ Пруссаковъ, которые въ числѣ 20,000 находились въ корпусѣ Макдональда въ Балтійскихъ областяхъ. Этими Прусскими войсками командовалъ генералъ Гравертъ, слѣпой поклонникъ Наполеона; но вторымъ послѣ него по начальству былъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Іоркъ, имени котораго суждено было сдѣлаться Европейскою знаменитостью до истеченія этого года. Его личныя убѣжденія не были извѣстны, но никто не могъ подозрѣвать его въ преданности Французамъ. Маіоръ фонъ-деръ-Гольцъ, отставной Прусскій офицеръ и дѣятельный членъ Тугендбунда, поѣхалъ въ Ригу испытать, что̀ могло быть сдѣлано. Онъ имѣлъ мало успѣха. Іоркъ, въ сущности, также мало сочувствовалъ людямъ, подобнымъ Штейну, какъ и Французской партіи. Онъ былъ всецѣло преданъ Прусской идеѣ воинскаго подчиненія королю безъ всякихъ разсужденій, и съ негодованіемъ смотрѣлъ на тѣхъ, кто при крайнемъ униженіи Пруссіи осмѣливался имѣть независимый образъ мыслей. Такъ напримѣръ, когда Тидеманъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ Прусскихъ офицеровъ, уважаемый Шарнгорстомъ и Штейномъ, находясь въ числѣ поступившихъ въ Русскую службу, былъ посланъ Александромъ въ Ригу для сообщенія извѣстій губернатору и погибъ въ стычкѣ у Даленкирхена, Іоркъ по поводу его смерти писалъ: „Этотъ человѣкъ погибъ жертвою своихъ страстей и своихъ политическихъ мнѣній“. Потомъ разсказавъ, и притомъ невѣрно, обстоятельства его смерти, онъ прибавилъ: „Хорошо, что онъ умеръ; теперь мы будемъ покойнѣе. Въ послѣдніе дни его жизни онъ сдѣлался достойнымъ презрѣнія, не только склоняя наши войска къ дезертирству, къ счастью безуспѣшно, но даже дерзнувши предложить

маіору Краммону при Шлокѣ позорную сдачу его баталіона". Коль скоро вожди Прусскихъ войскъ были такого мнѣнія о замыслѣ Штейна, Гольцъ не могъ имѣть большаго успѣха, и не имѣлъ. Впослѣдствіи Германскій Комитетъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ ограничиться въ этомъ отношеніи дѣйствіемъ на плѣнныхъ.

Вербовка плѣнныхъ пошла удачнѣе, и образованіе Германскаго отряда дѣйствительно состоялось, преимущественно благодаря трудамъ и способностямъ другаго члена военной эмиграціи, маіора Фердинанда фонъ-Штюльпнагеля, изъ Укермарка, который въ 1809 г. велъ негласные переговоры съ Блюхеромъ. Арндтъ считалъ его очень дѣятельнымъ и способнымъ человѣкомъ, и онъ повидимому болѣе сдѣлалъ для образованія Германскаго отряда, нежели кто-либо другой. Онъ имѣлъ къ Штейну одобрительный отзывъ отъ графа Арнима фонъ-Бойценбурга. Тѣмъ не менѣе онъ жалуется Арндту на грубый пріемъ со стороны Штейна. Мы знаемъ, что даже друзья Штейна иногда страдали отъ его вспыльчивыхъ выходокъ; а Штюльпнагель, повидимому, ему особенно не понравился. Чѣмъ именно, явствуетъ изъ словъ Штейна въ разговорѣ съ Арндтомъ: „Не толкуйте мнѣ о вашемъ Штюльпнагелѣ, который вѣчно трясется со страха и только думаетъ, какъбы прислужиться". Бѣдный Штюльпнагель, какъ видно, былъ въ недоумѣніи. Арндтъ старался внушить ему бодрость, и онъ послѣдовалъ его совѣтамъ, которые привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. На другой же день, при свиданіи съ Арндтомъ, Штейнъ заговорилъ: „Вы отчасти были правы — я ошибался въ моемъ мнѣніи о Штюльпнагелѣ; только нельзя ли ему быть поменьше вѣжливымъ, болѣе похожимъ на солдата, и хватать людей за живое". Штейнъ насмотрѣлся на придворныхъ любезниковъ, и когда кто-нибудь подходилъ къ нему съ угодливою рѣчью и вкрадчивыми пріемами, ему тотчасъ мерещились Гаугвицъ и за его спиною Іенское сраженіе. Въ своей автобіографіи онъ отдаетъ полную справедливость Штюльпнагелю и приписываетъ успѣшное образованіе Нѣмецкаго легіона его „настойчивости, терпѣнію и разумной распорядительности".

Это дѣло встрѣчало довольно много препятствій, изъ которыхъ мы укажемъ три главныя.

1) Нелегко было внушить вообще всѣмъ Русскимъ тотъ взглядъ на плѣнныхъ Нѣмцевъ, который былъ усвоенъ Александромъ. По плану Штейна, слѣдовало отдѣлять Нѣмцевъ отъ плѣнныхъ другой народности и отсылать ихъ въ предназначенныя сборныя мѣста—Ревель и Кіевъ. Это было строго повелѣно императоромъ. Но агенты Германскаго Комитета, оставшіеся при главной квартирѣ, принцъ Августъ Ольденбургскій, графъ Шато и фонъ-Бозе скоро замѣтили, что послѣ отъѣзда царя изъ лагеря это повелѣніе не исполнялось. Русскій славянизмъ вовсе не располагалъ къ обращенію съ Нѣмцами въ духѣ воззванія и не придавалъ никакой важности образованію Германскаго отряда. Вслѣдствіе этого очень многіе плѣнные Нѣмцы не отсылались въ сборныя мѣста.

2) Для успѣшной вербовки плѣнныхъ необходимо было пріобрѣсти ихъ довѣріе. Этого не было сдѣлано. Встрѣчая со стороны Русскихъ презрительное или суровое обращеніе, они не легко поддавались предложеніямъ офицеровъ-вербовщиковъ, мало вѣрили обѣщаніямъ освободить Германію или поселить ихъ отдѣльными Нѣмецкими колоніями, и подозрѣвали, что ихъ просто берутъ въ Русскую службу. Поэтому число охотниковъ было чрезвычайно мало сравнительно съ общимъ числомъ плѣнныхъ.

3) Третье неожиданное затрудненіе выражено Арндтомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы мечтали о быстромъ возрастаніи легіона до десяти или двадцати тысячъ человѣкъ, но не такъ угодно было Богу. Плѣнные были заморены до мозга костей отъ походовъ, холодовъ, скудной пищи, дурнаго обращенія, и умирали какъ мухи. Насмотрѣлся я этихъ несчастныхъ обмерзшихъ и голодныхъ юношей. Въ исходѣ, не много оставалось здороваго матеріала для отряда“. Дѣйствительно, страшная смертность, постигавшая въ то время также и Русскія войска подъ вліяніемъ суроваго климата и полу-варварской военной администраціи, не щадила новобранцевъ Нѣмцевъ. Изъ 566 человѣкъ, отправленныхъ изъ Полоцка въ Псковъ, прибыло только 166, а изъ 4200 высланныхъ туда же изъ Кіева, дошли только 381. Одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ отряда, графъ Шазо, умеръ въ Псковѣ, въ Январѣ 1813 г., отъ госпитальной горячки.

Смертность, однакожъ, уменьшилась въ Маѣ 1813 г., и легіонъ возросъ до цифры 10,000 человѣкъ; но, по стеченію событій, онъ не могъ получить значенія, задуманнаго Штейномъ, который предполагалъ, что Германія освободится, подобно Испаніи и Португаліи, посредствомъ всенароднаго возстанія съ помощью Англіи, а можетъ быть и Швеціи. Германскій легіонъ долженъ былъ представить собою готовые кадры для пополненія повстанцами. Но уже въ началѣ 1813 г. Пруссія заняла въ Германіи мѣсто, которое Штейнъ предназначалъ Англіи, и затѣмъ Нѣмецкое ополченіе слилось съ Прусскою арміею.

Равнымъ образомъ усилія Штейна и Германскаго комитета въ 1812 г. возбудить волненіе умовъ въ Германіи оказались излишними вслѣдствіе рѣшительнаго погрома, которымъ сломлены были силы Наполеона и совершенно измѣнены отношенія къ нему Германіи. Въ 1813 году вспыхнуло возстаніе, столь же могучее, какъ того желалъ Штейнъ, но не вслѣдствіе усилій его и его помощниковъ. Юстусъ Грюнеръ въ Прагѣ руководилъ тайнымъ движеніемъ на почвѣ Германіи и находился въ сношеніяхъ съ Германскимъ Комитетомъ въ Петербургѣ. Онъ учредилъ роту инспекторовъ или лазутчиковъ, въ числѣ сорока, для собиранія свѣдѣній каждымъ во ввѣренномъ ему округѣ. Они должны были узнавать о числѣ и расположеніи Французскихъ войскъ, о настроеніи умовъ въ различныхъ слояхъ Нѣмецкаго общества, содѣйствовать вербовкѣ въ Германскій отрядъ, высылать охотниковъ въ Россію, и т. д. Сдѣланы были также попытки создать нѣчто подобное Испанскимъ герильясамъ (партизанскимъ от-

рядамъ). Для таковыхъ Арндтъ сочинилъ и напечаталъ въ Петербургѣ: „Катехизисъ для Нѣмецкаго солдата и ратника (Wehrmann), въ которомъ указано, какъ долженъ ратникъ-христіанинъ идти въ битву съ благословеніемъ Божіимъ“. Изъ Петербурга это наставленіе было разослано въ армію и распространено въ Германіи. Даровитые офицеры, въ томъ числѣ Австріецъ Пфюль и Пруссакъ Бойенъ, были отправлены въ Россію. Въ Пруссіи броженіе было такъ сильно, что Меттернихъ предостерегъ Французскаго посла въ Вѣнѣ, указывая на возможность взрыва, который подкрѣпилъ бы Россію сотнями тысячъ воиновъ.

22 Сентября Грюнеръ былъ арестованъ въ Прагѣ, какъ говорятъ, по настоянію Французской партіи въ Пруссіи, и посаженъ въ крѣпость Мункачъ. Движеніе умовъ лишилось своего руководителя и повидимому совсѣмъ утихло. Но въ это самое время, въ Сентябрѣ и Октябрѣ, участь войны рѣшалась, и Германія становилась въ совершенно иныя отношенія къ Наполеону, испытавшему великія пораженія.

IV.

ШТЕЙНЪ И ПОХОДЪ 1812 ГОДА.

Мы видѣли, что труды Штейна по Германскимъ дѣламъ не имѣли непосредственно важныхъ послѣдствій. Но Германскія дѣла, которыми онъ желалъ ограничиваться, не могли быть вполнѣ отдѣлены отъ прочихъ предметовъ Русской политики; поэтому Штейнъ имѣлъ нерѣдко случай высказывать свое мнѣніе по различнымъ вопросамъ. Онъ сдѣлался однимъ изъ совѣтниковъ императора Александра по иностраннымъ дѣламъ и оставался таковымъ до паденія Наполеона.

Но его вліяніе на дѣйствія Русскаго правительства начало проявляться лишь послѣ оставленія Москвы. Какъ встрѣтитъ Россія Наполеоново нашествіе, было рѣшено еще до его пріѣзда. Онъ нисколько не былъ участникомъ плана отступленія до укрѣпленнаго лагеря въ Дриссѣ, плана, который, къ худшему или къ лучшему, заставилъ Пруссію броситься, съ отчаянія, въ объятія Наполеона. Ему были чужды и переговоры о мирѣ съ Турціей, о Шведскомъ союзѣ, и стратегическія соображенія во время войны. Военные совѣты въ Дриссѣ, отступленіе армій, соединеніе ихъ и битва у Смоленска, дальнѣйшее отступленіе къ Москвѣ, оставленіе и сожженіе Москвы, все это Штейнъ видѣлъ какъ сторонній зритель. Размышленія, внушенныя ему этими событіями, отчасти высказаны въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма его къ графу Мюнстеру отъ 25 Сентября:

„Совершенно необходимо, чтобы Англія взяла на себя руководительство Германскихъ дѣлъ и приняла на свое жалованье Нѣмецкій легіонъ. Отъ

здѣшнихъ правящихъ и руководящихъ личностей мы не можемъ ожидать никакихъ мудрыхъ, великихъ или безкорыстныхъ дѣйствій въ случаѣ успѣха, никакой стойкости и никакого великодушія въ несчастіи. Ближе всѣхъ стоятъ къ императору и наиболѣе пользуются его довѣріемъ канцлеръ, графъ Аракчеевъ и министръ полиціи Балашовъ; первый достаточно извѣстенъ, второй отличается крайнею узкостью ума, третій близорукою самонадѣянностью при совершенномъ непониманіи важныхъ дѣлъ, и всѣ трое склоняются къ миру. Въ числѣ совѣтниковъ императора нѣтъ ни одного человѣка, одареннаго твердостью и мудростью. Если дѣла пойдутъ изрядно, то они выкажутъ нѣкоторую бодрость; въ противномъ случаѣ, не взирая на все краснобайство, они покорятся точно также, какъ въ 1805 и 1807 г. [1]). Такой образъ дѣйствій объясняется отсутствіемъ глубины ума и сердца, легкомысліемъ. Мы имѣемъ основаніе надѣяться на доблесть арміи и духъ народный; здѣсь видна сила, но нѣтъ руководительства. Оставленіе Москвы непростительно; оно произошло вопреки мнѣнію Бенигсена и Дохтурова, противъ громко изъявленной воли всей арміи. Безъ сомнѣнія, потерянъ только одинъ городъ, но городъ великій и многолюдный. Нравственное дѣйствіе этого событія, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, особенно на подлые кабинеты Берлина и Вѣны, громадно и бѣдственно".

Словомъ, мнѣніе Штейна таково, что Россія походитъ на Испанію, когда рѣчь идетъ о народѣ; но въ отношеніи правительства зловѣще напоминаетъ слишкомъ извѣстную ему Пруссію 1806 г. Въ императорѣ были черты сходства съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, а въ чемъ онъ непохожъ на него, то едва ли было къ лучшему. Въ его дарованіяхъ было болѣе живости, но менѣе основательности; онъ менѣе нерѣшителенъ, но болѣе тщеславенъ. Въ министрѣ, стоявшемъ возлѣ трона, Штейнъ находилъ опять знакомый ему типъ Гаугвица.

Этотъ министръ былъ тотъ самый Румянцовъ, котораго Штейнъ встрѣтилъ въ Майнцѣ слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ, когда онъ впервые вступилъ на дипломатическое поприще во дни великаго Фридриха. Румянцовъ теперь былъ канцлеромъ, т. е. министромъ иностранныхъ дѣлъ, и слылъ за главнаго представителя Тильзитской политики. Въ этомъ качествѣ онъ старался представить войну съ Франціей какъ неимѣющую важности, могущую окончиться скорымъ миромъ и возобновленіемъ союза [2]). Штейнъ изображаетъ его какъ государственнаго человѣка-царедворца, сердцемъ раболѣпнаго, съ крайнею спутанностью понятій и съ мистически-

---

[1]) Штейнъ тутъ ошибается. Россія нисколько не покорилась, ни въ 1805 г., ни въ 1807; въ послѣднемъ случаѣ она даже заняла, по замѣчанію нашего автора, первенствующее положеніе въ Европѣ.

[2]) Вопросъ, ошибочна ли была Тильзитская политика, событіями нашего времени рѣшенъ отрицательно. Ни Штейнъ, ни авторъ въ этомъ случаѣ не могутъ быть вполнѣ безпристрастными цѣнителями.

чувствительными рѣчами, какихъ именно произвело Наполеоновское время и съ какими наглый завоеватель умѣлъ справляться. „Онъ былъ ослѣпленъ, пишетъ Штейнъ, величіемъ Наполеона и ласковымъ, внимательнымъ пріемомъ его въ Парижѣ въ 1809 г., былъ неистощимъ въ анекдотахъ о его величествѣ императорѣ, о ея императорскомъ высочествѣ государынѣ-матери (madame-mère)", и пр. и пр. И еще: „Всѣ виды Румянцова мечтательны и туманны: полу-истины, схваченныя плохимъ органомъ зрѣнія. Онъ всегда старается заставить васъ угадать или подозрѣвать болѣе того, что̀ высказываетъ, и оставляетъ своихъ слушателей неудовлетворенными, недоумѣвающими, съ чувствомъ непріятнаго безпокойства". Его расположеніе къ Наполеону не удостоивалось взаимности. Французскій императоръ однажды выразился, что Александръ умѣлъ обворожить всѣхъ дипломатическихъ агентовъ, посылаемыхъ къ его двору; но не обнаружилъ такого же искусства въ выборѣ собственныхъ министровъ, и что его канцлеръ—глупецъ (que son chancelier était un sot).

Надо отдать справедливость Александру: намъ кажется, что онъ не ошибался на счетъ характера своего канцлера; его совѣты не принимались во вниманіе, и если его удерживали въ должности, то единственно потому, что увольненіе представителя Тильзитской политики окончательно заперло бы двери къ возможному примиренію. Такое предусмотрѣніе двоякаго исхода могло быть необходимымъ на время, хотя было крайне опасно съ Наполеономъ, какъ испытала Пруссія. Вопервыхъ, оно лишало Россію помощи Англіи; ибо какъ могли Англичане, которые мало довѣряли самому Александру, вступать съ нимъ въ серьозные переговоры, пока Румянцовъ былъ его канцлеромъ? „Онъ питалъ ненависть къ Англіи, пишетъ опять Штейнъ, какъ говорятъ злые языки, за то, что получилъ тѣлесное наказаніе отъ рукъ Англійскаго посланника Митчеля по поводу любовнаго похожденія. Онъ старался вредить Англійской торговлѣ, когда былъ министромъ комерціи и держался системы, противной Англійскимъ интересамъ. Немудрено, что Англичане его ненавидѣли».

Румянцовъ утверждалъ, что Наполеонъ уѣдетъ обратно изъ Дрездена въ Парижъ, какъ только получитъ извѣстіе, что у сына его, Римскаго короля, прорѣзываются зубы. Здравомыслящій совѣтникъ, знающій нравъ Наполеона и опасность входить въ сдѣлки съ нимъ, могъ только убѣждать Александра прежде всего уволить подобнаго министра.

Штейнъ еще 10 Сентября писалъ о Румянцовѣ графу Мюнстеру: „Если даже счастіе даруетъ Русскимъ великіе успѣхи, то эта слабая, мечтательная голова, эта узкая душа, будетъ неспособна водворить политическій порядокъ на твердыхъ и справедливыхъ основаніяхъ; и если даже впослѣдствіи сила обстоятельствъ понудитъ его, наконецъ, къ отставкѣ и увольненію отъ дѣлъ, то немедленная опасность такъ велика, что не допускаетъ никакихъ отсрочекъ: всѣ средства должны быть употреблены для его удаленія». Штейнъ совѣтуетъ, чтобы Англійскому посланнику пору-

чено было сдѣлать нужныя сообщенія, щадя личныя чувства императора, и чтобы наслѣдному принцу Шведскому было предложено высказаться съ откровенностью, приличною воину. Онъ прибавляетъ, что общественное мнѣніе указываетъ на Моркова, на Кочубея и на Панина, какъ на возможныхъ преемниковъ Румянцова. Его собственный выборъ вѣроятно палъ бы на Кочубея, и онъ разумѣетъ его, когда говоритъ, что необходимъ „человѣкъ, твердаго, благороднаго и примирительнаго характера, не способный къ своекорыстнымъ видамъ и политикѣ ухищреній“ *).

Кромѣ увольненія Румянцова, Штейнъ совѣтовалъ тѣснѣйшій союзъ съ Англіей. Европейская война послѣ Тильзита, а еще болѣе послѣ 1809 г., приняла видъ поединка между Наполеономъ и Англіей. Россія участвовала въ ней какъ союзница Наполеона. Теперь, вовлеченная въ борьбу на жизнь и смерть съ прежнимъ союзникомъ, она очевидно должна была стараться о скорѣйшемъ пріобрѣтеніи помощи отъ его непримиримаго врага, Англіи. Быть въ войнѣ съ Наполеономъ и не быть въ союзѣ съ Англіей было для Россіи неестественнымъ положеніемъ, опасность котораго не могла ускользнуть отъ Штейна. Онъ помнилъ время, когда Пруссія, при Гаугвицѣ, чуть не хвалилась тѣмъ, что состояла почти въ одинаково враждебныхъ отношеніяхъ и къ Наполеону и къ его врагамъ. Сверхъ того, примѣръ Испаніи показывалъ, какимъ успѣшнымъ средствомъ борьбы противъ Наполеона могло быть патріотическое воодушевленіе народа при поддержкѣ и руководительствѣ Англіи. Итакъ, въ началѣ войны Штейнъ совѣтовалъ царю два мѣропріятія: увольненіе Румянцова и тѣсный союзъ съ Англіей.

Но между тѣмъ наступалъ поворотъ въ дѣлахъ. Вплоть до 14 Сентября казалось, что для Наполеона все идетъ какъ должно, какъ и слѣдовало ожидать. Онъ, по обыкновенію, дѣйствовалъ наступательно; въ Русскомъ станѣ господствовали смятеніе и нерѣшительность; первыя препятствія и важная позиція у Смоленска были преодолѣны; вопреки всѣмъ толкамъ о подражаніи Фабію Медлителю, Русскіе при Бородинѣ приняли большое сраженіе и отступили. Онъ шелъ на столицу, Кутузовъ оставилъ ее, и 14 Сентября Наполеонъ вступилъ въ Москву. Все это могло казаться повтореніемъ того, что̀ происходило въ Австріи въ 1805 и 1809 г., въ Пруссіи въ 1806, въ Испаніи въ 1808 г.; здѣсь сопротивленіе народа не было подавлено паденіемъ Мадрида, а напротивъ стало упорнѣе и успѣшнѣе.

Была, однакоже, существенная разница между положеніями Испаніи и Россіи. Испанія возстала уже послѣ низверженія ея короля и его замѣны королемъ, подручнымъ Наполеону; и если бы Фердинандъ остался посреди своихъ подданныхъ, то они едва ли совершили бы при немъ такія чудеса,

---

*) Изъ дипломатической переписки гр. Кочубея (въ XIV и XVIII книгахъ Архива Князя Воронцова) видно, что онъ нисколько не ослѣплялся союзами съ Австріей или Пруссіей, и понималъ ихъ возможную невыгоду для Россіи. Но онъ, конечно, не высказывалъ этого Штейну.

на какія подвигло ихъ чувство народной мести. При всемъ упованіи своемъ на Русскій народъ, Штейнъ не совсѣмъ довѣрялъ царю, покинувшему Австрію послѣ Аустерлица и Пруссію послѣ Фридланда, и еще менѣе его министру Румянцову. Правда, въ Тильзитѣ Александръ послѣдовалъ общественному мнѣнію, а теперь общественное мнѣніе въ Россіи требовало сопротивленія. Но неограниченный монархъ подлежитъ двоякимъ вліяніямъ, которыя одинаково выдаютъ себя за общественное мнѣніе. Кромѣ голоса толпы, который рѣдко до него доходитъ, и то какъ неясный говоръ, онъ слышитъ голосъ своего двора, болѣе внятный и болѣе близкій ему. Не одинъ Румянцовъ совѣтовалъ уступить; а Бенигсенъ, и сама горделивая императрица-мать приходили въ отчаяніе, а великій князь Константинъ громко взывалъ о мирѣ.

Александръ получилъ 19 Сентября извѣстіе о намѣреніи Кутузова покинуть Москву, а 20 издалъ манифестъ, въ которомъ сказано: „Да не предается никто отчаянію. И возможно ли терять бодрость, когда всѣ сословія государства явили доказательства мужества и твердости? Когда врагъ, съ остаткомъ своихъ войскъ, видитъ себя въ отдаленіи отъ своей страны и посреди многочисленнаго народа, окруженнымъ нашими арміями, изъ которыхъ одна противостоитъ ему, а три другія угрожаютъ его сообщеніямъ и не допускаютъ къ нему подкрѣпленій; когда Испанія не только сбросила его иго, но грозитъ вторгнуться во Французскіе предѣлы; когда большая часть истощенной и ограбленной Европы служитъ ему лишь по принужденію и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты сдѣлаться свободною?“

На другой день прибылъ полковникъ Мишо съ извѣстіемъ, что Москва не только оставлена, но и горитъ. Вѣсть о пожарѣ, которая на первыхъ порахъ нисколько не казалась утѣшительною, а напротивъ новымъ тяжкимъ ударомъ, не поколебала твердости Государя. Онъ тогда произнесъ: „Наполеонъ или я; кто либо изъ насъ обоихъ. Мы болѣе не можемъ царствовать вмѣстѣ; я хорошо узналъ его; онъ болѣе меня обманывать не будетъ“. Подобныя выраженія въ устахъ тщеславнаго государя могли быть слабымъ доказательствомъ непреклонной рѣшимости; но на этотъ разъ Александръ сдержалъ свое слово. Когда въ началѣ Октября Наполеонъ послалъ Лористона къ Кутузову съ предложеніемъ переговоровъ о мирѣ, и Кутузовъ донесъ объ этомъ государю, Александръ отвѣчалъ ему: „Уѣзжая въ армію, ввѣренную вамъ, вы слышали отъ меня самого, что я желаю избѣгать всякихъ переговоровъ съ непріятелемъ и всякихъ мирныхъ сношеній съ нимъ. Послѣ того, что̀ произошло, я долженъ нынѣ настоятельно повторить, что принятое мною рѣшеніе должно быть исполняемо вами неуклонно во всемъ его объемѣ. Всѣ указанія, посылаемыя отъ меня къ вамъ, всѣ мои повелѣнія, къ вамъ обращенныя, все, однимъ словомъ, должно убѣдить васъ въ моей твердой волѣ, чтобы никакія предложенія со стороны непріятеля не могли прервать борьбы или ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное отечество“.

Ничего не могло быть важнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданнѣе, какъ эта желѣзная твердость царя. Тутъ Наполеонъ впервыя встрѣтилъ и сильный народъ, и сильное правительство; ибо Испанія не имѣла никакого правительства, Австрійское же правительство въ 1809 г. не было способно поддержать народное движеніе. Но какъ удивительно казалось тогда, что изъ всѣхъ Европейскихъ государей одинъ Александръ стоялъ въ уровень съ событіями. До сихъ поръ онъ слылъ въ Европѣ тщеславнымъ, ненадежнымъ и не имѣющимъ опредѣленныхъ цѣлей. Англійскіе политики этого времени смотрѣли на него какъ на Фридриха-Вильгельма 1806 года, т. е. какъ на человѣка, на котораго невозможно было положиться; и самъ Наполеонъ, великій судья характеровъ, повидимому во все время своего Русскаго похода разсчитывалъ на слабость Александра, какъ на одно изъ главныхъ условій успѣха въ его сомнительномъ предпріятіи.

Подобную перемѣну характера мы видимъ въ королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, который въ 1808 г. проявилъ неожиданную дѣятельность и твердость въ осуществленіи коренныхъ преобразованій арміи и государства. При этомъ невольно приходитъ на память, что въ данное время при каждомъ изъ этихъ государей находился Штейнъ. Понятно, что Нѣмецкіе писатели придаютъ большую важность этому обстоятельству и объясняютъ твердость Александра преимущественно вліяніемъ Штейна; и что Русскіе, наоборотъ, считаютъ это вліяніе почти ничтожнымъ. Такъ Богдановичъ пишетъ: „Вообще утверждаютъ, что знаменитый Штейнъ много содѣйствовалъ продолженію войны; но соображая ненависть къ иноземному вторженію, которая господствовала во всей Россіи, такое предположеніе не заслуживаетъ вѣры". Бернгарди, лучшій Нѣмецкій писатель о Русской исторіи, придерживается слѣдующаго средняго воззрѣнія: „Это явленіе нерѣдко объясняемо было присутствіемъ и ободреніями знаменитаго Германскаго государственнаго мужа, барона Штейна. Кто самъ находится въ крайнихъ обстоятельствахъ, тотъ знаетъ, какъ важно и драгоцѣнно въ подобныхъ случаяхъ дѣлиться опасеніями съ человѣкомъ непоколебимой твердости и опираться на него, и нѣтъ причинъ отвергать, что въ этомъ смыслѣ Штейнъ могъ имѣть нѣкоторое вліяніе; но это далеко не служитъ сколько нибудь достаточнымъ объясненіемъ: ибо Штейнъ былъ иностранецъ, а вообще гораздо легче сообщать другому пониманіе и свѣдѣнія, нежели твердость характера. Причины упомянутаго явленія лежатъ несравненно глубже. Послѣ Аустерлица и Фридланда общественное мнѣніе Россіи побуждало императора прекратить борьбу, въ которую Русскіе были вовлечены мимо ихъ воли; но теперь вся страна пришла бы въ негодованіе, еслибъ онъ поколебался или склонился на уступки. Александръ зналъ это и зналъ также, что поставленъ былъ роковой вопросъ о положеніи Россіи въ Европѣ; онъ вполнѣ сознавалъ это положеніе, чувствовалъ, что надъ нимъ совершались безповоротныя судьбы. Но даже такое сознаніе не вдругъ придаетъ измѣнчивому и мягкому нраву непреклонную твердость, необходимую для испол-

ненія геройскаго призванія, и Александръ не могъ пріобрѣсти ее безъ тяжелой внутренней борьбы. Эта борьба была переворотомъ въ его жизни и оставила на ней глубокій и неизгладимый слѣдъ; онъ сталъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ прежде».

„Пораженный величіемъ событій и потерею древней царской столицы, Александръ искалъ утѣшенія, совѣта и душевной, ободряющей искренности у товарища дѣтства и юности его, князя Александра Николаевича Голицына. Этотъ другъ его былъ склоненъ къ мистицизму и слылъ за тайнаго приверженца секты Моравскихъ братьевъ; онъ въ пламенныхъ выраженіяхъ указывалъ императору на Библію, какъ на источникъ всякаго спасенія, всякой силы и внутренняго мира. Спустя нѣсколько дней, Александръ удивилъ императрицу-мать вопросомъ, имѣетъ ли она Библію. Она могла дать ему только Французскій переводъ, не оригинала, но вульгаты. Императоръ погрузился въ чтеніе священныхъ книгъ и съ тѣхъ поръ постоянно прибѣгалъ къ нимъ во всѣхъ событіяхъ этого бурнаго времени. Прежде его благочестіе не переступало предѣловъ доброжелательнаго уваженія ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ вообще, безъ строгаго различенія догматовъ; но отнынѣ духъ, въ которомъ онъ впервые постигъ Евангеліе, овладѣлъ имъ съ неотразимою силою и сталъ увлекать его, какъ и друга его Голицына, въ нѣкоторый протестантскій мистицизмъ».

Различныя мнѣнія о степени вліянія Штейна на Александра основаны болѣе на разсчетѣ вѣроятностей, нежели на положительныхъ свѣдѣніяхъ. Единственный свидѣтель, который могъ бы высказать всю правду, самъ Александръ, безмолвствуетъ. Штейнъ, безъ сомнѣнія, могъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о степени своего собственнаго вліянія, и еслибы онъ выразилъ, или даже намекнулъ, что его совѣты въ это время имѣли рѣшающее дѣйствіе, то я, зная правдивость его и нерасположеніе къ тщеславію, повѣрилъ бы ему. Но хотя въ описаніи нѣсколько позднѣйшаго періода войны, когда Александръ обсуждалъ вопросъ, вступать ли въ Германію послѣ отступленія Наполеона, Штейнъ повидимому намекаетъ, что его совѣты, какъ ему кажется, произвели дѣйствіе, однакожъ о времени послѣ паденія Москвы онъ не говоритъ ничего подобнаго. Вотъ его слова: „Успѣхи Французовъ произвели тайное безпокойство въ Петербургѣ; не смотря на попытку ободрить общественное мнѣніе пышнымъ торжествованіемъ въ Казанскомъ соборѣ побѣды подъ Бородинымъ, сраженіе проиграно Русскими, хотя обѣ стороны сражались съ одинаковою храбростью и великими потерями. Въ теченіи десяти дней не было никакихъ извѣстій объ арміи, а между тѣмъ знали, что Москва оставлена: это усиливало тревогу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ иноземцамъ, угрозы противъ нихъ и подозрѣнія въ измѣнѣ. Многіе изъ совѣтниковъ императора, напр. графъ Аракчеевъ, говорили въ пользу мира. Все было приготовлено для отъѣзда императорской фамиліи въ Олонецъ; но когда наконецъ пришло извѣстіе, что армія существуетъ и отступила къ Калугѣ, тогда бодрость духа ожи-

вилась, ускоренъ сборъ ополченія; получаемыя донесенія о грабительствахъ Французовъ, пожаръ Москвы, бездѣйствіе непріятельской арміи, усердіе, съ какимъ крестьяне берутся за оружіе, все это усилило и ожесточило желаніе мести и воинственное одушевленіе во всѣхъ сословіяхъ, и всѣ потери, понесенныя отъ пожаровъ или грабежей, составляютъ предметъ гордости".

Эти строки очевидно подтверждаютъ взглядъ Бернгарди, по которому твердость императора была внушена ему скорѣе вліяніемъ общественнаго духа, нежели какого либо отдѣльнаго лица, и что тѣже самыя причины, которыми обусловливалась его податливость въ Тильзитѣ, составляли его силу послѣ паденія Москвы. Штейнъ не упоминаетъ ни о какихъ колебаніяхъ Александра, или особенныхъ усиліяхъ его надъ собою, въ эту роковую минуту. Онъ скорѣе придерживается воззрѣнія, что самъ народъ, а не царь, рѣшилъ продолжать борьбу.

Штейнъ былъ свѣдущъ не только въ Германскихъ дѣлахъ, но и въ финансахъ. Императоръ объявилъ ему, черезъ Армфельда, свое желаніе, чтобы онъ представилъ докладъ о проэктѣ Женевскаго финансиста Дивернуа (D'Ivernois) для сокращенія непомѣрнаго числа бумажныхъ денегъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о таинственномъ и запутанномъ состояніи Русскихъ финансовъ. Штейнъ замѣтилъ, что хотя онъ можетъ составить себѣ понятіе о началахъ, на которыхъ основанъ проектъ, но въ качествѣ иностранца не берется судить о примѣнимости ихъ къ Россіи и потому совѣтовалъ учредить коммисію для обсужденія этого предмета. Коммиссія была учреждена, съ участіемъ въ ней Штейна. Онъ внесъ въ эту коммисію докладъ, неблагопріятный проекту, который и былъ окончательно отклоненъ коммисіей.

Между тѣмъ совершался одинъ изъ наиболѣе изумительныхъ и роковыхъ переворотовъ въ исторіи всего міра... Твердость Русскаго царя и его народа, казалось, могла только продлить войну, дать Наполеону отпоръ, подобный испытанному имъ въ Испаніи, но никакъ не поразить его бѣдственнымъ ударомъ, тѣмъ менѣе такимъ, который сокрушилъ все зданіе его могущества.

Слишкомъ глубоко пришлось бы разслѣдовать исторію Франціи, если бы мы захотѣли объяснить, какимъ образомъ рѣшеніе міровыхъ судебъ могло зависѣть отъ здравомыслія одного человѣка, отъ одного порыва или недосмотра Наполеона. Гораздо легче объяснить ошибку, сдѣланную имъ въ Москвѣ. Мы должны принять во вниманіе, что избранный имъ образъ дѣйствій могъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ; твердость Александра могла, наконецъ, уступить воплю его брата и увѣщаніямъ матери. Яркою чертою въ характерѣ Наполеона было чрезвычайно живое представленіе о характерѣ лицъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Въ умѣ его, безъ сомнѣнія, врѣзалось понятіе, что Александръ не могъ быть твердымъ. Правда, ни одинъ другой генералъ не рѣшился бы поставить вопросъ о существо-

ваніи даже обыкновенной арміи въ зависимость отъ впечатлѣній такого рода. Но Наполеонъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, еслибы не рисковалъ постоянно всѣмъ, полагаясь на судьбу, для достиженія цѣлей, недостижимыхъ обыкновенными путями. Разсчеты, подобные тѣмъ, которыми онъ теперь руководствовался, ему многократно удавались. Между тѣмъ размѣры его предпріятій расширились до такихъ необъятныхъ предѣловъ, что всякій недочетъ могъ имѣть неисчислимыя послѣдствія; малѣйшая аберрація его ума влекла за собою возможность перемѣны всего лица Европы, точно также какъ малѣйшее перемѣщеніе телескопа производитъ разницу въ милліоны миль при астрономическихъ вычисленіяхъ въ пространствѣ.

Велико было изумленіе Штейна. Онъ въ 1809 г. былъ свидѣтелемъ торжества Наполеона, когда всѣ обстоятельства казались неблагопріятными ему. Въ 1812 г., напротивъ, ему все предвѣщало успѣхъ, и даже событія оправдывали это предсказаніе, и вдругъ, повидимому безъ особенныхъ причинъ, развѣ вслѣдствіе нѣкоторой медлительности, нерѣшимости, онъ подвергается погрому, подобному постигшимъ въ древности Сеннахериба и Ксеркса. Въ Сентябрѣ Штейнъ считалъ себя за одного изъ отчаянныхъ защитниковъ послѣдняго оплота цивилизаціи, за поборника свободы, готоваго погибнуть въ борьбѣ съ тиранствомъ, несравненно болѣе сильнымъ нежели въ 1809 г. Въ Ноябрѣ все уже перемѣнилось: удушливый гнетъ былъ сброшенъ. Штейнъ видѣлъ себя на сторонѣ побѣдителей и могъ предусматривать паденіе Наполеона; могъ надѣяться на возрожденіе своей родины, на лучшую будущность для Германіи и для себя самого.

Онъ выражаетъ свое первое свѣжее чувство блаженства „сдержанно и просто", въ письмѣ къ женѣ отъ 8 Ноября, т. е. за два дня прежде нежели Наполеонъ въ своемъ отступленіи достигъ до Смоленска.

„Великолѣпное положеніе дѣлъ этой страны, которымъ мы обязаны стойкости народа, доблести войскъ, безумію великаго преступника (замѣтьте, ни слова о геройствѣ Александра) обезпечиваетъ намъ въ этой столицѣ полнѣйшее спокойствіе и дозволяетъ намъ ласкаться самыми отрадными надеждами на возстановленіе законномѣрнаго и счастливаго порядка вещей въ нашемъ отечествѣ и на возвращеніе къ нашимъ семействамъ, отъ которыхъ мы были отторгнуты. Ты понимаешь, моя дорогая, какъ сладостно и утѣшительно предаваться такимъ надеждамъ, предвкушать отдохновеніе послѣ стольких страданій, гоненій и потерь, претерпѣнныхъ въ теченіи семи лѣтъ, и выйдти изъ этого положенія съ честью и чистою совѣстью».

А. С. ПУШКИНЪ.

(По поводу открытія ему памятника въ Москвѣ).

РѢЧИ ВЪ ЗАСѢДАНІИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 7-го іюня 1880 года.

I. Рѣчь И. С. Аксакова.

Сорокъ три года тому назадъ такими между прочимъ стихами проводилъ Пушкина въ могилу одинъ изъ лучшихъ и умнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, Тютчевъ:

Тебя какъ первую любовь
Россіи сердце не забудетъ...

Это не общее мѣсто. Это вѣрно схваченная, историческая, выдающаяся черта отношеній къ Пушкину Русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, наша связь съ нимъ не какая либо разсудочная, на отвлеченной оцѣнкѣ основанная, а сердечная, теплая, живая связь любви и до сихъ поръ. Такой связи не было и нѣтъ у Русскаго общества ни съ однимъ поэтомъ. Однимъ ли художественнымъ достоинствомъ и значеніемъ Пушкина въ искусствѣ вообще можетъ быть объяснена такая живость и прочность сочувствія? Не таятся ли причины этого явленія еще въ чемъ либо другомъ: въ его историческомъ для насъ значеніи, въ самихъ психическихъ свойствахъ его художественной природы, въ той народной стихіи, наконецъ, которою вся обвѣяна и согрѣта его поэзія?

Пушкинъ не только наша неизмѣнная любовь, но еще и первая любовь. На зарѣ нашего народнаго самосознанія, Русское общество въ немъ впервыя познало, говоря его же стихомъ, тотъ «первый пламень упоенья», который оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ благодарной памяти сердца. А память сердца въ жизни историческаго народа не исчерпывается срокомъ нѣсколькихъ поколѣній. Таково свойство высокихъ созданій вполнѣ искренняго искусства, что они на вѣчныя времена запечатлѣваются духомъ истины, духомъ жизни, давшимъ имъ бытіе. Таково свойство и созданій Пушкина. На ихъ художественной вѣковѣчной прелести лежитъ еще и неотъемлемая, вѣчная же историческая печать весны и ея свѣжести,

какой-то новоявленной радости, перваго озаренія Русскихъ сердецъ свѣтомъ неложнаго Русскаго искусства.

Отчего же «неложнаго»? Отчего, говоря о Пушкинѣ какъ о поэтѣ, мы всѣ, безъ различія, сознательно и невольно, прибавляемъ эпитетъ: «истинно-Русскій», «истинно-народный»? Зачѣмъ нужна эта оговорка? Въ чемъ именно смыслъ той исторической минуты, печать которой легла на его твореніяхъ?...

Есть такія счастливыя на землѣ страны, гдѣ совершенно праздны, да и немыслимы, вопросы: народенъ или не народенъ такой-то поэтъ или писатель?! гдѣ нѣтъ погони за «народностью», гдѣ народность есть именно та самая стихія, которою образованный, органически-правильно сложившійся слой народа (т. е. общество) естественно живетъ, движется и творитъ,—которая, другими словами, проявляетъ себя свободно и разнообразно въ личной сознательной дѣятельности народныхъ единицъ: и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ жизни!... Въ тѣхъ счастливыхъ странахъ народность въ литературѣ познается не по внѣшнимъ примѣтамъ, не по употребленію только, напримѣръ, простонароднаго говора, не по выбору содержанія изъ простонароднаго быта, не потому, наконецъ, доступна ли книга разумѣнію каждаго, знающаго грамотѣ, крестьянина. Безъ сомнѣнія Гётевскаго Фауста или Идеаловъ Шиллера съ Пигмаліономъ, лобызающимъ мраморъ, не пойметъ даже и Нѣмецкій, не обучавшійся въ гимназіи, пахарь; но кто же когда либо рѣшался или рѣшится утверждать, что Гёте и Шиллеръ поэты не національные? Развѣ ихъ великія творенія не заклеймены насквозь печатью Германскаго народнаго духа, подобно тому, какъ творенія Шекспира—духа Британскаго? Этого мало: развѣ не Германскій народный духъ сказался въ Германской философіи, въ такихъ силачахъ абстрактной логической мысли, какъ Кантъ или Гегель? И съ другой стороны, развѣ эта печать сколько нибудь мѣшаетъ имъ при этомъ имѣть значеніе міровое? Напротивъ: только потому, что на ихъ твореніяхъ лежитъ печать даровъ ихъ народнаго духа, могли эти великіе поэты и мыслители явить міру новыя стороны духа общечеловѣческаго, обогатить такими многоцѣнными вкладами сокровищницу общечеловѣческаго сознанія. Кажется это ясно, и было бы даже совѣстно толковать такую простую до пошлости истину, еслибъ даже и въ наши дни не возникали порою какія-то странныя недоразумѣнія по вопросу о народности....

Исторія судила Россіи иной путь развитія. Переходу въ Русскомъ народѣ отъ общности непосредственнаго бытія къ высшей жизни и дѣятельности народнаго духа въ сферѣ личнаго сознанія, рано или поздно надлежало, разумѣется, совершиться—и онъ совершился, но поздно, и не мирнымъ органическимъ процессомъ, а мучительнѣй-

шимъ изъ переворотовъ. Кто бы ни былъ въ томъ виноватъ, самъ ли народъ, Петръ ли Великій, могло ли бы или не могло оно совершиться иначе, эти вопросы теперь излишни; важенъ самый историческій фактъ. А фактъ таковъ (и этого не отринетъ ни одинъ историкъ), что Русская земля подверглась внезапно страшному внѣшнему и внутреннему насилованію. Рукою палача совлекался съ Русскаго человѣка образъ Русскій и напяливалось подобіе общеевропейца. Кровью поливались, спѣшно, безъ критики, на вѣру, выписанныя изъ за границы сѣмена цивилизаціи. Все, что̀ только носило на себѣ печать народности, было предано осмѣянію, поруганію, гоненію; одежда, обычай, нравы, самый языкъ, все было искажено, изуродовано, изувѣчено. Народность, какъ ртуть въ градусникѣ на морозѣ, сжалась, сбѣжала сверху внизъ, въ нижній слой народный; правильность кровообращенія въ общемъ организмѣ пріостановилась, его духовная цѣльность нарушена. Простой народъ притаился, замкнулся въ себя, и надъ нимъ, ближе къ источнику власти, сложилось общество: вольные и невольные отступники его духа. Русскій человѣкъ изъ взрослаго, изъ полноправнаго, у себя же дома попалъ въ малолѣтки, въ опеку, въ школьники и слуги иноземныхъ всякихъ, даже духовныхъ дѣлъ мастеровъ. Умственное рабство предъ европеизмомъ и собственная народная безличность провозглашены руководящимъ началомъ развитія.

Только такому могучему народному организму, каковъ Русскій, подъ силу вынесть и перебыть подобное испытаніе, которому впрочемъ конецъ далеко еще не насталъ. Тяжко пришлось Русскимъ людямъ; но обращаться вспять было уже нельзя,—да и не желательно. Оставалось идти впередъ, овладѣть сокровищами и орудіями Европейскаго просвѣщенія, и труднымъ подвигомъ самосознанія расторгнуть оковы народнаго духа, возсоединить разрозненные слои, однимъ словомъ возвратить Русской народной жизни свободу, цѣльность, правильность и плодотворность самобытнаго органическаго роста. Вотъ этою-то, выпавшею въ удѣлъ Русскому обществу, исполинскою задачею и объясняется то странное явленіе, которому почти нѣтъ подобнаго въ другихъ странахъ, именно: что сама народность въ народѣ становится объектомъ сознанія, внѣшнею цѣлью, искомымъ, что возможны у насъ вопросы о народности художника, мыслителя и государственнаго дѣятеля, что приходится учиться ей въ исторіи и у простаго народа, что въ Русской землѣ могло возникнуть отдѣльное Русское же направленіе—въ литературѣ, въ политикѣ, въ жизни, и стоять особнякомъ, какъ нѣчто оригинальное и даже исключительное!...

Перенесемся однако мыслію къ началу этого тяжкаго и тернистаго поприща. Устремившись изъ своей тѣсной національной огра-

ды въ проломъ, сдѣланный мощною рукою Петра, Русское общество, сбитое съ толку, съ отшибленною историческою памятью, избывшее и Русскаго ума и живаго смысла дѣйствительности, заторопилось жить чужимъ умомъ, даже не будучи въ состоянiи его себѣ усвоить. Нескладно и безобразно залепетало оно дикою смѣсью простонароднаго говора, церковно-славянскаго языка и изуродованной иностранной рѣчи. Чужой критерiумъ, чужое мѣрило, чужiя формы, чужое мiросозерцанiе. Жизнь наводнилась ложью, призраками, абстрактами, подобiями, фасадами — и колоссальнымъ недоразумѣнiемъ между народомъ и его такъ называемой «интеллигенцiей» офицiальной и неофицiальной, консервативной и либеральной, аристократической и демократической.

Но дѣятельность духа все же началась! Русская земля не оскудѣла въ нужный часъ талантами. Мысль была еще слишкомъ слаба: наука на степени школьнаго знанiя,—но поэзiя обогнала тугой ростъ Русскаго просвѣщенiя, и въ этомъ ея особенное историческое у насъ значенiе. Первый Русскiй ученый, явившiй образцы самостоятельнаго Русскаго мышленiя, Ломоносовъ, былъ и первый по времени Русскiй поэтъ, ускорявшiй работу научнаго анализа поэтическимъ вдохновенiемъ. За тѣмъ отъ Ломоносова до Карамзина (впрочемъ также полу-художника) не приходится назвать почти ни одного виднаго дѣятеля науки, тогда какъ за тоже время цѣлый преемственный рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ поэтическихъ дарованiй не перестаетъ воздѣлывать умственную и нравственную почву Русскаго общества. Такимъ образомъ Русской литературной поэзiи выпалъ жребiй, въ теченiи довольно долгой поры, за недостаткомъ у насъ воспитанiя научнаго, служить почти единственнымъ орудiемъ по крайней мѣрѣ эстетическаго воспитанiя и образованiя въ Русскомъ обществѣ. Конечно форма, содержанiе, вся окраска въ этой поэзiи была еще не Русская, и только мощный талантъ Державина металъ иногда, изъ подъ глыбъ всяческой лжи, молнiи истинно-Русскаго духа. Но при сужденiи о литературныхъ талантахъ той эпохи не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣ нравственныя путы, которыми они были обмотаны, ту трату силъ, которая требовалась имъ для борьбы съ подавлявшею ихъ самихъ ложью. Все же, не смотря на фальшь, звучавшую въ тогдашней поэзiи, покорялся искусству самый матерiалъ его—слово, и Русскому слуху стала опознаваться въ стихотворной формѣ сила и гармонiя Русскаго языка въ такое еще время, когда въ прозѣ царила самая неуклюжая, варварская рѣчь. Только въ поэзiи находило себѣ нѣкоторое удовлетворенiе угнетенное Русское чувство и отдыхало отъ отрицанiя, господствовавшаго въ мышленiи и въ жизни,—хотя, по истинѣ, отдыхало лишь въ новомъ самообольщенiи. На крыльяхъ лирическаго

восторга уносилось оно въ какую-то чужую псевдо-классическую, населенную призраками высь, далеко надъ настоящею Русскою землею, дичась всякой жизненной правды. Такъ было особенно въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху «нашихъ Пиндаровъ», «нашихъ Горацiевъ», «нашихъ Сѣверныхъ Бардовъ» и т. д.

Изъ псевдо-классическихъ высотъ поэты стали, наконецъ, при помощи романтическихъ ходуль, касаться дóла. И хотя Жуковскій, благородный Жуковскій, съ «его стиховъ плѣнительною сладостью» (по выраженію Пушкина), равно и Батюшковъ, «нашъ Парни Россійскій» (какъ величалъ его Пушкинъ же, впрочемъ еще въ 1814 году, еще мальчикомъ),—хотя оба они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, однакожъ и они, когда спускались на землю, то на какую-то чужую, не Русскую. Ихъ мѣстами прелестная, хотя вообще однозвучная поэзія лишена внутренней силы и совершенно безлична въ смыслѣ народности... Вообще надобно замѣтить, что время Александра I было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ едва ли не хуже времени Екатерины. Въ XVIII вѣкѣ Русскіе люди еще только перерядились, и въ иномъ вельможѣ изъ подъ пудренаго парика и Французскаго кафтана торчалъ порою чуть не прямой Русскій мужикъ, а щеголеватый Французскій жаргонъ смѣнялся подчасъ истою простонародною рѣчью. Къ началу XIX вѣка Русскіе люди успѣли уже переродиться и такъ вошли въ иноземные обычаи, нравы, понятія, что пріобрѣли даже развязность и ловкость «почти» Европейскаго человѣка. Простонародная или коренная народная рѣчь не только ими забывается, но даже поражаетъ ихъ какъ бы новизною. Они и патріоты, и пожалуй ревнители «всего отечественнаго», но даже и не подозрѣваютъ, въ простодушной надменности своего Европейскаго просвѣщенія, всей глубины своей духовной розни съ народомъ. Прежняя грубая, внѣшняя ложь смѣнилась ложью сугубою, внутреннею, благообразною. Языкъ, литература, поэзія—все получаетъ видъ гладкой, порою даже изящной нерусскости или безличности. Вспомните, напримѣръ, даже офиціальныя, печатныя, всенародныя отъ лица власти объявленія, гдѣ, благодаря конечно стилистамъ того времени, Русскій царь именуетъ себя «начальникомъ столь достойной и благородной націи»; вспомните письма и повѣсти Карамзина, повѣсть объ Усладѣ самого Жуковскаго и пр. и пр. Даже гроза 1812 года не прибавила костей и мускуловъ, не придала правды слогу тогдашнихъ писателей, не только въ прозѣ, но и въ поэзіи.

Въ 1819 году, въ торжественномъ засѣданіи нашего же Общества Любителей Россійской Словесности и въ этойже самой залѣ разсуждалось «о господинѣ Буало и геніи Корнеля, сихъ вѣчныхъ образцахъ искусства». Расширяя однако число образцовъ и поприще для

Русской литературы, ученый, достойный всякаго уваженія предсѣдатель общества Мерзляковъ вѣщалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи такимъ образомъ: «Почтенные мужи! . . . Птичка научила человѣка радоваться и воспѣвать свою радость. . . Пусть на цвѣтущемъ полѣ нашей словесности рѣзвятся въ разновидныхъ группахъ Амуры, Зефиры и Фавны». Вы улыбаетесь и снисходительно припоминаете, что все это вѣдь говорилось 61 годъ тому назадъ. . .

И въ томъ же самомъ 1819 году раздаются въ слухъ Русскаго общества такіе, напримѣръ, стихи 20-ти лѣтняго Пушкина:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
На немъ безсмысленно чертитъ;
Но краски новыя, съ годами,
Спадаютъ ветхой чешуей,
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой и пр.

Стихи также написаны 61 годъ тому назадъ, но здѣсь искусство достигло того зенита зрѣлости и совершенства, съ котораго никакое уже время не сводитъ.

Точно день, бѣлый день насталъ для Русскаго общества съ появленіемъ Пушкина. Призраки, обманныя очертанія ночи отшатнулись, уступивъ мѣсто правдѣ дня съ ея простотою и красотою. Творчеству Русскаго духа, по крайней мѣрѣ въ сферѣ поэзіи, возвращена свобода и полноправность. Поэтическое откровеніе опередило работу нашего народнаго самосознанія и разрѣшило задачу,—до теоретическаго разрѣшенія которой мысль и наука только теперь доростаютъ. Какая богатырская сила таланта нужна была для того, чтобы, подобно подземному ключу, поднять, своротить всѣ эти плотныя наслоенія лжи и пробиться наружу такимъ величавымъ потокомъ Русской поэзіи? Но одного свойства силы было здѣсь недостаточно. Только великій, всесовершенно-искренній и цѣльный мастеръ-художникъ, только (говоря поэтическою метафорою) жрецъ чистаго искусства, никакихъ задачъ внѣ искусства не знающій, но притомъ съ живою Русскою душою, могъ совершить такой великій историческій общественный подвигъ. Пушкинъ какъ художникъ стоитъ уже не на относительной, а на абсолютной высотѣ, не подлежа сравненію ни съ какимъ иностраннымъ поэтомъ, не какъ «нашъ Горацій», «нашъ Парни», или «нашъ Байронъ», а самъ по себѣ какъ Пушкинъ. Правда Русской народности могла завоевать себѣ всемірное гражданство въ искусствѣ только чрезъ безусловную въ самой себѣ правду искусства. И именно потому, что Пушкинъ былъ служителемъ чистаго, т. е. искренняго въ себѣ самомъ искусства, не об-

ращалъ поэзію умышленно въ орудіе разныхъ предвзятыхъ идей и теорій, ни политическихъ, ни соціальныхъ: не съузился въ доктринера, не ставилъ себѣ внѣшнею цѣлью «пользу», не послушался толпы сторонниковъ грубаго утилитаризма, а неуклонно слышалъ въ душѣ своей иной божественный голосъ: «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ»,—только потому и явился онъ такимъ безпредѣльно-полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Да, потому именно и стало велико и безсмертно историческое дѣло Пушкина, что онъ могъ съ полною искренностью и полнымъ правомъ сказать о себѣ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Какой еще «пользы» нужно? Да вѣдь такіе стихи, такіе звуки—благодѣяніе!

Не совершилъ бы Пушкинъ своего подвига, сказалъ я, еслибъ онъ не былъ цѣльный художникъ съ живою Русскою душою. Эта Русская стихія видится мнѣ не въ одномъ только Русскомъ языкѣ, доведенномъ Пушкинымъ до изумительнаго совершенства, силы, образности и мужественной красоты, и не во внѣшнемъ только содержаніи его нѣкоторыхъ твореній, но еще болѣе во внутреннихъ сторонахъ его творчества. Вообще можно лишь удивляться, какимъ образомъ, при его Французскомъ воспитаніи дòма и въ Лицеѣ, при раннемъ, къ несчастію, растлѣніи нравовъ, обычномъ въ то время вслѣдствіе безграничнаго господства въ Русскомъ обществѣ Французской литературы XVIII вѣка; при соблазнахъ и увлеченіяхъ свѣта,—могъ не только сохраниться въ Пушкинѣ Русскій человѣкъ, но и образоваться художникъ съ такимъ Русскимъ складомъ ума и души, съ такимъ притомъ глубокимъ сочувствіемъ къ народной поэзіи—въ пѣснѣ, въ сказкѣ и въ жизни?... Внѣшнюю разгадку этого явленія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ деревенскихъ впечатлѣніяхъ дѣтства и въ его отношеніяхъ къ нянѣ. Но и няня и дѣтскія впечатлѣнія деревни таились тогда въ воспоминаніяхъ почти каждаго отъявленнаго отрицателя Русской народности, такъ что такая Русская бытовая черта въ поэзіи Пушкина является уже сама по себѣ нравственною его заслугою и оригинальною особенностью. Въ самомъ дѣлѣ, отъ отрочества до самой могилы, этотъ блистательный, прославленный поэтъ, ревностный посѣтитель гусарскихъ пировъ и великосвѣтскихъ гостинныхъ, «нашъ Байронъ» притомъ, какъ любили его называть многіе, не стыдился всенародно, въ чудныхъ стихахъ, исповѣдывать свою нѣжную привязанность—не къ матери (это было бы еще нестранно, такъ и многіе поэты дѣлали), а къ «мамушкѣ», къ

«нянѣ», и съ глубоко-искреннею благодарностью величать въ ней первоначальную свою музу... Такъ вотъ кто первая вдохновительница, первая муза этого великаго художника и перваго истинно-Русскаго поэта, это—няня, это простая Русская деревенская б а б а!.. Точно припавъ къ груди матери-земли, жадно въ ея разсказахъ пилъ онъ чистую струю народной рѣчи и духа! Да будетъ же ей, этой нянѣ, и отъ лица Русскаго общества вѣчная благодарная память! Невозможно не помянуть здѣсь этой няни собственными стихами Пушкина, въ которыхъ къ тому же такъ звенитъ Русскими струнами его душа... Вотъ что̀ еще въ Лицеѣ, воспѣвая одновременно съ товарищами разныхъ Эльвинъ и Доридъ, еще въ 1816 г., писалъ онъ:

Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы..
Предъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.

Замѣтьте, что въ это время въ нашей литературѣ, если и встрѣчалось благосклонное упоминаніе о Русской женщинѣ изъ простонародья, то не иначе, какъ о «простодушной поселянкѣ». . Но какимъ зрѣлымъ художественнымъ совершенствомъ звучатъ стихи 1821 года:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ.
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила...

А эти стихи:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя,
Одна, въ глуши лѣсовъ сосновыхъ,
Давно, давно ты ждешь меня.

Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь словно на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ...

За полтора года до смерти, посѣтивъ свое родное Михайловское, такъ вспоминаетъ онъ объ ней:

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ; ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. .

И тутъ же три зачеркнутые стиха:

А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ и никогда нескучныхъ.

Не къ ней ли относятся и эти два стиха, вложенные Пушкинымъ въ уста Татьянѣ:

Гдѣ нынѣ крестъ и сѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

Многіе «народность» поэзіи Пушкина усматриваютъ именно въ Русскихъ сказкахъ и другихъ его произведеніяхъ въ такъ называемомъ «простонародномъ» родѣ. Но Русская, стало быть и вполнѣ народная стихія слышится у Пушкина едва ли не наиболѣе тамъ, гдѣ онъ не ставитъ себѣ «народность» внѣшнею цѣлью, гдѣ онъ вполнѣ свободенъ и искрененъ въ своемъ творчествѣ и отдается безъ стѣсненій движеніямъ своей Русской души. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, въ какой степени вѣрна самая задача: воспроизвести въ формахъ современной литературной поэзіи Русскій народный эпосъ,—скажу только, что не всѣ созданія Пушкина въ этомъ направленіи представляются одинаково удачными, но всѣ обличаютъ великаго мастера и свидѣтельствуютъ, какъ все глубже и глубже проникалъ его художественный взоръ въ красоты Русскаго народнаго эпоса, въ золотую руду народнаго слова. Онъ даже пришелъ вообще къ убѣжденію, что риѳмованный, точно размѣренный стихъ слишкомъ тѣсенъ для Русской поэтической рѣчи и будетъ когда нибудь замѣненъ иною, болѣе широкою и свободною формою стиха. Нѣкоторыя же простонародныя его сказки дѣйствительно образцовы, какъ напр. сказка о Кузьмѣ Остолопѣ, о Золотой Рыбкѣ. Припомнимъ кстати, что, кромѣ записныхъ ученыхъ, едва ли кто изъ Русскаго общества былъ въ то время такъ коротко знакомъ съ народными старинными сказаніями и былинами; едва ли не Пушкинъ

первый заставилъ признать ихъ художественное достоинство и значеніе для Русскаго языка. Когда однажды критики напали на Пушкина за его стихъ:

Людская молвь и конскій топъ,

утверждая, что это «не порусски», Пушкину пришлось уличать критиковъ въ безграмотности и невѣжествѣ цитатами изъ сборника Кирши Данилова. Замѣчательно при этомъ и увѣщаніе Пушкина къ критикамъ: «не должно стѣснять свободу нашего богатаго и прекраснаго языка!»

Никто до Пушкина не воспроизводилъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ нашей простой сельской природы съ такою простотою истины и съ такою теплотою сочувствія. Если встрѣчались бывало въ нашей литературѣ описанія, то или отрицательной окраски, или природы вообще, а не именно Русской, или же она одѣвалась какимъ-то буколическимъ покровомъ, а Русскіе мужики являлись въ видѣ Менандровъ и Дафнисовъ. И среди всей этой поэтической неправды вдругъ такіе стихи:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы,
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рыбачій...

Или.... Но не достало бы и времени приводить примѣры. Ваша память сама вамъ ихъ подскажетъ. Въ стихахъ Пушкина, и теперь захватывающихъ сердце, не только видится, но и ощущается во всемъ вѣяніи своей жизни сама родная наша природа. Чтò же должны были испытывать Русскіе люди, впервыя въ Русской печати прочитавшіе такія воспроизведенія Русской природы? Не своего ли рода эмансипацію Русскаго угнетеннаго чувства? Не казалось ли имъ, что они точно возвращаются, послѣ долгой гдѣ-то отлучки, на родину, домой, домой!...

Но еще важнѣе болѣе внутреннія, нравственныя черты его поэзіи, чисто-Русскаго народнаго свойства. Я вижу ихъ прежде всего въ этомъ извѣстномъ Русскомъ народномъ отвращеніи отъ всякого фразерства, отъ всего напыщеннаго, ходульнаго,—отвращеніи, такъ положительно выразившемся у Пушкина дивною простотою и трезвостью творчества. Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ именно дорогъ и замѣчателенъ, и отличается отъ большинства многихъ Европейскихъ поэтовъ, что онъ всегда искрененъ, всегда простъ, всегда свободенъ, никогда не позируетъ, не рисуется, не нянчится, не носится съ своимъ «я». Онъ если и выставляетъ себя, то непремѣнно хуже, легкомысленнѣе чѣмъ

онъ есть, но не такъ какъ другіе, которые не прочь надѣлить себя даже порочными качествами, но непремѣнно красивыми: гордостью, презрѣніемъ, ненавистью къ людямъ и т. п. Эта черта въ Пушкинѣ въ высшей степени симпатична и въ высшей степени наша, народная, Русская.

Не глубокая ли также Русская психическая черта въ Пушкинѣ— это чувство реальной, жизненной правды, чуждающееся фальшивыхъ идеалистическихъ прикрасъ, но въ тоже время, сквозь отрицательныя стороны предмета, умѣющее распознать и положительныя его стороны, съ присущею имъ красотою? Пушкинъ первый въ нашей литературѣ отнесся не только къ Русской природѣ, но и къ воспроизведеннымъ имъ явленіямъ Русской бытовой жизни съ ихъ положительной стороны, и притомъ съ такою вѣрностью, которой могъ бы позавидовать любой реалистъ нашего времени. Вспомните его изображенія Русской уѣздной сельской жизни въ Онѣгинѣ, его Капитанскую Дочку, и множество другихъ: сколько въ нихъ правды, и какъ эта правда согрѣта и освѣщена теплымъ свѣтомъ сочувствія, но въ тоже время ограждена въ читателѣ отъ ложной окраски тонкою, незлобивою ироніей! Вотъ эта способность шутки, это присутствіе ироніи въ умѣ—тоже коренная, народная черта истинно-Русскаго человѣка: это постоянно присущій Русскому человѣку антидотъ противъ всякой излишней, а потому и фальшивой идеализаціи и противъ собственнаго самообольщенія. Такая иронія— свойство широкаго ума—не есть «отрицаніе» и не противорѣчитъ любви. Она даетъ лишь усматривать человѣку, въ свѣтѣ любви, оборотную, юмористическую сторону иной истины, отразившуюся вмѣстѣ съ положительной ея стороной въ явленіяхъ ли жизни, въ собственной ли душѣ. Такой граціозной шуткой и доброй умной ироніей, прикрывающей иногда, легкой формой, глубокую серьозную мысль и цѣлую перспективу мыслей, обилуетъ поэзія Пушкина, особенно же «Евгеній Онѣгинъ» и именно въ изображеніи «героевъ». Татьяна, напр., о которой онъ самъ сказалъ:

........Я такъ люблю
Татьяну милую мою,

является въ самомъ реальномъ освѣщеніи «барышней уѣздной»

Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ,

и въ тоже время съ книжкою гаданій и сновъ Мартына Задеки, съ простонародными страхами и суевѣріями. Начертанное съ искреннимъ сочувствіемъ изображеніе Ленскаго, этого возвышеннаго душою поэта, предназначеннаго такой трагической участи, вводится самимъ авторомъ въ должные размѣры двумя стихами:

Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ—
Безъ малаго въ осмнадцать лѣтъ...

Пушкинъ не былъ поэтомъ «отрицанія»,—но не потому, что былъ не способенъ видѣть, постигать отрицательныя стороны жизни и оскорбляться ими, но потому, прежде всего, что не таково было его призваніе, какъ художника; что ему данъ былъ отъ природы иной талантъ: усматривать въ явленіи предпочтительно его положительныя, человѣчныя черты и на нихъ предпочтительно отзываться, минуя тѣ стороны, гдѣ даже иронія не у мѣста, гдѣ уже нуженъ бичь сатиры (требующій спеціальнаго дара), или вмѣшательство власти. Такъ изъ исторіи Петра Великаго онъ останавливается на пирѣ, заданномъ Петромъ въ честь примиренія его съ подданными; изъ дѣяній Наполеона—на его посѣщеніи чумныхъ въ Яффѣ. Еще потому, можетъ быть, что Пушкинъ своимъ Русскимъ умомъ и сердцемъ шире понималъ жизнь, чѣмъ многіе писатели, окрашивающіе ея явленія сплошною черною краскою. Здѣсь же кстати можно привести и собственныя слова Пушкина въ одной изъ его журнальныхъ статей: «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви» *).

Да кстати припомнимъ, что онъ первый понялъ, первый оцѣнилъ и взлелѣялъ Гоголя.

Что̀ особенно поражаетъ въ Пушкинѣ и является также Русскою психическою чертою, тѣсно впрочемъ связанною съ чувствомъ реальной правды, это отсутствіе мечтательности, въ смыслѣ Нѣмецкаго Schwärmerei,—и скажу болѣе, даже отсутствіе страстности. Я, конечно, разумѣю здѣсь исключительно сферу искусства. Пушкинъ представляетъ въ себѣ удивительное, феноменальное и глубоко-трагическое сочетаніе двухъ самыхъ противоположныхъ типовъ какъ человѣка и какъ художника: знойный Африканскій темпераментъ и чисто-Русское здравомысліе, поражающее въ самыхъ молодыхъ его произведеніяхъ, и потомъ все болѣе и болѣе развивавшееся; страстность природы и воздержность колорита въ поэзіи, самообладаніе мастера, неизмѣнно-строгое соблюденіе художественной мѣры; легкомысліе, вѣтренность, кипѣніе крови, необузданная чувственность въ жизни и, въ тоже время, серьозность и важность священно-дѣйствующаго жреца, способность возноситься духомъ до высотъ цѣломудреннаго искусства и писать такіе стихи, какъ «Пророкъ», «Отцы Пустынники», «Отвѣтъ митрополиту Филарету» и проч.

---

*) Сочин. Пушкин. изд. 1870 г. т. V, стр. 421.

Онъ самъ сильнѣе всѣхъ сознавалъ въ себѣ эту двойственность:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ забавахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ....

Чтò долженъ былъ испытывать въ глубинѣ своего духа носитель такихъ великихъ божественныхъ даровъ въ тѣ минуты, когда сознавалъ свое «ничтожество»? . . .

Нѣкоторымъ покажется, пожалуй, страннымъ эпитетъ «важный», и они укажутъ на множество стиховъ эротическаго и вообще легкомысленнаго содержанія. Правда, ихъ немало; но всѣ эти стихотворенія запечатлѣны характеромъ шалости, забавы молодаго таланта, хотя бы иногда и непозволительной, въ которой и самъ Пушкинъ потомъ горько раскаявался. Все же это только избытокъ жизни, плескъ играющихъ волнъ на поверхности глубокихъ водъ. Но поэтъ весь преображался, лишь

. . . божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,

и становился «взыскательнымъ художникомъ», для котораго

Прекрасное должно быть величаво.

И никогда въ своемъ храмѣ, предъ алтаремъ, не священнодѣйствовалъ онъ пороку какъ принципу, не служилъ умышленному холодному разврату и божественнымъ глаголомъ не сѣялъ коварно безнравственности. Напротивъ, всѣ его сколько нибудь серьозныя произведенія оставляютъ здоровый слѣдъ въ душѣ читателя. Онъ, какъ художникъ, самъ творитъ, въ той или другой формѣ, судъ надъ своими героями, и даже Онѣгинъ, многими своими сторонами вполнѣ сочувственный Пушкину, обличенъ и пристыженъ Татьяной, простой, въ Русской деревнѣ возросшей, умной Татьяной. Эта, безспорно изъ всѣхъ героинь Пушкина имъ наиболѣе любимая и чтимая, остается, какъ извѣстно, вѣрна своему долгу. Такая простая повидимому, но въ сущности трагическая нравственная развязка романа навлекла и на Пушкина, и даже на бѣдную Татьяну упреки нѣкоторыхъ Русскихъ критиковъ; такъ что со стороны Пушкина это былъ своего рода смѣлый поступокъ художественной правды!

При всѣхъ такихъ Русскихъ свойствахъ поэзіи Пушкина, можно ли толковать серьозно о какомъ бы то ни было вліяніи на него

Байрона? Не было геніевъ болѣе другъ другу, по природѣ своего творчества, противоположныхъ. Впечатлительный Пушкинъ, разумѣется, восхищался Байрономъ, могъ даже увлекаться имъ временно и называть его властителемъ думъ (впрочемъ не лично своихъ, а «нашихъ», т. е. вѣка), могъ иногда заимствовать у него какую либо внѣшнюю черту или форму, именно въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ (на что̀ и самъ указываетъ), но Пушкинъ же и судилъ его строго. Онъ называетъ Байрона «поэтомъ гордости», «мрачнымъ какъ море» Пушкинъ же былъ поэтомъ дневнаго бѣлаго свѣта, а личной гордости въ немъ нѣтъ и тѣни. Но ужъ чему онъ вовсе не былъ причастенъ, такъ это байронизму, т. е. тому направленію въ умахъ и жизни, которое было навѣяно мощною, субъективною поэзіею Байрона. Онъ обличилъ и осудилъ это направленіе и въ лицѣ Алеко въ Цыганахъ («гордаго человѣка», который «лишь для себя хочетъ воли»), и въ лицѣ самого Онѣгина (какъ я уже говорилъ), этого «Москвича въ Гарольдовомъ плащѣ», вѣчно, по словамъ Пушкина же, «преданнаго бездѣлью» и «томящагося душевной пустотой». Но нигдѣ такъ геніально, умно, мѣтко и притомъ сжато не заклейменъ этотъ типъ со всѣми своими развѣтвленіями (долго и потомъ лелѣянный въ нашемъ обществѣ и литературѣ), какъ въ слѣдующихъ стихахъ. Онѣгинъ оставилъ у себя въ библіотекѣ только

Пѣвца Гуяра и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно:
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ!

Много и прекрасно было говорено объ объэктивности Пушкина, т. е. объ этой способности постигать предметъ въ немъ самомъ, какъ онъ дѣйствительно есть и воспроизводить его въ его собственной правдѣ. Я позволю себѣ только высказать мнѣніе, что эта способность опять таки гнѣздится въ глубинахъ Русскаго духа. Едва ли не воспитывается она въ Русскомъ народѣ самымъ общиннымъ и хоровымъ строемъ его жизни, мало благопріятствующимъ развитію субъективности и индивидуализма. Думаю также, что и самый нашъ внѣшній просторъ, ширь этого народнаго союза и братскаго чувства въ объемѣ свыше полусотни милліоновъ сердецъ, все это не можетъ не способствовать нѣкоторой широтѣ духа и многосторонности пониманія. Намъ легче быть объективнѣе, чѣмъ

кому другому. Кромѣ того Русскій человѣкъ, непричастный исторіи Европейскаго Запада, поставленъ въ выгодное относительно его положеніе уже потому, что можетъ обозрѣвать его извнѣ, судить о немъ съ тою свободою и всесторонностью, которой мѣшаютъ національныя междоусобныя пристрастія мѣстныхъ западныхъ писателей. Русское искусство и въ этомъ отношеніи предварило нашу Русскую науку, еще далеко не освободившуюся изъ своего духовнаго плѣна.... Образцомъ такого объективнаго постиженія являются у Пушкина всѣ его воспроизведенія Европейской жизни. Возьмите, напр. его «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»—это мастерское твореніе, еще недостаточно оцѣненное критикой, «Скупой Рыцарь», «Каменный гость», самое посланіе къ Юсупову съ блестящимъ очеркомъ Европы конца прошлаго вѣка, и пр. и пр. Самыя заимствованія у иностранныхъ писателей (и не у однихъ только Европейскихъ) и такъ называемыя «подражанія» становятся у Пушкина, опять таки вслѣдствіе его объективной способности, вполнѣ самостоятельными созданіями и даже выше, большею частію, подлинниковъ или образцовъ. Таковы: «Пиръ во время чумы», стихотвореніе изъ Буньяна, подражанія Алкорану, пѣсни Западныхъ Славянъ, заимствованныя у Мериме, и множество другихъ.

Не могу пройти молчаніемъ упрекъ, дѣлаемый Пушкину въ аристократизмѣ или чванствѣ своимъ стариннымъ родомъ, выразившемся будто-бы, между прочимъ, въ его «родословной Езерскаго». Упрекъ истинно забавный и относительно аристократизма несправедливый уже потому, что наши аристократы, къ сожалѣнію, весьма мало интересуются своими историческими предками. Пушкинъ дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Чтожъ изъ этого? Было-бы желательно, чтобъ связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти и не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды. Но что̀ въ сущности давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство. Ему было пріятно имѣть черезъ нихъ, такъ сказать, реальную связь съ родною исторіею, состоять какъ бы въ историческомъ свойствѣ и съ Александромъ Невскимъ, и съ Іоаннами, и съ Годуновымъ. Русская лѣтопись уже не представлялась ему чѣмъ-то отрѣшеннымъ, мертвою хартіею, но какъ бы и семейною хроникою. За то ужъ какъ и умѣлъ онъ воспроизвести въ своей поэзіи простую прелесть лѣтописнаго языка и самый образъ Русскаго лѣтописца (въ Борисѣ Годуновѣ)! Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда какъ въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой, продолжающей-

ся исторіи. Посмотрите, какъ чутко отзывается онъ на всѣ истинно великія Русскія событія своей эпохи, какъ горячо принимаетъ къ сердцу и честь и славу и самое внѣшнее достоинство Россіи; какой негодующій стихъ бросаетъ онъ въ отвѣтъ «Клеветникамъ Россіи», скликавшимъ всю Европу въ новый противъ насъ крестовый походъ! Пушкинъ былъ живой Русскій, исторически чувствовавшій человѣкъ, и не принадлежалъ къ числу доктринеровъ, которые не смѣютъ отдаться самымъ простымъ, естественнымъ движеніямъ Русскаго чувства безъ справокъ съ своей доктриной. Пушкинъ любилъ Русскій народъ не отвлеченно, а вмѣстѣ съ тою реальною историческою формою, въ которую онъ сложился и въ которой живетъ и дѣйствуетъ въ мірѣ,—любилъ и Русскую Землю и Русское Государство, содержа ихъ въ своей душѣ въ томъ тѣсномъ любовномъ союзѣ, въ какомъ содержитъ ихъ и душа народа, вопреки всѣхъ временныхъ ошибокъ и уклоненій государственной власти. Но никогда не слагалъ онъ хвалебныхъ одъ живымъ носителямъ этой власти, а если и «пѣлъ» ихъ, то повинуясь лишь искреннему, прекрасному движенію сердечнаго сочувствія, и тайно, между ближайшими друзьями, не предназначая стиховъ для печати.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Но въ тоже время онъ «Елисавету тайно пѣлъ». Въ день лицейской годовщины 19 Октября 1825, въ посланіи къ друзьямъ, за кого предлагаетъ и пьетъ первый кубокъ сосланный, у себя въ деревнѣ, поэтъ?

Друзья мои, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и основалъ Лицей!

Его стихи «Другъ и Поэтъ», гдѣ воспѣвается посѣщеніе Наполеономъ чумныхъ, были вызваны великодушнымъ поступкомъ Государя Николая Павловича, который, узнавъ о появленіи холеры въ Москвѣ, помчался въ Москву (а холера считалась тогда наравнѣ съ чумою), куда и пріѣхалъ вечеромъ, въ оцѣпленный городъ,—на что и намекается стихами:

Или Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ...

Но никто не разумѣлъ этого намека, даже стихи были напечатаны безъ подписи Пушкина въ Телескопѣ. Одинъ Погодинъ былъ посвященъ Пушкинымъ въ тайну и открылъ ее печатно лишь послѣ смерти нашего благороднѣйшаго изъ поэтовъ. Сохраняя всегда во всемъ полную нравственную свободу и независимость художника, Пушкинъ не былъ пѣвцомъ ни офиціальныхъ торжествъ, ни офиціальнаго величія; былъ чуждъ и слѣпаго, узкаго національнаго эгоизма. Россія для него имѣла широкое историческое «предназначеніе» не только Славянское, но и міровое. Онъ возглашаетъ не проклятіе Наполеону, виновнику памятнаго ему нашествія на Москву 1812 года, а хвалу:

Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ,—

а когда въ 1829 г. Русскія войска двинулись къ Константинополю, онъ напоминалъ имъ, что они только «снова обрѣли старый, Олеговскій еще путь». . . . Да, Пушкинъ былъ живой Русскій, исторически-чувствовавшій человѣкъ. Историческое чувство, историческое сознаніе! . . Да вѣдь это значитъ—уваженіе къ своей землѣ, признаніе правъ своего народа на самобытную историческую жизнь и органическое развитіе; постоянная память о томъ, что предъ нами не мертвый матеріалъ, изъ котораго можно лѣпить какія угодно фигуры, а живой организмъ, великій, своеобразный могучій народъ Русскій, съ его тысячелѣтнею исторіей! Да не въ томъ ли вся сумма нашихъ бѣдъ и золъ, что такъ слабо въ насъ во всѣхъ, и въ аристократахъ, и въ демократахъ, Русское историческое сознаніе, такъ мертвенно историческое чувство!

Я конечно не исчерпалъ своей задачи, но, кажется, все же нѣсколько уяснилъ, въ чемъ я вижу Русскую стихію поэзіи Пушкина. Это былъ первый истинный, великій поэтъ на Руси, и первый истинно-Р у с с к і й поэтъ, а потому самому и народный, въ высшемъ значеніи этого слова. Онъ и до сихъ поръ самый Русскій изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ. Онъ первый внесъ п р а в д у въ міръ Русской поэзіи и разрѣшилъ плѣнъ Русскаго народнаго духа въ доступной ему сферѣ искусства. Какъ орелъ паритъ надъ нами и до сихъ поръ его поэтическій геній, широко простирая крылья, никѣмъ доселѣ не опереженный,--во вѣки гордость, слава и любовь Русской земли!

Не всѣ, конечно, стороны народной жизни и духа нашли себѣ выраженіе въ созданіяхъ Пушкина; тѣмъ не менѣе мы еще только теперь начинаемъ доростать нашимъ сознаніемъ до смысла всѣхъ тѣхъ откровеній, которыя таятся въ глубинахъ его поэзіи. И не одному

только искусству указалъ онъ путь, но всей вообще Русской мысли, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, въ словѣ и въ жизни.

Пусть же воздвиженіе ему памятника станетъ въ самомъ дѣлѣ событіемъ и новою эрою въ нашей общественной жизни. Пусть изваянный въ мѣди образъ этого всемірнаго художника и Русскаго народнаго поэта неумолчно зоветъ чреды смѣняющихся поколѣній къ труду народнаго самосознанія, къ плодотворному служенію истинѣ на поприщѣ правды народной,—чтобы сподобиться наконецъ Русской «интеллигенціи» стать дѣйствительнымъ высшимъ выраженіемъ Русскаго народнаго духа и его всемірно-историческаго призванія въ человѣчествѣ!

2. Рѣчь П. И. Бартенева.

Вы мнѣ позволите, м. м. г. г., по свойству моихъ занятій, указать на тѣ историческія явленія, при которыхъ взошло и сіяло солнце Русской поэзіи, лучшее достояніе нашей прошедшей жизни, наша гордость и утѣшеніе въ жизни современной.

Великіе писатели возникаютъ обыкновенно во времена возбужденія государственныхъ силъ. Пушкинъ родился почти черезъ два года послѣ славнаго и народнаго царствованія Екатерины. Его колыбель оглашалась громами Русской славы. 1799 годъ это—годъ Суворовскаго похода, когда Русскій человѣкъ совершалъ удивительные подвиги въ Италіи, въ ледникахъ и пропастяхъ Альпійскихъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что съ ранняго дѣтства Пушкинъ слышалъ разсказы о рѣзкихъ перемѣнахъ во внутренней жизни нашего отечества. Устныя преданія о необыкновенномъ тогдашнемъ времени спозаранку побуждали чуткаго мальчика задумываться надъ вопросами жизни общественной. Въ то время мы уже не могли жить безъ тѣсной связи съ Западною Европою; а тамъ едва остывала лава, которая пролилась изъ кратера Франціи и хмѣльное дѣйствіе которой такъ замѣтно въ новѣйшей исторіи нашей и въ первоначальной дѣятельности Пушкина.

Отрокомъ, въ стѣнахъ Царскосельскаго дворца, въ Лицеѣ, учрежденномъ для приготовленія государственныхъ дѣятелей, застала Пушкина славная эпоха 1812 года.

И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага....

Никто у насъ не говорилъ о томъ времени такъ задушевно и выразительно, какъ Пушкинъ:

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣдней славой упоенный,
Москвы колѣно-преклоненной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою.

Можно сказать, что поэзія Пушкина была прекраснѣйшимъ плодомъ тогдашняго подъема народной Русской силы. Дѣтство навѣяло ему пѣсни свободы личной и гражданской; великія войны, во время которыхъ протекло его отрочество, запечатлѣлись въ душѣ его помышленіями о свободѣ государственной и народной.

Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы,

воспоминалъ онъ объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

Вообще главною струною въ душѣ Пушкина всегда и до конца было чувство свободы, живая потребность независимости личной, народной и государственной, и къ концу жизни своей (21-го Августа 1836 года) такъ сказать, обозрѣвая пройденное поприще, онъ могъ сказать про себя, въ подлинномъ наброскѣ стихотворенія Памятникъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новые для пѣсенъ я обрѣлъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милосердіе воспѣлъ.

Послѣ нашей великодушной борьбы за народное освобожденіе, видимъ другое важное историческое событіе. Явилась безсмертная книга Карамзина, открывшая Пушкину неизсякаемые источники своенародныхъ вдохновеній. Имя Карамзина должно быть съ благоговѣйною признательностью помянуто на Пушкинскомъ праздникѣ. Своимъ умиряющимъ вліяніемъ онъ спасъ Пушкина отъ тѣснаго заточенія; своими наставленіями онъ указалъ ему на внутреннее самосовершенствованіе. Помянемъ вмѣстѣ съ нимъ Дельвига, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Плетнева, Баратынскаго за ихъ беззавѣтную, никогда не измѣнявшую дружбу къ Пушкину.

Проживъ безвыѣздно болѣе двухъ лѣтъ въ глухой деревнѣ, Пушкинъ усвоилъ себѣ прелесть простонародной поэтической рѣчи, и тамъ же обратился къ поэзіи Священнаго Писанія. По свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ, онъ зналъ наизустъ многія страницы св. Евангелія и весь Псалтырь: таково было историческое воздѣйствіе, произведенное на него Русскою старинною жизнію.

Къ концу Александровскаго царствованія дарованіе Пушкина вполнѣ опредѣлилось и окрѣпло. Событія внѣшнія уже не могли измѣнить его сущности; самъ онъ возымѣлъ великое чарующее дѣйствіе на современниковъ. Наступило новое царствованіе.

Ихъ было много на челнѣ.
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла.

Въ тишинѣ
На руль склонясь, ихъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
А онъ безпечной вѣры полнъ,
Пловцамъ онъ пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный....

Въ это новое царствованіе Пушкинъ написалъ лучшія свои сочиненія.

Горячая любовь къ родинѣ, твердая внѣшняя политика, изученіе старины и народности, возстановленіе Русскаго слова въ правящихъ сферахъ общества, уваженіе къ нашимъ писателямъ, изъ которыхъ съ однимъ царская семья обращалась какъ съ своимъ другомъ, а другой призванъ былъ воспитывать Наслѣдника Русскаго престола; все это, еще прежде возвращенія поэта на свободу, расположило его къ новому Государю. Въ откровенной бесѣдѣ съ пріятелями и между прочимъ съ Мицкевичемъ, Пушкинъ говаривалъ, что онъ невластенъ надъ собою въ своихъ чувствахъ къ Николаю Павловичу....

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку;
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ, и съ вами снова я.

Государь съ первой бесѣды оцѣнилъ Пушкина. «Я провелъ цѣлый часъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи», отозвался онъ Блудову 8 Сентября 1826 года.

Господа! Празднуя память великаго поэта, помянемъ добрымъ словомъ Государя, который освободилъ его изъ ссылки, изъ подъ тройнаго надзора мѣстнаго губернатора, мѣстнаго предводителя и сосѣдняго архимандрита, и который, какъ ни тяжко иной разъ бывало положеніе Пушкина, умѣлъ усладить послѣдніе часы его жизни извѣстнымъ трогательнымъ письмомъ своимъ.

Искренняя ему за это благодарность отъ безпристрастнаго потомства.

Новые отрывки изъ Записокъ А. С. Пушкина.

Пушкинъ съ раннихъ лѣтъ своихъ принимался писать Записки. Въ 1826 году, передъ отъѣздомъ изъ Псковской деревни въ Москву, онъ сжегъ цѣлыя тетради ихъ и сожалѣлъ о томъ въ послѣдствіи. Впослѣдствіи онъ опять сталъ записывать видѣнное и слышанное, и по кончинѣ его осталась начатая тетрадь въ большой листъ, первыя 114 страницъ которой исписаны его дневникомъ. На переплетѣ тетради стоитъ № 2-й и, какъ видно, эта помѣта сдѣлана самимъ Пушкинымъ. Уцѣлѣлъ ли номеръ первый, неизвѣстно. Старшій сынъ Пушкина, Александръ Александровичъ, дозволилъ мнѣ и С. А. Юрьеву напечатать возможныя извлеченія изъ этой тетради. Сообщаемъ ихъ съ нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями. Одаренный зоркимъ умомъ и чуткою впечатлительностью, Пушкинъ бывалъ въ самыхъ разнообразныхъ обществахъ, отъ царскихъ дворцовъ до Калмыцкихъ кибитокъ. Въ Кишиневѣ, въ самомъ кипѣніи страстей своихъ, онъ выслушиваетъ Записки генерала Болховскаго; въ Одессѣ начальникъ края, Ланжеронъ даетъ ему читать письма къ себѣ императора Александра Павловича; тамъ же онъ находитъ возможность собственноручно списать Записки Екатерины II-й. И такъ, Пушкинъ могъ передать потомству много важнаго.... Покамѣстъ надо довольствоваться немногими отрывками.

П. Б.

---

30 Ноября 1833. Вчера балъ у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговоръ съ Блаемъ. За чѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштатомъ. Игрушка!—Долго ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ сивилизаціи ....etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В. к. [1]) ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа; онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ

[1]) Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

*

4 Декабря 1833. Вечеромъ у Загряжской (Нат. Кир.). Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Д. спросила у придворныхъ [2]), какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, Государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы Русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться.... Нат. Кир. разсказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ алтарь въ качествѣ президента Русской Академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

*

1 Янв. 1834. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что̀ довольно неприлично моимъ лѣтамъ).

Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться Французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

*

7 Января. Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui [3]) etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ.—Покорнѣйше благодарю ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись: вы первый меня поздравили.

*

17-го балъ у гр. Бобр. [4]) одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благода-

[2]) Т. е. служителей.

[3]) Надѣюсь, что Пушкинъ принялъ въ хорошую сторону свое назначеніе. До сихъ поръ онъ сдержалъ данное слово, и я былъ имъ доволенъ.

[4]) У графа Алексѣя Алексѣевича Бобринскаго, о матери котораго говорится ниже.

рилъ его. Говоря о моемъ Пугачовѣ, онъ сказалъ мнѣ: Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости.—Возможно ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьи, но далеко отъ своей Донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26 Января. Въ прошедшій Вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ [5]). Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N. N. [6]) и переодѣвшись отправился на вечеръ къ С. В. С. [7]) Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches [8]).

Въ Четвергъ балъ у кн. Тр. [9]) Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? [10]) (Мундирныя пуговицы). Старуха гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ, что у меня не были они нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де Пина, два Шуана [11]), будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

*

28 Февраля. Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачова; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ Воскресенье, на балѣ въ концертной, Г. долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

---

[5]) Это былъ мундиръ, взятый у близкаго пріятеля Пушкина Н. М. Смирнова (слышано отъ него). Пушкинъ, кажется, такъ и не сшилъ себѣ камеръ-юнкерскаго мундира.

[6]) Т. е. Наталью Николаевну, жену свою.

[7]) Къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову, о которомъ подробности въ «Запискахъ Лифляндца», въ Русскомъ Архивѣ 1877 года. У него были частыя собранія.

[8]) Онъ могъ бы потрудиться съѣздить домой и надѣть фракъ. Побраните его за это.

[9]) У князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, дочери котораго славились красотою.

[10]) Непереводимое острословіе: вашъ мужъ въ послѣдній разъ не явился ради сапогъ, или пуговицъ?

[11]) Шуанами назывались во Франціи легитимисты, приверженцы Бурбоновъ. О маркизѣ Пина мы ничего не знаемъ. Дантесъ, будущій убійца Пушкина, разсказывалъ про себя, что онъ дрался за герцогиню Беррійскую и даже послѣдовалъ

*

6 Марта. Царь далъ мнѣ взаймы 20000 на напечатаніе Пугачова. Спасибо!

13 Іюля 1826 года въ полдень Гос. находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что̀ за Кагульскимъ памятникомъ и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фр.... [12]) подняла платокъ въ память историческаго дня.

*

17 Марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи Русскаго Conversations-Lexicon. Насъ было человѣкъ со сто, большею частью неизвѣстныхъ мнѣ Русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: «Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лекарство и хвалю его». Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище.—Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 г. мои Воспоминанія въ Ц. Селѣ.—Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издастъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австрійскаго посланника [13]). Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто $5^{1}/_{2}$ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что̀ сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11-мъ Марта.... Государь нынѣ царствующій первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

за нею въ Испанію. Когда, для поступленія въ Русскую службу, онъ держалъ экзаменъ, его спросили изъ географіи, на какой рѣкѣ Мадридъ. Дантесъ замялся и вмѣсто отвѣта сказалъ: Pourtant j'y ai abreuvé mon cheval (однако въ этой рѣкѣ я поилъ своего коня).

[12]) Т. е. фрейлина. Не Россети ли?

[13]) Графа Филькемона, старика, женатаго на графинѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тизенгаузенъ, внучкѣ Кутузова. Мать графини, Е. М. Хитрова, была другомъ Пушкина.

*

2 Апрѣля. На дняхъ (въ прошедшій Четвергъ) обѣдалъ у кн. Труб. съ Вяз., Нар., съ Кук., котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ. Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его «Руки» etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: il bredouille en musique comme en vers [14]). Кук. пишетъ Ляпунова. Хомяковъ тоже. Ни тотъ ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Князь Одоевскій, Дир. [15]), Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей Conversations Lexicon. Прочіе были обижены нашею оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дуракъ. Этотъ лексиконъ будетъ не что иное, какъ С. Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое Воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго; онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаньи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ Пб. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта. Ваше превосходительство, помилуйте! Заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ.—Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага. Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7 Апрѣля. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ Государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ, по совѣту Блудова). Жуков. говоритъ: Я радъ, что Телегр. запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства, но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

[14]) Онъ брянчитъ въ музыкѣ, какъ и въ стихахъ.

[15]) Диринъ, молодой человѣкъ большихъ дарованій, рано умершій. Онъ часто являлся къ Пушкину, сидѣлъ большею частію молча и нѣсколько стѣснялъ его своимъ присутствіемъ; Пушкину казалось, что Диринъ служитъ въ тайной полиціи, чего вовсе не было.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. [16]) и, кажется, не сердятся.

Гоголь по моему совѣту началъ исторію Русской критики.

*

8 Апрѣля. Сей часъ ѣду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь. Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présénté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante [17]) est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption [18])..... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей ужъ 35 лѣтъ и даже 36.

*

11 Апрѣля. Сей часъ получаю отъ графа Строгонова листокъ Франкф. журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St.-Pétersbourg, 27 Février. Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration polonaise nous ont démontré trop souvent par leur paroles et leurs écrits que pour avancer leur desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas la mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée [19])....

(Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брисселѣ Польскими эмигрантами и о рѣчахъ произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и другими. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 Декабря).

.... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, m-r Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le dévéloppement progressif du principe révolutionnaire en Russie; il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de réveler par son exemple la tendance politique da la jeunesse russe. Nous ignorons si A. Pouchkine, à une époque où son talent imminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées

---

[16]) Княгиня Наталья Петровна Голицына, мать Московскаго генералъ-губернатора.

[17]) Екатерина Ивановна Загряжская, старая фрейлина, жившая въ зимнемъ дворцѣ.

[18]) Нѣтъ, это несравненно! Я себѣ ломала голову, какой Пушкинъ будетъ мнѣ представленъ. Оказывается, что это вы!... Какъ здоровье вашей жены? Тетка ея не дождется ея выздоровленія; она дочь ея сердца, ея любимица.

[19]) Спб. 27 Февраля. Послѣ катастрофы Варшавской революціи, корифеи Польской эмиграціи слишкомъ часто доказывали намъ своими рѣчами и писаніями, что для успѣха своихъ замысловъ и для оправданія прежняго образа своихъ дѣйствій, они не останавливаются передъ ложью и клеветою. Стало быть, никто не удивится новымъ проявленіямъ ихъ упорнаго безстыдства.

par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rébellon polonaise, il se trouve enoncé dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie qu'il a fait paraître dans le tems.

Puisque cependant le s. Lelevel semble éprouver de l'interêt sur le sort de ce poéte relegué aux confins reculés de l'Empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présense de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son Souverain avec bonté et bienveillance [20]).

*

14 Апрѣля. Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2.000 билетовъ

*

16-го. Вчера проводилъ Н. Н. [21]) до Ижоры. Возвратясь нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ Субботу, ни къ обѣднѣ въ Вербное Воскресенье. Такъ и вышло. Ж. сказалъ мнѣ, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить. Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выдетъ указъ о томъ, что уничтожается право Русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

---

[20]) ....Исказивъ такимъ образомъ въ пользу своихъ намѣреній исторію прошедшихъ вѣковъ, г-нъ Лелевель столь же не церемонится съ исторіею новаго времени. Въ этомъ случаѣ онъ послѣдователенъ. Онъ по своему изображаетъ постепенное развитіе революціоннаго начала въ Россіи; онъ ссылается на одного изъ лучшихъ Русскихъ поэтовъ нашего времени, дабы примѣромъ его заявить о политическомъ направленіи Русскаго юношества. Мы не знаемъ, сочинялъ ли Пушкинъ въ ту эпоху, когда необыкновенное дарованіе его находилось въ броженіи и еще не установилось, тѣ строфы, которыя приводитъ Лелевель; но мы навѣрное можемъ утверждать, что онъ особенно пожалѣетъ о первыхъ опытахъ своей музы, коль скоро они послужили врагу его отечества поводомъ предполагать въ немъ какое-либо сходство съ его мыслями и намѣреніями. Что касается до сужденія Пушкина о Польскомъ мятежѣ, то оно выражено въ его стихахъ Клеветникамъ Россіи, которые тогда же имъ напечатаны. Г-нъ Лелевель повидимому принимаетъ участіе въ судьбѣ этого поэта, будто бы удаленнаго на крайніе предѣлы Имперіи, и потому намъ пріятно довести до его свѣдѣнія, что Пушкинъ находится въ Петербургѣ и прибавить, что его часто встрѣчаютъ при дворѣ, гдѣ онъ пользуется милостивымъ вниманіемъ своего Государя.

[21]) Свою жену Наталью Николаевну.

*

Середа на святой недѣлѣ. Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ обтиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ К. И. З. [22]) Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Мердеръ умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. В. К. еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новогородскій пріѣхалъ въ Пб. и явился къ Блудову [23]) съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній на счетъ бумагъ у графа находящихся. Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками о минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и тоже. Одна См. [24]) по прежнему мила и холодна къ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить, а страшно за нее.

Вышелъ указъ о Русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ; онъ есть явное нарушеніе права, даннаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1 Мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича [25]) въ Екатерингофѣ, обрушилась, и нѣсколько людей бывшихъ на ней ушиблись. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хв(остовымъ) нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы Русской скупость,

---

[22]) Екатериною Ивановною Загряжскою.

[23]) Тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ.

[24]) Александра Осиповна Смирнова урожд. Россети, къ которой Пушкинъ написалъ извѣстное посланіе: «Къ тревогѣ пестрой и безплодной большаго свѣта и двора, ты сохранила взоръ холодный, простое сердце, умъ свободный», и проч.

[25]) Графъ Милорадовичъ былъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ при Александрѣ Павловичѣ.

Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова [26]) свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouir son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole etc. [27])

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ, будетъ графъ Ламберъ и съ нимъ его супруга? Зовите-жъ и Лаваль.

*

21. Вчера обѣдалъ у См. съ Полетикой [28]), съ Вел. и съ Жук. Разговоръ коснулся Екатерины. Пол. разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: Ахъ, ты мой красавецъ! Чертковъ былъ очень дуренъ лицемъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отечеству), а я его помню и могу васъ увѣрить, что онъ очень былъ не дуренъ.

*

2 Іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена. Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec [29]). Гос. не хотѣлъ принять Каннинга (Sdratford), потому что, будучи вел. кн., имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

*

26 Мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ [30]), отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся вел. княгинѣ [31]). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій (славный цензоръ). В. к. спросила

---

[26]) Министра юстиціи.

[27]) Тутъ должны играть роль Мольеръ съ Тартюфомъ, и что еще болѣе, Ламберъ обѣщался быть у меня.—Пушкинъ смѣивался надъ толстотою графини Ламберъ.

[28]) Петръ Ивановичъ Полетика, нѣкогда посланникъ въ Америкѣ и «Очарованный Челнъ» въ Арзамаскомъ обществѣ. Его письма къ графу С. Р. Воронцову будутъ въ скоромъ времени напечатаны; въ нихъ изобразился этотъ достопамятный человѣкъ.

[29]) Но Медемъ совсѣмъ молодой человѣкъ, т. е. молокососъ.

[30]) Князя Петра Ивановича и княгиню Екатерину Николаевну, дочь Карамзина. Пушкинъ былъ очень близокъ съ этимъ почтеннымъ семействомъ.

[31]) Еленѣ Павловнѣ.

его: Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît. Oui, v. a. i. отвѣчалъ онъ: la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice [32]). В. кн. скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачовѣ.

Вчера вечеръ у К. А. [33]). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшіе нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяз., Жук. и Пол. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ І-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

*

3 Іюня обѣдали мы у Вяз., Жук., Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова...

Генералъ Болховскій хотѣлъ писать свои Записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишеневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! Да о чемъ ты будешь писать? Что̀ ты видѣлъ?—Что̀ я видѣлъ, возразилъ Б. Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ...

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы... Вотъ сужденіе о немъ: C'était un esprit éminnement conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre [34]) etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, и это у насъ рѣдко. И за то спасибо!

*

22 Іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я со дворомъ; но все перемѣнилось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицомъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красенъ.

*

9 Августа. Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Госу-

---

[32]) Должно быть, вамъ очень скучна обязанность читать все что выходитъ.—Да, ваше императорское высочество: нынѣшняя словесность такъ отвратительна, что это пытка.

[33]) Екатерины Андреевны Карамзиной.

[34]) Это былъ умъ необыкновенно соглашающій; никому такъ не удавалось рѣшать затруднительные вопросы, приводить къ единогласію различныя мнѣнія и пр.

дарь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Пб., никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто не идетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что Государь его требуетъ и что фельдъегерь за нимъ пріѣхалъ. Тр. встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ Зимнему дворцу. Тр. не можетъ понять что̀ съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половину в. кн. Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ происшедшей въ государствѣ У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ Императоромъ. Трощин. нашелъ Государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: будь моимъ руководителемъ. Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ и подписанъ Государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28 Ноября. Я ничего не записывалъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Пб. за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобъ не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. Какіе мы разбойники! говорили мнѣ они: намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь. Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ [35]) и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ Заводахъ [36]) прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Н. Н. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я предъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно.—Воротился къ 15 Окт. въ Пб., гдѣ и проживаю. Пугачовъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Ве-

[35]) Тарутино, имѣніе графа С. П. Румянцова, который поставилъ тамъ памятникъ побѣды, одержанной надъ Французами въ 1812 году.

[36]) Т. е. въ Полотняныхъ Заводахъ, имѣніи Гончаровыхъ.

чоръ онъ пріѣхалъ. В. кн. Мих. Павл. привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 часа.

*

5 Дек. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, молокососами 18-ми лѣтними. Царь разсердится. Да что мнѣ дѣлать?

*

Этимъ оканчиваются сдѣланныя нами выписки. Настанетъ время, когда все, что сохранилось изъ Записокъ Пушкина, будетъ обнародовано. Нѣкоторыя мѣста очень важны, наприм. то, гдѣ Пушкинъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ Кишиневскимъ своимъ знакомцемъ, участникомъ Ипсилантіевскаго возстанія 1821 года, княземъ Суцою, и какъ тотъ изумился, узнавъ отъ Пушкина, что императора Александра Павловича увѣрилъ, будто Греческое возстаніе есть только вѣтвь зловреднаго карбонаризма никто иной какъ Пестель.... Любопытенъ также разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, отчасти приведенный у Анненкова (Вѣстн. Европы, 1880 г. 6). П. Б.

ПИСЬМА КЪ А. С. ПУШКИНУ

I. Барона А. А. Дельвига.

1.

1824-го 10 Сентября.

Милый Пушкинъ! Письмо твое и Прозерпину я получилъ и тоже въ день полученія благодарю тебя за нихъ. Прозерпина не стихи, а музыка: это—пѣнье райской птички, которое слушая, не увидишь какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы [1]). Сквозь нихъ, еще въ Лицеѣ, меня часто выталкивали изъ Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя истина. Подобныхъ цвѣтовъ морозъ не тронетъ! Князь Вяземскій пѣть можетъ сколько угодно, а стиховъ мнѣ пришлетъ. Я повторилъ вызовъ, гдѣ подстрекаю его подарками твоими, Жуковскаго и Дашкова. Жуковскій дастъ мнѣ переводъ Водолаза Шиллера. Цвѣты мои печатаются. Въ первыхъ числахъ Декабря увидишь ихъ. Посланіе къ Богдановичу [2]) исполнено красотами; но ты угадалъ: оно въ несчастномъ родѣ дидактическомъ. Холодъ и суевѣріе Французское пробиваются кой-гдѣ. Что̀ дѣлать? Это пройдетъ! Баратынской недавно познакомился съ романтиками, а правила Французской школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но ужъ онъ начинаетъ отставать отъ нихъ. На дняхъ пишетъ, что у него готово полторы пѣсни какой-то романтической поэмы. Съ первой почтой обѣщаетъ мнѣ прислать; а я тебѣ доставлю и ее и прочія пьесы его, которыя теперь въ цензурѣ. Пришлю тебѣ и моихъ Купальницъ. Объ нихъ Левъ [3]) вѣрно разсказалъ тебѣ.

Благодарю тебя за похвалу и замѣчанія. Чего добраго, ты заставишь меня написать поэму. Грѣхъ на твоей душѣ будетъ. «И насъ

---

[1]) Стихи въ Прозерпинѣ:

И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукою
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

[2]) Извѣстное стихотвореніе Баратынскаго, находившагося тогда въ Финляндіи, рядовымъ солдатомъ.

[3]) Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ жилъ тогда временно въ Михайловскомъ.

тогда плѣняли эполеты» я перемѣню; но скажи, одно ли блѣдное слово плѣняли тебѣ не нравится и не почитаешь ли ты эполеты анахронизмомъ, которые при Екатеринѣ тоже носились? Впрочемъ я ихъ всячески не оставлю.

Теперь дѣло о деньгахъ. Ежели ты хочешь продать второе изданіе Руслана, Плѣнника и ежели можно Бахчисарайскаго Фонтана, то пришли мнѣ довѣренность. Объ этомъ меня трое книгопродавцевъ просятъ; ты видишь, что я могу произвести между ними торгъ и продать выгодно твое рукодѣлье. Изданія же будутъ хороши. Ручаюсь.

Сергѣю Львовичу, Надеждѣ Осиповнѣ и Ольгѣ Сергѣевнѣ мое почтеніе. Льву скажи, что я съ нимъ не помирюсь на одно письмо. Только что все приведу въ порядокъ, буду у тебя. Да нѣтъ ли, братъ, у тебя какой прозы удобо-пропущаемой цензурою? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спросъ: не вздумаешь ли ты дать мнѣ стиховъ двадцать изъ Евгенія Онѣгина? Это хорошо бы было для толпы, которая не пойметъ всей красоты твоей Прозерпины или Демона, а ужъ про Онѣгина давно горло деретъ. Подумайте, ваше Парнасское величество. Обнимаю тебя. Матюшкинъ тебѣ кланяется и слѣпецъ Козловъ, который только что и твердитъ о тебѣ, да о Байронѣ. Люби Дельвига.

2.

Великій Пушкинъ, маленькое дитя! Иди, какъ шелъ, т. е. дѣлай, что̀ хочешь; но не сердись на мѣры людей и безъ тебя довольно напуганныхъ! Общее мнѣніе для тебя существуетъ и хорошо мститъ. Я не видалъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели-бъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ, бьюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей Русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами нашими, какъ ты. Чего тебѣ не достаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ? Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради! Употреби получше время твоего изгнанія [1]). Продавъ второе изданіе твоихъ сочиненій, пришлю тебѣ и денегъ и, ежели хочешь, новыхъ книгъ. Объяви только волю, какихъ и много ли. Журналы всѣ будешь получать. Сестра, братъ, природа и чтеніе: съ ними не умрешь со скуки. Я развѣ буду навозить ее. Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ!

[1]) Замѣчательное совпаденіе съ письмами, которыя Пушкинъ получалъ изъ Москвы отъ князя П. А. Вяземскаго (Р. Арх. 1879); только тотъ прибавлялъ, что нечего увлекаться благоволеніемъ толпы.

Квартальныхъ некому бить. Мертво и холодно или, иначе, свѣжо и прохладно!

Съ пріѣзда Воейкова изъ Дерпта и съ появленія Булгарина литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлеца погоняетъ. Ѣздятъ въ Грузино, перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ. Офицеры занимаются новопривезенными изъ Варшавы темпами. Теперь мѣра всѣхъ артикуловъ вотъ какая: разъ, два, три. Карамзинъ теперь въ отчаяніи. Для него одно счастіе—наслаждаться лицезрѣніемъ нашего великодушнаго и благословеннаго Монарха. А онъ путешествуетъ! Жуковскій, я думаю, погибъ невозвратно для поэзіи. Онъ, учитъ великаго князя Александра Николаевича Русской грамотѣ и, не шутя говорю, все время посвящаетъ на сочиненіе азбуки. Для каждой буквы рисуетъ фигурку, а для складовъ картинки. Какъ обвинять его! Онъ исполненъ великой идеи: образовать, можетъ быть, Царя. Польза и слава народа Русскаго утѣшаетъ несказанно сердце его. Но я заболтался; пора перестать. Благодарю за Онѣгина. Льва цѣлую, но не пишу ему. Первое, за нимъ письмо еще: а второе, некогда. Завтра вашъ человѣкъ рано уѣзжаетъ. Пиши ко мнѣ чаще; я твой вѣрный отвѣтчикъ. Спѣшу скорѣе отдѣлаться отъ Цвѣтовъ, чтобъ обнять тебя физически.

Дельвигъ

28 Сент. (1824).

3.

20 Марта (1825).

Милый Пушкинъ! Вообрази себѣ, какъ меня судьба отдаляетъ отъ Михайловскаго. Я ужъ былъ готовъ отправиться за Просковьей Александровной [5]) къ тебѣ; вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ отецъ и беретъ съ собою въ Витебскъ. Отлагаю свиданье наше до 11-го Марта, и тутъ вышло не по моему. На четвертый день пріѣзда моего къ своимъ попадаюсь въ руки короткой знакомой твоей, въ руки горячки, которая посѣтила меня не одна, а съ воспаленіемъ въ правомъ боку и груди. Кровопусканіе и Шпанскія мухи сократили посѣщеніе, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выѣхать изъ Витебска въ Четвергъ на Святой недѣлѣ, слѣдственно въ Субботу у тебя буду. Изъ Петербурга я нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ; но у меня былъ человѣкъ немного свободно-мыслящій: онъ не полагалъ за нужное отправлять мои письма на почту. Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое въ началѣ Страстной недѣли, то еще успѣешь отвѣчать мнѣ, когда найдешь это пріятнымъ для себя. Я ничего не знаю Петербургскаго, и ты меня

[5]) Осиповой.

можешь поподчивать новостями онаго, хотя литературныя новости наши болѣе скучны и досадны нежели занимательны. Онѣгинъ твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпѣніемъ читать продолженіе его, которое должно быть, судя по первой главѣ, любопытнѣе и любопытнѣе.

Цѣлую крылья твоего генія, радость моя.

Прощай, до свиданья. Дельвигъ.

Отецъ, мать и сестра Антонида тебѣ кланяются.

4.

Милый Пушкинъ! Посылаю тебѣ и Прасковьѣ Александровнѣ насилу разцвѣтшіе Сѣверные Цвѣты. Желаю, чтобъ они тебѣ показались. Я было, выпросивши у тебя позволеніе напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку; да что дѣлать съ нашими скотами-академиками? Ни одинъ не могъ сдѣлать что нибудь сносное. Съ досады нашъ Дельвигъ бросился къ Григоровичу [6]), уговорилъ его написать статью о Русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти Русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго. Пора имъ привыкнуть къ альманачному вкусу! Къ будущему году надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну; надѣюсь лично отъ тебя получить лучшіе цвѣты для моего парника или теплицы. Отъ Баратынскаго тоже. Деньги твои я взялъ, какъ хорошій министръ финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты. Я купилъ у Баратынскаго Эду и его сочиненія, и Эда, продаваясь, въ скоромъ времени погаситъ совершенно мой долгъ. Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвѣщенныхъ внуковъ; надежды же близкія, земныя, оставь на старанія друзей твоихъ и доброй матери твоей. Онѣ очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронаціи тогда можно будетъ просить царя, тогда можно отъ него ждать для тебя новой жизни. Дай Богъ только, чтобъ она полезна была для твоей поэзіи. Прощай, обнимаю тебя.

7 Апрѣля (1826).

5.

Милый мой Пушкинъ! До тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Госу-

---

[6]) Конференцъ-секретарь Академіи Художествъ.

дарь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ, такъ какъ должно было ожидать всѣмъ знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ Славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета [7]. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михайла Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. Какъ отъ сумасшедшаго, отъ него можно всего ожидать; какъ отъ злодѣя—ничего.

По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться, быть можетъ, за долгое мое молчаніе. Исправься, душа моя, отъ такого грѣха; будь человѣкомъ, не будь звѣремъ! Пиши ко мнѣ по прежнему; за то я буду отвѣчать не по прежнему, т. е. акуратнѣе. Сѣверные Цвѣты давно готовы, одинъ Дашковъ [8]) не совсѣмъ вы простался, а такого одного ждутъ съ охотою семеро.

Твоя 2-я пѣснь Онѣгина вездѣ читается и переписывается. Я не только что никому ея не давалъ, да и самъ не имѣю. Твой экземляръ отдалъ Вяземскому, и для Цвѣтовъ тобою назначенные куплеты его жена мнѣ и переписала и прислала. Дѣла поправить нечѣмъ другимъ, какъ прислать ее съ третьей къ Плетневу и приказать печатать.

Поздравленіе съ Борисомъ Годуновымъ я было писалъ на огромномъ листѣ, да отъ радости до сихъ поръ не окончилъ. Царицамъ горъ [9]) мое почтеніе. Прощай.

Твой Дельвигъ.

(1826).

6.

Поздравляемъ тебя, милый Пушкинъ, съ перемѣной судьбы твоей. У насъ даже люди прыгаютъ отъ радости. Я съ братомъ Львомъ развезъ прекрасную новость по всему Петербургу. Плетневъ, Козловъ, Гнѣдичъ, Слѣнинъ, Кернъ, Анна Николаевна, всѣ прыгаютъ и поздравляютъ тебя. Какъ счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать: она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь ихъ счастія упорнымъ мол-

---

7) Кюхельбекеръ былъ тощъ и длиненъ.
8) Статья Д. В. Дашкова о путешествіи въ Турціи.
9) Т. е. жителямъ Тригорскаго.

чаніемъ. Ты напишешь имъ. Они доказали тебѣ любовь свою Душа моя, меня пугаетъ положеніе твоей няни. Какъ она перенесла совсѣмъ неожиданную разлуку съ тобою? Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаяннымъ письмомъ. Обними Баратынскаго и Вяземскаго и подумайте, братцы, объ моихъ Цвѣтахъ. Не осрамите моихъ сѣдинъ передъ Ѳедоровымъ. За канцелярскія услуги А. И. Тургеневъ наградилъ его статьями Карамзина и Батюшкова. Каково это! Уродливый боецъ выступитъ въ состязаніе съ заслуженнымъ атлетомъ и побѣдитъ его. Ради Бога, собирая ѳиміамъ себѣ, вербуй хорошенькія пьески мнѣ, а болѣе всего своего, Вяземскаго и Евгенія. Тебѣ и Дмитріевъ не откажетъ, хоть бы страничку, изъ его журнала [10]). Надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну. Да пиши ко мнѣ подробнѣе обо всемъ, а поласковѣе къ отцу, матери, роду-племени. Пиши скорѣе къ намъ; увѣдомь, куда посылать къ тебѣ деньги и письма и сколько ты останешься въ Москвѣ. Прощай, радость моя; оканчиваю письмо это, чтобы приняться утѣшить и обрадовать Прасковью Александровну.

Жена моя тебѣ кланяется очень. Между тѣмъ позволь мнѣ завладѣть стихами къ Аннѣ Петровнѣ [11]). Еще прощай. Guten Tag.

Твой Дельвигъ.

(1826).

7.

Милый другъ! Бѣднаго Веневитинову ты уже вѣроятно оплакалъ. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединеніе прекрасныхъ дарованій съ прекрасною молодостью! Письмо твое ко мнѣ или обо мнѣ не дошло до меня; только оно дало пищу больному воображенію несчастнаго друга. Онъ бредилъ объ немъ и все звалъ меня. Въ день его смерти я встрѣтился съ Хвостовымъ и чуть было не разругалъ его, зачѣмъ онъ живетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смерть неразборчиво жадна къ хорошему! Сколько людей можно бы ей указать, и какъ бы она могла быть полезна и пріятна! Не тутъ-то было! Ей вѣрно хочется насъ увѣрить, что она слѣпа, какъ Амуръ-дура.

Благодарю тебя за вѣсти обо Львѣ. Я, читая письмо твое, живо видѣлъ его, влюбленнаго и пресыщеннаго жизнію. Для того, думаю, ему полезенъ будетъ Кавказъ и армейскій полкъ. Пускай потрется, поживетъ, узнаетъ, съ кѣмъ онъ шутитъ, т. е. жизнь. Ему только того и недостаетъ, чтобъ быть совершенно милымъ. И пьетъ онъ, какъ я замѣтилъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ вину. Онъ толку въ винѣ не знаетъ, пьетъ, чтобы перепить другихъ, и я никакъ не могъ убѣдить его, что это смѣшно. Ты также молодъ

---

[10]) Т. е. изъ Записокъ.

[11]) Кернъ.

былъ, какъ нынѣ молодъ онъ; помнишь, сколько изъ молодечества выпилъ лишняго? Пускай и онъ пьетъ: онъ пьяницей не будетъ. У него умъ ростетъ еще и ростетъ хорошо. Увидишь, каковъ выростетъ.

Надѣюсь Цыгановъ получить отъ тебя одинъ экземпляръ; довольно съ тебя будетъ, что я Онѣгина вторую главу ждалъ долго понапрасну и купилъ. Цвѣты получишь на будущей недѣлѣ; теперь переплетаются. Прощай, обнимаю тебя.

Дельвигъ.

21-го Марта (1827).

8.

Хлопочи, хлопочи обо мнѣ, братъ Пушкинъ, и пожалѣй меня: добрый отецъ мой умеръ. Скажи о моей печали почтеннѣйшему Сергѣю Львовичу и Надеждѣ Осиповнѣ. Я увѣренъ, они примутъ живое участіе въ горѣ моемъ. Цѣлую ручки у Надежды Осиповны, Ольги Сергѣевны, Павлищеву кланяюсь. Въ Августѣ увижусь съ тобой. Жена моя цѣлуетъ тебя въ геніальный лобъ. Будь здоровъ.

Твой Дельвигъ.

(1828).

9.

Ваше поэтическое высокопревосходительство! Честь имѣю донести вамъ, что я уже 10 дней нахожусь въ г. Харьковѣ, гдѣ не престаю говорить объ васъ съ гг. профессорами, судящими о васъ по рекомендаціи Ѳадея Венедиктовича. Напр. слышалъ я отъ нихъ, что вышеупомянутая персона ставитъ Цыгановъ выше всѣхъ произведеній Европейскихъ музъ. Горько мнѣ было молчать; но, подумавъ, что великія тѣни Гомера, Данте и Шекспира сами могутъ за себя говорить, оставилъ я намѣреніе возражать противу сего афоризма. При томъ же помыслилъ: да будетъ Булгаринъ пророкомъ хотя во градѣ Харьковѣ и да скажетъ онъ, услыша, какъ здѣсь вѣрятъ въ слова его: «вѣры такой и въ Израилѣ не обрѣтохъ». — Проѣзжая первопрестольный градъ Москву, ходилъ я на поклоненіе къ покловяемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитріеву и приложился къ мощамъ преподобнаго дядюшки вашего. Почтенные братья, князь Петръ и Евгеній, представили меня всей низшей братіи Московской. Видѣлъ и поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголющихъ. Шевыревъ пѣлъ, вопіялъ и взывалъ, но не глаголилъ; гнѣвъ противу Сѣверной Пчелы носилъ его на крыліяхъ вѣтра: онъ не касался до земли, развѣ изрѣдка носками сапожными. Раичъ благоухалъ анисовою водкою и походилъ на отпущенника или на домовою піиту; хвалился милостію вашею и проч. Благослови, святый Александръ, брата младшаго твоего Антонія и посѣти будущіе Сѣ-

верные Цвѣты его духомъ животворящимъ, яко же посѣщалъ ихъ прежде. Здравія и долгоденствія желаетъ тебѣ, братъ любезнѣйшій, и супруга его—Софія.

Твой Дельвигъ.

(1828).

10.

Два письма со стихами получилъ отъ тебя, другъ Пушкинъ, и скажу тебѣ, что, не смотря на мое краснорѣчіе, городъ Петербургъ полагаетъ отсутствіе твое не безцѣльнымъ. Первый голосъ сомнѣвается, точно ли ты безъ нужды уѣхалъ, не проигрышъ ли какой былъ причиною; второй увѣряетъ, что ты для матеріаловъ 7-й пѣсни Онѣгина отправился; третій утверждаетъ, что ты остепенился и въ Торжкѣ думаешь жениться; четвертый догадывается, что ты составляешь авангардъ Олениныхъ, которые собираются въ Москву. Я ничего не думаю; а желаю тебя поскорѣе увидѣть и вмѣстѣ съ Баратынскимъ, который, если согласится ѣхать въ Петербургъ, найдетъ меня въ ономъ. Въ противномъ же случаѣ закопаюсь въ Смоленскую крупу, какъ Мазепа въ Войнаровскомъ закутался въ плащъ.

Благодари любезнѣйшую Прасковью Александровну за добрыя воспоминанія. Воспользуюсь первыми солнечными днями, отпечатаю свою фигуру и пришлю ей нѣсколько экземпляровъ; желалъ бы оригиналомъ попасть къ ней, но нельзя. «Балъ» отпечатанъ, въ Пятницу будетъ продаваться. Цвѣты цвѣтутъ славно: Жуковскій далъ слишкомъ 800 стиховъ; Крыловъ—3 басни, твоихъ 16 пьесъ и пр. и пр. Гнѣдичъ классически обнимаетъ романтическую фигуру твою; жена присѣдаетъ на чопорный поклонъ твой; я просто цѣлую тебя и желаю здравія. Прощай.

Твой Дельвигъ.

3-го Декабря
1828. С.-Петербургъ.

Адресъ: «Александру Сергѣевичу Пушкину, Тверской губерніи въ Торжокъ».

11.

Милый Пушкинъ! Поздравляю тебя; наконецъ, ты образумился и вступаешь въ порядочные люди. Желаю тебѣ быть столько же счастливымъ, сколько я теперь. Я отецъ дочери Елисаветы. Чувство, которое, надѣюсь, и ты будешь имѣть, чувство быть отцемъ, истинно поэтическое, не постигаемое холостымъ вдохновеніемъ. Но все это въ сторону. Доволенъ ли ты продолженіемъ Газеты? [*]) Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню; но подлъ по прежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ чита-

[12]) Литературной.

тели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, человѣкомъ дѣлающимъ противузаконное, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ Его Величествомъ. Государю, тебя ласкающему, пріятно будетъ найдти тебя правымъ. Вотъ какъ искательные подлецы часто могутъ марать добрыхъ людей, безпечныхъ по незнанію ихъ мерзостей и увѣренныхъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и дѣйствій. Будь здоровъ. Цѣлую ручку у милой твоей невѣсты. Жена и дочь тебѣ кланяются.

Прощай. Дельвигъ.

8 Мая (1830).

12.

Съ полученіемъ сего письма, радость-душа моя, садись за бумагу и напиши мнѣ всѣ піесы для Сѣверныхъ Цвѣтовъ, тобою приготовленныя. Нынче онѣ мнѣ помогутъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Литературная Газета выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданическія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочатъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія; а я слыву карбонаріемъ, я Русскій, воспитанный Государемъ, отецъ семейства и ожидающій отъ Царя помощи матери моей и сестрамъ и братьямъ.

Цѣлую тебя, душа моя, и жду отъ тебя утѣшенія, то есть не увѣреній въ участіи (я знаю, что ты меня любишь), но стиховъ, стиховъ, стиховъ! Мнѣ надо ихъ. Слышишь ли, Болдинской помѣщикъ?

Прощай. Твой Дельвивъ.

(1830)

Это было послѣднее письмо барона Дельвига, который не могъ вынести рѣзкаго обращенія графа Бенкендорфа, заболѣлъ послѣ разговора съ нимъ и умеръ въ Январѣ слѣдующаго года. Конечно Дельвигъ, съ его безукоризненною дѣятельностью, съ его твердымъ умомъ, былъ силою охранительною въ сферѣ внутренней политики, и тѣмъ не менѣе онъ палъ жертвою подозрительности, внушенной иноземцами. П. Б.

II. Н. В. Гоголя.

1.

16 Авг. Спб.

Приношу повинную голову, что не устоялъ въ своемъ обѣщаніи по странному случаю. Я никакъ не могъ думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома въ Петербургѣ, и преспокойно ѣхалъ въ намѣреніи остановиться возлѣ васъ; но вышло иначе. Я спохватился уже поздно; а сопутницы мои, спѣшившія къ карантину для свиданія съ мужьями, никакимъ образомъ не захотѣли склониться на мою просьбу и потерять нѣсколько минутъ. Если же посылка ваша можетъ немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказалъ (она думаетъ ѣхать въ Среду) заслать за нею къ вамъ, и тогда она будетъ доставлена въ мои руки. Я только что пріѣхалъ въ городъ и никого еще не видалъ. Здѣсь я узналъ большую глупость моего корреспондента. Онъ, получивши на имя мое деньги и знавши, что я непремѣнно буду къ 15 числу, послалъ ихъ таки ко мнѣ на имя ваше въ Царское Село вмѣстѣ съ письмомъ: и вамъ теперь, и мнѣ новое затрудненіе. Но вы снисходительны и великодушны. Можетъ быть, и ругнете меня лихимъ словомъ; но гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Письмо съ деньгами вы можете также отдать для отправки ко мнѣ Васильчиковой. Теперь ничего не пишу къ вамъ, потому что собираюсь дня черезъ три писать снова. Адресуйте ко мнѣ въ Институтъ Патріотическаго Общества на Васильевскомъ острову.

Вашъ Гоголь.

2.

Спб. Августа 21.

Насилу теперь только управился я съ своими дѣлами и получилъ маленькую осѣдлость въ Петербургѣ. Но и теперь еще половиною, (что я половиною!) цѣлыми тремя четвертями, нахожусь въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ скучно до нестерпимости. Холера всѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы встрѣтиться между собою. У Плет-

нева я былъ, отдалъ ему въ исправности ваши посылку и письмо. Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни. Кстати о черни. Знаете ли, что врядъ ли кто умѣетъ лучше съ нею изъясняться какъ нашъ общій другъ Александръ Анфимовичъ Орловъ. Въ предисловіи къ новому своему роману: Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, онъ говоритъ, обращаясь къ читателямъ: «Много, премного у меня романовъ въ головѣ (его собственныя слова), только всѣ они сидятъ еще въ головѣ; да такіе бойкіе ребятишки эти романы, — такъ и прыгаютъ изъ головы; но нѣтъ, не пущу до время; а послѣ извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте, извольте! Охъ, вы, мои други сердечные, народецъ православный!» Послѣднее обращеніе такъ и задѣваетъ за сердце Русскій народъ. Это совершенно въ его духѣ, и здѣсь-то не шутя рѣшительный перевѣсъ Александра Анф. надъ Ѳадеемъ Бенедикт. Другой пріятель нашъ Бестужевъ-Рюминъ здравствуетъ и недавно еще сказалъ въ своей газетѣ: «Должно признаться, что Сѣверный Меркурій побойче таки иныхъ Литературныхъ Прибавленій». Какъ-то теперь долженъ бѣситься Воейковъ; а онъ, я думаю, воображалъ, что бойче Литер. Прибавленій нѣтъ ничего на свѣтѣ. Еще о черни. Знаете ли, какъ бы хорошо написать эстетическій разборъ двухъ романовъ, положимъ: Петра Ивановича Выжигина и Соколъ; былъ бы соколъ, да курица съѣла. Начать такимъ образомъ, какъ теперь начинаютъ у насъ въ журналахъ: «Наконецъ, кажется, приспѣло то время, когда романтизмъ рѣшительно восторжествовалъ надъ классицизмомъ, и старые поборники Франц. на ходульныхъ ножкахъ (что нибудь въ родѣ Надеждина) убрались къ чорту. Въ Англіи Байронъ, во Франціи необъятный величестью своею Викторъ Гюго, Дюканжъ и другіе, въ какомъ нибудь проявленіи объективной жизни, воспроизвели новый міръ ея нераздѣльно-индивидуальныхъ явленій. Россія, мудрости правленія которой дивятся всѣ образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также въ одномъ положеніи. Вскорѣ возникли и у ней два представителя ея преображеннаго величія. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгаринѣ и Орловѣ. На одномъ изъ нихъ, т. е. на Булгаринѣ означено направленіе чисто Байронское (вѣдь эта мысль не дурна—сравнить

Булгарина съ Байрономъ): таже гордость, таже буря сильныхъ, непокорныхъ страстей, рѣзко означившая огненный и вмѣстѣ мрачный характеръ Британскаго поэта, видны и на нашемъ соотечественникѣ; тоже самоотверженіе, презрѣніе всего низкаго и подлаго принадлежитъ имъ обоимъ. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего какъ повтореніе жизни Байрона; въ самыхъ даже портретахъ ихъ замѣтно необыкновенное сходство. На счетъ Алекс. Анфим. можно опровергать мнѣніе Ѳеофилакта Косичкина; говорятъ, что скорѣе Орловъ болѣе философъ, что Булгаринъ весь поэтъ». Тутъ не дурно взять героевъ романа Булгарина, Наполеона и Петра Ивановича, и разсматривать ихъ обоихъ, какъ чистое созданіе самого поэта; натурально, что здѣсь нужно вооружиться очками строгаго рецензента и приводить мѣста (какихъ, само по себѣ разумѣется, не бывало въ романѣ). Не худо присовокупить: «Почему вы, г. Булгаринъ, заставили Петра Ивановича открыться въ любви такъ рано такой-то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича съ Наполеономъ, или зачѣмъ въ самомъ мѣстѣ развязки впутали Поляка (можно придумать ему и фамилію даже)?» Все это для того, чтобы читатели видѣли совершенное безпристрастіе критика. Но самое главное—нужно соглашаться съ жалобами журналистовъ нашихъ, что дѣйствительно литературу нашу раздираетъ духъ партій ужаснымъ образомъ, и оттого никакъ нельзя подслушать справедливаго сужденія. Всѣ мнѣнія раздѣлены на двѣ стороны: одни на сторонѣ Булгарина, а другіе на сторонѣ Орлова, и что они, между тѣмъ какъ ихъ приверженцы нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ другъ на друга, совершенно не знаютъ между собою никакой вражды и внутренно, подобно всѣмъ великимъ геніямъ, уважаютъ другъ друга.

У насъ бываютъ дожди и необыкновенно сильные вѣтры; вчерашнюю ночь даже было наводненіе: дворы домовъ по Мѣщанской и Екатерининскому каналу и еще кое-гдѣ, а также и много магазиновъ, были наполнены водою. Я живу на третьемъ этажѣ и не боюсь наводненій; а кстати квартира моя во 2 Адмиралтейской части, въ Офицерской улицѣ, выходящей на Вознесенскій проспектъ, въ домѣ Брунста.

Прощайте. Да сохранитъ васъ Богъ вмѣстѣ съ Надеждою Николаевною *) отъ всего недобраго и пошлетъ здравье на вѣки. А также да будетъ Его благословеніе и надъ Жуковскимъ.

Вашъ Гоголь.

Первыя два письма должны быть отнесены къ 1831 году, когда Гоголь жилъ въ Павловскѣ, наставникомъ при молодомъ Василіи Алексѣевичѣ Васильчиковѣ, сынѣ Александры Ивановны Васильчиковой.

---

*) Гоголь ошибочно назвалъ Надеждою супругу Пушкина.

3.

13 Мая.

Я раздумавши увидѣлъ, что теперь писать къ Левашеву *) точно будетъ излишне. Это лучше сдѣлать тогда, когда я буду уже собираться въ дорогу и чрезъ меня. Теперь же я буду васъ безпокоить вотъ какою просьбою: если зайдетъ обо мнѣ рѣчь съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле-жива; при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, что живу здѣсь и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города; что доктора велѣли ѣхать сей же часъ и стараться захватить тамъ это время. И сказавши, что я могу весьма легко чрезъ мѣсяцъ протянуть совсѣмъ ножки, завесть рѣчь о другомъ, какъ то: о погодѣ или о чемъ нибудь подобномъ. Мнѣ кажется, что это не совсѣмъ будетъ безполезно.

Вѣчно вашъ Гоголь.

4.

23 Декабря 1833.

Если бы вы знали, какъ я жалѣлъ, что засталъ вмѣсто васъ одну записку вашу на моемъ столѣ. Минутой мнѣ бы возвратиться раньше, и я бы увидѣлъ васъ еще у себя. На другой же день я хотѣлъ непремѣнно побывать у васъ, но какъ будто нарочно все сговорилось пойти мнѣ на перекоръ: къ моимъ гемороидальнымъ добродѣтелямъ вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шеѣ цѣлый хомутъ платковъ. По всему видно, что эта болѣзнь запретъ меня на недѣлю. Я рѣшился однакожъ не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ былъ изъ тѣхъ, какихъ немало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ, человѣкъ ума недальняго. Грустно, когда некому оцѣнить нашей работы. Но Уваровъ собаку съѣлъ. Я понялъ его еще болѣе по тѣмъ бѣглымъ, исполненнымъ ума замѣчаніямъ и глубокимъ мыслямъ во взглядѣ на жизнь Гёте. Не говорю уже о мысляхъ его по случаю экзаметровъ, гдѣ столько философическаго познанія языка и ума быстраго. Я увѣренъ, что у насъ онъ болѣе сдѣлаетъ, нежели Гизо во Франціи. Во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать

*) Предсѣдателю Государственнаго Совѣта?

планъ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты *).

Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и Юга Россіи и напишу Всеобщую Исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ къ сожалѣнію не только на Руси, но даже и въ Европѣ, нѣтъ. А сколько соберу тамъ преданій, повѣрьевъ, пѣсенъ и проч.! Кстати, ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что онъ хочетъ оставить Московскій университетъ и ѣхать въ Кіевскій. Ему вреденъ климатъ. Это хорошо. Я его люблю. У него въ Естественной Исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на галиматью Надеждина. Если бы Погодинъ не обзавелся домомъ, я бы уговорилъ его проситься въ Кіевъ. Какъ занимательными можно сдѣлать университетскія записки; сколько можно помѣстить подробностей, совершенно новыхъ о самомъ краѣ! Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII-го вѣка. Теперь покамѣстъ до свиданія! Какъ только мнѣ будетъ лучше, явлюсь къ вамъ.

Вѣчно вашъ Гоголь.

5.

Вышла вчера довольно непріятная зацѣпа по цензурѣ, по поводу Записокъ Сумашедшаго; но, слава Богу, сегодня немного лучше; по крайней мѣрѣ я долженъ ограничиться выкидкою лучшихъ мѣстъ. Ну, да Богъ съ ними! Если бы не эта задержка, книга моя можетъ быть завтра вышла. Жаль однакожъ, что мнѣ не удалось видѣться съ вами. Я посылаю вамъ предисловіе; сдѣлайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, сурьезныхъ предисловій еще не писалъ, и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ.

Вѣчно вашъ Гоголь.

6.

Я до сихъ поръ сижу боленъ; мнѣ бы очень хотѣлось видѣться съ вами. Заѣзжайте часу во второмъ; вѣдь вы вѣрно будете въ это

*) Писано въ то время, когда между Уваровымъ и Пушкинымъ еще не было непріятностей, отравившихъ жизнь Пушкина. Министръ переводилъ на Французскій языкъ стихи «Клеветникамъ Россіи», а осенью этого (1833) года въ Москвѣ пригласилъ Пушкина въ университетъ, повелъ на лекціи и сказалъ студентамъ: «Вотъ вамъ сама поэзія!»

время гдѣ нибудь возлѣ меня. Посылаю вамъ два экземпляра Арабесковъ, которые, ко всеобщему изумленію, очутились въ 2-хъ частяхъ. Одинъ экземпляръ для васъ, а другой разрѣзанный для меня. Вы читайте мой и сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотъ же часъ ихъ всѣхъ на лицо. Мнѣ это очень нужно.

Пошли вамъ Богъ достаточнаго терпѣнія при чтеніи.

Вашъ Гоголь.

7.

7 Октября 1835.

Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ вамъ для замѣчаній. Я сижу безъ денегъ и рѣшительно безъ всякихъ средствъ; мнѣ нужно давать ее актерамъ на разъиграніе, что̀ обыкновенно дѣлается по крайней мѣрѣ за два мѣсяца прежде. Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько нибудь главныхъ замѣчаній.—Началъ писать Мертвыхъ Душъ. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь.

Сдѣлайте милость, дайте какой нибудь сюжетъ, хоть какой нибудь смѣшной или несмѣшной, но Русской чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Еслижъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что̀ дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе Чорта. Ради Бога: умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите Женитьбу. Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично.

Вашъ Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргородъ не идутъ совершенно. Чортъ ихъ знаетъ, что̀ это значитъ. Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ.

8.

Посылаю вамъ Утро Чиновника. Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру къ цензору, потому что онъ можетъ ее взять въ Ценз. Комитетъ вмѣстѣ съ Коляскою. Завтра утромъ засѣданіе.—

Да возьмите изъ типографіи статью о журнальной литературѣ. Мы съ вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое изъ остающагося у меня хвоста.—Я прошу сдѣлать такъ, чтобъ эта сцена шла впередъ, а за ней уже о литературѣ.

Н. Гоголь.

III. Кавалеристъ-дѣвицы (А. А. Дуровой).

1.

Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ. Титулы кажутся мнѣ смѣшны въ сравненіи съ славнымъ именемъ вашимъ.

Чтобъ не занять напрасно ни времени, ни вниманія вашего, спѣшу сказать, что̀ заставило меня писать къ вамъ. У меня есть нѣсколько листовъ моихъ Записокъ; я желалъ бы продать ихъ и предпочтительно вамъ. Купите, Александръ Сергѣевичъ! Прекрасное перо ваше можетъ сдѣлать изъ нихъ что нибудь весьма занимательное для вашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія. Цѣну назначьте сами; я въ этомъ дѣлѣ ничего не разумѣю и считаю за лучшее ввѣриться вамъ самимъ, вашей честности и опытности.

Много еще хотѣлъ бы я сказать о моихъ Запискахъ; но думаю, что вамъ некогда читать длинныхъ писемъ. И такъ упреждаю васъ только, что Записки были писаны не для печати, и что я, ввѣряясь уму вашему, отдаю вамъ ихъ, какъ онѣ есть, безъ перемѣнъ и безъ поправокъ.

Преданный слуга вашъ Александровъ.

Вятской губерніи, Елабуга.
5-го Августа 1835-го года.

2.

Не знаю что̀ мнѣ дѣлать, милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! Еще въ Апрѣлѣ послана была рукопись моя, въ трехъ тетрадяхъ, къ Мамышеву, въ Гатчино. Первыя двѣ онъ получилъ, но

послѣдняя пропала: я въ правѣ такъ думать, потому что шестой мѣсяцъ, какъ Мамышевъ ничего не отвѣчаетъ мнѣ. При этой последней тетради былъ и портретъ мой, писанный съ меня въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ моемъ и, разумѣется, въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ надобно было быть тогда. Я пишу Мамышеву, чтобъ онъ отослалъ къ вамъ мои Записки; но если вы не получили еще ихъ, прошу меня увѣдомить: я тотчасъ пришлю вамъ подлинникъ ихъ. Примѣрное несчастіе было бы, если бы и онъ пропалъ. Адресъ прошу дѣлать на собственное мое имя: Александрову въ Елабугѣ.

Искренно почитающій васъ Александръ Александровъ.

30 Сентября 1835 г.

3.

Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ.

Рукопись моя, вояжируя болѣе года, возвратилась наконецъ ко мнѣ. Я нѣсколько суевѣренъ, и такая неудача заставляетъ меня пережидать козни злаго рока. Лѣтомъ я пріѣду самъ съ моими Записками, чтобъ лично отдать ихъ подъ ваше покровительство; а теперь въ замѣну братъ посылаетъ вамъ мои Записки 12-го года, если вы найдете ихъ стоющими труда, чтобъ поправить. Онѣ не были присоединены къ тѣмъ, которыя были присланы вамъ изъ Гатчина. Можетъ быть, я сужу пристрастно, можетъ быть, я увлекаюсь воспоминаніями; но Записки 12-го года мнѣ кажутся интереснѣе первыхъ

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою, Александръ Александровъ.

4.

17-го Февраля 1836-го года.

Видѣться намъ, какъ замѣчаю, очень затруднительно: я не имѣю средствъ, вы времени. И такъ будемте писать, что̀ все равно: тотъ же разговоръ.

Своеручныя Записки мои прошу васъ возвратить мнѣ теперь же, если можно; у меня перепишутъ ихъ въ четыре дня и переписанныя отдамъ въ полную вашу волю, въ разсужденіи перемѣнъ, которыя прошу васъ дѣлать, не спрашивая моего согласія; потому что я только это и имѣлъ въ виду, чтобъ отдать ихъ на судъ и подъ покровительство таланту, которому не знаю равнаго; а безъ этого неодолимаго желанія привлечь на свои Записки сіяніе вашего имени, я давно бы нашелъ людей, которые купили бы ихъ или напечатали въ мою пользу.

Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моихъ приказаній. Вотъ моя покорнѣйшая просьба, первая, послѣдняя и единственная: дѣйствуйте безъ отлагательства. Что̀ удерживаетъ васъ показать мои Записки Государю, какъ онѣ есть? Онъ вашъ цензоръ. Вы скажете, что его дома нѣтъ, онъ на маневрахъ. Поѣзжайте туда: тамъ онъ вѣрно въ хорошемъ расположеніи духа, и Записки мои его не разсердятъ.

Дѣйствуйте или дайте мнѣ волю дѣйствовать; я не имѣю времени ждать. Полумѣры никуда не годятся. Нерѣшительность хуже полумѣръ; медленность хуже и того и другаго вмѣстѣ. Это—червь, подтачивающій корни прекраснѣйшихъ растеній и отнимающій у нихъ возможность принесть плодъ. У васъ есть враги; для чего же вы даете имъ время помѣшать вашему дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить меня ожидаемыхъ выгодъ?

Думалъ ли я когда нибудь, что буду говорить такую проповѣдь величайшему генію нашего времени, привыкшему принимать одну только дань хвалы и удивленія? Видно, время чудесъ опять настало, Александръ Сергѣевичъ! Но какъ я уже началъ писать въ этомъ тонѣ, такъ хочу и кончить. Вы и другъ вашъ Плетневъ сказали мнѣ, что книгопродавцы задерживаютъ вырученныя деньги. Этого я болѣе всего на свѣтѣ не люблю; это будетъ меня сердить и портить мою кровь. Чтобъ избѣжать такого несчастія, я рѣшительно отказываюсь отъ нихъ. Нельзя ли и печатать и продавать въ императорской типографіи? Тамъ, я думаю, не задержатъ моихъ денегъ.

Мнѣ такъ наскучила бездѣйственная жизнь и безполезное ожиданіе, что я только до 1-го Іюля обѣщаю вамъ терпѣніе; но съ 1-го, пришлете или не пришлете мнѣ мои Записки, дѣйствую самъ.

Александръ Сергѣевичъ! Если въ этомъ письмѣ найдутся выраженія, которыя вамъ не понравятся, вспомните, что я родился, выросъ и возмужалъ въ лагерѣ. Другаго извиненія не имѣю. Простите, жду отвѣта и рукописи.

Вамъ преданный Александровъ.

24-го Іюня 1836-го года

5.

Пришлите мнѣ мои листочки, Александръ Сергѣевичъ! Ихъ надобно сжечь, такъ я желалъ бы имѣть это удовольствіе поскорѣе. Я видѣлся съ княземъ Дундуковымъ, но рукописи ему еще не отдалъ. Имъ обоимъ, я думаю, не до того: у Петра Александровича *) жена при смерти.

*) Плетнева.

Позволите ли вы мнѣ помѣстить проданный вамъ отрывокъ во вторую часть?

Вашъ покорный слуга Александровъ.

31-го Іюля 1836-го года.

6.

Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ.

Имѣю честь представить вамъ вторую часть моихъ Записокъ. Извините, что не самъ лично вручаю вамъ ихъ; но я давно уже очень боленъ и боленъ жестоко. Дѣла мои приняли оборотъ самый дурной. Я было понадѣялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но, кажется, понадѣялся напрасно: врядъ ли скажутъ мнѣ и спасибо, не только чтобъ сдѣлать какую существенную пользу.

Простите, будьте счастливы.

Преданнѣйшій слуга вашъ Александръ Александровъ.

22-го Декабря 1836-го года.

Письма къ Пушкину напечатаны съ подлинниковъ, сообщенныхъ А. А. Пушкинымъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1880 Г.

*

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1880 ГОДА.

КНИГА ВТОРАЯ 1878.

Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева**.
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова**.
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ **Гильфердингу**.
Записки **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова**.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878.

Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму 1774- 1796.
Исторія пріобрѣтенія **Амура** и дипломатическія сношенія съ **Китаемъ**. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова**.
Бумаги **графа П. И. Панина**.
Записки **Саввы Текели**.

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879.

Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.** Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія графа С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879.

Наши сношенія съ Китаемъ.- Біографія Зорича съ его портретомъ.
Исторія Яицкаго войска. Письма князя Вяземскаго къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879.

Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги гр. Румянцева-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой.—Письма Хомякова къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Цѣна каждой книгѣ особо **3 рубля**.
Полное годовое изданіе стоитъ **8 рублей**.
Пересылка на счетъ Конторы Русскаго Архива.

ЦѢНА ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ

3 р. 50 к.